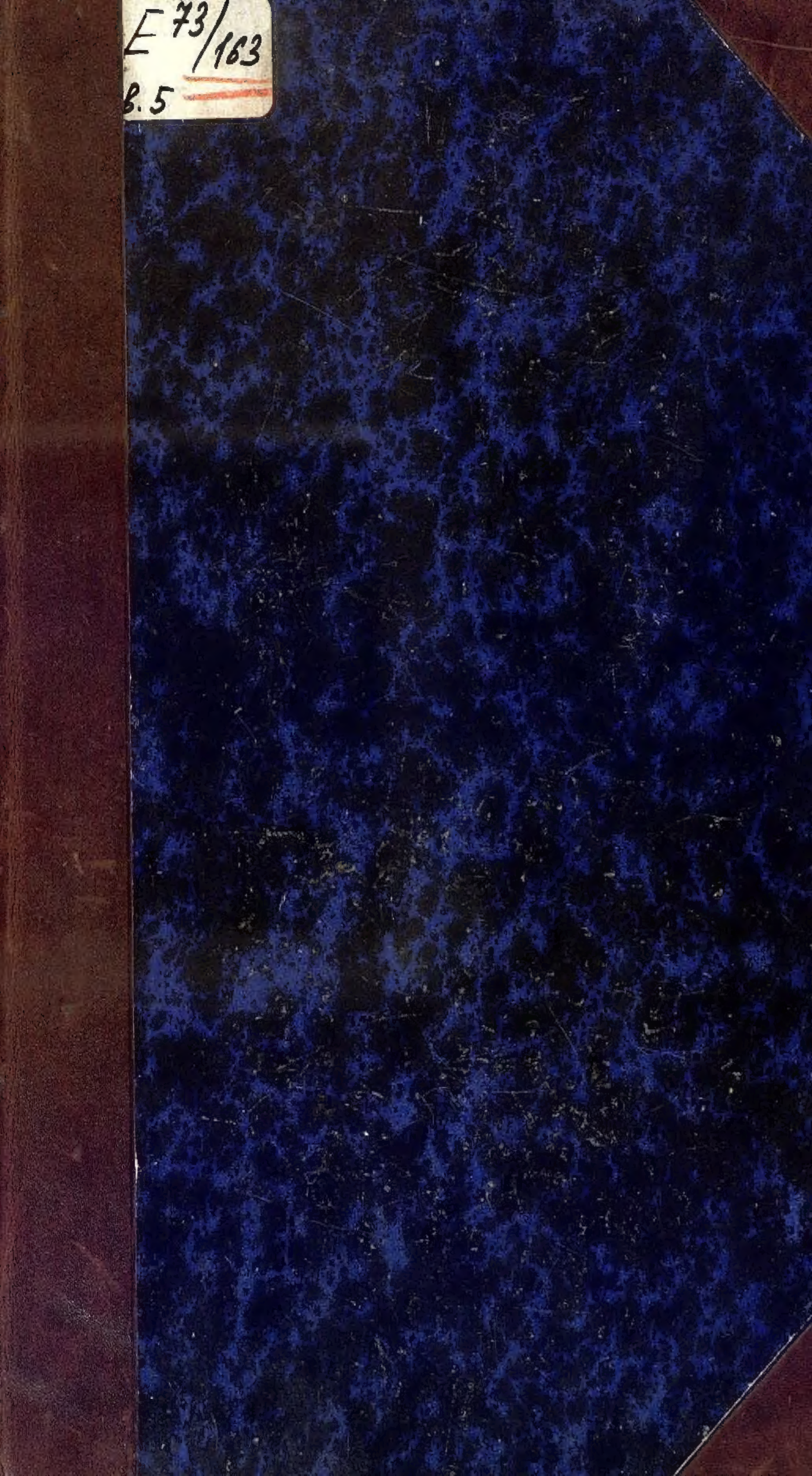

E 73/163
B. 5

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

СБОРНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ КОМИТЕТОМЪ ПО УСТРОЙСТВУ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО МУЗЕЯ.

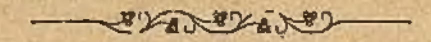
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

ВЫПУСКЪ V.

ПОРТРЕТЫ:

Генерала Семякина. | Кон.-адм. Зарина.
Генерала Хрущова. | Кап. 1-го ран. М. Перелешина.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙН. ПРОСП., Д. № 39.
1874.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

СБОРНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ КОМИТЕТОМЪ ПО УСТРОЙСТВУ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО МУЗЕЯ.

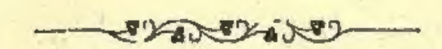
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

ВЫПУСКЪ V.

ПОРТРЕТЫ:

Генерала Семякина. | Кон:-адм. Зарина.
Генерала Хрущова. | Кап. 1-го ран. М. Перелешина.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙН. ПРОСП., Д. № 39.
1874.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Защитники чести Россіи и славы!
Вашъ подвигъ и древнихъ героевъ затмилъ:
Отъ васъ получили *четыре* державы
Лишь груды развалинъ! да груды могилъ!
Мы любимъ отчизну! но вы намъ явились
Примѣромъ высокой, священной любви!
Одиннадцать мѣсяцевъ слишкомъ вы бились
Подъ адскимъ огнемъ, утопая въ крови!
  Нѣтъ! въ жизни народовъ все можетъ случиться
  Вновь силу событій извѣдаетъ свѣтъ,
  Но Крымское дѣло едваль повторится,
  Хоть Русь проживетъ за три тысячи лѣтъ!!
  Такъ тостъ нашъ за тѣхъ, *кто отъ бомбъ и отъ дыма*
  Отъ вылазокъ, *штурмовъ* остался въ живыхъ!
  За васъ, безпардонные витязи Крыма,
  Мы пьемъ какъ за кровныхъ, безцѣнныхъ родныхъ!

(Изъ стих. П. Григорьева, сказаннаго на обѣдѣ черноморскимъ героямъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ,

КОНСТАНТИНЪ РОМАНОВИЧЪ СЕМЯКИНЪ.

СОСТОЯНІЕ СОЮЗНЫХЪ АРМІЙ.

Газета «Times» сильно нападаетъ на управленіе англійской арміи въ Крыму и не щадитъ самаго лорда Раглана. Вотъ слова ея: «Въ нашемъ лагерѣ господствуютъ неспособность, летаргія, аристократическое высокомѣріе, оффиціальное равнодушіе, покровительство отдѣльнымъ лицамъ, безпечность и невѣжество. Полководца не видать; все дѣлается черезъ посредство штаба, который состоитъ, къ сожалѣнію, изъ молодыхъ, конечно, храбрыхъ и достойныхъ уваженія, но неопытныхъ джентельменовъ, не вникающихъ въ нужды плебейскихъ офицеровъ и рядовыхъ въ полкахъ. Этимъ объясняется то, что съ начала до конца, въ транспортной, лагерной и портовой службѣ все дѣлалось самымъ неизвинительнымъ образомъ. Лучше сказать: ничего не дѣлалось. Пора принять мѣры. Пусть пошлютъ человѣка съ умомъ и смѣтливостью (сэра Чарльза Тревеліана, напримѣръ) съ порядочнымъ штабомъ въ Балаклаву или Константинополь, чтобы онъ привелъ дѣла въ порядокъ. Этого не довольно; окружите лорда Раглана людьми, которые бы могли замѣнять его, докладывать ему о потребностяхъ войска, получать предписанія и смотрѣть за ихъ исполненіемъ, людьми, которые умѣли бы защищать наши войска отъ отчаянія. При нынѣшнемъ порядкѣ вещей и тысячи людей безполезны. Вы посылаете ихъ въ преждевременную могилу. Когда Веллингтонъ показывался своимъ солдатамъ, они говорили, что его лицо дороже имъ десяти новыхъ полковъ. Вотъ какая голова намъ нужна, или, по крайней мѣрѣ, люди въ войскѣ, которые бы могли замѣнять его (¹).

(¹) С.-Петерб. Вѣдом. 1854 г., № 286.

Отправленіе французскихъ войскъ въ Крымъ продол-
этся. Въ «Sentinelle Toulonaise», напечатано, что 6-й
альонъ пѣшихъ егерей прибылъ, 10 го числа, изъ Ліона
Тулонъ и вскорѣ будетъ отправленъ на Востокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Перпиньянскаго арсенала везутъ
Портъ-Вандръ, для отправленія въ Галлиполи, значи-
ьное количество большихъ снарядовъ, пороху, чине-
къ ядеръ большого калибра. На это употреблено болѣе
телѣгъ.

Учрежденіе ліонскаго лагеря произвело значительное
чатлѣніе, но онъ существуетъ болѣе на бумагѣ, нежели
дѣйствительности, потому что большая часть свобод-
къ корпусовъ на югѣ посланы форсированнымъ мар-
мъ въ Марсель и Тулонъ, откуда будутъ отправлены
ьсе. Не говорю уже вамъ о несогласіи, господствующемъ
ду Канроберомъ и лордомъ Регланомъ. Первый хочетъ
ажиться на приступъ, а англійскій главнокомандующ
азывается вести храбрыхъ своихъ солдатъ на вѣрны
і. Здѣсь утверждаютъ, что лордъ Рагланъ намѣрен
завиться моремъ обратно, нечаянно напасть на Одесс
осле бомбардированія сего города расположиться н
нихъ квартирахъ въ Варнѣ; подкрѣпленія же, отправ
ныя изъ Франціи, будутъ зимовать въ Скутари. Я эт
ощаю вамъ какъ извѣстіе совершенно достовѣрно
оженіе дѣлъ должно быть очень важно, потому чт
нцъ Іеронимъ, на прогулкѣ въ Медонскомъ паркѣ, за два
перед симъ, сказалъ: «Боюсь, что, не смотря на свою
ость, я буду принужденъ сѣсть на лошадь и взяться.
щею весною, за какое нибудь командованіе» [1].

Парижской газетѣ «Presse» пишутъ изъ Константино-
, отъ 5-го декабря (23-го ноября): «Болѣзнь герцога
бриджскаго усилилась по прибытіи его въ Константи-
оль еще болѣе. До своего отъѣзда изъ Крыма и во
ія путешествія, принцъ былъ въ столь раздражитель-
ь состояніи, что не могъ владѣть самимъ собою. Бы

[1]) Сѣв. Пчел. 1854 г., № 256.

знаете, что, не смотря на неоднократныя просьбы лорда Рэдклифа, онъ не захотѣлъ остановиться въ домѣ англійскаго посольства, а живетъ въ гостинницѣ, въ Перѣ. Онъ никуда не выходитъ; мысли его, по словамъ приближенныхъ къ нему лицъ, безпрестанно обращаются къ инкерманскому сраженію, въ которомъ пали вокругъ него его лучшіе друзья. Преувеличивая понятіе о лежавшей на немъ отвѣтственности, онъ ежеминутно упрекаетъ себя въ смерти такого множества храбрыхъ офицеровъ. Часто случается, что, среди разговора съ приближенными къ нему людьми, онъ вдругъ падаетъ на колѣни и громко молитъ Бога о прощеніи его за мнимую вину. Врачи полагаютъ, что состояніе здоровья герцога улучшилось бы, если бы онъ покинулъ Востокъ. Какъ бы то ни было, герцогъ хочетъ возвратиться въ Крымъ и уже дѣлаетъ приготовленіе къ отъѣзду. Кажется несомнѣннымъ, что главною причиною разстройства умственныхъ силъ принца было присутствіе его на пароходѣ «Ретрибюшенъ» во время ужасной бури 14-го (2-го) ноября. Вы знаете, что у этого парового фрегата были сломаны мачты, что онъ былъ принужденъ выбросить за бортъ свои пушки и спасся только благодаря смѣлости и искуству своего капитана (¹).

Монастырь св. Георгія въ Крыму.

Въ десяти миляхъ отъ Севастополя и въ четырехъ отъ Балаклавы, на одномъ изъ высокихъ утесовъ крымскаго берега, красуется монастырь св. Георгія, уже нѣсколько столѣтій привлекавшій толпы богомольцевъ. Въ настоящую минуту монастырь занятъ французскими зуавами, получившими отъ генерала Канробера строгое приказаніе щадить монастырь и его благочестивыхъ обывателей. Сообщаемъ слѣдующія подробности о семъ монастырѣ изъ письма одного французскаго офицера, писаннаго въ январѣ нынѣшняго (1855) года, въ стѣнахъ самой святой обители:

(¹) Русск. Инв. № 282 стр. 1,327.

«Монастырь св. Георгія лежитъ на кругомъ утесѣ, на высотѣ 120 метровъ надъ уровнемъ моря. Недалеко отъ утеса море образуетъ небольшую полукруглую бухту. На вырубленной въ скалѣ платформѣ, около 120 метровъ длиною, стоятъ кельи монаховъ, одноэтажное зданіе, построенное въ церковно-монастырскомъ стилѣ. На концѣ платформы возвышается церковь греческой архитектуры, украшенная золотымъ крестомъ, съ высокою зеленою колокольнею. Возлѣ нея изъ построекъ, принадлежащихъ къ жилищамъ монаховъ, подымается небольшая весьма изящная часовня. Въ срединѣ террасы, окружающей платформу, видна красивая лѣстница, также высѣченная въ скалѣ и опускающаяся ко второй нижней террасѣ. На нижней террасѣ уступа—фонтанъ, устроенный изъ чернаго и красиваго мрамора. Нѣсколько другихъ каменныхъ ступеней ведутъ къ садамъ, расположеннымъ еще ниже въ различныхъ мѣстахъ утесистаго берега. Съ берега въ монастырскія зданія ведутъ, высѣченныя изъ камня, ворота, съ барельефомъ, изображающимъ св. Георгія, поражающаго змія. У воротъ монастырской слободы нѣсколько круглыхъ каменныхъ строеній служатъ для пріема путешественниковъ, посѣщающихъ во множествѣ монастырь, въ особенности лѣтомъ. Недалеко отъ нихъ расположено кладбище, окруженное прекрасною чугунною рѣшеткою; по срединѣ его подымается небольшая церковь съ зеленою колокольнею. Архитектура монастыря принадлежитъ новому времени. Очень жаль, что при постройкѣ его не сохранили развалинъ, оставшихся отъ XII и XIII столѣтій. Число монаховъ, въ обыкновенное время живущихъ въ монастырѣ, простирается до пятидесяти. Нынѣ ихъ находится лишь семнадцать, прочіе же заняты священнослуженіемъ въ Севастополѣ. Настоятель монастыря, облеченный въ санъ архимандрита, отецъ Геронтій (?), имѣетъ около 80 лѣтъ отъ роду и весьма почтеннаго вида. Онъ высокаго роста и съ длинною, сѣдою бородою. Онъ носитъ черное платье и высокую круглую шляпу безъ полей, сзади которой приколото покрывало висящее надъ плечами (клобукъ). Золотой крестъ на груди отличаетъ его отъ другихъ мо-

наховъ. Онъ состоитъ подъ властію одесскаго архіепископа. Монахи очень набожны. Они ходятъ на службу два (?) раза въ день. Уже двадцать пять лѣтъ, какъ она не отправляется болѣе на греческомъ, но на славянскомъ языкѣ. Въ монастырской оградѣ красуется нѣсколько памятниковъ, исполненныхъ съ большимъ изяществомъ. Одинъ изъ нихъ, совершенно новый, весь изъ бѣлаго мрамора и состоитъ изъ саркофага, лежащаго на четвероугольномъ цоколѣ. На немъ слѣдующая надпись на рускомъ языкѣ ([1]):

«Нѣжный, прекрасный цвѣтокъ! Утреннее солнце озлащало своими лучами твою чистую чашечку, орошенную благодатною росою. Ты была красою и гордостью природы. Но поднялся разъяренный ураганъ и сорвалъ тебя съ ненадежнаго стебля!» Въ этой могилѣ, какъ разсказываютъ, покоится дѣвушка, умершая два года назадъ въ ужасныхъ мученіяхъ. Она прогуливалась верхомъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, заслуженнымъ офицеромъ и начальникомъ одного изъ здѣшнихъ военныхъ поселеній. Вдругъ лошадь, на которой ѣхала дѣвушка, испугавшись кинувшейся на нее собаки, взбѣсилась и сбросила съ себя на утесъ несчастную дѣвушку. Черезъ нѣсколько минутъ она умерла на рукахъ отчаяннаго отца. Старый воинъ сошелъ съума и понынѣ еще лечится въ Одессѣ...

«Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ мы прибыли въ монастырь, поднялся сильный сѣверо-восточный вѣтеръ. Онъ постепенно крѣпчалъ и къ вечеру превратился въ бурю. Всю ночь не смолкалъ ни на минуту неистовый ревъ вѣтра-урагана. Онъ раскачалъ колокола монастыря, издававшіе жалобные звуки. Все это мѣшалось съ шумомъ морскихъ волнъ, бившихся объ утесы, и воемъ собакъ, рыскавшихъ въ кругъ. Холодъ былъ сильный; въ часъ по полуночи термометръ стоялъ на 9° ниже нуля. На слѣдующій день, 16-го ноября, буря продолжалась еще съ большею свирѣпостію и не было никакой возможности оставить монастырь. Снѣгъ не шелъ болѣе, но масса снѣга, поднятая вѣтромъ, наполняла воздухъ до того, что даже

([1]) Мы передаемъ ее въ переводѣ съ нѣмецкаго.

моря нельзя было видѣть. Ночью буря утихла и утромъ мы могли осмотрѣть ея послѣдствія. Монастырь былъ заваленъ грудами снѣга, лежавшими выше самой ограды. Въ отдаленіи виднѣлись снѣжные холмы конусообразнаго вида, похожіе на тѣ холмы, которые ураганъ наноситъ въ пустыняхъ Африки. Взглянувъ на море, мы изумились его спокойствію, такъ быстро смѣнившему волненіе бури. Направо виднѣлся крутой утесъ, обозначающій начало бухты; странной формою своею онъ походитъ на молящагося монаха. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ другими острыми утесами, о которые съ пѣною разбиваются морскія волны во время бури. Еще правѣе былъ видѣнъ небольшой холмъ, на которомъ въ древности возвышался храмъ, построенный въ честь Ифигеніи, дочери Агамемнона и Клитемнестры. Налѣво выдается въ море небольшой мысъ, огибаемый кораблями, идущими въ Балаклаву.

«Было девять часовъ утра, и солнце прекраснаго зимняго дня сіяло ярко. Нашимъ глазамъ представилась великолѣпная игра природы: на отдаленномъ горизонтѣ виднѣлись горы, которыя, казалось, подымались изъ моря. То было отраженіе тѣхъ самыхъ горъ, которыя тянутся вдоль берега Крыма, тамъ-и-сямъ окруженныхъ тогда облаками. Раздался колоколъ, и нѣсколько монаховъ спѣшили мимо насъ къ обѣдни. Мы обратили ихъ вниманіе на странную картину, которою они любовались вмѣстѣ съ нами. Эта удивительная игра природы, говорили они намъ, повторяется здѣсь два или три раза въ годъ, преимущественно зимою, когда снѣгъ покрываетъ землю и когда въ воздухѣ не шелохнетъ ни малѣйшій вѣтерокъ. Набѣжало облако и скрыло на нѣсколько мгновеній солнце. Горизонтъ прояснился и горы — удивительная игра природы — исчезли постепенно.

«Слава о святомъ Георгіи, во имя котораго построенъ монастырь, господствуетъ на всемъ Востокѣ. На одномъ изъ образовъ, украшающихъ небольшую часовню въ монастырѣ, изображенъ онъ юнымъ и прекраснымъ витяземъ.

«Память св. Георгія празднуется какъ русскими, такъ

и римскими католиками, ежегодно 23-го апрѣля. Къ тор жеству богослуженія, происходящему въ этотъ день въ мо настырѣ, стремятся толпы усердствующихъ со всего Крым и изъ другихъ провинцій Россіи. Въ 1851 году присут ствовалъ при празднествѣ Императоръ Николай съ сво ими Августѣйшими Сыновьями» (1).

Буря 2-го ноября 1854 года, въ Крыму.

Старожилы крымскіе не помнятъ, чтобъ когда-либо стояла столь удивительно-хорошая осенняя погода, по большей части тихая, сухая, теплая, какъ въ нынѣшнемъ году; но эти же старожилы не припомнятъ и бури, подобной той, какая свирѣпствовала 2-го ноября, съ самаго утра до поздней ночи, и притомъ свирѣпствовала по всему Крыму.

Въ этотъ день находился я верстахъ въ 60-ти отъ Симферополя, въ степной части Крыма, и собирался возвратиться въ городъ, откуда выѣхалъ не далѣе какъ 31-го октября. На разсвѣтѣ, 2-го ноября, послѣ небольшого дождя, было тепло и тихо; къ юго-западу только виднѣлась, вдали, полоса черныхъ тучъ. Вѣтра почти не было, но съ восьми часовъ подулъ сперва восточный вѣтеръ, быстро превратившійся въ юго-западный, тучи быстро находили, засверкала ослѣпительная молнія, раздались удары грома и, въ слѣдъ за ужаснѣйшимъ вѣтромъ, полился такой ливень, что по ровной степи въ нѣсколько минутъ образовались рѣки. Этотъ ливень продолжался минутъ десять съ небольшимъ, послѣ чего небо очистилось, явилось яркое солнце, но не солнце благотворное, теплое, обыкновенно все оживляющее, особенно послѣ проливного дождя, — а какое-то грозное свѣтило. Вѣтеръ на нѣсколько минутъ утихъ, будто для того, чтобъ собраться съ силами и пронестись ужаснѣйшею, всеразрушающею бурей, такою бурей, которой, повторяю, никто не припомнитъ. Эта буря въ степяхъ началась около десяти часовъ утра и продол-

(1) Русскій Инв. 1855 г., № 98.

жалась до шести часовъ вечера, уничтожая и разрушая на пути своемъ все, не исключая и прочно-сложенныхъ каменныхъ стѣнъ и оградъ, которыя во многихъ мѣстахъ были разрушены. Попытка моя — ѣхать въ городъ — едва было не кончилась несчастіемъ. Ночью, съ 2-го на 3-е ноября, послѣ шести часовъ вечера, по временамъ раздавался какой-то глухой гулъ, въ родѣ отдаленныхъ раскатовъ грома: это были порывы вѣтра, который, бушуя съ ужаснѣйшею силой въ продолженіе дня, 2-го ноября, не могъ вдругъ утихнуть. На другой день, проѣханное мною до Симферополя пространство, въ 60 верстъ, представляло самую грустную картину. Испорченныя скирды сѣна, соломы, сорванныя съ домовъ, по деревнямъ татарскимъ, крыши, разрушенные стѣны и сараи, разметанныя по степи копны хлѣба и курою (бурьяну), оставшіяся еще не свезенными, цѣлые стоги сѣна, унесенные и разметанные по степи, наконецъ трава и бурьянъ, до такой степени прибитые къ землѣ, по направленію отъ юго-запада, какъ будто по этимъ степямъ пронеслась ужаснѣйшая рѣка.

Верстахъ въ 40 отъ Симферополя начался снѣгъ, слой котораго становился толще, по мѣрѣ приближенія къ городу. Наконецъ, въ самомъ Симферополѣ, не говоря объ окрестныхъ горахъ, совершенно покрывшихся снѣгомъ, не смотря на очень теплую, 3-го ноября, погоду, еще засталъ я довольно снѣгу, растаявшаго только 4-го числа и запрудившаго улицы жидкою грязью.

Что дѣлалось 2-го ноября, въ Симферополѣ? Буря здѣсь, по видимому, свирѣпствовала съ не менѣе ужасною силой. На рѣдкомъ домѣ не повреждена крыша, не исключая и домовъ, крытыхъ листовымъ желѣзомъ. Говорятъ, что, во время бури, по улицамъ невозможно было ни ходить, ни ѣздить, не рискуя быть ушиблену падавшею съ домовъ черепицей. Буря здѣсь началась въ девять часовъ утра мелкимъ градомъ, превратившимся въ дождь, а въ три часа по полудни забушевала мятель, и если бы не таялъ снѣгъ, то навѣрно покрылъ бы землю, по крайней мѣрѣ, на аршинъ. Что дѣлалось на морѣ, или лучше у

береговъ нашихъ, облегаемыхъ грозною армадой англо-французскаго флота? Трудно и невозможно описать. До сихъ поръ, если вѣрить разсказамъ очевидцевъ,—а между ними были люди, заслуживающіе полнаго довѣрія,—извѣстно, что подлѣ Севастополя (отъ Бельбека къ устьямъ рѣки Качи), бросило на мель и совершенно повредило: 2 парохода, 5 транспортныхъ судовъ и 3 фрегата, въ томъ числѣ одинъ турецкій, а къ Херсонесу врѣзался въ береговыя скалы военный бригъ, а по словамъ другихъ, французскій фрегатъ; въ Евпаторіи, налѣво отъ мельницъ: 2 парохода, 6 купеческихъ судовъ и 1 линейный корабль; въ Евпаторіи же, отъ мельницъ направо: 2 военныхъ судна и 1 пароходъ, всего 23 судна Нѣкоторые насчитываютъ 28, а нѣкоторые и болѣе сѣвшихъ на мель или выброшенныхъ на мель непріятельскихъ судовъ, какъ военныхъ, такъ и купеческихъ, нанятыхъ для перевозки въ Крымъ войскъ и припасовъ. Со стороны Балаклавы и Ялты о числѣ погибшихъ судовъ нѣтъ еще свѣдѣній; но и тамъ навѣрно есть пострадавшія непріятельскія суда ([1]).

Бури, подобной 2-го ноября, никто не припомнитъ; не припомнитъ также никто, чтобъ послѣ необыкновенно теплой погоды, когда еще не было зимы, свирѣпствовала мятель при юго-западномъ вѣтрѣ и выпало огромное количество снѣга въ южной сторонѣ полуострова, тогда какъ далѣе къ сѣверу снѣгу почти не было. Не видимо-ли Провидѣніе за насъ? Не видимо ли перстъ Божій и стихіи возстанавливаетъ противъ кичливыхъ враговъ нашихъ?... Послѣ всего этого, какъ ни больно намъ, жителямъ Тавриды, что враги такъ долго гостятъ у насъ, но всѣ и каждый, полагаясь на милосердіе Божіе и на несокрушимую твердость храбрыхъ защитниковъ Монарха, вѣры пра-

([1]) Во всѣхъ частныхъ письмахъ изъ Крыма подтверждаются свѣдѣнія о большихъ потеряхъ, понесенныхъ непріятельскими военными и транспортными судами, въ бурю 2-го ноября; свѣдѣнія эти до сихъ поръ не сходствуютъ только въ показаніи числа погибшихъ и выброшенныхъ на мель судовъ.

вославной и Отечества,—всѣ мы вѣримъ, что враги наши найдутъ у насъ ([1]).

Фр. Домбровскій.

6-го ноября 1854 г.
г. Симферополь.

Статьи иностранныхъ корреспондентовъ о бывшей 2-го ноября бурѣ въ Крыму.

Теперь получены подробныя свѣдѣнія о бурѣ въ Черномъ морѣ, подобной которой старожилы изъ моряковъ и не запомнятъ. Черное море, сначала бывшее довольно тихимъ въ нынѣшнемъ году, вдругъ выказало свои истребительныя свойства въ ужаснѣйшемъ видѣ и покрыло берегъ развалинами. Изъ англійскаго флота потерпѣли крушеніе 32 транспортныя судна. Винтовой почтовой пароходъ «Prince» и «Scenymphe», первый со всей зимней одеждой для арміи и грузомъ изъ 300,000 долларовъ, потонули со всѣмъ экипажемъ. Три вновь купленные небольшіе парохода «Brenta», «Donau» и «Minna» (первые два принадлежали дунайскому обществу пароходства) выброшены на берегъ. То же должно сказать о линейномъ винтовомъ кораблѣ «Sanspareil», который лишился 4-хъ якорей и своей машины,—она сгорѣла. Сильный линейный винтовой корабль «Agamemnon», съ машинами въ 2,000 силъ, едва удержался на морѣ, потому что и у него загорѣлась машина. Военный колесный пароходъ «Sampson» лишился трехъ мачтъ, «Retribution» долженъ былъ выбросить за бортъ всѣ свои орудія. Военный пароходъ «Terrible», въ 800 силъ, лучшій во всемъ флотѣ, едва не выброшенъ на берегъ съ загорѣвшейся машиной и 4-мя якорями и цѣлый часъ боролся съ волнами, которыя перескакивали черезъ декъ, снесли кожухи и произвели большія опустошенія. Къ счастью, буря въ полной силѣ продолжалась только съ 11 до 4-хъ часовъ; иначе, случилось бы что-нибудь худ-

---

([1]) Одесскій Вѣст. 1854 г., № 127. Москов. Вѣдом. 1854 г., № 145.

шее. — Французскій флагъ лишился линейнаго корабля «Henri IV» и военнаго парохода «Pluton» (отъ перваго не осталось и двухъ досокъ, потому что онъ, стоя на якорѣ близъ крымскаго берега, былъ пригнанъ бурею къ самому берегу и, имѣя 8 футовъ воды, сѣлъ на мель и разбился. Экипажъ большей частью спасенъ). У французскаго линейнаго корабля «Valmy» отломанъ руль. Одинъ турецкій линейный корабль выброшенъ на берегъ близъ Евпаторіи, но не потерпѣлъ крушенія, а отъ удара переломались только его мачты. О другихъ потеряхъ нѣтъ еще подробностей. Монастырь св. Георгія близъ Балаклавы, служившій осадной арміи полевымъ госпиталемъ, разрушенъ бурею и подъ своими развалинами похоронилъ больныхъ, изъ которыхъ большую часть удалось впослѣдствіи спасти. Въ Константинополѣ также морская буря разрушила мечеть въ Оршакёѣ, два минарета Ахметовой мечети въ Стамбулѣ и одинъ минаретъ въ Перѣ. Ллойдовы корабли «Italia» и «Fiume», за судьбу которыхъ опасались, благополучно возвратились изъ Чернаго моря. — Изъ 27-ми транспортныхъ судовъ, выброшенныхъ на берегъ, англичане сами сожгли 14. Берегъ, въ полномъ смыслѣ слова, усѣянъ частями кораблей и грузовъ ([1]).

Въ «Fremdenblatt» сообщаютъ, что, по извѣстіямъ полученнымъ изъ Константинополя, погибли отъ жестокихъ бурь въ Черномъ морѣ три военные парохода, изъ которыхъ одинъ египетскій, а два турецкихъ, составлявшихъ часть транспорта, шедшаго въ Крымъ, и, сверхъ того, 40 купеческихъ судовъ, нагруженныхъ съѣстными и боевыми припасами для союзниковъ.

Телеграфическою депешею изъ Тріеста, отъ 22 го ноября, сообщаютъ извѣстія изъ Константинополя, отъ 13-го числа. «На Черномъ морѣ свирѣпствовали сильныя бури». Другою депешею, отъ 21-го числа, сообщаютъ слѣдующія подробности. Кромѣ египетскаго фрегата «Бассира», разбившагося о скалу въ Босфорѣ съ потерею 130 человѣкъ

([1]) С.-Петерб. Вѣдом. 1854 г., № 265.

изъ трехъ сотъ, находившихся наономъ, потерпѣлъ крушеніе близъ Варны одинъ трехдечный египетскій корабль, на которомъ находился адмиралъ Ассанъ-паша. Адмиралъ погибъ. Изъ экипажа спасли только четвертую часть ([1]).

Изъ Варны, отъ 14 го ноября, пишутъ въ «Fremdenblatt», что бури, свирѣпствующія нынѣ въ Черномъ морѣ, не прерывали сообщеній между Балаклавою и Варною. Пароходы постоянно приходятъ и отходятъ, хотя нѣсколько и опаздываютъ. Что же касается до осадныхъ работъ, корреспондентъ сообщаетъ, что онѣ ограничиваются построеніемъ трехъ батарей въ третьей параллели. Генералъ Канроберъ не излечился еще отъ своей раны въ рукѣ, полученной имъ 5-го ноября. Принцъ Наполеонъ, вѣроятно, не прежде возвратится на позорище войны, какъ во второй половинѣ декабря, по прибытіи значительныхъ подкрѣпленій, ожидаемыхъ съ запада ([2]).

Буря, нанесшая союзнымъ флотамъ столь значительныя потери, въ Черномъ морѣ ощутительна была въ Константинополѣ. Въ тамошней газетѣ, отъ 14-го ноября, сказано: «Одна изъ ужаснѣйшихъ бурь разразилась въ последнюю ночь надъ Константинополемъ и его окрестностями. Силою вѣтра опрокинуто множество минаретовъ и, вѣроятно, мы вскорѣ узнаемъ, что она произвела большой вредъ, особенно въ Черномъ и Мраморномъ моряхъ» ([3]).

Въ письмѣ одного офицера съ французскаго фрегата «Сане» пишутъ объ ураганѣ: «Мы хотѣли оставить эскадру адмирала Брюа, стоявшую въ Камышѣ, но погода сдѣлалась такъ дурна, барометръ до того упалъ, что мы принуждены были дожидаться. Наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго вечера, воспользовались мы поправленіемъ погоды и снялись съ якоря. Сначала дѣло шло не очень дурно. Правда, что фрегатъ прыгалъ какъ щепка, но мы подви-

---

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 261.
([2]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 263.
([3]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 267.

гались впередъ. Но въ десяти часахъ отъ Херсонеса встрѣтила насъ буря, какую я только видѣлъ у мыса Горна. Вы можете себѣ составить о ней понятіе, когда я скажу, что одна изъ нашихъ 30-ти-фунтовыхъ пушекъ, стоявшая на носу и заложенная поперегъ, была подхвачена волною и съ лафетомъ, и со всѣми принадлежностями переброшена за бортъ, какъ метла, даже не оцарапавъ корабельной стѣнки. Мы боялись за сто-двадцати фунтовую мортиру и за пятидесяти-фунтовую пушку, но тѣ устояли.

Погибшій въ бурѣ 14-го числа французскій корабль «Генрихъ IV» былъ сто-пушечный линейный, построенъ въ Шербургѣ и состоялъ подъ командою отличнаго капитана Жегенна. Другой погибшій корабль «Плутонъ» былъ колесный корветъ о 220 силахъ и уже довольно старый ([1]).

Изъ Парижа отъ 28-го ноября пишутъ: «Кромѣ потери кораблей «Генриха IV» и «Плутона» и нѣсколькихъ англійскихъ и французскихъ транспортовъ, говорятъ о поврежденіяхъ, претерпѣнныхъ другими судами, а въ особенности кораблями «Вилль-де-Пари», «Фридландъ» и «Баярдъ». Удивительно, что они не погибли, и хотя поврежденія ихъ были гораздо значительнѣе, нежели обнародовано, но должно почитать счастіемъ, что не произошло большихъ несчастій.

Эти бѣдствія произошли близъ Евпаторіи. Экипажи разбитыхъ кораблей размѣщены на другія суда ([2]).

Въ биржевой статьѣ нынѣшняго нумера «Times» сказано: «Сегодня (29-го) достовѣрно утверждали на биржѣ, что правительство не намѣрено немедленно требовать у парламента заключенія займа. Это извѣстіе подняло курсъ, но, подтвержденіемъ свѣдѣній о несчастіяхъ въ Черномъ морѣ, снова произведено пониженіе ([3]).

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 265.
([2]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 266.
([3]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 267.

По телеграфическимъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Константинополя и Землина въ Тріестѣ, полагаютъ, что число судовъ, погибшихъ въ Черномъ морѣ, во время бури 2-го (14-го) ноября, между которыми, какъ извѣстно, было нѣсколько и военныхъ кораблей союзнаго флота, простирается до шестидесяти. Съ 16-го числа флотъ сей былъ разсѣянъ по всѣмъ направленіямъ

Суда, претерпѣвшія крушенія въ Варнской гавани, суть: австрійская бригантина «Сильфида», англійскій пароходъ «Трентъ-Лондонъ», французская бригантина «Ла-Нувель», сардинскіе пароходы «Сакра-Фамилія», «Санъ-Франческо» и, наконецъ, французскія бригантины «Жюльетъ» и «Куріеръ» (послѣдняя въ Балчикѣ) ([1]).

Въ «Times», въ письмѣ изъ Крыма, сообщаютъ, отъ 17-го ноября, подробное описаніе бури, свирѣпствовавшей въ Черномъ морѣ съ 7 часовъ утра 13-го числа до 16-го пополудни, нанесшей союзнымъ флотамъ большой вредъ. Первое несчастіе случилось съ пароходомъ «Сампсонъ» у Качи, гдѣ стоялъ адмиралъ съ большею частію флота. Когда началась буря, онъ разводилъ пары и столкнулся съ транспортомъ «Пиреней», причемъ потерялъ свои мачты. Послѣднее судно брошено было на берегъ, и тоже лишилось мачтъ. Въ этотъ же день и ночью подверглись той же участи «Гангъ» и «Родели». Ближе къ устьямъ Качи сѣлъ на мель «Лордъ Рагланъ». Ту же участь потерпѣли восемь французскихъ бриговъ съ лошадьми и людьми. Нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ же разбиты были въ щепы. Тотчасъ сообщено было донесеніе о томъ въ Севастополь, и чрезъ два часа пріѣхалъ на берегъ какой-то генералъ въ экипажѣ четверкой. Вѣроятно, его присутствію должно приписать человѣколюбивое обхожденіе съ претерпѣвшими крушеніе, ибо русскимъ стоило только стрѣлять съ утесовъ, чтобы истребить до послѣдняго всѣхъ людей на корабляхъ (Это пишетъ англичанинъ!). Корабли, хотя и вооруженные, были совершенно беззащитны; пушекъ

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 268.

нельзя было употребить, а пороховая казна была залита водою. Русскіе офицеры подошли къ берегу, и, махая шляпами, давали знать несчастнымъ, чтобъ они перебирались на берегъ. Большая часть отклонилась отъ этого предложенія. Въ среду пополудни, когда буря поутихла, начальникъ одного транспорта, «Франклинъ», успѣлъ достигнуть въ лодкѣ адмиральскаго корабля. Въ то же время капитанъ *Митчель*, съ корабля «Квинъ», просилъ сигналомъ позволенія послать помощь погибающимъ, и отправилъ три лодки съ лейтенантомъ, который, не смотря на сильный прибой, успѣлъ добраться до «Пиреней». Одна лодка съ Британіи едва не погибла при такой попыткѣ, а лодка съ «Виль-де-Пари», брошенная на берегъ бурею, досталась съ людьми во власть русскихъ. Въ это время буря улеглась значительно, и полагаютъ, что пароходамъ легко было бы достигнуть до берега и подать помощь купеческимъ транспортамъ, но послѣдніе напрасно ея дожидались. Около полудня спросили сигналомъ у одного парохода, можетъ ли онъ помочь транспортамъ? Отвѣта не было. На этотъ жестокосердый поступокъ сильно жалуются на флотѣ. Въ среду ввечеру были наконецъ спасены, лодкою съ «Квинъ», отъ 40 до 50 человѣкъ и двѣ солдатки. Въ четвертокъ утромъ, когда буря утихла совершенно, отправлено было со всѣхъ кораблей большое число лодокъ, и на нихъ перевезены остальные погибавшіе люди съ имуществомъ. На «Квинъ» перевезено до 80, на «Фюри» до 20. Подобную же участь имѣли и нѣсколько великолѣпныхъ транспортовъ на высотѣ Качи. Они были первоклассные, и каждый стоилъ до 15,000 фунт. стерл. Военные корабли, обязанные по временамъ осматривать свои снасти, выдержали бурю съ незначащими поврежденіями [1].

Письма, полученныя отъ офицеровъ изъ лагеря союзниковъ подъ Севастополемъ, представляютъ весьма печальную картину тамошняго житья-бытья. Союзники во мно-

---

(1) Сѣв. Пчела 1854 г., № 271.

гомъ терпятъ недостатокъ; пища у нихъ плохая. Они принуждены довольствоваться карабельными сухарями, очень дурною водою и сушенымъ мясомъ, но послѣднимъ въ весьма маломъ количествѣ. Солдаты принуждены вырывать ямы въ землѣ, чтобы защитить себя отъ русскихъ ядеръ, и много терпятъ отъ ночныхъ холодовъ. Офицерамъ не лучше солдатъ, и пища у нихъ одинаковая. Положеніе союзниковъ стало значительно хуже со времени послѣднихъ бурь, бывшихъ причиною гибели такого множества транспортныхъ судовъ, съ зимнею одеждою, военными и съѣстными запасами. Во время бури 2-го (14-го) ноября, почти всѣ палатки союзниковъ были сорваны вѣтромъ, и многія изъ нихъ исчезли, неизвѣстно куда. 12-го ноября (31-го октября), одинъ изъ адъютантовъ лорда Раглана дѣйствительно отправился, на транспортномъ суднѣ, въ Синопъ, для закупки тамъ большого количества досокъ и столбовъ, необходимыхъ для построенія деревянныхъ бараковъ ([1]).

Парижъ 2-го декабря. Въ нынѣшнемъ «Мониторѣ» напечатано донесеніе генерала Канробера, отъ 17-го числа, въ которомъ говорятъ объ ураганѣ 14-го и сознаются, что французскій флотъ понесъ «нѣсколько потерь и важныхъ поврежденій», не входя впрочемъ ни въ какія подробности. Генералъ сообщаетъ, что онъ условился съ адмираломъ оставить предъ Севастополемъ «только самое необходимое число караблей» ([2]).

Въ письмѣ изъ Марселя сообщаютъ, что въ буряхъ съ 14-го по 19-е ноября, въ Черномъ морѣ, союзники потерпѣли убытки до сорока пяти миліоновъ франковъ, которые большею частію падаютъ на страховыя общества. Отъ этого пострадаютъ Марсель, Лондонъ, Ливерпуль и Соутгемптонъ ([3]).

([1]) Русскій Инв. 1854 г., № 260.
([2]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 268.
([3]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 275.

Въ «Fremdenblatt» пишутъ, что въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ о несчастіяхъ, произведенныхъ бурею 2-го (14-го) ноября, изображаются они весьма значительными. Одинъ французскій военный корабль, сѣвшій на мель къ сѣверу отъ Евпоторіи и нагруженный порохомъ и 40 лошадьми, принужденъ былъ сдаться.

Объ ужасномъ ущербѣ, нанесенномъ бурею 14-го числа, получаются ежедневно новыя подробности. Командиръ военнаго судна «Миньта» ушибенъ падшею балкою. Пароходъ «Бенаръ» потонулъ съ 2,500 центнерами зимней обмундировки ([1]).

Изъ Константинополя пишутъ, въ «Аугсбургской газетѣ», что во время бури 2-го (14-го) ноября погибъ подводный и взрывный аппаратъ, отправленный изъ Англіи для очищенія севастопольскаго порта отъ кораблей, которыми затопленъ входъ.

Изъ Константинополя, отъ 23-го ноября, пишутъ въ «Indépendance Belge»:

17-го числа былъ военный совѣтъ на паровомъ фрегатѣ подъ флагомъ адмирала Гамелена. Въ немъ участвовали всѣ англійскіе, французскіе и турецкіе адмиралы. Между прочимъ рѣшено отправить въ Константинополь всѣ суда, которыя не будутъ признаны совершенно исправными, какъ равно и турецкую эскадру. Турецкій адмиралъ сильно протестовалъ противъ этой мѣры, и его съ трудомъ могли вразумить, что безполезно подвергать опасности корабли, которые не могутъ принести никакой пользы. Въ слѣдствіе рѣшенія сего совѣта, отправленъ былъ въ «Варну» пароходъ съ депешами, для пересылки ихъ въ Парижъ и Лондонъ по телеграфу.

Изъ «Балаклавы», отъ 21-го ноября, пишутъ въ «Times» о состояніи арміи: 14-го числа опрокинуло бурею всѣ палатки, и солдаты цѣлыя сутки страдали отъ сырости, голода и

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 271.

стужи. 15-го не происходило ничего. Осада подвигается медленно. «Сампсонъ», стрѣлявшій въ русскихъ на Качѣ, когда они хотѣли взять въ плѣнъ матросовъ съ кораблей, сѣвшихъ на мель, потерялъ при этомъ мачты и принужденъ теперь выгрузить на берегъ свои тяжелыя орудія. Адмиралъ Лайонсъ былъ на берегу для свиданія съ лордомъ Рагланомъ. Вчера умерли многіе наши солдаты отъ стужи и истощенія силъ. Пало также много лошадей. Лагерь имѣетъ видъ обширнаго болота. Русскіе стоятъ спокойно (¹)

Англійскія газеты съ глубокимъ прискорбіемъ подтверждаютъ извѣстія о потеряхъ, понесенныхъ британскимъ флотомъ въ бурю 2-го (14-го ноября). Онѣ всего больше жалѣютъ о потерѣ винтового парохода «Принцъ», въ 2,700 тоннъ, перевозившаго въ Балаклаву 46-й полкъ всю зимнюю одежду, назначенную для арміи союзниковъ (40,000 шинелей, шерстяныя фуфайки, носки, перчатки и проч.), запасы для Скутарійскаго госпиталя и большое количество ядеръ и бомбъ. За исключеніемъ 46-го полка, который успѣли высадить въ Балаклаву, все это погибло, и отъ всего экипажа «Принца» осталось только 6 человѣкъ. Въ числѣ погибшихъ находятся отрядъ саперовъ и многочисленный медицинскій штабъ, высадкѣ которыхъ помѣшала буря. «Резолютъ», въ 900 тоннъ, тоже погибъ. «Принцъ» стоилъ 3.750,000 фр. а грузъ его слишкомъ 12.000,000. Каждое изъ 30-ти погибшихъ англійскихъ транспортныхъ судовъ стоило не менѣе 375,000 фр. значитъ, слишкомъ 25.000,000 уничтожено въ одну бурю, которая, сверхъ того, истребила множество палатокъ союзниковъ въ Крыму и лишила армію теплой одежды въ такое время, когда суровость погоды дѣлала эту одежду наиболѣе необходимою (²).

Лондонъ, 10-го декабря (28-го ноября). Аугсбургской га-

(¹) Сѣв. Пчела 1854 г., № 275.
(²) Русскій Инв. 1854 г., № 271.

зетѣ отсюда пишутъ: «Для довершенія бѣдствія союзниковъ въ Крыму, только и не доставало такой бури, какъ буря 14-го (2-го) ноября. Сколь ничтожнымъ кажутся теперь пушки и даже цѣлыя батареи, въ сравненіи съ опустошеніемъ, какое могутъ произвести стихіи! Конечно, союзники потеряли въ эту бурю не столько людей, сколько потеряно въ инкерманскомъ сраженіи: но суда, разбитыя въ щепы, должны были подвезти союзникамъ все, чѣмъ поддерживается ихъ жизнь, что защищаетъ ихъ отъ холода и голода—съѣстные припасы и одежду, а главное, что доставляетъ имъ возможность защищать свою жизнь — свинецъ и порохъ, и все это исчезло въ морскихъ безднахъ вмѣстѣ съ средствами перевозки. Притомъ и людей погибло, какъ пишутъ, не менѣе 1,000 человѣкъ, не считая тѣхъ, которые захвачены русскими и число которыхъ еще неизвѣстно. Всего тяжелѣе для англичанъ потеря винтового парохода «Принцъ». Бывшій на немъ грузъ оцѣниваютъ въ 500,000, а самый корабль въ 150,000 фунт. стерл. Грузъ, какъ извѣстно, состоялъ изъ огромнаго количества военныхъ и съѣстныхъ запасовъ, зимней одежды, медикаментовъ и бандажей для скутарійскихъ госпиталей,— и все это исчезло вмѣстѣ съ кораблемъ, менѣе чѣмъ въ 10 минутъ! Кажется, говоритъ газета «Times», какъ будто бы все соединилось, чтобы, по неисповѣдимому предопредѣленію неба, сдѣлать потерю «Принца» жесточайшимъ изъ всѣхъ ударовъ судьбы. Корабль останавливался подлѣ самаго Скутари, и однакожъ ему не было суждено снабдить, по крайней мѣрѣ, раненыхъ, тѣмъ, что составляло для нихъ крайнюю необходимость. Сумма, собранная въ Англіи въ пользу раненыхъ, простирается почти до 500,000 фунт. стерл., а тамъ передъ Скутари слишкомъ полмиліона потонуло въ волнахъ. Но это еще далеко не все. Матеріалы, продолжаетъ газета «Times», въ которыхъ такъ нуждались для продолженія осады и, въ то же время, для защищенія себя отъ суровости зимы, уничтожены въ нѣсколько минутъ, однимъ ударомъ, какъ бы сдуты съ лица земли, и если мы дѣйствительно хотимъ удовольствоваться удержаніемъ за собою позиціи на севастопольскихъ высотахъ, то

ясно однакожъ, что мы не въ силахъ устоять противъ своего опаснѣйшаго врага—наступающей зимы. Общую потерю газета «Times» опредѣляетъ, по крайней мѣрѣ, въ два милліона фунт. стерл. Но что значатъ здѣсь цифры? спрашиваетъ она потомъ. Если мы хотимъ представить свою потерю въ ея истинномъ видѣ, то должны сказать, что армія лишена пока возможности дѣйствовать, и что ей не откуда ждать помощи, кромѣ какъ отъ неба и отъ ея собственной храбрости.

Изъ разныхъ писемъ, въ которыхъ описывается буря 14-го (2-го) ноября, видно, что невозможность для флотовъ оставаться на морѣ въ продолженіе зимы признана всѣми. Здѣсь мы не можемъ зимовать, но, съ другой стороны, намъ нельзя бросить и армію. Потому не остается на выборъ ничего, какъ только взять Севастополь; а это, при теперешнихъ обстоятельствахъ, еще невозможно. Армія истинно достойна сожалѣнія: всѣ высоты покрыты снѣгомъ, и зима даетъ чувствовать всю суровость свою. Проектъ построенія деревянныхъ домовъ или землянокъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, какъ разсчитываютъ, ранѣе трехъ мѣсяцевъ, по недостатку въ лѣсѣ и другихъ матеріалахъ ([1]).

Въ «Courrier de Lyon» помѣщено слѣдующее описаніе урагана, 2-го (14-го) ноября, предъ Севастополемъ въ письмѣ изъ лагеря отъ 16-го числа:

«Уже въ теченіе недѣли сильные вѣтры чередовались съ холодными проливными дождями и дѣйствовали такъ же непріятно, какъ и самая своенравная французская осень.

«Третьяго дня на разсвѣтѣ буря началась проливнымъ дождемъ, сопровождаемымъ жестокимъ южнымъ вѣтромъ. Она быстро усилилась и превратилась въ неслыханный ураганъ. Херсонесская гавань, огражденная съ этой стороны двойнымъ амфитеатромъ холмовъ, сильно волновалась и пѣнилась, какъ кипящій котелъ. Вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ, разбрасывая ихъ на берегъ вихря

([1]) Русскій Инвалидъ 1854 г., № 275.

ми соленыхъ паровъ до того густыхъ, что корабли, стоявшіе въ глубинѣ бухты, исчезали въ этой морской пѣнѣ. Сквозь тучу видѣнъ былъ только лѣсъ наклонившихся мачтъ, разорванныя снасти и разлетающіе со свистомъ лоскутья парусовъ въ воздухѣ.

«Испуганные первымъ дѣйствіемъ бури, матросы спѣшили удвоить, утроить свои швартовы, тогда какъ жители лагеря, столпясь на берегу бухты, старались укрѣпить досчатые бараки или удержать палатки, готовыя разлетѣться.

«Всѣ начинали успокоиваться, но около 9 часовъ вѣтеръ вдругъ перебросился къ западу съ невообразимою силою и яростью. Всѣ усилія, всѣ мѣры предосторожности были безполезны. Палатки, бараки, унесенные однимъ порывомъ, перемѣшались съ бочками, связками фуража и тюками, скачущими по скату холмовъ. Доски, кострюли летали въ воздухѣ, какъ сухіе листья.

«Въ гавани опасность была ужасная, смятеніе всеобщее. Эта масса кораблей, загнанная вѣтромъ къ сѣверу, вдругъ, отъ дѣйствія урагана, быстро устремилась къ востоку, гдѣ ей угрожало совершенное разрушеніе. Корабли, сильно сталкиваясь между собою, сцѣплялись реями и снастями, нанося одинъ другому важныя поврежденія. Нѣкоторые изъ нихъ потонули или опрокинулись, другіе сѣли на мель, и между прочимъ «л'Эжипсіенъ», одинъ изъ прекрасныхъ пароходовъ марсельской кампаніи Базена.

«Нельзя себѣ составить понятія объ этомъ зрѣлищѣ безпорядка и ужаса, въ которомъ преобладалъ грозный ревъ морскихъ волнъ и изрѣдка пушечные выстрѣлы съ кораблей, терпящихъ бѣдствіе вдалекѣ.

«Эти печальные выстрѣлы возвѣщали опасность кораблей, стоявшихъ внѣ гавани, гдѣ они подвержены были всей ярости бури. Большая часть транспортныхъ судовъ, или принадлежащихъ къ эскадрамъ, искали сперва убѣжища въ береговыхъ бухтахъ. Но когда вѣтеръ быстро повернулъ къ западу, временное это убѣжище вскорѣ превратилось въ самое опасное мѣсто вблизи прибрежныхъ скалъ. Нѣкоторые, надѣявшіеся на эту береговую защиту, погибли

тамъ самымъ жалкимъ образомъ. Флотскіе корабли, болѣе осторожные и лучше управляемые, потерпѣли сравнительно мало. Главныя потери пали на суда коммерческія.

«Семнадцать англійскихъ транспортовъ, стоявшихъ на якорѣ у мыса Качи, выброшены были на берегъ. У береговъ Херсонесской губы погибло только семь кораблей. 6 французскихъ и итальянскихъ кораблей разбились о скалы, и небольшой военный англійскій пароходъ потерпѣлъ ту же участь. Балаклава была свидѣтельницею еще большаго несчастія: 8 большихъ англійскихъ транспортовъ погибли съ людьми и грузомъ. Ихъ раздробило объ исполинскія скалы, окружающія внѣшній рейдъ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ войти въ тѣсный входъ гавани при такой бурной погодѣ.

«Не смотря на свирѣпствующій ураганъ, или, лучше сказать, именно по причинѣ урагана, я поѣхалъ вдоль берега, чтобъ посмотрѣть на это величественное зрѣлище грозной природы. Картина бури въ открытомъ морѣ трогаетъ зрителя не личною опасностью, которой онъ подвергается, но поэтическою красотою, которой нельзя сравнить съ зрѣлищемъ раздраженныхъ, чудовищныхъ волнъ, разбивающихся о берегъ съ громовыми раскатами.

«Въ этотъ день Понтъ Эвксинскій по истинѣ заслуживалъ названіе Чернаго моря, данное ему генуэзскими мореплавателями. Мрачныя волны его смѣшивались съ темными тучами, пробѣгавшими съ невѣроятною быстротою по волнуемой его поверхности, изливая потоки дождя, смѣшаннаго съ порывами снѣга и града.

«Сквозь этотъ сѣроватый туманъ видны были вдали на пушечный выстрѣлъ тѣни четырехъ большихъ винтовыхъ кораблей, извергающихъ столбы дыма и тяжело качающихся на волнахъ. Ближе, при входѣ въ губу, цѣлая эскадра паровыхъ фрегатовъ съ пылающими печами качалась и ныряла въ безпорядкѣ посреди множества другихъ малыхъ кораблей. Одинъ парусный фрегатъ, сорванный съ якорей, бросился въ средину двухъ большихъ пароходовъ; машины ихъ были безсильны противъ ярости урагана. Эти три корабля заградили входъ въ гавань, цѣпляясь между собою и стал-

киваясь одинъ съ другимъ: у одного былъ проломленъ бокъ бакборда, а у другого сорваны нительсы. Порвись хоть одинъ швартовъ, и всѣ три погрузились бы въ воду въ бухтѣ съ отвѣсными берегами, и не спасся бы ни одинъ человѣкъ.

«Исполинскія волны, покрытыя обломками кораблей, съ ужаснымъ трескомъ разбивались о скалы. При каждомъ отливѣ волны, слѣдующая волна загибалась во всю свою ширину огромнымъ пѣнистымъ свиткомъ, и въ видѣ водопада низвергалась въ глубину водной долины, ударяясь о стѣну утесовъ, изрытыхъ пещерами.

«Притомъ, среди кипящей, пѣнистой воды, видны были носящіяся въ безпорядкѣ части и остовы кораблей, пробитыя бочки, раздробленныя мачты. Земля дрожала на краю этой бездны, издавая густой дымъ влажныхъ вихрей пѣны и песку, разносимыхъ вѣтромъ до вершины холмовъ.

«Недалеко оттуда бригъ съ грузомъ лошадей выброшенъ былъ весь на берегъ, втѣснившись клиномъ между скалами. Волны били его то справа, то слѣва съ непреодолимою силою. Воспользовавшись минутою, когда его накренило къ сторонѣ берега, экипажъ перебрался на сушу. На другой день спасли часть лошадей, оставшихся въ живыхъ.

«Немного выше другое судно набѣжало на разбитый остовъ генуэзскаго корабля, затонувшаго за недѣлю предъ тѣмъ съ полнымъ грузомъ военныхъ припасовъ, и стояло прямо носомъ къ вѣтру, какъ бы на сухомъ пути. Эта опасная скала была буквально покрыта размоченными сухарями и мукою, превратившеюся въ тѣсто.

«Третье, четвертое суда покрывали берегъ разбитыми своими членами. Пятое, брошенное въ глубину бухты, представляло самое печальное зрѣлище. Это судно, «Персеверанца», было зафрактовано французскимъ правительствомъ въ Ливорнской гавани и обозначалось нумеромъ 202. На немъ перевозился изъ Варны въ Крымъ послѣдній отрядъ въ 25 человѣкъ 4-го гусарскаго полка съ лошадьми.

«Семнадцать дней было оно въ пути и, наконецъ,

взято на буксиръ однимъ паровымъ фрегатомъ. Но въ ту минуту, какъ разразилась буря, по утру, поршень машины переломился, и фрегатъ отбросило на «Персеверанцу», которая едва не пошла ко дну. Это ужасное столкновеніе произвело пробоину, и капитанъ искалъ убѣжища въ малой бухтѣ, гдѣ думалъ выйти на берегъ.

«Ураганъ помѣшалъ ему. Вѣтеръ вдругъ перескочилъ на другую сторону, галіотъ лишился мачтъ и брошенъ былъ на берегъ. Капитанъ и италіанскій экипажъ его поспѣшили спастись прежде всѣхъ съ своимъ имуществомъ. Только 10 гусаровъ помѣстились въ большой лодкѣ, заваленной узлами. Подъѣзжая къ берегу, она разбилась. Капитанъ потонулъ, по счастію для него, потому что, иначе, какъ главный виновникъ, онъ подвергся бы заслуженному наказанію.

«Когда я прибылъ къ берегу, испуганные матросы были еще въ отчаяніи отъ этой потери и отъ подмочки своихъ пожитковъ. Негодяи ни слова не говорили о нашихъ солдатахъ, брошенныхъ ими въ отчаянномъ положеніи.

«Корабль лежалъ на боку; палуба, наклоненная къ землѣ, была едва на пистолетный выстрѣлъ отъ берега. Семь гусаровъ, оставшихся на суднѣ, прицѣпились къ нительсамъ и къ руфу (шалашъ на кормѣ). Одинъ или двое звали на помощь, умоляя своихъ товарищей о состраданіи; остальные безмолвно и неподвижно покорялись неминуемой гибели, или не понимали опасности своего ужаснаго положенія.

«Ежеминутно огромныя волны, стѣсненныя въ губѣ, покрывали разбитый корпусъ корабля цѣлою водяною горою. На минуту погибающіе исчезали въ пѣнѣ волнъ. При отливѣ же волна опрокидывала корабль въ противную сторону, тяжело взбрасывая его на голыя скалы и разбивая мало по малу, тогда какъ мачты, удержанныя еще снастями, били въ бока корабля, какъ стѣнобитныя.

«Одинъ изъ спасшихся гусаръ побѣжалъ за помощью въ гавань, въ 4-хъ верстахъ оттуда. Вскорѣ явились до 50 солдатъ и отрядъ матросовъ, предводимые офицерами. Многіе изъ этихъ людей неустрашимо отваживали жизнь свою.

бросаясь вплавь, чтобъ привязать къ кораблю веревку и спасти остальныхъ гусаръ. Напрасно! Море съ яростію выбрасывало на берегъ этихъ неосторожныхъ ревнителей, избитыхъ и полумертвыхъ. Самые старые матросы, самые храбрые офицеры сознались наконецъ въ безсиліи при борьбѣ съ подобнымъ ураганомъ.

«Двое изъ этихъ несчастныхъ, видя свою гибель, пытались сами спастись съ судна. Но, окоченѣвши отъ холода, они не имѣли силъ или догадки раздѣться Первый бросился вплавь, но въ то же самое мгновеніе исполинская волна покрыла корабль и захлынула его, какъ боченокъ, между обломками сваленыхъ мачтъ. Когда волна отхлынула, несчастный уже не являлся на поверхности пѣны, покрывавшей скалы.

«Другой гусаръ не испугался этого примѣра. Онъ спустился осторожно, держась за обрывки вантъ. Новая волна хлынула на корабль. Гусаръ выждалъ благопріятную минуту, и когда волна отбѣжала, онъ бросился въ море. Два раза исчезалъ онъ подъ волнами и два раза всплывалъ, не въ силахъ будучи подвинуться впередъ. Несчастный запутался шпорами въ изорванныхъ парусахъ.

«Всѣ зрители ужасной сцены съ невыразимымъ страхомъ слѣдили за этою борьбою. Кричали, дѣлали знаки, чтобъ остальные люди на кораблѣ бросили веревку своему товарищу. Но еслибъ ревъ бури и дозволилъ слышать эти голоса, несчастные, окоченѣвъ отъ холода и ужаса, не въ состояніи были бы понять или исполнить это приказаніе.

«Голова гусара въ синей шапкѣ все еще всплывала надъ волнами. Съ чрезвычайнымъ усиліемъ поднялся онъ однажды весь изъ воды, уцѣпясь за веревку, висѣвшую съ бугшприта. Пять ужасныхъ, предсмертныхъ минутъ держался онъ за эту веревку, то погружаясь на дно, то вздымаясь на высоту, по качкѣ корабля. Наконецъ силы его истощились: онъ выпустилъ изъ рукъ веревку, упалъ и исчезъ навсегда. Всѣ собравшіеся на берегу отворотились и невольно вскрикнули.

«Никто уже не надѣялся на спасеніе этихъ людей.

Солдаты и матросы печально возвратились въ гавань одинъ за другимъ, чтобъ не видать ужасной развязки этой драмы.

«Что должны были чувствовать оставшіеся на кораблѣ? Оставленные всѣми, они видѣли себя осужденными безнадежно, видѣли предъ собою одинъ пустынный берегъ, и стояли на кораблѣ, который разрушался подъ ногами ихъ. Наступала ночь, а море, вмѣсто того чтобъ успокоиться, свирѣпствовало еще ужаснѣе, нежели при началѣ урагана. Снѣжная мятель и градъ присоединились къ печальному мраку зимнихъ сумерокъ. Видъ поля сраженія при Инкерманѣ не такъ сжималъ мое сердце, какъ эта сцена кораблекрушенія.

«Въ продолженіе ночи корабль распался. Другіе отряды солдатъ и матросовъ прибѣжали къ берегу со всѣми спасительными средствами, которыя могли достать, и успѣли избавить отъ смерти бо́льшую часть гусаръ, оставшихся на кораблѣ. Изъ 24-хъ человѣкъ погибло только 6: не говорю о капитанѣ и экипажѣ.

«Возвратясь въ гавань, я взглянулъ на Севастополь, и въ одну изъ минутъ, когда воздухъ очистился отъ снѣжной мятелицы, замѣтилъ три или четыре бѣловатыя облачка, отдѣляющіяся отъ черныхъ небесныхъ тучъ, и означавшія, что бомбардировка не прекращалась. Злоба людей дерзала смѣшиваться съ яростію стихій. Боже мой! какъ она казалась мала и жалка посреди этого величественнаго неистовства урагана! Всѣ лагери союзной арміи были разрушены. Разорванныя палатки разсѣяны были въ безпорядкѣ. Офицеры и солдаты должны были провести печальную ночь въ грязи, безъ огня и безъ пристанища.

«Тридцать англійскихъ драгунскихъ лошадей прибѣжали въ испугѣ въ лагерь африканскихъ егерей. Почти всѣ счетныя книги и бумаги арміи были унесены бурею. Онѣ летали по воздуху, какъ дикія утки. Списки 3-ей дивизіи найдены были въ 4-хъ верстахъ. Нѣкоторые странные эпизоды заставили нашихъ солдатъ смѣяться даже во время самой сильной бури. Такъ, напримѣръ, во 2-й дивизіи всѣ барабаны одного баталіона покатились по скаламъ, и по-

летѣли по воздуху къ русскимъ. Одинъ изъ барабанщиковъ, въ отчаяніи, что лишается своего инструмента, побѣжалъ за нимъ, и на лету догналъ его въ оврагѣ, но тутъ вмѣстѣ съ нимъ самъ былъ подхваченъ вѣтромъ, и едва не подвергся печальной участи тѣхъ пяти юнговъ, о которыхъ разсказываетъ Марріетъ, что они, во время фантастическаго урагана, получили приказаніе удержать парикъ своего командира, и были унесены сильнымъ порывомъ сѣверо-западнаго вѣтра, повиснувъ на пяти вырѣзкахъ этого страннаго парашюта. — Два барабана, и люди и инструменты удержаны были во-время гренадерами. Но это было слабое вознагражденіе за потерю большого барабана, который былъ легче, и за которымъ гнался тяжеловѣсный музыкантъ. То скачками, то полетомъ чрезъ горы и долины, онъ долженъ былъ перейти въ линіи князя Меншикова» ([1]).

Адмиралтейство сообщило газетамъ имена судовъ, погибшихъ въ бурю 14-го ноября: «Брошены на берегъ, на высотѣ Качи (экипажи спасены): «Pyrènée», «Gange», «Bodwell», «Lord Raglan», «Tyrene» («Pyrènée» сгорѣлъ). «Danube» погибъ близъ Херсонесскаго мыса, экипажъ спасенъ. Брошены на берегъ близъ Евпаторіи и лишились мачтъ: «La Majesté», «Asia», о 53 пушкахъ, «Glendalough», о 85, «Harbinger», о 61, «Georgiana», о 81 пушкѣ. Экипажи остались на судахъ. У двухъ другихъ транспортныхъ судовъ частью сломаны мачты. Разбились о Балаклавскія скалы: «Prince», «Resolute», «Wentworth», «Wilduave», «Progress», «Wanderer», и «Malta». Въ Балаклавѣ сорваны съ якорей, хотя безъ большой опасности, «Malbourne», «Pride of the Ocean», «Lady Valiant», «Mercia Caduelus» и «Sir Robert Sale». Потеря людьми велика. Судно «Victoria», въ Балаклавскомъ портѣ, потеряло руль. Другія суда въ гавани повреждены въ верхнихъ частяхъ своихъ ([2]).

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 276, С.-Петерб. вѣд. 1854 г., № 275.
([2]) С.-Петерб. вѣд. 1854 г., № 271.

Въ дополненіе къ сообщенному нами описанію бури 14-го ноября, предлагаемъ еще слѣдующій отрывокъ изъ письма о томъ же предметѣ, напечатаннаго въ «Монитёрѣ»: «Около 7 часовъ, когда поднялась буря, произошла потрясающая сцена. Адмиралъ *Брюа*, который былъ на берегу и возвращался изъ главной квартиры, видя состояніе моря и опасность, угрожавшую его кораблю, хотѣлъ немедленно возвратиться на свой корабль. Его шлюпка, гонимая порывами вѣтра, показывалась и исчезала подъ водою; каждый смотрѣлъ на него съ безпокойствомъ и слѣдилъ за нимъ глазами. Онъ доплылъ до корабля «Montebello», спустилъ свой фокъ-зайлъ, и, послѣ неслыханныхъ усилій, причалилъ къ кораблю сзади. Извѣстно, какъ затруднительно въ бурное время причаливать къ судну: адмиралъ, очевидно, подвергался большой опасности, потому что вѣтеръ легко могъ унести его шлюпку въ открытое море. Съ этой минуты, буря начала усиливаться. Пароксизмъ ея продолжался съ 9 часовъ до полудня, когда она обратилась въ ураганъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что поверхность моря сдѣлалась совершенно бѣлою, какъ будто была покрыта слоемъ снѣга. Неоднократно морскіе брызги, поднимаемые яростнымъ вѣтромъ, наводняли воздухъ на огромной высотѣ, окружали корабль, погруженный какъ бы въ облако, скрывали отъ него видъ неба и моря и упадали на него съ силой яростнаго водоворота. Въ теченіе часа шквалъ былъ такъ ужасенъ, что нѣсколько разъ лица, находившіяся на палубѣ, должны были прилечь, и офицеры должны были прикрѣпляться чѣмъ-нибудь къ полу, чтобы продолжать свою службу, потому что вѣтеръ поднималъ ихъ на воздухъ. Съ корабля ничего не было видно далѣе разстоянія пистолетнаго выстрѣла. Буря продолжалась 24 часа: мы разсчитали, что въ эти ужасныя сутки средняя скорость вѣтра доходила до 25 метровъ въ секунду и нѣсколько разъ даже превышала скорость 30 и 35 метровъ, которую наука присвоиваетъ ураганамъ. Мы узнали, что нѣсколько деревьевъ, которыя росли на склонѣ небольшого холма близъ бывшаго обсерваціоннаго лагеря русскихъ, вырваны изъ земли и унесе-

ны вихремъ на большое разстояніе. По свидѣтельству опытныхъ лоцмановъ, Черное море въ теченіе 15 лѣтъ не видало столь ужаснаго урагана. Послѣдній подобный былъ въ 1839 году. Въ то время погибли 3 корабля и 2 фрегата русскаго флота, находившагося въ открытомъ морѣ, и 42 купеческія судна, изъ которыхъ многія потерпѣли крушеніе въ виду Одесскаго порта».

Въ газетѣ «Patrie» также напечатано письмо изъ Балаклавы о томъ же предметѣ. Чтобы не утомлять читателей излишними подробностями, мы извлекаемъ изъ него только слѣдующій анекдотъ: «На дняхъ прибыла въ Крымъ одна премилая женщина, чтобы повидаться съ своимъ мужемъ. Послѣ трехмѣсячнаго труднаго плаванія, корабль, на которомъ она находилась, подвергся страшной бурѣ 14 ноября и потерпѣлъ крушеніе. Эта мужественная женщина бросилась въ море и спаслась, потерявъ только все, что было при ней, платья, драгоцѣнныя вещи и значительную сумму денегъ. Но за то она имѣла удовольствіе провести день со своимъ мужемъ, лейтенантомъ въ 1-мъ артиллерійскомъ полку, а на другой день отправилась обратно на кораблѣ «Christophe-Colomb» (¹).

Корреспонденты англійскихъ газетъ сообщаютъ дневникъ лагерной жизни подъ Севастополемъ:

Ноября 12-го. Вчера вечеромъ дождь прекратился и ночь была ясная, хотя нѣсколько холодная. Утро солнечное и свѣтлое; сильный вѣтеръ дуетъ съ юго-востока. Погода умѣренная. Войскамъ данъ приказъ быть готовыми взяться за оружіе по данному знаку. Ожидали движенія непріятеля противъ Балаклавы, но ничего подобнаго не случилось. Говорятъ, что всѣ французскія подкрѣпленія уже прибыли. Часть вновь прибывшихъ войскъ высажена въ Балаклавѣ, большее же число въ двухъ гаваняхъ близъ Херсонесскаго мыса. Многіе изъ британскихъ офицеровъ отправились на корабли подъ предлогомъ болѣзни. Герцогъ Кембриджскій находится въ числѣ ихъ. къ сожалѣнію надо

---

¹) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 273

сказать, что въ 46-мъ полку, со времени его прибытія, было нѣсколько смертныхъ случаевъ холеры.

Ноября 14-го. Вчерашній день погода стояла дождливая, вѣтряная и непріятная; ночь была сравнительно хороша и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ тиха, но потомъ поднялся ураганъ, который и до сихъ поръ не прекратился. И окна, деревья и палатки во всѣхъ направленіяхъ падаютъ подъ его порывами. Ураганъ начался совершенно неожиданно; когда, въ половинѣ шестого, я вышелъ изъ палатки, было еще довольно тихо. Въ половинѣ седьмого ударилъ громъ, блеснула молнія и разразилась буря, какой я никогда не видывалъ въ Англіи. Между тѣмъ нѣсколько отрядовъ войскъ, прибывшихъ изъ Англіи, высадились вечеромъ при Херсонесскомъ мысѣ и, по колѣна въ вязкой глинѣ, отправились, не смотря на темноту, въ лагерь, отстоящій оттуда на пять миль. Главнокомандующій послалъ къ нимъ на встрѣчу, съ предписаніемъ остановиться тамъ, гдѣ они будутъ въ 11 часовъ. Здѣсь они были приняты подъ кровъ и получили по порціи рому. Это было счастливое событіе для бѣдняковъ. Рано поутру можно было встрѣтить офицеровъ, промокшихъ до костей и бродящихъ въ однихъ шинеляхъ, отыскивая крова, куда бы пріютиться отъ безпощадной бури. Палатки снесло, когда они находились въ постелѣ. Ничто не могло противиться ярости бури, за исключеніемъ развѣ турокъ. Невѣрные опытнѣе насъ въ устройствѣ палатокъ. Сильно опасаются за корабли, находящіеся внѣ балаклавской гавани. Буря реветъ такъ сильно, что я не слышу пушечныхъ выстрѣловъ, но, вѣроятно, стрѣльба идетъ обычнымъ порядкомъ. Ураганъ продолжается. Палатки лежатъ, низверженныя по всему англійскому и французскому лагерю; владѣльцы ихъ борются съ яростію вѣтра, который осыпаетъ ихъ то снѣгомъ, то градомъ. Зданіе, построенное французами изъ досокъ, для помѣщенія раненыхъ, также сравнено съ землею, и несчастные больные отданы на жертву непогоды.

Ноября 15-го. Градъ и иней покрылъ вчера нѣкоторыя изъ окружающихъ возвышеній; погода сегодня холодная,

вѣтеръ нѣсколько утихъ, но до сихъ поръ еще рѣзокъ. По полудни я отправился въ Балаклаву и видѣлъ по дорогѣ много быковъ и лошадей, недавно околѣвшихъ. Гавань была наполнена связками сѣна, обломками судовъ и другими признаками опустошительной силы урагана. За милю далѣе, близъ французскаго лагеря, мы нашли до 50 остововъ быковъ, околѣвшихъ вслѣдствіе непогоды, истомленія и недостаточной пищи. Нѣсколько французовъ сдирали съ нихъ кожу, послѣ чего остатки будутъ брошены въ яму и, можетъ быть, прикрыты землей.

Ноября 16-го. Утро ясно, холодно и бурно. Выстрѣлы осадныхъ орудій слышатся по обыкновенію. Три зуава, улегшись подъ стѣной, чтобы защититься отъ непогоды, заснули и найдены поутру мертвыми. Я отправился въ Балаклаву, но не нашелъ тамъ ничего новаго, за исключеніемъ только слишкомъ большого числа погребальныхъ церемоній. Раненые и больные безпрерывно поступаютъ въ походные лазареты; госпитали и корабли снова будутъ завалены больными; снова окажется недостатокъ въ докторахъ. Возвращаясь, я замѣтилъ, что число околѣвшихъ лошадей увеличилось сравнительно съ прежнимъ [1].

Корреспондентъ газеты «Times» слѣдующимъ образомъ описываетъ бурю, происходившую въ лагерѣ подъ Севастополемъ 14-го ноября. «Сегодня надъ лагеремъ разразилась буря. Она началась около 7-ми часовъ поутру, и ей предшествовалъ дождь и шквалъ S. W. и SS. W. Уже около часа я находился въ состояніи среднемъ между сномъ и бодрствованіемъ, вслушиваясь, какъ дождь билъ по трепещущей парусинѣ, или стараясь спастись отъ потоковъ воды которые, проникнувъ во внутрь палатки, смачивали наши одѣяла и собирались лужами въ складкахъ макинтоша. Мало по малу шумъ дождя, тяжело падавшаго на землю, исчезъ за воемъ вѣтра и ударами парусины палатокъ. Парусина, натянутая по сторонамъ палатки и придержи-

[1] С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 274.

каемая большими камнями, начала приподниматься и надуваться, оставляя свободный входъ вѣтру, который гналъ прямо намъ въ лицо цѣлые потоки. Почва размягчилась, и передъ палатками стояли лужи, обозначавшія слѣды, оставленные лошадями или скотомъ. Грязь и грязь, взметаемая вѣтромъ, покрывала все пространство земли, объемлемое глазомъ. Между тѣмъ, геній бури, страшный и яростный, все приближался. При каждомъ новомъ порывѣ, палаточный шестъ трепеталъ и гнулся какъ тонкій прутъ, и петли жалобно скрипѣли. Вдругъ что-то сильно треснуло. Я посмотрѣлъ на моего товарища, который, принявъ, кажется, твердое намѣреніе не слыхать весь этотъ шумъ и заглушить собственное самосознаніе, спряталъ голову подъ цѣлою грудою платья. Новый порывъ вѣтра—и палатка нагнулась до того, что снова раздался трескъ. «Вставайте, докторъ», закричалъ я: «что вы спите; палатка падаетъ!» Докторъ приподнялся изъ-подъ груды платья. Надо сказать, что если докторъ былъ въ чемъ твердо убѣжденъ, такъ это въ своемъ палаточномъ шестѣ. Въ срединѣ шеста была рѣшительная трещина, но докторъ принялся доказывать, на основаніяхъ анатоміи, математики и физики, что эта трещина можетъ послужить только къ большей твердости шеста, и что никакая сила Эола не въ состояніи низвергнуть его. «Шестъ простоитъ до скончанія вѣка,» сказалъ докторъ въ заключеніе, потомъ свернулся и спрятался подъ своими одѣялами. Едва только подъ одѣялами все успокоилось, что означало со стороны доктора совершенный комфортъ и довольство, какъ вдругъ налетѣлъ съ воемъ новый порывъ вѣтра и ударилъ въ насъ съ страшною силою. Когда онъ приближался къ намъ, мы слышали трескъ палаточныхъ шестовъ и парусины. Шестъ въ нашей палаткѣ переломился въ срединѣ; тотчасъ же навалилась на насъ мокрая парусина, едва не задушившая насъ, и съ величайшею яростью начала надѣлять насъ ударами по головѣ. Задыхаясь, поползли мы ощупью къ двери. Какое зрѣлище предстало нашимъ глазамъ! Весь лагерь главной квартиры былъ прибитъ къ землѣ, и несчастные обитатели бѣгали по грязи во всѣхъ направле-

ніяхъ, охотясь за своими пожитками и платьемъ, или пробиваясь къ лишеннымъ крышъ и оконъ амбарамъ и конюшнямъ, гдѣ они надѣялись найти убѣжище. Только три палатки устояли противъ вѣтра — генерала *Эсткорта*, сэра *Бургоина* и маіора *Пакенгама*. Генералъ возвелъ очень искусную каменную стѣну вокругъ своей палатки, но еще до полудня палатка пала подъ ударами вѣтра; палатка маіора подверглась той же участи еще прежде. Ближайшая къ намъ палатка была капитана *де-Мореля*, адъютанта генерала Эсткорта. Она лежала на землѣ. Я посмотрѣлъ на нее и замѣтилъ, что парусина приводилась въ движеніе отъ какой-то внутренней причины и принимала самыя фантастическія формы. Причина скоро объяснилась появленіемъ благороднаго обитателя палатки, который отчаянно боролся съ вѣтромъ, рѣшительно сопротивлявшимся его усиліямъ сбросить съ себя парусину. Капитанъ *Четвудъ*, не смотря на дождь и на грязь, въ одной рубашкѣ и нижнемъ платьѣ, какъ сумашедшій, гнался за фуражкой, воображая, что она принадлежитъ ему. Послѣ отчаянныхъ усилій ему удалось схватить ее, но оказалось, что это была фуражка его денщика. Воздухъ былъ наполненъ одѣялами, фуражками, шинелями, сюртуками и даже столами и стульями. Макинтоши, ватныя одѣяла, каучуковая посуда, постельное бѣлье, палаточная парусина, все это, кружась какъ сухіе листья, неслось по направленію къ Севастополю. Немногія крыши, которыя существовали въ лагерѣ, сорвало и разбросало по землѣ; часть крыши съ дома лорда *Раглана* снесло въ слѣдъ за ними. Амбары и коммисаріатскіе сараи сравнены съ землею. Чтобы представить вамъ еще примѣры силы вѣтра, я скажу, что большія телѣги, стоявшія вблизи насъ, были опрокинуты, что люди и лошади были сбиты съ ногъ и катились нѣсколько времени по землѣ, что госпитальныя повозки были опрокинуты вверхъ дномъ, и что тяжелый столъ капитана Четвуда былъ приподнятъ съ земли, кружился, пока не отлетѣли отъ него полы, и потомъ ударился о-земь безъ ножки и съ сильными поврежденіями. Морскіе солдаты и стрѣлки, находящіеся на балаклав-

скихъ возвышеніяхъ, лишились палатокъ, одежды, всего: буря срывала все это съ скалъ и бросала въ заливъ; люди принуждены были цѣпляться за землю со всею силою, чтобы избѣжать подобной участи. На возвышеніяхъ, занимаемыхъ 2-ю дивизіей, буря свирѣпствовала съ такою же силою. Вершины, равнины и холмистая поверхность земли между оврагами, еще недавно столь привлекательныя подъ лучами осенняго солнца, унизанныя рядами бѣлыхъ какъ снѣгъ палатокъ, теперь были обнажены и пустынны, покрыты черною и вязкою грязью и разбросанными кучами грязной парусины. Прямо противъ насъ лагерь африканскихъ стрѣлковъ представлялъ такой же видъ опустошенія и нищеты. Небольшія «tentes abri» нѣсколько минутъ стояли противъ вѣтра, но потомъ были увлечены въ общее разрушеніе. Поверхность земли была покрыта лошадьми, вырванными изъ пикетовъ. До половины нашихъ кавалерійскихъ лошадей сорвались съ привязи. Французы, желая укрыться отъ вѣтра за остатками какой нибудь старой стѣны или насыпи, разсыпались по долинамъ во всѣхъ направленіяхъ Наши солдаты, болѣе стойкіе и упорные, оставались подъ ударами вѣтра и дождя передъ своими низверженными палатками, или собирались группами передъ своимъ бывшимъ лагеремъ. Въ продолженіе всего этого страшнаго дня раздавались крики: «ведите насъ на Севастополь; лучше намъ сражаться съ русскими батареями, чѣмъ оставаться здѣсь, чтобы сдѣлаться жертвами бури». Одинъ изъ полковъ, говорятъ, выразилъ духъ неповиновенія. Нѣсколько молодыхъ рекрутъ, только что прибывшихъ изъ Англіи, отказались идти въ подобную погоду работать въ траншеяхъ, но товарищи скоро усовѣстили ихъ. Говорятъ, что лазаретныя палатки всѣ повержены на землю, и что больные должны были раздѣлить участь пользующихся самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ и самыхъ сильныхъ. Обращая взоръ на возвышенія, на которыхъ французы возвели обширныя и крѣпкія деревянныя зданія, для помѣщенія госпиталя и военныхъ припасовъ, глазамъ представляются только нѣсколько разбросанныхъ досокъ. Раненые въ сраженіи 5-го ноября, которыхъ нахо-

дилось въ госпиталѣ нѣсколько сотенъ, принуждены были переносить непогоду, какъ могли. Многіе сдѣлались ея жертвами! Во всѣхъ направленіяхъ глазъ встрѣчаетъ новыя сцены опустошенія. Палатки гвардейцевъ лежали на землѣ, а обитатели ихъ, столпившись кучею, жались къ стѣнѣ хлѣбнаго амбара. Оружіе ихъ разбросано было въ грязи. Гвардейскіе офицеры собрались къ коммисаріатскимъ амбарамъ и нашли здѣсь отчасти защиту. Внутри коммисаріатскаго двора виднѣлись опрокинутыя телѣги, мертвыя лошади и толпы дрожащихъ людей; ни одной палатки не осталось на мѣстѣ. Возвышался одинъ домъ лорда Рагглана, съ своими дымящимися трубами и бѣлыми стѣнами. Палатки нашихъ генераловъ точно также не могли противиться урагану, какъ палатки простыхъ солдатъ. Лордъ *Луканъ* нѣсколько часовъ просидѣлъ посреди обломковъ своего жилища. Лордъ *Кардиганъ* былъ боленъ и находился на своей яхтѣ въ Балаклавской гавани. Сэръ Джорджъ *Броунъ* лежалъ раненый на кораблѣ *Агемемнонъ*, въ Камышевой гавани; сэръ *де-Ласи Эвенсъ*, больной, находился на кораблѣ «Sanspareil», въ Балаклавѣ. Генералъ *Бентинкъ*, раненый, былъ на пароходѣ «Caradoc», въ Константинополѣ, на пути въ Англію. Герцогъ *Кембриджскій*, больной и упавшій духомъ, провелъ это время на пароходѣ «Retribution» и былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ этой страшной погоды на морѣ. Но генералы *Пенефазеръ*, сэръ *Ингландъ*, *Кемпбель*, бригадиръ *Адамсъ*. *Буллеръ*, однимъ словомъ всѣ генералы, полковники и офицеры, бывшіе въ это время въ лагерѣ, вытерпѣли столько же, сколько послѣдній солдатъ. Однако же въ этой пустынѣ сокрушенія уцѣлѣло нѣсколько палатокъ, какъ оазисовъ; многіе изъ полузамерзшихъ странниковъ обязаны спасеніемъ своей жизни тому пріюту, который здѣсь получили. Около 10 часовъ положеніе вещей было безнадежнѣе и неутѣшительнѣе чѣмъ когда либо, какъ мы вдругъ получили приглашеніе придти подъ покровъ одной уцѣлѣвшей палатки. Первымъ нашимъ дѣломъ было помочь владѣльцу укрѣпить палаточный шестъ въ его основаніи, потомъ намъ удалось устроить подпорку отъ вершины шеста къ сосѣдней стѣнѣ, и вскорѣ послѣ

того передъ каждымъ изъ насъ поставлено было по кружкѣ горячаго чая съ отличными сухарями и кусочкомъ масла. Мы устроили отличный завтракъ, который отравлялся только мыслію: «что станется съ бѣдными нашими товарищами, находящимися теперь въ траншеяхъ и на возвышеніяхъ!» Около 12 часовъ, вѣтеръ, дувшій съ юго-запада, поворотилъ болѣе на западъ и сдѣлался гораздо холоднѣе. Сперва шелъ дождь съ мокрымъ снѣгомъ, потомъ поднялась снѣжная буря, покрывшая всю эту сцену опустошенія бѣлой пеленою. Французскіе солдаты, въ большомъ упадкѣ духа, сходились къ нашимъ главнымъ квартирамъ и сообщили намъ свое горе. Всѣ ихъ палатки свалило вѣтромъ или сорвало; нѣтъ никакой возможности поправить ихъ; хлѣбъ ихъ подмокъ и испорченъ. Особенно жалки были африканскіе солдаты. Нѣкоторые изъ нихъ на другое утро найдены были мертвыми за линіями нашего кавалерійскаго лагеря. Мы также лишились нѣсколькихъ человѣкъ. Въ легкой дивизіи 4 человѣка умерли отъ холода. Въ 2 часа вѣтеръ немного утихъ и промежутки между порывами сдѣлались чаще и продолжительнѣе. Мы воспользовались однимъ изъ этихъ промежутковъ, чтобъ отправиться къ бывшей нашей палаткѣ, и, выпросивъ другой шестъ, съ помощію нѣсколькихъ солдатъ, поставили его на ночь. Но ясно, что намъ нельзя было положиться на его надежность, притомъ же полъ въ палаткѣ состоялъ изъ соединенія грязи и лужъ, а постели и платье промокли насквозь. Хотя палатка и была поднята, но въ нее со всѣхъ сторонъ столько набилось снѣгу, дождя и грязи, что нечего было и думать спать въ ней. Что было дѣлать? Вдругъ намъ пришла мысль, что, можетъ быть, есть свободное мѣсто въ амбарѣ, служащемъ конюшнею для лошадей свиты лорда Раглана. Мы тотчасъ же отправились по морю грязи, которое отдѣляло насъ отъ конюшни, и наконецъ добрались до нашей цѣли. Что за сцена представилась намъ! Свитскіе офицеры сидѣли около едва тлѣвшаго огонька; вдоль стѣнъ тѣсно помѣщались 30 или 40 лошадей, дрожа отъ холода и лягаясь. Гусары, въ своихъ длинныхъ шинеляхъ, стояли, смотря печально на хлопья,

снѣгу, которые набивались въ дверь или чрезъ щели въ крышѣ. Солдаты разныхъ полковъ толпились по угламъ; французы и турки, соединенные однимъ общимъ бѣдствіемъ, зажигали свои трубки у скуднаго огонька и тѣсно сидѣли для общаго удобства другъ подлѣ друга. Вѣтеръ дулъ сквозь крышу, щели въ стѣнахъ и въ окнахъ. Мы сидѣли въ темнотѣ, пока не наступила совершенная ночь. Слышались только завыванія вѣтра, вой дикихъ собакъ и ржаніе лошадей. Наконецъ зажгли огарокъ въ фонарѣ, принесли суточныя порціи свинины, нѣсколько ломтиковъ окорока, за которыми послѣдовали по стакану горячей воды съ ромомъ и трубка. Такъ какъ было холодно и неудобно, то мы скоро улеглись въ постель, то есть, на сѣно, разостланное на полу конюшни и прикрытое нашимъ платьемъ. Въ продолженіе дня съ русскихъ батарей мало стрѣляли, къ вечеру все стихло, кромѣ бури. Однако же въ продолженіе ночи мы были пробуждены сильной канонадой, а чрезъ нѣсколько времени вѣтеръ донесъ къ намъ залпы ружейной перестрѣлки. Всматриваясь по направленію звука, мы видѣли отблескъ выстрѣловъ сквозь щели крыши. Было ясно, что русскіе произвели вылазку противъ французскаго лагеря. Канонада продолжалась съ полчаса, потомъ постепенно ослабѣвала и наконецъ замолкла» (1).

Въ англійской газетѣ «Presse» напечатано слѣдующее письмо отъ 20-го ноября изъ Крыма отъ одного полкового священника: «Я назначенъ въ 4-ю дивизію, которая особенно сильно пострадала въ инкерманскомъ сраженіи. Прошлый вторникъ былъ здѣсь страшный день. Благородный корабль, на которомъ я прибылъ сюда («Prince»), пошелъ ко дну вмѣстѣ со многими другими; при этомъ погибло множество людей. Я пробужденъ былъ отъ сновидѣній о миломъ моемъ отечествѣ палаткою, которая упала на меня, и промокъ насквозь прежде, чѣмъ успѣлъ одѣться. Нельзя было развести огня, достать чаю или чего ни-

(1) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 279.

будь подобнаго. Для насъ, людей здоровыхъ, все это было еще не такъ важно. Но когда я отправился въ мой госпиталь, мнѣ представилось зрѣлище, способное расшевелить каменное сердце. Госпитальныя палатки всѣ снесло, и бѣдняки, страдающіе холерой, лихорадкой, поносомъ, лежали безъ всякой защиты противъ этой безжалостной бури, сопровождающейся самымъ рѣзкимъ дождемъ, который только мнѣ случалось видѣть и отъ котораго коченѣли всѣ члены. Я самъ видѣлъ, что не одинъ солдатъ умеръ въ этотъ день вслѣдствіе дождя. Не дай Богъ никогда видѣть опять подобной сцены! Излишне будетъ говорить, что послѣ такой ночи мнѣ было много дѣла и на кладбищѣ. Здоровье во всѣхъ полкахъ дивизіи поправилось, исключая 46-го. Между солдатами этого полка открылась холера особенно жестокаго свойства, и въ теченіе послѣднихъ дней мнѣ пришлось похоронить изъ нихъ болѣе тридцати человѣкъ. Сцены, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ госпиталяхъ, превосходятъ всякое описаніе. Я проводилъ здѣсь ежедневно нѣсколько часовъ. Когда я приподнималъ дверь палатки, меня встрѣчали со всѣхъ сторонъ криками: ко мнѣ! ко мнѣ! Послѣ этого мнѣ приходилось каждый разъ пробираться по полу заваленному умирающими, наклоняться къ землѣ и, оперпись на локти, говорить умирающему слова утѣшенія о будущемъ мірѣ. На кладбищѣ совершаю погребальную службу два раза каждый день, въ одиннадцать часовъ и въ три часа» ([1]).

Въ газетѣ «Times» пишутъ: «Состояніе погоды въ Крыму, въ настоящее время, самый важный фактъ, касающійся хода осады и положенія союзныхъ армій. Мы узнаемъ по опыту, какъ узнали уже весьма многое въ этой кампаніи, измѣнчивость климата Таврическаго полуострова.

По свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ лучшихъ источниковъ, нельзя, кажется, вовсе ждать сибирской температуры или продолжительности холода, къ которому войска наши привыкли въ Канадѣ; но измѣнчивость времени года,

---

([1]) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 285.

хотя не столь нестерпимая, какъ смертельные морозы на сѣверѣ, подвергаютъ самымъ тяжкимъ испытаніямъ терпѣніе и здоровье арміи. Потоки дождя, вихри, которые уносятъ палатки и полотняныя стѣны лагерей, посреди пространнаго океана грязи, хоть кого приведутъ въ отчаяніе и полагаютъ военнымъ операціямъ болѣе страшныя препятствія, чѣмъ всѣ средства оборонительной войны. Траншеи, наполненныя водой, или линіи и редуты, заваленные сугробами снѣга, подобными тѣмъ, которые заваливаютъ у насъ иногда линіи желѣзныхъ дорогъ, могутъ, на время, измѣнить характеръ операціи и вынудить новыя уловки, составляющія оселокъ военнаго искуства» ([1]).

Письма корреспондентовъ различныхъ иностраныхъ газетъ даютъ возможность сообщить слѣдующія свѣдѣнія о судахъ, претерпѣвшихъ крушеніе или получившихъ важныя поврежденія, во время бурь, свирѣпствовавшихъ въ Черномъ морѣ:

Октября 17-го (29-го), у румелейскихъ береговъ погибли египетскій военный фрегатъ «Bahire» и линейный корабль «Muphtahi Djehat». При этомъ несчастіи, на фрегатѣ изъ экипажа погибло 270 человѣкъ; корабль же, ударившись въ скалу, черезъ часъ представлялъ одни разрозненные обломки; изъ 900 человѣкъ, составлявшихъ его экипажъ, спаслись только 205. Въ числѣ потонувшихъ находится адмиралъ *Гассанъ-паша*, который, послѣ бомбардированія Севастополя, велъ свой корабль въ Константинополь для починки.

Во время этого перехода, значительныя поврежденія, произведенныя русскими ядрами подъ Севастополемъ, открыли въ трюмѣ корабля такую сильную течь, что адмиралъ былъ принужденъ вступить въ Босфоръ, не смотря на темную ночь и бурную погоду. Лоцманъ, принявъ береговой огонь за маячный, такъ ошибочно располагалъ курсомъ, что корабль набѣжалъ на подводную скалу и потерпѣлъ крушеніе. Адмиралъ Гассанъ-паша, несчастная

([1]) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 281.

жертва этой ошибки, былъ извѣстенъ въ Европѣ и Америкѣ, какъ отличный морской офицеръ. Познанія свои въ морскомъ дѣлѣ онъ пріобрѣлъ на американскомъ флотѣ, гдѣ служилъ около 10 лѣтъ.

По словамъ журналовъ, эскадры, находившіяся на Черномъ морѣ, во время жестокой бури 2-го (14-го) ноября, понесли неимовѣрныя потери. Одинъ изъ очевидцевъ этого страшнаго урагана описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Я желалъ бы представить вамъ картину страшной борьбы союзныхъ эскадръ съ необузданною яростью раздраженныхъ стихій.

«Моряки, подвергавшіеся опасностямъ на всѣхъ моряхъ, не помнятъ, чтобы имъ приходилось быть свидѣтелями подобной бури Представьте себѣ страшный вѣтеръ, угрожающій опрокинуть горы; потоки дождя, наводняющіе атмосферу; частый градъ, съ ожесточеніемъ ударяющій во все, что встрѣчаетъ на пути, и, наконецъ, взволнованное море, валы котораго равняются горамъ, — и вы будете имѣть еще неполное понятіе объ ужасномъ ураганѣ, свирѣпствовавшемъ 2-го (14-го) ноября. Жалѣю, что въ этой картинѣ я не могу выказать распорядительности адмираловъ, искуства командировъ, энергіи офицеровъ и неустрашимости матросовъ. Чтобъ достойно оцѣнить подвиги этихъ людей, надобно самому служить или, по крайней мѣрѣ, присутствовать на кораблѣ.

«Сколько нужно было имѣть самоотверженія, преданности и искуства, чтобъ, въ эту бурную ночь, по командному свистку, летѣть на вершины переломанныхъ мачтъ, ползти по реямъ и исполнять самыя трудныя корабельныя работы, въ темнотѣ, мѣшавшей въ двухъ шагахъ различать предметы.

«Но не станемъ удаляться отъ своего предмета. 2-го (14-го) числа, въ 6 часовъ вечера, на насъ набѣжалъ страшный порывъ вѣтра, дувшаго доселѣ попеременно отъ юга и юго-востока съ возрастающею силой; еще въ полдень нельзя было уже стоять на палубѣ, и наши бѣдные корабли, стоявшіе на 3-хъ якоряхъ, передъ Качею, начинало дрейфовать, при чемъ Jupiter навалилъ на Jean-Bart.

Въ началѣ 3-го часа ураганъ, казалось, удвоился. Этотъ невѣроятный вихрь выбросилъ на берегъ Качи 13 купеческихъ судовъ. Въ 3 часа вѣтеръ, вдругъ перейдя къ западу, утратилъ нѣсколько силы; при всемъ томъ наши корабли должны были дѣлать чудеса искуства, чтобъ не погибнуть или не быть раздавленными другъ другомъ.— Наступила ночь.—Вы можете себя представить, какою длинною и страшною она намъ казалась. Въ полночь турецкій адмиральскій корабль, дрейфуемый съ 4-хъ якорей, принимаетъ геройскія мѣры: рубитъ свои мачты, сбрасываетъ ихъ въ море и тѣмъ спасается отъ гибели. Въ 2 часа вѣтеръ и море утихли и наступило утро. Глаза всѣхъ обратились къ горизонту, и, какое счастье,—наши военные корабли всѣ на лицо. Впрочемъ, болѣе или менѣе важныя поврежденія обнаружились преимущественно въ парусныхъ судахъ. Когда вѣтеръ нѣсколько стихъ, были приняты мѣры къ поданію помощи претерпѣвшимъ крушеніе. Китоловный барказъ съ «Ville-de-Paris», отправленный къ бѣдствующимъ судамъ, въ одинъ мигъ былъ опрокинутъ и разбитъ въ дребезги. Одинъ старый морякъ, говоря объ этой ужасной бурѣ, между прочимъ замѣтилъ: «нынѣшняя ночь для моряковъ то же, что для солдатъ день инкерманской битвы».

Теперь перечтемъ потери, понесенныя эскадрами, застигнутыми описанною бурею. У крымскихъ береговъ разбились слѣдующія суда союзнаго флота: построенныйвъ Шербургѣ, французскій 100-пушечный корабль «Henry IV», капитанъ *Жегенне.* Этотъ корабль, стоя на рейдѣ города Евпаторіи, былъ брошенъ на 8-ми футовую мель и совершенно разбился; экипажъ и припасы большею частію спасены; надѣются также вытащить изъ воды пушки.

Французскій паровой военный корветъ «Pluton» въ 200 силъ; онъ былъ довольно старъ и, брошенный на ту же мель, что и «Henry IV», разрушенъ силою волнъ.

Турецкій военный фрегатъ (имя его неизвѣстно), разбился въ заливѣ Качи.

Англійскій винтовый пароходъ «Prince» потонулъ у балаклавскихъ береговъ, почти со всѣмъ экипажемъ, со-

стоящимъ изъ 150 человѣкъ, съ зимнею одеждою для арміи, грузомъ въ 500 тысячъ франковъ и водолазнымъ аппаратомъ, привезеннымъ изъ Англіи и назначеннымъ для взрыва русскихъ кораблей, затопленныхъ при входѣ на Севастопольскій рейдъ.

Англійскіе колесные пароходы: «Seenimphe» (погибъ со всѣмъ экипажемъ) «Brente», «Danube» и «Mina» выброшены на берегъ у Херсонесскаго маяка и совершенно погибли.

Англійскія транспортныя суда—казенныя № 3, № 53, № 55, № 61 и № 81; частныя «Pirenus» «Ganges» «Rodwel», «Lord-Raglan», «Fyreme», разбились на скалахъ у Евпаторіи. «Glendalough». «Harbinger», «Georgianna», «Resolute», «Kenilworth». «Weldevover», «Progres», «Wanderer», «Malta» и многія другія разбились въ заливѣ Качи; экипажи ихъ спасены.

Число всѣхъ погибшихъ судовъ доходитъ до 60-ти; изъ нихъ 27 выброшены на берегъ и 14 судовъ сожжено самими англичанами.

Кромѣ того получили важныя поврежденія слѣдующія суда: линейные корабли—«Jupiter». «Alger», «Ville-de-Paris» (послѣдній потерялъ руль). «Sanspareil» имѣлъ въ трюмѣ 5 футовъ воды, лишился 4-хъ якорей и паровой машины, которая сгорѣла; турецкій корабль (имя не извѣстно) былъ выброшенъ на берегъ Евпаторіи и лишился мачтъ, но не потерпѣлъ крушенія. На «Agamemnon» загорѣлась машина, и онъ едва могъ удержаться на морѣ. Военные пароходы: «Samson» лишился трехъ мачтъ; «Retribution» выбросилъ за бортъ всѣ свои орудія; на «Terrible» загорѣлась машина, волнами снесены кожухи и сдѣланы другія опустошенія; этотъ лучшій пароходъ во всемъ флотѣ едва не былъ выброшенъ на берегъ, и только на 4-хъ якоряхъ успѣлъ удержаться; «Britannia» имѣлъ въ трюмѣ до пяти футовъ воды; французскій военный фрегатъ «Sané» потерялъ пушку 30-ти-фунтоваго калибра; она оборвала брюкъ, вырвала рымы и, никого не задѣвъ, перелетѣла черезъ бортъ. О другихъ потеряхъ еще не получено оффиціальныхъ извѣстій; но нѣкоторые корреспонденты замѣчаютъ,

что крымскій берегъ усѣянъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, обломками кораблей и остатками ихъ груза.

Та же буря произвела опустошенія и на берегу Европейской Турціи. Такъ, въ Варнской гавани потерпѣли крушеніе французскія бригантины «Nouvelle» и «Jollieta», англійскій пароходъ «Trent-London», австрійская бригантина «Silfida» и сардинскіе пароходы: «Sacra-Familia» и «St.-Francesco». Въ Бальчикѣ разбилась французская бригантина «Courrier».

Въ дополненіе къ вышеизложенному представляется нижеслѣдующее извлеченіе изъ нашихъ оффиціальныхъ донесеній о состояніи судовъ, претерпѣвшихъ крушеніе, и о подвигахъ русскихъ отрядовъ войскъ, отправляемыхъ для спасенія пассажировъ и груза этихъ судовъ:

«Ноября 2-го (14-го) сильнымъ, порывистымъ западнымъ вѣтромъ выбросило на берегъ, недалеко отъ г. Евпаторіи, 17 непріятельскихъ судовъ, а именно: военныхъ — 2 двухъ-дечныхъ корабля, 2 парохода, въ 300 силъ, винтовую шкуну въ 100 силъ и казенный транспортъ; купеческихъ — большихъ судовъ 4, малыхъ 7. На косѣ, которая прилегаетъ къ городу и отдѣляетъ Черное море отъ Гнилого озера, находятся 10 изъ упомянутыхъ судовъ. Взять ихъ или уничтожить не позволялъ непріятельскій военный флотъ, расположенный весьма близко къ мѣсту бѣдствія.

При всемъ томъ, войсками резервной уланской дивизіи употреблены всѣ усилія, чтобы спасти экипажъ, пассажировъ и грузъ этихъ судовъ. Такъ, 3-го (15-го) ноября, командиръ 2-го дивизіона Уланскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны полка, маіоръ *Жолынскій*, взявъ нѣсколько казаковъ и взводъ уланъ, отправился, для спасенія погибающихъ, къ опрокинутому купеческому кораблю, на которомъ было до 60-ти человѣкъ пассажировъ. Замѣтивъ нашихъ солдатъ, непріятель началъ стрѣлять по нимъ ядрами и гранатами; огонь былъ такъ силенъ, что команда принуждена была отсту

нить, при чемъ маіоръ Жолынскій контуженъ въ голову; другихъ потерь не было.

Верстахъ въ трехъ на югъ отъ означеннаго мѣста стояла на мели итальянская купеческая шкуна съ товарами и 12-ю пассажирами. Уланы и казаки, съ большими затрудненіями, успѣли спасти погибавшихъ: командира шкуны, его жену и 10 человѣкъ матросовъ.

Въ тотъ же день замѣченъ былъ непріятельскій купеческій корабль, стоявшій на мели, саженяхъ въ ста отъ берега. Извѣщенный объ этомъ, командиръ Уланскаго Его Императорскаго Высочества эрцъ-герцога австрійскаго Леопольда полка, генералъ-маіоръ *Терпилевскій*, взявъ изъ деревни Айсабай взводъ конно-легкой № 19-й батареи, подъ прикрытіемъ взвода своего полка, прибылъ къ берегу и, замѣтивъ, что на кораблѣ не было людей, немедленно принялъ мѣры къ спасенію груза. Охотники, верхомъ на лошадяхъ, отправились къ мѣсту бѣдствія; но, дойдя до половины разстоянія, встрѣтили препятствіе: — огромныя и сильныя волны, сбивая лошадей съ ногъ, принудили уланъ возвратиться къ берегу. Тогда поручикъ означеннаго полка *Роторяновъ* и съ нимъ нѣсколько охотниковъ, умѣвшихъ плавать, раздѣлись до нага и, упираясь пиками во дно моря, отправились къ кораблю; но то же самое препятствіе сдѣлало и эту попытку безуспѣшною. Когда, такимъ образомъ, не оставалось никакой надежды спасти грузъ, то было рѣшено уничтожить корабль гранатами: взводъ конно-легкой № 19-й батареи открылъ огонь; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ корабль загорѣлся, а черезъ часъ былъ со всѣхъ сторонъ охваченъ пламенемъ.

Въ тотъ же день, въ 8 часовъ утра, замѣченъ былъ, въ 300 саженяхъ къ югу отъ деревни Алрчи, выброшенный на мель непріятельскій купеческій транспортъ, подъ англійскимъ флагомъ. Къ этому пункту направлены были команды Новоархангельскаго уланскаго полка и взводы конно-легкихъ № 19-й и № 20-й батарей, подъ начальствомъ полковника *Рославлева*. По прибытіи артиллеріи, съ нашей стороны былъ поднятъ бѣлый флагъ; на англійскомъ

транспортѣ, сдѣлавъ то же самое, начали поднимать шлюпки, бывшія до того времени на водѣ. Тогда, пустивъ два ядра мимо борта транспорта и не получивъ отвѣта на этотъ сигналъ, съ нашихъ батарей сдѣланъ былъ выстрѣлъ ядромъ въ самый корпусъ транспорта; это дѣйствіе имѣло желаемый успѣхъ: шлюпки были снова спущены, и экипажъ, состоявшій изъ капитана, двухъ его помощниковъ, 28-ми англійскихъ матросовъ и 7 человѣкъ турецкихъ кавалеристовъ, вышелъ на берегъ. Капитанъ объявилъ: 1) что, командуемый имъ, купеческій транспортъ «Culloden», въ 726 тоннъ, съ 4-мя пушками, нанятъ англійскимъ правительствомъ для перевозки войскъ и военныхъ запасовъ. 2) Что на немъ было болѣе 700 пудовъ пороху, до 30,000 ядеръ и 32 арабскія лошади, назначавшіяся для штаба турецкихъ войскъ въ Крыму. 3) Что на транспортѣ осталось еще 25 нижнихъ чиновъ турецкой кавалеріи. На предложеніе перевести ихъ на берегъ, капитанъ отвѣчалъ, что для спасенія турокъ онъ не рѣшится подвергать опасности жизнь англійскихъ матросовъ. Между тѣмъ, большой непріятельскій пароходъ, услышавъ наши выстрѣлы, на всѣхъ парахъ понесся къ транспорту, который подвергался гибели отъ нашихъ ядеръ. Въ пять часовъ вечера, когда канонада кончилась и непріятельскій пароходъ скрылся изъ виду, охотники Донского № 61-го полка [1], не взирая на предстоящую опасность, сѣли въ двѣ шлюпки, съ крайнимъ усиліемъ достигли до транспорта и перевезли погибавшихъ на берегъ. Симъ подвигомъ христіанскаго самоотверженія спасены турки, брошенные своими союзниками на вѣрную смерть. Къ перевозкѣ бывшихъ на транспортѣ запасовъ не представилось никакой возможности, потому что они находились уже подъ водою.

---

(1) Урядникъ Кисляковъ, приказные: Василенко и Полугуцовъ, казаки: Демичевъ, Любченковъ, Зиновьевъ, Бѣлоусовъ, Гарелкинъ, Плашенковъ, Холодниковъ, Фарапоновъ, Леоновъ, Кружилинъ, Луганцевъ, Ивановсковъ, Ирхинъ, Баранцовъ, Чижовъ, Галенковъ, Черновъ, Аржановъ, Писковцевъ, Суслинъ, Лиманцевъ, Машустовъ, Красновъ, Ковановъ, Медвѣдевъ и Донского Казачьяго № 55-го полка урядникъ Дюбинъ.

Во время той же бури 2-го (14-го) ноября, въ окрестностяхъ Севастополя, по берегу отъ Волоховой башни до мыса Лукулла, претерпѣли крушеніе 14 непріятельскихъ судовъ; три изъ нихъ стащены пароходами, нѣкоторыя разобраны нами, другіе сожжены непріятелемъ, остальныя совершенно разбиты. (1).

Извлеченіе изъ письма командира англійскаго корабля, застигнутаго бурею, свирѣпствовавшею на Черномъ морѣ 2-го (14-го) ноября 1854 года.

Балаклава, 18-го ноября 1854 г.

Жестокій ураганъ, какой рѣдко случается въ здѣшнихъ моряхъ, разразился 14-го ноября съ ужасною силою на берегахъ Балаклавы, Качи и Евпаторіи. Свидѣтелями этой силы могутъ служить снесенныя крыши домовъ, въ совершенно закрытомъ балаклавскомъ ущельѣ, и цѣлые ряды опрокинуыхъ тополей; стихіи, казалось, забавлялись надъ самыми прочными произведеніями рукъ человѣка.

Нѣсколько разъ старался я представить величественный видъ скалистыхъ окрестностей Балаклавы; нѣсколько разъ принимался я описывать красоты залива. яркій цвѣтъ его крутыхъ лѣсистыхъ береговъ, глубину моря у самой подошвы угрюмыхъ скалъ и темно-синій цвѣтъ водъ, на поверхности которыхъ тихо колеблются военные корабли. быстрые пароходы и разныя красивыя суда, и паруса ихъ неподвижно отражаются въ свѣтлыхъ струяхъ залива. Какъ ни величественно прекрасенъ Балаклавскій заливъ во время тихой и ясной погоды, но случается, что онъ представляетъ собою страшное зрѣлище, и буря 14-го ноября можетъ служить тому примѣромъ, ужаснѣе котораго ничего нельзя себѣ представить.

Барометръ, начавшій опускаться съ предъидущаго вечера, на разсвѣтѣ 14-го ноября упалъ съ такою быстротою, что ураганъ, во всей его силѣ и внезапности, былъ

---

(1) Морск. Сборн. 1854 г, № 12.

заранѣе и навѣрно предсказанъ. Къ несчастію для многихъ отважныхъ и усердныхъ людей, болѣе тридцати судовъ находились внѣ Балаклавской гавани, въ то самое время, когда надъ ними со всею яростію разразилась страшная буря. Печальный опытъ показалъ, что здѣшніе агенты адмиралтейства, подвергнувъ столь многія цѣнныя суда, на дурной якорной стоянкѣ, всѣмъ случайностямъ ненастной погоды, значительно нуждались въ благоразуміи и необходимыхъ познаніяхъ. Корабль «Agamemnon» стоялъ на якорѣ внѣ Балаклавы; адмиралъ Лайонсъ, имѣвшій свой флагъ на этомъ кораблѣ, предвидѣлъ всѣ ужасы наступающей бури, и потому заблаговременно, вечеромъ 13-го ноября, снялся съ якоря и ушелъ въ море. «Retribution», «Vulcan», «Niger» и «Vesuvius», командиры которыхъ, можетъ быть, чувствовали необходимость, но не имѣли приказанія, двигаться, остались на якорѣ внѣ гавани, въ сообществѣ пароходовъ: «Melbourne», «Avon», «City of London», «Prince» и «Hope», и транспортныхъ судовъ: «Wilol-Wave», «Mercia», «Rip Van Winkle», «Resolute», «Progress», «Panola», Wanderer», «Caduceus», «Lady Julle» и другихъ.

Съ утреннею зарею 14-го ноября, при чрезвычайно пасмурной погодѣ, начались сильные порывы юго-западнаго вѣтра; черезъ три часа задулъ совершенный ураганъ. Подъ тяжелыми облаками, покрывавшими утреннее небо, море сперва казалось какою то мрачною массою, но потомъ постепенно пріобрѣло бѣлизну кипящей водной пучины. Гребни валовъ, высоко поднимаемые силою вѣтра, густою пѣною разсѣявались по обширному пространству и брызгами своими затемняли атмосферу. Всякая мысль о горизонтальной поверхности моря, вся правильность волненія, казалось, были утрачены въ кипящей и клокочущей массѣ, которая съ громомъ разбивалась о неподвижныя скалы, сопротивлявшіяся ея страшному развитію. Среди этой ужасной пучины находилось около тридцати судовъ.

«Progress», американскій транспортъ, первый сорвался со своихъ якорей. Дрейфуемый на самыя скалы, онъ два или три раза ударился объ нихъ и исчезъ. За «Progress»

слѣдовалъ на гибель «Resolute». Этимъ кораблемъ, нагруженнымъ дорогимъ казеннымъ товаромъ, командовалъ отличный морякъ, капитанъ Левисъ. Долгое время онъ стоялъ на якорѣ внутри Балаклавской гавани; но, вѣроятно, въ слѣдствіе непріязненныхъ движеній во фронтѣ русскихъ военныхъ отрядовъ, адмиралтейскій агентъ, капитанъ Кристи, счелъ полезнымъ приказать «Resolute» и другимъ транспортамъ выйти изъ гавани, для того, чтобъ «Diamond», «Sanspareil» и другія военныя суда могли съ большимъ удобствомъ употребить въ дѣло свои орудія. Зная измѣнчивый характеръ грунта, значительную глубину залива и жестокость обыкновенныхъ въ Черномъ морѣ юго-западныхъ вѣтровъ, капитанъ Левисъ, занявъ назначенное ему мѣсто, немедленно съѣхалъ на берегъ и тамъ представилъ главному смотрителю за транспортами всю опасность, которой можетъ подвергнуться его корабль, стоя на занятомъ имъ мѣстѣ. Этотъ протестъ не былъ принятъ во вниманіе и капитану Левису сдѣланъ былъ даже выговоръ за то, что онъ его представилъ. Однакожь, не смотря на отказъ, опытный капитанъ не оставлялъ своихъ просьбъ и возобновлялъ ихъ, какъ словесно, такъ и на бумагѣ.

Рано утромъ, 14-го ноября, на транспортѣ отдали якорь съ лѣвой стороны и вытравили возможно большее количество каната. Надѣялись, что два якоря и цѣпи будутъ достаточны для того, чтобъ удержать корабль на мѣстѣ; однакожь огромное волненіе, дурное состояніе погоды и порывы вѣтра, безпрестанно усиливавшіеся, заставили принять мѣры для облегченія корабля. Срубили гротъ-мачту, но волны по прежнему высоко подкидывали корабль и потомъ стремительно низвергали его въ бездну; средство не имѣло успѣха и, кромѣ того, во время паденія мачты цѣпь праваго якоря порвалась и якорь былъ потерянъ. Надежда еще оставалась: лѣвый якорь держалъ; но и онъ могъ быть безполезнымъ, еслибъ не приступили къ дальнѣйшему облегченію корабля: къ срубкѣ фокъ и бизань-мачтъ. Къ несчастію, послѣдняя упала на палубу и, катаясь по ней взадъ и впередъ, изувѣчивала матросовъ и ломала все, что къ ней ни прикасалось. Въ такомъ положеніи корабля

многіе были обезсилены еще до наступленія конца ихъ бѣдствій, ранѣе того времени, когда каждому предоставлено было заботиться только о спасеніи своей собственной жизни; но этотъ моментъ былъ недалекъ: при одномъ изъ сильнѣйшихъ ударовъ волнъ, цѣпь лѣваго якоря лопнула, а вмѣстѣ съ нею и вся надежда спасти корабль. Весь экипажъ, или по крайней мѣрѣ тѣ, которые не были изнурены, собрались на кормѣ и здѣсь ожидали гибели своего корабля. «Resolute», стоялъ на якорѣ недалеко отъ транспорта «Progress», и теперь волны и вѣтеръ быстро несли его къ самому тому мѣсту, гдѣ разбился несчастный его предшественникъ. Во время этого движенія, двое изъ экипажа сдѣлались несчастными жертвами яростныхъ стихій: вѣтеръ сдунулъ ихъ съ корабля, а волны морскія поглотили ихъ. При первомъ ударѣ «Resolute» о скалу, четыре человѣка были выброшены изъ транспорта, и на поверхности воды они уже не появлялись. При второмъ ударѣ корабль разбился въ куски, и несчастный экипажъ очутился въ волнахъ ревущаго моря. Бѣдный капитанъ Левисъ, вися на концѣ взятомъ съ кормы, былъ раздавленъ между скалою и бортомъ корабля; спаслись только тѣ, которые кинулись въ море; они были выброшены волною на берегъ, съ болѣе или менѣе поврежденными частями тѣла, а нѣкоторые совершенно благополучно.

За «Resolute» отправилось на берегъ американское судно «Wanderer» и тамъ тотчасъ же разбилось въ мелкіе куски; ни одна душа не спаслась изъ его экипажа. Потомъ слѣдуетъ «Kenilworth»; онъ сперва потерялъ свои мачты, а потомъ, получивъ поврежденіе отъ весть-индскаго почтоваго парохода «Avon», быстро понесся на берегъ и тамъ разбился; весь экипажъ, за исключеніемъ семи человѣкъ, погибъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ потонули «Resolute» и «Wanderer». Спасенію погибавшихъ много препятствовали, плававшіе около нихъ, обломки мачтъ и самыхъ судовъ, бочки съ ромомъ и съ сухарями, тюки сѣна, сундуки съ товарами и другія вещи.

«Prince», великолѣпный новый винтовой пароходъ, въ первое же свое путешествіе, раздѣлилъ участь несчастныхъ

своихъ товарищей: дрейфуемый на скалы, онъ, подобно «Kenilworth», разбился въ куски. Въ то время, какъ буря съ полною яростію разразилась надъ нимъ, онъ стоялъ на якоряхъ, на глубинѣ двадцати пяти саженъ. Капитанъ Гудель и агентъ адмиралтейства, капитанъ Байнтонъ, приняли самыя энергическія мѣры для спасенія парохода, и, по общему ихъ согласію, всѣ мачты парохода были срублены. Къ несчастію, при исполненіи этой работы, такелажъ бизань-мачты попалъ въ кругъ дѣйствія винта и въ немъ запутался; отъ этого паръ перемѣнилъ свое дѣйствіе, движеніе машинъ сдѣлалось неправильнымъ и корабль потерялъ свою паровую силу. Прошло немного времени послѣ этого несчастія, какъ цѣпь лѣваго якоря порвалась, а правый якорь, не имѣя силъ удержать корабль на мѣстѣ, началъ тащиться по грунту, и пароходъ быстро дрейфовалъ къ скалистому берегу. Очевидно, что въ это время судьба несчастнаго корабля была уже рѣшена. Капитанъ Гудель и капитанъ Байнтонъ, снявъ съ себя тяжелую одежду, объявили собравшемуся экипажу, что съ ихъ стороны ничего не было упущено для спасенія корабля, и что теперь каждый долженъ заботиться только о своей личной безопасности. Въ четверть десятаго часа утра пароходъ разбился; въ это время море было столь бурно, что чрезъ пятнадцать минутъ послѣ перваго удара въ скалу никакихъ слѣдовъ отъ парохода не было уже видно. Изъ 150 человѣкъ, бывшихъ на кораблѣ, спаслись только мичманъ Котгревъ и шесть матросовъ.

Такая же участь постигла и транспорты: «Rip Van Winkle» и «Panola», погибшіе со всѣмъ своимъ экипажемъ.

Прочія суда, лишенныя своихъ мачтъ, въ короткое время были поставлены въ самое критическое положеніе. «Retribution», находившійся въ отдаленной части залива, потерялъ руль, послѣ чего не могъ уже съ пользою дѣйствовать своей машиной. «Vesuvius» срубилъ гротъ-мачту, но держался еще на своихъ якоряхъ.

«Niger», дѣйствуя своей машиной въ помощь якорямъ, съ цѣлыми мачтами, оставался еще на своемъ мѣстѣ. Въ

такомъ же положеніи находился «Vulcan», на которомъ посажены были русскіе плѣнные.

«Melbourne» стоялъ безъ мачтъ и, такъ же какъ и «Prince», не могъ дѣйствовать своимъ винтомъ, въ которомъ запутался мачтовый такелажъ.

«City of London», послѣ неимовѣрныхъ опасностей, отдѣлился отъ своего якоря и удалился на значительное разстояніе въ открытое море. Поступая такимъ же образомъ, пароходъ «Avon» былъ не такъ счастливъ, какъ «City of London»; рано утромъ, выпустивъ канатъ, пароходъ началъ двигаться къ выходу изъ залива; едва пройдено было нѣкоторое разстояніе, какъ носъ парохода уклонился подъ вѣтеръ, и «Avon», съ ужасною скоростію, началъ дрейфовать. Столкнувшись при этомъ съ несчастнымъ «Kenilworth» и произведя обоюдныя поврежденія, «Avon» бросилъ якорь съ правой стороны и медленно пришелъ противъ вѣтра. Это обстоятельство снова позволило выпустить канатъ и снова попробовать отойти отъ берега. Но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ: носъ корабля по прежнему уклонился подъ вѣтеръ, и неминуемая гибель угрожала какъ пароходу, такъ и всему его экипажу. Рѣшено было облегчить корабль срубкою гротъ-мачты и, исполнивъ это, попробовать поднять фокъ-стаксель; но послѣднее не удалось, и «Avon» продолжалъ дрейфовать, увлекаемый страшнымъ волненіемъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, зная, что пароходъ непремѣнно долженъ погибнуть на скалахъ, капитанъ рѣшился на послѣднее средство—на попытку вступить въ Балаклавскую гавань, устье которой испытывало всю ярость урагана и едва было видно сквозь пѣну бушевавшаго въ немъ волненія. Машинѣ данъ былъ полный задній ходъ, отчего корма парохода поднялась къ вѣтру; тогда, употребивъ всю возможную силу своихъ паровъ, «Avon» быстро началъ двигаться впередъ, по направленію къ устью гавани. Встрѣтивъ на пути суда «Vesuvius» и «Melbourne» и нанеся послѣднему нѣкоторыя поврежденія, пароходъ не переставалъ приближаться къ узкому входу, вблизи котораго одинъ изъ по-

рывовъ вѣтра заставилъ его миновать скалы и, въ слѣдъ затѣмъ, благополучно войти въ гавань.

Видъ порта былъ не менѣе замѣчателенъ, чѣмъ видъ внѣшняго берега. Здѣсь нѣкоторые корабли были привязаны другъ къ другу, а другіе имѣли свои кабельтовы завезенными на скалы; но какъ тѣ, такъ и другіе, лишь только разразилась буря, начало дрейфовать вдоль гавани. И хотя на корабляхъ отдавали якорь за якоремъ, хотя безпрестанно прикрѣпляли и замѣняли одинъ кабельтовъ другимъ, при всемъ томъ можно было видѣть, какъ послѣдніе лопались и рвались подобно тонкимъ веревкамъ, а первые, не удерживаемые дурнымъ грунтомъ, видимо тащились по дну. Слѣдствіе было такое, что корабли, стоявшіе недалеко отъ набережной, а также и тѣ, которые подвергались напору большихъ судовъ, значительно пострадали отъ внѣшнихъ ударовъ и давленія и оказались сильно перебитыми и поломанными. «Sanspareil», поставленный на якорь кормою къ набережной, во время бури, всѣмъ лагомъ потащился на берегъ, ломая и гоня передъ собою вмѣстѣ по нѣскольку мелкихъ судовъ. «Bricle» навалилъ на «Wild Irish Girl», ударился въ его корму и съ трескомъ переломилъ гротъ-мачту. «Trent», начавшій ночью тянуться на другое якорное мѣсто, для того, чтобъ запастись углемъ, былъ застигнутъ полною яростію вѣтра и выброшенъ имъ на берегъ, на средину порта. «Gertrude» поломался отъ ударовъ въ «Fonning», котораго корма сдѣлала глубокіе знаки на бортѣ транспорта «Minna». — «Medway» также пострадалъ отъ столкновенія съ судами: «Edendale», «Star of the South» и Harbinger». Корабль «Ardent», стоявшій въ устьѣ гавани, при самомъ началѣ бури, потерялъ руль и не удержался на якорѣ; за нимъ послѣдовалъ «John Masterman», согнанный со своего мѣста австрійскимъ бригомъ, который, лишившись своихъ якорей, былъ брошенъ на скалы, влѣво отъ гавани; онъ опрокинулся и утонулъ; мачты его едва возвышались надъ поверхностью воды. Пароходъ «Avon», входя въ гавань, столкнулся съ судномъ «Victoria», которое, спустя полчаса, оторвалось отъ своихъ якорей, понеслось къ берегу

и тамъ, разломавъ руль и повредивъ винтъ, легло на бокъ. «Sovereign» столкнулся съ «John Masterman» и при этомъ получилъ важныя поврежденія. Вотъ поверхностное описаніе дѣйствія бури 14-го ноября, которой подверглись суда, находившіяся въ Балаклавской гавани.

Въ часъ по полудни вѣтеръ нѣсколько стихъ, но бѣдствія судовъ еще не прекратились. «Wild Wave», долгое время удерживавшійся на своемъ мѣстѣ внѣ гавани, въ два часа началъ дрейфовать; тогда весь экипажъ, кромѣ капитана, мета и одного мальчика, помѣстился на спасительную лодку и оставилъ свой корабль. Якоря продолжали медленно тащиться по землѣ до трехъ часовъ пополудни, когда корабль разбился и представилъ собою жалкую и страшную картину. До этого момента судно оставалось неповрежденнымъ, не смотря на то, что испытывало неимовѣрную качку отъ дѣйствія морскихъ волнъ. Оно было такъ прочно, и при томъ такъ легко, что даже мачты въ немъ твердо держались. Трое несчастныхъ, оставшихся на кораблѣ, собрались на корму и, ожидая гибели своего корабля, держали въ рукахъ своихъ спасительные буйки. «Wild Wave» разбился не такъ, какъ его предшественники: его якорныя цѣпи были цѣлы, и онъ погибъ уже тогда, когда выдержалъ около двѣнадцати ударовъ о скалы и приблизился къ нимъ такъ, что оставшіеся на немъ могли перескочить на берегъ; но эта попытка удалась только одному, остальные два человѣка погибли: одинъ попалъ между кораблемъ и скалой, а другой, схваченный волнами, былъ избитъ ими на тѣхъ же скалахъ. Прошло еще нѣсколько минутъ, и не осталось никакихъ слѣдовъ отъ «Wild Wave». Число людей, погибшихъ во время этой бури, весьма значительно, но не вполнѣ еще извѣстно; трудно также опредѣлить, какъ велика потеря въ имуществѣ. Я слышалъ, что тринадцать кораблей были выброшены на берегъ у Евпаторіи, и что турецкій линейный корабль и одиннадцать другихъ судовъ разбились въ заливѣ Качи. — Вотъ страшный каталогъ бѣдствій. Буря произвела также свое дѣйствіе и въ лагерѣ; здѣсь только нѣсколько палатокъ осталось на мѣстѣ, а въ войскахъ,

подвергавшихся ярости стихій, распространилось много болѣзней. Число всѣхъ погибшихъ судовъ простирается до тридцати четырехъ. Въ Качѣ многія изъ нихъ были сожжены или потоплены казаками ([1]).

Подробности крушенія англійскаго транспорта «Кюллоденъ»

3-го ноября, въ 7 часовъ утра, когда уже можно было ясно видѣть на довольно далекое разстояніе, дали знать въ штабъ новоархангельскаго уланскаго полка одновременно, съ аванпостовъ праваго фланга и отъ разъѣздовъ, по берегу моря ежедневно посылаемыхъ, что въ 10 верстахъ къ западу отъ Евпаторіи и полуверстѣ отъ селенія Айерчикъ, большое непріятельское судно, съ изломанными мачтами, стоитъ недалеко отъ берега и не можетъ тронуться съ мѣста. Командующій отрядомъ, тотчасъ же потребовавъ два дежурныя орудія, самъ къ 8-ми часамъ прибылъ къ с. Айерчикъ, гдѣ уже нашелъ взводъ уланъ, присланныхъ съ аванпостовъ. Большое судно, съ 24-мя открытыми люками, стояло въ 400 или 500-хъ саженяхъ отъ берега: на мачтѣ, сильно наклоненной къ носу корабля, развѣвался англійскій флагъ; на другой, до половины изломанной, былъ выкинутъ красный флагъ — знакъ, что судно въ опасности и проситъ скорой помощи; волны сильно били въ носовую часть судна и кидали его съ носу на корму и съ кормы на носъ; матросы суетились, бѣгали по палубѣ и кидали въ море всякаго рода тяжести. Мы смотрѣли и ждали артиллеріи, чтобы начать переговоры съ непріятелемъ. Чрезъ нѣсколько часовъ прибыли орудія (они уже успѣли разбить и зажечь непріятельское судно, стоявшее на мели, въ 4-хъ верстахъ отъ Евпаторіи). Мы тотчасъ же выставили бѣлый флагъ, навязавъ на пику четыре бѣлые платка, и подкрѣпили его выстрѣломъ, пущеннымъ вдоль борта; бѣготня на палубѣ прекратилась. Чрезъ $^1/_4$ часа дали другой выстрѣлъ: ядро легло уже ближе къ бор-

([1]) Морской Сборникъ 1855 г., № 2.

ту; за вторымъ выстрѣломъ англійскій и красный флаги были спущены и, вмѣсто ихъ, выкинутъ бѣлый. Послѣ перемѣны флаговъ мы еще ждали ровно полчаса; но, видя, что съ судна не спускаютъ лодокъ, дали въ одно время два выстрѣла: ядро, рикошетомъ, срѣзавши волны въ нѣсколькихъ шагахъ отъ судна, обрызгало его водой; граната попала прямо въ корму. Въ слѣдъ за ударомъ, двѣ лодки подъ бѣлыми флагами были спущены съ корабля; матросы, побросавши въ нихъ свои вещи, на меньшей, 6-весельной, тронулись къ берегу. Море сильно бушевало; бѣлыя гряды валовъ, напирая другъ на друга, съ новою и новою силою неслись къ берегу, захватывая съ собой все, что имъ попадалось, и съ послѣдней волной выкидывали къ ногамъ нашимъ свою добычу, шипя и забрызгивая насъ пѣною. Помпы, бочки, сундуки, обломки мачтъ валялись на берегу. Несчастная лодка съ гребцами билась какъ въ лихорадкѣ; на мгновеніе она показывалась намъ, взброшенная на поверхность волнъ, и опять погружалась въ бездну моря. Торжественны, но невыносимо тяжелы были минуты ожиданія: всѣ, стоявшіе на берегу, молились въ душѣ о спасеніи несчастныхъ; солдаты крестились. Болѣе получаса продолжалась борьба между жизнію и смертью. Наконецъ лодка подходитъ; она уже въ 10-ти саженяхъ отъ берега, какъ вдругъ сильный, порывистый напоръ волнъ кидаетъ ее на бокъ, обдаетъ пѣной и брызгами, сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ, какъ бы не желая выпустить изъ рукъ свою добычу, и скрываетъ отъ нашихъ глазъ и лодку, и людей. Мы думали, что несчастные погибли. Но дѣти бурь и волнъ свыклись, породнились съ опасностями; рулевой твердо держитъ руль; гребцы не выпускали веселъ изъ рукъ. Капитанъ, смѣлымъ и искуснымъ поворотомъ руля, поставилъ лодку въ разрѣзъ валовъ, матросы дружно взмахнули веслами, и лодка въ одно мгновеніе была у берега.

Всѣ зрители, а ихъ было очень много, и бо́льшею частію офицеры, восхищенные спасеніемъ несчастныхъ, которыхъ за минуту считали погибшими, удивленные смѣлостью и ловкостью матросовъ, захлопали въ ладоши и громкимъ

единодушнымъ «браво» привѣтствовали смѣльчаковъ. Англичане сняли шляпы, соскочили съ лодки по поясъ въ воду, и бросились цѣловать всѣхъ, кто имъ попадался подъ руку. Имѣвшіе счастіе подвергнуться ихъ братскому лобызанію, убѣдились, что годдемы, кромѣ морской воды, сильно были пропитаны ромомъ, неразлучнымъ спутникомъ и помощникомъ въ горѣ всѣхъ англичанъ вообще, а моряковъ въ особенности. Когда встащили лодку на берегъ, одинъ изъ матросовъ схватилъ весло, навязалъ на него бѣлый кусокъ холста и, преусердно помахивая имъ въ воздухѣ, давалъ этимъ знать своимъ товарищамъ, что ихъ приняли на берегу радушно; остальные гребцы кинулись къ боченку съ ромомъ, и, передавая его съ рукъ на руки, попеременно подкрѣпляли свои силы.

Двѣнадцати-весельная лодка шла медленно, съ большимъ затрудненіемъ, но гораздо съ меньшею опасностью нежели первая, и благополучно пристала къ берегу; на ней пріѣхали 24 англійскіе матроса и 7 человѣкъ турецкихъ гусаръ. Турки были печальны, истощены и съ трудомъ передвигали ноги; англичане, напротивъ, были здоровы, веселы и едва не прыгали, не знаю только—отъ радости или отъ рома. Одинъ только шкиперъ былъ молчаливъ и задумчивъ: не на него ли одного должна лечь тяжелая отвѣтственность за крушеніе судна?

Капитанъ все время держалъ себя прилично и, разговаривая съ нами по-французски, былъ веселъ и очень привѣтливъ. Онъ разсказалъ намъ, что на суднѣ осталось еще 25 турокъ и 32 лошади, что турки рѣшительно не хотятъ ѣхать на берегъ, и не позволили ему обрубить якоря, что онъ хотѣлъ сдѣлать для того, чтобы, по вѣтру и по теченію воды, судно могло ближе подойдти къ берегу и сѣсть на мель; тогда было бы удобнѣе свезти съ корабля людей, лошадей и вещи; что на суднѣ еще осталась лодка и весла, и турки теперь могли бы на ней съѣхать, еслибъ захотѣли.

Видя упорство турокъ, и чтобы заставить ихъ, наконецъ, волею или неволею съѣхать на берегъ на оставшейся у судна лодкѣ, приказано было опять открыть

пальбу. Къ крайнему нашему удивленію, англичане, при каждомъ удачномъ выстрѣлѣ, улыбались и хлопали въ ладоши, въ знакъ одобренія. Турки же, въ числѣ коихъ было два офицера, послѣ перваго выстрѣла бросились къ начальнику отряда и со слезами на глазахъ просили прекратить пальбу. «На кораблѣ, говорили они, еще осталось 25 человѣкъ нашихъ товарищей, которые охотно сдаются и съѣхали бы на берегъ вмѣстѣ съ нами, еслибъ англичане взяли ихъ съ собою; сами же они, вовсе не умѣя грести, не могутъ плыть и въ тихую погоду, не только въ такую бурю. Англичане могли бы перевезти насъ всѣхъ на трехъ лодкахъ, но они не только объ насъ не думали, но, когда мы просились къ нимъ въ лодки, отвѣчали: намъ мало мѣста и для насъ самихъ, — а между тѣмъ, у нихъ нашлось мѣсто, чтобъ забрать съ собою всѣ свои вещи; посмотрите, сколько они ихъ натащили, а съ нами, какъ видите, ничего нѣтъ, да и сами мы насильно ворвались въ послѣднюю ихъ лодку». Этотъ разсказъ произвелъ на насъ крайне непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что мы невольно убѣдились въ его дѣйствительности, взглянувъ на багажъ, натасканный англичанами съ двухъ лодокъ: тамъ была цѣлая гора изъ чемодановъ, мѣшковъ, сапоговъ, разнаго рода провизіи и изрядное количество рома въ боченкахъ и бутылкахъ и даже корабельные стѣнные часы.

Во время разсказа турокъ, пальба изъ орудій, послѣ четырехъ выстрѣловъ, была прекращена.

Англичанамъ тотчасъ же предложили поѣхать на судно, чтобы перевезти оставшихся тамъ турокъ, но они рѣшительно отъ того отказались; и когда офицеры, черезъ капитана, предложили имъ за это какую угодно плату, они отвѣчали, «что въ такой вѣтеръ противъ волны ѣхать нельзя». Плѣнныхъ за конвоемъ отправили въ отрядную квартиру; за ними, на двухъ большихъ телѣгахъ, запряженныхъ тройками, едва уложили поклажу 30-ти англичанъ; бѣдные турки шли безъ всего. Мы тоже собирались отправиться въ слѣдъ за плѣнными по домамъ, какъ вдругъ къ намъ прискакалъ съ аванпостовъ офицеръ съ донесе-

ніемъ, что большой военный непріятельскій пароходъ идетъ изъ Евпаторіи по направленію къ с. Айерчику. Въ подзорную трубу ясно было видно, что пароходъ на сильныхъ парахъ идетъ къ намъ. Тутъ некогда было терять времени,—пароходъ могъ взять на буксиръ фрегатъ-транспортъ и увести его въ Евпаторію; къ намъ кстати подошли еще 2 орудія, и изъ всѣхъ 4-хъ велѣно было открыть пальбу. Артиллерія дѣйствовала славно: рѣдкій ударъ шелъ мимо судна; фрегатъ загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но всякій разъ сильный прибой волнъ своими всплесками тушилъ огонь; канонада продолжалась около часа; наконецъ, когда подводная часть фрегата была сильно повреждена, онъ сѣлъ на мель.

Дѣло кончилось въ пять часовъ: черезъ четверть часа опять присланъ былъ офицеръ съ донесеніемъ съ аванпостовъ, что пароходъ, не смотря на всѣ свои усилія, въ продолженіе часа почти не трогался съ мѣста, и кончилъ тѣмъ, что, поворотившись, медленно пошелъ къ Евпаторіи. На мѣстѣ былъ оставленъ взводъ улапъ для наблюденія за транспортомъ и для присмотра за лодками.

На другой день, съ разсвѣтомъ, по распоряженію начальника отряда, были вызваны охотники изъ казаковъ, умѣющихъ грести и плавать. И наши донцы-удальцы, не смотря на сильное волненіе, на противный порывистый вѣтеръ, на двухъ лодкахъ безъ рулей, перекрестясь, дружно тронулись на спасеніе непримиримыхъ враговъ Креста—мусульманъ, оставленныхъ на жертву вѣрной смерти своими союзниками.

Турокъ перевозили на берегъ болѣе двухъ часовъ: такъ труденъ и опасенъ былъ переѣздъ; мы крѣпко боялись за нашихъ лихихъ казаковъ, но Богъ помогъ доброму дѣлу!...

Лошади, бывшія на кораблѣ, по пріѣздѣ туда казаковъ, уже всѣ были затоплены. Судно зажгли, и верхняя его часть, непогруженная въ воду, сгорѣла.

Это былъ англійскій купеческій транспортный фрегатъ «Кюллоденъ» (Culloden), въ 726 тоннъ, съ 4-мя пушками, нанятый англійскимъ правительствомъ для перевозки войскъ

и военныхъ снарядовъ: на немъ было болѣе 700 пудовъ пороху, до 30,000 ядеръ, 32 дорогія арабскія лошади и множество провизіи. Кораблемъ командовалъ Георгій *Каріо*, который, вмѣстѣ съ казенными бумагами и частной перепиской, тотчасъ же былъ отправленъ къ главнокомандующему въ Севастополь.

Если плѣнные турки, взятые на транспортѣ «Кюллоденъ», будутъ размѣнены на нашихъ плѣнныхъ, какъ это было недавно съ англичанами, взятыми на «Тигрѣ», или отпущены безъ размѣна, какъ египтяне, взятые съ бою пароходомъ «Владиміръ», то они, какъ страдальцы, какъ живые свидѣтели, поразскажутъ правовѣрнымъ всѣ продѣлки англичанъ съ ними; они разскажутъ, какъ англійскій капитанъ увѣрялъ русскихъ, что турки рѣшительно не хотѣли ѣхать на берегъ и не позволяли ему обрубить якоря, чѣмъ и заставилъ насъ открыть пальбу по судну; какъ не брали ихъ на лодки за неимѣніемъ мѣста, тогда какъ мѣста довольно нашлось для всего ихъ багажа; какъ отказались, не смотря на просьбы русскихъ офицеровъ и на предложеніе дать имъ какую захотятъ плату, ѣхать на судно за оставшимися турками; какъ англичане улыбались и хлопали въ ладоши каждому выстрѣлу, попадавшему въ судно, на которомъ было еще 25 турокъ, и наконецъ, какъ наши казаки, съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, въ бурю, на лодкахъ безъ рулей, подали руку помощи своимъ врагамъ и спасли ихъ, оставленныхъ на вѣрную смерть союзниками-англичанами, взявшими деньги за перевозъ ихъ.

Да! можетъ быть, турки, выслушавъ эти разсказы, призадумаются и зададутъ себѣ вопросъ: кто же, наконецъ, настоящіе наши враги? Русскіе, столько разъ насъ спасавшіе, или добрые, вѣрные союзники, при всякой опасности насъ оставляющіе ([1]).

([1]) Одесскій Вѣстн. 1854 г., № 137. Сѣв. Пчела 1855 г., № 2. Въ тотъ же день, кромѣ уничтоженнаго фрегата-транспорта «Кюллоденъ», была уничтожена итальянская шкуна съ товарами: капитанъ съ женою и десять пассажировъ привезены были казаками на берегъ. Третье судно было разбито и сожжено не болѣе какъ въ трехъ верстахъ отъ Евпаторіи.—Бѣжавшій недавно изъ Евпаторіи крестьянинъ помѣщика Рудзе-

Не лишнимъ считаемъ помѣстить, пишетъ редакція «Донскихъ Вѣдомостей», разсказъ хорунжаго Сергѣя *Сидорова*, котораго казаки были спасителями утопавшихъ турокъ, съ транспорта «Кюллоденъ».

«*2-е ноября* разразилось страшною бурею на Крымскомъ полуостровѣ. Непріятельскій флотъ, спокойно стоявшій дотолѣ въ морѣ, въ этотъ день потерпѣлъ такое крушеніе, какого надолго не забудутъ хвастливые моряки Запада; нѣсколько кораблей и фрегатовъ ихъ силою волнъ были выброшены на мель—въ разныхъ направленіяхъ моря. Полковникъ *Жировъ*, получивъ о семь донесеніе, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ уланской дивизіи и своего штаба, отправился къ берегу. Въ 10-ти верстахъ вправо отъ Евпаторіи замѣтили они, въ 450 саженяхъ отъ берега, англійскій транспортный фрегатъ «Кюллоденъ», экипажъ котораго, напрягая послѣднія усилія противъ напора яростныхъ волнъ и потерявъ уже всякую надежду къ спасенію, молилъ о помощи. Привязавъ бѣлый платокъ на пику, полковникъ Жировъ тотчасъ приказалъ поднять его вверхъ,—въ слѣдъ за симъ поднятъ былъ бѣлый флагъ и на фрегатѣ, а чрезъ нѣсколько минутъ спущены были съ онаго двѣ шлюпки. Сѣвшіе въ нихъ капитанъ съ матросами и семь человѣкъ турокъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій и борьбы съ волнами, наконецъ благополучно приплыли къ берегу. Оставалось на фрегатѣ, по увѣренію спасшихся, еще 25 человѣкъ турокъ; но капитанъ, не смотря на просьбы, не хотѣлъ послать за ними шлюпку и на всѣ убѣжденія отвѣчалъ: «что онъ никогда не позволитъ себѣ подвергать опасности жизнь матросовъ, для спасенія какихъ нибудь турокъ».

«Полковникъ Жировъ, видя, что оставшіеся на фрегатѣ неминуемо должны погибнуть, вызвалъ изъ своего полка охотниковъ—сдѣлать доброе дѣло, спасти утопав-

---

вича, изъ русскихъ, разсказалъ намъ, что 1-го, 2-го и 3-го ноября выкинуто было на берегъ въ самой Евпаторіи пятнадцать разныхъ судовъ, которыя они, русскіе, задержанные въ плѣну поселяне, въ числѣ тридцати человѣкъ, рубили и разбирали на части, для топлива, въ которомъ въ Евпаторіи очень нуждаются.

шихъ. 28 человѣкъ удалыхъ донцовъ тотчасъ изъявили согласіе; шлюпка, на которой прибыли англичане, съ трудомъ была спущена въ море, и казаки, напутствуемые единодушнымъ желаніемъ счастливаго возврата, подъ начальствомъ войскового старшины *Селиванова*, перекрестясь, пустились въ море. Страшный противный вѣтеръ и огромныя волны не остановили безстрашныхъ охотниковъ; шлюпка ихъ, какъ чайка, то исчезала въ волнахъ, то снова показывалась надъ поверхностью. Но вотъ вдругъ нахлынулъ ужасный валъ, высоко поднялъ на вспѣненномъ хребтѣ своемъ охотниковъ, и, отхлынувши разомъ, какъ бы низвергнулъ ихъ въ пучину. Шлюпка ударилась о дно моря и руль—единственная опора—разбитый въ дребезги, понесся по бурнымъ волнамъ. Всѣ стоявшіе на берегу невольно перекрестились и съ ужасомъ слѣдили за борьбою отважныхъ. Но войсковой старшина Селивановъ, не теряя присутствія духа, тотчасъ приказалъ замѣнить оторванный руль валомъ, и снова, съ удвоенными усиліями гребя къ фрегату, донцы уже почти достигаютъ до своей цѣли; но вдругъ весло, замѣнившее руль, ломается, шлюпка поворачивается бокомъ, страшный валъ бьетъ въ бортъ, обдаетъ всѣхъ брызгами волнъ и до половины заливаетъ шлюпку водою. Настала рѣшительная минута: еще одно мгновеніе, одна волна—и шлюпка, опрокинувшись, покрыла бы собою всю команду. Паническій страхъ на мгновеніе овладѣлъ казаками: нужно было одушевить гребцовъ, и въ эту-то рѣшительную минуту Селивановъ явилъ себя истиннымъ героемъ. Вырвавъ весло изъ рукъ гребца, онъ передаетъ его рулевому, а самъ, снявъ фуражку, началъ отливать ею воду, убѣждая команду исполнять тоже. Казаки, одушевленные примѣромъ командира, снявъ шапки, дружно принялись за работу, а рулевой, снова вооруженный весломъ, ловко повернулъ шлюпку носомъ противъ волнъ, и такимъ образомъ, послѣ страшныхъ усилій, охотники наши наконецъ добрались до фрегата. Со слезами восторга приняли ихъ оставленные турки, и, давъ отдохнуть выбившимся изъ силъ гребцамъ, пересѣли къ нимъ на шлюпку. Снова принялись донцы за

весла, и, забывая опасность, съ побѣдными пѣснями пустились въ обратный путь. Попутный вѣтеръ благополучно домчалъ ихъ до берега. Велика была радость несчастныхъ турокъ, когда они ступили на землю; поднявъ руки къ небу, они со слезами молились о своихъ спасителяхъ, бросались имъ въ ноги и обнимали ихъ колѣна... А казаки, сдѣлавъ доброе дѣло и получивъ «спасибо» отъ своего командира, съ веселыми пѣснями отправились къ своему лагерю».

«8 георгіевскихъ крестовъ» были наградою донцовъ за этотъ подвигъ. Кромѣ того, по распоряженію его высокопревосходительства наказнаго атамана войска донского, семействамъ казаковъ выдано изъ войсковыхъ суммъ по 15 руб. сер. каждому (¹).

„2-го ноября часъ ночи.

«2-го числа на разсвѣтѣ отправился я съ моимъ эскадрономъ на аванпосты, но не прошелъ и двухъ верстъ, какъ дали мнѣ знать, что весь нашъ полкъ потребовали на полныхъ рысяхъ къ Евпаторіи. Дождь, градъ, снѣгъ и страшнѣйшая буря лишали всякой возможности идти той рысью, которой слѣдовало. Если бы не русское «приказано поспѣшать», то никакая другая сила не могла бы преодолѣть разъяренную стихію. Но и люди, и лошади преодолѣли ее и поспѣли *во-время* къ мѣсту. Мы застали и турокъ, и татаръ, и ихъ союзниковъ въ небольшой уже схваткѣ съ нашими; но появленіе *сѣраго полка* (Новоархангельскаго) заставило ихъ недолго жеманиться и храбриться, а поскорѣй удалиться подъ обычную свою защиту — бомбическихъ орудій съ кораблей.... Эти нѣсколько часовъ, проведенныхъ подъ самой Евпаторіей, оставили самое пріятное впечатлѣніе въ памяти каждаго изъ насъ. Буря была такъ сильна, что подымала цѣлыя скирды, разметывая все по всѣмъ направленіямъ. Снѣгъ и дождь съ градомъ поперемѣнно хлестали насъ и лошадей, и такъ сильно били намъ въ лицо, что нельзя было различать

(¹) Русск. Инвал. 1855 г., № 48.

даже весьма близкихъ предметовъ.... И въ эту грозную борьбу природы канонада раздавалась и ежеминутно усиливалась; со стороны непріятеля она дошла почти до бѣшенства ... Ужь не думали ли эти окаянные заглушить громы небесные и свою совѣсть? Вообразите себѣ дивную картину, какъ вдругъ, при снѣгѣ и полумракѣ, вся окрестная глухая степь освѣтилась сотнями огней, молній съ громомъ; это взрывы бомбъ и ракетъ, разлетавшихся по всѣмъ направленіямъ. Отъ чистаго сердца признаюсь вамъ, о страхѣ и опасности никто не помышлялъ: все очаровано было не земною картиною; а молодые юнкера все кричали: «смотри! смотри! вотъ чудно! бомба! бомба!» и т. п. Но иллюминація сопровождалась и ударами—только что жъ? не смотря на тысячи ихъ бомбъ, ракетъ и гранатъ, не имѣли мы никакой потери въ полку. Мы же отблагодарили ихъ за угощеніе и освѣщеніе по-русски: убили и схватили въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, да двумя залпами артиллеріи зажгли имъ какое-то зданіе въ центрѣ города.

«Возвратясь съ этой экспедиціи къ своему посту, мы, не смотря на бурю, а вскорѣ и темноту, не смотря на усталость людей и лошадей, послали разъѣзды по-прежнему, и особенно по берегу моря. Часть нашихъ сошла съ лошадей, я тоже, чтобы хотя перевести духъ да освѣжить моего сѣраго *Пашу*, фыркавшаго отъ снѣгу въ ноздряхъ, какъ съ разъѣзда даютъ знать, что замѣтили близъ берега морского что-то чернѣющееся и, кажется, большое; но за темнотою ночи и дождемъ ничего разсмотрѣть нельзя было. Вмигъ эскадронъ былъ на коняхъ, и мы помчались, сколь можно было скорѣе, къ показанному мѣсту. Темно такъ, своихъ людей не видно, а буря обдаетъ дождемъ и снѣгомъ. Надобно было на лошадяхъ и не ѣвши дожидаться разсвѣта; но любопытство было большое, и о голодѣ и холодѣ какъ-то забывалось. Тогда мы увидѣли, что это былъ фрегатъ или паровой транспортъ, большого размѣра, сѣвшій на мель и звавшій помощи съ флота.... Но и флоту было не легко. Давъ знать по начальству, мы повязали платокъ на пику и подняли вверхъ, требуя сдачи. Отвѣта не было, хотя много людей ходило по палубѣ. Я

приказалъ карабинерамъ стрѣлять по нимъ.... Они всѣ поупрятались внутрь судна́, поднявъ англійскій флагъ. Вскорѣ явился нашъ командиръ, а съ нимъ и часть артиллеріи; начались выстрѣлы, но продолжались недолго. Судно сдалось. Я узналъ послѣ, что это англійскій пароходъ-фрегатъ «Кюллоденъ», и мы его плѣнили, какъ овечку.

«Въ другую очередь аванпостовъ, вздумали мы съ подполковникомъ Э.... пощупать кого-нибудь около Евпаторіи. Мы взяли два взвода уланъ и 50 казаковъ и на разсвѣтѣ пустились къ этому несчастному городу. У самыхъ почти укрѣпленій нашли мы турокъ и татаръ съ стадомъ овецъ въ 4,000 штукъ, и, какъ кажется, заграничныхъ. Мы начали ихъ тѣснить къ городу и до того загнались, что выстрѣлы изъ орудій доходили уже до насъ. Мы приказали гнать стадо прочь. Болѣе 200 непріятелей выбѣжали для защиты его, но ничего не успѣли: всѣ овцы были наши. Мы убили нѣсколько татаръ и троихъ взяли въ плѣнъ. Теперь весь полкъ заготовляетъ себѣ полушубки изъ непріятельской добычи» ([1]).

Донесенія князя Меншикова о ходѣ осады и обороны.

Санктпетербургъ 11-го ноября.

Генералъ-адъютантъ *князь Меншиковъ* доноситъ отъ 3-го (15-го) ноября вечеромъ, что и до этого числа осадныя работы противъ Севастополя не подвинулись. Бомбардированіе не прекращается, но не причиняетъ намъ значительнаго вреда. Непріятель продолжаетъ укрѣплять свой лагерь. При сильной бурѣ, бывшей 2-го (14-го) числа, 8 принадлежащихъ ему транспортныхъ судовъ выброшены на берегъ. Кромѣ того, одинъ изъ его фрегатовъ и одинъ корветъ затонули, а нѣкоторыя другія суда потеряли мачты.

(*) Изъ статьи: «Русскіе крестовые рыцари» А. Скальковскаго. С.-Петерб. Вѣдом. 1855 г., № 124.

Санктпетербургъ 15-го ноября.

Генералъ-адъютантъ *князь Меншиковъ* доноситъ отъ 6-го (18-го ноября) вечеромъ, что буря 2-го числа, о которой было упомянуто въ предъидущемъ его донесеніи, нанесла непріятельскому флоту гораздо болѣе вреда, чѣмъ казалось первоначально. Изъ военныхъ судовъ преимущественно пострадали французскія, и особенно въ рангоутѣ. Между прочимъ одинъ трехъ-дечный корабль видѣнъ былъ безъ руля, управляемый весломъ, какъ рѣчная барка, но столь неудачно, что пароходъ, принявшій этотъ корабль на буксиръ, не могъ въ теченіе цѣлаго дня отвести его отъ флота. У Евпаторіи и въ другихъ мѣстахъ выброшено на берегъ не восемь, а до двадцати-пяти судовъ, въ томъ числѣ два военные фрегата. Съ высотъ, господствующихъ надъ Балаклавою, замѣчены два фрегата, стоявшіе на рейдѣ съ изломанными мачтами, а одинъ большой пароходъ буксировалъ четыре баркаса съ грузомъ и людьми, вѣроятно снятыми съ судна, разбившагося гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Балаклавы; изъ числа сихъ баркасовъ одинъ былъ залитъ волною.

Дѣйствія непріятеля противъ Севастополя слабѣли съ каждымъ днемъ, а съ 4-го числа осадныя его работы пріостановлены; потеря наша въ нѣкоторые изъ послѣднихъ дней не превышала 4-хъ убитыхъ и 14-ти раненыхъ. Повидимому непріятель обращаетъ все вниманіе на усиленіе обоихъ фланговъ своей позиціи.

Огонь нашей артиллеріи и штуцерныхъ замедляетъ, по мѣрѣ возможности, работы осаждающихъ; 1-го числа, командиръ одесскаго егерскаго полка, полковникъ *Скюдери*, замѣтивъ, что англичане, въ числѣ до 200 человѣкъ, съ шанцовымъ инструментомъ, спустились съ Сапунъ-Горы противъ праваго фланга Чоргунскаго нашего отряда, послалъ противъ нихъ штуцерныхъ, которые, мѣткими выстрѣлами изъ-за кустовъ, принудили непріятеля удалиться, оставивъ на мѣстѣ 5 убитыхъ и уведя съ собою нѣсколькихъ раненыхъ. 3-го числа непріятель неоднократно предпринималъ работы въ верховьѣ доковой балки, но каждый разъ былъ разгоняемъ пушечными нашими выстрѣлами. На другой

же день стрѣлки наши сбили англичанъ съ оконечности возвышеннаго мыса, обрамленнаго двумя балками, впадающими въ Южную Бухту, и заняли эту мѣстность, командующую надъ пересыпью (1).

Первый отъѣздъ изъ Петербурга въ Крымъ сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ писателей сказалъ однажды: «Гдѣ же нашему брату изучать то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ? Я бы и радъ былъ брать уроки у русской жизни-то... да молчитъ, она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, такъ! Не словесами исписывается книга русской народной жизни, а дѣяніями; не умницы учатъ насъ понимать ея значеніе, а горячее чувство любви къ отчизнѣ!

Въ трудную годину отечественной войны двѣнадцатаго года, не умницы научили насъ истреблять собственныя жатвы и сожигать родныя кровли, чтобы обезпріютить сильнѣйшаго врага, а народное чувство поняло необходимость добровольнаго этого пожертвованія: вотъ вамъ и страница изъ книги русской жизни!

Злобная зависть собралась черною тучею на западѣ; кичливые враги угрожаютъ величію Россіи, и внезапно всѣ сословія воодушевляются единодушною, твердою, упорною мыслію: грудью стать противъ супостата! Вотъ вамъ и другая поучительная страница изъ русской жизни!

Словоохотливые народы стали бы многорѣчиво разсуждать о предстоящихъ воинскихъ подвигахъ, въ Россіи же каждый пожелалъ доказать на дѣлѣ живое участіе, принимаемое имъ въ дѣлѣ общественномъ.

Дворянство, духовенство, купечество, мѣщанство, всѣ сословія повергли, по собственному побужденію и безъ всякаго воззванія со стороны правительства, посильныя пожертвованія къ подножію престола. Православный нашъ

(1) Морск. Сборн. 1854 г., № 257.

народъ, христолюбивые крестьяне, не богатые мірскими сокровищами, но богатые благолѣпіемъ душевнымъ, стали приноситъ въ даръ отечеству сыновъ своихъ, благословляя ихъ на защиту праваго дѣла. Однако же многіе, даже изъ малоимущихъ крестьянъ, не довольствовались этими достославными, кровными такъ сказать, пожертвованіями, и со всѣхъ концовъ Россіи стали въ Петербургъ поступать трогательныя посланія, въ родѣ слѣдующаго: «Батюшка нашъ, Великій Государь! Да благословитъ Тебя Господь Богъ за священное Твое намѣреніе. На благое дѣло поднялъ Ты оружіе, на защиту угнетенныхъ единовѣрцевъ! Пока войска Твои подвизаются внѣ Россіи, Тебѣ казна нужна, и наше дѣло снабжать Тебя деньгами. Прими же всемилостивѣйше прилагаемую сумму (3 руб. сер.). Въ потѣ лица собиралъ я ее; долго трудился; въ наслѣдство дѣтямъ ее прочилъ, ну, да теперь не до того. Если же, чего Боже сохрани, супостатъ и къ намъ въ родину заберется, то тогда мы всѣ, отъ мала до велика, всѣ ополчимся, и не то, что достояніе наше, хлѣбъ насущный, но и до послѣдней капли крови себя отдадимъ! Да что говорить! Тогда и кости праотцевъ нашихъ изъ могилъ возстанутъ на защиту возлюбленной родины! Вѣрноподданный крестьянинъ села такого то» ([1]).

Вотъ вамъ и лирическая страница изъ книги русской народной жизни! Слѣдовательно, не молчитъ она, моя голубушка, какъ выражается замѣчательное типическое лицо, созданное даровитымъ нашимъ писателемъ, а громко выражается твердыми дѣяніями. «Пойми меня, дескать такъ», говоритъ она, т. е. пойми сердцемъ, а не головою. И дѣйствительно, трудно иногда понять однимъ разумомъ то, что дѣлается подъ вліяніемъ сердечнаго увлеченія. Пока отцы, мужья, братья, осѣнясь крестнымъ знаменіемъ, грудью встрѣчаютъ враговъ отечества, матери, жены, сестры не упадаютъ духомъ, не предаются унынію, а съ твердостію,

---

([1]) Нѣсколько писемъ въ этомъ родѣ были напечатаны въ свое время во всѣхъ газетахъ; мы измѣнили только правописаніе и обороты фразъ, но мысли, изложенныя въ нихъ, оставили неприкосновенными.

внушенною высокимъ чувствомъ, поощряютъ защитниковъ отечества словомъ и дѣломъ. Да! Не однимъ словомъ участія, а дѣломъ человѣколюбія и самоотверженія.

Прошлую субботу, 6-го ноября, случайно попалъ я на станцію московской желѣзной дороги: тамъ и всегда бываетъ довольно многолюдно во время отправленія поѣздовъ, но въ этотъ день, въ безпрестанно прибывающей толпѣ, замѣтно было особенное движеніе и слышенъ былъ какой то говоръ сочувствія и одобренія.

Не на празднество ли какое нибудь попали мы?» спросилъ я ближайшаго сосѣда. «Да, похоже на то, отвѣчалъ кто-то изъ толпы: здѣсь сегодня торжество милосердія!» Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на произносившаго эти слова; онъ понялъ вопросительный мой взглядъ и, привѣтливо улыбнувшись, прибавилъ: «Пройдите далѣе въ залу отъѣзжающихъ, и вы поймете значеніе моихъ словъ». Я послѣдовалъ совѣту, и не безъ труда протолкался до назначенной залы. Дѣйствительно, при одномъ взглядѣ на происходившее тутъ, легко было понять и стремленіе толпы, и сочувствіе ея, и одобрительный говоръ. Тридцать сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ, вновь установленной Крестовоздвиженской общины, ожидали отправленія поѣзда. Не изъ любопытства одного собрались тутъ представители почти всѣхъ сословій петербургскаго населенія: каждому хотѣлось изъявить сердечное свое сочувствіе къ человѣколюбивому общественному дѣлу; каждый хотѣлъ проводить и напутствовать благословеніемъ достойныхъ сестеръ, отправляющихся въ Крымъ «по искреннему побужденію теплой любви къ ближнему, съ твердымъ намѣреніемъ переносить всѣ трудности принимаемыхъ ими обязанностей», какъ сказано въ высочайше одобренныхъ правилахъ Крестовоздвиженской общины. Почтительно окружала толпа отправляющихся сестеръ, какъ бы желая запечатлѣть въ памяти черты каждой изъ достойныхъ сподвижницъ милосердія. Тутъ же, отъ присутствующихъ, мы узнали слѣдующія подробности:

«Община сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ» учреждается, съ Высочайшаго Го-

сударя Императора соизволенія, на время военныхъ дѣйствій на иждивеніи Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны, и состоитъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Высочества. Назначеніе и обязанности сестеръ изложены въ слѣдующихъ трогательныхъ и высокохристіанскихъ выраженіяхъ: «Сестры попеченія обязываются, съ любовью къ Спасителю и Господу нашему Іисусу Христу и съ полнымъ личнымъ самоотверженіемъ, имѣть постоянный тщательный уходъ за ранеными и больными, и пещись о нихъ, какъ о ближайшихъ своихъ родственникахъ».—Мы также узнали, что, благотворительнымъ попеченіемъ Ея Императорскаго Высочества, нынѣ отправляющіяся сестры обильно снабжены платьемъ, бѣльемъ, обувью, шубами, и что, кромѣ того, везутъ съ собою, для пособія раненымъ, корпію, бинты и прочія принадлежности. Число сестеръ не ограничится тридцатью: по мѣрѣ горькой, но необходимой потребности послѣдуютъ и другія отправленія. Большая часть отъѣзжающихъ нынѣ сестеръ, получивъ хорошее воспитаніе и принадлежа къ дворянскому сословію, вступили на трудное поприще лишь движимыя чувствомъ благороднаго патріотизма. Начальница сестеръ попеченія, Александра Петровна *Стаховичъ*, вдова русскаго воина, достойная женщина, давно усвоившая себѣ человѣколюбивое дѣло попеченія о страждущихъ. Въ Высочайше утвержденныхъ постановленіяхъ кратко, но умилительно объяснены обоюдныя отношенія начальницы къ сестрамъ и сестеръ къ начальницѣ: «Главная начальница, сказано въ этомъ параграфѣ, есть для нихъ ближайшая мать, а онѣ суть для нея дочери» (¹).

Намъ сказали также, что наканунѣ, т. е. въ пятницу, совершено было въ церкви Михайловскаго дворца, послѣ обѣдни, молебствіе на путь шествующихъ, предъ коимъ сестры произнесли клятвенное обѣщаніе свято исполнять свое призваніе и «постоянно хранить въ памяти данный ими обѣтъ—посвятить всѣ силы свои на богоугодное слу-

(¹) Параграфъ 4-й Высочайше утвержденныхъ постановленій.

женіе раненымъ и больнымъ, съ полнымъ личнымъ самоотверженіемъ и искреннимъ милосердіемъ къ страждущимъ».

Кромѣ обязанности сестеръ облегчать страданія больныхъ христіанскимъ утѣшеніемъ и молитвою, имъ вмѣняется въ долгъ выслушивать просьбы и послѣднія желанія умирающихъ, и доводить ихъ немедленно до свѣдѣнія главной начальницы (параграфъ 7-й). Предъ молебствіемъ сестры благословены наперстными крестами, и подвизающіяся поручены духовному назиданію почтеннаго іеромонаха Афонской горы Отца Веніамина, недавно прибывшаго въ Петербургъ изъ Іерусалима и нынѣ отравляющагося съ сестрами въ Крымъ [1].

Что можетъ быть поучительнѣе и краснорѣчивѣе этой новой страницы изъ славной и премудрой книги русской жизни? Всѣ присутствующіе во время отъѣзда 6-го ноября изучили ее наизустъ, прочитавъ, во взорахъ сподвижницъ милосердія, твердое, ничѣмъ невозмутимое упованіе на благость Всевышняго, удостоившагося принять усердные ихъ обѣты.

Простите же, благочестивыя милосердыя сестры, страждущихъ братій! Да благословитъ и напутствуетъ васъ Господь Богъ на избранной вами тернистой стезѣ самоотверженія. У изголовья страдальческаго ложа храбрыхъ защитниковъ отечества, вы будете представительницами благодарной ихъ родины; для каждаго изъ нихъ вы замѣните сестру—попеченіями, жену—сердечнымъ участіемъ, мать—словомъ назиданія, теплою молитвою, и въ роковую минуту прощальнымъ благословеніемъ.

Ростиславъ.

---

(1) Въ тотъ же день, иждивеніемъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой княгини Елены Павловны, отправлены четыре врача для содѣйствія профессору Пирогову. Нельзя также умолчать, что коммерціи совѣтникъ Харичковъ, движимый желаніемъ содѣйствовать по возможности общеполезному человѣколюбивому дѣлу, испросилъ дозволеніе доставить на свой счетъ сестеръ попеченія до Москвы; по сему случаю г. Харичковъ взялъ особый вагонъ.

Случай изъ крымской кампаніи.

За Богомъ молитва, а за
Царемъ служба не пропадаютъ.
пословица.

Однажды, при выходѣ изъ церкви, ко мнѣ подошелъ молодой урядникъ довольно пріятной наружности. Съ перваго взгляда я было принялъ его за незнакомца, но, всматриваясь пристальнѣе, скоро узналъ въ немъ знакомаго мнѣ гимназиста Петра *Филина*, изъ шаловливаго мальчика быстро преобразившагося теперь въ стройнаго юношу, съ Георгіемъ на груди. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ и воспоминаній о прошедшемъ, я незамѣтно перешелъ къ вопросу: за что̀ онъ получилъ Георгіевскій крестъ? Разсказъ *Филина* о дѣлѣ или, лучше, дѣльцѣ, въ которомъ онъ отличился, показался мнѣ такъ занимательнымъ, что я рѣшился передать его читателямъ въ томъ видѣ, какъ слышалъ, безъ всякихъ прикрасъ и добавленій, дорожа болѣе всего истиною ([1]).

«Вамъ, конечно, извѣстно—говорилъ *Филинъ* — что я служилъ въ нынѣшней крымской кампаніи. Полкъ нашъ, № 55-й, прибывши въ сентябрѣ 1854 года въ аулъ Сакъ, поступилъ въ составъ Евпаторійскаго отряда, подъ командою генералъ-адъютанта князя *Радзивила*, и въ тотъ же день занялъ пикетами аванпостную линію, не въ дальнемъ разстояніи отъ Евпаторіи. Сколько помню, въ первое время нашей службы не случилось у насъ ничего замѣчательнаго. Находившійся въ Евпаторіи непріятель — по слабости ли въ силахъ, или другимъ какимъ причинамъ—ограничивался только одними рекогносцировками, которыя, благодаря бдительности нашихъ казаковъ, были постоянно открываемы. При всемъ однакожь видимомъ бездѣйствіи непріятеля, въ

([1]) Справедливость этого разсказа подтверждается оффиціальнымъ донесеніемъ по начальству войскового старшины Сысоева и частными письмами генерала-маіора Н. Н. Краснова и полковника (нынѣ генералъ-маіора) Г. А. Попова къ подполковнику И. Е. Филину.

отрядѣ нашемъ соблюдалась большая осторожность: носились слухи, что французы ожидаютъ себѣ со дня на день подкрѣпленій и намѣрены атаковать насъ. Чтобы удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, изъ полка нашего нерѣдко были отряжаемы охотничьи команды, для поимки языка; но первыя попытки наши какъ-то не удавались. Признаться, у меня было сильное желаніе увидѣть врага лицемъ къ лицу, и я рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ.

18-го ноября, полковымъ командиромъ наряжена была, для поисковъ надъ непріятелемъ, команда изъ 25 казаковъ и четырехъ урядниковъ. Въ числѣ первыхъ охотниковъ былъ я. Начальство надъ нашимъ маленькимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ одной молодежи, ввѣрено было опытному и бойкому уряднику *Письменскову*, уроженцу Усть-Бѣло-Калитвенской станицы. Въ 8 часовъ утра, съ восходомъ солнца, мы отправились изъ аула. Погода была ясная и теплая; снѣгу еще не было. Миновавъ нашу аванпостную цѣпь и приближаясь къ Евпаторіи, мы замѣтили вдали что-то движущееся.... По мѣрѣ приближенія нашего, предметы обозначались яснѣе, и мы скоро увидѣли, что на песчаной косѣ близъ Евпаторіи, по берегамъ топкаго озера, паслось большое стадо непріятельскаго скота разнаго рода, при которомъ находилось до 50 вооруженныхъ турокъ. Не смотря на неравенство силъ, *Письменсковъ* немедленно распорядился атаковать непріятеля. Онъ построилъ насъ лавою и, ободряя, сказалъ громко: «Ребята! теперь намъ случай показать себя молодцами. Докажемъ же на дѣлѣ, что мы не трусова десятка, что мы, подобно нашимъ славнымъ дѣдамъ, умѣемъ побѣждать враговъ, и скорѣе умремъ за вѣру, царя и отечество, чѣмъ осрамимъ себя бѣгствомъ». Это краткое воззваніе ободрило насъ. Сердца наши закипѣли.... Съ крикомъ ура! мы бросились въ пики на непріятеля.... Турки, послѣ недолгаго сопротивленія, были разбиты и обратились въ бѣгство. Многіе изъ нихъ были сколоны, пять человѣкъ взято въ плѣнъ. Въ самомъ пылу сраженія, бывшій съ нами унтеръ-офицеръ *Дьячковъ* (я забылъ было сказать, что съ нами отправилось до 10

уланъ, но только два участвовали въ дѣлѣ) занесся впередъ на своей лошади, былъ раненъ пикою въ голову и взятъ въ плѣнъ. Завидя это, я съ братомъ своимъ Феогніемъ, уланскій юнкеръ *Акацатовъ* и казакъ Денисовъ бросились въ толпу непріятелей, застрѣлили нѣкоторыхъ изъ нихъ и отбили плѣннаго улана, который былъ уже раздѣтъ баши-бузуками. Послѣ этого, я увлекся въ погонѣ за двумя турками, вогналъ ихъ въ озеро и, не могши удержать свою лошадь, увязъ вмѣстѣ съ ними въ грязи. Паническій страхъ ихъ былъ такъ великъ, что они тотчасъ побросали своихъ лошадей и оружіе и спаслись пѣшкомъ, но я, сидя на конѣ, успѣлъ-таки послать имъ въ догоню двѣ пули и, кажется, ранилъ одного изъ нихъ, потому что онъ нѣсколько разъ падалъ въ озерѣ.

Но, между тѣмъ какъ наши, торжествуя побѣду, загоняли отбитый у непріятеля скотъ, неожиданная опасность стала угрожать намъ со стороны Евпаторіи: турецкіе кавалеристы, извѣщенные о насъ бѣжавшими баши-бузуками, выступили изъ города въ числѣ 70 человѣкъ. Въ эти критическія минуты я все еще принужденъ былъ возиться съ своею застрявшею въ тинѣ лошадью. Напрасно я понуждалъ ее уздою, крикомъ, плетью — ничто не помогало: бѣдное животное силилось встать, но, приподнявшись немного, снова падало на бокъ отъ изнеможенія. Наконецъ у меня блеснула мысль приподнимать ее ружьемъ. Но и тутъ, только послѣ невѣроятныхъ усилій, я успѣлъ поставить ее на ноги и выбраться на берегъ изъ трясины. Въ это время непріятель уже вступилъ въ перестрѣлку съ нашими. Когда я присоединился къ отряду, пули безпрерывно жужжали въ ушахъ, какъ пчелы. Богъ сохранилъ однакожъ насъ всѣхъ невредимыми. Храбрый нашъ предводитель *Письменсковъ* оказалъ удивительное хладнокровіе при отступленіи. Ободренные его примѣромъ, мы отступали медленно, шагъ за шагомъ, предъ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, ведя съ нимъ жаркую перестрѣлку и не оставляя отбитаго скота. Видно, стойкость наша поразила турокъ, что они не осмѣлились атаковать насъ и скоро возвратились назадъ; вѣроятно, они опасались по-

пасть на засаду. Съ торжествомъ мы вступили въ свой аулъ. Кромѣ пяти плѣнныхъ баши-бузуковъ, нами пригнано было до 40 лошадей, 20 верблюдовъ и 100 штукъ рогатаго скота. Съ нашей стороны убито было въ перестрѣлкѣ только двѣ лошади.

На слѣдующій день, рано утромъ, я былъ посланъ, съ представленіемъ о нашемъ подвигѣ, къ походному атаману генералъ-маіору *Краснову 2-му*. Его превосходительство Иванъ Никифоровичъ былъ такъ добръ, что немедленно рѣшился самъ ѣхать со мною въ штабъ главнокомандующаго, для испрошенія намъ награды. Но, между тѣмъ, какъ его превосходительство, по прибытіи туда, ходатайствовалъ за насъ у начальника штаба,—со мною случайно встрѣтился самъ главнокомандующій князь *Меншиковъ*, который, узнавъ отъ меня всѣ подробности дѣла, приказалъ мнѣ идти въ наградное отдѣленіе, для внесенія въ списокъ своей фамиліи. Тутъ мнѣ велѣно было явиться въ 4 часа послѣ обѣда. Въ то же время меня ожидало новое счастіе. Едва только я, по приходѣ изъ отдѣленія, расположился было для отдыха въ квартирѣ у знакомаго хорунжаго *Хоперскова*, какъ снова получилъ приказаніе—представиться тотчасъ къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, бывшимъ тогда въ Крыму. По приходѣ моемъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ изволилъ ласково меня спросить: «Ну, разскажи Намъ, какъ ты отличился». Когда я передалъ имъ на словахъ все какъ было, Его Высочество пошелъ въ свою комнату, вынесъ оттуда часы съ золотою цѣпочкою и, жалуя ихъ мнѣ, сказалъ: «это тебѣ отъ Насъ съ Братомъ награда, да, кромѣ того, Мы попросимъ главнокомандующаго наградить тебя Георгіемъ». Растроганный до глубины сердца Ихъ милостивымъ ко мнѣ расположеніемъ, я поклонился, не найдя тогда словъ для выраженія моей глубочайшей благодарности. Не болѣе какъ чрезъ полчаса послѣ того, возвращаясь верхомъ къ *Хоперскову*, я неожиданно встрѣтилъ опять моего Благодѣтеля, осматривавшаго артиллерію, и, поровнявшись съ Нимъ, быстро повернулъ лошадь во фронтъ, для отданія чести. Великій

Князь и тутъ изволилъ подойти ко мнѣ, погладилъ рукою моего коня, примолвя: «ѣздишь хорошо,—а какого завода лошадь»?—«Собственнаго, Донского, Ваше Императорское Высочество—отвѣтилъ я. «Ну, будь же и впредь молодцомъ, а этотъ (прибавилъ Онъ, указывая на свой Георгій) получишь несомнѣнно». Дѣйствительно, въ 8 часовъ вечера, мнѣ навѣшенъ былъ на грудь георгіевскій знакъ отличія и, кромѣ того, даны были еще четыре знака для награды храбрѣйшихъ товарищей. Въ тотъ же вечеръ я помчался въ свой аулъ, радуясь и благословляя въ душѣ своего Благодѣтеля. Привезенные мною георгіевскіе кресты присуждены были въ награду урядику *Письменскову*, юнкеру *Акацатову*, брату моему Феогнію (Филину) и Петру *Денисову*» ([1]).

М. Сенюткинъ.

Донесенія главнокомандующаго о ходѣ осады и обороны Севастополя.

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ 12-го (24-го) ноября, что бомбардированіе Севастополя продолжалось, но весьма слабо и почти для него безвредно. По вечерамъ, когда разставленные нами секреты даютъ знать, что въ осадныхъ траншеяхъ слышны работы, огонь усиливается какъ съ нашихъ, такъ и съ непріятельскихъ батарей, впрочемъ на короткое лишь время. По ночамъ, высылаемыя команды охотниковъ мѣшаютъ осаднымъ подступамъ, которые нисколько впередъ не подвинулись. Непріятель по прежнему занимается укрѣпленіемъ своей позиціи; съ нашей стороны оборона также съ каждымъ днемъ усиливается.

По ближайшей повѣркѣ потерь непріятельскаго флота въ бурю 2-го (14-го) ноября, оказалось, что около Севастополя выброшено было на берегъ и сѣло на мель 14 су-

---

([1]) Донскія Войсковыя Вѣдомости 1858 г. № 10 Статья эта перепечатана въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1858 года, № 156.

довъ; у Евпаторіи же два линейные корабля, два парохода и 13 судовъ разнаго другого рода; кромѣ того, нѣсколько въ Балаклавѣ. Изъ числа ихъ иныя нами разобраны, другія сожжены нами же или непріятелемъ, а прочія разбиты. Часть погибшихъ судовъ была нагружена запасами артиллерійскими, провіантскими и коммисаріатскими; съ нѣкоторыхъ изъ нихъ люди не успѣли спастись и остались въ нашихъ рукахъ (1).

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ отъ 19-го ноября (1-го декабря), что подъ Севастополемъ, послѣ 15-го (27-го) числа, во взаимномъ нашемъ положеніи съ непріятелемъ особенныхъ перемѣнъ не произошло. Огонь съ осадныхъ батарей производится по прежнему весьма слабо и не причиняетъ намъ почти никакихъ потерь. Непріятель продолжаетъ усиливать укрѣпленіе своей позиціи (2).

По полученному сегодня (3) донесенію отъ генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, подъ Севастополемъ, съ 19-го по 23-е ноября (съ 1-го—5-го декабря), ничего новаго не произошло. Огонь съ непріятельскихъ батарей вообще весьма слабъ и потери съ нашей стороны ничтожны. Не смотря на ежедневные проливные дожди, оборонительныя наши работы продолжались съ успѣхомъ.

По ночамъ изъ Севастополя высылались команды охотниковъ, съ тѣмъ чтобы тревожить непріятеля. Малыя эти вылазки исполнялись довольно удачно. Такъ, 20-го числа, передъ разсвѣтомъ, Волынскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ *Полевой*, съ пятью унтеръ-офицерами и 66-ю рядовыми, смѣло взобрался на высоты передъ южною бухтою, бросился въ штыки на траншею непріятельскую, перекололъ тамъ многихъ англичанъ, взялъ трехъ въ плѣнъ и захватилъ 14 штуцеровъ. Въ слѣдующую ночь, съ 20-го на 21-е, того-же полка поручикъ *Васильевъ*, съ охотника-

(1) Русскій Инвал. 1854 года, № 262.
(2) Русскій Инвал. 1854 года, № 266.
(3) 28-го ноября.

ми отъ разныхъ полковъ, бросился на одну изъ французскихъ батарей и перекололъ до 30-ти непріятелей. Въ ту же ночь, 60 охотниковъ Томскаго егерскаго полка, съ четырьмя матросами, подъ командою поручика *Жаринова*, подкрались къ траншеѣ, занятой англійскими штуцерными, которые, при внезапномъ появленіи нашихъ егерей, бѣжали, оставивъ 11 тѣлъ, одного плѣннаго и четыре штуцера. Всѣ эти смѣлыя вылазки произведены нами почти безъ потери.

По свѣдѣніямъ изъ Евпаторіи, непріятелю не удалось стащить ни одного изъ судовъ, брошенныхъ на мель бурею 2-го числа въ окрестностяхъ сего города ([1]).

СТАТЬЯ ГАЗЕТЫ «TIMES» ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

О необходимости подкрѣпить крымскую армію преимущественно французскими войсками.

(Писано въ исходѣ 1854 года).

«Считаемъ обязанностію настоятельно убѣждать наше правительство и согражданъ въ томъ, что намъ непремѣнно нужно собрать какъ можно болѣе войскъ, для подкрѣпленія нашей крымской арміи, дабы скорою и блистательною побѣдою положить конецъ безпокойному и душевному волненію, въ которомъ мы теперь находимся. Но при этомъ не должно забывать, что мы дѣйствуемъ не одни, что имѣемъ храбрыхъ и вѣрныхъ союзниковъ, коихъ кровь вмѣстѣ съ нашею оросила поля сраженій при Альмѣ и Инкерманѣ; надобно помнить также, что опасность и безопасность одинаковы и для насъ, и для нихъ. Каждое подкрѣпленіе, которое можетъ послать англійское правительство своимъ войскамъ, служитъ также подкрѣпленіемъ французамъ; съ другой стороны, по мѣрѣ умноженія французскаго войска, представляются надежды на спасеніе нашихъ войскъ,

---

([1]) Русскій Инвал. 1854 года. № 268.

слѣдовательно, мы не будемъ извиняться предъ нашими вѣрными и храбрыми союзниками въ томъ, что съ тою же настойчивостію просимъ мы и ихъ правительство, какъ умоляли наше, увеличить число войскъ, дѣйствующихъ въ Крыму. Мы имѣемъ общіе интересы и находимся въ равной опасности, и если говоримъ о военныхъ дѣйствіяхъ, то, кажется, занимаемся предметомъ, который весьма близко до насъ касается.

Если, съ одной стороны, Англію нельзя назвать націею военною, то французы имѣютъ полное право присвоить себѣ названіе народа военнаго. Длинный списокъ успѣховъ французскаго оружія начинается уже въ среднихъ вѣкахъ и показываетъ также участіе Франціи во всѣхъ блистательныхъ подвигахъ послѣднихъ войнъ (¹).

Французскихъ полководцевъ можно считать основателями новѣйшаго военнаго искуства, и еще живетъ поколѣніе, видѣвшее побѣдоносныя войска французскія почти во всѣхъ столицахъ европейскихъ. И настоящія военныя силы Франціи ни въ чемъ не уступаютъ славѣ, заслуженной въ столь многочисленныхъ, блистательныхъ сраженіяхъ.

Если мы даже сдѣлаемъ все то, что намъ возможно исполнить, то все-таки наши усилія будутъ ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что находится въ полной готовности у нашего великаго союзника. Для Англіи послать 30,000 человѣкъ на помощь нашимъ измученнымъ и осажденнымъ въ Крыму войскамъ, кажется усиліемъ превышающимъ ея средства, между тѣмъ какъ императору французовъ стоитъ только захотѣть, и въ три раза большее количество войска готово въ одну недѣлю приготовиться къ вторженію въ Россію. Если бы у насъ было на мѣстѣ хоть 10,000 для подкрѣпленія тѣхъ наступательныхъ дѣйствій, которыя были произведены послѣ большой русской вылазки, то мы, можетъ быть, могли бы теперь праздновать день

(¹) А Креси, Монергюи, Азенкуръ въ средніе вѣка, а Рамильи, Туринъ, Россбахъ, Березина, Лейпцигъ, Ватерлоо въ новые, развѣ не говорятъ совершенно противнаго?

великой и неожиданной побѣды, вмѣсто безплодной и кровопролитной поверхности. Франція показала, что она желаетъ мира, но она никогда не перенесетъ съ терпѣніемъ неудачъ войны, если только она не убѣждена, что всѣ предписываемыя благоразуміемъ и твердостію мѣры для отвращенія несчастій были уже истощены. Французскій императоръ имѣетъ гораздо большія силы, чѣмъ Англія, и можетъ гораздо легче располагать ими. Но большимъ средствамъ и большимъ силамъ, которыми онъ располагаетъ, соотвѣтствуетъ также большая отвѣтственность. Людовикъ-Наполеонъ даже болѣе заинтересованъ въ окончательномъ результатѣ экспедиціи, чѣмъ Англія, потому что его армія въ Крыму гораздо многочисленнѣе нашей. Онъ долженъ чувствовать, какъ и мы, что завязалъ рѣшительную борьбу съ могучимъ соперникомъ, борьбу, въ которой ему уже нельзя отступить. Одно изъ двухъ: или славныя французскія войска, стоящія предъ Севастополемъ, должны остаться до послѣдняго на полѣ брани,—зная, что враги, не предоставляютъ намъ другого выбора, какъ смерть или плѣнъ,—или надобно до того усилить французскую армію, чтобы ей открылась возможность начать наступательныя дѣйствія противъ всѣхъ тѣхъ массъ, которыя самодержавное русское правительство можетъ, въ случаѣ крайнемъ, направить на союзныя войска.

Съ настоящими нашими средствами, побѣда и отступленіе равно невозможны. И потому мы питаемъ надежду, что французское правительство, которое въ продолженіе всѣхъ сихъ событій дѣйствовало такъ непоколебимо, осторожно и честно (?), пойметъ необходимость послать на Востокъ столько войска, сколько дозволятъ средства для перевоза. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, ничего не можетъ быть раззорительнѣе, какъ неумѣстная бережливость жизни солдатъ и денежныхъ средствъ.

Если мы будемъ мало рисковать, то неминуемо все потеряемъ; если же отважимъ многое, то имѣемъ надежду все выиграть. Какая сила посмѣетъ противустать, хоть на минуту, нашимъ войскамъ, если у насъ предъ Севастополемъ собралось бы до 100,000 французовъ и 50,000

англичанъ ([1])! Тогда мы не слыхали бы объ ужасныхъ вылазкахъ врага и батареяхъ, занятыхъ имъ, или объ удачахъ, коими нельзя было воспользоваться, потому что мы были не въ силахъ, необходимыхъ для преслѣдованія, или о побѣдахъ, недоконченныхъ по недостатку войскъ. Какъ граждане Англіи, какъ союзники Франціи, мы еще болѣе страшимся и стыдимся положенія нашихъ войскъ. Не намъ умолять Россію о пощадѣ.... Превосходя ее даже числительностію народонаселенія, мы не можемъ предстать человѣчеству, какъ люди, возбуждающіе духъ враждебный, съ которымъ не можемъ сладить, и вызвавшіе на бой государство, съ которымъ мы не можемъ справиться. Мы должны на полѣ брани сохранить то превосходство, на которое такъ давно имѣемъ притязаніе.... Ни Англія, ни Франція не имѣли намѣренія подвергнуть своихъ солдатъ неравному бою и смотрѣть на свои войска, какъ на безнадежно погибшія, которыя обречены на то, чтобы своими трупами покрыть русскую землю. Всѣ эти замѣчанія касаются нашихъ войскъ, но мы никогда не дерзнули бы полагать, что наши войска могутъ вступить въ соперничество съ милліонами русскаго Императора. Франція занимаетъ по праву первое мѣсто ([2]) между военными державами Европы, и она утратила бы свою славу и блескъ, если бы не поддерживала это право всѣми зависящими отъ нея средствами. Оба союзныя государства находятся теперь въ новомъ и непредвидѣнномъ положеніи, и они хорошо сдѣлаютъ, если постараются примѣниться къ обстоятельствамъ. Мы ожидали легкихъ побѣдъ, а нашли сопротивленіе, превосходящее упорствомъ все, доселѣ извѣстное въ исторіи, и были свидѣтелями внезапнаго сосредоточенія огромныхъ силъ, которое принудило насъ искать спасенія не въ хладнокровныхъ и хорошо обдуманныхъ дѣй-

---

([1]) Русская армія, всегда равная числительности своихъ враговъ и превосходящая ихъ мужествомъ и увѣренностію въ святости защищаемаго дѣла.

([2]) И это говоритъ газета «Times», еще недавно оспоривавшая у Франціи всякое притязаніе на извѣстность и величіе.

ствіяхъ, но въ романической и отважной храбрости. Это не должно повторяться.

Великія государства не должны были начинать войны противъ Имперіи, которая занимаетъ шестую часть всего обитаемаго міра, если онѣ не были приготовлены поддерживать арміи, могущія не только защищать свои укрѣпленія, но имѣющія возможность встрѣтить и разбить какія бы то ни было арміи, противъ нихъ высланныя. Даже Англія и Франція не могутъ ручаться за побѣду, но если онѣ и потерпятъ неудачи, то, по крайней мѣрѣ, эти неудачи будутъ слѣдствіемъ военнаго искусства, мужества или счастія непріятеля, а не скряжнической политики, которая начинаетъ великія предпріятія съ малыми средствами и жертвуетъ результатами, чтобы сберечь средства денежныя; политики, которая, будучи и расточительна, и скупа въ одно и то же время, предаетъ часть своего войска явной смерти, чтобы содержать другую въ бездѣйствіи ([1]).

Дѣйствія пароходовъ «Владиміръ» и «Херсонесъ» 24-го ноября 1854 года.

Съ разрѣшенія генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, 24-го ноября, въ часъ пополудни, вице-адмиралъ *Нахимовъ*, отдѣливъ пароходы «Владиміръ» и «Херсонесъ» отъ ввѣренной ему эскадры, приказалъ имъ атаковать непріятельскій желѣзный винтовой пароходъ, стоявшій на фарватерѣ противъ Песочной бухты, вѣроятно, для наблюденія за движеніями нашихъ судовъ на рейдѣ. Командиръ парохода «Владиміръ», капитанъ 2-го ранга *Бутаковъ*, выйдя изъ-за боновъ, запирающихъ входъ въ Севастополь, направилъ пароходъ къ избранному противнику; за «Владиміромъ слѣдовалъ «Херсонесъ». Они на пути привѣтствовали нѣсколькими мѣткими выстрѣлами какъ непріятельскій лагерь, расположенный по восточному склону

([1]) Русскій Инвал. 1854 года, № 275.

Стрѣлецкой бухты, такъ и пароходы, въ ней находившіеся. Замѣтивъ намѣреніе нашихъ пароходовъ, непріятельскій винтовой сдѣлалъ сигналъ своему флоту, и спѣшилъ поднять пары.—Бросивъ неудачно нѣсколько ядеръ по «Владиміру», онъ выпустилъ якорную цѣпь, торопясь укрыться подъ защиту кораблей, расположенныхъ у Камышевой бухты.—«Владиміръ» преслѣдовалъ его за Песочную бухту, дѣйствуя по немъ двумя носовыми орудіями. Видя безуспѣшность погони и находясь почти подъ выстрѣлами кораблей, на «Владимірѣ» положили лѣво руля, а по бѣжавшему непріятелю продолжали огонь всѣми орудіями лѣваго борта, до тѣхъ поръ, пока выстрѣлы могли быть дѣйствительными: потомъ «Владиміръ» направленъ къ Стрѣлецкой бухтѣ, противъ которой пароходъ «Херсонесъ», командуемый капитанъ-лейтенантомъ *Рудневымъ*, съ живостью бросалъ бомбы по непріятельскому лагерю и пароходамъ. Желая доставить «Владиміру» выгодное мѣсто, «Херсонесъ» поворотилъ и продолжалъ стрѣльбу съ правой своей стороны. Быстрый и удачный огонь нашихъ двухъ пароходовъ произвелъ смятеніе какъ на берегу, такъ и въ бухтѣ; этому смятенію надобно приписать неудачу непріятельскихъ выстрѣловъ съ пароходовъ и полевыхъ орудій, выдвинутыхъ къ берегу. На одномъ изъ непріятельскихъ пароходовъ, стоявшихъ въ Стрѣлецкой бухтѣ, показался изъ-подъ палубы паръ въ большомъ количествѣ; можетъ статься, что наши бомбы пробили на немъ паровой котелъ. По первому сигналу удалявшагося винтового противника, задымились всѣ паровыя суда непріятельскаго флота. не исключая и кораблей, и вскорѣ два англійскіе парохода, французскій подъ вице-адмиральскимъ флагомъ, и находившійся у р. Качи, при выброшенныхъ судахъ, стали приближаться къ «Владиміру» и «Херсонесу».—Они, не желая быть атакованными четырьмя огромными непріятельскими пароходами, начали подвигаться къ Севастополю. Передовой англійскій пароходъ, приблизясь, открылъ огонь: его ядра, ложась между нашими пароходами, не причиняли вреда. «Владиміръ», слѣдуя въ кильватерѣ за «Херсонесомъ», отстрѣливался изъ кормовыхъ орудій. На

нашихъ пароходахъ убитыхъ и раненыхъ не оказалось; только англійское ядро, попавшее въ фокъ-мачту парохода «Владиміръ», отбивъ шестую часть ея діаметра, перебило нѣсколько снастей (1).

Донесенія о ходѣ осады и обороны.

Санктпетербургъ, 4-го декабря.

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ отъ 26-го ноября (8-го декабря), что съ 23-го подъ Севастополемъ никакой перемѣны въ положеніи нашемъ относительно къ непріятелю не произошло; огонь осадныхъ батарей былъ такъ же слабъ и безвреденъ для насъ, какъ въ предшествовавшіе дни; 23-го же числа вылазка, произведенная нашими охотниками, принудила непріятеля покинуть начатыя противъ бастіона № 3-го работы, а вырытые имъ ложементы немедленно были засыпаны.

24-го ноября, съ севастопольскаго рейда высланы были два парохода: «Владиміръ» (капитанъ 2-го ранга *Бутаковъ*) и «Херсонесъ» (капитанъ-лейтенантъ *Рудневъ*), съ цѣлью нанести вредъ французскому пароходу, стоявшему на якорѣ противъ рейда. Предпріятіе это выполнено довольно успѣшно: пока непріятельскій пароходъ спѣшилъ удалиться подъ прикрытіе другаго, французскаго же парохода, наши успѣли послать ему нѣсколько ядеръ, изъ коихъ иныя прямо въ корпусъ. Подошедшій, между тѣмъ, англійскій большой 3-хъ мачтовый пароходъ завлеченный преслѣдованіемъ нашихъ, на возвратномъ пути ихъ къ рейду, приблизился подъ огонь береговыхъ батарей, которыя сбили у него грота-рей и повредили кожухъ. У насъ при этомъ не было ни потери въ людяхъ, ни особаго поврежденія въ судахъ.

Санктпетербургъ, 9-го декабря.

Послѣднее донесеніе генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, отъ 1-го (13-го) декабря, не заключаевъ въ себѣ

(1) Морск. Сборн. 1855 г., № 1.

ничего замѣчательнаго о дѣйствіяхъ подъ Севастополемъ. Огонь осадныхъ батарей послѣ 26-го числа былъ такъ же слабъ, какъ и прежде, и почти никакой потери намъ не причинялъ. Непріятель хотя и продолжаетъ траншейныя работы на лѣвомъ своемъ флангѣ, однакоже, обезпокоиваемой нашими штуцерными, удачно расположенными въ передовыхъ ложементахъ, не подвигается впередъ, а распространяется влѣво. Съ нашей стороны оборона усиливается, а по ночамъ производятся вылазки. Между прочимъ, въ ночь съ 28-го на 29-е ноября (10 — 11 декабря), 40-го флотскаго экипажа мичманъ *Титовъ 2-й*, пользуясь темнотою до восхожденія мѣсяца, вывезъ изъ одного нашего редута два горные единорога, подъ прикрытіемъ 20-ти человѣкъ флотскихъ нижнихъ чиновъ, и, сдѣлавъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ вдоль французскихъ траншей, гдѣ въ то время производились работы, возвратился въ редутъ безъ всякой потери. Въ то же время, съ другой стороны, командиръ Черноморскаго казачьяго пѣшаго № 2-го баталіона, войсковой старшина *Головинскій*, съ небольшимъ числомъ храбрыхъ казаковъ, бросился на французскія траншеи, взялъ въ плѣнъ восемь французовъ, въ томъ числѣ раненаго офицера, и захватилъ три малыхъ мортиры, а большія заклепалъ. Захваченныя мортиры немедленно же были обращены противъ тѣхъ самыхъ траншей непріятельскихъ, въ которыхъ онѣ были взяты.

Иностранныя извѣстія о дѣйствіяхъ и положеніи союзныхъ войскъ въ Крыму, въ ноябрѣ 1854 года.

Изъ Парижа въ «Neue Preussische Zeitung» пишутъ, что расположеніе умовъ въ Парижѣ самое грустное, вслѣдствіе извѣстій изъ Крыма. Всѣ говорятъ другъ-другу, что союзники пошли въ Тавриду не для того, чтобы держаться въ оборонительномъ положеніи, а чтобъ атаковать и взять Севастополь, и спрашиваютъ, достаточны ли будутъ прибывшія и отправленныя туда подкрѣпленія, чтобъ союзники могли перейдти въ дѣйствительно наступательное

положеніе. Если вѣрить полученнымъ нами свѣдѣніямъ, прибавляетъ корреспондентъ, рѣшено сформировать 9-ю и 10-ю дивизіи ([1]).

Въ письмѣ изъ Константинополя, отъ 13-го ноября, помѣщенномъ въ «Аугсбургской Газетѣ», почитаютъ положеніе союзниковъ въ Крыму отчаяннымъ, потому что обратное ихъ отправленіе изъ Балаклавы сдѣлалось невозможнымъ: они подвержены ежедневнымъ нападеніямъ со стороны русскихъ, и всякая новая потеря, которой они не могутъ замѣнить, въ самоскорѣйшемъ времени, дѣлаетъ ихъ положеніе болѣе и болѣе худшимъ.

Изъ Лондона, отъ 24-го ноября, пишутъ въ «Neue Preussische Zeitung»: Англія никогда не имѣла претензій быть одною изъ великихъ военныхъ державъ. Этими словами начинаютъ сегодня въ «Times» статью о крымской кампаніи, написанную черными красками, сознаваясь, впрочемъ, откровенно въ томъ, что теперь трудно было бы и скрыть, а именно, что экспедиціонная армія предъ Севастополемъ перешла изъ наступательнаго положенія въ оборонительное; что теперь собственно говоря дѣло уже не въ томъ чтобъ взять крѣпость, но чтобъ отдалить необходимость возвращенія на судахъ, въ особенности потому, что не возможно было бы убѣдить къ этой мѣрѣ французскихъ союзниковъ. Это сознаніе произведетъ сильное дѣйствіе на безпристрастную часть парижской публики. Что же касается до лондонской, то она видитъ въ этой статьѣ, гдѣ газета «Times» явно выступила изъ своей естественной роли, примѣту, что въ нѣдрахъ министерства мнѣнія раздѣлены; что виги и пилисты снова борются, чтобъ обезпечить за собою власть и что отправленіе лорда *Пальмерстона* въ Парижъ имѣетъ связь съ этою борьбою.

Извѣстіе объ инкерманскомъ сраженіи (5-го ноября) снова выставило различіе окончательныхъ видовъ двухъ

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 266.

школъ государственныхъ людей, нынѣ здѣсь соединившихся и для этого руководительная газета спѣшитъ коснуться струны приготовляющей съ одной стороны мѣры къ окончанію войны, какъ скоро успѣваютъ убѣдить къ этому Францію, а съ другой—къ возобновленію войны съ большими усиліями и опасностями. И однако же (это объясняется прежними сношеніями «Times» съ партіею Абердина), личное мнѣніе этой газеты рѣшительно клонится къ первому изъ этихъ предположеній ([1]).

Въ нынѣшнемъ нумерѣ «Times» помѣщено воззваніе къ французскому правительству, чтобы оно употребила всѣ свои военныя средства къ усиленію восточной арміи. Въ другой статьѣ сообщаютъ, что вся англійская милиція призвана къ дѣйствительной службѣ и упрекаютъ милиціонерныхъ офицеровъ, которые для сохраненія сформированныхъ ими полковъ, убѣждаютъ своихъ людей не вступать въ армію ([2]).

Въ «Preussische Korrespondenz» сказано:

«Письмомъ изъ Константинополя отъ 16-го ноября, утверждаютъ, что тамъ вообще получаются весьма не полныя и позднія извѣстія о событіяхъ въ Крыму, такъ что опасенія и безпокойства усиливаются со дня на день. Довѣрчивость, съ какою ожидали въ Константинополѣ паденія Севастополя, уступила мѣсто совершенно противоположному направленію духа. Всѣ знаютъ, что союзныя войска понесли весьма значительныя потери не только въ сраженіяхъ съ русскими, но и вслѣдствіе усиленія болѣзней, со времени наступленія суроваго времени года. Увѣряютъ, между прочимъ, что холера опять появилась съ удивительною силой ([3]).

Въ «Moniteur de la Flotte» сказано:

Вслѣдствіе производства г. *Гамелена* въ адмиралы, онъ возвращается во Францію съ своимъ штабомъ, передавъ

([1]) «Сѣверная Пчела» 1854 г., № 264.

([2]) Тамъ же.

([3]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 267.

командованіе французскими морскими силами въ Черномъ морѣ вице-адмиралу *Брюа*. Такимъ образомъ, атлантическая и средиземная эскадра сливаются въ одну, подъ названіемъ средиземной. Вторымъ начальникомъ оной назначенъ контръ-адмиралъ *Шарне*. Начальникъ штаба адмирала *Гамелена*, контръ-адмиралъ графъ *Буэ-Вилліоме*, возвращается во Францію съ симъ послѣднимъ. Контръ-адмиралъ *Риго-де-Женульи* остается впредь до приказанія на сухомъ пути, командуя матросами, высаженными въ распоряженіе главнокомандующаго восточною арміею. Контръ-адмиралъ *Люжоль*, подъ начальствомъ вице-адмирала *Брюа*, сосредоточиваетъ суда средиземной эскадры въ Константинополѣ ([1]).

Въ «Fremdenblatt» пишутъ:

«Въ письмѣ, полученномъ изъ Крыма чрезъ Константинополь, отъ половины ноября, сообщаютъ, что холера свирѣпствуетъ въ союзномъ лагерѣ довольно сильно. Сверхъ того, войско очень страдаетъ отъ холода и мятелей. Что же касается до лошадей, говорятъ, что, по недостатку конюшень и воды и отъ безпрестанной тягостной службы, онѣ въ весьма дурномъ состояніи. Одно изъ величайшихъ бѣдствій осаждающихъ составляютъ казаки, наиболѣе нападающіе на англійскій и турецкій лагери.

Въ «Preussischer Staats-Anzeiger» сказано, что въ военномъ совѣтѣ, бывшемъ 18-го числа, союзные главнокомандующіе обсуждали вопросъ, какъ лучше предохранить флоты отъ будущихъ бурь. Мнѣнія раздѣлились. Съ одной стороны предложено было взять силою Одесскій портъ, и зимовать тамъ, но это предложеніе не было принято, по недостатку дессантныхъ войскъ; кажется, рѣшились отправить флотъ на все дурное время года въ Босфоръ ([2]).

([1]) Сѣв. Пчел. 1854 г., № 275.
([2]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 276.

Изъ Брюсселя, въ «Кельнской газетѣ» пишутъ:

Не смотря на видимое удаленіе отъ дѣлъ *г. Тьера*, съ нимъ, однако же, совѣтуются въ важныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшней войнѣ онъ уже не разъ имѣлъ случай переписываться съ императоромъ по непремѣнному его требованію касательно предпріятія противъ Севастополя. Сперва г. Тьеръ отзывался въ пользу сей экспедиціи, но, по его мнѣнію, надо было бы произвесть ее гораздо раньше, отказавшись отъ всякой надежды на успѣхъ посредствомъ внезапнаго нападенія. Въ нынѣшнемъ состояніи дѣлъ этотъ государственный человѣкъ почитаетъ положеніе союзныхъ силъ чрезвычайно невыгоднымъ, взятъ ли будетъ Севастополь или устоитъ, потому что обратное отправленіе армій на судахъ сдѣлалось въ высшей степени затруднительнымъ' и исполненіе этого должно ожидать съ живѣйшими опасеніями. Увѣряютъ, что г. Тьеръ поддерживаетъ это мнѣніе военными и стратегическими доводами ([1]).

Парижъ, 15-го ноября. Контръ-адмиралъ *Барбіе-де-Тинанъ*, командующій левантскою эскадрою, доноситъ, что бригада генерала *Мерана*, занимавшая Пирей и Аѳины, отправилась 6-го числа въ Крымъ ([2]).

Парижъ, 16-го ноября. Распространился и усиливается слухъ, будто заключено новое условіе, по которому французское правительство отправитъ свѣжій корпусъ на востокъ, а англійское правительство, не имѣя возможности выставить такое же число людей, будетъ содѣйствовать сей экспедиціи деньгами. Говорятъ, что лордъ *Пальмерстонъ* уполномоченъ заключить сей трактатъ и для этого поѣхалъ во Францію. Одинъ изъ корреспондентовъ «Indépendance Belge», опредѣляющій пособіе въ сто милліоновъ франковъ, сомнѣвается, чтобъ французское правительство приняло это предложеніе ([3]).

([1]) Свв. Пчела 1854 г., № 254.
([2]) Свв. Пчела 1854 г. № 255.
([3]) Свв. Пчела 1854 г., № 256.

Лондонъ, 16-го ноября. Въ Англіи теперь производятся большія закупки лошадей, чтобы замѣнить потери, понесенныя англійскою кавалеріею на востокѣ.

Парижъ, 14-го ноября. Спѣшатъ по возможности отправленіемъ подкрѣпленій. Къ несчастію, исполненіе идетъ не такъ скоро, какъ телеграфическія приказанія, и дивизіи, назначенныя для отправленія въ Крымъ, не иначе могутъ отправиться какъ слабыми партіями, по недостатку походныхъ потребностей.

15-го ноября. Разсказываютъ, что въ субботнемъ засѣданіи совѣта министровъ маршалъ *Вальянъ* довольно пылко критиковалъ осадныя дѣйствія подъ Севастополемъ (было время, что маршалъ *Вальянъ* долженъ былъ самъ туда отправиться). Императоръ предложилъ тогда съ такою же пылкостью, чтобъ онъ исполнилъ этотъ проектъ. Маршалъ *Вальянъ* понялъ слова Лудовика-Наполеона въ томъ смыслѣ, что ему, послѣ засѣданія совѣта, должно подать въ отставку, но прошеніе не было принято.

Отъ 16-го ноября. Въ англійскихъ газетахъ распространился слухъ о трактатѣ, по которому Англія обязуется внести отъ ста пятидесяти до двухъ сотъ милліоновъ, а Франція, съ своей стороны, произведетъ наборъ въ сто тысячъ человѣкъ. Слухъ этотъ, встрѣченный довольно неблагопріятно, кажется не осуществится.

Чтобъ дать понятіе объ ужасномъ употребленіи боевыхъ припасовъ, требуемыхъ войною, могу вамъ положительно сказать, что всѣ наши арсеналы почти пусты. Надобно ихъ пополнять вновь ([1]).

Одинъ изъ корреспондентовъ «Indépendance Belge» сообщаетъ о слухахъ, распространившихся въ Парижѣ 18-го ноября ввечеру, по которымъ главнокомандующіе союзными арміями окончательно рѣшили отложить штурмъ Се-

---

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 257.

вастополя, до прибытія всѣхъ отправленныхъ къ нимъ подкрѣпленій ([1]).

Лондонъ, 15-го ноября. Королева пожаловала лорда *Раглана* въ фельдмаршалы.

Брюссель, 18-го ноября. Страшная суматоха на парижской биржѣ продолжается. Ажіотеры начинаютъ догадываться, что война не будетъ такъ кратковременна, какъ увѣряли. Отправленіе новыхъ подкрѣпленій въ Крымъ совершенно отрезвило этихъ господъ: они понимаютъ, что, еслибъ и возможно было взять Севастополь, война, вмѣсто того чтобы кончиться, начнется только съ большимъ упорствомъ и ожесточеніемъ.

— *Канроберъ* признается, что русскіе возстановляютъ свои укрѣпленія съ *замѣчательнымъ упорствомъ*, что осаждающіе должны прибѣгать къ *тяжелымъ* и *утомительнымъ* (pénibles et fatiguants) средствамъ всякаго рода, и что осада составитъ эпоху между труднѣйшими (les plus laborieux).

— Замѣчено, что въ послѣднихъ донесеніяхъ уже не упоминается о флотахъ. Изъ этого заключили, и не безъ причины, что флоты не могли предпринять ничего полезнаго, и роль ихъ до того умалилась, что многіе корабли возвращаются во Францію ([2]).

Брюссель, 18-го ноября. Французское правительство не только въ безпокойствѣ, но и въ раздорѣ. Въ нѣдрахъ его возникли несогласія; высказываются мнѣнія въ томъ смыслѣ, что не должно продолжать экспедиціи и слѣдуетъ отозвать армію. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій совѣта маршалъ *Вальянъ*, упорствуя въ *робкихъ мнѣніяхъ*, возобновилъ свои возраженія. Кромѣ того, онъ сильно порицалъ образъ веденія осады, доказывая, что обложеніе крѣпости есть первое условіе осады, а Севастополь не обложенъ; говорилъ, что крѣпость атакована съ той стороны,

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 259.
([2]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 259.

гдѣ осада не можетъ повести ни къ какому результату, а не съ той, гдѣ находятся господствующія укрѣпленія; что позволяютъ русскимъ подкрѣпленіямъ окружать и стѣснять нашу армію, на такомъ пространствѣ, гдѣ она подвергается опасности попасть между арміею внѣшнею и городомъ. Маршалъ *Вальянъ* положительно обвинялъ *Канробера* въ неспособности и требовалъ его смѣны. Но *Канроберъ* изъ числа тѣхъ людей, которыхъ нельзя трогать. Лудовикъ-Наполеонъ отвѣчалъ маршалу *Вальяну*, что порицаемыя имъ дѣйствія предприняты съ согласія генерала, посѣдѣвшаго на службѣ, лорда *Раглана*, и не были исключительнымъ дѣломъ генерала *Канробера*. «Не могу судить объ англійскихъ генералахъ, отвѣчалъ *Вальянъ*, но, какъ военный министръ, имѣю право судить о генералахъ французскихъ, и подтверждаю, что во всемъ этомъ дѣлѣ г. *Канроберъ* обнаружилъ *рѣдкую неспособность*». На томъ и остановились. Военный министръ желалъ бы, чтобы начальство было ввѣрено генералу *Боске*, если рѣшено продолжать экспедицію.

— Опасаются невозможности отправить всѣ войска, назначенныя на подкрѣпленіе англо-французской арміи: нѣтъ транспортныхъ судовъ. Многія суда кампаній пароходства потерпѣли такія поврежденія, что не могутъ быть употреблены въ дѣло, а суда коммерческія не находятъ застрахователей, по причинѣ нынѣшняго опаснаго плаванія въ Черномъ морѣ ([1]).

Лондонъ, 15-го ноября. Паническій страхъ на биржѣ не уменьшается, и этотъ страхъ, или, лучше сказать, это чрезвычайное паденіе курса произошло отъ увѣренности, что здѣсь не публикуютъ всего касательно крымскихъ дѣлъ. Это мнѣніе основано не столько на томъ, что сраженіе 5-го числа имѣло слишкомъ неблагопріятный результатъ для союзниковъ, сколько на дурныхъ извѣстіяхъ полученныхъ правительствомъ изъ подъ Севастополя: по этимъ извѣстіямъ, нельзя ожидать благопріятнаго конца пред-

([1]) Свв. Пчела 1854 г., № 259.

пріятія, а особливо послѣ подкрѣпленій, полученныхъ русскими войсками. Наконецъ, подозрѣваютъ еще, что правительство не въ состояніи удовлетворить въ надлежащее время требованіямъ подкрѣпленій, полученнымъ изъ крымской арміи.

Парижъ, 17-го ноября. Въ нынѣшнемъ «Монитерѣ» напечатанъ декретъ, 15-го ноября, о томъ, что шестыя роты третьихъ баталіоновъ будутъ немедленно снова сформированы во всѣхъ ста полкахъ линейной пѣхоты. Извѣстно, что эти шестыя роты были отмѣнены при сформированіи десяти новыхъ баталіоновъ пѣшихъ егерей, чтобъ не увеличить числительности арміи, которую въ то время почитали достаточною; но правительство предоставило себѣ возстановить ихъ въ случаѣ нужды. Это усиленіе составитъ до 12,000 человѣкъ [1].

Парижъ, 19-го ноября. Въ нынѣшнемъ «Монитерѣ» стараются успокоить публику на счетъ французской арміи въ Крыму, и начинаютъ статью замѣчаніемъ, что публика должна понять причины предосторожности, по которымъ правительство воздерживается отъ сообщенія точнаго числа войскъ, отправляемыхъ имъ на востокъ. Достаточно знать, прибавляютъ въ «Монитерѣ», что французская армія, при высадкѣ своей въ Крымъ, состояла изъ 4-хъ дивизій; къ ней постепенно присоединились еще двѣ дивизіи и двѣ новыхъ дивизіи находятся уже на пути туда. Въ «Монитерѣ» говорятъ также о подкрѣпленіяхъ, получаемыхъ англійскими и турецкими войсками, и объ усиленіяхъ французскаго флота, который имѣетъ семдесятъ судовъ въ Черномъ морѣ [2].

«Новой Прусской Газетѣ» пишутъ изъ Константинополя, отъ 8-го (20-го) ноября: «Въ Крыму, дѣла принимаютъ для союзниковъ болѣе и болѣе опасный оборотъ.

(1) Сѣв. Пчела 1854 г., № 258.
(2) Сѣв. Пчела 1854 г., № 259.

Былъ бы потерянный трудъ высчитывать всѣ пароходы, ежедневно прибывающіе въ Константинополь съ ранеными. Объ осадѣ Севастополя не думаетъ больше никто, и союзники будутъ весьма довольны, если успѣютъ продержаться до прибытія подкрѣпленій на занимаемой ими позиціи. Для этого они принуждены сильно укрѣпляться, и поставить большую часть пушекъ, которыя были направлены доселѣ противъ Севастополя, на свои валы, чтобы защитить себя съ фланговъ и тыла. Кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что они рѣшились провести въ Крыму зиму: это доказывается, во-первыхъ, закупомъ 80 или 100,000 козлиныхъ или козьихъ шкуръ для постелей; во-вторыхъ, заказомъ въ Синопѣ, однимъ изъ адъютантовъ лорда *Раглана*, значительнаго количества строеваго лѣса, для постройки деревянныхъ бараковъ; въ-третьихъ, привозомъ въ Балаклаву слишкомъ 9,000 палатокъ, и, наконецъ, широкими и глубокими рвами, которыми укрѣпляютъ лагерь. Продолжаютъ утверждать, что флоты западныхъ державъ проведутъ зиму при Бейкосѣ, потому что Черное море слишкомъ опасно для нихъ. Только 6 линейныхъ кораблей и три паровые фрегата должны остаться при Балаклавѣ; другіе пароходы будутъ употреблены для перевозки войскъ». Газета «Times» потеряла всякую надежду на скорое рѣшеніе дѣла подъ Севастополемъ. Подкрѣпленія, по словамъ ея, прибудутъ слишкомъ поздно; прежде нежели союзники отважатся нанести русскимъ рѣшительный ударъ, зимніе морозы принудятъ ихъ отложить дѣло разрушенія до начала весны. Теперь идетъ рѣчь только о томъ, какъ лучше провести зиму. Газетѣ «Times» и на умъ не приходитъ, что, въ продолженіе зимы, русскіе не станутъ сидѣть сложа руки. При семъ случаѣ помянутая газета замѣчаетъ, что англійское правительство нашлось вынужденнымъ заказать въ Люттихѣ значительное число штуцеровъ, потому что бирмингамскіе фабриканты не успѣваютъ исполнять его заказовъ ([1]).

([1]) Русскій Инв. 1854 г., № 269.

Газетѣ «Fremdenblatt» пишутъ изъ Варны, отъ 21-го ноября (3-го декабря): осада Севастополя будетъ ведена теперь по совершенно измѣненному плану: такъ, рѣшено на военномъ совѣщаніи, происходившемъ 9-го (21-го) ноября. Всѣ осадныя орудія, поврежденныя на батареяхъ или сдѣлавшіяся совсѣмъ негодными къ употребленію (въ числѣ ихъ и 23 заклепанныя пушки), перевезены изъ Балаклавской гавани къ Херсонесской бухтѣ на суда и замѣнены новыми. (Вѣроятно, это и подало поводъ къ слуху, что англичане перевозятъ обратно на суда свою осадную артиллерію). Полевыя укрѣпленія на высотахъ по рѣкѣ Черной теперь совсѣмъ готовы. Каждое значительное укрѣпленіе названо именемъ строителя, командующаго генерала или какого-нибудь знатнаго лица. Благодаря этимъ работамъ, правое крыло союзниковъ подъ Севастополемъ усилено въ высшей степени [1].

Въ вѣнской газетѣ «Fremdenblatt» пишутъ изъ Варны отъ 21-го ноября: «Война въ Крыму день ото дня становится неблагопріятнѣе для западныхъ державъ. Едва улегся ужасный сѣверо-восточный вѣтеръ, какъ ежедневно приходятъ въ нашу гавань (Варну) по два, по три парохода съ больными и ранеными для перевоза ихъ въ Константинополь. Въ Константинополѣ та же самая печальная картина: безпрерывно приходятъ пароходы изъ Крыма съ ранеными. 13-го числа привезено было на одномъ двѣсти, а на другомъ триста; 14-го — на третьемъ семдесятъ пять человѣкъ, съ отнятыми ногами и руками послѣ сраженія при Инкерманѣ (24-го октября). Изъ нихъ 22 умерли въ ту же ночь. По единогласному показанію корабельныхъ капитановъ, въ Балаклавѣ ощущаютъ сильный недостатокъ въ топливѣ, которое, равно какъ и вода, доставляются отсюда. Если средства къ перевозу обѣихъ великихъ морскихъ державъ весьма значительны, не менѣе того не въ состояніи они отвратить недостатка въ необходимѣйшихъ предметахъ. Англичане въ Балакла-

---

(1) Русскій-Инв. 1854 г., № 280.

вѣ принуждены для кухни своей употреблять рамы и стропила занимаемыхъ ими домовъ.

По письмамъ изъ Бухареста отъ 18-го ноября, за достовѣрное сообщаютъ въ «Аугсбургской газетѣ», что резервъ въ 18—20 баталіоновъ изъ арміи *Омеръ-паши* сосредоточивается въ Варнѣ, для перевоза онаго въ Крымъ по первому требованію союзниковъ. Сердарь далъ уже приказаріе по сему предмету, и упомянутое войско на походѣ въ Варну. Зять *Омеръ-паши*, *Тификъ-Бей*, долженъ получить въ Крыму начальство надъ войскомъ. Этотъ молодой человѣкъ оказалъ мужество во многихъ сраженіяхъ, но способенъ ли онъ быть главнымъ начальникомъ—этого не знаютъ (1).

Въ «Кельнской газетѣ» напечатано слѣдующее письмо изъ Балаклавы, полученное въ Константинополѣ: «Крымъ болѣе и болѣе наполняется русскими солдатами, привозимыми на подводахъ въ огромномъ числѣ. Ежедневно должно ожидать новыхъ сраженій, подобныхъ бывшему 5-го ноября. Въ этомъ положеніи дѣлъ возможно ли продолжать осаду? Вотъ вопросъ, который вообще предлагаютъ другъ другу въ лагерѣ союзниковъ. При томъ же дождь идетъ безпрестанно уже нѣсколько дней. Начались ужасныя бури, и, что еще весьма прискорбно въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, кажется, зима установится со всею своею суровостью, ранѣе обыкновеннаго.

Въ «Гамбургскомъ Нувеллистѣ» сообщаютъ изъ Константинополя отъ 13-го ноября слѣдующія телеграфическія извѣстія: «Правительство строитъ 10,000 палатокъ для войскъ въ Крыму. Третьяго дня (11-го) четыре корабля, изъ которыхъ три французскіе и одинъ сардинскій, нагруженные съѣстными припасами, разбились у Дарданеллъ. Принцъ Наполеонъ совершенно выздоровѣлъ. Третьяго дня султанъ сдѣлалъ ему продолжительный визитъ. Пять полковъ французской кавалеріи прибыли въ Адріанополь;

(1) Сѣв. Пчела 1854 г., № 267.

сверхъ того, ждутъ подкрѣпленій пѣхотою, назначаемыхъ въ Крымъ.

Два баталіона венсенскихъ егерей отправляются, или уже отправились, изъ Парижа въ Севастополь.

Изъ Вернона въ Ліонъ отправлены на-дняхъ транспорты артиллерійскихъ припасовъ и оттуда пойдутъ въ Марсель. Сверхъ того, морской министръ послалъ значительное количество желѣзныхъ вещей и летучихъ артиллерійскихъ парковъ изъ Крёзо въ Нантъ ([1]).

Въ «Тріестской газетѣ» пишутъ изъ Константинополя: «На здѣшнемъ монетномъ дворѣ, выбита медаль, которою должны быть награждаемы солдаты союзныхъ войскъ, особенно отличившіеся въ нынѣшней войнѣ, а за недѣлю передъ симъ явилась другая медаль, долженствующая напоминать потомству о союзѣ Англіи и Франціи съ Турціею. Эта послѣдняя медаль, величиною съ гульденъ, изображаетъ на одной сторонѣ императора Лудовика-Наполеона, подающаго лѣвую руку султану, а правую королевѣ Викторіи; внизу выставленъ годъ гиджры 1271 и слова pour la civilisation (за просвѣщеніе). На задней сторонѣ медали видна надпись, на турецкомъ языкѣ, въ которой сказано, что эти три могущественные государя соединились между собою, чтобъ положить предѣлъ варварству и защитить просвѣщеніе (!) ([2]).

Парижъ, 6-го декабря. Декретомъ 25-го ноября, въ «Bulletin des Lois», открытъ на расходы 1854 года новый экстраординарный кредитъ въ 25.700,000 франковъ, для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ при отправленіи двухъ новыхъ дивизій на востокъ и по случаю необходимыхъ и непредвидимыхъ военныхъ расходовъ ([3]).

— Изъ Константинополя, отъ 20-го ноября, пишутъ въ ліонской газетѣ «Salut public»:

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 263.

([2]) Русскій Инв. 1854 г., № 260. С.-Петерб. вѣд. 1854 г., № 258.

([3]) Сѣв. Пчела 1854 года, № 272.

«Безпрерывный дождь остановилъ на четыре дня работы циркумвалаціоннаго лагеря около Севастополя. Этотъ дождь былъ сопровождаемъ жестокимъ юго-западнымъ вѣтромъ, отъ котораго флоты много потерпѣли. Нѣсколько транспортныхъ судовъ (говорятъ 17) выброшены были на берегъ, и сдѣлались бы, можетъ быть, добычею непріятеля, еслибъ адмиралы не приказали ихъ сжечь.

Сухопутная армія чрезвычайно пострадала, потому что холодъ былъ очень силенъ. Палатки, бараки были опрокидываемы невѣроятно сильными порывами вѣтра. По счастію, нашли въ большомъ количествѣ топливо. Часть занимаемаго арміею мѣста была прежде сего покрыта виноградниками. Солдаты наши, копая землю, вытаскивали всѣ сучья. И до тѣхъ поръ употребляли виноградныя лозы для дѣланія туровъ. Наконецъ, войска мужественно перенесли утомленія, произведенныя этимъ ураганомъ.

— Одинъ изъ корреспондентовъ «Indépendance Belge» пишетъ изъ Парижа, что турокъ выслали изъ англійскаго и французскаго лагерей въ Крыму, за то, что нѣкоторые изъ нихъ ограбили англійскія палатки во время сраженія 5-го ноября. Генералъ *Канроберъ* страдаетъ болью въ обѣихъ рукахъ вслѣдствіе полученныхъ имъ ранъ. Хотя раны не опасны, но его принуждены сажать на лошадь [1].

Въ газетѣ «Soldatenfreund» пишутъ: «Положеніе союзниковъ въ Крыму весьма незавидное. Со времени сраженія 5-го ноября (24-го октября) они занимались укрѣпленіемъ своей позиціи со стороны Балаклавы, возведеніемъ редутовъ и копаніемъ рвовъ, и при этихъ усиленныхъ работахъ обстрѣливаніе Севастополя могло быть продолжаемо лишь весьма слабо. Буря 2-го (14-го) ноября страшно поколебала самое основаніе дѣйствій союзниковъ — флотъ; лагерь, не изобилующій съѣстными припасами, терпитъ еще большій недостатокъ въ угляхъ и дровахъ. Пока продолжалась буря (пять дней), суда, нагрузившіяся дровами

(1) Свв. Пчела 1854 г. № 273.

въ Варнѣ и Синопѣ, не могли выгрузить своихъ запасовъ. Потому союзники были принуждены употребить для варки пищи оконныя рамы и крыши домовъ въ Балаклавѣ и окрестныхъ селеніяхъ. 7-го (19-го) ноября въ Крымъ прибыли 16,000 чел. свѣжаго войска и 32 судна съ военными и съѣстными запасами, водою, дровами и овчинами; это положило конецъ нуждѣ, но на долго ли? Адмираламъ, которые должны бодрствовать надъ сохраненіемъ флота и жизни моряковъ, еще не разъ придется бороться съ морскими бурями. Въ военномъ совѣтѣ, собиравшемся 6-го (18-го) числа въ Балаклавѣ и составленномъ изъ высшихъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, было положено отыскать гавань, въ которую можно было бы скрыть драгоцѣнное достояніе Англіи и Франціи ([1]).

Въ «Тріестской газетѣ» сообщаютъ извѣстія изъ Константинополя отъ 27-го ноября. Въ нихъ офицеры крымской арміи представляютъ положеніе англійскихъ войскъ въ самомъ печальномъ видѣ. Уже три недѣли солдаты спятъ не раздѣваясь, на голой землѣ, и только небольшое ихъ число успѣли добыть себѣ немного соломы. Конница день и ночь стоитъ въ боевомъ порядкѣ, вовсе не имѣя свѣжаго хлѣба. Суровость времени года причиняетъ войску большія страданія, потому что зимняя одежда потонула при разбитіи корабля «Принцъ». Чтобы замѣнить ее, куплено на дняхъ въ Константинополѣ большое количество шерстяныхъ вещей, одѣялъ, фланелевыхъ фуфаекъ и проч. Двадцать семь купеческихъ кораблей разбились на пространствѣ отъ мыса Керемпе до устья Босфора. Въ Кипрѣ всѣ корабли были сорваны съ якорей и нѣкоторые погибли. Въ Дарданеллахъ нѣсколько военныхъ судовъ и французскихъ транспортовъ стали на мель и претерпѣли сильныя поврежденія.

Въ «Preussische Staats Anzeiger» сообщаютъ, по письмамъ изъ Варны, что отплытіе союзнаго флота въ Кон-

---

([1]) Русск. Инв. 1854 г. № 270.

стантинополь уже началось. Онъ будетъ зимовать въ Бейкосской гавани.

Въ одной газетѣ пишутъ изъ Константинополя отъ 27-го ноября:

Принцъ Наполеонъ еще въ здѣшней столицѣ, и, какъ говорятъ, совершенно здоровъ; впрочемъ, онъ мало принимаетъ посѣтителей. Достойно замѣчанія, что союзники потеряли до сихъ поръ въ сраженіяхъ и отъ болѣзней до 40,000 человѣкъ; это почти невѣроятно, однако же совершенно справедливо. Впрочемъ, событія войны доказали имъ, что силы Россіи значительнѣе, нежели какъ они думали, и претерпѣнное ими пораженіе будетъ, вѣроятно, имѣть полезное вліяніе на будущія осужденія обѣихъ націй (англичанъ и французовъ), которыя до сихъ поръ смотрѣли на всѣ другіе народы съ гордымъ пренебреженіемъ (¹).

Въ «Аугсбургской газетѣ» говорятъ о полученныхъ изъ Константинополя извѣстіяхъ отъ 20-го ноября, съ подробностями о потеряхъ союзниковъ при послѣднихъ буряхъ. Армія, находящаяся предъ Севастополемъ, доведена совершенно до оборонительнаго положенія, и духъ войскъ, какъ говорятъ, не весьма благонадеженъ.

Въ «Morning Herald» пишутъ:

Пишутъ, что сильное укрѣпленіе, вооруженное пяти-дюймовыми мортирами, воздвигнуто впереди праваго фланга позиціи, на которую наиболѣе устремлено было нападеніе непріятеля 5-го ноября. Еслибъ эта мѣра осторожности была принята, когда сэръ Лесси *Эвансъ* предложилъ ее, мы сохранили бы многихъ погибшихъ солдатъ. Кромѣ этой батареи пяти-дюймовыхъ мортиръ, французы строятъ великолѣпный четыреугольный редутъ, на которомъ будетъ пятнадцать пушекъ.

По депешѣ, полученной въ «Times», герцогъ *Кембридж-*

(¹) Сѣв. Пчела 1854 г. № 276.

скій и сэръ Лесси *Эвансъ* принуждены были оставить армію по причинѣ болѣзни.

Изъ Парижа, отъ 28-го ноября, пишутъ:

....Что касается до крымской арміи, то опасаются упадка въ ней духа въ слѣдствіе претерпѣваемыхъ ею страданій. Генералъ *Боске*, другъ *Ламорисіера* и полковника *Шарраса*, сдѣлался теперь любимцемъ солдатъ. Въ минуту опасности имена *Каваньяка*, *Ламорисіера*, *Бедо* и *Шангарнье* чаще всего произносятся солдатами. Въ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ Константинополя, изображено положеніе турецкой арміи, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, самыми мрачными красками. Первая изъ нихъ почти вовсе не существуетъ. Принцъ Наполеонъ получилъ приказаніе немедленно возвратиться въ Крымъ: въ Парижѣ весьма недовольны были отъѣздомъ его въ Константинополь ([1]).

Лондонъ 29-го ноября. Въ «Morning Cronicle» отдаютъ блистательную справедливость мужеству и упорной стойкости русскихъ войскъ, артиллеристовъ и матросовъ въ Крыму, напоминая при семъ случаѣ правило лорда *Нельсона*, совѣтовавшаго англичанамъ «сражаться съ русскими посредствомъ искусныхъ маневровъ, а не прямымъ нападеніемъ въ сомкнутыхъ рядахъ». «Въ нынѣшней кампаніи, прибавляютъ въ сей газетѣ, должны были уклониться отъ правила, и примѣръ самоотверженія, данный въ семъ случаѣ нашими генералами, нашелъ достойныхъ подражателей въ русскихъ, которыхъ офицеры никогда не избѣгали опасностей, предводя своими войсками ([2]).

Въ «Гамбургскомъ Нувеллистѣ» сообщаютъ изъ Константинополя слѣдующія телеграфическія извѣстія, отъ 20-го ноября.

«Сраженія предъ Севастополемъ прекратились; союзники получаютъ подкрѣпленія. Адъютантъ лорда *Раглана* отпра-

---

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 270.
([2]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 267.

вился въ Смирну, чтобъ выслать оттуда въ Балаклаву строевого лѣса на постройку бараковъ для англійской арміи. Отсюда же отправили въ Крымъ палатки.

Въ «Кельнской газетѣ» сообщаютъ, что принцъ Наполеонъ рѣшительно порицаетъ дѣйствія генерала *Канробера*, но, не смотря на это и въ доказательство, что онъ рѣшился исполнить свой долгъ, потребовалъ начальство надъ колонною, которая пойдетъ на приступъ.

Въ военномъ совѣтѣ, бывшемъ 18-го числа, въ которомъ находились и адмиралы, англо-французскіе главнокомандующіе рѣшили совершенно прекратить осадныя работы, и ограничиться оборонительнымъ положеніемъ, т. е. укрѣпленіемъ лагеря. 21-го числа прибыли въ Варну изъ Босфора двадцать шесть военныхъ кораблей и транспортовъ съ войсками, со съѣстными и боевыми припасами. Они ждали только попутнаго вѣтра, чтобъ отправиться въ Балаклаву [1].

Парижъ 4-го декабря. Въ «Монитёрѣ» напечатана депеша изъ Бухареста, отъ 29-го ноября, слѣдующаго содержанія:

«Генералъ *Канроберъ* сообщаетъ, отъ 22-го числа, что съ 17-го не было никакого значительнаго дѣла. Осадныя батареи продолжали безпрерывный огонь; непріятель не двигается изъ своей позиціи, въ которой укрѣпился.

Въ донесеніи французскаго главнокомандующаго восточною арміею военному министру о содѣйствіи матросовъ, высаженныхъ у Севастополя, сказано именно: «потери ихъ огромны въ сравненіи съ ихъ числомъ: на нѣкоторыхъ нашихъ морскихъ батареяхъ, какъ, напримѣръ, на Генуэзскомъ фортѣ, подъ начальствомъ маіора *Пеноа*, какъ равно и на батареѣ № 2-й, командуемой фрегатнымъ капитаномъ *Меке*, вся прислуга была истреблена, превосходнымъ огнемъ непріятеля, десять разъ.

---

[1] Сѣв. Пчела 1854 г. № 268.

Въ «Soldatenfreund» сообщаютъ, что въ военномъ совѣтѣ, бывшемъ 18-го ноября, въ Балаклавѣ, главнокомандующіе сухопутными и морскими силами рѣшились пріискать гавань, гдѣ могли бы укрыться англо-французскіе флоты.

Въ «Zeit» напечатано слѣдующее извѣстіе изъ Константинополя, отъ 20-го ноября: «Число больныхъ и раненыхъ (англичанъ и французовъ) такъ значительно, что не только всѣ госпитали завалены ими, но должно вновь устраивать ихъ безпрестанно. Посему превращены въ госпитали четыре линейные корабля, стоящіе въ Константинопольской гавани. Сверхъ того, господствуетъ большая смертность между врачами, а отъ этого положеніе дѣлъ становится еще хуже.

Вице-адмиралы *Парсеваль-Дешенъ* и *Гамеленъ* произведены въ адмиралы, а четыре капитана въ контръ-адмиралы (¹).

Лондонъ 29-го ноября. Полки гольдстремъ, гренадеровъ и фузелеровъ гвардіи выступили вчера поутру изъ Лондона въ Портсмутъ, откуда будутъ отправлены въ Крымъ.

Говорятъ, что предписано произвести новый наборъ въ 25,000 человѣкъ. Увѣряютъ, что восточная армія получитъ годовое жалованье въ награду за сраженіе при Альмѣ.

Парижъ 26-го ноября. Во вчерашнемъ нумерѣ «Монитёра» объявлено, что императоръ, полагая, что награды, раздаваемыя на самомъ полѣ сраженія, возвышаютъ цѣну сихъ отличій, предоставилъ генералу *Канроберу* право жаловать кавалерами ордена Почетнаго Легіона двухъ низшихъ степеней и назначать военную медаль.

По письму генерала *Бурбаки* въ англійской арміи предъ Севастополемъ не болѣе 10,000 человѣкъ, а у французовъ 30,000. По письму же адъютанта принца Наполеона, г. Да-

(¹) Сѣв. Пчела 1854 г. № 271.

вида, могу утвердительно сказать, что, при отходѣ почты, не могли еще и думать о приступѣ.

По десяти человѣкъ отборныхъ солдатъ съ каждой роты всѣхъ полковъ парижскаго гарнизона будутъ отправлены въ восточную армію (1).

Изъ Лондона пишутъ: «Въ полученныхъ изъ Крыма частныхъ письмахъ описываютъ положеніе дѣлъ самыми мрачными красками. Неудовольствіе и безнадежность господствуютъ въ англійскомъ лагерѣ и распространились уже во французскій; гвардейскій полкъ гольдстремовъ уменьшился до 480-ти человѣкъ во фронтѣ (2).

Въ «Times» полагаютъ, что дѣйствія противъ Севастополя будутъ отложены до будущей весны.

Въ «Morning Herald» пишутъ: «Съ сожалѣніемъ должны сообщить, что здоровье герцога *Кембриджскаго*, какъ равно и лорда *Кардигана*, весьма пострадало. Надѣемся однако же, что войско въ Крыму вскорѣ будетъ опять пользоваться важными услугами обоихъ генераловъ (3).

Лондонъ 25-го ноября. Въ одной статьѣ «Neue Preussische Zeitung» помѣщены размышленія, по поводу подкрѣпленій, посланныхъ на востокъ западными державами:

«Франція, сказано въ сей газетѣ, дѣлаетъ чрезвычайныя усилія, въ слѣдствіе которыхъ экспедиціонная ся армія, можетъ быть, достигнетъ первоначальной своей численной силы. Но что касается до англичанъ, то они не могутъ о томъ и подумать. Подкрѣпленія, отправленныя ими въ послѣднее время, далеко не пополнятъ возникшихъ недостатковъ. Впрочемъ, отправленіемъ этихъ подкрѣпленій, Англія, вѣроятно, истощитъ на нѣкоторое время всѣ свои регулярныя силы. Французская пѣхота тоже приближается постепенно къ этому пункту истощенія, но во

(1) Сѣв. Пчела 1854 г. № 264.
(2) Сѣв. Пчела 1854 г. № 265.
(3) Сѣв. Пчела 1854 г. № 266.

Франціи обученіе рекрутъ производится гораздо быстрѣе, нежели по ту сторону Ламаншскаго пролива ([1]).

Въ «Morning Herald» сообщено было, что адмиралъ *Дондасъ* просилъ о своемъ отозваніи. Въ той же газетѣ исправляютъ это извѣстіе, утверждая теперь, что этотъ адмиралъ возвращается въ Англію, потому что время его командованія кончилось. Вмѣсто его главнокомандующимъ англійскаго флота будетъ сэръ Эдмондъ *Лайонсъ.*

Парижъ 29-го ноября. Говорятъ о сформированіи 20 новыхъ баталіоновъ пѣшихъ егерей, о мобилизаціи третьихъ баталіоновъ въ каждомъ полку и объ учрежденіи четвертаго баталіона, для сформированія шести запасныхъ ротъ. Но о сихъ послѣднихъ мѣрахъ составляются еще только проекты.

Съ нѣкотораго времени у ліонскихъ мясниковъ покупаются за большую цѣну овчины комиссіонерами одного большого купеческаго дома, который взялъ на себя подрядъ 80,000 выдѣланныхъ шкуръ для предохраненія солдатъ въ Крыму отъ холода ([2]).

Изъ лагеря подъ Севастополемъ пишутъ марсельской газетѣ «Nouvelliste»: «Съ 10-го октября по 30-е ноября во французскіе лазареты поступило отъ 8,000 до 9,000 человѣкъ, какъ больныхъ, такъ и раненыхъ; 1,000 скончались, 1,500 снова вступили въ ряды, 6,000 перевезены въ турецкіе госпитали. Англійская армія иногда нуждается во многомъ. У нашихъ сосѣдей управленіе основано на томъ началѣ, что за день не все можно достать. Но коммиссаръ, снабженный гинеями, хотя бы и былъ крезомъ, не купитъ и ломтя хлѣба тамъ, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни муки, ни булочниковъ. Англичане должны были изыскивать на мѣстѣ средства тратить деньги. Это имъ дорого обошлось. Они не разъ прибѣгали къ намъ, и мы ссужали имъ и

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 265.
([2]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 266.

хлѣбъ, и мясо, назначенные для нашей собственной арміи (1).

Въ «Soldatenfreund» утверждаютъ, по новѣйшимъ телеграфическимъ извѣстіямъ изъ Бухареста, что 20,000 человѣкъ изъ арміи *Омеръ-паши* идутъ форсированнымъ маршемъ въ Варну, и что тамъ ожидали самого сердаря къ 13-му декабря: онъ желаетъ присутствовать при отправленіи войскъ. Изъ Варны поѣдетъ онъ въ Константинополь, а оттуда въ Шумлу, гдѣ находится главная квартира турецко-европейскихъ войскъ, состоящихъ подъ его начальствомъ. *Ферикъ-Махмудъ-паша* будетъ командовать экспедиціоннымъ отрядомъ.

«Увѣряютъ, прибавляютъ въ «Soldatenfreund», что эти 20,000 турокъ произведутъ высадку въ Евпаторіи и будутъ угрожать Перекопу. За три мѣсяца передъ симъ это предпріятіе могло бы имѣть важныя послѣдствія, но теперь мы не приписываемъ оному такого значенія, потому что Перекопъ, какъ ключъ полуострова, не былъ ни на минуту оставляемъ безъ вниманія русскими. Если, впрочемъ, подтвердятся наши непосредственныя извѣстія изъ Крыма, отъ 1-го декабря, что истинная цѣль союзниковъ—взятіе Севастополя—оставлена и замѣнена будетъ новою кампаніею, то результатъ этого турецкаго подкрѣпленія будетъ совершенно сомнителенъ. Намъ пишутъ, что осада отчасти снята, и что англичане, не смотря на ужасное состояніе дорогъ, употребляютъ чрезвычайную дѣятельность, чтобъ перевезти большую часть осадной артиллеріи въ Балаклаву, которая сильно укрѣплена ими; какъ бы то ни было, успѣхи, пріобрѣтенные въ Крыму, гораздо менѣе тѣхъ, которыхъ ожидали, и позиція, занимаемая 1-го декабря княземъ *Меншиковымъ*, достаточно доказываетъ неудачи союзниковъ (2).

Газетѣ «Times» пишутъ изъ лагеря подъ Севастопо-

---

(1) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 288.
(2) Сѣв. Пчела 1854 г. № 279.

лемъ, отъ 20-го ноября (2-го декабря): «Дождь и опять дождь, и грязь, въ которой тонутъ повозки и телѣги. Разсчитываютъ, что атака можетъ быть возобновлена не прежде, какъ по вооруженіи батарей 40 новыми пушками съ французской и 50-ю съ англійской стороны. Но о томъ, когда это будетъ, не смѣю даже и догадываться. Недавно видѣлъ я первую изъ этихъ пушекъ на пути къ лагерю: она засѣла въ рытвинѣ, наполненной грязью, и 16 лошадей не могли вытащить ея оттуда. Грязи столько, что она грозитъ поглотить собою все, и главнокомандующіе принуждены пріискивать средства къ ея удаленію. Туркамъ поручено очистить отъ нея улицы Балаклавы. Дороги, ведущія во внутренность страны, тоже сдѣлались непроходимыми. За нѣсколько времени передъ симъ по нимъ могли еще ѣздить легкія татарскія телѣжки; но теперь нѣтъ проѣзда и для нихъ. Англійская армія, особенно въ послѣднее время, въ такомъ положеніи, что едва не умираетъ съ голода. Она терпитъ ужасно! Люди, обезсиленные ночнымъ бдѣніемъ при отправленіи службы на вѣтру и проливномъ дождѣ, не находятъ себѣ и достаточной пищи. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней не выдавалось ни кофе, ни сахара, ни чая. Мяса выдается лишь по полураціону; нерѣдко выдача эта ограничивается лишь третьею и четвертою частію раціона, да и то солонины. Причиною этого недостатка ненадежность перевозки съѣстныхъ припасовъ моремъ въ настоящее время. Большая часть припасовъ находилась на парусныхъ судахъ, стоявшихъ на якорѣ внѣ гавани; поднялась буря, и они потонули. На лошадей былъ такой падежъ, что кавалерія легко могла совершенно перестать существовать. Къ этимъ ужасамъ присоединилась холера. Она обнаружилась въ ночи 6-го (18-го) ноября, и число умирающихъ отъ нея можно опредѣлить въ 60 человѣкъ ежедневно. Многіе офицеры извѣстныхъ фамилій тоже сдѣлались жертвами эпидеміи. Подонки востока, итальянцы, смирніоты, пероты и разбойники, сопровождавшіе экспедицію изъ Галлиполи въ Крымъ и промышлявшіе здѣсь мелочной торговлей всякаго рода, готовятся возвратиться во-свояси. Эти крысы чуютъ, что

корабль тонетъ. Они объявляютъ, что не могутъ долѣе переносить стужи и трудной лагерной жизни. Въ ночи на 20-е ноября (2-е декабря) — мы были обрадованы, наконецъ, морозомъ. Погода тоже нѣсколько прояснилась». Постоянный корреспондентъ газеты «Times» пишетъ отъ того же числа изъ Балаклавы: «Грязь, отчаяніе, госпитали, могилы, положеніе мертвыхъ и умирающихъ турокъ, темныя улицы съ ихъ нечистотою, не могутъ быть описаны никакими словами. Всѣ картины заразы и чумы, какія когда-либо были начертываемы, начиная отъ описанія египетскихъ язвъ до разсказовъ *Боккачіо*, *де-Фо* или *Мольтке*, уступаютъ тому, что можно увидѣть парою глазъ при получасовой прогулкѣ по Балаклавѣ. Не смотря на всѣ наши старанія, турки сдѣлали изъ каждой улицы и каждаго переулка трубу для стока нечистотъ, и многоразличные виды страданія, встрѣчаемые нами на каждомъ шагу, совершенно притупили наши чувства. Приподнимите завѣсу, прикрывающую входъ въ которую нибудь изъ этихъ жалкихъ мазанокъ, откуда слышатся вамъ стоны, вопли и жалобные возгласы къ пророку, и вамъ въ ту же минуту представится столь ужасная картина бѣдствій, что вы не забудете ея во всю жизнь. Умершіе лежатъ, гдѣ и какъ они умерли, бокъ-о-бокъ съ тѣми, которые еще живы, а послѣдніе представляютъ зрѣлище, о которомъ невозможно составить себѣ никакого понятія. Воздухъ зараженъ; нигдѣ ни малѣйшей помощи. Раненые остаются здѣсь въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ вынесли ихъ сюда изъ боя, на плечахъ своихъ, ихъ бѣдные, вѣрные товарищи. За больными здѣсь ходятъ только больные, за умирающими умирающіе! (the sick appear to be tended by the sick, and the dying by the dying)!!.» Въ частныхъ извѣстіяхъ изъ лагеря союзниковъ въ Крыму, доходящихъ до 11-го декабря (29-го ноября), все еще жалуются на очень дурную погоду, смѣняющуюся чувствительными ночными холодами. Вслѣдствіе этого, число заболѣвающихъ въ обѣихъ арміяхъ сильно увеличилось въ послѣдніе дни, и госпитали въ Херсонессѣ и Балаклавѣ были наполнены до невозможности. Утверждали, что противъ Севастополя еще въ ны-

нѣшнемъ году будетъ предпринято что нибудь рѣшительное. Море давно было совершенно спокойно и никакихъ дальнѣйшихъ важныхъ несчастій не произошло. Упоминаютъ еще, что Балаклавская бухта, которую союзники, по своемъ прибытіи туда, нашли обилующею рыбою, теперь какъ-бы вымерла, и въ ней невозможно больше поймать ни одной рыбы. Можетъ быть, безпрерывный громъ пушекъ и движеніе колесъ пароходовъ распугали этихъ рыбъ (¹).

Парижъ 2-го декабря (20-го ноября). Въ «Монитерѣ» напечатано: «Резолюціею императора, подписанною въ Сенъ-Клудскомъ дворцѣ сего 29-го ноября, по представленію министра статсъ-секретаря морскихъ силъ и колоній, сила декрета 22-го ноября 1854 года, предоставляющаго главнокомандующему восточною арміею власть временно назначать на офицерскія вакансіи до чина баталіоннаго командира, включительно, распространяется на морскую артиллерію и пѣхоту, принадлежащія къ восточной арміи, съ тѣмъ, чтобы эти назначенія, произведенныя въ силу законовъ и постановленій сухопутной арміи, почитались окончательными, только по представленіи ихъ морскимъ министромъ на утвержденіе императора.

Начальникъ главнаго штаба восточной арміи бригадный генералъ *Мартенпре*, назначенъ начальникомъ одной бригады 4-й пѣхотной дивизіи той арміи, вмѣсто генерала *Лурмеля*, убитаго въ сраженіи. Бригадный генералъ *Трошю*, состоявшій въ распоряженіи главнокомандующаго, назначенъ начальникомъ главнаго штаба восточной арміи. Полковникъ *Лебефъ*, начальникъ штаба восточной артиллеріи, произведенъ въ бригадные генералы съ оставленіемъ при прежней должности. Полковникъ *Трипіе*, начальникъ штаба инженеровъ восточной арміи, произведенъ въ бригадные генералы, съ сохраненіемъ прежняго званія.

Въ статьѣ газеты «Constitutionnel», имѣющей всѣ при-

(¹) Русск. Инвал. 1854 г. № 283.

ГЕНЕРАЛЪ МАІОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЬ ХРУЩОВЪ

знаки полуоффиціальнаго сообщенія, сказано: «Осада Севастополя кончена, начинается крымская кампанія ([1]).

Заимствуемъ наиболѣе интересныя подробности изъ дневника корреспондента газеты «Times» объ осадныхъ работахъ союзниковъ противъ Севастополя.

25-го ноября. Какъ ни опасно сообщать факты служащіе къ выгодѣ русскихъ, но, съ другой стороны, нельзя и скрывать истину отъ англійской націи. Рано или поздно, она должна узнать, что на самомъ дѣлѣ осада уже нѣсколько дней тому назадъ снята, что наши батареи замолкли, и что наша армія истощена вслѣдствіе чрезмѣрныхъ трудовъ и бдѣнія, а равно вслѣдствіе дождей и бурной погоды. Въ настоящую минуту дождь идетъ какъ изъ ведра, небо черно какъ чернила, вѣтеръ воетъ надъ колеблющимися палатками, траншеи превратились въ каналы, въ палаткахъ вода иногда стоитъ на цѣлый футъ, у нашихъ солдатъ нѣтъ ни теплой, ни непромокаемой одежды, они проводятъ по 12 часовъ въ траншеяхъ, подвержены всѣмъ бѣдствіямъ зимней кампаніи; между тѣмъ нѣтъ, кажется, ни души, которая позаботилась бы объ ихъ удобствахъ или даже о сохраненіи ихъ жизни. Самый жалкій нищій, бродящій по лондонскимъ улицамъ, ведетъ роскошную жизнь въ сравненіи съ британскими солдатами, которые жертвуютъ здѣсь своею жизнью. Правда, ихъ хорошо кормятъ; но у нихъ нѣтъ ни крова, ни защиты противъ непогоды. Палатки, столь долгое время находившіяся подъ палящими лучами болгарскаго солнца, теперь постоянно стягиваемыя потоками дождя, пропускаютъ воду какъ рѣшето и сдѣлались совершенно негодны для защиты противъ непогоды. Вѣтры очень сильны и жестоки. Каждую ночь на нѣсколько часовъ подымается буря; каждый день проходитъ вихрь и льетъ дождь.

26-го ноября. Приготовленія къ возобновленію бомбардированія Севастополя продолжаются съ нѣкоторою энергіею и дѣятельностью. Состояніе дорогъ составляетъ ве-

---

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 269.

личайшее препятствіе для перевозки орудій и военныхъ припасовъ къ батареямъ. Надѣются однакожь, что чрезъ нѣсколько дней поставятъ 40 новыхъ пушекъ, доставленныхъ съ флота. Тяжелыя орудія, во время перевозки, врѣзываются слишкомъ глубоко въ рыхлую землю, и наши лошади не въ состояніи теперь втаскивать ихъ на возвышенія. У кавалеріи нашей теперь только одна забота, о своемъ пропитаніи. Къ стыду нашего начальства надо сказать, что теперь уже 12-й день послѣ бури, а между тѣмъ, связки сѣна до сихъ поръ плаваютъ въ гавани и гніютъ, тогда какъ наши лошади околѣваютъ отъ недостатка пищи.

29-го ноября. До сихъ поръ еще употребляютъ выраженіе «Осада Севастополя», но, сказать по правдѣ, на дѣлѣ нѣтъ никакой осады. Вся эта медленность увеличиваетъ затрудненія, порожденныя нашимъ прежнимъ нерадѣніемъ и равнодушіемъ къ страшнымъ сооруженіямъ, которыя мы позволили Русскимъ безпрепятственно возвести, которыя превратили Севастополь въ одну изъ самыхъ страшныхъ оборонительныхъ позицій, когда либо существовавшую. Русскіе воспользовались нашимъ бездѣйствіемъ и безмолвіемъ,—въ теченіе послѣднихъ десяти дней еще въ четверо укрѣпили Севастополь. Они срыли землю передъ всѣми своими батареями, устроили сильную засѣку передъ всею своею линіею, страшнѣйшее препятствіе для нападающихъ колоннъ, возвели земляныя сооруженія и поставили пушки на всѣхъ возможныхъ пунктахъ.

1-е декабря. Вчера выдача мяса ограничена была въ четвертой дивизіи по большей части двумя унціями; эта дивизія получила также только часть слѣдующаго ей грогу или порцій рому. Вообще въ арміи теперь отпускаютъ мяса по полпорціи, т. е. по полфунту. Иногда выдача эта ограничивается третью и даже четвертью фунта соленаго мяса. Въ одной дивизіи до трехъ часовъ вечера не раздавали полпорцій, но за то солдаты льстили себя надеждою получить по цѣлой порціи. Хлѣба, т. е. сухарей, до сихъ поръ однако довольно. Прямая причина этого недостатка въ продовольствіи заключается въ дурномъ состояніи до-

рогъ отъ Балаклавы, которыя вслѣдствіе сильныхъ дождей, сдѣлались совершенно негодными для проѣзда телѣгъ; отчасти причину эту можно приписать и послѣднимъ бурямъ на морѣ. Холера, появившаяся снова въ ночь 22-го ноября, продолжаетъ свое опустошительное дѣйствіе; число умирающихъ этою болѣзнію можно положить по 60 въ сутки. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, двѣ ночи тому назадъ, умерло въ лагерѣ 85 человѣкъ; число больныхъ очень велико. Вчера сдѣланъ былъ во всемъ лагерѣ смотръ, чтобы удостовѣриться, какъ велико число способныхъ къ отправленію службы. Французы начинаютъ выражать свое неудовольствіе на недѣятельность и на недостатокъ содѣйствія съ нашей стороны. Они очень досадуютъ, теряя по 20 и 30 человѣкъ въ одну ночь въ траншеяхъ, при отраженіи вылазокъ русскихъ. Дождь идетъ по прежнему. Нѣтъ надежды, чтобы дороги исправились. Топкій откосъ между гаванью и повалившимися стѣнами сараевъ и домовъ Балаклавы покрытъ грудами пушекъ, ядеръ и гранатъ, значительнымъ числомъ турецкихъ 80-ти фунтовыхъ орудій, мортиръ и 32-фунтовыхъ корабельныхъ пушекъ на лафетахъ. Турокъ употребили на постройку дороги. Она пойдетъ изъ города мимо главной квартиры до батареи № 5. Турки переносятъ также на берегъ и складываютъ въ кучи ядра и гранаты. Что касается до самаго города, то нѣтъ словъ для выраженія его нечистоты, ужасовъ, госпиталей, похоронныхъ процессій, мертвыхъ и умирающихъ турокъ, запруженныхъ людьми улицъ, зловонныхъ лачугъ. Страданія, которыя встрѣчаетъ здѣсь глазъ, подъ разнообразными формами, сначала поражали насъ, но теперь не возбуждаютъ ни малѣйшаго вниманія. Подымите грубый коверъ, служащій вмѣсто двери въ какой-нибудь лачугѣ, изъ которой вы слышите стенанія, крики и мольбы къ пророку, и вашимъ глазамъ представится въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же мѣстѣ столько горя и страданій, что вы не позабудете этой сцены во всю вашу жизнь. Мертвые, оставленные въ томъ положеніи какъ они умерли, лежатъ рядомъ съ умирающими; послѣдніе же представляютъ зрѣлище выше всякаго описанія. Нѣтъ самыхъ

необходимыхъ госпитальныхъ вещей; не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на приличіе или опрятность; зараженный воздухъ едва выходитъ сквозь щели въ стѣнахъ и въ крыши, чтобъ заразить атмосферу. Сколько я могъ замѣтить, эти люди умираютъ безъ малѣйшаго со стороны окружающихъ усилія спасти ихъ.

2 го декабря. Прошедшею ночью погода прояснилась; на возвышеніяхъ былъ рѣзкій, но благодѣтельный для насъ морозъ. Въ 7 часовъ утра на передовой линіи была жаркая стычка, но до сихъ поръ я еще не знаю подробностей; русскіе или получили подкрѣпленія, или имѣли успѣхъ, потому что громко кричали ура! и въ городѣ нѣсколько времени звонили въ колокола. Сегодня вышло на берегъ нѣсколько турокъ. Говорятъ, что *Омеръ-паша* въ скоромъ времени пришлетъ намъ двѣнадцать баталіоновъ. Не знаю, будутъ ли наши солдаты этимъ довольны или нѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они будутъ очень не рады, если вновь прибывшіе будутъ не лучше многихъ своихъ предшественниковъ ([1]).

Во всѣхъ письмахъ изъ Константинополя жалуются на состояніе здоровья арміи. Цынга очень сильна, какъ во флотѣ, такъ и въ англійскихъ войскахъ. Послѣдніе страдаютъ отъ нея потому, что употребляютъ въ огромномъ количествѣ крѣпкіе напитки, а ѣдятъ только сухари и соленое мясо. Французы меньше страдаютъ отъ цынготной болѣзни, но тѣмъ болѣе отъ кроваваго поноса. Обѣ арміи очень упали силами. Русскіе такъ отлично пользуются временемъ, что о приступѣ не можетъ быть и рѣчи.

Изъ лагеря передъ Севастополемъ пишутъ газетѣ «Moniteur de l'Armée», отъ 3-го декабря: «Мы уже получили одежду изъ овчины, которую носимъ шерстью внутрь. Она соотвѣтствуетъ двоякой цѣли, потому что грѣетъ насъ и сохраняетъ наши туники, сукно которыхъ уже истерто. Что касается панталонъ, то значительное число ихъ за-

([1]) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 265.

штопано, а во многихъ мѣстахъ они разодраны за недостаткомъ лоскутовъ. Отыскиваютъ коровьи шкуры, которыя сушатся и изъ которыхъ дѣлаютъ родъ штиблетъ. Въ одну изъ послѣднихъ ночей былъ проливной дождь, продолжавшійся пять часовъ. Туманы въ Крыму очень густы въ ноябрѣ. Протертые башмаки и подошвы замѣняются не рѣдко лаптями, а все остальное, въ дни смотра, такъ грязно, что блеститъ одно только оружіе ([1]).

Газетѣ «Times» пишутъ изъ подъ Севастополя: «У насъ такъ мало ядеръ и бомбъ, что мы не можемъ ничего дѣлать противъ верковъ, которые гарнизонъ прибавляетъ ежедневно къ своимъ оборонительнымъ средствамъ; состояніе дорогъ останавливаетъ всѣ наши транспорты ([2]).

Парижъ 13-го декабря. Во вчерашнемъ «Монитерѣ» напечатано донесеніе генерала *Канробера*, отъ 3-го числа. Онъ говоритъ, что дождь льетъ ливмя, дороги совершенно испортились, траншеи залиты водою, и всѣ дѣйствія, какъ и большая часть работъ, прекращены ([3]).

Въ вѣнской газетѣ «Fremdenblatt» напечатаны слѣдующія извѣстія изъ Варны: «До времени или по крайней мѣрѣ до наступленія благопріятной погоды, осада Севастополя не будетъ продолжаться съ дѣятельностью. Англичане готовятся уже къ обратной нагрузкѣ на суда своей тяжелой, осадной артилеріи» ([4]).

Въ «Times», 15-го декабря, напечатанъ списокъ (который въ газетѣ сей почитаютъ достовѣрнымъ) англійскихъ офицеровъ, убитыхъ и раненыхъ въ Крыму до 20-го ноября; офицеровъ раненыхъ 207, убитыхъ 101, умершихъ отъ болѣзней и утомленія 38; всего 346.

([1]) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г. № 288. Русск. Инв. 1854 г. № 289.
([2]) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 288.
([3]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 276.
([4]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 277.

Въ «Тріестской газетѣ» пишутъ изъ Константинополя: «Лордъ *Редклифъ* въ весьма дурномъ расположеніи духа. Леди *Редклифъ* часто плачетъ; оба сокрушаются о жестокихъ потеряхъ англійскаго дворянства подъ стѣнами Севастополя. Здѣшняя англійская колонія, какъ равно и военныя лица, ходятъ по улицамъ робко съ потупленными взорами. Въ Крыму Англія и Франція дожили до униженія, какого не ожидали. Главнокомандующихъ вообще обвиняютъ въ той ошибкѣ, что они послѣ альмскаго сраженія не заняли Перекопскаго перешейка. Невыполненіе этого главнаго условія осады Севастополя дозволило русскимъ получить подкрѣпленія и поставило союзниковъ въ печальное положеніе, въ которомъ они нынѣ находятся (1).

Въ письмѣ изъ Балаклавы, отъ 8-го декабря (26-го ноября), полученномъ «Марсельскимъ Вѣстникомъ», сообщаютъ слѣдующее: «Положеніе наше все то же. Наши позиціи укрѣпляются, батареи и осадныя работы увеличиваются въ объемѣ, и войска нетерпѣливо ждутъ развязки. Но планъ главнокомандующихъ содержится въ глубокой тайнѣ. Русскіе, съ своей стороны, не сидятъ сложа руки, и можно сказать утвердительно, что если наши наступательныя средства увеличились, то усилія обороняющихся возрастаютъ вмѣстѣ съ угрожающею имъ опасностію. Было бы ребячествомъ не сознаться въ этомъ. Севастополь теперь вооруженъ гораздо сильнѣе и грознѣе, нежели какъ было при нашихъ первыхъ атакахъ. Хотя передовая линія укрѣпленій потерпѣла, однакожь окопы и верки, возведенные русскими, вполнѣ вознаграждаютъ за эту невыгоду. Можно сказать, что собственно городъ понесъ мало вреда. Съ высотъ, занимаемыхъ англичанами, очень хорошо видно, что происходитъ въ городѣ. Что бы ни говорили, легко можно замѣтить, что въ немъ не господствуетъ никакого замѣшательства. Повидимому, тамъ все происходитъ въ совершенномъ порядкѣ. Жители спокойно ходятъ по улицамъ, движенія войскъ отличаются большою

(1) Сѣв. Пчела 1854 г. № 281. Русск. Инв. 1854 г. № 281

правильностію; во многихъ мѣстахъ замѣтны длинныя линіи ружей, составленныхъ въ пирамиды. Женщинъ и дѣтей, повидимому, вовсе нѣтъ въ городѣ». Въ письмѣ изъ Балаклавы, полученномъ газетою «Times», между прочимъ, сказано: «Шквалы, которымъ подвергался флотъ, необыкновенно сильны и жестоки. Каждую ночь свирѣпствуетъ буря, продолжающаяся нѣсколько часовъ; ежедневно дуетъ сильный вѣтеръ, сопровождаемый дождемъ. Повѣрятъ ли, что, не смотря на многочисленность нашихъ флотскихъ офицеровъ, на множество капитановъ, капитанъ-лейтенантовъ и лейтенантовъ, съ которыми не знаютъ что дѣлать, о военныхъ судахъ заботятся не болѣе того, какъ будто бы дѣло шло о судахъ съ углемъ, застигнутыхъ штурмомъ на высотѣ Ньюкестля? Корабли останавливаются и бросаютъ якорь гдѣ хотятъ, дѣлаютъ что хотятъ, идутъ куда хотятъ; словомъ, безпорядокъ—невыразимый». По извѣстіямъ, сообщаемымъ газетою «Zeit», между лошадьми союзныхъ армій господствуетъ такая смертность, что кавалерія теряетъ ихъ по 18-ти и 20-ти ежедневно (¹).

Сообщаемъ отрывки изъ дневника лагерной жизни подъ Севастополемъ, доставленные корреспондентомъ газеты «Times».

4-го декабря. Большая топкая равнина, измѣняющаяся относительно глубины отъ фута до двухъ футовъ, простирается отъ Инкерманской долины до моря у Балаклавы. Копыта муловъ, лошадей и верблюдовъ пробили здѣсь рытвины во всѣхъ направленіяхъ, колеса телѣгъ и арбъ провели глубокія колеи; бѣлыя палатки, разсыпанныя на поверхности, нѣсколько бѣлыхъ деревенскихъ домиковъ и красивый домъ лорда *Раглана* составляютъ сильный контрастъ съ черною далью. На всемъ пространствѣ валяются остовы лошадей и другихъ животныхъ, изъѣденныхъ собаками и заваленныхъ въ грязи. По подобной-то дорогѣ, простирающейся на четыре или пять миль, люди и лошади принуждены тащиться изъ Балаклавы съ сѣномъ,

(¹) Русск. Инвал. 1854 г. № 287.

хлѣбомъ, мясомъ, сухарями и другимъ продовольствіемъ арміи. Каждый день совершаются эти поставки, потому что мы питаемся со дня на день и получаемъ только по полпорціи хлѣба. Выбившись изъ силъ, лошади падаютъ на дорогѣ и околѣваютъ. Люди ходятъ по грязи какъ будто въ бродъ, падаютъ, спотыкаются, бормоча про себя проклятія, или садятся въ изнеможеніи на какой-нибудь выдавшійся камень. Случается, что съ истомленнымъ работою солдатомъ дѣлается припадокъ болѣзни, и печальное зрѣлище умирающаго товарища и соотечественника поражаетъ каждаго прохожаго, тѣмъ болѣе, что всякая помощь невозможна. Офицеры, въ высокихъ матросскихъ сапогахъ, купленныхъ въ Балаклавѣ за цѣну впятеро дороже настоящей, усердно шагаютъ вдоль дороги, въ надеждѣ донести до палатки горшечекъ съ какимъ-нибудь лакомымъ кушаньемъ, или курицу, пріобрѣтенные за баснословную цѣну въ этомъ образцовомъ городѣ барышничества, прежде чѣмъ сгоритъ подъ очагомъ отпущенная порція дровъ. Надо имѣть глазъ солдата, чтобъ отличить теперь капитана отъ капрала. Здѣсь очень часто можно видѣть, что гордость и надежда нашей аристократіи, нашихъ капиталистовъ, банкировъ, богатѣйшихъ купцовъ тащутся по балаклавской дорогѣ, верхомъ на грязныхъ, исхудалыхъ лошадяхъ, ободранные, въ шинеляхъ и шапкахъ страннаго покроя, съ дряннымъ окорокомъ въ рукахъ, или растрепанными индюками, съ пучками луку, мѣшками картофеля, голландскимъ сыромъ, дѣйствующимъ почти такъ же пагубно, какъ русскія ядра, хлѣбомъ, бутылками вина и водки, горшками съ масломъ, колбасами. Ежедневно выгружается на берегъ огромное количество тяжелыхъ пушекъ, ядеръ, гранатъ и пороха, но они остаются тамъ, потому что нѣтъ никакой возможности перевезти ихъ на передовыя линіи. Смертность между турками приняла теперь размѣры повальной болѣзни. Вчера подъ вечеръ, около 70 тѣлъ перенесены на мѣсто, назначенное для погребенія, и положены кучами въ неглубокія могилы, которыя едва прикрыты землею. Сегодня отправляется такая же процессія. Изъ опасенія, чтобы не развилась какая заразительная

болѣзнь, начальникъ города предписалъ, чтобы турки хоронили своихъ умершихъ внѣ города, въ могилахъ въ четыре фута глубиною.

5-го декабря. Всѣ батареи нашей новой наступательной линіи готовы, и мы ожидаемъ вооруженія ихъ. Благодаря прекращенію дождя, намъ удалось усилить нашъ артиллерійскій паркъ пятью пушками и тремя 13-ти-дюймовыми мортирами. Порціи продолжаютъ выдавать въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Говорятъ, что число прошеній объ отставкѣ, поданныхъ лорду *Раглану*, очень велико. Одному молодому офицеру, принадлежащему къ аристократіи и недавно отставленному, сдѣланъ былъ начальникомъ публичный выговоръ за его безпорядочное малодушное поведеніе во время кампаніи.

7-го декабря. Прекрасный теплый день, солнце свѣтитъ ясно, небо чисто. Для насъ это истинное наслажденіе, потому что, хотя и предвѣщаетъ снѣгъ и морозъ, но подобная перемѣна была бы для насъ благодѣяніемъ. Она высушила бы дорогу. Огонь сегодня былъ не силенъ съ обѣихъ сторонъ, но за то произошло нѣсколько сильныхъ стычекъ между французскими и англійскими стрѣлками и русскими карабинерами. Въ три часа, три баталіона пѣхоты 2-й дивизіи, состоящей изъ стрѣлковыхъ полковъ, сопровождаемые 10-ю полевыми орудіями, спустились съ высоты, находящейся въ тылу нашего праваго крыла, и сдѣлали рекогносцировку по балаклавской долинѣ до турецкихъ редутовъ. Они остановились у основанія возвышенія, занятаго обыкновенно нашими ведетами, и послали впередъ сильный отрядъ застрѣльщиковъ, которые разсѣялись по долинѣ и осторожно двинулись чрезъ нее. За ними послѣдовала пѣхота и артиллерія. Четыре казака показались на вершинѣ редута № 4-го; когда же французы пошли еще далѣе, выѣхалъ отрядъ русской кавалеріи и далъ намъ вполнѣ почувствовать, что надежды наши были неосновательны, и что русскіе до сихъ поръ занимаютъ часть долины. Три баталіона пѣхоты виднѣлись въ ущельѣ Черной. Французы приготовились защищаться, если бы послѣдовала ночная атака.

8-го декабря. Въ прошедшую ночь у насъ былъ сильный морозъ. Мы перевозимъ пушки и мортиры на передовыя линіи (1).

— Во французской арміи (говоритъ одинъ англійскій корреспондентъ изъ балаклавскаго лагеря), меньше больныхъ чѣмъ у насъ. Она обязана этимъ правильности въ раздачѣ порцій и превосходству своего состава, которое дѣлаетъ службу менѣе утомительною, позволяетъ имѣть всегда въ каждомъ корпусѣ поваровъ для приготовленія обѣда людямъ, работающимъ въ траншеяхъ или составляющимъ пикеты на аванпостахъ. Имъ всѣмъ, повидимому, тепло и хорошо въ ихъ новыхъ шубахъ изъ овечьихъ шкуръ. Наше положеніе гораздо хуже: наши несчастные солдаты не всегда отдыхаютъ и черезъ ночь. Одна бригада, состоящая изъ 1,100 человѣкъ, должна всякую ночь посылать въ траншеи 720 человѣкъ. Провіантъ раздается намъ не регулярно и никто не помышляетъ объ изготовленіи горячей пищи и для дежурящихъ товарищей. По всѣмъ этимъ причинамъ состояніе здоровья нашихъ войскъ гораздо хуже чѣмъ у французовъ. Газетѣ «Daily News» пишутъ, что лошади околѣваютъ немедленно по прибытіи, тогда какъ онѣ будутъ очень нужны весною. Люди очень утомлены траншейными работами и сильно ропщутъ. Газетѣ «Morning-Herald» пишутъ, что контръ-адміралъ *Бейль* получилъ предписаніе отправиться изъ Константинополя въ Балаклаву, чтобы управлять движеніями порта. Эта мѣра прянята для предотвращенія безпорядковъ въ гавани (2).

По депешѣ, полученной французскимъ морскимъ министромъ отъ генерала *Гамелена*, отъ 27-го ноября (9-го декабря), генералъ *Де-Монтебелло* прибылъ въ Крымъ наканунѣ вечеромъ. Съ 26-го ноября (8-го декабря) прибыли въ Константинополь и отправились оттуда далѣе къ Крыму англійскіе пароходы «Кандія», «Райпонъ», «Темсъ» и «Ніа-

(1) С.-Петерб. Вѣдом. 1854 г., № 287.
(2) С.-Петерб. вѣд. 1854 г. № 288.

гара», съ 5,016 человѣками французскаго войска. Газета «Constitutionnel» сообщаетъ слѣдующую телеграфическую депешу изъ Константинополя, отъ 25-го ноября (7-го декабря): *Омеръ-паша*, съ большою частію своей арміи, сѣлъ на суда и отправляется въ Крымъ. *Измаилъ-паша* остается временнымъ начальникомъ турецкихъ войскъ на Дунаѣ. Болѣзнь принца Наполеона возобновилась, и онъ еще не можетъ возвратиться къ своей дивизіи. Въ «Кельнской Газетѣ» пишутъ: «Насъ извѣщаютъ, что генералъ *де-Монтебелло* везетъ главнокомандующему восточною арміею, генералу *Канроберу*, новый планъ похода, отъ котораго ожидаютъ въ Парижѣ лучшаго успѣха. По этому плану, гарнизонъ Евпаторіи долженъ быть усиленъ, и турецкія вспомогательныя войска, посылаемыя въ Крымъ изъ Варны, высадятся въ Евпаторіи и двинутся оттуда къ Севастополю съ сѣверной стороны.

Извѣстія изъ Крыма, полученныя черезъ Марсель, не простираются далѣе 2-го декабря (20-го ноября). Генералъ *Канроберъ* снабдилъ Камышевую бухту укрѣпленіями, которыя вооружены 60-ю пушками, и приказалъ запирать ее каждый вечеръ надежною цѣпью, опасаясь русскихъ брандеровъ. Камышевая бухта, въ которой могутъ найти пристанище часть эскадры и до 300 транспортныхъ судовъ, чрезвычайно важна для союзниковъ. Дивизіями англійской арміи, расположенными въ Крыму, командуютъ теперь слѣдующіе генералы: кавалерійскою дивизіею лордъ *Луканъ*, легкою пѣхотною дивизіею сэръ Джорджъ *Броунъ*, 1-ю дивизіею герцогъ *Кембриджскій*, 2-ю генералъ-маіоръ *Пеннефетеръ*, 3-ю генералъ-лейтенантъ сэръ Р. *Ингландъ*, 4-ю генералъ-маіоръ *Бентинкъ*, а 5-ю генералъ-маіоръ *Барнардъ*. Должно замѣтить, впрочемъ, что нѣкоторые изъ этихъ генераловъ или тяжело ранены, или больны, и что, слѣдовательно, за нихъ командуютъ другіе. 6-я дивизія еще не прибыла на театръ войны, и начальникъ ея пока не назначенъ (1).

---

(1) Русск. Инвал. 1854 г. 281.

Изъ Лондона пишутъ: «Съ достовѣрностью можемъ мы сообщить, что командованіе адмирала *Дондаса* въ Черномъ морѣ кончается, и онъ, на флагманскомъ кораблѣ «Британія», вскорѣ предприметъ обратный путь въ Англію. Вѣроятно, онъ приведетъ съ собою линейные корабли «Венидженсъ» и «Беллерофонъ», которые будутъ замѣнены сильными винтовыми линейными кораблями «Альджейерсъ» и «Аннибалъ». А какъ, по законамъ, командованіе каждаго адмирала въ чужихъ краяхъ продолжается только три года, и срокъ сей адмирала *Дондаса* кончается, то отозваніе его и происходитъ на законномъ основаніи. Хотя всѣ знаютъ, что правительство согласилось бы оставить его командиромъ въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ на дальнѣйшее число лѣтъ, но надежды, которыя имѣли на него, не исполнились. Преемникомъ ему будетъ сэръ Эдмонъ *Лайонсъ*, который до сихъ поръ управлялъ всѣми дѣйствіями флота, а флагманскій корабль его «Агамемнонъ» вѣроятно перейдетъ подъ начальство капитана сэра Т. *Эсли*» (1).

«Въ послѣднихъ письмахъ корреспондента «Times» изъ Балаклавы и другихъ газетъ (письма сіи отъ 3-го декабря) содержится много жалобъ на дурное устройство почти всѣхъ администрацій въ лагерѣ союзниковъ. До отхода почты, арміи все еще чрезвычайно терпѣли отъ недостатка топлива и бараковъ; нѣсколько дней дорога изъ Балаклавы въ лагерь до того испортилась, что солдаты должны были довольствоваться половинною порціею. Палатки протекали отъ дождя, какъ сито; не было дровъ для топки, сѣна для лошадей. И между тѣмъ сѣно грудами прибивается съ моря въ гавань съ разбитыхъ транспортовъ. Въ срединѣ оно еще годится къ употребленію. Обломки кораблей, прибитые къ берегу, были бы полезнымъ матеріаломъ для топлива. Но сѣно гніетъ, а дерево остается безъ пользы, потому что не принимаютъ мѣръ для сбора его. Дорога въ лагерь, о которой можно было предвидѣть, что

(1) Сѣв. Пчела 1854 г. 266.

она послѣ суточнаго дождя испортится, могла легко быть исправлена заранѣе, но въ главной квартирѣ объ этомъ и не думаютъ, а военному министерству въ Лондонѣ не можетъ прійти въ голову приказать вымостить дорогу изъ Балаклавы въ лагерь камнемъ, котораго тамъ много. Англійскіе офицеры, какъ и рядовые солдаты, не въ состояніи придумать себѣ чего-либо, а французы устроились во всемъ. И на корабляхъ, стоящихъ въ Балаклавѣ, господствуетъ величайшій безпорядокъ. Они входятъ и выходятъ, бросаютъ якорь и выгружаются, гдѣ кому вздумается; нѣтъ надсмотрщика надъ гаванью; нѣтъ порядка, наблюденія, даже для высадки войскъ и выгрузки припасовъ. Отъ этого теряютъ много времени, и если бы загорѣлся хоть одинъ корабль, то ни одно судно не успѣло бы выйти изъ порта. Пора учредить коммиссію для управленія этими дѣлами, которыя въ Англіи устроены такъ хорошо [1].

17-го ноября происходилъ совѣтъ на фрегатѣ, на который адмиралъ *Гамеленъ* перенесъ свой флагъ. Въ этомъ совѣтѣ присутствовали всѣ англійскіе, французскіе и турецкіе адмиралы. Рѣшено отослать въ Константинополь всѣ не совсѣмъ благонадежныя суда, равно какъ и оттоманскую эскадру. Турецкій адмиралъ энергически возставалъ противъ этой мѣры, и ему съ трудомъ объяснили, что нѣтъ надобности подвергать опасности суда, которыя, въ настоящее время, не могутъ оказать никакихъ услугъ. Вслѣдствіе этого совѣта отправленъ въ Варну пароходъ съ депешами, которыя, по телеграфу, препровождены въ Парижъ и Лондонъ. Множество англійскихъ и французскихъ кораблей и фрегатовъ прибыло на-дняхъ въ Босфоръ. «Napoléon» и «Bayard», равно какъ и англійскій фрегатъ — кажется «Samson» — поступили для починки въ арсеналъ, гдѣ должны починиваться и «Friedland», «Retribution» и нѣкоторыя другія. Скоро появится въ «Монитерѣ» декретъ объ отозваніи адмирала *Гамелена* и замѣщеніи его вице-адмираломъ *Брюа*. Въ связи съ этимъ отозваніемъ нахо-

---

[1] Сѣв. Пчела 1854 г. № 285.

дится и другое — отозваніе англійскаго адмирала. Причиною тому несовмѣстность этого высокаго сана съ подчиненнымъ положеніемъ въ отношеніи къ дивизіонному генералу, управляющему экспедиціей (¹).

Константинополь 4-го декабря. Торговля между Константинополемъ и лагеремъ союзниковъ въ Крыму въ послѣднее время производится безпрепятственно. Теплая и шерстяная одежда, въ особенности съѣстные припасы, очень выгодно продаются. Вино не такъ хорошо покупается въ лагерѣ союзниковъ, потому что, по причинѣ безпрестанныхъ тревогъ, войска должны день и ночь бодрствовать, и главнокомандующіе ограничили употребленіе вина въ лагерѣ самымъ необходимымъ количествомъ; пиво (или питье изъ воды и растенія горечавки, которое здѣсь приготовляютъ подъ этимъ названіемъ) оффиціально, какъ говорятъ, запрещено продавать въ лагерѣ, по причинѣ происходящихъ отъ него холерическихъ припадковъ.

Въ «Morning Herald» пишутъ: «Одинъ изъ нашихъ балаклавскихъ корреспондентовъ увѣдомляетъ, что число матросовъ, морскихъ солдатъ и морскихъ артиллеристовъ съ офицерами своими служащими на сухомъ пути простирается до 4,600 человѣкъ съ тысячью пушками большого калибра. При отходѣ почты намѣревались снять съ кораблей еще пятьдесятъ 32-хъ-фунт. пушекъ, для усиленія батарей и расположенія ихъ на высотахъ (²).

Въ «Constitutionnel» напечатана слѣдующая депеша. *Константинополь 7-го декабря*: «*Омеръ-паша* отправился съ большею частію своей арміи. На Дунаѣ временно командуетъ турецкими войсками *Измаилъ паша.*

Въ «Аугсбургской газетѣ» сообщаютъ, что, по телеграфическимъ извѣстіямъ изъ Бухареста, отъ 12-го декабря, *Омеръ-паша* отбылъ, 11-го числа, чрезъ Рущукъ и Шумлу,

---

(¹) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 272.
(²) Сѣв. Пчела 1854 г. № 281.

въ Варну, откуда онъ, по отплытіи турецкой экспедиціи, отправится въ слѣдъ за нею ([1]).

Въ газетѣ «Dublin Mail» напечатанъ слѣдующій дневникъ одного офицера, служащаго въ англійской арміи, находящейся подъ Севастополемъ:

Декабря 9-го (ноября 27-го). Погода стояла прекрасная и огонь былъ очень силенъ, какъ ружейный, такъ и изъ тяжелыхъ орудій. Я проходилъ цѣлый день съ однимъ пріятелемъ, вслушиваясь въ выстрѣлы. Послѣ мнѣ разсказывали, что въ этотъ день не случилось ничего замѣчательного. Наши и французскія апроши мало по малу подвигаются къ непріятелю и Севастополю. Въ городѣ въ каждой улицѣ, въ каждомъ удобномъ мѣстѣ, постоянно и безпрерывно устраиваются траншеи и укрѣпленія. Ружейная перестрѣлка производится съ обѣихъ сторонъ, и какъ скоро чья нибудь голова покажется въ амбразурѣ или изъ-за насыпи, она тотчасъ дѣлается цѣлью для выстрѣловъ. Многіе изъ нашихъ офицеровъ убиты подобнымъ образомъ. Сегодня утромъ дуетъ сильный вѣтеръ съ юго-запада, предвѣщая дождь. Я упоминаю о погодѣ, чтобы вы могли судить о непостоянствѣ ея въ Крыму. На вершинахъ нѣкоторыхъ возвышеній лежитъ снѣгъ. Комары появляются въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ. По ночамъ на равнинѣ слышится завываніе собакъ, которыя грызутся надъ падалью; днемъ онѣ куда-то исчезаютъ. Вороновъ здѣсь бездна, и ихъ зловѣщее карканье часто раздается надъ головою. Возлѣ лагеря находится также множество совъ; я замѣтилъ породу маленькихъ темныхъ совъ, неизвѣстныхъ въ Англіи. Вечеромъ я отправился въ лагерь 68-го полка; дорога идетъ вязкою грязью, нога уходитъ въ нее по щиколотки. Число околѣлыхъ и незарытыхъ лошадей еще многочисленнѣе прежняго.

Декабря 10-го (ноября 28-го). Вѣтеръ продолжаетъ дуть съ юго-запада. Въ четыре часа утра сдѣлана была тревога,

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г. № 282.

по случаю приближенія непріятеля въ значительномъ числѣ. Тревога оказалась фальшивою. По прибытіи принца Альберта, котораго ожидаютъ каждый день, адмиралъ *Дондасъ* тотчасъ же возвратится въ Англію, и адмиралъ *Лайонсъ* сдѣланъ, къ общему удовольствію арміи и флота, главнымъ начальникомъ. Адмиралъ *Дондасъ* послалъ въ подарокъ одному изъ русскихъ адмираловъ, съ которымъ онъ познакомился въ Аѳинахъ, честерскій сыръ, при запискѣ, въ которой пишетъ, что ему гораздо пріятнѣе напомнить о своемъ существованіи этимъ сыромъ, чѣмъ ядромъ (¹). Случаемъ къ этой вѣжливости послужила посылка на берегъ подъ парламентерскимъ флагомъ офицера, обмѣненнаго на лорда *Дункельна*.

Декабря 11-го (ноября 29 го). Сегодня поутру погода стоитъ прекрасная и теплая, какой я не запомню въ Англіи въ это время года. Прошлою ночью происходила очень сильная канонада, но всѣ до того привыкли къ безконечному реву пушекъ, что обращаютъ на него мало вниманія. Я ѣздилъ въ Балаклаву и навѣстилъ генерала *Пеннефетера*. Онъ еще очень слабъ. Потеря этого генерала для экспедиціи будетъ чувствительнѣе всякой другой. При входѣ въ городъ васъ обдастъ удушливая, или, лучше сказать, зачумленная атмосфера. Въ долинѣ число могилъ увеличивается въ страшномъ размѣрѣ; цѣлые отряды турокъ заняты копаніемъ ихъ и погребеніемъ труповъ; мимо меня пронесли четырехъ покойниковъ въ такое же число минутъ. Гробовъ давно уже не дѣлаютъ ни для христіанъ, ни для мусульманъ; всѣхъ хоронятъ вмѣстѣ, не различая вѣроисповѣданія. Больныхъ переносятъ изъ лагеря и отправляютъ въ Скутари. Всѣ лазаретныя повозки употреблены въ дѣло, и французы ссудили насъ для перевозки больныхъ мулами, съ люльками по обѣимъ сторонамъ животнаго. Такимъ образомъ доставлено на корабли 900 человѣкъ. Вчера утромъ число больныхъ простиралось въ лагерѣ до 3,500 человѣкъ; весь же экспедиціонный кор-

---

(¹) Адмиралъ этотъ былъ В. И. Истоминъ. Письмо Истомина къ Лайонсу. См. Матер. выпускъ II, прилож. стр. 91. Ред.

пусъ простирается, какъ я полагаю, до 11,000 человѣкъ. Число палыхъ лошадей, муловъ и быковъ, валяющихся вдоль дороги, привело бы каждаго, непривыкшаго къ этому зрѣлищу, въ ужасъ. Въ запасахъ по медицинской части, какъ мнѣ говорили, встрѣтились какія-то новыя затрудненія. Французскіе больные снабжаются хорошо и совершенно систематически. Прекрасная погода, которая здѣсь стоитъ, доставитъ возможность перевести на высоты пушки и военные припасы.

Декабря 12-го (ноября 30-го). Прошлою ночью снова произведена была сильная канонада и сдѣлано яростное нападеніе на наши траншеи. Погода такъ же благопріятна, какъ вчера. «Что будемъ мы дѣлать?» вотъ вопросъ, который, безъ сомнѣнія, вы пожелаете мнѣ сдѣлать относительно Севастополя. По моему мнѣнію, какъ скоро намъ удастся перевезти и поставить на мѣсто орудія, союзники возобновятъ бомбардированіе, которое продолжится вѣроятно не менѣе 48-ми часовъ, а потомъ послѣдуетъ приступъ. Если это предпріятіе не удастся, не мудрено, что осада будетъ снята и кровопролитная битва рѣшитъ участь крымской экспедиціи. Я ѣздилъ въ лагерь легкой дивизіи, и нашелъ моихъ пріятелей въ болѣе веселомъ расположеніи духа, благодаря перемѣнѣ погоды. Чтобы дать вамъ понятіе о непростительномъ недостаткѣ въ самыхъ обыкновенныхъ лекарствахъ, я представлю вамъ слѣдующій примѣръ. Когда я выходилъ изъ лагеря, ко мнѣ подошелъ солдатъ и сказалъ, что одинъ офицеръ, мой пріятель, желаетъ меня видѣть, но не можетъ прійдти ко мнѣ, потому что боленъ и не въ силахъ встать. Я нашелъ его въ очень жалкомъ положеніи. Онъ сказалъ мнѣ, что отъ болѣзни ему нужно приставить шпанскую мушку, но что онъ не могъ найти ничего подобнаго въ цѣлой легкой дивизіи. Къ счастію, мнѣ удалось достать нужное ему лекарство еще до наступленія вечера, и я послалъ его моему юному пріятелю. Сознайтесь, что подобная нераспорядительность непростительна.

Декабря 1-го (13-го). Погода очень тепла, какъ вчера и третьяго дня. Эти частыя перемѣны должны имѣть влія-

ніе на многочисленныхъ больныхъ арміи. Многіе изъ нихъ въ Балаклавѣ едва держатся на ногахъ, но между тѣмъ кое-какъ еще бродятъ. Я видѣлъ, какъ одинъ солдатъ, по видимому, сильно страдавшій, подбиралъ бутылки, которыя сотнями валяются по улицамъ, и глоталъ находящіеся въ нихъ подонки, не обращая вниманія на то, что это за напитки. Можно сказать навѣрное, что между лагеремъ и Балаклавой мнѣ попалось на глаза, по крайней мѣрѣ, сто остововъ лошадей. Осада продолжается, но сегодня не случилось ничего такого, о чемъ стоило бы упоминать. *Сэръ Джонъ Бургоинъ* съ сыномъ обошли вчера всѣ передовые посты, чтобы показать себя солдатамъ. На одномъ открытомъ мѣстѣ разорвало гранату, минуту спустя послѣ того, какъ они его оставили; ясно, что она была направлена въ нихъ (1).

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ Константинополя въ Тріестѣ отъ 11-го декабря, сказано: «Еще 2,000 англичанъ отправились въ Крымъ, и 3,000 французовъ высажены здѣсь. Хотятъ немедленно же завести французскіе патрули для охраненія жителей отъ насильствъ французскихъ же матросовъ.

— Въ «Аугсбургской газетѣ» пишутъ, изъ Вѣны, отъ 18-го декабря:

«По извѣстіямъ изъ союзнаго лагеря передъ Севастополемъ, отъ 11-го декабря ввечеру, полученнымъ здѣсь сегодня нѣкоторыми иностранными посольствами, часть французскихъ военныхъ кораблей собралась, 24-го ноября, въ Камышинской губѣ, гдѣ находится и теперь. 26-го адмиралъ *Гамеленъ* прибылъ туда на «Монтезумѣ». Пунктъ этотъ укрѣпляютъ (2).

— Въ «Zeit» пишутъ изъ Константинополя:

«Подкрѣпленія идутъ черезъ нашу столицу въ Крымъ

(1) С.-Петеб. Вѣд. 1855 г., № 5.
(2) Сѣв. Пчела 1854 г., № 286.

безпрестанно. Изъ Бургаса должны были отправиться четыре полка французской кавалеріи. До прибытія всѣхъ подкрѣпленій главнокомандующіе союзными войсками рѣшились даржаться въ оборонительномъ положеніи. Говорятъ, что редакціею «Journal de Constantinople» получены были, 8-го декабря, подробности о состояніи сихъ войскъ, но ихъ не смѣли напечатать. Тунисскій вспомогательный корпусъ, который, по увѣренію нѣмецкихъ газетъ, отправился въ Крымъ, двинулся изъ Чурукъ-Су въ Батумъ, для подкрѣпленія тамошней арміи (¹).

Въ частныхъ извѣстіяхъ изъ лагеря союзниковъ, изъ Крыма (до 11-го декабря) жалуются на дурную погоду и ночную стужу. Отъ этого смертность между людьми весьма усилилась въ послѣдніе дни, и госпитали въ Херсонесѣ и Балаклавѣ наполнены больными. Вообще говорятъ, что еще въ нынѣшнемъ году будетъ предпринято рѣшительное нападеніе на Севастополь. Море совершенно спокойно и о несчастіяхъ не слышно.

Въ «Preussischer Staats-Anzeiger» сообщаютъ, по извѣстіямъ изъ Константинополя, отъ 8-го декабря, что туда вновь прибыли египетскія войска, назначенныя для отправленія въ Крымъ. Для размѣщенія многочисленныхъ больныхъ и раненыхъ, прибывающихъ изъ Крыма, здѣсь безпрестанно учреждаютъ новые госпитали. Шестьсотъ раненыхъ помѣщены даже на одномъ дворѣ въ сараѣ. Общее число больныхъ въ разныхъ союзныхъ госпиталяхъ, считая притомъ турокъ, египтянъ и тунисцевъ простирается до 10,000 человѣкъ.

— Въ «Гамбургскомъ Нувелистѣ» напечатаны слѣдующія телеграфическія извѣстія изъ Константинополя отъ 11-го декабря:

«Движенія войскъ и вооруженія продолжаются здѣсь безпрерывно. Вчера 6,000 французовъ отправились въ

(¹) Сѣв. Пчела 1854 г., № 287.

Крымъ. На дняхъ вице-адмиралъ *Ахметъ паша* отправится съ четырьмя пароходами въ Черное море. Говорятъ, что *Омеръ-паша* чрезвычайно недоволенъ второстепенною ролью, назначенною ему въ Крыму (¹).

Новая Прусская газета говоритъ въ нумерѣ 29-го (17-го) декабря: «Одинъ изъ друзей нашихъ, возвратившійся вчера изъ Парижа, видѣлъ тамъ, за нѣсколько дней передъ симъ, въ одномъ обществѣ, британскаго генерала (Эванса), отъ котораго узналъ много любопытнаго. Во-первыхъ, генералъ сообщилъ ему, что, въ сраженіи при Инкерманѣ, число русскихъ простиралось по большей мѣрѣ до 30,000 человѣкъ. Далѣе, по словамъ сэра *де-Ласи Эванса*, не справедливо почитаютъ покойнаго маршала *де Сентъ-Арно* главнымъ виновникомъ крымской экспедиціи, потому что, вслѣдъ за холернымъ періодомъ, въ одинъ и тотъ же день было получено изъ Парижа маршаломъ *де Сентъ-Арно*, а изъ Лондона лордомъ *Рагланомъ* приказаніе завоевать Крымъ и Севастополь. Въ военномъ совѣщаніи, въ которомъ были поданы пресловутыя робкія мнѣнія, обсуждали не самое предпріятіе, а только способъ приведенія его въ дѣйствіе. Потери англичанъ и французовъ гораздо значительнѣе, нежели какими представляютъ ихъ публикѣ; особенно велика смертность между ранеными».

Корреспондентъ газеты «Times» пишетъ изъ лагеря подъ Севастополемъ, отъ 8-го декабря (26-го ноября): «Со вчерашняго дня начались морозы. Солнце освѣтило насъ вчера впервые послѣ долгаго времени; сегодняшнею ночью былъ уже довольно чувствительный морозъ. До сихъ же поръ въ нашемъ лагерѣ господствовали прежніе недостатки и прежняя нужда. Картина была все та же: большое болото, глубиною то въ одинъ, то въ два фута, простиралось отъ Инкерманской долины къ морю до Балаклавы, повсемѣстно изрытое копытами лошаковъ, лошадей и верблюдовъ. По всему пространству этого болота были разсѣяны осто-

(¹) Сѣв. Пчела 1874 г., № 284.

вы лошадей и другихъ погибшихъ животныхъ, большею частію обгложенные собаками. Коршуны, тяжело взмахивая крыльями, носятся густыми стаями, какъ бы желая отнять у собакъ ихъ добычу. И по этому-то болоту лошади и люди должны тащиться сюда изъ Балаклавы четыре и пять миль, съ сѣномъ, хлѣбомъ и мясомъ. Лошади валятся, отъ изнуренія силъ, люди барахтаются въ грязи, произнося проклятія, или садятся въ изнеможеніи на какой нибудь камень,- стуча зубами отъ холода. Грязи въ нашихъ палаткахъ было на цѣлый футъ, и люди были принуждены спать на ней въ мокрой одеждѣ, не имѣя никакой возможности обсушиться! Не мудрено, что у насъ умирало, среднимъ числомъ, по 50-ти человѣкъ въ день».

— Въ «Прусскомъ Государственномъ Указателѣ» пишутъ, что, по извѣстіямъ изъ Балаклавы, отъ 14-го (2-го) декабря, англійскій флотъ стоялъ на якорѣ при Качѣ; линейные корабли будутъ стоять при Синопѣ, куда многіе изъ нихъ уже прибыли. Французскій флотъ почти весь отправляется въ Константинополь, оставляя въ Камышевой бухтѣ только четыре линейные корабля. Кача, Синопъ и Камышевая бухта должны быть защищены батареями и окопами. Цѣпь пароходовъ безпрестанно крейсеруетъ въ открытомъ морѣ. Газета «Soldatenfreund» сообщаетъ слѣдующее: «Изъ Крыма пишутъ, что двѣ французскія дивизіи изъ Тулона и англійскія подкрѣпленія изъ Соутгемптона, съ Мальты и Корфу, прибудутъ въ лагерь союзниковъ лишь постепенно и не ранѣе января мѣсяца по новому стилю». По письму изъ Вѣны, полученному «Аугсбургскою Всеобщею газетою, предложеніе ввѣрить начальство надъ новонабранными турецкими войсками англійскимъ офицерамъ, отклонено оттоманскимъ военнымъ министерствомъ по совѣту Франціи и Австріи. Генералы *Канроберъ*, *Боске* и *Форс* получили отъ султана орденъ Меджидіэ первой степени. Тотъ-же орденъ, различныхъ степеней, назначенъ для генераловъ, офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ союзныхъ армій, которые будутъ представлены *Портѣ* къ этому отличію главнокомандующими. Французскій Монитеръ,

въ нумерѣ 28-го (16-го) декабря, обнародываетъ депешу изъ Балаклавы, отъ 13-го (1-го) числа, съ извѣстіемъ, что турецкія войска начали прибывать туда (1).

Въ «Новой Прусской Газетѣ» напечатанъ слѣдующій отрывокъ изъ письма, полученнаго ею изъ Одессы отъ 1-го декабря: «Нѣмецкіе колонисты, которыхъ очень много въ южной Россіи, снова выказали себя съ самой лучшей стороны. Они содѣйствовали быстрой перевозкѣ войскъ въ Крымъ. Въ нашихъ странахъ, конечно, много лошадей, но ихъ употребляютъ только для верховой ѣзды и какъ предметъ торговли. Вьючнымъ скотомъ здѣсь, вообще, считается быкъ. Только колонисты, по нѣмецкому обычаю, употребляютъ для этого лошадей; вотъ почему къ нимъ и обратились. Я наблюдалъ за многими маршевыми колоннами. Онѣ ежедневно проѣзжали 40 верстъ, и при этомъ на подводу полагалось 12 человѣкъ; 6 сидѣли на возу, а 6 попеременно шли пѣшкомъ. Другія колонны дѣлали 60 верстъ, и тогда на подводу приходилось по 8-ми человѣкъ. И въ Крыму есть нѣмцы; такимъ образомъ колонисты исключительно произвели всю перевозку войскъ отъ Днѣстра до Симферополя. Такъ какъ это превышало обязательства сельскаго населенія, то колонисты получили особенныя денежныя вознагражденія. — Вы удивитесь, если я скажу вамъ, что торговля нашего города не прерывалась ни на минуту; ежедневно корабли отправляются въ Константинополь; тѣ, которые приходятъ, подвергаются осмотру, если встрѣчаютъ непріятельскіе военные корабли, но впрочемъ ихъ не безпокоятъ. Причина этой терпимости воюющихъ державъ очень понятна: онѣ не могутъ обходиться безъ многихъ изъ нашихъ продуктовъ, особенно маслянистыхъ сѣмянъ, большей частью отправляемыхъ въ Марсель. Еслибъ наше собственное правительство не запретило, 6 мѣсяцевъ назадъ, вывоза хлѣба изъ гаваней Чернаго моря, то война, въ отношеніи къ торговлѣ, была бы здѣсь едва чувствительна. Но торговлѣ зерновымъ

(1) Русскій Инвал. 1854 г., № 288.

хлѣбомъ должно было положить преграду, потому что узнали, что Варна продовольствуется изъ Одессы, и то же самое было бы теперь съ арміей въ Крыму. Послѣдствіемъ запрещенія, разумѣется, особенно при прекрасномъ урожаѣ, чрезвычайная дешевизна хлѣба. А это опять таки имѣетъ свою хорошую сторону, потому что наша армія необыкновенно обильно продовольствуется. Самый Крымъ очень хлѣбороденъ и легко могъ бы питать войско вдвое большее, чѣмъ войско князя *Меншикова*. Рогатаго скота и овецъ тамъ также очень много. Иностранныя газеты жестоко ошибаются, если разсчитываютъ на непроходимыя дороги. Санный путь держится здѣсь до 3-хъ мѣсяцевъ и простирается до Симферополя. Наша храбрая армія не будетъ страдать отъ недостатка въ чемъ бы то ни было. Намъ здѣсь часто случается разговаривать съ офицерами, пріѣзжающими изъ Севастополя. Тамъ за крѣпость нисколько не опасаются. На болѣзни также не жалуются. По особенному счастью, холера не перешла къ намъ отъ непріятеля. Нашъ солдатъ, какъ извѣстно, не избалованъ и его пища— та самая, къ которой онъ давно привыкъ, тогда какъ французы и англичане должны довольствоваться гораздо худшею пищей, чѣмъ какую употребляютъ обыкновенно. Къ тому же они, можно сказать, лежатъ подъ открытымъ небомъ, потому что при отвратительной погодѣ, бывшей въ послѣднее время, палатки едва ли могутъ служить какой нибудь защитой. Наши солдаты, напротивъ того, обезпечены противъ вѣтра и дождя въ частныхъ домахъ Севастополя, въ сохранившихся фортахъ и деревняхъ на Черной. Наша армія умѣетъ также вездѣ устроивать себѣ землянки. Роютъ большія ямы, въ 6 футовъ глубиною, гдѣ могутъ спать до 100 человѣкъ; эти ямы покрываются чѣмъ нибудь, а въ срединѣ ставятъ печь изъ нежженнаго кирпича. Въ такихъ жилищахъ большая часть нашей арміи прозимовала въ прошломъ году въ Валахіи. Невѣроятно, какъ скоро солдатъ устроиваетъ ихъ; это его выгода, и притомъ онъ уже такъ часто дѣлалъ себѣ землянки! Изъ этихъ фактовъ вы уже заключите, что мы отъ этого зимняго похода во всѣхъ отношеніяхъ страдаемъ гораздо менѣе,

чѣмъ непріятель. И вѣдь русскому къ морозу не привыкать стать. А еще не должно забывать, что зима на Балаклавской площадкѣ гораздо суровѣе, чѣмъ внизу, въ Севастополѣ, гавань котораго никогда не замерзаетъ. Нашъ Одесскій портъ ежегодно покрывается льдомъ 4—6 недѣль, и этотъ ледъ простирается далеко въ море. Итакъ, мы скоро будемъ совершенно недоступны непріятельскимъ кораблямъ ([1]).

Распространеніе блокады на всѣ русскія гавани въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ.

Французское и англійское правительства отправили приказаніе адмираламъ *Гамелену* и *Дондасу* распространить блокаду, учрежденную при устьяхъ Дуная, на всѣ русскія гавани въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ ([2]).

Одинъ негоціантъ *Сити* получилъ слѣдующее письмо отъ министра иностранныхъ дѣлъ:

Г. Джону Джонсону.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, 6-го ноября.

«М. г. Въ отвѣтъ на ваше письмо, въ которомъ вы просите увѣдомить васъ о намѣреніяхъ правительства королевы касательно блокады русскихъ гаваней въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, я получилъ приказаніе графа *Кларендона* объявить вамъ, что правительство королевы намѣрено учредить строгую блокаду, но во время дѣйствій въ Крыму нельзя дать никакого прямого увѣренія касательно эпохи, когда блокада будетъ приведена въ дѣйствіе. Честь имѣю и проч. ([3])».

([1]) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 276.
([2]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 251.
([3]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 252.

Крейсерство непріятельскихъ военныхъ судовъ у Өеодосіи, въ декабрѣ 1854 г.

Өеодосія, 8-го декабря. Третьяго дня, 6-го декабря, въ день тезоименитства Его Величества Государя Императора, въ здѣшнемъ соборѣ совершена была божественная литургія съ благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ. Въ одиннадцать часовъ, въ самое время богослуженія, распространилась вѣсть о вступленіи непріятельскихъ пароходовъ на нашъ рейдъ: вѣсть эта подтвердилась раздавшимися вскорѣ пушечными выстрѣлами, но она никого не встревожила и никто не вышелъ изъ церкви до окончанія священнодѣйствія. Винтовой пароходо-фрегатъ и паровая канонерская лодка, новой конструкціи, оба подъ англійскимъ флагомъ, дѣйствительно вошли на рейдъ и остановились на лѣвой сторонѣ, вдали отъ береговыхъ батарей. Усмотрѣвши близъ карантина задержанное здѣсь турецкое судно съ пшеницею, они направились къ нему, съ намѣреніемъ, повидимому, овладѣть имъ. Тогда наши батареи открыли огонь. Непріятель отвѣчалъ градомъ бомбъ, ядеръ и гранатъ, и потомъ удалился въ море. По окончаніи богослуженія, өеодосійскимъ коммерческимъ сословіемъ данъ былъ обѣдъ находящимся здѣсь воинскимъ чинамъ; бой съ непріятельскими судами на рейдѣ не нарушилъ радушнаго угощенія: при предложенномъ генералъ-маіоромъ *Вагнеромъ* тостѣ: «за здравіе и долгоденствіе Государя Императора», въ залѣ раздались восторженное «ура!» и музыкальный тушъ, служившіе какъ бы отвѣтомъ на громъ непріятельскихъ орудій на рейдѣ. Къ счастію, въ этомъ кратковременномъ бою никто съ нашей стороны не былъ убитъ, ни раненъ, ни въ городѣ, ни на батареяхъ [1].

Э. де-Вилльневъ.

Өеодосія, 8-го декабря. Послѣ появленія на нашемъ рейдѣ, 16-го минувшаго іюля, непріятельскихъ военныхъ судовъ, мы не видѣли у береговъ своихъ этихъ пловучихъ

---

(1) Одесскій Вѣстн. 1854 г., № 141.

крѣпостей Джонъ-Буля и его достойнаго союзника и стали было совсѣмъ забывать о присутствіи на нашемъ морѣ армады, собранной врагами православія и поборниками ислама. 6-го декабря, день столь радостный для сердца каждаго русскаго, началось прекрасною, тихою погодою. Весело взошло яркое солнце; много было очаровательнаго въ прекрасномъ утрѣ, какому подобнаго, въ это время года, никто здѣсь не запомнитъ; казалось, сама природа радовалась радостію великой семьи русской и тѣмъ усиливала пріятное настроеніе вѣрноподданническихъ чувствъ нашихъ согражданъ, готовившихся, по принесеніи теплыхъ молитвъ у алтаря Всевышняго о благоденствіи и многолѣтіи обожаемаго Отца-Монарха, отпраздновать, по средствамъ своимъ, Его тезоименитство. Только море своимъ сердитымъ говоромъ да прибоями, при совершенномъ безвѣтріи, напоминало, что теперь не лѣтняя пора. Въ одиннадцать часовъ утра, вышелъ изъ-за мыса, образующаго нашу бухту, пароходо-фрегатъ, державшій курсъ на N. Онъ шелъ тихо. Спустя нѣкоторое время, появилось и другое судно подъ парусами, и лишь только изрѣдка поднимавшіяся съ него струи дыма показывали о его родствѣ съ фрегатомъ. На линіи 5-й версты отъ города, фрегатъ остановился на парахъ въ морѣ; ясно было, что онъ поджидалъ своего товарища. Наконецъ, они сошлись, пришедшій убралъ паруса и оба оставались нѣкоторое время неподвижно на одномъ мѣстѣ, потомъ взяли направленіе къ О; пройдя нѣкоторое разстояніе, дали поворотъ налѣво и направились самымъ медленнымъ ходомъ къ городу, придерживаясь берега такъ близко, что ихъ можно было разсмотрѣть простымъ глазомъ: оба они были трехмачтовые, винтовые, подъ англійскимъ флагомъ, одинъ фрегатъ, другой пароходъ меньшаго размѣра; фрегатъ имѣлъ, съ одного борта, 12 пушечныхъ амбразуръ, которыя были на половину открыты, и бѣлую по борту полосу, а пароходъ весь черный какъ адъ, вооруженный, по видимому, съ кормы бомбическими орудіями. Во 2-мъ часу пополудни стали они приближаться къ бухтѣ, но, встрѣченные ядрами съ нашихъ батарей, быстро поворотили въ море. Нужно

было видѣть этотъ поспѣшный поворотъ шедшаго впереди фрегата—причемъ онъ едва не задѣлъ своего товарища—доставившій намъ наслажденіе посмѣяться надъ трусливою храбростію Джонъ-Буля. Выдавая себя за такого умника, всезнайку, онъ не могъ не знать, что въ Ѳеодосіи, какъ и вездѣ въ Россіи, будутъ привѣтствовать его теперь—не хлѣбомъ и солью, а чугунными орѣхами, да еще, пожалуй, и калеными; слѣдовательно, не внезапность, заставляющая иногда и самую безпредѣльную храбрость содрогнуться, понудила его сдѣлать такой опасный для своего товарища скачекъ, а должно быть, наши орѣхи были для него слишкомъ осязательны. Оправившись нѣсколько отъ такого непріятнаго ощущенія, Джонъ-Буль, какъ бы пристыженный собственною храбростію, возвратился къ бухтѣ, и, остановясь противу батарей, устроенныхъ за карантиномъ, внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, открылъ по этимъ батареямъ канонаду, продолжавшуюся около часа, и затѣмъ въ 3 часа пополудни отошелъ въ море и оставался въ виду города до позднихъ сумерекъ. Канонада эта, надѣлившая насъ, отысканными въ окрестностяхъ Карантинной слободки, нѣсколькими 36-ти-фунтовыми ядрами, 12-ти-фунтовыми гранатами, частію не разрядившимися, да одною, также не разрядившеюся, бомбою,—вѣсомъ болѣе 2 пудовъ, — нисколько не нарушила спокойствія жителей города, благодаря Бога, прошла безъ всякихъ непріятныхъ для насъ послѣдствій. И такъ, мы тоже вошли въ состязаніе съ врагомъ, мы уже обстрѣлены его порохомъ и, съ новыми силами безстрашія, готовы, если будетъ угодно Богу, встрѣтить нападеніе [1].

И. Ч.

Замѣтки о крымской войнѣ, составленныя по воспоминаніямъ, тамошнимъ жителемъ.

Мирно и пріятно текла жизнь въ Крыму до вторженія въ него непріятельскихъ союзныхъ войскъ. Зима соединяла

---

(1) Одесскій Вѣст. 1854 г., № 142.

въ Симферополѣ пріятное общество, отличавшееся радушіемъ и веселостію. Балы, вечера и благородные спектакли слѣдовали непрерывно одни за другими. Съ весною городъ пустѣлъ; но за то каждый изъ жителей получалъ отъ своихъ знакомыхъ приглашеніе посѣтить ихъ въ ихъ садахъ. Хутора, разбросанные по степи, великолѣпныя дачи южнаго берега радушно помѣщали своихъ гостей подъ гостепріимныя кровли. Начиналась новая жизнь, жизнь полная очарованія. Представьте. Изъ-за голубыхъ волнъ встаетъ багровое солнце; за нимъ встаютъ жители на южно-бережскихъ дачахъ. Выкупавшись въ морѣ, общество собирается за чаемъ на балконѣ или галереѣ, обвитыхъ розами. Съ наслажденіемъ каждый вдыхаетъ въ себя ароматный воздухъ и любуется чуднымъ убранствомъ природы. Вершины горъ, точно позлащенныя, рисуются на лазури неба, уходя основаніями въ тѣнь, бросаемую на нихъ другими горами. Та же тѣнь лежитъ на татарской деревнѣ, расположенной по возвышенности уступами. За плоскими крышами этихъ трехстѣнныхъ домиковъ высятся тополи, надъ ними поднимается другой, третій рядъ деревьевъ, и все селеніе сквозитъ изъ-за зелени этой живой ограды. Взоръ, спускаясь ниже, останавливается на фруктовыхъ садахъ, на гигантскихъ орѣшникахъ. Подъ широко-раздвинутыми ихъ вѣтвями можно найти во всякое время дня вѣрную защиту отъ палящаго солнца. Даже дождь трудно пробиваетъ густую зелень ихъ листьевъ. За садами начинаются виноградники и доходятъ до самаго моря. Дорожка, проложенная между кустовъ, ведетъ къ купальнѣ: сбросивъ тамъ легкій костюмъ, какое наслажденіе погрузиться въ бархатныя волны Чернаго моря!

Я не боялся жара, и потому въ полдень ходилъ ловить рыбу. Пробравшись по камнямъ до какой-нибудь выдававшейся скалы, я располагался тамъ съ удочкой. Но собственно уженье меня мало занимало: меня веселила игра волнъ, набѣгающихъ на камни и обращающихся въ пѣну; меня веселили блескъ и ропотъ моря. Оставляя скалу, я возвращался прежнею дорогою. На этотъ разъ накалившаяся скала обдавала меня нестерпимымъ зноемъ.

Когда наступалъ вечеръ, составлялась кавалькада на прогулку. По праздникамъ мы часто любовались татарскими танцами. Разряженныя дѣвушки собирались на плоской крышѣ и, составивъ кругъ, двигались въ немъ подъ монотонный припѣвъ.

Теперь не услышите вы въ Крыму пѣсни, не увидите тамъ танцевъ. Непріятель удалилъ ихъ,—и процвѣтающій край сдѣлался мѣстомъ кровавыхъ битвъ, тяжелыхъ испытаній....

Помню, подъ вечеръ 1-го сентября, я вышелъ гулять на симферопольскій бульваръ. Время стояло сѣренькое и довольно холодное. Гуляющихъ было мало. Я прошелъ въ татарскую часть города, гдѣ выстроены караимскія, жидовскія и татарскія лавки. Проходя мимо одной изъ нихъ, я увидѣлъ еврея на подмосткахъ за шитьемъ шапки изъ мерлушекъ. Остановившись тутъ, я освѣдомился, что будетъ стоить тулупъ изъ такихъ мерлушекъ. Въ это время проскакалъ верхомъ солдатъ, брызгая на проходящихъ грязью и крича что-то. «Что бы это значило?» спросилъ я еврея. «Дѣло идетъ о сборѣ войскъ», отвѣчалъ онъ, «непріятельскій флотъ, сказываютъ, показался у Евпаторіи». Это объясненіе по видимому оправдывалось. Когда я возвращался домой, толпы народа повсюду собирались въ кучи и толковали. Предметомъ толковъ была также высадка. Стемнѣло, когда я пришелъ къ себѣ. Желая видѣть, что дѣлается на дворѣ, я не зажегъ свѣчи, но сѣлъ у открытаго окна. На улицѣ народъ продолжалъ толковать. Часовъ въ одиннадцать вечера послышался конскій топотъ; затѣмъ показался эскадронъ гусаръ, который остановился противъ моихъ оконъ и гостинницы Бакаріуса. На концѣ улицы показался свѣтъ; когда онъ приблизился, я увидалъ гусарскихъ офицеровъ, возвращающихся съ фонарями съ прощальныхъ визитовъ. Имъ подали лошадей. Эскадронъ тронулся, придерживая сабли, чтобъ не потревожить жителей. На другой день мы съ безпокойствомъ спрашивали: что новаго? Одни говорили, что непріятель высаживается у Евпаторіи, другіе утверждали, что нѣтъ. Показаніе первыхъ было справедливо. Непріятель дѣйствительно

высаживался. Извѣстно, что онъ высадился въ трое сутокъ. Въ эти дни я въ числѣ другихъ ѣздилъ на гору, версты за три на юго-западъ отъ города. Оттуда видно море; а на морѣ мы увидѣли непріятельскій флотъ въ видѣ темныхъ точекъ, которыя отъ самаго берега тянулись по прямымъ линіямъ на неопредѣленное пространство. Тяжело у насъ сдѣлалось на душѣ: зрѣлище было грозно и необыкновенно. Съ нами были подзорныя трубки; но мы въ нихъ видѣли то же, что и простыми глазами. Болѣе часа мы оставались на одномъ мѣстѣ въ онѣмѣніи и страхѣ. Вдали показалась тройка, которая ѣхала на насъ. Въ нѣмецкомъ фургонѣ сидѣло нѣмецкое семейство. Всѣмъ обществомъ мы окружили пріѣзжихъ, чтобъ узнать отъ нихъ что-нибудь. Нѣмецъ объявилъ намъ, что онъ ѣдетъ съ матерью, женою и дочерью; что онъ бѣжалъ изъ колоніи съ чѣмъ могъ, оставивъ на мѣстѣ большую часть своихъ пожитковъ. «Непріятель такъ поспѣшно высадился», говорилъ нѣмецъ, «что, когда я выѣхалъ съ отцомъ посмотрѣть на его флотъ, отца моего внезапно окружили непріятельскіе всадники и взяли съ собою. Я же спасся, благодаря быстротѣ бѣга моей лошади». Нѣмецъ плакалъ и все семейство съ нимъ, что еще болѣе насъ тронуло. Съ грустнымъ чувствомъ поѣхали мы домой. По дорогѣ мы обгоняли подводы, верховыхъ и пѣшеходовъ. Симферопольская базарная улица представляла станъ кочующаго народа. Бѣглецы на первыхъ парахъ не имѣли даже угла, гдѣ бы могли преклонить головы.

Томительно шло для насъ время. Мы ждали рѣшительнаго удара—онъ не наступалъ. До насъ доходила пушечная пальба: но это только непріятель обстрѣливалъ берегъ, чтобы безопаснѣе выдти на него. Впрочемъ, вся эта пальба была напрасна, ибо нашъ главнокомандующій не счелъ выгоднымъ атаковать союзниковъ во время ихъ высадки, и потому, кромѣ казачьихъ разъѣздовъ, другихъ войскъ нашихъ по близости не имѣлось. Въ иностранныхъ газетахъ мы читали, что въ это время, не въ далекомъ разстояніи отъ берега, разъѣзжалъ русскій генералъ съ казакомъ, что этотъ генералъ наблюдалъ за флотомъ и

что-то записывалъ въ книжечкѣ, подвергая себя съ удивительнымъ хладнокровіемъ убійственнымъ выстрѣламъ. Этотъ генералъ былъ нашъ знаменитый *Корниловъ* ([1]). Молва намъ сказала, что, по вычисленію *Корнилова*, непріятеля не могло быть болѣе 35 тысячъ. Конечно, молва была ложная. Адмиралъ не могъ такъ ошибиться, да и мы худо вѣрили этой молвѣ, отнеся ее только къ похвальному, но безполезному желанію насъ успокоить. Такой огромный флотъ могъ привезти не 35, а можетъ быть до 100 тысячъ, не считая судовъ, нагруженныхъ провіантомъ. Изъ насъ выбрались охотники, которые не побоялись выѣхать къ самому мѣсту высадки, чтобъ собственными глазами повѣрить ходъ дѣла. Число непріятеля, по ихъ словамъ, замѣтно увеличилось на берегу; онъ огромными, темными кучами располагался на плоской мѣстности. Среди этихъ темныхъ кучекъ кое-гдѣ виднѣлись бѣлыя палатки. Между тѣмъ многіе помѣщики бѣжали изъ тамошнихъ прибрежныхъ имѣній. Нѣкоторые успѣли только верхомъ спастись. Интересны подробности, которыя мнѣ сообщилъ помѣщикъ Р. Едва онъ выѣхалъ изъ своего имѣнія «Контоуганъ» ([2]), оставивъ въ немъ нѣсколько человѣкъ изъ прислуги и экономку, почтенную старушку, какъ на дворъ вступилъ непріятельскій генералитетъ и спросилъ хозяина. Получивъ въ отвѣтъ, что хозяина нѣтъ дома, онъ выразилъ сожалѣніе словами: «напрасно онъ это сдѣлалъ, очень жаль». Потомъ новые господа вошли въ оставленные покои, бѣгло осмотрѣли ихъ и сказали, указывая на образа, которыми былъ занятъ весь передній уголъ спальни: «это надо убрать отъ турокъ». Старушка-экономка стала убирать послѣ того святыя иконы, а пріѣзжіе господа, какъ называла ихъ старушка, сначала смотрѣли молча на ея работу, но потомъ приступили помогать ей, завертывая каждый образъ въ чистую салфетку. Уложивъ затѣмъ эти вещи въ комодъ, заперли его и отдали ключъ хозяйкѣ. Господа

([1]) Извѣстіе это не вѣрно—Корниловъ не оставлялъ Севастополя, а для наблюденія за непріятелемъ былъ отправленъ княземъ Меншиковымъ лейтенантъ Стеценко. Ред.

([2]) Имѣніе Контоуганъ принадлежало помѣщику Ревеліоти. Ред.

пробыли три дня, ни до чего не коснулись, принимали съ благодарностью что имъ давали, и, казалось, берегли чужое болѣе чѣмъ свое. Выходя изъ комнаты, они запирали каждый разъ двери, чтобъ никто безъ нихъ не вошелъ. Уѣзжая же, они искренно благодарили старушку, жали ей дружески руку и вручили нѣсколько золотыхъ съ благодарственнымъ письмомъ отъ *Сентъ-Арно*.

Время шло; наступило наконецъ 7-е сентября. Въ этотъ день, равно какъ и наканунѣ, проходили наши войска чрезъ Симферополь изъ Тамани, Керчи, Ѳеодосіи, спѣша къ Севастополю. Князь *Меншиковъ* занялъ бурлюкскую позицію. Седьмого числа было первое дѣло съ непріятелемъ. Наша кавалерія оттѣснена. Тутъ взятъ нами французскій полковникъ *де-Лагонди*, наѣхавшій по близорукости на нашихъ гусаръ. Молодой офицеръ выскакалъ къ нему первый и сказалъ: «vos armes, monsieur»! Но тутъ явился нашъ унтеръ-офицеръ, который просто схватилъ за узду полковничью лошадь. Унтеръ-офицеръ получилъ георгіевскій крестъ, но, къ несчастію, былъ убитъ въ сраженіи 8 числа.

8-го числа былъ день кровавой схватки. Наши войска отступили. Не стану описывать, что дѣлалось у насъ въ это время въ Симферополѣ. Описаніе повело бы меня слишкомъ далеко. Что же до хода сраженія, то онъ извѣстенъ всѣмъ изъ газетъ. Изъ насъ нѣсколько любопытныхъ ѣздили его смотрѣть; но они пріѣхали тогда уже, когда все было кончено. Зная изъ прежнихъ поѣздокъ мѣсто расположенія нашихъ войскъ, молодые люди, о которыхъ я говорю, думали, что ѣдутъ къ своимъ, какъ одинъ изъ нихъ, указывая на предполагаемую нашу главную квартиру, замѣтилъ: «едва ли это наши: они, кажется, въ красныхъ мундирахъ». Только что онъ сказалъ это, какъ ядро пролетѣло мимо, за нимъ другое. Не оставалось сомнѣнія: это были не наши, и молодые люди поспѣшили оборотить коней. Проѣзжая по полю, они видѣли тѣ страшные слѣды, которые оставляетъ по себѣ всякое сраженіе. Кровь, оторванные члены, изломанное оружіе, умирающіе люди и лошади—вотъ общія черты представившейся имъ картины.

Помогая по возможности раненымъ, наша молодежь обратила вниманіе на одного солдата, который едва шелъ, будучи раненъ въ ногу, но несъ съ собою ружье. Когда сказали солдату, зачѣмъ онъ не броситъ ружья, оно ему мѣшаетъ, солдатъ отвѣчалъ: «пока въ солдатѣ есть жизнь, ему не слѣдуетъ разставаться съ оружіемъ». Къ кучѣ убитыхъ и раненыхъ подошли люди съ носилками, чтобы взять, кого еще можно было спасти. Но когда носильщики отошли, взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ изъ раненыхъ, за ними бросилась собачка, которую до тѣхъ поръ никто не замѣчалъ, и стала теребить за фалду одного изъ солдатъ. Тотъ догадался въ чемъ дѣло, и уговорилъ товарищей вернуться къ прежнему мѣсту, чтобъ посмотрѣть еще разъ, не оставили ли кого-нибудь безъ помощи. Разсмотрѣвъ тѣла, дѣйствительно они открыли едва дышащаго офицера, которому принадлежала собачка. Я видѣлъ этого офицера въ Симферополѣ, когда онъ уже оправился. Мы вошли съ нимъ въ кандитерскую, и офицеръ сталъ кормить свою собачку конфектами, называя ее своею спасительницею.

Въ дни, слѣдовавшіе за 8-мъ числомъ, привозили къ намъ въ Симферополь раненыхъ. Жители оказывали вообще много заботливости и вниманія къ нимъ. Но для всѣхъ, можно сказать, служилъ примѣромъ Кн....чъ (Княжевичъ), пользующійся всеобщимъ уваженіемъ въ губерніи. Онъ не ограничивался тѣмъ, что выдавалъ денежныя пособія бѣднымъ; его великая душа съ рѣдкимъ смиреніемъ входила во всѣ нужды раненыхъ и осиротѣвшихъ семействъ, внушая и всѣмъ окружающимъ тѣ же высокія христіанскія обязанности. Если составлялись подписки на вспомоществованія, это дѣлалось не безъ вліянія Кн....ча. Если кому нуженъ былъ дѣльный совѣтъ въ исполненіи правительственныхъ распоряженій, тотъ обращался къ Кн....чу; кто хотѣлъ сдѣлать добро, да не зналъ какъ, тотъ опять таки обращался къ Кн....чу, прося его наставленія. Словомъ, Кн....чъ былъ какимъ-то благодѣтельнымъ духомъ, который всюду носился, все примирялъ, все оживлялъ, все возвышалъ.

Мнѣ часто случалось заходить къ раненымъ. Много я

тамъ слышалъ интересныхъ исторій; одну изъ нихъ помѣщу здѣсь. Въ алминскомъ сраженіи 8-го числа, нашъ офицеръ, прострѣленный коническою пулею въ ногу, упалъ безъ чувствъ на мѣстѣ. Когда онъ открылъ глаза, была ночь. Кругомъ слышался стонъ, виднѣлись лужи крови и тѣла убитыхъ. Не зная, далеко ли наше войско, офицеръ попробовалъ однако ползти въ ту сторону, куда отступили его товарищи. Но, выбившись скоро изъ силъ, онъ остался безъ движенія. Въ этомъ положеніи нашли его непріятельскіе кавалеристы, дали ему напиться, но тѣмъ и ограничились. На другой день жажда и голодъ еще сильнѣе стали томить раненаго. Чтобы чѣмъ-нибудь ихъ заглушить, онъ сталъ искать вокругъ себя улитокъ и былъ радъ, когда удавалось ему ихъ находить. Къ вечеру показались конные татары. Раненый приподнялся на локтяхъ и далъ имъ себя замѣтить. Одинъ изъ татаръ, подъѣхавъ, спросилъ, что нужно. — «Возьми меня съ собою», отвѣчалъ раненый.— Прими нашу вѣру.—«Не хочу».—Не хочешь, такъ умрешь собакой.—«Я только этого желаю—умереть». — За этимъ дѣло не станетъ, возразилъ татаринъ и сталъ снимать съ плеча ружье, но потомъ вѣрно раздумалъ, перекинулъ ружье опять за спину, взялъ въ руки ногайку и нанесъ нѣсколько ударовъ несчастному. Тотъ упалъ и лишился памяти. Съ разсвѣтомъ заскрипѣла маджара; въ ней сидѣлъ опять татаринъ. Остановившись надъ умирающимъ, татаринъ сжалился надъ нимъ и взялъ его съ собою. Пріѣхавъ въ Бахчисарай, онъ сдалъ офицера въ госпиталь, изъ котораго его перевезли въ симферопольскую больницу. «Вчера», заключилъ разсказчикъ, передавая мнѣ эту повѣсть своихъ бѣдствій, «мнѣ доложили, что пришелъ человѣкъ и желаетъ меня видѣть. Я велѣлъ его позвать. Вообразите, это былъ мой спаситель! Онъ хотѣлъ знать о моемъ здоровьѣ и принесъ мнѣ въ подарокъ курицу».

Когда число раненыхъ увеличилось до того, что главный госпиталь сдѣлался тѣсенъ, начальство распорядилось устройствомъ больницъ въ частныхъ и казенныхъ домахъ. Бывшій въ то время губернскій прокуроръ, г. *Мейеръ*, первый уступилъ свое прекрасное помѣщеніе, только что

отдѣланное, на пользу общественную; за нимъ ту же жертву принесли и другіе. Начальники отдѣльныхъ управленій, предсѣдатели и управляющіе палатъ и судовъ, уступая назначенные подъ присутствія домы, устроивались на собственныхъ квартирахъ. Кн...чъ, о которомъ я выше упомянулъ, этимъ не ограничился. Онъ предложилъ чиновникамъ особыхъ порученій по очереди дежурить въ зданіи, взятомъ изъ-подъ присутствія подъ больныхъ. Разумѣется, чиновники охотно приняли на себя эту благородную обязанность. Смотря за чистотою и порядкомъ, они оказывали пособія раненымъ гдѣ могли; составляли подписки и на собранныя деньги покупали табакъ, вино, сбитень и раздавали солдатамъ. «Вотъ вамъ, братцы, табакъ», говорили они, входя въ палаты, и солдаты трогательно благодарили ихъ за это участіе.

Послѣ алминскаго сраженія, князь Меншиковъ отступилъ за Севастополь. Когда же непріятель началъ свое движеніе къ Балаклавѣ сухимъ путемъ и моремъ, нашъ главнокомандующій, оставивъ окрестности Севастополя, двинулся съ быстротою по направленію къ Бахчисараю. Этотъ маневръ князя Меншикова былъ блистательный, и всѣ знающіе люди отдавали ему должную похвалу. Симферополь вздохнулъ, Севастополь сталъ укрѣпляться. Въ немногіе дни воздвигнуты сильныя батареи вокругъ послѣдняго города, поставившія его въ сильное оборонительное положеніе. Выше всякой оцѣнки та дѣятельность, какую выказали въ этомъ случаѣ моряки. Орудія огромнаго калибра были сняты съ кораблей и перевезены на батареи. Люди, человѣкъ по 100, впрягались въ тяжелую пушку и, при крикахъ «ура», дружно втаскивали ее на самую гору. Входъ въ сѣверную бухту былъ затопленъ, чѣмъ, по показанію плѣнныхъ, разстроился много планъ союзниковъ. Послѣдніе, съ своей стороны, стали также укрѣпляться, и скоро позиціи двухъ противниковъ сдѣлались почти неприступными.

Въ Симферополь привезли первыхъ плѣнныхъ. Какое торжество было для жителей! «Везутъ французовъ!» кричали по улицамъ, и толпы народа валили къ переклад-

нымъ, тѣснясь къ нимъ изъ всѣхъ силъ. На этихъ перекладныхъ сидѣли зуавы, нѣмцы и турки. Впослѣдствіи къ намъ возили и англичанъ. Замѣчательно, что между французами и англичанами не только не обнаруживалось дружелюбія, какого бы слѣдовало ожидать отъ союзниковъ, но даже выказывалась какая-то закоренѣлая ненависть, умолкнувшая, вѣроятно, на время. Однажды къ намъ привели до 30 человѣкъ плѣнныхъ. Болѣе двадцати человѣкъ изъ нихъ были англичане, остальные французы. Унтеръ-офицеръ, начальствовавшій конвоемъ, хотѣлъ выстроить своихъ плѣнныхъ въ колонну и отдалъ команду. Разумѣется, изъ этой команды ни англичане, ни французы не поняли ни слова, и унтеръ-офицеръ принужденъ былъ жестами ставить ихъ на мѣста. Но ему не удалось поставить ихъ такъ, какъ онъ хотѣлъ: французъ оказывалъ сопротивленіе, когда ему приходилось занять мѣсто возлѣ англичанина. Дальше, когда плѣнныхъ привели въ пересылочный за́мокъ, они просили, чтобъ ихъ размѣстили порознь. И когда ихъ удовлетворили, они остались очень довольны. Заходя къ нимъ въ этотъ за́мокъ, я замѣтилъ разницу, съ какой они переносили свой плѣнъ. Французъ былъ веселъ, беззаботенъ и старался найдти себѣ развлеченіе, записывалъ русскія слова и, ходя по комнатѣ, твердилъ въ слухъ фразы, въ родѣ слѣдующей: «Дайте намъ хлѣба, дайте намъ хлѣба». Напротивъ, англичанинъ унывалъ и тосковалъ. Разъ плѣнный англичанинъ, взявъ къ себѣ на руки ребенка у русской женщины, нѣжно его ласкалъ, поднимая три пальца къ нему и желая этимъ сказать, что дома онъ оставилъ трехъ малютокъ. Ни у одного плѣннаго француза мнѣ не случалось видѣть книги; у рѣдкаго же англичанина ея не было. Это была библія и новый завѣтъ стереотипнаго изданія. Раненый англичанинъ читалъ въ утѣшеніе св. писаніе; французъ же, которому только что сдѣлали подъ Севастополемъ тяжелую операцію отнятія обѣихъ ногъ, лежалъ съ Бальзакомъ въ рукахъ.

Послѣ того, какъ мы узнали, что непріятель и наши стали укрѣпляться, мы не могли ждать скораго рѣшенія участи Севастополя. По цѣлымъ днямъ слышна была ка-

попада, умолкавшая только по ночамъ. Но большею частію пальба производилась съ нашихъ батарей; непріятель же, вѣроятно, потому мало отвѣчалъ, что не успѣлъ еще совершенно устроиться. Только 5-го октября сдѣлано было имъ генеральное бомбардированіе съ сухого пути и моря. Въ этотъ день и отъ насъ слышна была особенно сильная стрѣльба, о причинѣ которой мы узнали только 6-го числа. По открытіи сильнѣйшаго огня съ сухого пути, непріятельскій флотъ подступилъ къ Константиновской и Волоховской батареямъ. Корабли, въ круговомъ движеніи, поочередно обдавали нашихъ защитниковъ страшными залпами. Имъ отвѣчали не менѣе сильно. Отъ дыму сдѣлалось такъ темно въ городѣ, что трудно было различать самые близкіе предметы. Тотъ, кто мнѣ это разсказывалъ, говорилъ также, что самъ онъ, желая пробраться на сѣверную сторону, едва могъ найдти дорогу къ переправѣ. Тамъ ему попался барказъ, который взялъ его. чтобъ перевезти на другую сторону бухты. На днѣ барказа что то лежало, покрытое циновкою. Мой знакомый, приподнявъ ее, увидѣлъ кучу нашихъ убитыхъ воиновъ, которыхъ везли хоронить. Положительно неизвѣстно, сколько потерялъ непріятель въ этомъ сраженіи. Иностранныя газеты какъ то глухо объ этомъ говорили. Судя же по тому, съ какою силою дѣйствовала наша артилерія, а также и по плававшимъ въ тотъ день обломкамъ кораблей, должно думать. что союзникамъ первая атака обошлась не дешево.

13-го октября Богъ даровалъ намъ вторую побѣду: генералъ *Липранди*, взявъ у турокъ три батареи, разбилъ на-голову англійскихъ драгунъ, пытавшихся отбить взятыя нашими съ боя пушки. На второй или третій день, хорошенько не помню, къ намъ привезли плѣнныхъ. Мы отправились ихъ навѣстить. Плѣнные раздѣлены были на раненыхъ и здоровыхъ; первыхъ помѣстили въ домѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, отведенномъ подъ больницу, здоровыхъ же—въ пересылочный за́мокъ. Когда мы вошли въ больницу, докторъ съ фельдшеромъ дѣлали перевязки. Раны у многихъ были страшныя; мнѣ показалось даже. что я никогда не видалъ до такой степени изувѣ-

ченныхъ отъ огнестрѣльнаго оружія. Вмѣсто пуль, вынимали изъ тѣла осколки сабель и палашей, перевязывали лица съ отсѣченными носами, руки съ отсѣченными кистями пальцевъ. Больные переносили съ хладнокровіемъ эти мучительныя операціи: ни одинъ стонъ не вырвался изъ ихъ груди. Въ однѣхъ палатахъ съ англичанами лежали и русскіе. Трогательную я видѣлъ тутъ сцену. Очнувшійся русскій артиллеристъ, взглянувъ на лежавшаго подлѣ него англичанина, бросился въ его объятія и сталъ самымъ нѣжнымъ образомъ цѣловать его. Мы хотѣли знать причину такой необыкновенной ласки. Артиллеристъ нашъ объявилъ, что англичанину онъ обязанъ жизнію: тотъ оттащилъ его отъ дороги въ то время, какъ неслась по ней непріятельская кавалерія. Мы дали артиллеристу бутылку вина; онъ ее роспилъ съ плѣннымъ англичаниномъ.

Наконецъ насталъ день самаго кроваваго сраженія, день инкерманской битвы. Это случилось 24-го октября. Помню, что время было у насъ прекрасное, свѣтлое, съ легкимъ морозомъ. Пріѣзжій изъ Севастополя объявилъ намъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ наши войска потянулись къ Сапунъ-Горѣ и заняли мѣстность подобно морскимъ волнамъ. Блестящее начало, къ сожалѣнію, не увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, простиралась до 10,000; непріятель едва ли потерялъ меньше.

Раненыхъ возили много. Цѣлые дни симферопольскія дамы проводили за дѣланіемъ корпіи и шитьемъ бинтовъ. Страшно вспомнить, какія ужасныя зрѣлища представляли въ это время наши лазареты. Присланныя вдовы изъ вдовьихъ домовъ и сестры Крестовоздвиженской общины много облегчали страданія. Вотъ сцена, которую я видѣлъ. Ночь. На перинѣ лежитъ умирающій солдатъ; склонясь надъ нимъ, сестра милосердія читаетъ псалтырь; товарищи умирающаго, забывъ боль своихъ ранъ, до половины приподнялись на койкахъ и, затаивъ самое дыханіе, съ вѣрою и умиленіемъ слушаютъ св. писаніе, осѣняя по временамъ себя знаменіемъ креста. Кто видѣлъ такія сцены, тотъ конечно ихъ никогда не забудетъ.

Послѣ 24-го числа начались подъ Севастополемъ частыя вылазки осажденныхъ и бомбардированіе. Въ одномъ изъ нумеровъ французской газеты «Indépendance Belge» разсказывалось, что французовъ очень занималъ нѣкоторое время человѣкъ въ бѣломъ пальто, который съ удивительнымъ безстрашіемъ подвергалъ себя выстрѣламъ, становясь открыто у севастопольскихъ укрѣпленій Потомъ, продолжала газета, этотъ человѣкъ уходилъ, вѣроятно за тѣмъ, чтобъ отдать приказанія, а можетъ быть закусить или выпить водки. Появляясь снова, бѣлый человѣкъ подвергалъ себя прежней опасности. Въ заключеніе газета прибавляла: «наши солдаты даже думали, что не чучело ли это». Когда мы разсказали объ этомъ странномъ явленіи полковнику П., онъ отвѣчалъ намъ, что солдаты правы, думая такъ, потому что дѣйствительно севастопольскій гарнизонъ, не теряя своей обыкновенной веселости, хотѣлъ позабавиться на счетъ непріятеля и съ этою цѣлью сдѣлалъ куклу, одѣвъ ее въ бѣлое платье и прислонивъ къ наружной стѣнѣ. Обманутые французы, принявъ куклу за живого человѣка, направили на нее усиленный огонь, который кукла переносила съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Наши солдаты отъ души смѣялись надъ такимъ заблужденіемъ союзниковъ, но, чтобъ долѣе продолжить забаву, сталкивали по временамъ бѣлаго человѣка и поднимали его снова, когда имъ приходила охота развлечься. Бѣжавшій плѣнный открылъ въ лагерѣ всю мистификацію, послѣ чего, сколько солдаты ни выставляли куклы, на нее болѣе не обращали вниманія.

Выше всякаго описанія то хладнокровіе, съ какимъ севастопольскій гарнизонъ и жители смотрѣли на паденіе въ городъ бомбъ и ракетъ. Не только мужчины, но и женщины равнодушно слѣдили за ихъ полетомъ, беззаботно разсуждая, куда онѣ упадутъ. Совершенное хладнокровіе и даже пренебреженіе къ выстрѣламъ сдѣлалось всеобщимъ въ Севастополѣ.

Вылазки наши часто сопровождались довольно смѣшными приключеніями. Мнѣ разсказывалъ рядовой Минскаго полка, что въ одно ночное нападеніе, которое они

сдѣлали изъ города на ближайшую англійскую батарею, онъ запнулся за корзину съ землею и упалъ. Но представьте его удивленіе, когда онъ почувствовалъ, что упалъ на человѣка. Не зная, кто подъ нимъ — свой или непріятель, солдатъ имѣлъ столько хладнокровія и благоразумія, что не вымолвилъ ни слова. Чрезъ нѣкоторое время на него падаетъ третій человѣкъ и тоже молчитъ. Такъ они всѣ трое лежатъ да молчатъ. Наконецъ солдатъ Минскаго полка, услыхавъ голоса товарищей, подалъ имъ свой голосъ, призывая на помощь. Тѣ подошли и, открывъ русскаго между англичанъ, прикололи ихъ и высвободили своего.

Вообще зима прошлаго года была въ Крыму теплая, но весьма-грязная. По цѣлымъ днямъ сряду небо покрыто было дождевыми свинцовыми тучами. Передъ вторымъ числомъ ноября эта сѣрая пелена разорвалась; солнце проглянуло на другой день, но безпрестанно закрывалось набѣгающими на него облаками. Къ полудню юго-западный вѣтеръ замѣтно усилился и скоро достигнулъ до того, что сталъ ломать деревья, срывать черепицу и желѣзные листы съ домовъ, унося ихъ, какъ листъ писчей бумаги. Воздухъ то затемнялся градомъ, то крупою, то снѣгомъ, то какъ будто свѣтилъ, когда сквозь эту падающую влагу на минуту пробивались солнечные лучи. Мы ожидали важныхъ послѣдствій отъ бури и не обманулись.

Изъ Севастополя въ подзорныя трубы наблюдали за непріятельскимъ флотомъ. Съ кораблей, которые не успѣли уйдти въ открытое море, брошены были четыре якоря, направлено дѣйствіе машины противъ вѣтра, и, не смотря на то, сила послѣдняго была такъ велика, что паровыя суда замѣтно влекло къ берегу. Продлись буря еще часъ или два, непріятельскій флотъ конечно не существовалъ бы. Парусныя суда, застигнутыя у береговъ, всѣ погибли. До пятнадцати кораблей было выброшено у Севастополя; у Евпаторіи же погибло болѣе 20 судовъ. Подъ Балаклавой было то же бѣдствіе. Въ проѣздъ мой черезъ Харьковъ, я видѣлъ у И. К. *Айвазовскаго* оконченную картину, изображающую крушеніе непріятельскаго флота у балаклав-

скихъ береговъ. По моему мнѣнію, картина выполнена и задумана прекрасно. На первомъ планѣ художникъ представилъ лодку, которую только что спустили съ корабля; она полна англичанами, нѣмцами, французами, турками и арабами. Въ срединѣ этой разнохарактерной толпы стоитъ съ открытою спиною человѣкъ атлетическаго сложенія и налегъ съ силою на весла. Но ему мѣшаютъ грести цѣпляющіеся утопающіе люди, между тѣмъ какъ поднявшаяся волна готова затопить весь экипажъ. Сидящіе въ лодкѣ съ ужасомъ смотрятъ на эту волну, откинувшись назадъ, съ руками, простертыми впередъ, какъ бы желая ее оттолкнуть. Все море взволновано. Въ разныхъ мѣстахъ, изъ-за кипучихъ волнъ, мелькаютъ головы людей и животныхъ. За лодкой плыветъ лошадь; ноздри ея раздуты, глаза выражаютъ сильный страхъ. Нѣсколько кораблей еще борются съ волнами; но другіе отнесены къ скаламъ и разбиваются при входѣ въ Балаклавскую бухту.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ исполнилось мое давнишнее желаніе быть въ Севастополѣ.

Время стояло не дурное; но за грязью и выбитою до нельзя дорогою моя ѣзда была весьма медленна. Съ каждымъ новымъ шагомъ къ мѣсту дѣйствія, губительные слѣды войны открывались съ бо̀льшею силою. Повсюду трупы и остовы падшихъ животныхъ, изломанныя телѣги, обгорѣвшіе дома, вырубленные сады; бѣдствія, за которыя непріятель призываетъ на себя гнѣвъ Божій! Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы; но никакое зло, причиненное ближнему, не остается безъ должнаго возмездія.

За Дуванкой, съ приближеніемъ къ Сѣверной, видъ измѣнился. Открылось море; дорога, дотолѣ сжатая между горою и каменною оградою со стороны обрыва, расширилась. Здѣсь сдѣлалось теплѣе, суше и свѣтлѣе. Когда открылся городъ, необъяснимое чувство сжало сердце. Сколько различныхъ думъ представилось уму и взволновало душу! Севастополь! Это ты, передъ которымъ сокрушается вся громадная сила союзниковъ! ты, въ которомъ выказалась во всей красѣ и силѣ любовь къ отечеству! Дай на

тебя насмотрѣться!... Онъ покоенъ, какъ утесъ среди набѣгающихъ волнъ.... (¹)

П. П.

Мнѣніе сэра Говарда Дугласа о крымской экспедиціи.

Изъ четвертаго изданія «Науки Морской Артиллеріи, въ которой авторъ, сэръ Говардъ Дугласъ, говоря о нынѣшней войнѣ, объявляетъ Альмское дѣло безплодною побѣдою, а знаменитое фланговое движеніе—ошибкою, газета «The Athenaeum» въ своихъ столбцахъ помѣстила нѣкоторыя сужденія этого ветерана-артиллериста, наиболѣе касающіяся предмета, столь занимающаго англійскую націю; при этомъ газета не забыла предупредить публику, что̀ книга посвящена по *особому соизволенію* лордамъ коммисарамъ адмиралтейства, и что авторъ ея, не смотря на строгость своей критики, такъ ловко излагаетъ свои обвиненія, что трудно найти виноватаго во всѣхъ ошибкахъ, промахахъ и недоразумѣніяхъ, сопровождавшихъ, по мнѣнію сэра Дугласа, крымскую экспедицію; но, не возражая ни воззрѣніямъ, ни заключеніямъ автора, «The Athenaeum» предоставляетъ каждому вывести изъ нихъ собственное мнѣніе, хотя и не удерживается отъ замѣчанія, что извѣстное мнѣніе Кошута о способахъ веденія настоящей войны нашло подтвержденіе въ авторитетѣ сэра Дугласа, изучавшаго военное искуство гораздо основательнѣе огромнаго большинства своихъ собратій, и что сэра Дугласа, безъ сомнѣнія, нельзя подозрѣвать въ недостойныхъ поводахъ къ изложенію своихъ мыслей перомъ смѣлымъ и свободнымъ.

Чтобы ознакомить читателей, не имѣющихъ четвертаго изданія книги сэра Дугласа, съ его мнѣніемъ о крымской экспедиціи, мы спѣшимъ привести тѣ изъ нея извлеченія, которыя напечатаны въ «The Athenaeum».

(¹) С.-Петерб. Вѣд. 1855 г., № 95.

Замѣчанія сэра Дугласа на недостатки приготовленій Англіи къ настоящей войнѣ.

Въ началѣ 1854 года оставалось мало надежды на сохраненіе мира въ Европѣ, и скоро за тѣмъ нашли необходимымъ послать на Востокъ британскую армію для совмѣстнаго дѣйствія съ арміею французовъ. Собранныя съ большими усиліями, 20,000 пѣхоты и кавалеріи были посажены на суда и посланы на театръ войны; ихъ сопровождали артиллерія, военные снаряды и провизія, въ количествѣ какое только могли собрать: то есть артиллерія этой арміи состояла изъ нѣсколькихъ полевыхъ батарей, едва составляющихъ по одной пушкѣ на 1,000 человѣкъ. Прислуга, лошади для парка, пороховые фургоны, лазаретныя телѣжки для больныхъ и раненыхъ, минеры и саперы съ своими инструментами и понтонными экипажами и прочія необходимыя принадлежности арміи, находящейся на походѣ, были едва пополнены, а многаго и вовсе не доставало. Съ такими ничтожными средствами засталъ страну политическій ураганъ и бросилъ ее въ огромную войну».

«Правда, было нѣсколько порядочныхъ полковъ пѣхоты и нѣсколько, переполненныхъ офицерами, эскадроновъ порядочной кавалеріи, но все это рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ немедленному выступленію въ походъ. За всѣмъ тѣмъ, армія, находящаяся въ подобномъ состояніи и составлявшая всѣ наши дѣйствительныя военныя средства, была съ удивительною поспѣшностію отправлена на театръ войны; забыли только организацію, которая могла бы сообщить ей жизнь и подвижность; а потому не станемъ удивляться, что эта армія изготовилась къ кампаніи тогда уже, когда благопріятное время года для военныхъ операцій совершенно миновало.

«Въ такихъ невыгодныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, относительно малаго количества нашихъ дѣйствующихъ силъ и поздняго времени года, къ которому онѣ такъ далеко не были снабжены, союзная армія, глубоко зараженная уже сѣменами болѣзней и весьма слабая чис-

ленной силой, особенно въ кавалеріи, выступила на ту суровую службу, въ которую завлечена теперь; цѣль ея была осадить, взять и разрушить Севастополь, могущественнѣйшую крѣпость и морской арсеналъ.—Никогда не было вопроса, въ которомъ бы осаду требовалось предпринять съ наибольшимъ вниманіемъ къ относительнымъ силамъ осажденной и осаждающей армій; никогда не было столь необходимо превосходство силъ облегающей арміи надъ силами, составлявшими гарнизонъ мѣста».

Взглядъ сэра Дугласа на Севастополь и на осаду.

«При исчисленіи силъ, необходимыхъ для осады и взятія Севастополя, должно было имѣть въ виду, что, по мѣстному положенію и военной позиціи, городъ представляетъ обширную крѣпость, расположенную на обѣихъ сторонахъ продолговатой гавани, имѣющей сходство съ широкою рѣкою, которой сѣверный берегъ занятъ цитаделью и возвышенъ надъ южнымъ. Слѣдовательно, мѣсто принадлежитъ къ разряду крѣпостей, раздѣленныхъ на двѣ части рѣкою, не переходимою въ бродъ, и отряды осаждающей арміи встрѣтятъ препятствія къ поданію взаимной помощи. Для обложенія подобной мѣстности требуется армія вдвое сильнѣе той, какой было бы достаточно, еслибъ не было никакихъ затрудненій во взаимномъ сообщеніи и подкрѣпленіи. Въ этомъ случаѣ, также нужно было предвидѣть, что непріятель необходимо долженъ имѣть въ полѣ многочисленную наблюдательную армію, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильную и весьма протяженную циркумвалаціонную линію. Въ отношеніи средствъ обороны, извѣстно, что Севастополь былъ снабженъ всѣмъ въ изобиліи: здѣсь былъ, укрѣпленный въ совершенствѣ, морской арсеналъ, могущій еще болѣе усилить свои сооруженія и гарнизонъ, съ того времени, какъ стали угрожать ему нападеніемъ: онъ обладалъ огромнымъ запасомъ артиллеріи, снарядовъ и пороха; кромѣ артиллеристовъ, служащихъ въ крѣпости, могъ занимать съ флота, стоящаго въ гавани, значительное число хорошо приготовленныхъ канонеровъ изъ мат-

розъ, и употреблять ихъ съ пользою для дѣйствія крѣпостными орудіями, во все время осады. — Ни отъ какихъ военныхъ дѣйствій, можетъ быть, не зависитъ успѣхъ, съ такою вѣроятностію, какъ отъ осады, веденной съ искусствомъ и достаточными средствами; но и никакія мѣры не могутъ быть столь бѣдственны, какъ осада, предпринятая подобно бургосской (въ которой авторъ участвовалъ въ 1812 г.), съ недостаточными средствами въ людяхъ и матеріялахъ. Для обложенія мѣста со всѣхъ доступныхъ сторонъ такъ, чтобы ничто не могло войти или выйти изъ него, нападающая сила долженствовала быть достаточно велика, и превосходить въ пять разъ, и никакъ не менѣе какъ втрое, силу гарнизона; сверхъ того надобно было имѣть въ полѣ армію для прикрытія, большая часть которой должна состоять изъ кавалеріи, на тотъ предметъ, чтобы вполнѣ покровительствовать осаднымъ работамъ и обезпечить ихъ отъ прерванія непріятельскою наблюдательною арміею, если бы она пожелала это сдѣлать. Союзная армія въ Крыму очевидно не соотвѣтствуетъ предпринятой цѣли, и побѣда при Альмѣ даже сдѣлала ее еще менѣе способною совмѣстничать съ поразительною силой своихъ противниковъ».

Авторъ строго осуждаетъ крымскую кампанію.

Вторгнуться въ Крымъ, въ нераздѣльное съ Россійскою Имперіею владѣніе, и заняться осадой Севастополя въ столь позднее время года, и, какъ выше было сказано, съ арміею, глубоко зараженною сѣменами болѣзней, было, по мнѣнію сэра Дугласа, отчаянное и опасное дѣло.

«Весьма жаль, что, за недостаткомъ силъ, необходимо было оставить линію операцій, которою первоначально приближались къ мѣсту, и на которой при Альмѣ была разбита армія, прикрывающая Севастополь въ этомъ направленіи. Альмское сраженіе было блестящимъ подвигомъ оружія, приносящимъ большую честь союзникамъ, но, въ слѣдствіе перемѣны плана дѣйствій, должно согласиться, что побѣда была безплодна, развѣ за исключеніемъ ея мо-

ральнаго дѣйствія, а въ нѣкоторомъ важномъ отношеніи даже и невыгодна. — Приступая къ осадѣ Севастополя, можно было совершенно убѣдиться, что самый выгодный пунктъ для атаки былъ—его сѣверная сторона, гдѣ мѣстность гораздо возвышеннѣе и гдѣ, въ числѣ восьмиугольныхъ сильныхъ укрѣпленій, находится цитадель — ключь всего мѣста. Овладѣвши ею, телеграфною батареею и круглымъ фортомъ (Wasp) на сѣверныхъ высотахъ, фортъ Константинъ и нижележащіе, будучи командуемы высотами и атакованные съ тылу, должны были пасть немедленно, а городъ, докъ, портъ и казармы на южной сторонѣ гавани скоро были бы во власти союзниковъ, имѣвшихъ всѣ средства огнемъ своихъ батарей разрушить ихъ совершенно. Между тѣмъ, какъ, атакуя крѣпость съ юга, и даже взявъ и разрушивъ укрѣпленія на южныхъ высотахъ, непріятель все же удерживаетъ сѣверныя высоты, а слѣдовательно городъ, со своими доками и магазинами, не можетъ быть во власти осаждающихъ, пока сильныя укрѣпленія на сѣверной сторонѣ и всѣ его второстепенныя укрѣпленія не будутъ взяты; теперь же, безъ сомнѣнія, всѣ эти сооруженія сильно укрѣпятся, прежде нежели союзники будутъ въ силахъ направить противъ нихъ свои атаки.—Фланговое движеніе всей арміи къ югу оставило непріятелю совершенно полную свободу сообщенія между осажденною крѣпостью и его наблюдательною арміею въ полѣ; оставило не прерваннымъ — пространство между его операціонною линіею и базисомъ дѣйствій на Перекопѣ, и породило огорчительный фактъ, что, за неимѣніемъ достаточныхъ силъ, Севастополь не можетъ быть обложенъ со всѣхъ сторонъ; что сообщеніе непріятеля съ сильнѣйшею частью города—его цитаделью, ключемъ всего мѣста, оставлено для него свободнымъ, и что, вмѣсто осады Севастополя, союзная армія атаковала только укрѣпленную позицію на южныхъ высотахъ, поддерживаемую съ тыла рядомъ весьма сильныхъ укрѣпленій, получающихъ всевозможную помощь въ средствахъ защиты. Къ этому должно прибавить, что атака производилась безъ прикрывающей арміи, которая могла бы защитить осаждающихъ

отъ помѣшательствъ, дѣлаемыхъ непріятелемъ, высылавшимъ по нѣскольку своихъ отрядовъ, и, чрезъ наше упущеніе, всегда находившихся въ прямомъ и непосредственномъ сообщеніи со своимъ авангардомъ, который могъ поддерживать такіе отряды всѣми своими силами.—Фланговое движеніе всей арміи къ югу было, слѣдовательно, ошибкою противъ стратегическаго искуства».

Предсказанія Кошута, подтверждаемыя сэромъ Дугласомъ.

«Если бы союзная армія была довольно сильна, чтобы занять, послѣ успѣха на Альмѣ, Дуванки, Хутонъ или Бахчисарай и обложить Севастополь съ сѣверной стороны достаточнымъ числомъ запасныхъ войскъ, которыя непремѣнно должны были находиться подъ рукою; если бы атаковали и овладѣли небольшимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, основаннымъ незадолго русскими, при устьѣ Бельбека, для воспрепятствованія высадкѣ въ этомъ мѣстѣ, то состояніе дѣлъ въ Крыму могло бы теперь быть совершенно иное.— Какъ бы ни была сильна защита этого лагеря съ морской стороны, но его легко было взять съ береговой, между тѣмъ какъ часть союзныхъ силъ, двинутая въ обходъ кругомъ Севастополя, заняла бы Балаклаву и открыла ея гавань для своего флота, который долженъ былъ также имѣть въ запасѣ войско для обложенія мѣста и съ этой стороны.—На это могутъ сказать, что мы послали на театръ военныхъ дѣйствій всѣ наши дѣйствительныя силы и не могли сдѣлать болѣе. По несчастію—это правда; но если, какъ авторъ всегда думалъ, и что теперь неопровержимо, *всего этого* было видимо недостаточно для приведенія въ исполненіе замышляемаго предпріятія, то не слѣдовало приступать къ столь обширному плану, безъ того, пока широкія средства не были собраны; особенно же—ничего не разсчитывать въ столь позднее время года. Но, сверхъ того, если всѣ наши ограниченныя средства были недостаточны, чтобы составить, въ условной пропорціи, долю войскъ, для образованія съ нашими союзниками арміи, достаточно сильной для вторженія въ непріятельскую зем-

лю, съ надеждою на успѣхъ, то подумали ли о резервахъ, понадобившихся тогда же и впослѣдствіи? Гдѣ были эти резервы? Подобныя операціи не могутъ предприниматься безъ достаточныхъ, вблизи находящихся или немедленно присылаемыхъ резервовъ. Слѣдовало также принять въ разсчетъ, что изъ этихъ, вновь присылаемыхъ изъ Англіи, или собранныхъ съ нашихъ станцій въ Средиземномъ морѣ, многіе не могли принести пользы въ нынѣшнюю кампанію, и только увеличили бы собою еще болѣе пробѣлы, сдѣланные войною и болѣзнями, въ рядахъ союзныхъ армій. Что же касается до кампаніи 1855 года, то для нея понадобится не то малое количество, почти все вновь набранныхъ войскъ, выставленныхъ нами, а 200,000 человѣкъ, чтобы поправить наши дѣла въ Крыму и вести войну».

Недостатокъ предусмотрительности, выказанной законодательными и военными властями.

«Наипервѣйшее правило въ стратегическомъ искуствѣ состоитъ въ томъ, чтобы сохранить открытымъ путь отступленія, въ случаѣ неуспѣха предпринятыхъ операцій; второе, не предпринимать никакой военной мѣры безъ здраваго разсмотрѣнія ея успѣха и неудачи; теперь хорошо видно, сколь мало обратили вниманія на эти правила. Разсчитывали несомнѣнно на полный и скорый успѣхъ; считали, что Севастополь непремѣнно падетъ; въ этомъ никто не сомнѣвался, и неудачу считали невозможною. Горькое разочарованіе теперь приписываютъ причинамъ, которыхъ, говорятъ, не могли предвидѣть: сила мѣста, его изобильныя средства къ оборонѣ, наконецъ, рѣшительное сопротивленіе выказанное русскими, какъ будто этого нельзя было предвидѣть»!

Сэръ Говардъ доказываетъ, что нелѣпо осаждать городъ, не имѣя средствъ къ его обложенію; доказательства свои подкрѣпляетъ онъ еще недавнимъ примѣромъ русскихъ подъ Силистріей и другими примѣрами исторіи:

Въ 1854 году русскіе осадили Силистрію, но, не обло-

живъ ея, пытались взять мѣсто приступомъ, и были отражены съ большой потерей. *Омеръ-паша* успѣвалъ присылать подкрѣпленія въ крѣпость и вселить въ ея защитникахъ увѣренность, что и самъ скоро явится къ ея освобожденію. Русскіе сдѣлали другой отчаянный приступъ, надѣясь завладѣть мѣстомъ, прежде нежели оно будетъ освобождено; но осажденные, вспомоществуемые прибывавшими вновь войсками, отразили нападеніе, и русскіе принуждены были снять осаду, истративъ на нее сорокъ дней времени и десять тысячъ человѣкъ выбывшими изъ строя».

«Совершенно различно положеніе русскихъ подъ Севастополемъ отъ положенія австрійской арміи при Ульмѣ въ 1805 году: тамъ городъ находился въ такомъ положеніи, что французы могли окружить его совершенно со всѣхъ сторонъ; къ тому же онъ былъ отдаленъ отъ своихъ армій, отъ которыхъ могъ бы получать подкрѣпленія, вслѣдствіе чего и принужденъ былъ сдаться. Скорѣе, положеніе русскихъ можно сравнить съ положеніемъ австрійцевъ при Ольмюцѣ въ 1758 году, когда этотъ городъ былъ осажденъ арміею Фридриха II. По этому случаю генералъ Тренгеймъ соединилъ отдѣльные форты съ городомъ земляными работами, такъ что обратилъ мѣсто въ сильно укрѣпленный лагерь, что и позволило городу выдержать осаду и заставило короля отступить».

«Положеніе союзниковъ подъ Севастополемъ почти сходно съ положеніемъ Наполеона I въ 1796 году, когда онъ осаждалъ Мантуу. Этотъ великій полководецъ, видя себя въ опасности быть немедленно окруженнымъ двумя арміями, спѣшившими на освобожденіе города, не колебался снять осаду, оставя даже свою артиллерію, направилъ всѣ свои силы поочередно на каждую изъ этихъ армій и разбилъ ихъ порознь; рѣшительный ударъ этотъ сдѣлалъ его властелиномъ всей сѣверной Италіи».

Мысли и сужденія сэра Дугласа, о службѣ въ траншеяхъ, о вылазкахъ, объ осадѣ и проч.

Какъ бы ни окрѣпли въ трудахъ войска, находящіяся

теперь передъ Севастополемъ, все же служба въ траншеяхъ составляетъ самое трудное дѣло. Такъ какъ мѣсто не обложено, и нельзя знать настоящей его силы, то число войскъ для охраненія траншей не можетъ быть соглашаемо никакою пропорціональною частію съ силою гарнизона; но намъ извѣстно, что число людей, назначаемыхъ для охраненія нашихъ линій, было почти половинное число всѣхъ отрядовъ, на этотъ предметъ назначенныхъ, и что большая часть тѣхъ, которые такъ геройски отразили нападеніе 5-го ноября, только что явясь въ траншеи, отступили предъ тягостной въ нихъ службой по ночамъ.—Силы, требующіяся для охраненія траншей, должны составлять не менѣе трехъ четвертей силы гарнизона; если даже и эта пропорція будетъ соблюдена, все же осадныя операціи и работы будутъ постоянно подвергаемы помѣшательству и разрушенію отъ вылазокъ. — Частыя вылазки изъ осажденнаго мѣста строго осуждаются, особенно въ раннiй періодъ осады, когда работы осажденныхъ еще далеки; и если бы эти вылазки дѣлались съ успѣхомъ, то все же потеря одного человѣка, для мѣста совершенно обложеннаго, гораздо чувствительнѣе для осажденныхъ, нежели шесть или семь человѣкъ, для осаждающихъ. Но когда гарнизонъ силёнъ, и осаждающая армія несоразмѣрна съ предпріятіемъ (настоящая причина, почему Севастополь не обложенъ со всѣхъ сторонъ), то это правило уже превращается, и потеря одного человѣка для союзныхъ армій гораздо значительнѣе, нежели и большія потери для осажденныхъ, получающихъ подкрѣпленія, соразмѣрныя своей арміи, находящейся въ полѣ. Въ этихъ обстоятельствахъ русскіе правы, что дѣлаютъ частыя вылазки и прибѣгаютъ къ средствамъ дѣятельной защиты, которую они не могли бы выказать, если бы мѣсто было обложено. — Въ таковыхъ нападеніяхъ, хотя и храбро отражаемыхъ, союзныя арміи понесли далеко большія потери, нежели въ прочее продолженіе осады. — Цѣною драгоцѣнной крови мы заплатили за предпріятіе, столь мало обезпеченное средствами, и, какъ теперь видимъ, допустили наступательныя дѣйствія со стороны русскихъ. *Ничто не*

можетъ оправдать нападенія на Севастополь въ столь позднее время года, даже и увѣренность легко взять его приступомъ; а что это считали возможнымъ, необходимымъ, видно изъ общаго настроенія всѣхъ органовъ публичнаго мнѣнія, которые, въ началѣ и въ продолженіе войны, дѣлали большую ошибку, что заблуждались въ силахъ и могуществѣ нашихъ непріятелей и увеличивали наши собственныя средства. Авторъ зналъ, что извѣстія, полученныя о взятіи Севастополя, не могли быть справедливы, и сдѣлалъ все, что было въ его власти, для уменьшенія кредита этихъ росказней, которыя, въ высшей степени возбудивъ ожиданія страны, потомъ повели бы за собою такое горькое разочарованіе».

«Южныя высоты могли бы быть коронованы нашими батареями, но ложементы, заложенные на покатостяхъ, спускающихся къ городу, докамъ и порту, были бы столь подвержены огню осмиграннаго и всѣхъ батарей, которыя, безъ сомнѣнія, непріятель построилъ на противоположной сторонѣ; сдѣлать же это значитъ требовать другой осады. Таковы необходимыя послѣдствія нападенія на мѣсто не съ надлежащей стороны. Самое начало осады Севастополя, разсматриваемое въ стратегическомъ отношеніи, было уже неблагопріятно: мѣсто не обложено, сообщенія его со страною, съ арміею въ полѣ, съ базисомъ дѣйствій свободны; помощь и подкрѣпленія всѣхъ родовъ и размѣровъ свободно достигаютъ туда, какъ и оттуда; оборонительныя силы крѣпости въ прямомъ сообщеніи съ наступательною силою въ полѣ. Осаждающіе не знаютъ силы, съ которою сражаются.—Въ случаѣ, если бы изъ крѣпости пришлось вывести значительную часть гарнизона для арміи, находящейся въ полѣ, тогда приступъ нашъ противъ оставшихся, не имѣющихъ возможности получить помощь извнѣ, повелъ бы за собою сдачу и взятіе мѣста; но такой приступъ будетъ всегда неудаченъ, если мѣсто свободно получаетъ подкрѣпленія. Если даже приступъ будетъ удаченъ, черезъ бреши во внѣшнихъ укрѣпленіяхъ южной стороны, то все же это не поведетъ къ такому дѣйствительному результату, какъ при заложенныхъ ложементахъ

и при брешахъ, произведенныхъ въ стѣнахъ крѣпости, лишенной выхода. Но мѣсто, подобное Севастополю, осажденное какъ теперь, не будетъ никогда имѣть нужды въ сдачѣ, и не сдастся, какъ бы ни были успѣшны атаки, противъ него направленныя. Гарнизонъ не можетъ быть взятъ, потому что, послѣ отчаяннаго сопротивленія, онъ можетъ удалиться къ сѣвернымъ высотамъ, или можетъ даже очистить совсѣмъ мѣсто и соединиться со своею арміею въ полѣ, предварительно срывъ городъ и уничтоживъ всѣ военные запасы въ немъ находящіеся».

Мнѣніе сэра Дугласа о дѣйствіяхъ флотовъ противъ Севастополя 5-го (17-го) октября.

«Бомбардированіе 17-го октября удовлетворило въ нѣкоторомъ отношеніи желанію начальниковъ, офицеровъ и матросовъ раздѣлять съ арміею труды и опасности нападенія на Севастополь, и угодить требованіямъ народа, роптавшаго на осторожность, съ которою адмиралы благоразумно распоряжались своими флотами, подобно тому, какъ при Бомарзундѣ; но это бомбардированіе вовсе не споспѣшествовало къ покоренію мѣста. Содѣйствіе флота могло быть полезно только, какъ диверсія въ пользу береговой атаки, именно въ то время, когда армія изготовилась къ штурму непріятельской позиціи; но, при существовавшихъ обстоятельствахъ, оно произвело не такое дѣйствіе; большія же поврежденія въ судахъ и потери въ людяхъ, понесенныя флотомъ, были весьма слабо вознаграждены тѣмъ ничтожнымъ вредомъ, какой успѣли нанести непріятельскимъ фортамъ и приморскимъ батареямъ, не имѣвшимъ прочной гранитной одежды, отчего и казавшихся поврежденными гораздо болѣе бомарзундскихъ.— Существенный успѣхъ всей операціи зависитъ много отъ присутствія, силы и искуства флотовъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. На корабляхъ же былъ недостатокъ въ людяхъ и пушкахъ. Входъ въ гавань былъ прегражденъ затопленными кораблями, и суда наши, завязавъ дѣло съ батареями, не могли къ нимъ достаточно приблизиться,

или маневрировать для прорыва въ проходъ. — Дѣйствіе, произведенное кораблями на каменные форты, далеко не подавало мнѣнія, чтобы флотъ могъ съ успѣхомъ атаковать мѣсто безъ помощи сухопутнаго войска; оно показало скорѣе, что атака приморскихъ батарей однимъ флотомъ, какъ бы ни была произведена отважно и успѣшно, то есть, если бы она нанесла вредъ крѣпостнымъ стѣнамъ и привела въ бездѣйствіе нѣсколько крѣпостныхъ пушекъ, все же не доставила бы результатовъ, соразмѣрныхъ понесеннымъ потерямъ; корабли могли понести еще бо́льшую потерю, нежели какую они имѣли въ произведенной атакѣ, и нельзя сомнѣваться, что нѣкоторые изъ нихъ могли быть совершенно уничтожены и многіе разбиты. Жестокое дѣйствіе телеграфной батареи и круглаго форта, настильными выстрѣлами, чему способствовало возвышеніе этихъ батарей надъ моремъ, и весьма малый вредъ, понесенный ими отъ огня корабельнаго, могутъ быть выставлены какъ практическое доказательство того, что подобныя батареи на возвышенностяхъ всегда будутъ командовать надъ поверхностью моря. — Французскій флотъ расположился въ линіи противъ фортовъ по южную сторону рейда и частію противъ самой Севастопольской гавани; британскій — въ линіи же противъ сѣверныхъ фортовъ; турецкіе корабли помѣстились по срединѣ, между обоими флотами. Вообще флотъ былъ обезсиленъ отдѣленіемъ отъ себя 4,000 матросовъ и морскихъ солдатъ для осадныхъ работъ на берегу; между тѣмъ, какъ храбрый адмиралъ на «Британіи», не позволявшій во время сраженія ни одному лишнему человѣку оставаться на верху, самъ все время находился на ютѣ, занятый сигналами для устройства своей боевой линіи, и одна изъ непріятельскихъ бомбъ, пущенная съ непріятельской батареи, упала и разорвалась близъ него.—Во время сраженія былъ мертвый штиль, что весьма много затрудняло движеніе судовъ и брало много времени для передвиженія парусныхъ линейныхъ кораблей, при буксированіи ихъ съ боку. Этотъ способъ передвиженія былъ предпочтенъ (способу завозовъ и обыкновенному буксированію) собственно съ тою цѣлію, чтобы укрыть пароходы отъ

опасности быть много поврежденными непріятельскимъ огнемъ; но, избѣгая опасностей обыкновеннаго буксированія, случились другія затрудненія, въ совокупности доказывающія, что для атаки приморскихъ батарей должно назначать только такія суда, которыя непосредственно сами въ себѣ заключаютъ движущую силу: «Британія» потеряла цѣлый часъ, отъ поднятія якоря до того времени, какъ была поставлена и заворочена на назначенномъ мѣстѣ! Это былъ флагманскій корабль адмирала *Дундаса*; онъ бросилъ якорь въ 2,000 ярдахъ отъ батарей; «Агамемнонъ», корабль контръ-адмирала *Лайонса*, остановился только въ 800 ярдахъ».

Замѣчанія, выводимыя сэромъ Дугласомъ изъ исторіи кампаніи.

«Спустя два мѣсяца послѣ открытія траншей, осаждающіе не достигли еще дистанціи, съ которой можно бы было съ успѣхомъ сдѣлать брешь въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ; но, предполагая, что брешь и была бы сдѣлана, то все же при заложеніи третьей параллели, были бы только въ началѣ самой опасной и трудной части атаки: переходъ черезъ ровъ и подъемъ на валы. Только, продолжая приближаться контръ-эскарпомъ и разрушая валы по всей длинѣ обѣихъ линій, можно бы было нѣсколько надѣяться, что приступъ будетъ имѣть успѣхъ. Но если каменистая почва мѣстности не позволяла приближаться сапою, а покусились бы на приступъ, то ясно, что должно ожидать огромныхъ потерь, подобно тому, какъ при Бадахосѣ—войска, переходящія большое протяженіе, открытою мѣстностію были бы подвержены фронтальному и фланговому огню всѣхъ севастопольскихъ укрѣпленій. Допустимъ, что остатки слабыхъ и разстроенныхъ колоннъ достигли рва, имъ еще предстоитъ трудъ пройти подъ страшнымъ ружейнымъ и всевозможныхъ метательныхъ снарядовъ огнемъ; а равно и огнемъ пушечнымъ, фланговой обороны крѣпости, обороны, теперь уже увеличенной и снабженной превосходно, благодаря этой медленной осадѣ; особенно

непріятель съ успѣхомъ воспользовался тѣмъ временемъ, когда осадныя работы были прерваны или производились весьма слабо. Всѣ эти трудности еще независимы отъ сопротивленія, которое выкажетъ гарнизонъ подкрѣпляемый своею арміею. Ничего не показываетъ, чтобы успѣшный штурмъ этихъ подкрѣпленій позволилъ союзнымъ арміямъ овладѣть городомъ, и тѣмъ менѣе открыть гавань для соединенныхъ флотовъ, дотолѣ пока господствующая позиція на сѣверной сторонѣ Севастополя не будетъ взята: только одно это позволитъ взять крѣпость, портъ и все находящееся въ Севастополѣ».

«Лишь только дѣятельныя мѣры противъ укрѣпленной позиціи на южныхъ высотахъ Севастополя были прерваны, безопасность союзныхъ армій въ продолженіе зимы сдѣлалась предметомъ заботливаго участія. Послѣ безпрепятственной высадки, произведенной съ такимъ благоразуміемъ и искуствомъ храбрымъ контръ-адмираломъ *Эдмундомъ Лайонсомъ*, подъ начальствомъ вице-адмирала, начальствующаго флотомъ, по примѣру высадки при Абукирѣ въ 1801 году, послѣ ряда блестящихъ подвиговъ въ полѣ, союзная армія, нѣсколько недѣль спустя, разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ быстраго и совершеннаго успѣха, находитъ себя запертою и осажденною, на клочкѣ земли въ отдаленнѣйшемъ углу Европы, тогда какъ большая часть ея флота служитъ арміи во всю зиму; на бурномъ морѣ подвергается всѣмъ случайностямъ непостоянства стихій и доставляетъ ей предметы первой необходимости существованія; на такой службѣ многія изъ судовъ были совершенно потеряны. Скоро вся британская армія, почти до послѣдняго человѣка, поставлена въ зависимость какъ въ способахъ существованія, военныхъ припасахъ, такъ и въ убѣжищѣ противъ непогодъ, отъ того, что пришлютъ Англія и Франція. Корабли должны были бороться съ врагомъ болѣе страшнымъ, нежели тотъ, который угрожалъ арміи на берегу; подвергаться всѣмъ прихотямъ бурнаго моря, по которому плаваніе въ такое позднее время года столь опасно, и все это для того, чтобы доставить нуждающейся арміи тѣ предметы необходимости, безъ кото-

рыхъ она принуждена была бы неминуемо погибнуть или сдаться. — Что случалось при блокадахъ, во время войнъ съ Франціею, могло повториться и теперь; когда флоты, принужденные погодою, будутъ отходить далеко отъ берега или искать убѣжища болѣе спокойнаго въ отдаленныхъ гаваняхъ, и прежде нежели успѣютъ снова занять мѣсто вдоль берега, ничто не помѣшало бы русскимъ пароходамъ (которыхъ еще много въ Севастополѣ) налетать на наши нагруженныя припасами суда, въ то время, какъ они приближались къ Балаклавѣ. Гавань балаклавская очень мала, неудобна для якорной стоянки, и послѣ того, что случилось съ пароходомъ «Принцъ», очевидно, что не всегда можно входить въ нее безопасно; такія опасныя помѣхи будутъ всегда имѣть мѣсто при доставленіи помощи союзнымъ арміямъ, по единственно имѣющемуся сообщенію съ нашимъ базисомъ: Англіею и Франціею. Совершенно ошибаются увѣряющіе, что господство Англіи и Франціи на морѣ будетъ всегда способствовать союзникамъ доставить своимъ арміямъ въ Крыму необходимыя подкрѣпленія и всевозможныя средства въ гораздо скорѣйшемъ времени, нежели то можетъ сдѣлать Россія для своей арміи; но пока союзные адмиралы не одарены властію обуздывать вихри и управлять штормами, такая перевозка въ столь поздніе мѣсяцы года всегда будетъ находить препятствія. Крушенія, еще столь недавно происшедшія на берегахъ Чернаго моря, какъ нельзя яснѣе доказываютъ это на дѣлѣ. Дѣйствительно, надо бояться, что непріятельскія подкрѣпленія будутъ доставляться берегомъ въ Крымъ съ большею увѣренностью, нежели подкрѣпленія союзныхъ армій, моремъ, изъ Англіи и Франціи; когда морозъ и снѣгъ сдѣлаютъ затруднительнымъ колесный путь по степямъ, непріятель легко и быстро перевезетъ все на саняхъ».

По мнѣнію сэра Дугласа, трудъ должно начать снова въ предстоящую кампанію, и рѣшительные моменты, какъ при Альмѣ и Бельбекѣ, должны произойти снова; такъ онъ говоритъ:

«Предполагая, что союзная армія будетъ снабжена провизіею, припасами и всевозможнымъ комфортомъ, подкрѣп-

лена и снова экипирована всѣмъ необходимымъ, чтобы быть въ состояніи открыть наступательныя дѣйствія, то новыя операціи должны быть ведены совершенно различно отъ тѣхъ, которыя привели армію въ настоящее положеніе. Если справедливо, что главнѣйшая ошибка состоитъ въ томъ, что вошли въ Крымъ съ такими малыми силами и осадили сильно укрѣпленное мѣсто, не обложивъ его предварительно, то, для поправленія, необходимо должно выслать туда силу, соотвѣтственно требующимся обстоятельствамъ: къ южной сторонѣ Севастополя не болѣе того количества, сколько нужно для удержанія настоящей позиціи въ безопасности, а къ сѣверной — исключительно для обложенія и атаки города съ этой стороны. Евпаторія тогда была бы совершенно безопасна; она, какъ основной пунктъ, сдѣлалась безполезною, когда нападеніе на Севастополь съ сѣверной стороны было оставлено; но въ высшей степени будетъ полезна снова, если вторично обратятся къ этой сторонѣ и возьмутъ дѣятельныя мѣры для предупрежденія сообщеній Севастополя съ его линіею на Перекопѣ. Никогда осада не можетъ быть предпринята, на какомъ бы ни было театрѣ войны, до тѣхъ поръ пока армія, прикрывающая осадныя работы, не разобьетъ непріятеля въ полѣ и совершенно оттѣснитъ его отъ защищаемаго имъ мѣста, такъ чтобы ничто не прерывало работъ осаждающихъ. Этого могли достичь союзники, если бы высадка въ Крымъ была произведена ранѣе, съ бо̀льшими силами и со средствами лучше приспособленными для выполненія цѣли экспедиціи. Семидесяти-тысячная армія, такихъ войскъ, какими показали себя союзники, могла бы, какъ сказалъ нѣкогда про свою армію въ Испаніи герцогъ Веллингтонъ «have gone anywhere and done anything» (идти всюду и совершить все)».

«Было бы большою ошибкою въ 1855 году продолжать высаживать въ Балаклавѣ отряды войскъ, назначаемые для продолженія военныхъ дѣйствій въ Крыму; и новыя стратегическія соображенія должны быть немедленно сдѣланы для операцій въ наступившемъ году»; но тутъ ав-

торъ, по причинамъ яснымъ для каждаго, останавливается и уклоняется продолжать далѣе начатую рѣчь ([1]).

А. П.

Обзоръ военныхъ дѣйствій западныхъ державъ и значеніе генеральнаго штаба въ арміи ([2]).

«Если взглянуть испытательнымъ взоромъ на ходъ и успѣхи военныхъ дѣйствій западныхъ державъ въ ихъ борьбѣ съ Россіею, нельзя не изумиться недостатку знанія того, что одно необходимо для надлежащаго приготовленія къ подобной войнѣ. О дѣйствіяхъ въ Балтійскомъ морѣ мы вовсе умолчимъ здѣсь, хотя и странно въ высшей степени, что, по видимому, не знали даже, какого рода военныя суда надобно было имѣть въ большомъ числѣ, чтобы надѣяться на успѣхъ нападенія на морскія крѣпости, и что для этого нуженъ былъ также достаточно сильный корпусъ высаднаго войска. Это незнаніе морскихъ отношеній было одною изъ причинъ неуспѣха всего балтійскаго похода.

«Борьба съ русскими на Дунаѣ и въ Тавридѣ терпѣла и терпитъ отъ промаховъ того же рода. Кто готовится къ войнѣ, предположенною цѣлью которой должно быть одолѣніе великой державы, какова Россія, для того необходимо прежде всего точное знаніе театровъ войны, на которые онъ намѣренъ или можетъ быть вынужденнымъ вступить. Свойства климата съ ихъ временными измѣненіями, мѣстность и состояніе дорогъ, представляемыя страною средства продовольствія и перевозки, помощь, какой можно ожидать отъ жителей, и т. д., должны, при начертаніи плана войны, быть принимаемы прежде всего во вниманіе. Только по достаточномъ обсужденіи этихъ предметовъ можно рѣшить вопросъ о надлежащихъ силѣ, составѣ и

([1]) Москов. Сборн. 1855 г., № 4. Статья эта перепечатана въ Инженерномъ журналѣ 1855 г. кн. I и Военномъ журналѣ 1855 г., № 3.

([2]) Въ Аугсбурской газетѣ статья эта напечатана подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Военныя дѣйствія западныхъ державъ и генеральный штабъ до 1855 года».

вооруженіи снаряжаемой арміи. Но потребно еще точнѣйшее знаніе качествъ арміи непріятельской и средствъ, съ помощію которыхъ сила сопротивленія ея можетъ быть увеличена на томъ или другомъ театрѣ войны, будетъ ли то простымъ подкрѣпленіемъ войскъ, естественными или искуственными препонами, противупоставленными приближенію нападающаго, или тѣснымъ ограниченіемъ собственнаго поля дѣйствій, если это можетъ быть достигнуто посредствомъ договоровъ съ пограничными державами о соблюденіи ими нейтралитета. Самый главный родникъ относящихся сюда общихъ знаній заключается въ такъ называемой «наукѣ генеральнаго штаба». Военное министерство и генеральный штабъ обязаны, такъ сказать, вести книги и счетъ тому, что нужно знать для надлежащаго приготовленія къ войнѣ, для начертанія общаго плана войны и особыхъ плановъ походовъ.

«Какъ мало вниманія обращено на это западными державами, о томъ свидѣтельствуютъ ихъ военныя дѣйствія противъ Россіи. Войска ихъ высадились въ Босфорѣ вовсе не въ такомъ состояніи, которое позволяло бы имъ идти къ Нижнему Дунаю послѣ кратковременнаго отдыха. Цѣлые мѣсяцы прошли прежде, нежели разныя дивизіи успѣли достать себѣ самыя необходимыя средства перевозки, которыхъ, конечно, требовалось весьма много, потому что военныя фуры, привезенныя союзниками, не годились для тамошняго театра войны. Полевая экипировка войска оказалась столь же мало соотвѣтствующею свойствамъ климата. Англійское правительство даже было принуждено произвести перемѣну въ обмундированіи. Наконецъ большая часть этихъ вспомогательныхъ войскъ сосредоточилась при Варнѣ, куда она была перевезена на судахъ. Но хотя силы эти, возросшія до 30,000 чел., могли попытаться остановить ходъ наступательныхъ дѣйствій русской арміи, «вспомогательныя войска» Оттоманской Порты оставались неподвижно при Варнѣ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, они еще вовсе не были готовы къ дѣйствію, то есть еще не были снабжены всѣми пособіями, необходимо нужными такому корпусу войскъ для возможно большей сво-

боды въ движеніяхъ по столь мало воздѣланнымъ землямъ, каковы Болгарія и Валахія. Безъ угрожающаго положенія, принятаго Австріею въ Трансильваніи и Буковинѣ, *Омеръ-паша* былъ бы, вѣроятно, разбитъ, не смотря на близость своихъ покровителей. Когда русскія боевыя силы, по стратегическимъ причинамъ, вышли, наконецъ, изъ Дунайскихъ княжествъ, союзники Порты все еще чувствовали себя не въ состояніи дѣйствовать наступательно, но, чтобъ сдѣлать по крайней мѣрѣ что-нибудь—двинулись въ Добруджу, гдѣ они вскорѣ увидѣли все свое безсиліе.

«Между тѣмъ дѣла принимали все болѣе и болѣе грозный видъ. Угрозы на Россію не дѣйствовали и надобно было приступить къ серьознымъ нападеніямъ. Но гдѣ? При начертаніи общаго плана войны, кажется, избавили себя отъ труда отвѣчать на этотъ вопросъ, хотя и должны были знать, что слѣдуетъ предпринять въ такомъ случаѣ, когда та или другая угроза останется безъ дѣйствія. Или, быть можетъ, союзники вполнѣ полагались на дѣятельное содѣйствіе Австріи и Шамиля и думали, что имъ можно будетъ привести воинственную драму къ развязкѣ, стоя за кулисами; но они ошиблись въ этомъ: бывшій суфлеръ долженъ былъ стать актеромъ по неволѣ.

«Въ выборѣ предмета для нападенія западныя державы, силы которыхъ постоянно возрастали, не были ограничены ничѣмъ. Полная свобода въ распоряженіи могущественнымъ военнымъ флотомъ и множествомъ транспортныхъ судовъ доставляла имъ возможность высадить ихъ боевыя силы въ Бессарабію, у Одессы, въ Крымъ или Анатолію. Высадка въ Бессарабію казалась наиболѣе опасною, по многочисленности бывшихъ тамъ русскихъ войскъ. Въ Анатолію, напротивъ, союзники высадились бы къ своимъ друзьямъ и могли безпрепятственно приготовиться тамъ къ походу противъ Эривани и Тифлиса. Это сильно ободрило бы турецкія войска, а можетъ быть и самъ Шамиль выставилъ бы тогда въ поле всѣ свои силы. Если бы союзникамъ удалось одолѣть тамъ русскихъ, это во всякомъ случаѣ былъ бы для Россіи весьма чувствительный ударъ, который, безъ сомнѣнія, имѣлъ бы рѣшитель-

ное вліяніе и на образъ дѣйствій Персіи. Конечно, и это предпріятіе не было бы легкимъ: походы въ слабо населенныхъ и мало воздѣланныхъ земляхъ всегда сопряжены съ большими трудностями и требуютъ совершенно особенныхъ приготовленій. Но, вообще, кто рѣшается на большія войны, тотъ долженъ знать и мѣстныя препятствія, которыя ему будетъ нужно преодолѣть. Такъ, напримѣръ, взять съ собою въ Малую Азію многочисленную артиллерію было бы дѣломъ невозможнымъ; но, за то, можно имѣть при себѣ многочисленную легкую кавалерію, что весьма важно при завоевательной войнѣ и облегчаетъ также добываніе средствъ продовольствія. Съ этимъ предпріятіемъ могли быть соединены демонстраціи противъ другихъ прибрежныхъ земель, для задержанія тамъ боевыхъ силъ русскихъ.

«Послѣ долгаго медленія, армія союзниковъ высадилась, наконецъ, на берега Крыма. Севастополь былъ цѣлью борьбы и цѣною побѣды. Съ Севастополемъ должна была достаться въ руки союзниковъ тамошняя гавань, а съ гаванью доставался имъ русскій флотъ. Высокая важность этого предмета дѣйствій не нуждается въ разсужденіяхъ. Тѣмъ болѣе слѣдовало ожидать, что не упустятъ изъ вида ничего, что могло повести къ побѣдѣ. Зима, конечно, была уже недалеко; но, по опыту, всякая крѣпость (за исключеніемъ нѣкоторыхъ неприступныхъ крѣпостей) можетъ быть взята въ періодъ времени, который можно опредѣлить напередъ, если не станутъ мѣшать осаднымъ работамъ извнѣ. Между тѣмъ, начало атаки Севастополя скорѣе похоже на какой-нибудь удалой гусарскій налетъ, нежели на хорошо обдуманное предпріятіе. Высадка на столь отдаленный пунктъ, какъ Евпаторія, можетъ быть извинена образованіемъ береговъ Крыма, и выборъ пункта былъ бы очень хорошъ, еслибъ союзники прежде всего оттѣснили отъ Севастополя и отбросили къ Перекопу силы, которыми располагалъ князь *Меншиковъ*. При такихъ обстоятельствахъ, слабый и самому себѣ предоставленный севастопольскій гарнизонъ былъ бы не въ состояніи воспрепятствовать высадкѣ техническихъ

войскъ съ ихъ защитниками и первымъ осаднымъ работамъ, и усовершенствованіе укрѣпленій Севастополя, по недостатку въ рабочихъ силахъ, не оказало бы столь быстрыхъ успѣховъ. Тогда, быть можетъ, была бы возможна и ускоренная артиллерійская атака. Вмѣсто того вообразили себѣ, будто одолѣли князя *Меншикова* на Альмѣ, пошли не медля къ Севастополю и въ прикрытіи осады поступали такъ, какъ будто бы было невозможно, чтобы осаднымъ работамъ могъ вредить кто-нибудь, кромѣ гарнизона, сношенія котораго со страною, лежащею сзади, оставались совершенно свободными. Правда, въ послѣдствіи убѣдились, что слишкомъ слѣпо приступили къ дѣлу, и старались отвратить отъ себя вредныя послѣдствія столь многихъ ошибокъ; но скоро впали опять въ прежнюю погрѣшность и напрягли всѣ силы къ овладѣнію крѣпостью, хотя сопротивленіе гарнизона становилось день-отъ-дня рѣшительнѣе, и хотя значительное войско ежеминутно было готово выручить крѣпость въ случаѣ нужды. Трудно понять, какою цѣпью ложныхъ понятій и предположеній руководители этого великаго заморскаго предпріятія были приведены къ заключенію, что Севастополь долженъ пасть, не смотря ни на что. Союзники выступили въ походъ и приготовились для *осады*; теперь же должны они выдержать и счастливо окончить *зимній походъ* (¹), прежде нежели могутъ возвратиться къ дѣйствительной осадѣ. Но къ зимнему походу они не приготовлены, и то, чего не достаетъ имъ въ этомъ отношеніи, не можетъ быть замѣнено ни храбростію, ни искуствомъ — оно должно быть на-лицо; а прежде нежели успѣютъ построить деревянные зимніе бараки и помѣстить въ нихъ войска, непогода и ночи, проводимыя въ тревогѣ и безъ сна отъ вылазокъ непріятеля, могутъ столь значительно увеличить число умирающихъ и больныхъ, что присылаемыхъ подкрѣпленій едва будетъ достаточно для пополненія въ войскахъ убыли (²). Потомъ, съ открытіемъ наступа-

---

(¹) Писано въ декабрѣ 1854 года. *Ред. Рус. Инв.*

(²) Предсказаніе автора статьи, извѣстнаго военнаго писателя Pz., оправдалось вполнѣ. *Ред. Рус. Инв.*

тельныхъ дѣйствій противъ русской полевой арміи, лѣвое крыло которой, по видимому, все еще остается въ угрожающемъ положеніи относительно Балаклавы, являются совершенно другія потребности. Надобно образовать продовольственные обозы, безъ которыхъ въ Крыму вовсе нельзя дѣйствовать. Для этого нужны многія тысячи лошадей и вьючнаго скота, а лошади и вьючный скотъ нуждаются въ кормѣ. Между тѣмъ, сѣно уже и теперь, для уцѣлѣвшей ничтожной горсти англійскихъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ лошадей, привозится отчасти изъ Англіи. Трудности продовольствованія войска въ странѣ, гдѣ нельзя достать даже самыхъ необходимыхъ лагерныхъ потребностей (воды, дровъ и соломы), возрастаютъ съ числомъ людей и лошадей и съ удаленіемъ отъ морского берега, почему значительное увеличеніе боевыхъ силъ должно увеличить и замѣшательство союзниковъ, не доставивъ имъ, быть можетъ, никакой особенной пользы. Большая часть осаднаго войска, въ сущности, только защищаетъ его отъ нападеній русскихъ, то-есть, отъ катастрофы. Вѣроятно, во вниманіи къ этому положенію, затруднительности котораго невозможно не видѣть, и рѣшено, что *Омеръ-паша* долженъ произвести диверсію съ 35,000 человѣкъ. Высадка ихъ при Евпаторіи не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, если только они не будутъ застигнуты одною изъ внезапныхъ бурь, посѣщающихъ иногда Черное море. Но что потомъ? Прежде нежели этотъ корпусъ будетъ готовъ къ дѣйствіямъ въ полѣ, пройдетъ, по крайней мѣрѣ, недѣля. Между тѣмъ, какой-нибудь достаточно сильный корпусъ русскихъ войскъ, прибывшій отъ Перекопа, можетъ стать въ тылу османовъ и раздѣлаться съ ними безъ дальнихъ хлопотъ. Не должно позабывать, что въ странѣ, каковъ Крымъ, стратегическія уловки никогда не могутъ имѣть того дѣйствія, какое имѣли бы они въ Германіи или Франціи. Туземецъ всегда преодолѣетъ всѣ трудности гораздо легче, нежели пришлецъ.

«Если война есть орудіе внѣшней политики, то, безъ всякаго сомнѣнія, правительство обязано также пещись о томъ, чтобы война, которую оно предпринимаетъ, не была

начинаема безъ самаго тщательнаго приготовленія. Одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, — какъ сказано въ началѣ этой статьи,—возможно точное знаніе всѣхъ мѣстныхъ препятствій, какія должно встрѣтить въ непріятельской землѣ исполненіе плана военныхъ дѣйствій. Для этой цѣли въ каждомъ значительномъ государствѣ существуетъ особая отрасль государственной службы, на обязанности которой лежитъ собираніе, пересмотръ, приведеніе въ порядокъ и храненіе всѣхъ относящихся къ тому свѣдѣній. Эти свѣдѣнія пріобрѣтаются отчасти литературнымъ путемъ, отчасти посылкою офицеровъ въ чужія земли. Даже записываются иногда на память извѣстія, сообщаемыя въ газетахъ. Въ Россіи дѣло это лежитъ на военно-ученомъ комитетѣ и департаментѣ генеральнаго штаба; въ Австріи—на главномъ управленіи арміею, особенно на второмъ отдѣленіи его; въ Пруссіи назначены для изученія заграничныхъ театровъ войны особые «начальники», обыкновенно съ весьма большими свѣдѣніями штабъ-офицеры и при нихъ многіе помощники; во Франціи собираетъ эти свѣдѣнія военное депо (dépôt de la guerre). Въ Англіи, гдѣ высшія военныя власти не сосредоточены, да къ тому-жь, по видимому, и мало обмѣниваются между собою мнѣніями, планами и проч., органическихъ условій такого учрежденія большею частію не существуетъ, что можно, пожалуй, объяснить сравнительно малымъ числомъ войскъ, которое въ состояніи употребить для европейской сухопутной войны эта держава. Значитъ, эту пустоту должна была пополнить союзница Англіи, Франція. Ея «военное депо» богато свѣдѣніями всякаго рода. Наполеонъ I-й превосходно устроилъ эту отрасль военной службы. Его посланниками въ Константинополѣ всегда были отличные генералы, въ свитѣ которыхъ находились многіе офицеры, безъ сомнѣнія, имѣвшіе порученіе изучить военныя отношенія южной Россіи. Знаменитый французскій маршалъ (*Мармонъ*) путешествовалъ потомъ по этимъ странамъ и издалъ въ свѣтъ весьма замѣчательное описаніе ихъ. Предпослѣдній французскій посланникъ при константинопольскомъ дворѣ, нынѣшній маршалъ *Барагэ д'Илье*, передъ глазами

котораго, такъ-сказать, развился зародышъ настоящей войны, равномѣрно могъ сообщить важныя извѣстія или исправить старыя. Но ходъ войны западныхъ державъ съ Россіею, какъ война эта была ведена до сего времени, нисколько не свидѣтельствуетъ, чтобы старались пополнить ученыя пособія или чтобы извлечена была большая польза изъ пособій имѣвшихся.

«Много написано хорошихъ и дурныхъ теорій веденія войны; но, въ дѣйствительной войнѣ, ни одинъ полководецъ не можетъ руководствоваться этими теоріями, да и не одинъ разсудительный военный теоретикъ не будетъ имѣть смѣшного притязанія на указаніе будущимъ полководцамъ, какъ они должны дѣйствовать. Но тщательная и осмотрительная обработка отдѣльныхъ отраслей военной службы будетъ всегда практически полезна, когда руководящія власти коротко знакомы съ ней. Генеральный штабъ есть такая руководящая власть. Его военная дѣятельность начинается еще до объявленія войны, и, прежде нежели войска выступятъ въ поле, различные планы военныхъ дѣйствій должны быть обсуждены уже до того, чтобы, по крайней мѣрѣ, можно было дать себѣ достаточный отчетъ въ *мѣстныхъ* препятствіяхъ исполненію ихъ и сдѣлать приготовленія къ преодолѣнію этихъ препятствій. Мѣры, принимаемыя заблаговременно, всегда лучше тѣхъ, которыя принимаются по требованію уже наступившихъ событій» (1).

Мнѣніе брюссельской газеты о военныхъ дѣйствіяхъ западныхъ державъ.

Въ брюссельской газетѣ «Sanche» напечатана слѣдующая статья, подъ заглавіемъ «Осада Севастополя».

«Въ рѣчи, произнесенной на дняхъ законодательной палатѣ и сенату, *Лудовикъ-Наполеонъ* сказалъ:

(1) Русск. Инвал. 1855 г., № 67.

«Взятіе Севастополя дѣло минутное (un coup de main)».

Въ статьѣ, напечатанной въ «Patrie» за восемь или за десять дней предъ симъ, объявили:

«Мы такъ близки къ крѣпости, что вчера одна наша батарея обстрѣливала ворота Севастополя. Надѣемся войти туда завтра или не позже какъ послѣ завтра».

На бульварныхъ театрахъ такъ торжественно, такъ больно били всякій вечеръ казаковъ, что за роли русскихъ не брали дешевле трехъ франковъ за спектакль, а въ число побѣдителей всякъ охотно вербовался за умѣренную цѣну семидесяти пяти сантимовъ.

Уже три мѣсяца выставлялись на бульварахъ, въ удовлетвореніе французскому тщеславію, большія картины, на которыхъ одинъ французскій гренадеръ окружаетъ сто казаковъ и принуждаетъ ихъ сдаться.

Во Франціи до того были увѣрены, что взятіе Севастополя есть дѣло минутное, что дерзкій татаринъ, возвѣстивъ о побѣдѣ, согласился потерять четырехъ рядовыхъ и одного капрала при этомъ славномъ завоеваніи.

Со времени этихъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ самохвальствъ, за которыми послѣдовали жестокія разочарованія, прошло два мѣсяца; союзники все еще стоятъ передъ стѣнами новаго Иліона и начинаютъ думать, что Севастополь не такъ легко проглотить, какъ рюмку вина. Предпріятіе оказывается тяжелымъ, а почва, въ которой надобно копать траншеи, еще тверже. Минутное дѣло заставляетъ теперь задумываться. Изъ двадцати шести тысячъ англичанъ, отправившихся въ Крымъ подъ голосъ пѣсни Partant pour la Syrie, какъ сознаются въ «Times», девять тысячъ пошли ужинать къ Плутону. Англія потеряла уже треть своихъ войскъ, и въ этой трети мы не считаемъ восьми сотъ человѣкъ кавалеріи, погибшей на полѣ сраженія въ двухъ встрѣчахъ ея съ генераломъ *Липранди*.

И Франція тоже становится скромнѣе, видя эту горсть солдатъ-героевъ, командуемыхъ молодыми офицерами и заколачивающихъ пушки въ самыхъ траншеяхъ, подъ непріятельскими штыками. Начинаютъ понимать въ Парижѣ, что есть какая-то разница между русскими на театрѣ

Ambigu, и тѣми, которыми командуетъ неутомимый и непоколебимый князь *Меншиковъ*. Правда, въ Бомарзундѣ побѣждены двѣ тысячи русскихъ, но нельзя было скрыть, что на нихъ напали двадцать тысячъ французовъ и англичанъ, и что четыреста пушекъ съ флота и двухъ армій восторжествовали надъ недостроенною казармою. Теперь узнали, что Севастополь не такой кусокъ, что его труднѣе переварить, нежели Бомарзундъ, и девять тысячъ англичанъ и двадцать тысячъ французовъ, погибшихъ въ Добруджѣ и на равнинахъ крымскихъ, докажутъ Франціи, что племянникъ обойдется ей такъ же дорого, какъ дядя, и что новая имперія пожертвуетъ всѣмъ, чтобъ обезпечить будущность своей династіи и утвердить свою власть, хотя бы это стоило нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей.

Война, предпринятая именемъ человѣчества и цивилизаціи, представляетъ ежедневно любопытныя явленія.

Обращаясь къ авторитету газетъ, спрашиваешь: скорѣе не въ войнѣ ли между паунисами и сіуксами произошелъ слѣдующій военный эпизодъ, нежели между двумя христіанскими народами?

«Комендантъ Севастополя предложилъ заключить перемиріе на три часа, чтобъ похоронить своихъ убитыхъ (1). Этимъ варварамъ отвѣчали, что у союзниковъ нѣтъ убитыхъ, которыхъ слѣдовало бы погребать».

Какъ вы находите этихъ варваровъ, которые хотятъ воздать послѣдній долгъ своимъ воинамъ, падшимъ подъ огнемъ непріятеля, и желаютъ похоронить въ нѣдрахъ родимой земли храбрыхъ ея защитниковъ? Эти варвары уважаютъ своихъ покойниковъ. Они думаютъ, что существо человѣческое, одушевленное маніемъ Творца, имѣетъ право на честную могилу, и что предавать остатки храбрыхъ хищнымъ звѣрямъ и птицамъ есть святотатство.

Въ самомъ дѣлѣ, эти варвары простодушны до крайности: они забываютъ, что передъ ними цивилизація и человѣчество, представляемыя Англіею и Франціею, и что

---

(1) За достовѣрность этого факта мы не можемъ ручаться. *Ред.*

русскій солдатъ находится внѣ законовъ человѣчества, какъ Россія внѣ народнаго права.

Видитъ ли наконецъ общественное мнѣніе Европы во всей ясности этотъ восточный вопросъ, который англо-французскія газеты облекли густымъ мракомъ? Какое дѣло человѣчеству и цивилизаціи въ этой дикой войнѣ, въ которой два сильнѣйшіе народа запада срамятъ свое оружіе безбожными и святотатственными поступками? Гунны, предводимые Аттилою, опустошая Европу, оставляли побѣжденному врагу своему утѣшеніе уносить своихъ мертвыхъ, чтобъ проститься съ ними въ послѣдній разъ. Норманы, осаждавшіе Парижъ, возвращали Эвдію Сильному трупы воиновъ, убитыхъ въ вылазкахъ. Добродѣтельная и религіозная Англія отринула это уваженіе къ воину, падшему съ мечемъ или ружьемъ въ рукѣ, отринула священное чувство, уважавшееся гуннами и норманами, подъ предлогомъ, что русскіе варвары, и по той причинѣ, что скопленіе труповъ можетъ произвести чуму, которая, такимъ образомъ, сдѣлается вспомогательницею цивилизаціи и человѣчества.

Нужно дѣйствительно владычество такой системы угнетенія, какая тяготѣетъ нынѣ надъ всѣми умами, преграждая всѣ уста во Франціи, чтобъ ни одинъ голосъ частнаго человѣка не раздался отъ имени человѣчества противу нелѣпаго кровопролитія.

Новой имперіи дорого станетъ союзъ съ Англію: она заплатитъ за него своею кровью и плодами своихъ трудовъ. Всякій прямодушный и здравомыслящій человѣкъ напрасно усиливается понять, какая выгода подвигла Францію въ эту отдаленную войну, поглащающую ея средства, и въ которой военная ея слава можетъ претерпѣть важный ущербъ. Не думаетъ ли Франція сдѣлать изъ Крыма вторую Африку? Эта мысль кажется намъ нелѣпою. Положимъ, что князь *Меншиковъ* завтра, безъ пораженія, оставитъ груду развалинъ, изрытыхъ ядрами, неужели Франція думаетъ, что могущество Россіи отъ этого уменьшится? Франція поможетъ только Англіи ослабить морского союзника, сильнаго и драгоцѣннаго для Франціи въ буду-

щемъ. Вотъ какой плодъ принесутъ ея завоеванія! Правда, что она въ продолженіе года займетъ общественное мнѣніе, доставитъ пищу толкамъ парижскихъ ротозѣевъ, но въ то же время воздвигнетъ себѣ непримиримаго врага изъ Германіи и Россіи и потеряетъ союзъ съ Россіею, высоко уважаемый всѣми истинными государственными людьми Франціи» (¹).

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

ОБЪЯВЛЯЕМЪ ВСЕНАРОДНО:

Причины доселѣ продолжающейся войны вполнѣ извѣстны любезной Намъ Россіи. Она знаетъ, что не виды честолюбія, не желаніе новыхъ, непринадлежащихъ по праву Намъ выгодъ, были побужденіемъ Нашимъ въ дѣйствіяхъ и обстоятельствахъ, имѣвшихъ неожиданнымъ послѣдствіемъ настоящую борьбу. Мы искали единственно охраненія торжественно признанныхъ преимуществъ Православной Церкви и единовѣрцевъ Нашихъ на Востокѣ; но нѣкоторыя правительства, приписывая Намъ, весьма далекія отъ мысли Нашей, своекорыстныя, тайныя намѣренія, препятствовали успѣху сего дѣла и наконецъ вступили въ непріязненный противъ Насъ союзъ. Провозгласивъ, что ихъ цѣль есть спасеніе Турецкой имперіи, онѣ дѣйствуютъ противъ Насъ вооруженною рукою не въ Турціи, а въ предѣлахъ Нашихъ собственныхъ владѣній, направляя враждебные удары свои на всѣ болѣе или менѣе доступныя имъ мѣста: въ Балтійскомъ, Бѣломъ и Черномъ

(¹) Сѣв. Пчела 1854 г., № 260.

моряхъ, въ Тавридѣ и на самыхъ отдаленныхъ берегахъ Тихаго океана. Благодареніе Всевышнему, они вездѣ, и въ войскахъ Нашихъ, и въ жителяхъ всѣхъ состояній, встрѣчаютъ смѣлыхъ противниковъ, одушевляемыхъ чувствомъ любви къ Намъ и Отечеству, и Мы, къ утѣшенію Нашему, въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, среди бѣдствій, неразлучныхъ съ войною, видимъ непрестанные, блистательные примѣры и доказательства сего чувства и храбрости имъ внушаемой. Таковы неоднократныя, не смотря на великое неравенство силъ, пораженія непріятельскихъ полчищъ за Кавказомъ и совершенный, также съ несоразмѣрными силами, отпоръ отъ береговъ и шхеръ Финляндіи, отъ стѣнъ обители Соловецкой и отъ гавани Петропавловской къ Камчаткѣ; такова особенно геройская оборона Севастополя, ознаменованная столь многими подвигами неодолимаго мужества и неусыпной, безпрерывной дѣятельности, коимъ отдаютъ справедливость и удивляются сами враги Наши. Съ умиленіемъ признательности къ Богу, взирая на труды, неустрашимость, самоотверженіе Нашихъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ и на общій всѣхъ сословій въ Государствѣ порывъ усердія, Мы смѣемъ почитать ихъ залогомъ и предвѣстіемъ счастливѣйшихъ въ будущемъ событій. По долгу Христіанства, Мы не можемъ желать продолженія кровопролитія, и конечно не отклонимъ мирныхъ предложеній и условій, если онѣ будутъ согласны съ достоинствомъ Державы Нашей и пользами любезныхъ Нашихъ подданныхъ. Но другой, не менѣе священный долгъ велитъ Намъ, въ сей упорной борьбѣ, быть готовыми на усилія и жертвы, соразмѣрныя съ устремленными противъ Насъ дѣйствіями. — Россіяне! Вѣрные сыны Наши! Вы привыкли не щадить ничего, когда Провидѣніе призываетъ васъ къ Великому и Святому дѣлу, ни достоянія, многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго, ни жизни и крови вашей и чадъ вашихъ. Благородный жаръ, съ самаго начала войны пламенѣющій въ сердцахъ вашихъ, не охладится ни въ какомъ положеніи, и ваши чувства суть также чувства Государя вашего. Буде нужно, Мы всѣ, Царь и подданные, повторяя

слова Императора Александра, произнесенныя Имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, *съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ*, станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести Отечества.

Данъ въ Гатчинѣ, въ 14-й день декабря, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ пятдесятъ четвертое. Царствованія же Нашего въ тридцатое (1).

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ»

Отзывы французовъ о русской артиллеріи въ Севастополѣ.

Изъ Крыма пишутъ въ началѣ декабря газетѣ «Constitutionnel»: «Есть оружіе, которое имѣетъ надъ французами и англичанами, особенно надъ французами, большое превосходство — это русская артиллерія. Императоръ Николай Павловичъ много занимался этимъ оружіемъ, которое сдѣлало большіе успѣхи со времени войнъ начала столѣтія. Орудія большого калибра, лафеты и ящики хорошо сдѣланы и очень подвижны; артиллеристы храбры и привыкли къ службѣ; офицеры прекрасно умѣютъ выбирать наступательныя и оборонительныя позиціи; они занимаютъ ихъ смѣло, удерживаютъ долго и умѣютъ покидать ихъ, не оставляя на нихъ своихъ орудій. Теперь вы поймете, почему мы находимся еще передъ стѣнами Севастополя, и почему эта крѣпость будетъ стоить намъ столько крови, если мы рѣшимся на приступъ передъ ея неумолкающими батареями» (2).

Письмо изъ Севастополя отъ 21-го декабря 1854 года.

Севастополь въ настоящее время сдѣлался болѣе или

(1) Русскій Инвал. 1854 года, № 281.
(2) С.-Петерб. Вѣд. 1855 г., № 6.

менѣе предметомъ разговора каждаго; онъ обращаетъ на себя напряженное вниманіе всей Европы, или, точнѣе сказать, всего свѣта; всякое извѣстіе о немъ въ газетахъ или частныхъ письмахъ читается повсюду съ живымъ и неподдѣльнымъ участіемъ, а потому я надѣюсь, что и мое некраснорѣчивое письмо не лишено будетъ благосклоннаго вниманія вашихъ читателей. Нездоровье мое прекратило на время переписку мою съ вами; теперь, оправившись отъ болѣзни, возобновляю ее. Сегодня, какъ вамъ извѣстно, 112-й день съ тѣхъ поръ, какъ непріятель ступилъ своею нечестивою ногою на нашъ священный Крымъ, и 77-й день, какъ бомбардируетъ нашъ Севастополь ([1]); бомбардированіе хотя теперь и стало гораздо слабѣе, но продолжается день и ночь. Признаюсь вамъ, у меня крѣпко шумитъ въ головѣ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, свиста ядеръ, тресканья бомбъ и гранатъ и шума конгревовыхъ ракетъ; днемъ еще кое-какъ сносно слушать эту трескотню, но ночью она дѣлается точно невыносимою; тутъ хочется спать, а бомбы и гранаты своимъ трескомъ не даютъ закрыть глазъ. Отъ лопающихся бомбъ, у меня перебиты почти всѣ стекла; я попробовалъ было вставить новыя, но не тутъ-то было: чрезъ нѣсколько часовъ они снова разлетались въ дребезги, и я по неволѣ принужденъ былъ замѣнить ихъ толстой сахарной бумагой; крыша моего дома тоже осколками бомбъ вся пробита и похожа на рѣшето. Всѣ эти неудобства дѣлаются ощутительнѣе во время холода и дождя, или когда нужно чѣмъ-нибудь заняться, читать или писать. Письмо это вамъ пишу при свѣтѣ свѣчи, среди бѣлаго дня. Сегодня мнѣ хочется разсказать вамъ кое что о положеніи нашего города. Вопреки ложнымъ и хвастливымъ донесеніямъ англо-французскихъ главнокомандующихъ, вопреки громкимъ возгласамъ редакторовъ и корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, родной и дорогой сердцу нашему Севастополь не разрушенъ,

---

([1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что хотя бомбардированіе Севастополя началось точно 5-го октября, но осада его началась собственно уже съ 27-го сентября, то есть, со дня закладки первой траншеи.

а стоитъ непоколебимъ, съ помощію Всевышняго Создателя. Въ то время, какъ вездѣ въ западной Европѣ только и разговору что о бомбардированіи Севастополя, о томъ, что онъ разрушенъ, сожженъ, жители его всѣ разбѣжались, а гарнизонъ его весь побитъ, — мы, жители Севастополя, по милости Божіей, живемъ довольно спокойно въ своихъ домахъ, хотя отчасти и поврежденныхъ, и уповаемъ на Господа Бога и на Его чудотворную святую силу, видимо подсесь укрывающую насъ отъ гибельнаго дѣйствія непріятельскихъ смертоносныхъ снарядовъ. Мы уже обстрѣлялись и прислушались къ треску и свисту ядеръ и бомбъ; намъ кажется, будто бы это уже такъ должно быть, и минуты тишины намъ кажутся странными. Въ лавкахъ и магазинахъ всѣ торгуютъ, гостинницы тоже всѣ открыты, однимъ словомъ — все идетъ своимъ чередомъ. По вечерамъ, въ хорошую погоду, на новомъ бульварѣ, что у памятника Казарскаго, играетъ военная музыка; тамъ бываетъ много гуляющихъ, и оттуда открывается взору прекрасный видъ окрестныхъ горъ, гдѣ видны даже непріятельскій лагерь, редуты и траншеи. — Въ понедѣльникъ, 6-го декабря, въ высокоторжественный и священный для православной Россіи день тезоименитства Его Величества Государя Императора Николая Павловича, въ здѣшней Михайловской церкви, что близъ вновь строющагося адмиралтейства Свято Николаевскаго собора, совершены были соборнѣ божественная литургія и благодарственное Господу Богу молебствіе, въ присутствіи его преосвященства митрополита *Агаѳангела* (по слабости здоровья не принимавшаго участія въ священнодѣйствіи), его свѣтлости главнокомандующаго военными морскими и сухопутными силами, князя Александра Сергѣевича *Меншикова*, его высокопревосходительства генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена*, его превосходительства исправляющаго должность командира Севастопольскаго порта и военнаго губернатора вице-адмирала *Станюковича* [1], и всѣхъ ге-

---

[1] Вице-адмиралъ Станюковичъ, сверхъ обязанностей своего званія, командуетъ и всѣми укрѣпленіями Севастополя.

нераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ флота и армiи, и при многочисленномъ стеченiи жителей всѣхъ сословiй. Мы всѣ колѣнопреклоненно и единодушно возносили истинно теплыя молитвы въ Всевышнему Царю-Царей, къ Богу силъ, сильному во брани, да сохранитъ на многiя лѣта въ невредимомъ здравiи Помазанника Своего, великаго и единаго въ подсолнечной православнаго Государя нашего Николая Павловича, въ настоящую годину нашего тяжкаго испытанiя. По окончанiи молебствiя, произнесено было соотвѣтствующее торжеству дня слово, священникомъ севастопольскаго адмиралтейскаго Свято-Николаевскаго собора отцомъ Петромъ *Еланскимъ*. Вечеромъ, не смотря на то, что непрiятель бросалъ въ городъ ядра, бомбы и гранаты, на новомъ бульварѣ было многолюдное гулянье, гдѣ играла военная роговая музыка; дамы долго прохаживались въ праздничныхъ своихъ нарядахъ. Нѣтъ словъ описать вамъ, съ какимъ самоотверженiемъ и храбростью моряки наши дерутся и отстаиваютъ близкiй ихъ сердцу Севастополь. Во время самаго жаркаго боя, когда имъ предлагали смѣну отъ орудiй, они и слышать не хотѣли, говоря: «мы начали, мы же и окончимъ или умремъ». Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, на перевязочномъ пунктѣ, когда, послѣ перевязки незначительныхъ ранъ, причиненныхъ осколками бомбъ, или послѣ вынутiя изъ тѣла штуцерной пули, на совѣтъ медиковъ остаться для излеченiя, они отвѣчали: «что мы будемъ напрасно тутъ лежать, когда мы еще въ состоянiи управляться съ орудiями; мы рады стараться, и будемъ драться до послѣдней капли крови, а Севастополя непрiятелю не выдадимъ: онъ его не увидитъ, какъ ушей своихъ». Вотъ настоящiй патрiотизмъ, вотъ духъ русскаго народа, не постигаемый иностранцами! Не могу удержаться отъ слезъ, видя этихъ храбрыхъ и неустрашимыхъ христолюбивыхъ воиновъ, переносящихъ самыя страшныя и смертельныя раны, и что же? вы не услышите ни одного стона, ни одного ропота, не увидите ни одной слезы. Благослови Господи это храброе войско, и подкрѣпи его мужество! Въ дѣлѣ большой вылазки изъ Севастополя 24-го октября, принимали блистательное участiе дорогiе Царю и Россiи,

Государи Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, встрѣчая хладнокровно всѣ опасности боя. Присутствіе ихъ посреди огня побуждало всѣхъ и каждаго изъ нашихъ къ исполненію священнаго долга Царю и Отечеству. Въ этотъ день они посѣтили всѣ бастіоны и батареи, не смотря на то, что въ это время непріятель дѣйствовалъ со всѣхъ батарей сильнымъ огнемъ. Потомъ ежедневно посѣщали перевязочные пункты, утѣшали и щедрою царственною рукою награждали раненыхъ. Англо-французы поняли теперь, кажется, всю трудность предстоящей имъ задачи—овладѣть Севастополемъ, увидѣвши съ какимъ упорствомъ онъ защищается; они оцѣнили стойкость и мѣткость стрѣльбы нашихъ матросовъ и удивляются ей. Всѣ иностранныя газеты въ одинъ голосъ говорятъ, что «никогда еще осада крѣпости не была предпринимаема съ такими огромными средствами, какъ нынѣ осада Севастополя: противъ этого города дѣйствуютъ разомъ двѣ арміи, — цвѣтъ арміи западной Европы, — съ двойнымъ комплектомъ самыхъ грозныхъ разрушительныхъ средствъ, представляемыхъ новѣйшимъ искуствомъ и военною наукою, и при содѣйствіи никогда невиданныхъ еще на морѣ, въ такой массѣ, громадныхъ флотовъ». И дѣйствительно, едва ли исторія древнихъ и новыхъ временъ можетъ представить годъ, который бы, во всѣхъ многоразличныхъ отношеніяхъ, могъ сравняться съ отходящимъ нынѣ въ вѣчность. Страшная буря взволновала западные народы, какъ волны океана, и всѣ силы, все оружіе запада обращено на Россію. Въ громкихъ рѣчахъ въ Парижѣ и Лондонѣ обѣщаютъ еще новыя, страшныя силы и средства, чтобы разгромить и уничтожить нашъ Севастополь и нашъ черноморскій флотъ, но настоящія силы наши—не въ нашей силѣ, а въ Божіей. Богъ укрѣпитъ насъ и далѣе, а потому, полагаясь на божественное Провидѣніе и на энергическую преданность и стойкость нашихъ защитниковъ, будемъ спокойно и смиренно ожидать нападеній, которыми намъ угрожаютъ, и которыя, быть можетъ, возвѣщаются слишкомъ шумно, для того, чтобы очень насъ напугать. Одному Богу вѣдомо, каковъ будетъ

конецъ, -- будущее въ Его рукахъ. Кто могъ разгадать впередъ окончаніе 1812 года, а не даромъ, быть можетъ, замѣчено, что нынѣшніе наши враги въ тотъ самый день (2-го сентября) ступили нечестивой и святотатственной пятой своей на нашъ благословенный Крымъ, въ какой нѣкогда предшественники ихъ вошли въ первопрестольную столицу.—У насъ бываютъ частыя ночныя вылазки. Одна изъ нихъ, въ ночи 30-го ноября, увѣнчалась замѣчательнымъ успѣхомъ. Охотники, отправившіеся къ французской траншеѣ съ бастіона № 4-й, перекололи тамъ много непріятелей; взяли у нихъ три небольшія мортиры и много другого оружія, и сверхъ того привели нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, офицеровъ и солдатъ. Но эта вылазка стоила и намъ не дешево: къ общему сожалѣнію, участвовавшій въ ней лейтенантъ *Батьяновъ* былъ смертельно раненъ штуцерною пулею въ животъ и, послѣ 9-ти-дневныхъ страданій, умеръ. Этотъ молодой человѣкъ, которому было только 20 лѣтъ отъ роду, подавалъ собою большія надежды, выказавъ на дѣлѣ неоднократно свою храбрость и неустрашимость, чѣмъ и пріобрѣлъ общее уваженіе, и обратилъ на себя вниманіе своихъ начальниковъ. Миръ его праху (1)! Ежедневно, именно ежедневно, передаются къ намъ по нѣскольку человѣкъ французовъ, англичанъ и турокъ. Турки говорятъ, что англичане заставляютъ ихъ работать какъ скотовъ, а кормятъ какъ собакъ; французы и англичане тоже жалуются на дурное содержаніе, а что будетъ съ ними, когда пойдетъ снѣгъ и настанутъ морозы? Всѣ плѣнные и добровольно передающіеся къ

---

(1) Въ другомъ письмѣ намъ сообщаютъ о слѣдующихъ бойкихъ вылазкахъ: Въ ночи съ 8-го на 9-е число декабря, сдѣланы были двѣ вылазки съ 3-го бастіона: одна подъ начальствомъ лейтенанта Бирюлева, а другая лейтенанта Астапова: обѣ колонны ворвались въ непріятельскія траншеи, штыками выгнали изъ нихъ англійскіе караулы, и обратили ихъ въ бѣгство. Въ плѣнъ взято 25 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 офицера. 18-го декабря лейтенантъ Бирюлевъ, еще разъ совершилъ блестящій подвигъ, штыками выбилъ непріятеля, вознамѣривавшагося утвердиться на новомъ мѣстѣ около 4-го бастіона, чтобъ расположить тамъ своихъ стрѣлковъ, и тѣмъ принесъ гарнизону несомнѣнную пользу. При этой вылазкѣ отрѣзанные французы переколоты, а 10 зуавовъ взято въ плѣнъ.

намъ въ одинъ голосъ говорятъ, что они считаютъ себя счастливыми, что попались въ наши руки. Они всѣ изнурены отъ работъ, холода и голода; чтобы только перейти къ намъ, они рискуютъ на всѣ возможныя опасности. Для примѣра скажу вамъ, что перебѣжчики съ французскихъ батарей и траншей, что у мыса Херсонеса, чтобы не попасться въ своей цѣпи, пускаются вплавь чрезъ Карантинную бухту, нѣкоторые изъ нихъ, не умѣя плавать, тонутъ. Изъ всего этого можно заключить, въ какомъ несчастномъ состояніи должна быть армія трехъ союзныхъ державъ, которую величаютъ цвѣтомъ западной Европы!—Разскажу вамъ еще, какимъ образомъ жители города Балаклавы избавились отъ плѣна. Разсказъ этотъ заимствованъ мною изъ словъ, бывшаго 15 дней у нихъ въ плѣну, священника Балаклавскаго греческаго пѣхотнаго баталіона, отца Антонія *Аргириди*, который, вмѣстѣ со всѣми жителями Балаклавы, освобожденъ и находится теперь въ Севастополѣ. По занятіи непріятелемъ города Балаклавы, говорилъ мнѣ священникъ, 14-го сентября вошли въ бухту нѣсколько военныхъ кораблей и пароходовъ; матросы немедленно съѣхали на берегъ и бросились по домамъ грабить и таскать все, что попало, на корабли; армія же стала рубить деревья и ломать домы, употребляя лѣсъ на вареніе пищи. Двѣ недѣли жители были сильно угнетаемы, лишившись всего своего достоянія. Утромъ 28-го сентября, главнокомандующій союзными войсками, лордъ *Рагланъ*, призвалъ къ себѣ упомянутаго священника отца Антонія, и съ видомъ гордымъ и сердитымъ сказалъ ему, на французскомъ языкѣ: «До слуха моего дошло, что вы что-то замышляете противъ насъ, и потому я долженъ принять военныя мѣры противъ васъ». Священникъ отвѣчалъ ему, по французски: ваше высокопревосходительство, я не понимаю, что вы этимъ хотите сказать!—«Вы очень хорошо понимаете и должны мнѣ во всемъ сознаться, а не то»... — Объясните мнѣ, повторяю, въ чемъ дѣло, я рѣшительно ничего не понимаю.—«Не понимаете? а кто ведетъ чрезъ Комары русскія войска, кто хочетъ сжечь здѣсь нашъ флотъ? Вы, балаклавскіе греки»!—Помилуйте,

ваше высокопревосходительство, это такъ неправдоподобно, что противъ этого нѣтъ никакихъ и возраженій; во-первыхъ, русскіе гораздо лучше насъ знаютъ всю здѣшнюю мѣстность, и, слѣдовательно, въ вожатыхъ не имѣютъ никакой надобности, а во-вторыхъ, какими средствами мы можемъ сжечь вашъ флотъ? — «Про то вы сами знаете, а я вамъ долженъ сказать, что за подобныя вещи, на основаніи военныхъ законовъ, вы подвергаетесь смертной казни».—Наша жизнь въ вашихъ рукахъ, и если вашему высокопревосходительству угодно будетъ и безвинно насъ всѣхъ казнить, то мы, какъ беззащитные, не можемъ этому противиться. Если вамъ угодно, я соберу всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, и прикажу имъ приготовиться къ смерти, и я первый, какъ священникъ, согласенъ принять казнь; но не забудьте, что вы будете отвѣчать предъ Богомъ за невинно пролитую христіанскую кровь. Но сжальтесь хотя надъ несчастными женщинами и малыми дѣтьми, которыя, вотъ уже двѣ недѣли, страдаютъ, лишившись всего своего достоянія и оставшись безъ крова и хлѣба. — «Я велю взять ихъ на корабли и отправить». Подумавъ потомъ нѣсколько минутъ, генералъ сказалъ: «Нѣтъ! я полагаю, что лучше будетъ для насъ и для васъ, если вы всѣ уйдете отсюда».—Какъ мы уйдемъ и куда пойдемъ отсюда?—«Вы можете идти, куда вамъ угодно». — Помилуйте, ваше высокопревосходительство, мы подвергнемъ жизнь свою опасности, мы должны пройти англійскія, французскія и турецкія цѣпи, мы должны скитаться по степямъ и татарскимъ деревнямъ; дайте намъ какую нибудь помощь.—«Я не могу для васъ снаряжать особый конвой».—Мы этого не просимъ, но дайте намъ какой-нибудь видъ.—«Я вамъ дамъ открытый листъ, по которому васъ никто не тронетъ и не задержитъ». Сказавъ это, генералъ удалился въ кабинетъ, приказавъ адъютанту написать свидѣтельство. Чрезъ $^1/_4$ часа лордъ *Рагланъ* вышелъ въ залу, далъ священнику свернутый листъ бумаги и сказалъ ему: «Вотъ вамъ это свидѣтельство, по которому вы можете смѣло идти куда вамъ угодно; васъ никто не тронетъ и не остановитъ; сроку вамъ даю $1^1/_2$ часа; соберите всѣхъ и ухо-

дите. Но если, по прошествіи означеннаго срока, кто-либо здѣсь окажется, то пусть не гнѣвается»... Сказавъ эти слова, онъ повернулся и ушелъ. Священникъ немедленно собралъ всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, числомъ до 200 душъ, и отправился съ ними пѣшкомъ. Двое сутокъ скитались они день и ночь по лѣсамъ, въ холодную и сырую погоду, не имѣя во рту ни крошки хлѣба и безъ теплой одежды; наконецъ, на третьи сутки, они кое-какъ, полуживые отъ холода и голода, дошли до позиціи нашихъ войскъ, а оттуда пришли въ Бахчисарай. Вотъ подвигъ представителей европейской цивилизаціи! — Заключу двумя словами о погодѣ. Январь самая пора снѣга и мороза, а у насъ зимы еще нѣтъ какъ нѣтъ. Мы до сихъ поръ гуляемъ по вечерамъ на бульварѣ, гдѣ играетъ хоръ военной музыки. — Термометръ показываетъ отъ 7 до 10 градусовъ тепла ([1]).

Г. Славони.

Донесенія князя Меншикова о положеніи дѣлъ подъ Севастополемъ отъ 1-го по 31-е декабря 1854 года.

По послѣднему донесенію генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, подъ Севастополемъ, съ 1-го (13-го) по 3-е (15-е) сего декабря, ничего особеннаго не происходило. Канонада продолжалась въ прежней степени. По ночамъ съ нашей стороны производились частыя и удачныя вылазки ([2]).

Полученное донесеніе генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, отъ 4-го (16-го) декабря, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго о положеніи дѣлъ подъ Севастополемъ. Проливной дождь, продолжавшійся нѣсколько дней сряду, препятствовалъ работамъ непріятеля, который ограничивался бросаніемъ бомбъ въ нѣкоторые изъ нашихъ бастіоновъ,

---

([1]) Одесскій Вѣстн. 1855 г., № 4.
([2]) Русскій Инвал. 1854 г., № 278.

но значительнаго намъ вреда не причинялъ. Англійскія батареи оставались почти въ бездѣйствіи ([1]).

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ отъ 8-го (20-го) декабря, что послѣ 4-го (16-го) числа положеніе дѣлъ подъ Севастополемъ нисколько не измѣнилось. — Мѣткіе выстрѣлы нашихъ стрѣлковъ препятствовали непріятелю продолжать его подступы. Онъ, по видимому, занятъ былъ преимущественно оборонительными работами для упроченія своего положенія на Сапунъ-Горѣ ([2]).

Изъ донесеній, полученныхъ отъ генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, видно, что съ 8-го (20-го) по 14-е (26-е) декабря непріятель никакихъ дѣйствій противъ Севастополя не предпринималъ. Сильный дождь и ненастная погода, по видимому, препятствовали дальнѣйшему ходу осадныхъ его работъ; рѣдкіе выстрѣлы съ непріятельскихъ батарей причиняли намъ мало вреда.

Ночныя вылазки съ нашей стороны продолжались съ успѣхомъ.

Въ ночь съ 8-го на 9-е число, партіи охотниковъ, подъ командою: адъютанта 1-й бригады 4-й флотской дивизіи, лейтенанта *Бирюлева*, лейтенанта *Астапова*, поручика Московскаго пѣхотнаго полка *Бейтнера* и юнкера того же полка *Фролова*, атаковали лѣвый флангъ англійскихъ траншей, съ такою стремительностію, что находившееся тамъ прикрытіе мгновенно опрокинуто и большею частію переколото штыками; при семъ взяты нами въ плѣнъ 3 офицера и 33 рядовыхъ. Съ нашей же стороны ранены: поручикъ *Бейтнеръ*, ходившій охотникомъ въ третій разъ, мичманы: *Григоренко* и *Вороновъ*; нижнихъ чиновъ убито 4, ранено 22.

Въ то же время, для отвлеченія непріятеля, произведена другая вылазка, подъ начальствомъ капитанъ-лейте-

---

([1]) Русскій Инвал. 1854 г., 279.
([2]) Русскій Инвал. 1854 г., № 282.

нанта *Ильинскаго*, на правый флангъ французскихъ траншей. Открытая непріятелемъ, она возвращена безъ особой потери (1).

Полученное донесеніе генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, отъ 21-го декабря (2-го января), не заключаетъ въ себѣ ничего новаго о положеніи дѣлъ подъ Севастополемъ. Французы работаютъ въ траншеяхъ противъ верховья Карантинной бухты, но подступы ихъ впередъ не подвигаются. Съ своей же стороны мы продолжаемъ тревожить непріятеля ночными вылазками. Въ одной изъ нихъ, произведенной 19-го (31-го) числа, подъ начальствомъ лейтенанта *Бирюлева*, захвачено нами въ плѣнъ 10 зуавовъ (2).

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ, отъ 27-го декабря, что положеніе дѣлъ въ Севастополѣ и окрестностяхъ не измѣнилось; въ этотъ день выпалъ тамъ глубокій снѣгъ.

Въ предшествовавшую ночь произведены были двѣ небольшія вылазки на французскія и англійскія траншеи: въ первыхъ—непріятель захваченъ врасплохъ и понесъ значительную потерю.

Съ нашей стороны убито 3, ранено 8 нижнихъ чиновъ (3).

По донесенію генералъ-адъютанта князя *Меншикова* отъ 31-го декабря, подъ Севастополемъ ничего особеннаго не происходило. Траншейныя работы непріятеля впередъ не подвигаются. Огонь вообще причиняетъ намъ мало вреда. Въ окрестностяхъ Евпаторіи были одни только аванпостные случаи (4).

(1) Русскій Инвал. 1854 г., № 286.
(2) Русскій Инвал. 1854 г., № 290.
(3) Русскій Инвал. 1855 г., № 2
(4) Русскій Инвал. 1855 г., № 7.

Иностранныя извѣстія о дѣйствіяхъ и положеніи союзныхъ войскъ въ Крыму, въ декабрѣ 1854 года.

Въ «Neue Preussische Zeitung» напечатана слѣдующая выписка изъ одного письма изъ Одессы, отъ 1-го декабря. «Вы удивитесь, если я скажу, что торговля нашего города ни на минуту не прекращалась. Всякій день корабли отправляются въ Константинополь. Идущіе оттуда осматриваются непріятельскими военными судами, но тѣмъ дѣло и оканчивается. Причина этого послабленія со стороны воюющихъ державъ весьма естественно объясняется: онѣ не могутъ обойтись безъ многихъ нашихъ произведеній, напримѣръ, маслянистыхъ сѣмянъ, отправляемыхъ большею частію въ Марсель. Еслибъ наше правительство не заблагоразсудило воспретить отпускъ хлѣба, за полгода передъ симъ, изъ портовъ Чернаго моря, то торговля наша почти нисколько бы не потерпѣла отъ войны. Впрочемъ это запрещеніе сдѣлалось необходимымъ, по полученіи свѣдѣній, что изъ Одессы намѣрены были снабжать хлѣбомъ Варну, а теперь тоже самое было бы и для крымской арміи. Естественнымъ послѣдствіемъ запрещенія отпуска хлѣба — низкая цѣна, особенно потому, что урожай у насъ былъ превосходный. Отъ этого произошла и та выгода, что армія наша снабжена всѣмъ обильно. Рогатаго скота и овецъ также много въ Крыму. Иностранныя газеты въ страшномъ заблужденіи, полагая, что дороги намъ непроходимы. Зимній путь продолжается здѣсь три мѣсяца и на саняхъ ѣздятъ до Симферополя. Наша храбрая армія не будетъ имѣть недостатка ни въ чемъ. Мы здѣсь часто видимъ офицеровъ, проѣзжающихъ изъ Севастополя. Тамъ вовсе не опасаются за эту крѣпость. Мы потерпѣли значительныя потери, но отъ огня непріятеля, а не отъ болѣзней. Надобно почитать особеннымъ счастьемъ, что холера не перешла къ намъ отъ непріятеля. Извѣстно, что нашъ солдатъ не избалованъ; пища его всегда одинакова, между тѣмъ какъ союзныя войска должны довольствоваться самою скудною пищею. Сверхъ того союзники спятъ, такъ сказать, подъ открытымъ небомъ, а наши сол-

даты предохранены отъ дождя и вѣтра въ домахъ Севастополя, въ казармахъ фортовъ и въ деревняхъ по рѣкѣ Черной. При томъ же наши солдаты умѣютъ скоро и мастерски строить землянки. Изъ всего этого вы усмотрите, почему мы менѣе терпимъ во всѣхъ отношеніяхъ отъ этой зимней кампаніи, чѣмъ нашъ непріятель. Не говоритъ ли русскій, «что зима другъ его?» Ненадобно также забывать, что зима бываетъ суровѣе на высотахъ Балаклавы, чѣмъ на низменностяхъ Севастополя, гавань котораго никогда не замерзаетъ. Что же касается до Одесскаго порта, онъ покрывается льдомъ ежегодно на четыре или на шесть недѣль и ледъ этотъ далеко простирается въ море. Слѣдственно мы скоро будемъ защищены отъ непріятельскихъ флотовъ.

— Въ извѣстіяхъ изъ Константинополя, отъ 4-го декабря, полученныхъ по телеграфу изъ Тріеста, сообщаютъ въ «Аугсбургской газетѣ» слѣдующее:

«Безпрестанно проходятъ здѣсь войска и отправляются въ Крымъ. Французы оставили передъ Балаклавою одни паровыя, но у англичанъ находятся тамъ и парусныя суда. Здѣсь распространился слухъ, что принцъ Наполеонъ желаетъ возвратиться во Францію. Герцогъ Кембриджскій страждетъ лихорадкою и живетъ въ Перѣ. Онъ ждетъ инструкцій изъ Лондона.

— Увѣряютъ (пишутъ въ «Zeit»), что всѣ парусные корабли союзнаго Черноморскаго флота возвратятся на зиму въ Англію и во Францію и будутъ замѣнены паровыми судами, для которыхъ бури не такъ опасны ([1]).

Въ «Times» напечатаны выписки изъ писемъ англійскихъ офицеровъ, служащихъ въ Крыму. Одинъ изъ нихъ былъ лично упомянутъ главнокомандующимъ за отличное свое поведеніе.

Отъ 12-го декабря (30-го ноября). Подкрѣпленія наши

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 279.

служатъ только для умноженія больныхъ въ лазаретахъ и числа погребаемыхъ. Несчастные пріѣзжаютъ къ намъ во время проливныхъ дождей и высаживаются въ глубокую грязь, часто не имѣя даже пищи. Они жалуются, бранятся, и ихъ заставляютъ молчать, пріучая такимъ образомъ къ безнаказанному неповиновенію. Это разстройство ведетъ ихъ въ госпиталь или въ могилу. Лордъ *Рагланъ* нигдѣ не показывается. Въ нѣкоторыхъ полкахъ нашихъ нѣтъ врачей, въ другихъ нѣтъ медикаментовъ, нѣтъ средствъ къ перевозу. 46-й полкъ вышелъ на берегъ 10-го ноября, въ числѣ 706 человѣкъ. Полкъ этотъ не былъ въ дѣлѣ противъ непріятеля, кромѣ отправленія траншейной службы, и уже потерялъ 114 человѣкъ и имѣетъ 257 больныхъ. Число нашихъ больныхъ, не считая находящихся на корабляхъ въ Балаклавѣ и въ Босфорѣ, простиралось вчера до 3,181 человѣка. Словомъ, наши войска совершенно упали духомъ, и представляютъ только сбродъ людей въ лохмотьяхъ, въ грязи и въ нищетѣ.

Отъ того же числа. Пушки наши представляютъ печальное зрѣлище: нѣкоторыя разорвало, у другихъ сломаны цапфы; иныя, наконецъ, подбиты и ни въ какомъ отношеніи не могутъ служить. Вчера повреждена была еще 68-ми-фунтовая пушка самымъ страннымъ образомъ: непріятельскую бомбу разорвало въ жерлѣ ея, и произвело трещину въ 2—3 фута длиною. Я видѣлъ ее въ нашихъ траншеяхъ изломанную и избитую. И однако же, если погода позволитъ, мы надѣемся вскорѣ починить наши батареи и открыть огонь сильнѣе, нежели въ первые дни осады. Что же касается до Севастополя, который мы хорошо видимъ въ подзорныя наши трубы, то самыя улицы его до того кажутся укрѣпленными, что, если мы овладѣемъ внѣшними укрѣпленіями, взятіе остального города противопоставитъ намъ еще большія укрѣпленія. Городъ, кромѣ нѣкоторыхъ казармъ и внѣшнихъ зданій, ни мало не потерпѣлъ, и великолѣпные его арсеналы и верфи находятся въ совершенной цѣлости ([1]).

([1]) Сѣв. Пчела 1855 г., № 2.

«Новая Прусская газета» говоритъ въ нумерѣ 24-го (12-го) декабря: «Теперь, когда союзныя арміи въ Крыму со всѣхъ сторонъ получаютъ подкрѣпленія, когда даже *Омеръ-паша* значительно ослабилъ себя для этой цѣли, нѣтъ никакого сомнѣнія, что продолженіе осады Севастополя будетъ важнѣйшимъ предметомъ новаго похода, и что Одессу едва ли изберутъ этимъ предметомъ. Вотъ почему: во-первыхъ, союзники принесли для завоеванія Севастополя уже столько жертвъ, что, конечно, незахотятъ, чтобы эти жертвы были принесены безъ всякой пользы; при томъ же, снятіе осады съ Севастополя будетъ все равно, что пораженіе. Во-вторыхъ, въ Англіи давнымъ давно не думаютъ скрывать, что главная цѣль нынѣшней войны есть истребленіе русскаго флота и уничтоженіе русской военной гавани на Черномъ морѣ. Въ-третьихъ, посаженіе союзныхъ войскъ опять на суда, въ присутствіи почти равносильнаго непріятеля, кажется предпріятіемъ весьма дерзкимъ и, вѣроятно, можетъ быть выкуплено только самыми тяжкими жертвами. Въ-четвертыхъ, открытіе военныхъ дѣйствій противъ Одессы съ суши и моря потребовало бы такого множества приготовленій, что о нихъ, конечно, нельзя теперь и думать. Въ-пятыхъ, Севастополь, въ военномъ отношеніи, есть предметъ несравненно важнѣйшій, нежели Одесса». Въ другой статьѣ, таже газета говоритъ: «Легко можетъ быть, что западныя державы намѣрены заключить нынѣшній годъ и свой таврическій походъ рѣшительнымъ ударомъ. На полуостровъ уже прибыли или ожидаются многочисленныя подкрѣпленія, съ военными запасами всякаго рода—горькій упрекъ необдуманности, съ какою начато это предпріятіе. Даже полузабытая турецкая армія снова является на сцену, потому что идетъ рѣчь о перевезеніи изъ Варны въ Крымъ 20 или 30,000 человѣкъ. Для чего посылаютъ туда этотъ корпусъ? При мѣрахъ, какія приняты въ Парижѣ и Лондонѣ, онъ едва ли нуженъ для непосредственнаго подкрѣпленія армій союзниковъ; потому, съ перваго взгляда, слухъ, по которому турки должны высадиться при Евпаторіи, кажется нѣсколько основательнымъ, но только съ перваго взгля-

да. Въ самомъ дѣлѣ, если мусульмане останутся тамъ, то это не принесетъ союзникамъ никакой пользы: русскимъ придется только усилить немного кавалерійскій наблюдательный отрядъ при Евпаторіи. Обложить Севастополь турецкими войсками съ сѣверной стороны было бы весьма трудно, опасно, бзполезно и, слѣдовательно, глупо. Поэтому туркамъ остается только одна задача—прервать сообщеніе русской арміи съ Перекопомъ. Но такому предпріятію препятствуетъ, во-первыхъ, трудность продовольствія, потому что отъ Евпаторіи до дороги между Симферополемъ и Перекопомъ почти три перехода; во-вторыхъ, присутствіе турецкой арміи вовсе не такъ страшно для русскихъ, чтобъ они принуждены были выслать противъ нея значительныя силы изъ Перекопа или Симферополя. Ни одинъ русскій генералъ, конечно, не задумается атаковать 20,000 турокъ, въ открытомъ полѣ, съ 10,000 человѣкъ, и побѣда почти всегда оправдаетъ это предпріятіе. Если же мусульмане будутъ разбиты, то совершенное уничтоженіе ихъ корпуса болѣе нежели вѣроятно: за то ручаются способности русской кавалеріи. Изъ всего этого явствуетъ, что едва ли полумѣсяцъ произведетъ благопріятный переворотъ въ положеніи дѣлъ союзниковъ въ Тавридѣ, и всего вѣрнѣе, что войска западныхъ державъ должны ждать помощи лишь отъ самихъ себя» [1].

Газета «Soldatenfreund», основываясь на разсказахъ шкипера одного австрійскаго транспортнаго судна, представляетъ самую поразительную картину бѣдственнаго положенія турецкихъ войскъ въ Крыму. Голодъ, недостатокъ теплой одежды, болѣзни всякаго рода, совершенное небреженіе о раненыхъ — вотъ что должны переносить эти войска. Потому, если *Омеръ-паша* дѣйствительно приметъ начальство надъ турецкими войсками въ Крыму, въ Константинополѣ должны будутъ прежде всего удовлетворить его требованія относительно содержанія и вооруженія оттоманской арміи. —По извѣстію, сообщаемому въ той же газетѣ,

[1] Русскій Инвал. 1854 г., № 284.

планъ, по которому *Омеръ-паша* съ главнымъ корпусомъ своей арміи долженъ былъ произвести диверсію на какой-нибудь пунктъ берега Одесскаго залива, оставленъ безъ исполненія, союзные главнокомандующіе рѣшились присоединить всѣ эти турецкія войска къ своей арміи, чтобы открыть наступательныя дѣйствія противъ арміи князя *Меншикова.* — Въ Марсель прибылъ, 16 (28) декабря, пароходъ «Египетъ», отправившійся изъ Константинополя 6 (18) числа. По полученному съ нимъ извѣстію адмиралъ *Дондасъ*, начальникъ британской эскадры на Черномъ морѣ, готовился отправиться обратно въ Англію; начальство надъ британскою эскадрою принялъ сэръ Эдмондъ *Лайонсъ.* Адмиралъ *Гамеленъ* равномѣрно долженъ былъ скоро возвратиться во Францію, сдавъ начальство надъ французскою эскадрою на Черномъ морѣ вице-адмиралу *Брюа* — Въ письмѣ изъ Балаклавы, полученномъ газетою «Гамбургскій корреспондентъ», сообщаютъ, между прочимъ, что французы, не смотря на свое вольнодумство, твердо вѣрятъ силѣ амулетовъ: ихъ носятъ почти всѣ нижніе чины, многіе офицеры и даже, какъ увѣряютъ, генералы *Боске* и *Форе.* Какъ извѣстный амулетъ генерала *Канробера* спасъ ему жизнь въ дѣлѣ при Алмѣ (гдѣ пуля, ударившая въ грудь генерала, была остановлена его ладонкою), то этотъ генералъ слыветъ теперь неуязвимымъ (въ инкерманскомъ сраженіи, однако жь, онъ получилъ нѣсколько контузій). Увѣряютъ, что и принцъ Наполеонъ носитъ не менѣе могущественный талисманъ. Французскіе врачи нерѣдко находили на мертвыхъ амулеты христіанскіе, турецкіе и даже еврейскіе, всѣ вмѣстѣ. Французскія африканскія войска и тунисцы носятъ на груди подражаніе талисману *Эль-Херезъ;* турки и египтяне снабжаютъ свои рубахи изреченіями изъ корана. Между англійскими войсками только шотландцы и ирландцы носятъ амулеты.

Въ «Прусскомъ государственномъ указателѣ» пишутъ что, по извѣстіямъ изъ Константинополя отъ 3 (15) декабря, туда не переставали прибывать изъ Крыма больные и раненые, которыхъ, за неимѣніемъ мѣста въ госпи-

таляхъ, надобно было перевозить во временный Ногераскій госпиталь, въ Дарданеллахъ. Кромѣ того нанятъ въ Перѣ большой домъ, который хотятъ превратить въ госпиталь. — Извѣстія изъ Константинополя отъ 6 (18) декабря, полученныя въ Тріестѣ, содержатъ въ себѣ слѣдующее: «адъютантъ французскаго императора де-*Монтебелло* привезъ съ собою приказаніе прекратить пока всѣ наступательныя дѣйствія противъ Севастополя. Англо-французскія войска отправлены въ Балаклаву; но, въ продолженіе послѣднихъ 9-ти дней, изъ этого города прибыло сюда слишкомъ 5,000 человѣкъ больныхъ; если это продолжится, то всѣхъ подкрѣпленій едва будетъ достаточно для пополненія убыли. (1)

Изъ лагеря передъ Севастополемъ пишутъ, отъ 6-го (18-го) декабря, газетѣ «Morning-Herald»: «Кстати о климатѣ скажу вамъ, что такъ называемыя *изъ учтивости* зимняя одежда получена нами вчера. Но, право, лучше, было бы для правительства и не говорить объ этомъ, потому что тогда бы бѣдные наши солдаты вовсе и не думали о зимней одеждѣ посреди всѣхъ лишеній, которымъ подвергаются. Но эта несчастная одежда получена и всякая надежда разсѣялась. Я не думаю, чтобы правительство хотѣло подшутить надъ арміей, но, право, трудно вѣрить, чтобы оно не на шутку думало, что такія тряпки могутъ охранить насъ отъ холода. Такъ называемый comforter особенно смѣшонъ до крайности. Представьте себѣ кусокъ шерстяной матеріи въ нѣсколько дюймовъ шириною и 3 дюйма длиной,—равняющійся по величинѣ обыкновенному кушаку. Этого едва достало бы на дѣтскій нагрудникъ. Я нарочно храню нѣсколько экземпляровъ такой одежды, какъ одну изъ величайшихъ рѣдкостей крымской экспедиціи. Офицеры спрашиваютъ другъ друга, неужели изъ такихъ пустяковъ надѣлали столько шуму въ Англіи? Солдаты охотно бы промѣняли это тряпье на мѣшокъ сухарей. А между тѣмъ, по словамъ газетъ, помышляютъ о

(1) Русскій Инвал. 1854 г., № 289.

благосостоянiи армiи! Несчастнѣе всего для насъ равнодушiе начальниковъ къ бѣдствiямъ армiи. Лорда *Раглана* не видать; присутствiе его обличаютъ только рѣдкiе приказы, имъ издаваемые. Въ войскѣ страшно свирѣпствуетъ цынга, благодаря сырости и пищѣ, почти исключительно состоящей изъ соленой свинины. Не трудно было бы выписать изъ Варны скотъ и даже овощи. Но пока управленiе будетъ имѣть подъ рукою соленое мясо, оно не дастъ себѣ труда добывать что-либо другое, если не получитъ на этотъ счетъ строжайшихъ предписанiй».

«*Изъ Балаклавы, отъ* 6-го (18) *декабря*. Я вижу наконецъ войну не въ томъ видѣ, въ какомъ англичане обыкновенно ее описываютъ, какъ нѣчто славное, а во всемъ ея безобразiи и ужасѣ. Балаклавскiй портъ запруженъ кораблями, которые выгружаются. Бочевки сухарей, свинины, рому, ящики съ одеждой, осадныя орудiя, мѣшки картофеля, ячменя, ящики съ карабинами Минье—все это разбросано въ густой и черной грязи. Люди блѣдные и ободранные, напоминающiе несчастныхъ ирландскихъ крестьянъ, едва двигаются посреди вонючей грязи, изгибаясь подъ тяжелыми ношами; это солдаты нашихъ пѣхотныхъ полковъ, нѣкогда столь крѣпкiе и блестящiе. Прибавьте къ этому около 200 лошадей, съ трудомъ носящихъ въ этой вязкой грязи своихъ всадниковъ, въ которыхъ, по нѣсколькимъ жалкимъ остаткамъ каски или шашекъ, можно угадать кавалеристовъ, принадлежавшихъ къ тѣмъ 9-ти полкамъ, въ которыхъ, при высадкѣ ихъ въ Крыму, было до 2,600 человѣкъ.... Страданiя турокъ невыразимы. Въ деревнѣ, въ которой ихъ помѣстили, они буквально умираютъ съ голода, по 300 человѣкъ въ день».

Газетѣ «Daily-News» пишутъ изъ Крыма: «Насъ увѣряютъ, что между воюющими державами дѣлаются приготовленiя къ миру. Дай Богъ, чтобы эти слухи были справедливы, и чтобы миръ наконецъ заключили; я уже выбился изъ силъ и эта кампанiя убиваетъ меня; товарищи мои еще болѣе истощены, а жены наши находятся въ такомъ положенiи, которое трудно себѣ

представить. Кровяной поносъ довелъ меня до гробовой доски, и, къ несчастію, для арміи нѣтъ надежды на выздоровленіе, безъ перемѣны мѣста. А это химерическое желаніе, потому что Севастополь все еще держится и нѣтъ никакихъ признаковъ, по которымъ бы можно полагать, что онъ сдастся. Русскіе такъ же страшны, какъ и въ первый день, и ихъ ночныя вылазки не даютъ намъ покоя. Погода сыра и холодъ чрезвычайно силенъ. Можно сказать буквально, что мы умираемъ отъ холода, и болѣзни въ кишкахъ производятъ у насъ почти такія же опустошенія, какъ и холера.» (¹)

Въ «Morning Herald» пишутъ изъ Севастополя, отъ 9-го (21-го) декабря: «русскіе, кажется, увѣрены, что имъ легко нападать въ расплохъ на наши посты, и я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что не разъ уже надежды ихъ были оправданы событіями. Солдаты не виноваты. Послѣ 24-хъ или 30-ти часовъ безпрерывной работы имъ нельзя не заснуть. Если бъ ихъ и по 100 человѣкъ въ день разстрѣливали за то, что они спали на своемъ посту, они все же бы уснули. Въ этомъ положеніи дѣлъ французы мало разсчитываютъ на бдительность нашихъ часовыхъ, и говорили, что они поставятъ свои аванпосты впереди нашихъ. Не вѣрю этому, хотя на новыхъ батареяхъ близъ того пункта, гдѣ на насъ напали въ расплохъ 5-го ноября, у Инкермана, французскіе часовые замѣнили нашихъ. Теперь французскіе солдаты находятся въ караулѣ только одну ночь изъ пяти. Во время дождей замѣчено было, что когда наши часовые хотѣли стрѣлять, изъ пяти выстрѣловъ только при одномъ не было осѣчки. Небольшой непромокаемый слой на капсулѣ предохранилъ бы насъ отъ этого; мы понесли отъ того большія потери при Инкерманѣ». (²)

Корреспондентъ «Кельской Газеты,» выѣхавшій изъ

(¹) С.-Петер. Вѣд. 1855 г., № 7.
(²) Сѣв. Пчела 1855 г., № 9.

Крыма 9-го (21-го) декабря, описываетъ положеніе дѣлъ слѣдующимъ образомъ: «турецкій лагерь представляетъ ужасное зрѣлище: вездѣ грязь, разорванныя палатки, мундиры, едва похожіе на какую-нибудь одежду, и солдаты, которыхъ едва ли можно назвать солдатами. И однако же они спокойно сидятъ въ грязи и курятъ. Всякій пріѣзжій изъ Константинополя принимается ими съ такою радостью, какъ будто бы они были на нѣсколько тысячъ миль отъ столицы. Объ англичанахъ и объ ихъ храбрости они говорятъ съ уваженіемъ, но жалуются на ихъ холодность и необходительность. Объ англійскомъ легерѣ мы толковали много: онъ во всемъ противоположенъ французскому. Въ немъ вовсе нѣтъ дорогъ, кромѣ одной, которую принуждены были недавно проложить для перевоза огромныхъ мортиръ. Между изорванными палатками валяются палые лошади и быки, и никто не думаетъ удалить трупы, заражающіе воздухъ. Привезенные изъ Англіи матеріялы для постройки бараковъ лежатъ въ водѣ, и будутъ лежать безъ употребленія, пока не привезутъ изъ Англіи нужныхъ для постройки ихъ гвоздей. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ купцовъ сообщилъ любопытныя замѣчанія, напримѣръ: англичане спрашиваютъ въ лавкахъ шампанскаго и коньяку, а французы иголъ и нитокъ. Передъ всѣми англійскими конторами видѣлъ онъ бочки съ пустыми или разбитыми бутылками. Пріятель мой видѣлъ вблизи осажденную крѣпость, и увѣряетъ, что въ ней нѣтъ и слѣда бреши, и что стѣны Севастополя невредимы и несокрушимы. На вопросъ: когда же возьмутъ городъ? одинъ изъ провожатыхъ зуавовъ отвѣчалъ: «когда на одной недѣлѣ будетъ три четверга». Не смотря на это, въ лагерѣ всѣ желаютъ скораго приступа. Когда генералъ *Канроберъ* ѣздитъ по лагерю, ему со всѣхъ сторонъ кричатъ: «на приступъ, генералъ!» (¹)

Въ «Presse» напечатаны отрывки изъ письма одного молодого офицера 4-й дивизіи: «Любезный другъ! Я ду-

(¹) Сѣв. Пчела 1855 г., № 4.

маю, что письмо изъ севастопольскихъ траншей доставитъ тебѣ удовольствіе. Вотъ почему рѣшаюсь писать къ тебѣ. Мы стоимъ на огромной плоской возвышенности между Севастополемъ и Балаклавою, имѣя съ трехъ сторонъ русскихъ, а съ четвертой море. Эта позиція покажется вамъ не очень завидною, потому что мы не можемъ двинуться ни взадъ, ни впередъ, и однако же мы должны сдѣлать что-нибудь рѣшительное, иначе (развѣ миръ вывелъ бы насъ изъ затрудненія) мы всѣ перемремъ отъ поноса и отъ неизбѣжныхъ слѣдствій нашего жалкаго положенія. Третья часть арміи больна; дрова день ото дня становятся рѣже; мы уже не знаемъ, что значитъ свѣжее и сваренное блюдо. Я не грѣлся со времени моего отъѣзда изъ Англіи, и, кажется, увы! не буду грѣться до вступленія въ Севастополь. Кромѣ возможности быть убитымъ пулею, ядромъ, бомбою и пр., всего хуже то, что мнѣ угрожаетъ преждевременная старость отъ ужасныхъ лишеній, которымъ я подвергаюсь, и отъ непогодъ, которыя не позволяютъ мнѣ обсохнуть.—А что вы думаете о Севастополѣ? Вы со всякою почтою ждете извѣстія о паденіи его. И что же? Думаю, что вы прождете напрасно, потому что ничего не будетъ рѣшено прежде 2-хъ, 3-хъ мѣсяцевъ. Мы до сихъ поръ достигли только одного результата, а именно: сдѣлали городъ вшестеро крѣпче, нежели какъ онъ былъ до осады. Русскіе каждый день воздвигаютъ новыя батареи и возобновляютъ свои пушки. Наши же, напротивъ того, со дня на день болѣе портятся, и я думаю, что теперь у насъ нѣтъ и дюжины изъ тѣхъ, которые открывали огонь, и которые могли бы дѣйствовать всѣ вмѣстѣ. Русскіе нападаютъ на насъ безпрестанно, а на французовъ еще чаще. Инженеры наши увѣряютъ, правда, что начнется новый огонь изъ новыхъ пушекъ, и что послѣ этой бомбардировки мы пойдемъ на общій приступъ. Я не вѣрю ни одному слову. Если мы дѣйствительно пойдемъ на приступъ, то потеряемъ половину арміи. Мы уже видѣли прекрасный тому примѣръ при Инкерманѣ. Вы еще не знаете всей истины объ этомъ ужасномъ днѣ. Если бы знали, то Богъ вѣсть, что заго-

ворили бы въ Англіи. Орлы и собаки преслѣдуютъ насъ цѣлыми стаями, привлекаемые запахомъ труповъ, которыми мы завалены. Я насчиталъ 128 палыхъ лошадей на одномъ пунктѣ близъ Инкермана.

«*P. S.* 10 го (22-го) *декабря.* Русскіе сдѣлали въ эту ночь большую вылазку. У насъ убитъ одинъ штабъ-офицеръ, трое другихъ взяты въ плѣнъ и уведены въ Севастополь. Въ нынѣшнюю ночь буду я стоять въ караулѣ на томъ же мѣстѣ. Авось меня не возьмутъ.» (¹)

Въ «Courrier de Marseille» напечатано слѣдующее письмо:

«*Севастопольскій лагерь,* 11-го (23-го) *декабря 1854.* Работы наши огромны, но состоятъ только изъ земляныхъ укрѣпленій и батарей. Батареи наши давно уже замолкли. Хотятъ, какъ и слѣдуетъ, возобновить огонь по всей линіи, чтобы не подвергать той или другой части отдѣльно сосредоточенному дѣйствію крѣпостной пальбы, которая бы вскорѣ ее уничтожила.

«Мы дѣлаемъ исполинскія приготовленія, но и русскіе не уступаютъ намъ въ дѣятельности. Мы великодушно должны отдать честь ихъ мужеству, энергіи и познаніямъ въ оборонительныхъ средствахъ. Теперь употреблена въ дѣйствіе огромная сила ихъ вооруженій и всѣ возможныя принадлежности къ защитѣ. Словомъ, съ обѣихъ сторонъ борьба усиливается и дѣлается достойною обѣихъ армій. Пѣхота осадной арміи изнурена работою. Нерѣдко проводитъ она по три, по четыре ночи сряду въ траншеяхъ, для караула или для работъ. Вы лучше поймете причины утомленія войскъ, если я скажу, что общее протяженіе всѣхъ сдѣланныхъ нами траншей составляетъ не менѣе 6 лье (24 версты), и эта огромная работа произведена въ почвѣ весьма трудной, плотной, каменистой, которую принуждены были разрывать минами» (²).

(¹) Сѣв. Пчела 1855 г., № 13.
(²) Сѣв. Пчела 1855 г., № 5.

Въ газетѣ «Times» напечатано письмо изъ Балаклавы, отъ сэра *А. Агнеу*, отъ 15-го (27-го) декабря. Извлекаемъ изъ него слѣдующія подробности: «Постараюсь сообщить вамъ небольшое описаніе нашего положенія въ Балаклавѣ. Только въ то время, какъ вы подходите къ прибрежнымъ скаламъ, замѣчаете вы узкое отверстіе, образующее входъ въ балаклавскій фарватеръ, имѣющій только 60 саженъ въ ширину. Вы останавливаетесь въ 40 саженяхъ отъ пристани. Тамъ сцена измѣняется. Городъ ли разстилается передъ глазами? Нѣтъ, а сборище 150 жалкихъ лачугъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ отвѣсными скалами и безднами. Вчера, такъ какъ погода была хороша, я попытался посѣтить лагерь союзниковъ, и направилъ шаги мои къ ближайшему отъ Севастополя пункту, занимаемому легкой дивизіей, вмѣстѣ съ французскими войсками. Съ перваго шага, который я сдѣлалъ, я завязъ въ грязи по колѣна. Турки, французы, англичане, весь лагерь представлялъ зрѣлище смятенія и безпорядка; я никогда въ жизни не слыхалъ такого потока ругательствъ и восклицаній. Артиллерійскіе обозы, запряженные 12-ю лошадьми, другіе верблюдами, почти околѣвшими съ голоду; кавалерія, всадники и лошади которой, конечно, уже мѣсяцъ не видали ни щетки, ни скребницы; тамъ и сямъ, турки несящіе трупы на носилкахъ и вязнувшіе въ океанѣ бездонной грязи— вотъ зрѣлище, котораго я былъ свидѣтелемъ. Справа возвышались крымскія горы, убѣленныя снѣгами, у ихъ подошвы разстилалось мѣсто расположенія русскихъ; а на болѣе близкомъ къ намъ планѣ поле балаклавской битвы, близъ котораго находятся остатки бѣдной истребленной нашей кавалеріи, въ которой нѣтъ и 100 лошадей! Шотландцы находятся въ положеніи не болѣе блестящемъ: и какъ можетъ быть противное, послѣ страшнаго бремени работъ, которымъ ихъ подавляютъ? Налѣво квартира лорда *Раглана*; самъ генералъ, уже мѣсяцъ, скрывается отъ нашихъ взоровъ; наконецъ, пройдя черезъ нѣсколько опустошенныхъ виноградниковъ, пропитанныхъ ужасными испареніями гніющихъ труповъ, ихъ наполняющихъ, вы приходите во французскій лагерь. Я проникъ еще далѣе, до

пикета наиболѣе близкаго къ Севастополю, чтобы на досугѣ обозрѣть то, что происходило въ этой знаменитой крѣпости; дошелъ до батареи въ 40 орудій, на огонь которой русскіе отвѣчали, такъ удачно для нихъ, орудіями большаго колибра. Тамъ я въ первый разъ увидѣлъ наши траншеи. Представьте себѣ, напримѣръ, солдата, ростомъ въ шесть футовъ: его голова подверглась бы опасности быть разбитой ядромъ, потому что превышала бы линію траншеи и, слѣдовательно, для избѣжанія этой опасности, ему бы слѣдовало, иногда въ теченіе трехъ часовъ, лежать и укрываться въ грязи. Согласитесь, что есть отъ чего выйдти изъ терпѣнія. Мы теряемъ, среднимъ числомъ, по 150 человѣкъ въ день, не считая умершихъ отъ непріятельскаго огня. Я въ эту минуту имѣлъ случай хорошо видѣть Севастополь. Видъ города живописенъ и въ то же время великолѣпенъ, и хотя я былъ отъ него на разстояніи только полу-мили и вооруженъ хорошей подзорной трубой, однако не могъ замѣтить никакого безпорядка, ни малѣйшаго слѣда разрушенія. Я не могъ даже видѣть никакихъ признаковъ двухмѣсячной канонады, которой онъ подвергается, но думаю, что сторона, обращенная къ французамъ, болѣе повреждена. Удовлетворивъ моему любопытству, я возвратился въ лагерь дивизіи и теперь опишу вамъ палатку г. *Горгема*. Представьте себѣ конусъ, въ восемь футовъ въ окружности, посреди его смѣсь сапогъ, плащей, пустыхъ бутылокъ и пр., однимъ словомъ, всѣхъ предметовъ ежедневной потребности, штыкъ, вонзенный въ землю, въ видѣ подсвѣчника, а возлѣ него двѣ постели, или, вѣрнѣе, два скверные тюфяка на голой землѣ. Наконецъ принесли обѣдъ: жидкій супъ въ жестяныхъ мискахъ, два куска солонины, каждый въ полфунта вѣсомъ, немного рису (который былъ хорошъ) и сухари, крѣпкіе какъ камни. Выпивъ стаканъ дурнаго рому, я простился съ моими хозяевами и возвратился назадъ по дорогѣ, грязь которой, разстаявшая отъ лучей палящаго солнца, останется навсегда неизгладимымъ для меня воспоминаніемъ, котораго я, однако, описать не въ состояніи. Вотъ результатъ моихъ впечатлѣній: коммиссаріатъ совер-

шенно лишенъ средствъ перевозки припасовъ изъ Балаклавскаго порта въ различные лагери, потому что всѣ лошади, кромѣ небольшого числа, поставляемаго артиллеріей, околѣли. Корабли и магазины часто наполнены предметами первой необходимости; но, по недостатку средствъ къ перевозкѣ, люди умираютъ отъ лишеній и страданій. Все, что я видѣлъ, заставляетъ меня невольно краснѣть».

Изъ Скутари пишутъ той же газетѣ, отъ 4-го января. «Со времени послѣдняго моего письма, къ намъ прибылъ изъ Крыма новый транспортъ изъ 1,000 больныхъ. Эти печальные грузы быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ. Я не могу выразить вамъ тяжелаго впечатлѣнія, производимаго на насъ прибытіемъ этихъ зловѣщихъ кораблей и молчаливымъ, мрачнымъ высаживаніемъ на берегъ этихъ несчастныхъ жертвъ. Это одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя долго преслѣдуютъ и помрачаютъ воображеніе свидѣтелей такой грустной картины. Никогда нельзя было бы представить себѣ, чтобъ англійскій солдатъ, какимъ мы его знаемъ въ отечествѣ, могъ упасть до такой степени! Между тѣмъ, эта истина является теперь передъ нами во всей страшной дѣйствительности. Мы видимъ теперь, что наша армія была въ численномъ отношеніи ниже обязанности, которую мы приняли на себя. Сила англійскаго солдата имѣетъ свои предѣлы, какъ всякая человѣческая сила, и, вопреки всѣмъ патріотическимъ увлеченіямъ, неумолимое слѣдствіе обнаруживается передъ нами здѣсь со всей строгостью математической выкладки. Изъ нашихъ 4.000 больныхъ, 3,000 должно приписать принятому нами участію въ экспедиціи, столь несоразмѣрной съ нашими средствами. Не мое дѣло осуждать наше управленіе. Но какъ молчать, когда ежедневно наши силы слабѣютъ и храбрыя войска наши не выдерживаютъ бремени осады, участіе въ которой, съ нашей стороны такъ не соотвѣтствуетъ нашимъ силамъ? Наши госпитали умножаются ежеминутно. Кровяной поносъ, какъ всѣ болѣзни свирѣпствующія въ обширныхъ размѣрахъ, все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ эпидеміи; чѣмъ болѣе увеличивается

трудность отсылки нашихъ больныхъ, тѣмъ участь этихъ несчастныхъ становится хуже. Леченіе этой болѣзни представляетъ даже въ Скутари большія трудности, и ихъ далеко не превозмогаютъ; но въ Балаклавѣ рѣшительно невозможно помышлять о какомъ-нибудь леченіи. По единодушному показанію всѣхъ нашихъ врачей, госпиталь этого города—настоящій домъ зачумленныхъ, и я узналъ, что не въ одномъ военномъ лазаретѣ наши больные буквально лежатъ въ грязи, лишенные всякой врачебной помощи и не имѣя никакой другой одежды, кромѣ плохого одѣяла. Намъ стараются доказывать, что всѣ эти мѣры, предложенныя для облегченія участи нашихъ солдатъ, приняты правительствомъ. Я охотно этому вѣрю; но должно сознаться тогда, что какой-то злой рокъ разстроиваетъ и уничтожаетъ всѣ наши соображенія. Къ чему заботиться объ удовлетвореніи всѣмъ потребностямъ, когда никто этимъ не пользуется? Не похоже ли это на обѣдъ, который журавль предложилъ своей пріятельницѣ, лисицѣ? Что за дѣло умирающимъ англичанамъ до того, что изъ Англіи посылаютъ массы лекарствъ, когда корабли, на которыхъ находятся эти умирающіе, совершенно лишены ихъ; когда цѣлые экипажи больныхъ, страдающихъ кровянымъ поносомъ, не имѣютъ и опіума для своего облегченія? Вотъ осязательное доказательство справедливости моихъ словъ. Для нашей арміи въ Крыму настоятельно требуютъ рису. Корабль нарочно отправляется съ этой цѣлью въ Константинополь. И что же, повѣрите ли? Этотъ самый корабль содержалъ въ себѣ половину груза, за которымъ его посылали столь далеко!!.. Неужели Англія позволитъ, чтобы такъ надсмѣхались надъ страданіями ея несчастныхъ солдатъ? Несомнѣнно то, что если не будетъ принято скорыхъ и энергическихъ мѣръ, то ничто не остановитъ возрастающаго усиленія смертности, которая, съ сожалѣніемъ сознаюсь въ томъ, увеличивается съ страшной быстротою. Въ день новаго года (н. ст.) было 40 похоронъ, на другой день 41, а 3-го января 64, такъ что въ три дня скончалось всего 145 человѣкъ, въ томъ числѣ два офицера. Большое число страждущихъ поносомъ, вопреки всѣмъ воз-

можнымъ попыткамъ провѣтриванія, до того испортило воздухъ въ нашихъ госпиталяхъ, что не одна рана не можетъ заживать тамъ. Здоровые скоро заражаются отъ больныхъ и зачумленныя испаренія этой зловонной атмосферы распространяются даже за предѣлы нашихъ ретраншаментовъ (¹).

Въ телеграфической депешѣ изъ Вѣны отъ 13-го декабря, полученной въ «Аугсбургской газетѣ», сообщаютъ слѣдующее: Изъ Балаклавы пишутъ, что англичане готовятся перевезти на корабли свою тяжелую осадную артиллерію, дабы силою войти въ Одесскую гавань, вѣроятно для оставленія тамъ на зимовку части флота. 14-го декабря ходила на вѣнской биржѣ по рукамъ телеграфическая депеша изъ Балаклавы, отъ 7-го числа, о прибытіи въ сей городъ четырехъ англійскихъ полковъ и довольно значительнаго числа французскихъ войскъ.—Говорили также, что туда вскорѣ ожидаютъ самого Омеръ-Пашу.

— Въ письмѣ изъ Лондона, отъ 13-го декабря, въ «Neue Preussische Zeitung» упоминаютъ о слухѣ, распространившемся съ нѣкотораго времени въ Лондонѣ, будто бы союзники намѣрены атаковать позицію русскихъ около 20-го, а по другимъ около 26-го декабря (нов. ст.)

Лондонъ 15-го декабря. Въ нынѣшнемъ засѣданіи нижняго парламента г. *Лейардъ* (бывшій недавно на Востокѣ), одобривъ предложеніе о выраженіи благодарности арміи и флоту, обвинилъ вице-адмирала *Дондаса* въ неспособности, объявивъ, что онъ готовъ доказать свое обвиненіе депешами, полученными правительствомъ (²).

Лондонъ 16-го декабря. Вчера три полка отправились

(¹) С.-Петерб. Вѣд. 1855 г., № 12.
(²) Сѣв. Пчела 1854 г., № 280.

изъ Ирландіи въ Крымъ. На нѣсколько кораблей нагружаютъ въ Вуличѣ новый паркъ осадной артиллеріи [1].

Лондонъ 17-го декабря. Въ приказѣ лорда Раглана объявлено, что, по рѣшенію королевы, должна быть немедленно произведена чрезвычайная раздача одежды каждому солдату восточной арміи.

—Въ «Globe» сказано, что значительныя количества провизіи отправлены на счетъ англійскаго и французскаго интендантствъ для крымской арміи, черезъ австрійскіе предѣлы, и въ той же газетѣ сказано, что англійское правительство приказало отправить въ Крымъ 500 печей [2].

Въ газетѣ «Times» пишутъ, 18-го (30-го) декабря: «Нельзя болѣе отрицать, что крымская экспедиція въ совершенномъ разстройствѣ. Всѣ попытки оспоривать это только служатъ къ лучшему доказательству такого факта и къ тому, что упреки переходятъ изъ одного департамента въ другой. Кромѣ мужества офицеровъ и солдатъ, нѣтъ ни одной изъ потребностей арміи, которая бы не была запущена безвозвратно. По послѣднимъ извѣстіямъ, армія получила половинные раціоны, а нѣкоторые полки были безъ провіанта по нѣскольку дней; солдаты и большая часть офицеровъ дурно одѣты и обуты, не имѣютъ защиты противъ дождя и грязи, живутъ въ сырости и водѣ; лагерь обратился въ море ила и грязи, а госпитали окружены грудами сору.—Изъ гавани нѣтъ никакой дороги въ Балаклаву. 3,000 или 4,000 лошадей околѣли съ голоду и отъ чрезмѣрной работы, и остальныя, нѣсколько сотенъ, обратились въ скелеты; многіе полки вынуждены были замѣнять вьючный скотъ, то есть, переносить провіантъ и припасы изъ гавани въ лагерь; зимняя одежда, полученная въ Балаклавѣ, не могла быть роздана, по недостатку средствъ къ перевозкѣ: смертность доходила до 60 человѣкъ въ день, тогда какъ число больныхъ, перенесенныхъ

[1] Сѣв. Пчела 1854 г. № 282.
[2] Сѣв. Пчела 1854 г., № 283.

въ госпитали и сдѣлавшихся негодными къ службѣ на всю зиму, гораздо значительнѣе; во всемъ недостатокъ: въ пушкахъ, мортирахъ, ядрахъ, бомбахъ, топливѣ, матеріялахъ для постройки бараковъ,—во всемъ, что необходимо не для военныхъ операцій, а для существованія, и армія уменьшается и исчезаетъ не въ сраженіяхъ, а по неимѣнію всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для жизни. Стоитъ только бросить взглядъ на получаемыя нами письма, чтобы ежеминутно открывать новые недостатки. Бѣдные солдаты! Они знаютъ, что нуждаются, но имъ нечего сказать намъ. Офицеры или идутъ прямо на смерть, или удаляются подъ какимъ-либо предлогомъ, потому что имъ надоѣла служба, которая не даетъ ихъ мужеству и достоинствамъ средства выказаться. Врачи, свѣдущіе судьи, предсказываютъ, что еще до марта мѣсяца погибнутъ двѣ трети арміи. Всѣ энергическіе люди впадаютъ, не въ апатію, а въ отчаяніе. Между тѣмъ, лорда *Раглана* едва видѣли со времени инкерманскаго сраженія. Вообще полагаютъ, что онъ или не знаетъ положенія дѣлъ, или считаетъ себя неспособнымъ оказать въ этомъ случаѣ помощь и держится въ сторонѣ, не имѣя возможности искоренить зло. Къ несчастію для начальниковъ, но къ счастію для истины и интересовъ страны, есть средства удостовѣриться, до какой степени этотъ страшный безпорядокъ неразрывно связанъ съ планомъ экспедиціи, положеніемъ арміи, климатомъ и дурнымъ управленіемъ. На ряду съ нашей арміей стоитъ французская армія, почти вдвое превосходящая нашу числомъ. Тамъ дѣло совсѣмъ другое. Солдаты хорошо накормлены и имѣютъ здоровый видъ, а не походятъ на ходячіе скелеты; они хорошо одѣты и сохраняютъ даже нѣкоторое изящество въ своихъ манерахъ, тогда какъ у нашихъ солдатъ ноги завернуты въ сѣно, а сами они ходятъ въ разодранныхъ шинеляхъ. Бараки французовъ уже выстроены и прикрыты отъ дождя; у нихъ обиліе въ припасахъ, есть даже роскошь; у нихъ фургоны и лазареты съ лошаками, въ большомъ количествѣ и въ хорошемъ видѣ; они ссужаютъ насъ людьми для прокладыванія дорогъ, а сами устроили себѣ хорошую дорогу до своей га-

вани, еще до наступленія осени. Во всѣхъ отрасляхъ управленія обнаруживается тотъ же контрастъ. Англійская армія, которая должна закладывать для перевозки одной пушки по 40 лошадей, съ удивленіемъ видитъ, что лазаретные лошаки, *ссуженные французами для перевозки нашихъ больныхъ*, такъ же крѣпки и здоровы, какъ въ день высадки ихъ въ Галлиполи. Вездѣ, гдѣ англичане встрѣчаются съ французами, выказывается этотъ плачевный для насъ контрастъ, и невозможно не заключить изъ этого, что у французовъ есть армія, а у насъ нѣтъ. Во всѣхъ домашнихъ и гражданскихъ дѣлахъ мы хвастаемъ устройствомъ, порядкомъ, опрятностію, комфортомъ, изобиліемъ всѣхъ нашихъ элементовъ силы и дѣятельности. Въ войнѣ, мы нуждаемся во всѣхъ этихъ качествахъ. Невозможно не подумать о причинахъ этой постыдной и глубокой разницы. Англійскій солдатъ долженъ видѣть, что французами начальствуютъ офицеры, знающіе свое дѣло и заботящіеся во всѣхъ отношеніяхъ о судьбѣ солдата, тогда какъ въ нашей арміи замѣтно совершенно противное. Но что́ же дѣлать? Отвѣтъ, въ извѣстныхъ сферахъ, очевидно будетъ: *ничего*. Есть, дѣйствительно, люди, которымъ пріятнѣе было бы, если бы экспедиція совсѣмъ рушилась и Британскіе острова были поглощены океаномъ, лишь бы только не уничтожить и не переобразовать энергически хотя малѣйшую часть оффиціальной системы покровительства, старшинства и кажущагося порядка, поддерживавшей обманчивый видъ военной силы, во время глубокаго, сорокалѣтняго мира. Есть люди, для которыхъ не было бы несчастіемъ, еслибъ главнокомандующій и его главный штабъ пережили всѣхъ на высотахъ Севастополя, получили ордена, поименовывались во всѣхъ депешахъ и были бы готовы возвратиться въ отечество, чтобъ пользоваться тамъ пенсіями и почестями, посреди костей 50,000 англичанъ, лишь бы только спокойствіе управленія и доброе расположеніе свѣта не были нарушены хоть однимъ увольненіемъ, однимъ новымъ назначеніемъ. Эти люди не видятъ, конечно, въ успѣхѣ доказательство дарованія и мужества, или думаютъ, что мужество и дарованіе совер-

шенно не важны для управленія арміей, которая, въ военное, какъ и въ мирное время, служитъ только правительственнымъ орудіемъ для того, чтобъ подвигать впередъ аристократію и защищать министерство. Мы торжественно протестуемъ противъ этого мнѣнія; мы думаемъ, что армія есть орудіе защиты страны противъ непріятеля, и поддержанія ея интересовъ, и что эту армію, какой бы то ни было цѣною, должно сдѣлать какъ можно болѣе дѣйствительною. Мы не допускаемъ, чтобъ то, что существуетъ, должно было продолжать существовать, или чтобъ нынѣшнее управленіе арміи въ высшихъ сферахъ оправдывало ея управленіе въ теченіе 40 лѣтъ, даже если намъ приведутъ имя герцога Веллингтона для защиты системы, которой слѣдуютъ. Нѣтъ. Если крушеніе арміи, если честь страны, если положеніе англійскаго государства должны быть спасены, то необходимо бросить за бортъ, не теряя ни часа времени, всѣ уваженія личной дружбы, оффиціальной щекотливости, аристократическихъ чувствъ и придворнаго прислужничества и поставить въ главѣ управленія опытность, дарованіе, энергію и достоинство, даже въ самой суровой и грубой ихъ формѣ. Нѣтъ интересовъ выше общаго интереса, потому что съ паденіемъ послѣдняго все рушится. Итакъ нѣтъ возможныхъ причинъ и измѣненій противъ немедленной смѣны начальниковъ, оказавшихся недостойными исполнять обязанности, къ которымъ призвали ихъ протекціи, старшинство и ошибочныя воззрѣнія. Не стыдно для человѣка не обладать геніемъ Веллингтона. Но со стороны военнаго министра преступно позволять офицеру хотя одинъ день браться за исполненіе обязанностей, забвеніе которыхъ довело великую армію до гибели» ([1]).

Низамы и редифы, пишутъ въ «Soldatenfreund» отправленные уже въ Крымъ изъ Балчика и Варны, какъ равно и тѣ, которые за ними послѣдуютъ, составляютъ, безспорно, лучшее войско въ турецкой арміи. Десять батарей хо-

---

([1]) С.-Петеб. Вѣд. 1854 г., № 289.

рошо вооружены, а 6,000 человѣкъ кавалеріи могутъ быть весьма полезны въ Крыму. Начальникъ этого новаго корпуса еще не назначенъ, но говорятъ, что *Омеръ-паша* употребляетъ всѣ усилія, чтобъ этотъ начальникъ не былъ подчиненъ главнокомандующимъ англо-французскими войсками, а только присоединенъ къ нимъ.

— Въ «Zeit» сообщаютъ о письмахъ изъ союзнаго лагеря предъ Севастополемъ, въ которыхъ, между прочимъ, жалуются на безполезность шубъ, посланныхъ войскамъ. Эта длинная и тяжелая одежда мѣшаетъ свободѣ движеній, и, въ случаѣ зимней кампаніи, солдаты, и безъ того уже очень обремененные, не въ состояніи будутъ надѣть этихъ тяжелыхъ шубъ и принуждены будутъ оставить ихъ за собою; по неимѣнію же достаточныхъ средствъ къ перевозкѣ, нельзя и шубъ везти за ними.

— Наши частные корреспонденты въ Крыму (пишутъ въ «Patrie») сообщаютъ, что торговцы всѣхъ націй размѣстились въ Камышинской бухтѣ и продаютъ союзнымъ арміямъ множество товаровъ и предметовъ, привозимыхъ изъ Средиземнаго моря. Около англо-французскаго лагеря воздвигаются дома, въ которыхъ живутъ солдаты, въ ожиданіи общихъ бараковъ, постройка которыхъ дѣятельно производится. Исчислено, что осадныя батареи, готовыя для обстрѣливанія Севастополя, состоятъ изъ семидесяти орудій 80-ти, пятидесяти и тридцати-шести-фунтовыхъ съ флота, и изъ пятидесяти-восьми орудій 24-хъ и 18-ти-фунтовыхъ, принадлежащихъ сухопутной артиллеріи (¹).

Въ «Preussischer Staats Anzeiger» пишутъ, что, по извѣстіямъ изъ Константинополя, отъ 15-го декабря, туда безпрестанно привозятъ изъ Крыма раненыхъ и больныхъ, а какъ всѣ тамошніе госпитали уже наполнены, то ихъ принуждены были перевезти во временной госпиталь въ

(¹) Сѣв. Пчела 1854 г., № 284.

Ногерѣ (въ Дарданеллахъ). Сверхъ того, наняли въ Перѣ большой домъ для устройства въ немъ больницы.

— Въ извѣстіяхъ изъ Константинополя, отъ 18-го декабря, полученныхъ въ Тріестѣ съ левантскимъ пароходомъ, сообщаютъ слѣдующее:

«Французскій генералъ *Монтебелло* привезъ приказаніе остановить на время всякое наступательное дѣйствіе, потому что атака Севастополя назначена въ день св. Николая (извѣстно, что ея не было). Здоровье герцога *Кембриджскаго* поправляется.

— Въ «Fremdenblatt» пишутъ изъ Константинополя, отъ 18-го декабря:

Герцогъ *Кембриджскій* и принцъ *Наполеонъ* поправились въ своемъ здоровьѣ и могутъ вскорѣ возвратиться въ Крымъ. Англо-французскія войска отправляются отсюда въ Балаклаву, но въ продолженіе девяти дней привезено къ намъ изъ этого города болѣе 5,000 больныхъ. Если это продолжится, то вновь подходящія подкрѣпленія едва будутъ достаточны для замѣщенія убылыхъ мѣстъ (1).

— Большая часть турецкихъ войскъ, высаженныхъ въ Евпаторіи, были босы и должны были получить обувь изъ французскихъ запасныхъ магазиновъ (2).

Въ «Indépendance Belge» пишутъ:

«Мы получили письма изъ Константинополя, отъ 14-го и 18-го чиселъ. Замѣчательнѣе всего то, что, въ противность прежнимъ слухамъ, кажется, нельзя ожидать въ скоромъ времени чего либо рѣшительнаго. Пишутъ, что герцогъ *Монтебелло* привезъ генералу *Канроберу* приказаніе остановить дѣйствія, не возобновлять огня противъ Севастополя, а еще менѣе производить теперь приступъ, но выждать, для начатія дѣйствій, прибытія въ Крымъ всѣхъ

---

(1) Сѣв. Пчела 1854 г., № 291.
(2) Сѣв. Пчела 1854 г., № 292.

подкрѣпленій, отправленныхъ изъ Франціи, изъ Англіи и изъ Турціи.

Извѣстія эти, полученныя чрезъ Константинополь, согласуются съ пришедшими изъ Парижа въ томъ, что союзники совершенно измѣнили свой планъ военныхъ дѣйствій. Теперь уже не думаютъ взять Севастополь и отложатъ атаку до весны. Оставивъ же у крѣпости достаточное число войскъ, чтобъ защищать осадную позицію, союзники, по прибытіи всѣхъ подкрѣпленій, двинутся противъ русской арміи, которая стоитъ въ виду крѣпости.

Герцогъ *Кембриджскій* рѣшительно возвращается въ Англію. Онъ получилъ настоятельный приказъ изъ Лондона. (Въ одномъ изъ писемъ сказано, что онъ дѣйствительно страждетъ разстройствомъ мозга).

Лондонъ 28-го декабря. Въ послѣдніе два или три дня появляются въ «Times» жестокія выходки на лорда *Раглана.* Это объясняется приказомъ главнокомандующаго англійскою арміею, о высылкѣ изъ Крыма корреспондента сей газеты. Дѣйствительно, приказъ былъ данъ и исполненъ. Читатели наши будутъ, безъ сомнѣнія, сожалѣть объ этомъ, потому что они, конечно, помнятъ занимательныя выписки изъ писемъ этого корреспондента, которыя мы сообщали неоднократно. Публика дивится этимъ выходкамъ, потому что всѣмъ извѣстны тѣсныя сношенія сей газеты съ министерствомъ. Можетъ быть, само правительство почло нужнымъ заранѣе приготовить публику къ употребленію въ самомъ непродолжительномъ времени *иностраннаго генерала съ большими военными дарованіями* (?) ([1]).

Парижъ 20-го декабря. Итакъ императорская гвардія, или, по крайней мѣрѣ, большая часть оной отправляется на театръ военныхъ дѣйствій. Если уже императоръ рѣшился на эту мѣру, то недостатокъ въ опытныхъ солдатахъ долженъ быть весьма чувствителенъ въ арміи. Луч-

---

([1]) Сѣв. Пчела 1854 г., № 291.

шія французскія войска были мало по малу отправлены на востокъ, затѣмъ алжирскіе полки, наиболѣе привычные къ походнымъ трудамъ; далѣе составлены были полки изъ всѣхъ опытныхъ солдатъ арміи; наконецъ, собрано по 160 человѣкъ изъ всѣхъ полковъ, остававшихся во Франціи, а теперь должны прибѣгнуть и къ гвардіи. Эта система составленія дѣйствующихъ корпусовъ изъ отборныхъ войскъ, конечно, превосходна для произведенія рѣшительныхъ дѣйствій. Но если послѣднія не удадутся, то система окажется дурною, потому что уничтожаетъ лучшія начала. Можно безъ преувеличенія сказать, что теперь во Франціи остаются одни рекруты, и что Франція не въ состояніи при восточной войнѣ, вести другую наступательную. Конечно, по моему мнѣнію (пишетъ корреспондентъ «Neue Preussische Zeitung»), и не намѣрена сего предпринять и «Journal de Francfort» смѣшенъ съ своими угрозами изъ Вѣны [1]....

— Въ «Morning Herald» сообщаютъ, что адмиралтейство отправило, на прошлой недѣлѣ, транспорты «Норма», «Метрополитанъ», «Геттенъ», «Джонъ-Бауесъ» и «Сиръ-Джонъ-Эстонъ», на которыхъ, кромѣ теплой одежды для крымскихъ войскъ, послано болѣе 400 бараковъ съ приборами для отопленія. Въ нихъ можетъ помѣститься до десяти тысячъ человѣкъ.

Парижъ 23-го декабря. Во Франціи съ величайшею дѣятельностію работаютъ надъ построеніемъ деревянныхъ бараковъ, назначенныхъ для арміи. Для сего устроена мастерская въ Ліонѣ, по дорогѣ ведущей въ м. Сенъ-Рокъ. Тамъ занимаются болѣе ста работниковъ. По мѣрѣ изготовленія этихъ удобныхъ и обширныхъ домиковъ, складываютъ ихъ въ порядкѣ, для осмотра и пріема ихъ коммиссіею, а потомъ отправляютъ на Востокъ. Нѣкоторые изъ этихъ транспортовъ прибыли уже къ мѣсту назначенія [2].

---

[1] Сѣв. Пчела 1854 г., № 284.
[2] Сѣв. Пчела 1854 г., № 285.

Извѣстія изъ лагеря союзниковъ доходятъ до 21-го декабря. Бомбардированіе возобновилось изъ центральныхъ французскихъ батарей и ежедневно поддерживается въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Русскіе отвѣчаютъ съ большой энергіей. Князь *Меншиковъ* здоровъ и не сложилъ съ себя начальства (какъ утверждали на основаніи лживыхъ слуховъ, выдуманныхъ, какъ видно, съ намѣреніемъ). Въ письмѣ отъ 16-го, опровергаются слухи о томъ, что городъ Севастополь обратился въ груду развалинъ и, доказывается невозможность такого результата самымъ расположеніемъ домовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого пустыми пространствами, такъ что еслибъ одинъ изъ нихъ и загорѣлся, то огонь не легко могъ распространиться на другіе. До 15-го, турецкія подкрѣпленія прибыли еще въ весьма небольшомъ числѣ и состояли большею частію изъ редифовъ (милиціи). Генералъ *Канроберъ* и лордъ *Рагланъ* посылали курьера за курьеромъ въ Константинополь—требовать ускоренія отправки обѣщанныхъ вспомогательныхъ войскъ, но всѣ старанія ихъ остались безъ послѣдствій. Тифъ, кровяной поносъ, воспаленія въ легкихъ производятъ большія опустошенія въ лагерѣ и во флотѣ. Болѣзни скоро принимаютъ опасный характеръ, и нерѣдко люди, слегка раненые, смертельно заболѣваютъ въ самомъ госпиталѣ ([1]).

— Въ ночь на 14-е декабря русскіе бросились на одну французскую батарею, въ которой весь гарнизонъ спалъ; они всѣхъ взяли въ плѣнъ, а орудія заклепали. Баталіонъ, къ которому принадлежитъ этотъ гарнизонъ, подвергся строгому осужденію. Въ ночь передъ тѣмъ одинъ русскій патруль нашелъ французскаго офицера завернутымъ въ одѣяло и глубоко спящимъ во рву. Они связали его въ этомъ одѣялѣ и снесли въ Севастополь. Какъ онъ удивлялся, когда его, наконецъ, развязали! Генералъ *Адамсъ* скончался. У союзниковъ не достаетъ топлива. Сэръ Дж. *Броунъ*

([1]) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 288.

поправился и приметъ снова начальство надъ легкой бригадой. За то начальникъ 2-й дивизіи генералъ *Пеннефетеръ* долженъ былъ сдать свою команду, по болѣзни, генералъ-маіору *Буллеру*.

Высаженные въ Евпаторіи турки, большею частью, прибыли на мѣсто босые и ихъ надобно было обуть изъ французскихъ запасныхъ магазиновъ ([1]).

— Въ «Allg. Zeit.» пишутъ слѣдующее о жалкомъ зрѣлищѣ, которое представляетъ, въ настоящее время, лагерь передъ Севастополемъ: «Лагерь все болѣе и болѣе погружается въ грязь; палатки не держатся противъ вѣтровъ и дождей; осада продлится долго, и всѣ помышляютъ о томъ, чтобы выстроить себѣ домикъ, на мѣсто плохой палатки, и устроиться въ этомъ домикѣ, какъ можно удобнѣе. Но это весьма немногимъ удается и большая часть встаютъ и ложатся посреди хаоса, ила, грязи и сора, и часто уже не пробуждаются, потому что сырость и холодъ нестерпимы. Матросы устроили себѣ нѣчто въ родѣ пристанища, на этой вязкой почвѣ; четыре доски съ покрышкой— вотъ зданіе, на которое они съ гордостью указываютъ, и которое сдуваетъ первый порывъ вѣтра. Французы выстроили нѣсколько каменныхъ сараевъ, въ каждомъ изъ которыхъ заключается рота. Въ этихъ стѣнахъ такъ же холодно и сыро, какъ въ темномъ погребѣ, сквозь стѣны котораго просачивается вода. Зуавы въ своихъ постройкахъ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго понятія о порядкѣ или системѣ; у нихъ есть зданія, въ которыхъ можетъ помѣститься только одинъ человѣкъ въ согнутомъ положеніи. Разложить огонь въ этихъ строеніяхъ не всегда возможно. Англійскіе офицеры воздвигаютъ деревянныя строенія, но для солдатъ нѣтъ ничего, кромѣ дырявыхъ палатокъ. Только нѣкоторые ирландцы сдѣлали нѣчто въ родѣ хижинъ изъ ила и извести и тамъ живутъ вмѣстѣ и люди, и свиньи».

([1]) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 289.

— Въ депешѣ изъ Плимута извѣщаютъ что пароходъ «Аделаида», зафрахтованный адмиралтействомъ, прибылъ въ этотъ портъ и отправится въ Балаклаву. На немъ имѣютъ быть посланы 44 орудія большого калибра, боевые припасы и одежда для флота; 44 орудія, бомбы и ядра для турецкаго правительства: на немъ отправятся также отряды трехъ карабинерныхъ полковъ, всего 6 офицеровъ и 315 солдатъ; наконецъ 120 солдатъ, 3 сержанта и 7 офицеровъ, назначаемыхъ для подкрѣпленія 34-го линейнаго полка. Винтовой пароходъ «Малакка» вышелъ изъ Плимута въ Крымъ съ почтой и войсками.

— Нѣкоторыя лица нападаютъ на лорда *Раглана*, приписывая его преклоннымъ лѣтамъ медленность осады, страданія арміи и бѣдствія флота. Друзья его утѣшаются тѣмъ, что на герцога *Веллингтона* нападали еще гораздо больше во время испанской войны.

Парижъ, 3-го января. Въ «Монитерѣ» сообщаютъ извѣстія изъ лагеря подъ Севастополемъ отъ 22-го декабря. Съ 13-го числа число прибывшихъ подкрѣпленій простирается до 6,870 человѣкъ.

— Изъ Парижа пишутъ, отъ 1-го января, газетѣ «Etoile Belge»: «Въ германскихъ депешахъ не перестаютъ толковать о скоромъ приступѣ на Севастополь. Я думаю, что черезъ нѣсколько дней тѣ, которые отправляютъ эти депеши, замѣтятъ, что повторяютъ старое, но уже не современное. Осада Севастополя не будетъ покинута, но о приступѣ долго еще не будетъ и рѣчи. Въ теченіе всей зимы будутъ стараться поддерживать только въ хорошемъ положеніи осадныя батареи и траншеи. Съ высоты своихъ обсерваціонныхъ постовъ наши офицеры могли удостовѣриться въ томъ, что русскіе, за первой оборонительной линіей, сдѣлали страшныя приготовленія къ оборонѣ, такъ что мы не много возьмемъ, если даже пробьемся черезъ первую стѣну. И такъ раньше весны ничего важнаго не предпримутъ. Поговариваютъ, между тѣмъ, объ экспедиціи въ открытомъ полѣ и о завладѣніи Перекоп-

скимъ перешейкомъ; но газета «Moniteur de l'Armée» (полуоффиціальная) разсуждаетъ объ этой экспедиціи въ такомъ ироническомъ тонѣ, который можно почесть за опроверженіе. Извѣстно, какъ наши зуавы бойки въ мародерствѣ. Между казаками также, какъ видно, встрѣчаются удальцы, и вотъ что случилось на дняхъ. Въ кустарникахъ появилось нѣсколько гусей, разгуливавшихъ на небольшомъ разстояніи отъ русскихъ батарей; наши зуавы немедленно бросились на нихъ; но казаки, сидѣвшіе въ засадѣ и выпустившіе гусей, съ своей стороны напали на зуавовъ и взяли въ плѣнъ около десяти человѣкъ. Газета «Presse» разсказывая этотъ анекдотъ, поставила на мѣсто зуавовъ англійскихъ егерей; но жертвою мистификаціи были не англичане, а зуавы. Этотъ случай доказываетъ, къ какимъ средствамъ должны прибѣгать наши журналы, чтобы не навлечь на себя неудовольствія правительства ([1]).

Изъ лагеря подъ Севастополемъ, 5-го января (24-го декабря). Глубокій снѣгъ, выпавшій въ особенности вчера, покрываетъ угрюмыя горы за Балаклавою и ближайшіе холмы, придавая имъ ослѣпительную бѣлизну. Сегодня въ полночь наступилъ сильный морозъ, какого мы еще не испытали: можно вообразить себѣ его послѣдствія. Кавалерійская дивизія потеряла въ одну ночь 60 лошадей, и въ одной дивизіи приведено 150 человѣкъ полузамерзшихъ солдатъ изъ траншей. Здѣшняя зима будетъ весьма бѣдственна для арміи. Рѣзкіе вѣтры дѣйствуютъ сильнѣе мороза, а въ это время года они всегда дуютъ съ сѣвера, и солдаты, на обнаженныхъ высотахъ, не имѣя ни теплой одежды, ни одѣялъ, подвергаются гибели. Бараки, привезенные въ Балаклаву изъ Англіи, лежатъ еще тамъ. Нѣтъ средствъ перевезти ихъ въ лагерь. Невозможно и доставленіе съѣстныхъ припасовъ. На дняхъ пытались учредить въ лагерѣ центральное депо. Носильщики (такъ называемые fatigue parties) командируются каждый день въ лагерь изъ различныхъ полковъ. Работа ихъ очень тяжела. Ту-

([1]) С.-Петерб. Вѣд. 1854 г., № 288.

земцы отказываются отъ дальнѣйшей обязанности возить припасы, объявляя, что не въ состояніи этого исполнять за погодою. Самые транспорты не разъ подвергались расхищенію, и лордъ *Рагланъ* принужденъ былъ просить французовъ разставить часовыхъ вдоль линіи англійскихъ транспортныхъ колоннъ. Эти часовые должны болѣе всего охранять транспорты отъ храбрыхъ французскихъ зуавовъ, которые, какъ хищныя птицы, вьются около бочекъ съ ромомъ и съ виномъ и повозокъ съ хлѣбомъ и мясомъ. Гдѣ подломится колесо, они бросятся и вмигъ все разграбятъ, а самыя повозки употребляютъ на дрова. Въ лагерѣ, по видимому, распространяется какое-то отчаянное равнодушіе и безстрастіе. Капитанъ *Свинтонъ* найденъ былъ третьяго дня, въ палаткѣ своей, задохшимся отъ угара. Сегодня утромъ поручикъ 97-го полка *Ремсботтомъ* найденъ въ такомъ же положеніи, а другого спасли съ трудомъ. Потери наши огромны. 2-го января было въ англійскомъ лагерѣ, подъ Севастополемъ, 3,500 больныхъ, и если хотятъ, чтобъ числительная сила войскъ не уменьшалась, должно еженедѣльно присылать изъ Англіи по одному полку. Буквально справедливо, что мы ежедневно теряемъ по 100 человѣкъ. Кромѣ здѣшнихъ 3,500 больныхъ, отъ 7-ми до 8,000 лежатъ въ босфорскихъ госпиталяхъ. Со дня битвы при Инкерманѣ умерло болѣе 300 гвардейцевъ. 63-й полкъ, состоявшій изъ 900 человѣкъ, имѣетъ нынѣ во фронтѣ только 240. Въ особенности страдаютъ вновь прибывающія войска, не привыкшія еще къ здѣшнему ужасному климату. Во всей легкой кавалерійской бригадѣ нѣтъ болѣе 60 лошадей, а потому, при экспедиціяхъ и нападеніяхъ, англичане сильно отстаютъ отъ французовъ. Страданія англичанъ невообразимы. Послѣ двѣнадцатичасового караула въ траншеяхъ, солдатъ возвращается въ жалкую свою палатку. Вообразите себѣ это печальное убѣжище, устроенное на болотѣ: туда должны влѣзать отъ 12 до 14 жалкихъ существъ, промокшихъ до костей. Тамъ лежатъ они, плотно прижавшись другъ къ другу. О баракахъ много говорятъ, но мы ихъ еще не видали. По временамъ привозятъ въ лагерь нѣсколько бревенъ, которыя лежатъ безъ

употребленія, доколѣ ихъ не возьмутъ на дрова. Сегодня прибылъ *Омеръ-паша*. Никто не подумалъ его встрѣтить. Онъ самъ преспокойно пошелъ въ главную квартиру. Изъ Англіи пришелъ корабль «Леопардъ». На немъ привезено много запасовъ, и въ числѣ ихъ, какъ всегда, много пустыхъ и ненужныхъ вещей (1).

Изъ Балаквавы пишутъ отъ 8-го января (27-го декабря:) «Союзныя войска занимаютъ прежнее положеніе подъ Севастополемъ; крѣпость, по прежнему, остается неодолимою, по прежнему, нѣтъ ни штурма, ни битвы, и кажется, что Марсъ съ огнеокою Беллоной находятся въ безвѣстной отлучкѣ. За то Орканъ не можетъ пожаловаться, и его невидимые злые духи, болѣзни, ежедневно и ежечасно приносятъ ему новыя жертвы. Какое дѣло до того, что люди мрутъ дюжинами и сотнями! Иной не повѣритъ,—хоть это вѣрно какъ математическая истина, — что трупы англичанъ, умершихъ въ здѣшнихъ госпиталяхъ, могли бы совершенно покрыть собою англійскую квадратную милю! Нервическія болѣзни, правда дѣйствуютъ теперь слабѣе, что слѣдуетъ приписать наступившей холодной погодѣ; но за то болѣзни желудка, «angina catarrhalis», скорбутъ, лихорадки, различныя «exanthemata» (накожныя болѣзни) усиливаются къ общему ужасу. Въ духѣ войскъ незамѣтно и слѣдовъ прежней веселости. Съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже встрѣчаются безпечныя, улыбающіяся физіономіи, и съ каждымъ часомъ прибываетъ число тѣхъ, которыя выражаютъ неудовольствіе и затаенную досаду. «Святки мы отпразднуемъ въ Севастополѣ!» говорили обѣ арміи, поощряя другъ друга къ труднымъ работамъ. Святки наступили и миновали, а перемѣны не было. Въ иныхъ траншеяхъ, по случаю праздника, засвѣтились елки, солдатскіе раціоны приготовлены были повкуснѣе—но Севастополь оставался все тотъ же, какъ и прежде—насмѣшливый и неодолимый. «На послѣдней недѣлѣ стараго года— штурмъ и битва!» говорили войска въ свое утѣшеніе. Од-

---

(1) Сѣв. Пчела 1855 г. № 17.

КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ

АПОЛЛИНАРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ ЗАРИНЪ

нако прошелъ старый годъ, наступилъ новый — и опять ничего не было. «Nisi certandi, nulla corona datur» (кто хочетъ побѣждать, долженъ сражаться) — эта пословица, кажется, совсѣмъ забыта нашими генералами, но ее хорошо помнятъ русскіе начальники, продолжающіе тревожить насъ вылазками, которыя причиняютъ намъ не маловажныя потери. «Взятіе Севастополя»—вотъ лозунгъ, которымъ поощряли солдатъ къ утомительнымъ трудамъ. И что же? третья параллель окончена, батареи вооружены, оркестръ готовъ грянуть — какъ вдругъ дирижеръ прячетъ въ карманъ свой капельмейстерскій жезлъ, скрещиваетъ руки и умолкаетъ. Подобно игрокамъ, которые все ставятъ на карту и каждый разъ проигрываютъ, офицеры и солдаты смотрятъ мрачно и непривѣтливо. Они вдоволь натерпѣлись отъ холода и голода, отъ болѣзней и лишеній, и боятся, что сдѣлаются наконецъ посмѣшищемъ для всей Европы. Въ англійскомъ лагерѣ нерѣдко можно видѣть трупы лошадей, валяющіеся возлѣ самыхъ палатокъ, потому что оттащить ихъ подальше, или зарыть, хоть не глубоко, въ землю считается работой унизительной, къ которой принуждаютъ солдатъ только за какую-нибудь вину. Это заслуживаетъ строгаго осужденія не только потому, что англійскіе кавалеристы вообще ничего не дѣлаютъ, но еще болѣе во вниманіи къ общественному здоровью. У татаръ нельзя достать ни лошадей, ни муловъ иначе, какъ силою; они говорятъ, что слишкомъ любятъ своихъ животныхъ и не хотятъ, чтобъ ихъ замучили до смерти [1].

Вотъ отрывки изъ дневника корреспондента «Times» изъ Крыма:

«*Января 7-го* (*26-го декабря*). Нашъ лагерь и окружающая мѣстность приняли совершенно зимній видъ. Утесистыя вершины и остроконечные хребты горъ, замыкающихъ Балаклавскую долину, покрыты снѣгомъ, придающимъ имъ суровый характеръ и огромные размѣры. До-

---

(1) С.-Петерб. Вѣд. 1855 г. № 16.

лина и плоская возвышенность ослѣпительны по бѣлизнѣ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернѣются ряды людей и лошадей съ грузами провизіи. На вершинахъ отдаленныхъ горъ черныя фигуры, кажущіяся исполинскихъ размѣровъ, означаютъ непріятельскіе пикеты и передовые посты. Число околѣлыхъ лошадей по сторонамъ дороги, увеличивающееся ежедневно, очень значительно. Каждый ровъ, каждая канава поперегъ дороги обозначается кучами лошадинаго мяса, подвергнувшимися уже тлѣнію. Разсказываютъ, что, по направленію къ Байдару, передъ нашими постами очень много дичи; нѣсколько зайцевъ и куликовъ убито даже подлѣ самой Балаклавы, но не всякому придетъ охота наслаждаться охотою подъ мѣткими выстрѣлами казаковъ; между тѣмъ нельзя отойдти хоть нѣсколько впередъ, не рискуя подвергнуться такому привѣтствію. Носился слухъ, что *Омеръ-паша* сильно возставалъ противъ употребленія нашимъ начальствомъ плети въ наказаніи турецкихъ войскъ за неповиновеніе и т. п., и получилъ отъ лорда *Раглана* обѣщаніе, что впредь не будутъ прибѣгать къ этому наказанію. Всѣ Байдарскія и Чоргунскія возвышенія наполнены казаками.

Января 8-го (27-го декабря). Наступленіе холодной погоды сопровождалось уменьшеніемъ одного рода болѣзней и увеличеніемъ другаго, поражающаго дыхательные органы. Было нѣсколько примѣровъ, что солдаты отмораживали себѣ члены. Многіе въ слѣдствіе этого умерли, другіе лишатся, вѣроятно, рукъ, ногъ или пальцовъ. Умерло также нѣсколько офицеровъ отъ холода или отъ изнурительной работы. Вчера въ 63-мъ полку находилось въ строю всего 7 человѣкъ, а въ 46-мъ только 30. Шотландскихъ гвардейскихъ фузилеровъ, со включеніемъ прислуги, осталось всего 210 человѣкъ. Многіе другіе полки пострадали въ томъ же размѣрѣ. Лейтенантъ *Дентъ*, которому, вмѣстѣ съ командой, поручено было перевезти провизію въ лагерь, сдѣлался дорогою такъ нездоровъ, что не могъ слѣдовать за отрядомъ, и найденъ былъ мертвымъ въ снѣгу. Третьяго дня одинъ изъ нашихъ офицеровъ проходилъ по французскому лагерю и былъ позванъ

капитаномъ, въ палатку котораго только что принесли тѣло англійскаго офицера. Несчастный замерзъ. Фуражка, сертукъ и сапоги были съ него сняты какими-то негодями. Очень естественно, что, въ слѣдствіе этой стужи, солдаты очень падки на крѣпкіе напитки, и немало примѣровъ (я самъ былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ), что солдаты, перевозившіе ромъ въ лагерь, взламывали боченки, воспользовавшись первымъ недосмотромъ офицера, и потомъ за это неповиновеніе платили жизнію, замерзая во время своего пути по снѣжной равнинѣ къ лагерю. Нѣсколько дней назадъ, отрядъ 24-го полка вышелъ изъ главной квартиры послѣ трехъ часовъ. На возвратномъ пути двое умерли во французскомъ лагерѣ, а одинъ упалъ и переломилъ себѣ руку. Работа очень тяжела. Лошади не въ силахъ перевозить никакихъ тяжестей, потому, что едва держатся на ногахъ. Почти каждые 100 ярдовъ дороги обозначаются лошадинымъ остовомъ. Вотъ фактъ, по которому вы можете судить о потеряхъ, понесенныхъ нами въ этомъ отношеніи. Въ Балаклавѣ составленъ особый отрядъ, обязанности котораго заключаются въ томъ, чтобы ежедневно ходить съ одного мѣста въ другое и закапывать въ землю палыхъ животныхъ. Въ высшей степени оскорбительно для нашей національной гордости, когда послѣ всего этого посмотришь на французовъ, пріѣзжающихъ въ Балаклаву съ ихъ опрятными повозками, чисто одѣтыми солдатами и сильными лошадьми, чтобы помогать нашимъ оборваннымъ, блѣднымъ, измученнымъ солдатамъ и изнуреннымъ лошадямъ въ перевозкѣ тяжестей. Ихъ офицеры одѣты всегда чисто и опрятно. Наши офицеры отнюдь не таковы, какими рисуютъ ихъ въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ: съ густыми эполетами, въ приличныхъ сюртукахъ; напротивъ, всѣ они оборваны и грязны. Положеніе вещей въ Балаклавѣ теперь гораздо лучше, чѣмъ нѣсколько времени назадъ. Но да не воображаетъ себѣ кто-нибудь, что наши войска помѣщаются уже въ баракахъ, что они имѣютъ нужную одежду. Пройдутъ еще недѣли, пока бараки можно будетъ перевезти въ лагерь, и я думаю, что въ настоящее время лордъ *Рагланъ*

имѣетъ намѣреніе употребить всѣ перевозочныя средства для доставки въ лагерь ядеръ, гранатъ и провизіи. Поставлено нѣсколько бараковъ для артиллеріи подлѣ самаго города; роздано также нѣсколько теплаго платья. Но еще цѣлыя сотни солдатъ отправляются на ночь работать въ траншеяхъ, прикрываясь одною шинелью, имѣя на ногахъ одни обыкновенные сапоги. Траншеи наполнены грязью на два фута. Многіе изъ солдатъ, снявъ сапоги, не могутъ послѣ того ихъ натянуть на свои отекшія ноги и въ 20 градусовъ мороза прыгаютъ босые по снѣгу. Ручныя печи оказались никуда негодными. Онѣ сдѣланы изъ тонкаго листового желѣза и не могутъ вынести нашего топлива — древеснаго угля. Кромѣ того, онѣ распространяютъ отъ себя чадъ, и потому не могутъ топиться ночью. Онѣ годятся только для просушки платья въ продолженіе дня. До сихъ поръ многія изъ нихъ еще не розданы. Теплая одежда перевозится на передовыя линіи небольшими партіями. Нѣсколько дней тому назадъ, я ѣхалъ лагеремъ 50-го французскаго полка, понукая мою бѣдную клячу, которая въ грязи едва передвигала ноги, какъ вдругъ одинъ французскій офицеръ вышелъ изъ своей палатки и пригласилъ меня сойдти съ лошади, выпить рюмку водки, присланной императоромъ въ подарокъ къ рождественскимъ праздникамъ. Офицеръ помѣщался въ палаткѣ. Она состояла изъ обширной и теплой ямы, въ которой парусина составляла только одну крышу. Внутри пылалъ свѣтлый огонь. Мы роспили рюмку, другую. Мой хозяинъ показалъ мнѣ ящикъ съ бордосскимъ виномъ, ящикъ съ водкой и картузъ съ табакомъ, и сказалъ, что подобный подарокъ получилъ отъ императора каждый офицеръ французской арміи. Въ этотъ же день я слышалъ жалобы, что подарки, посланные королевою и принцемъ *Альбертомъ* нашей арміи, не достигли своего назначенія, и что одни гвардейцы и стрѣлки воспользовались ими. Изъ этого нельзя выводить заключенія, что французы всѣ здоровы, въ то время какъ мы подвергаемся болѣзнямъ. Они страдаютъ отъ болѣзней, но не въ такой мѣрѣ, какъ мы.

Января 9-го (*28-го декабря*). Вчера лордъ *Рагланъ* ѣз-

дилъ въ Балаклаву, въ первый разъ послѣ октября, и два или три раза былъ на передовой линіи. Англійскій главнокомандующій имѣлъ вчера свиданіе съ генераломъ *Канроберомъ*. Будутъ приняты дѣйствительныя мѣры, чтобы очистить улицы и городъ (1).

Англійскіе военные медики въ Крыму.

(Изъ англійскаго журнала «The Lancet»).

До сихъ поръ мы неохотно дѣлали гласными распоряженія по медицинской части на Востокѣ, — говоритъ редакція англійскаго журнала «The Lancet»,—но съ того времени, какъ лордъ *Рагланъ* отдалъ полную справедливость нашимъ полковымъ медикамъ, мы считаемъ необходимымъ прервать наше молчаніе. Теперь опасаются, что Севастополь не будетъ взятъ прежде марта мѣсяца, хотя и будутъ посланы изъ Европы пособія соединеннымъ войскамъ. Медики арміи, намъ пріятно это сказать, заслужили совершенное одобреніе главнокомандующаго. Читая письма изъ англійскаго лагеря, мы не полагаемъ, чтобы вѣра въ ненужныя показанія могла намъ принести какую-нибудь пользу; такъ мы не вѣримъ, будто недостатокъ въ нашихъ медикахъ и хирургахъ помогъ русскимъ больше чѣмъ что-либо другое. *Собственные корреспонденты* нашихъ газетъ, съ электрическими проводниками на пальцахъ, быть можетъ очень свѣдущіе дипломаты, но мы крайне сомнѣваемся въ ихъ медицинскихъ познаніяхъ. Но, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, мы должны ограничиться ихъ открытіями и извѣщеніями; нѣкоторыя изъ сообщенныхъ ими свѣдѣній заслуживаютъ вниманія.

Одинъ изъ кораблей Ея Величества, «Принцъ» (Prince), погибъ въ морѣ съ грузомъ медикаментовъ для раненыхъ. Докторъ *Спенсъ* (Spense), инспекторъ госпиталей на Востокѣ, посланный туда правительствомъ, тоже погибъ.

---

(1) С.-Петерб. Вѣд. 1855 г., № 24.

Также потонули восемь другихъ кораблей и 300 человѣкъ во время равноденственной бури. Пріятно видѣть, что бѣдствіе это возбудило желаніе добра: уже послано въ армію нѣсколько тоннъ бѣлья и другихъ необходимыхъ вещей, собранныхъ отъ частныхъ благотворителей.

Въ исторіи едва ли найдется сраженіе, подобное Инкерманскому 5-го ноября (24-го октября). Аустерлицъ, Лейпцигъ и миріады Ксерксовыхъ походовъ въ древнее время немногимъ разнятся отъ него. Россія, теперь это извѣстно, ожидала имѣть 200,000 человѣкъ въ полѣ. Докторъ *Смитъ*, госпитальный хирургъ, выѣзжая изъ госпиталя послѣ визитаціи, первый различилъ чрезъ утренній туманъ этого дня приближавшіяся колонны русскихъ войскъ и поднялъ тревогу. При концѣ дня докторъ *Уильсонъ*, хирургъ 7-го полка гусаръ, слѣдуя за герцогомъ *Кембриджскимъ*, былъ окруженъ 6-ю русскими, но опрокинулъ и разогналъ ихъ (?). Герцогъ вызывалъ *Уильсона* передъ войскомъ и благодарилъ его при всей арміи. Мы ничего не говоримъ объ исполненіи прямыхъ обязанностей нашими врачами: онѣ говорятъ за себя сами.

Намъ говорили, что, по ученію Зороастра, міръ управляется двумя началами: Ормуздомъ и Ариманомъ, добромъ и зломъ; а нашъ великій поэтъ говоритъ, что духъ добра находится во всякомъ злѣ, стоитъ лишь постараться намъ «выцѣдить» это добро. Война, кромѣ значительнаго зла, доказала непоколебимую храбрость нашихъ войскъ и нашихъ медиковъ, подвергавшихся смерти и лишеніямъ въ безконечно огромныхъ размѣрахъ. Многіе изъ нашихъ юныхъ медиковъ изъ госпиталей Гюи, св. Ѳомы и другихъ производили трудныя операціи и отнятія членовъ за артиллерійскими парками и батареями; во время сраженія 25-го октября наши хирурги работали на полѣ битвы, въ продолженіе которой убито 12 офицеровъ и 146 нижнихъ чиновъ, а ранено 15 офицеровъ и 163 солдата, всего же поступило въ госпиталь 629 человѣкъ. Мы приводимъ эти числа, чтобы по нимъ заключили о заслугахъ нашихъ врачей.

Неохотно приступаемъ мы къ сравненію французскихъ

госпиталей съ англійскими; но устройство первыхъ несравненно лучше нашего, и потому намъ полезно будетъ взять урокъ въ этомъ отношеніи у нашихъ союзниковъ. Французскихъ госпиталей 8-мь; они находятся въ Перѣ. Ихъ описываютъ весьма красивыми; часть ихъ расположена во дворцѣ. Вся убыль въ французскихъ войскахъ до упомянутаго числа (25-го октября) простиралась до 618 раненыхъ, но послѣ этого въ одинъ день прибыло въ Перу раненыхъ подъ Балаклавою отъ 1,200 до 1,500 человѣкъ! Важныхъ операцій сдѣлано до 100; нѣсколько desarticulationes плеча, многія ампутаціи пониже конца вертлуга (trochanter) и двѣ desarticulationes coxofemorales. У 300 русскихъ раненыхъ произведены были весьма важныя операціи: извлечено 19 коническихъ пуль, раздробившихъ кости. Нѣкоторые изъ французскихъ солдатъ ранены тоже русскими штуцерными. Седьмая часть раненыхъ, находившихся въ Перѣ, ранены артиллерійскими снарядами.

Въ то же время въ англійскомъ госпиталѣ въ Скутари былъ безпорядокъ и неустройство; треть раненыхъ не могла помѣститься. Должно, впрочемъ, сказать въ утѣшеніе, что послѣ инкерманскаго сраженія все пришло въ порядокъ, и медики исполняли долгъ свой добросовѣстно. По словамъ посѣщавшаго госпиталь и помѣщавшаго статьи свои въ «Morning Chronicle», медиковъ опорочили гораздо болѣе, чѣмъ возвысили достоинства многихъ изъ зрителей и джентльменовъ изъ штаба лорда *Раглана*, которые хотя и весьма любезны и совершенные джентльмены, но могутъ простирать свои притязанія на весьма ограниченное пространство военныхъ познаній. Инкерманское сраженіе продолжалось до вечера, а въ 8 часовъ всѣ раненые лежали уже на сѣнныхъ тюфякахъ съ перевязанными ранами. Волонтеры приходили въ достаточномъ количествѣ для пособій; коммиссаріатъ съ своей стороны доставлялъ вино и другія медицинскія потребности. Вся потеря въ это сраженіе простиралась до 2,350 раненыхъ и убитыхъ; большая часть первыхъ отослана въ Скутари. Русскіе потеряли 4,000. До начала сраженія было 1,715 больныхъ и раненыхъ въ большомъ скутарійскомъ госпиталѣ и 600 въ

маломъ. Способъ перевозки раненыхъ у Французовъ несравненно лучше нашихъ походныхъ повозокъ и Гринвичскихъ пенсіонеровъ. Французская перевозная кровать на мулѣ—простая желѣзная рамка, привязанная къ животному, и можетъ быть употреблена какъ кресло и какъ кровать для двоихъ. Она имѣетъ то преимущество, что мулъ можетъ съ нею бѣжать по самой непроходимой мѣстности, по лѣсу и кустарнику и везти раненаго. У французовъ много и повозокъ для раненыхъ; но эти повозки тоже какъ и англійскія, запряженныя 10-тью мулами, не могутъ подъѣзжать къ траншеямъ и укрѣпленіямъ. Послѣ Альмскаго дѣла, гринвичскіе пенсіонеры и мулы сдѣлались такъ же баснословны, какъ кони Солнца (Ѳеба) или пѣтухъ Эскулапа. Но при пособіи 500 матросовъ, которые пришли съ веслами и койками, раненые были перенесены ко взморью; весла и койки замѣнили перевозочныя кровати весьма хорошо. Говорятъ, что въ Крымъ послано страшное число турникетовъ и деревянныхъ ногъ; сказываютъ, что первые употреблялись въ дѣло музыкантами и барабанщиками, и на одномъ изъ кораблей въ Балаклавской бухтѣ матросу, у котораго была открыта сонная артерія, былъ навернутъ турникетъ вокругъ шеи. Послѣ инкерманскаго сраженія раны штыками и пулями были простыя и чистыя, тогда какъ послѣ альмскаго — онѣ были ужасно повреждены у краевъ. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Миссъ *Найтингель* съ 37-ю сидѣлками прибыла изъ Англіи 5-го ноября. Въ то время въ англійскихъ госпиталяхъ, по разнымъ свѣдѣніямъ, находилось до 3,000 раненыхъ, а по одному, недавно обнародованному за *оффиціяльное*, свѣдѣнію, до $^1/_3$ этого количества. Одна гвардія, считавшая у себя въ Варнѣ 4,000 человѣкъ, сократилась теперь въ половину; въ той же пропорціи, къ сожалѣнію, убавились и другіе полки и кавалерія. Одна убыль отъ инкерманскаго дѣла, по самымъ точнымъ мѣсячнымъ (за ноябрь) свѣдѣніямъ, простирается до 2,783 человѣкъ ранеными и убитыми. Во второй дивизіи арміи 33 процента выбыло изъ строя. Красивый 88-й полкъ изъ 400 лишил-

ся 140 ранеными и убитыми. У русскихъ убито 3,000, а ранено, по обыкновенному разсчету, 3 человѣка на каждаго убитаго, втрое. Французскіе хирурги участвовали въ ампутаціяхъ послѣ инкерманскаго сраженія и принимали средства къ сохраненію нѣкоторыхъ членовъ отъ отнятія.

Наполеонъ при Эйлау снялъ съ себя брилліантовую звѣзду и возложилъ ее на грудь одного молодого медика. Наканунѣ этого дня были тысячи раненыхъ; французскія войска густыми колоннами отступали маневрируя; при одномъ изъ такихъ отступленій между мертвыми и умирающими увидѣли медика и позвали его къ генералу, который былъ тяжело раненъ: у него большая артерія была обнажена. Усталый и озяблый врачъ преклонилъ колѣна предъ своимъ пацiентомъ; всѣ кричали ему спасаться. Непріятельскій батальонъ, въ буквальномъ смыслѣ, наступалъ на него; тысячи пуль свистали надъ его головою; но онъ не переставалъ сжимать артерію и тѣмъ спасъ жизнь молодого офицера. Холодная ночь смѣнила страшный день. Врачъ набиралъ въ пригоршни снѣгъ и прикладывалъ его къ ранѣ: не смотря ни на что, врачъ не покидалъ своего поста. Наполеонъ, увидавъ его на другой день, надѣлъ на него брилліантовый крестъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому, одинъ путешественникъ видѣлъ этотъ крестъ во Франціи на гробѣ умершаго деревенскаго врача и слышалъ тамъ разсказанное нами происшествіе.

Честь и слава нашимъ военнымъ врачамъ! Французы могутъ хвастать *Бекуромъ* и *Понтіе—Ларреями* госпиталей подъ Севастополемъ; мы можемъ тоже гордиться именами *Мекензи*, *Уильямса* и *Сомсона*. Правда, нашимъ врачамъ не даютъ ни орденовъ, ни почестей, но имена ихъ остаются неизгладимыми въ сердцахъ всѣхъ уважающихъ исполненіе долга, справедливость и христіанскую храбрость. Кто какъ не врачъ можетъ поселить надежду въ раненомъ воинѣ и оживить его духъ на страшномъ полѣ сраженія, послѣ тѣлеснаго и нравственнаго пораженія? Кто какъ не врачъ готовъ на призывъ во всякое время, даже тогда, когда все покоится сномъ? Кто какъ не врачъ работаетъ и на стражѣ, внушая надежду и довѣріе тогда, какъ по

словамъ Гомера, ночь обвиваетъ мрачнымъ своимъ покровомъ и лагерь, и поле? Если бы не случай привелъ путешественника въ бѣдную деревушку во Франціи, мы не знали бы о существованіи приведеннаго нами происшествія. Вдали отъ шума внѣшняго міра, забытый и пренебреженный, умеръ бѣдный хирургъ; и эта рѣдкая привязанность къ своему долгу, этотъ истинный героизмъ, эта любовь къ возвышенному и тяжкому труду, остались незамѣченными толпою.

Въ скутарійскій госпиталь прибыло еще 500 раненыхъ, выведенныхъ изъ палатокъ и повозокъ, разрушенныхъ бурею. Мы знаемъ впрочемъ, что корабль «New-York» отправленъ съ походными фурами, растеніями, предупреждающими цынгу, и различными медицинскими припасами.

Кто хочетъ видѣть военнаго медика во всей полнотѣ его благородной и полезной дѣятельности, тотъ пусть посмотритъ на него на другой день послѣ сраженія. Ему исключительно слава быть покойну, когда все встревожено. Тогда для него представляется бездна любопытнаго и плѣнительнаго въ изслѣдованіяхъ анатомическихъ и созерцаніи мудраго устройства природы въ заживающихъ ранахъ. Онъ можетъ мчаться на конѣ съ кавалеріею, какъ мчался докторъ *Уильсонъ* въ толпы непріятелей; но въ госпиталѣ онъ долженъ быть чуждъ волненія при производствѣ операцій. Русскій, англичанинъ и французъ — всѣ равны у него; онъ долженъ знать, что сказать простому солдату и знаменитому генералу. По истинѣ, мы знаемъ мало такихъ, которымъ бы извѣстно было великое общее знаніе. Мы сказали, что для врача представляется бездна красотъ въ его искусствѣ и въ мудромъ распоряженіи природы при заживленіи ранъ. Офицеры уступали свои шарфы, рубашки и проч. раненымъ: такъ велико было вліяніе на нихъ врача. Хирургъ на «Agamemnon» работалъ далеко за полночь. Другой хирургъ долженъ былъ оперировать безъ хлороформа, отнимать ноги при помощи только одного своего слуги. Пуля изъ штуцера Миньé ломаетъ и раздробляетъ кости, тогда какъ старыя пули только

оставляютъ въ нихъ скважину. Въ нѣсколькихъ случаяхъ хирурги были предоставлены на произволъ, безъ пособій и перевозныхъ кроватей, безъ вина и безъ перевязочныхъ матеріяловъ, и что же? нравственная бодрость ихъ преодолѣвала всѣ затрудненія: характеръ настоящаго хирурга подчиняетъ ему всѣ сердца, торжествуетъ надъ опустошеніемъ.

Вообще извѣстно, какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его, что главный медицинскій директоръ А. *Смитъ* (A. Smith) сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать. Впрочемъ главнѣйшій недостатокъ въ организаціи медицинской части полевой и госпитальной въ Скутари. Контрастъ между нашими госпиталями и госпиталями французовъ любопытенъ и до крайности поучителенъ; до сихъ поръ у французовъ было 9,538 больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ, и 472 умершихъ. Собственно въ нашихъ госпиталяхъ число больныхъ и раненыхъ простиралось до 4,000. Большое количество больныхъ умерло отъ поноса, тогда какъ преобладающія болѣзни были: cholera, gangraena, typhus и erysipelas. Чтобы дать маленькое понятіе о томъ, что производится въ большомъ размѣрѣ на сраженіи и чтобы, по возможности, поставить свѣтъ около тѣней и, по правилу стараго знакомаго, смѣшать utile et dulce, мы сообщаемъ здѣсь «дневникъ», веденный однимъ хирургомъ въ траншеяхъ. Между прочими вещами мы узнаемъ, что французскимъ солдатамъ уже розданы бараньи полушубки. Различныя наблюденія въ траншеяхъ достойны особеннаго замѣчанія.

Дневникъ. — 11-го (23-го) лейтенанту *Ротвену* отняли плечевую кость у лопатки, операція, которая была досел̀ѣ сдѣлана только однажды. Бѣдный *О'Лири* (O'Leary), хирургъ, дѣлавшій эту операцію, былъ убитъ почти тотчасъ послѣ перевязки.

12-го (24-го). Перевязка переломанныхъ ногъ, обвиваніе, pro re nata, особенно у русскихъ раненыхъ въ инкерманскомъ дѣлѣ.—Далѣе 1,000 фут. штуцеръ Миньé не беретъ; я выстрѣлилъ и заставилъ одного московита «muscovite» поглядѣть вокругъ, но тѣмъ это и кончилось; только

я былъ раздосадованъ его вѣжливымъ поклономъ. У меня убита лошадь. Ливень; небо туманно, такъ же какъ и хирургія. Я встрѣтилъ въ траншеяхъ одного изъ нашихъ съ перебитою сегодня рукою.

13-го (25-го). Прекрасное утро. Русскіе заняли турецкіе редуты. «Vespere», какъ привыкли мы говорить въ госпиталяхъ, большое собраніе офицеровъ около бивачнаго огня. Каждый слышалъ различное предположеніе о сраженіи на завтра; одинъ выводъ изъ этихъ разсказовъ, что мы на дурной дорогѣ; русскіе заняли одинъ изъ нашихъ редутовъ и захватили изъ него пушки. Кстати, турки вели себя весьма дурно; они скрылись у Балаклавы и вышли изъ нея только тогда, когда британцы ихъ погнали. (Браво, браво, британцы! это въ скобкахъ).

14-го (26-го). Пріятный день. Возвратился въ лагерь. Густыя колонны пѣхоты и четыре орудія вѣнчаютъ холмы. Я возвратился въ госпиталь, гдѣ вскорѣ принялся за работу. Непріятель приближался.

Это день послѣ страшнаго сраженія подъ Балаклавою, послѣ котораго отъ 1,200 до 1,500 раненыхъ однихъ французовъ перевезено въ Перу, и сдѣлано 100 капитальныхъ операцій. Значеніе этого сраженія можетъ быть понято изъ сравненія его съ брюссельскими госпиталями послѣ Ватерлоо, гдѣ было только вдвое больше раненыхъ. Странно, что Guthrie описываетъ тоже смятеніе и тотъ же недостатокъ въ устройствѣ при Ватерлоо въ медицинскомъ вѣдомствѣ. «Помощники хирурговъ, говоритъ онъ, дѣлали все то, чего не слѣдовало бы имъ дѣлать; они были завалены работою до полусмерти. Выводъ тотъ, что великая ватерлооская битва съ множествомъ раненыхъ и чудными послѣдствіями не принесла никакого усовершенствованія въ наукѣ хирургіи. Тотъ же результатъ отъ четырехъ главныхъ сраженій въ Индіи, та же потеря для науки единственно потому, что хирурги королевской и индійской арміи имѣли работы свыше своихъ силъ». Все количество больныхъ въ брюссельскихъ госпиталяхъ послѣ ватерлооскаго сраженія простиралось до 3,955; операцій сдѣлано 387, умерло 146. Почти вдвое больше этого

(8,000) было ранено. При Ватерлоо простыя надрѣзанныя раны были заткнуты корпіею, отъ чего происходила злокачественная лихорадка. Преобладало сжатіе челюстей «lock-jaw, trismus», противу котораго *Ларрей* употреблялъ съ пользою прижиганіе. *Уордропъ* (Wardrop) говорилъ, что тѣ раненые, которые оставались на полѣ сраженія при Ватерлоо и не были внесены въ госпитали, что было среди лѣта, поправлялись гораздо лучше, «caeteris paribus», нежели тѣ, которые подвергались дурному воздуху и «pyaemia» госпиталей. Говорятъ, страшная сумятица смѣнила альмское сраженіе. Пріятно узнать, что былъ и хлороформъ, по 8 унцій въ каждомъ полку; но не было общей манерки для удовлетворенія всякаго. Продовольствіе раненымъ (сырое мясо и проч.) разносили изъ полковъ невареное; отвратительно было смотрѣть на мясныя порціи, которыхъ никакъ нельзя было съѣсть. Впрочемъ, это обстоятельство почти неизбѣжно на войнѣ. *Ларрей*, *Гетри*, *Гененъ* и проч. разсказываютъ о такихъ же лишеніяхъ. Особеннаго знака для общаго госпиталя не было; не было флага, который бы указывалъ на знаменитый тюремный дворъ, возвеличенный госпиталемъ, расположеннымъ *по правой сторонѣ дороги къ маленькой рѣчкѣ Альмѣ*, гдѣ съ утра до вечера по всѣмъ сторонамъ дѣлались операціи. Солдатъ, которому только что отняли руку или ногу, лежалъ рядомъ съ тѣмъ, которому приготовлялись дѣлать такую же операцію. Всѣ операціи произведены на землѣ; положеніе операторовъ было такъ затруднительно, что значительно увеличивало трудъ и усталость. Какъ ни были старательны хирурги, но дѣло не обошлось совершенно покойно; мѣста перевязанныхъ больныхъ, унесенныхъ на суда, занимались приносимыми съ поля. Такъ шло до того времени, когда наступила совершенная темнота, и такъ продолжалось на другой день до пяти часовъ послѣ полудня. Главный директоръ послалъ значительное число хирурговъ; но многіе изъ нихъ сдѣлались жертвою климата, лишеній и трудныхъ работъ въ Болгаріи. Достаточно, впрочемъ. осталось довольно устроеннаго, если бы помощь съ флота была принята; но организаціи не было вовсе.

Такъ, полковой хирургъ, имѣя 4-хъ или 5-хъ раненыхъ, оставался на мѣстѣ и ожидалъ присылки къ нему новыхъ раненыхъ, тогда какъ другой хирургъ, слѣдовавшій за полкомъ, получалъ на свои руки вчетверо болѣе. Это достойно замѣчанія и можетъ быть противопоставлено распорядительности французовъ, у которыхъ все шло въ отличномъ порядкѣ.

15-го (27-го). Всталъ въ половинѣ седьмого. Отправилъ много раненыхъ на суда, оставилъ нѣкоторыхъ русскихъ для операцій. «Fiat experimentum», etc. etc.; по правдѣ, безъ нихъ обойтись нельзя. Завтракалъ. Хирургъ, нынѣ состоящій при полку, неоперировавшій еще, дѣлалъ по моему распоряженію ампутацію одному изъ русскихъ, а его помощникъ—другому русскому. Работа становится чрезвычайно трудною. У меня начинаетъ сильно болѣть спина, vide Guthrie passim. Всего лишились вчера: убитыми 10, ранеными 66; офицеровъ—2. Смотрѣлъ съ высоты холма. По возвращеніи, встрѣтился съ чрезвычайнымъ пріятелемъ, старымъ знакомымъ, офицеромъ королевской морской службы, верхомъ на неуклюжей лошади, взнузданной веревками отъ его койки; офицеръ сидѣлъ на голой спинѣ животнаго, какъ турокъ на своемъ вьючномъ сѣдлѣ. Обѣдъ; вечеръ пріятный; снова на службѣ, легъ въ восемь; ночью на двухъ пикетахъ перестрѣлка; но тревоги не было.

16-го (28-го). По обыкновенію, рано утромъ, писалъ на открытомъ воздухѣ, который холоденъ, recubans sub tegmine fagi. Ничего не могу сказать объ осадѣ. О госпиталѣ знаю только, что ходимъ на мѣсто стрѣльбы ежедневно, перевязываемъ еженочно. Русскіе отвѣчаютъ, но уже не съ такою силою какъ прежде. 30-го—пикетъ привелъ семь прекрасныхъ лошадей; ѣздоки (казаки, Cossaks) стрѣляли ночью; но при всемъ прекрасномъ лошадиномъ мясѣ, чего бы не далъ я, чтобы посидѣть въ старомъ моемъ креслѣ, въ ожиданіи дорогихъ моему сердцу къ завтраку; а прекрасный хлѣбъ и особенно плеппераркое масло — о убійцы! намъ говорятъ; впрочемъ почта не ждетъ. — Vale.

Раненые въ Турціи.

Большая часть русскихъ ранена въ нижнюю часть ногъ, у нашихъ многіе выстрѣлы пробили грудную клѣтку; у многихъ пуля раздробилась по-поламъ, ударясь объ острый край большеберцовой кости. Разъ число умершихъ доходило до 15-ти въ день; мертвыхъ зашивали большею частью въ мѣшки и хоронили въ одномъ общемъ гробу. Около 12-ти русскихъ раненыхъ офицеровъ лежали въ одной комнатѣ; имъ трудно было внушить, чтобы они не двигали повязки: они предполагали, что англійскіе хирурги ихъ отравили. Изъ 60-ти умершихъ до послѣдняго числа (25-го ноября) не менѣе 27 умерло отъ кроваваго поноса и простого поноса «dysenteria, diarrhoea», а 20 отъ ранъ. Одного хирурга призвали осмотрѣть 127 раненыхъ и 26 убитыхъ. Прибыли еще 51 сидѣлка съ докторомъ.

Леченіе раненыхъ.

Сообщаемъ извлеченіе изъ письма изъ Константинополя: «Что касается до пользованія нашихъ раненыхъ подъ Альмою, то разсказы объ этомъ предметѣ нисколько не увеличены. Мнѣ сказывалъ командиръ судна «Colombo», съ которымъ я въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, что къ нему одному было сдано 600 раненыхъ, что въ продолженіе всего перехода въ Скутари, то есть, не менѣе 60 часовъ, три хирурга, при помощи волонтеровъ, не переставали дѣлать ампутаціи, и что по палубамъ текла кровь, какъ на бойнѣ, а вонь была невыносимая.

Медицинскій штабъ въ арміи.

По спискамъ госпиталей оказывается, что главный директоръ послалъ минувшею недѣлью 12 студентовъ, выдержавшихъ испытаніе въ наложеніи повязокъ. Говорятъ также, что подготовляютъ къ отправкѣ еще 20, преимущественно изъ госпиталей: Гюи, св. Өомы, Варөоломеевскаго и другихъ. Они будутъ получать въ день по 6 шил. 6 пенс. и временно пользоваться званіемъ помощниковъ

хирурга. Имена ихъ: Жиль, Вудфалль, Павей, Кингльси, Эвардтъ, Ваттсъ, Эллiотъ, Туккеръ, Аткинсонъ, Бейнъ, Беннетъ, Беллингамъ.

Лондонъ, 18-го (30-го) декабря 1854 г.

По достовѣрнымъ свѣдѣнiямъ, въ настоящее время въ скутарiйскихъ англiйскихъ госпиталяхъ находится приблизительно до 4,000 больныхъ и раненыхъ солдатъ; а въ балаклавскихъ госпиталяхъ до 3,000 человѣкъ; если къ этому прибавить, по меньшей мѣрѣ, 1,000 больныхъ, пользуемыхъ въ походныхъ полковыхъ лазаретахъ и на корабляхъ для перевозки ихъ въ госпиталь скутарiйскiй, то все количество людей, которыхъ служба потеряна для армiи, и коихъ жизнь подвержена большей опасности отъ недостатка строгой организацiи, чѣмъ отъ лишенiй и поразившихъ ихъ страданiй, простирается до 8,000 человѣкъ.

Если бросимъ взглядъ и остановимъ свое сердечное участiе на такомъ ужасномъ количествѣ страждущаго человѣчества, изнемогающаго тѣмъ сильнѣе, что оно сознаетъ, что большая его часть терпитъ отъ недостатка энергiи и устройства, то, быть можетъ, обратимъ вниманiе коммерческой страны и промышленнаго министерства на финансовую и политическую цѣну тѣхъ несчастiй, къ испытанiю которыхъ приговорены наши солдаты. Случайности войны, распространенiе болѣзней, прибытiе подкрѣпленiй, всѣ эти обстоятельства имѣютъ непосредственное влiянiе на постоянное измѣненiе числительности нашихъ силъ. Мы не можемъ, не смотря на все наше желанiе, съ точностiю опредѣлить этихъ силъ. Но ничто не даетъ повода сомнѣваться въ томъ, что дѣйствительная сила эта передъ Севастополемъ весьма значительна. Но если наборъ 10,000 иностранныхъ наемниковъ такъ важенъ и необходимъ, какъ его представляетъ министерство для увѣренности въ будущихъ дѣйствiяхъ, то англiйское войско должно быть въ сущности незначительно. Неужели болѣзни и смерть сократили списки нашихъ войскъ на 24,000? Предположивъ это, мы придемъ къ тому заключенiю, что одна четверть нашей армiи выбыла изъ строя,

что по необходимости должна быть отдѣлена отъ главнаго корпуса и власти главнокомандующаго, и что въ разсужденіи здоровья и благосостоянія войскъ, а также для удобнаго перенесенія опасностей и достиженія славы побѣдъ нужно умѣнье, преданность и устройство медицинской части.

Въ знаніи и прилежаніи медиковъ сомнѣнія нѣтъ; но что сказать объ устройствѣ и порядкѣ въ организаціи медицинской и хирургической частей въ этой необходимой и ужасной порѣ? Въ чемъ должна заключаться помощь сверхчеловѣческой покорности такому великому несчастію? Страданія 8,000 человѣкъ, сдѣлавшихся неспособными отъ болѣзней и ранъ, конечно, опредѣляютъ усилія обширной и хорошо устроенной администраціи. Какъ должно быть значительно мученіе, какъ велики должны быть потери деньгами! Станемъ цѣнить жизнь храбрыхъ на вѣсъ фунтовъ стерлинговъ, отъ недостатка существенной и благоразумной администраціи.

Почему медицинская часть, та часть, на которой лежитъ жизнь 8,000 солдатъ, четвертой доли арміи, не говоря уже объ успѣхѣ похода и чести британскаго оружія, не распредѣлена благоразумно и несоразмѣрна потребностямъ такой великой отвѣтственности? Мало ли хирурговъ, или настоящимъ хирургамъ не достаетъ стараній и знаній? Военное министерство увѣряетъ насъ, что на каждыхъ 77 человѣкъ есть по одному хирургу, и что ни одного нѣтъ изъ нихъ неспособнаго. Но есть ли эта числовая пропорція, 1 хирургъ на 77 человѣкъ солдатъ, пропорція соразмѣрная? Примемъ въ соображеніе, что четвертая часть войска требуетъ пособія врачей. Оставя пока больныхъ, пользуемыхъ полковыми хирургами, и остановя вниманіе на 7,000 паціентахъ въ госпиталяхъ, находимъ, что они ввѣрены попеченію 280 госпитальныхъ хирурговъ и ихъ помощниковъ, что составляетъ пропорцію одного хирурга на 25 больныхъ. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что число медиковъ менѣе по случаю болѣзней и трудности ихъ должности. Безъ особаго преувеличенія, можно положить на каждаго врача по 40 больныхъ. Сравните этотъ выводъ

съ штатнымъ числомъ врачей въ гражданскихъ госпиталяхъ. Въ Лондонѣ находится 13 главныхъ госпиталей, по 300 больныхъ приблизительно. Ими управляютъ 130 постоянныхъ врачей и хирурговъ, съ 200 приходящими врачами и фельдшерами. Поэтому въ гражданскихъ госпиталяхъ на каждаго врача приходится не болѣе 10 больныхъ. Нужно замѣтить, что не каждый изъ сихъ медиковъ посвящаетъ госпитальной практикѣ все свое время, а потому, принявъ это обстоятельство въ разсчетъ, а также имѣя въ виду удобство, зависящее отъ приноровленія времени, средствъ и опытности, очевидно, что все-таки больные въ гражданскихъ больницахъ присматриваются несравненно большимъ числомъ врачей, чѣмъ наши больные и раненые солдаты. Къ этому должно присовокупить большую важность и неотложную спѣшность случаевъ, встрѣчающихся въ военныхъ госпиталяхъ, и что поэтому больной въ военномъ госпиталѣ требуетъ большаго и постояннѣйшаго за нимъ надзора.

Но если бы потребовались еще болѣе осязательныя доказательства для подтвержденія числовой недостаточности нашего медицинскаго штаба, то мы можемъ ихъ найдти въ свѣдѣніяхъ, ежедневно доходящихъ въ Англію, о тѣхъ огромныхъ и сверхъ-естественныхъ трудахъ, которые должны переносить медики; въ недостаточномъ надзорѣ за больными и ранеными, въ фактѣ осуждающемъ себя, что администрація недостаточно правильна въ отношеніи дозволенія волонтерамъ помогать хирургамъ, и мы узнаемъ весьма любопытное обстоятельство, передаваемое газетою «the Times», что, по недостатку времени, или по недостатку порядка, *не ведется списка причинъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть.* Замѣтимъ, что мы неоднократно, по разнымъ причинамъ, настаивали на необходимости вести тщательный списокъ причинъ смерти. Нельзя понять обстоятельства, по которому могло бы быть уважено нарушеніе такой существенной и необходимой обязанности. Нужно ли говорить о другихъ причинахъ, составляющихъ язву въ наукѣ? Въ присутствіи такого скопища человѣческихъ страданій не должны ли мы воззвать къ важности испы-

танныхъ познаній, познаній, которыя составляютъ для пріобрѣтшаго ихъ стимулъ и сознаніе для человѣка, любящаго свое искусство: въ приложеніи его заключается обезпеченіе и исцѣленіе будущихъ страдальцовъ!

Не составляетъ ли это жалкое отсутствіе системы и организаціи, и этотъ недостатокъ во власти, которая бы отвѣтствовала, провѣряла и разрѣшала встрѣчаемыя недоразумѣнія, не составляетъ ли, говоримъ, все это такого зла, которое не могло быть предвидѣно и отстранено? Не имѣли ли мы опыта прежнихъ войнъ, или мы неспособны пользоваться этимъ опытомъ? Мы въ тѣсномъ союзѣ съ французами, работаемъ съ ними рядомъ, восхищаемся каждый день выгодою отъ умныхъ ихъ распоряженій и удивительной администраціи въ медицинскомъ отношеніи, и не имѣемъ достаточно смысла перенять то, чего не могли предвидѣть и не съумѣли выдумать? Мы обязываемся сказать это, хотя свѣдѣнія военнаго министерства и показываютъ, что превосходная организація французскихъ медиковъ не можетъ служить намъ упрекомъ, потому что у нихъ меньше раненыхъ и больныхъ, и потому они менѣе нуждаются въ этомъ отношеніи. Ложность этого довода ясна для всякаго, не лишеннаго разсудка. Доказано, что на полѣ альмской битвы и потомъ въ нашихъ госпиталяхъ, французы нуждались въ такомъ же медицинскомъ и хирургическомъ пособіи, потому что число раненыхъ и больныхъ было то же. Нѣтъ, у насъ вовсе не организована медицинская часть. Должно вспомнить, что чѣмъ сильнѣе предполагается бой, тѣмъ больше число больныхъ, тѣмъ значительнѣе число случаевъ, страшнѣе раны, тѣмъ необходимѣе и важнѣе строгость системы, сосредоточеніе власти, для того, чтобы быть вполнѣ готовымъ встрѣтить и отразить зло, которое не можетъ быть ни поправлено въ будущемъ, ни оставлено въ пренебреженіи.

Столь печальныя и позорныя для народа обстоятельства и столь опустошительныя бѣдствія требуютъ сильной и неотложной помощи. Министерство назначило коммиссію для изслѣдованія. Публикѣ неизвѣстны ни предѣлы власти, ни значеніе этой коммиссіи, но мы желаемъ,

чтобы она имѣла достаточное полномочіе для произведенія перемѣнъ и реформы. Нужна диктаторская власть. Необходимость велика и крайня: жизнь храбрыхъ слишкомъ драгоцѣнна, чтобы ею пренебрегать для споровъ чиновниковъ и увѣреній ихъ, что находятъ въ этомъ случаѣ неодолимыя препятствія въ формальностяхъ и приличіяхъ оффиціяльныхъ процедуръ. На обязанности министерства лежитъ указать человѣка, отличнаго по способностямъ и опытности, могущаго возбудить уваженіе, человѣка, котораго оно могло бы уполномочить довѣріемъ, полною властью и свободою дѣйствія для ослабленія зла, которое открывается само собою ([1]).

Въ «Gäzette hebdomadaire de chirurgie et de médecine», издаваемой въ Парижѣ, подъ надзоромъ министерства просвѣщенія, сообщаютъ, 12-го января, письмомъ изъ Константинополя, занимательныя медицинскія извѣстія о восточной арміи. Изъ этого письма оказывается, что холера въ Крыму и Константинополѣ прекратилась совершенно, но вмѣсто ея водворился тифозный элементъ; онъ усиливается и заставляетъ опасаться, что превратится въ общую эпидемію. Тифозныхъ горячекъ множество, съ преобладаніемъ воспаленія въ мозгу. И простыя воспаленія часто дѣлаются смертельными. У больныхъ тифозными горячками замѣчаютъ красныя пятна, а эта примѣта появляется обыкновенно только при слишкомъ большомъ скопленіи людей, получающихъ дурную пищу и продолжительно страдающихъ нравственнымъ образомъ. Въ госпиталяхъ видны только истощенные, утомленные и блѣдные люди; поносъ придаетъ имъ безжизненную физіономію, а лихорадки особенную блѣдность и мертвенное лицо. Тоска по родинѣ имѣетъ также особенное вліяніе и кончается цынгою. Число цынготныхъ весьма значительно. Въ зданіи морской школы учредится госпиталь для матросовъ въ 1,000 кроватей. Въ султанскомъ военномъ училищѣ также приготовляютъ госпиталь. Оно будетъ упразд-

([1]) Военн. медиц. журн. 1855 г., № 9.

нено на этой недѣлѣ, и госпиталь будетъ устроенъ немедленно. Но довольно о медицинѣ, поговоримъ о хирургіи. Операціи быстро слѣдуютъ одна за другою въ разныхъ госпиталяхъ. Замѣчено, что русскіе лучше всѣхъ выдерживаютъ ихъ, и вы скоро увидите въ Парижѣ русскаго, который выдержалъ на ногѣ самую трудную операцію, и рана его теперь зажила совершенно. Ему придѣлали деревянную ногу съ подушкою, и онъ скоро будетъ въ состояніи ходить. Русскіе лучше переносятъ болѣзни, потому что они люди крѣпкіе; поселяне, незнакомые ни съ сифилитическими, ни съ золотушными болѣзнями, люди окрѣплые трудомъ и работою. Французы лучше выдерживаютъ, нежели англичане и турки. Англичане почти всѣ золотушны, или страждутъ желѣзами. Турки изнурены нуждами и нездоровымъ вліяніемъ своихъ пустынныхъ областей, и потому большая часть ихъ погибаетъ послѣ операцій. Въ госпитали привозятъ много людей съ отмороженными ногами; отваливаются пальцы и часто съ обѣихъ ногъ. Это не отъ сильнаго мороза, потому что термометръ не опускался еще ниже 6-ти градусовъ Реомюра. Южные вѣтры поддерживаютъ теплую температуру, но эти несчастные день и ночь по колѣно въ водѣ и въ грязи. Ноги ихъ чаще всего отмерзаютъ во время сна (¹).

Въ «Morning Post» сообщаютъ о числительной силѣ англійской арміи въ Крыму 1-го января (20-го декабря) слѣдующія подробности: унтеръ-офицеровъ 2,191, барабанщиковъ 656, рядовыхъ 38,085, всего 40,932 человѣка, не считая офицеровъ. Въ этомъ числѣ было раненыхъ и больныхъ: 565 унтеръ-офицеровъ, 107 барабанщиковъ и 12,747 рядовыхъ, всего 13,419 человѣкъ, остается всего 27,513 человѣкъ, способныхъ къ отправленію службы. Изъ нихъ ежедневно поступаютъ въ госпитали по 100 больныхъ, и половина ихъ умираетъ (²).

(¹) Сѣв. Пчела 1855 г., № 9.
(²) Сѣв. Пчела 1855 г., № 13.

Донесеніе англійской слѣдственной коммиссіи о крымской экспедиціи.

Всѣмъ, читающимъ газеты, извѣстно, что, по предложенію члена нижняго парламента, *Робука*, наряженъ былъ слѣдственный комитетъ о причинахъ гибели англійской арміи въ Крыму. Недавно представлено парламенту донесеніе слѣдственной коммисіи о крымской экспедиціи президентомъ ея, *Робукомъ*. Оно раздѣлено на двѣ части: 1) состояніе арміи подъ Севастополемъ; 2) распоряженіе военныхъ департаментовъ, внутренняя и внѣшнія. Представляемъ сущность содержанія этого документа.

1) Состояніе арміи подъ Севастополемъ.

Армія, расположенная въ непріятельской странѣ, за три тысячи миль отъ Англіи, и принужденная вести зимнюю кампанію, должна была неизбѣжно подвергаться большимъ лишеніямъ. Но слѣдствіемъ доказано, что непредусмотрительность и неопытность министерскихъ департаментовъ и военнаго управленія весьма много содѣйствовали усиленію зла. Армія страдала въ особенности самымъ ужаснымъ образомъ въ теченіе ноября и декабря 1854 года. Болѣзни произвели жестокія опустошенія, равно и чрезмѣрные труды — слѣдствіе малочисленности войскъ причинили значительную убыль. Коммисія не считала себя обязанною заниматься военными дѣйствіями, предпринятыми по соглашенію съ союзною державою. Другія причины страданія войска изложены подъ нижеслѣдующими рубриками:

2) Распоряженія департаментовъ и проч.

1. *Внутреннія дѣйствія правительства.* Отвѣтственность за крымскую экспедицію падаетъ на правительство. 29-го іюня, герцогъ *Ньюкестль* писалъ лорду *Раглану* о принятіи мѣръ къ осадѣ Севастополя, сказавъ, что прочный миръ невозможенъ безъ взятія этой крѣпости и истребленія русскаго флота. Депеша ограничивала распорядительную власть лорда *Раглана* въ случаѣ превосходныхъ силъ. Кабинетъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Лордъ *Абердинъ* надѣялся, что городъ возмутъ разомъ. Герцогъ

Ньюкестль полагалъ, что армія, разрушивъ Севастополь, будетъ зимовать въ Босфорѣ. Сэръ *Грегамъ* раздѣлялъ это мнѣніе.

Герцогъ исчислялъ въ 30,000 человѣкъ русскія войска въ Крыму.

Лордъ *Рагланъ*, въ депешѣ отъ 19-го іюля, говорилъ, что высадка въ Крыму рѣшена, *болѣе изъ уваженія къ видамъ британскаго кабинета*, нежели въ слѣдствіе положительныхъ свѣдѣній, полученныхъ главнокомандующими обѣихъ армій.

Для подкрѣпленія крымской арміи не было устроено въ Англіи никакого резерва. Сформированіе его, по отзыву *Сиднея Герберта*, послужило бы въ ущербъ будущему, и разстроило бы всѣ полки, оставшіеся въ Англіи.

2. *Военное министерство.* Положеніе герцога *Ньюкестля*, когда онъ вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, было крайне неблагопріятно, и обязанности его не опредѣлены надлежащимъ образомъ. Ему предстояло управлять многими департаментами, не имѣя въ рукахъ столько власти, чтобы дать дѣламъ энергическій ходъ. Притомъ герцогъ не зналъ ничего о происходившемъ на востокѣ. Онъ извѣстился уже очень поздно объ ужасномъ положеніи госпиталей въ Скутари и въ Балаклавѣ.

Правительство долго оставалось въ невѣдѣніи объ ужасахъ положенія войскъ. Это явствуетъ изъ всѣхъ свидѣтельствъ, и оно должно было почерпать свои свѣдѣнія изъ журналовъ, не имѣя оффиціальныхъ донесеній. Въ слѣдствіе тревожныхъ слуховъ, распространившихся по государству, герцогъ *Ньюкестль* отправилъ въ Скутари коммиссію. Посланная въ октябрѣ, она представила свое донесеніе только въ апрѣлѣ. Кромѣ того, герцогъ, побуждаемый благородными намѣреніями, просилъ лорда *Стратфорда* принять на себя надзоръ надъ госпиталями.

До герцога *Ньюкестля* не касался вопросъ о части коммисаріатской; однако, онъ и на нее обратилъ полное вниманіе, и со всѣхъ сторонъ сдѣланы были необыкновенныя усилія, чтобы снабдить войска всѣмъ нужнымъ. Ко-

*

личество посланной зимней одежды превосходило даже дѣйствительную въ ней потребность.

3) *Военный секретарь*, Сидней *Гербертъ*, не имѣлъ власти дѣйствовать распорядительно, но должно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ принялъ много такихъ мѣръ, которыми бы могъ пренебречь. Нынѣ, когда управленіе военнаго секретаря уже не существуетъ отдѣльно, комитетъ не предлагаетъ, по этому предмету, никакихъ важныхъ преобразованій. Онъ указываетъ только на неудобства, происходящія отъ даннаго солдатамъ дозволенія брать съ собою женъ, и полагаетъ не допускать этого впредь.

4) *Артиллерійскій департаментъ* (ordnance). Комитетъ думаетъ, что лордъ *Абердинъ* непрасно не замѣнилъ лорда *Раглана* въ должности генералъ-фельдцейхмейстера, когда послѣдній былъ назначенъ главнокомандующимъ восточною арміей. Этотъ департаментъ въ совершенномъ разстройствѣ. Всѣ мѣры, относительно бараковъ и вооруженія войскъ, были весьма неудовлетворительны. Изъ показаній свидѣтелей явствуетъ, что если бы послали парусины для палатокъ, то поступили бы лучше, чѣмъ построивъ бараки въ Константинополѣ и Тріестѣ. Всѣ вещи были дурны. Съ другой стороны, комитетъ отдаетъ справедливость превосходному устройству артиллеріи.

5) *Департаментъ перевозочныхъ средствъ въ Лондонѣ.* Этою частію завѣдывало сначала адмиралтейство, и столь неудовлетворительно, что сэръ *Грегамъ* нашелся вынужденнымъ образовать для того особое вѣдомство. Менѣе нежели въ годъ, перевезено было 150,000 человѣкъ и 7,000 лошадей. Правильность перевозки потерпѣла отъ продолжительной стоянки судовъ въ Балаклавѣ, по недостатку магазиновъ. Суда были вообще слишкомъ нагружены, и, въ слѣдствіе того, произошло большое замѣшательство при распредѣленіи грузовъ въ разныхъ портахъ. Многія вещи были перевезены по напрасну. Особенно пренебрегли мѣрами для перевозки больныхъ, не смотря на настоянія герцога *Ньюкестля*, приказаній котораго адмиралъ *Дондасъ*

не исполнялъ, будучи убѣжденъ, что Севастополь падетъ чрезъ нѣсколько дней.

6) *Перевозочныя средства въ Черномъ морѣ.* Адмиралъ *Дондасъ*, отклоняя отъ себя всякую отвѣтственность, сваливаетъ все на лорда *Риглана*, адмирала *Боксера* и капитана *Кристи*. Такъ или иначе, но доказано, что распоряженія сдѣланныя въ Балаклавскомъ портѣ, никуда не годились; адмиралъ *Дондасъ* объясняетъ, что, по тѣснотѣ порта нельзя было устроить въ немъ регулярной перевозки. Большая часть судовъ останавливались на якорѣ внѣ рейда, гдѣ не были въ безопасности.

7) *Перевозочныя средства въ Босфорѣ.* Здѣсь распоряжался полнымъ хозяиномъ адмиралъ *Боксеръ*. 8-го сентября онъ потребовалъ присылки корабля съ опытными фейерверкерами для сигналовъ. Долго колебались посылать ему требуемое, и поплатились за то раскаяніемъ послѣ бѣдствій отъ бури 14-го ноября. Комитетъ не можетъ изложить своего мнѣнія о поведеніи адмирала *Боксера*, но все доказываетъ, что адмиралъ находился въ затруднительномъ положеніи и имѣлъ въ своемъ распоряженіи недостаточныя средства. Его упрекаютъ за продолжительную остановку судовъ въ Константинополѣ и за плохое устройство перевозки каменнаго угля.

8) *Коммисаріатъ въ Лондонѣ.* По единогласному показанію всѣхъ свидѣтелей, эта часть вполнѣ хорошо устроена и не возбуждала жалобъ ни съ одной стороны.

9) *Коммисаріатъ на Востокѣ.* Генералъ коммисаръ *Фильдеръ*, завѣдывающій сею частію, человѣкъ весьма опытный и способный, но онъ долженъ былъ бороться съ неизбѣжными препятствіями, происходившими отъ малыхъ сношеній коммисаріата съ арміей въ мирное время, во всемъ, что касается до поставки провіанта и фуража.

10) *Сухопутная перевозка.* Здѣсь все было въ разстройствѣ. Крымская армія не имѣла вьючныхъ животныхъ для перевозки тяжестей, больныхъ или раненыхъ. Но коммисаріатъ въ томъ не виноватъ: всѣ суда были заняты для другихъ надобностей. Когда армія расположилась подъ Севастополемъ, привезли муловъ и вьючныхъ животныхъ

изъ Варны, впрочемъ въ недостаточномъ числѣ. Разстройство этой части увеличилось еще отъ дурнаго состоянія дорогъ, отъ недостатка шалашей и фуража. Не было также и возчиковъ, и все это дѣло отличалось самымъ жалкимъ нерадѣніемъ.

11) *Дороги.* Плохая дорога, между лагеремъ и Балаклавою, была одною изъ главныхъ причинъ бѣдственной участи войскъ. Эта часть лежала на обязанности генералъ-квартирмейстера, который, однако, по болѣзни, не могъ исполнять своихъ обязанностей. Сэръ *Бургоинъ* пытался употребить турокъ на устройство дороги; дѣло оказалось невозможнымъ. Послѣ бури 14-го (2-го) ноября, дорога стала еще хуже, и нашлись вынужденными употреблять кавалерійскихъ лошадей на тяжелыя работы, отъ которыхъ лошади падали сотнями. Неимѣніе дороги было первою причиною безпорядка въ Балаклавской гавани. Комитетъ полагаетъ, что въ этомъ дѣлѣ было поступлено весьма непредусмотрительно. Въ ноябрѣ надлежало бы принять дѣйствительныя мѣры. Должно отдать справедливость герцогу *Ньюкестлю*, что онъ узналъ зло тогда, когда уже поздно было отвратить его.

12) *Депо на Востокѣ.* Если бы образовали депо между лагеремъ и Балаклавою, то предупредили бы много бѣдствій. Хотя и приступили къ этой работѣ, однако буря и инкерманское сраженіе помѣшали окончанію ея. Въ сентябрѣ были заложены въ Константинополѣ обширные магазины, но не начѣмъ было перевозить запасы въ Балаклаву, а изъ Балаклавы въ лагерь. Не будь этого недостатка, въ Босфорѣ нашлись бы средства для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ арміи.

13) *Продовольствіе арміи.* Изъ Англіи были отправлены значительные грузы солонины, сухарей и рома. Въ продолженіе зимы, собрано было въ Константинополѣ 4,000 штукъ скота, да изъ Смирны привезено 2,000, и продовольствія оказалось бы въ достаточномъ количествѣ, если бы были перевозочныя средства. До исхода октября, раздавали въ госпиталяхъ свѣжее мясо, три раза въ недѣлю, а потомъ до 23-го января ежедневно. Въ теченіе зим-

нихъ мѣсяцевъ, люди въ траншеяхъ часто не имѣли съѣстныхъ припасовъ и питались малымъ количествомъ сухарей и рома. И здѣсь безпорядокъ въ перевозкѣ былъ причиною всего зла. Такъ, напримѣръ, въ лагерѣ рѣшительно не было овощей, тогда какъ въ Евпаторіи лежали огромные запасы оныхъ. Равномѣрно и въ Константинополѣ находились большіе склады риса. Кофе былъ раздаваемъ не жареный, потому что не на чемъ было его жарить. За это коммисаріатъ заслуживаетъ, по мнѣнію комитета, строгое порицаніе.

14) *Фуражъ.* Количество, найденное въ Крыму, было скоро израсходовано, и 17-го ноября герцогъ *Кембриджскій* увидѣлъ себя вынужденнымъ приказать убить 24 ломовыя лошади, по невозможности кормить ихъ. Лордъ *Луканъ* и лордъ *Карддиганъ* неоднократно жаловались на недостатокъ фуража. Трудно сказать, на кого падаетъ отвѣтственность за это зло. Коммисаріатъ слагаетъ всю вину на генералъ-квартирмейстера, который, въ свою очередь, обвиняетъ завѣдывавшихъ перевозкою. Комитетъ, не имѣвъ возможности допросить важныхъ свидѣтелей, удерживается отъ всякаго приговора.

15) *Медицинская часть въ государствѣ.* Генералъ-директоръ этой части, докторъ *Смитъ*, хотѣлъ устроить составъ походныхъ госпиталей изъ людей отборныхъ. Лордъ *Рагланъ* отказалъ ему и далъ отставныхъ солдатъ. Въ слѣдствіе того, рушилась вся часть. Кромѣ того, главнокомандующій не снарядилъ ни одного корабля для перевозки больныхъ и раненыхъ. Часть фармацевтическая была устроена также съ излишнею бережливостію.

16) *Медицинская часть въ арміи.* Армія при отправленіи имѣла значительное число врачей. Но многіе изъ нихъ умерли отъ болѣзней, и дѣла приняли тѣмъ худшій оборотъ, что въ аптекахъ не было лекарствъ, особенно опія.

17) *Госпитали въ Скутари.* Здѣсь комитетъ порицаетъ доктора *Менціеса* за то, что онъ, при самомъ началѣ, не донесъ о ихъ состояніи, и объявилъ, что все устроено удовлетворительно, тогда какъ больные нуждались во всемъ. Герцогъ *Пьюкестль* узналъ объ этомъ только въ половинѣ

октября. Фармацевтическая часть находилась въ жалкомъ положеніи, и если бы частная благотворительность не явилась на помощь больнымъ и раненымъ, то бѣдствія были бы ужасны. Правительство, получивъ о томъ свѣдѣнія, немедленно послало коммисара на мѣсто и отправило самыя точныя инструкціи посланнику въ Константинополѣ. Комитетъ признаетъ сію мѣру запоздалою и недѣйствительною, потому что она только раздѣлила отвѣтственность. По этой части не доставало единственнаго и способнаго начальника. Маіоръ *Силлерей*, управлявшій ею, не могъ, по самому чину своему, имѣть большой власти, и когда лордъ *Рагланъ* замѣстилъ его, въ декабрѣ, лордомъ *Паулеттомъ*, дѣла пошли лучше. Но важное преобразованіе введено было впервые частною благотворительностію. Подписка, открытая газетою «Times», превосходное распоряженіе суммами, сдѣланное ея корреспондентомъ *М. Дональдомъ*, самоотверженіе миссъ *Найтингаль* и ея мужественныхъ сотрудницъ, содѣйствіе многихъ служителей церкви—все это значительно способствовало успокоенію страдальцевъ. Упавшіе духомъ ободрялись, умиравшіе выздоравливали.

Комитетъ, разсмотрѣвъ отвѣты на слишкомъ 21,000 вопросовъ, объявляетъ въ заключеніе, что первыми причинами бѣдствій англійской арміи были обстоятельства сопровождавшія экспедицію. Не знали ни крѣпости, которую вознамѣрились атаковать, ни средствъ страны, въ которую вторгнулись. Разсчитывали на немедленный успѣхъ, и не подумали о потребностяхъ, неразлучныхъ съ зимнею кампаніей [1].

Союзные витязи при осадѣ Севастополя.

(Легенда).

Слава Богу, уже окончился намъ и всему подлунному свѣту памятный 1854 годъ; многіе и многіе долго будутъ

---

(1) Воен. Журналъ 1855 г., № 5.

его помнить; русскіе и враги ихъ равно поставятъ его на видномъ мѣстѣ въ скрижаляхъ своей исторіи. Но никому, надѣемся, не будетъ такъ памятенъ этотъ достославный годъ, какъ для Англіи. Не поздоровился онъ ей ни на сушѣ, ни среди морей, и долго няньки и кормилицы будутъ пугать тамъ дѣтей угрозою: что пошлютъ ихъ въ Севастополь. Тяжкая кость этотъ зачарованный Севастополь въ горлѣ тучнаго великобританца! не легко проглотить ее и трудно вынуть обратно, и ловкой надобно цапли, чтобы вытащить ее, не исцарапавъ языка, не изломивъ немного доселѣ твердой его челюсти.

Вотъ ровно четыре мѣсяца, какъ неслыханной силы армада, флотъ и сухопутное войско, движимые не только силою вѣтровъ или колесомъ пароходовъ, но и волшебнымъ Архимедовымъ винтомъ, въ числѣ 120,000 человѣкъ нагрянули на Крымъ, съ намѣреніемъ, искреннимъ желаніемъ и полною увѣренностію взять русскій Гибралтаръ, а послѣ столь грандіозной экспедиціи (какъ говорилось въ журналахъ), — все будетъ кончено. Русскій флотъ исчезнетъ съ лона морей; укрѣпленія на всемъ пространствѣ береговъ черноморскихъ будутъ разрушены, кавказскіе горцы возвращены «отеческому» вліянію Порты Оттоманской; грекамъ и славянамъ оставлено будетъ право охотно покориться «преобразованному» турецкому правительству и пр. и пр. Тогда «равновѣсіе» Европы будетъ вполнѣ обезпечено; не только Австрія или Валахія, но даже Швеція, Данія, Исландія будутъ вполнѣ счастливы; ибо для спокойствія всей Европы, ея нравственнаго и религіознаго образованія необходимо одно—«независимость» Турціи. А что такое независимость Турціи? Западныя правительства не объясняютъ; это вѣроятно: право свободно покупать христіанскихъ мальчиковъ въ рабство, дѣвицъ въ гаремы; право разрушать христіанскіе церкви и монастыри, обогащать пашей и ренегатовъ. разумѣется, съ обязанностію—покупать однѣ только англійскія мануфактуры, безъ участія Россіи. Всему этому блаженству Европы христіанской противилась одна Россія, какъ олицетвореніе варварства; оттого Англія, олицетвореніе законности, обще съ

такою же личностію Наполеона III (но не съ Францією, Франція далека отъ этой великой цѣли) — должны были положить предѣлъ этому распространенію дикаго русскаго народа, усилившагося въ своихъ «безлюдныхъ» степяхъ.

И вотъ, 2-го сентября, до 600 вымпеловъ явилось на устьяхъ цвѣтущихъ садами рѣчекъ: Альмы и Качи на Таврическомъ полуостровѣ. Болѣе 70,000 сухопутнаго войска вышло на берегъ. Слишкомъ 60 перводклассныхъ кораблей поддерживали эту армію; мирные татары принуждены бросить свои избы и степи, и идти къ гостямъ въ услуженіе. Главнокомандующій издалъ прокламацію, сочиненную еще въ Парижѣ, и, казалось, все сдѣлано. Севастополь должно взять поскорѣе, ибо съ 3-го уже сентября Черное море начало было шалить и неслушаться союзныхъ генераловъ. На бѣду, 8-го сентября, по дорогѣ къ Севастополю, эта армія встрѣтила 35,000 русскаго войска, изъ которыхъ три четверти не видали еще огня непріятельскаго, а половина едва пришла въ Крымъ изъ Бессарабіи. На Альмѣ русскіе познакомились съ англичанами; посмотрѣли на своихъ новыхъ враговъ и себя показали. Побѣда! побѣда! кричалъ французскій генералъ, журналы обѣихъ націй повторили: «великая, неслыханная побѣда», — и вмѣсто памятника на полѣ битвы погребли до 4,000 «непобѣдимыхъ» союзныхъ витязей. Начало было не такъ хорошо. «Мы идемъ прямо въ Севастополь», писали генералы, и были не далеко, не болѣе 8-ти верстъ, но не отважились исполнить данное обѣщаніе. Союзники, предводимые «побѣдоносными» генералами, вмѣсто восьми, сдѣлали почти тридцать верстъ и одержали новую «блистательную побѣду», что я говорю побѣду! цѣлое завоеваніе взяли Балаклаву, въ которой было не менѣе 70-ти грековъ и ни одной пушки въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій! Какъ Балаклаву? спрашивали въ Европѣ даже самые усердные журналисты, а Севастополь? «Севастополь еще не взятъ, но будетъ взятъ въ самомъ скоромъ времени». Хорошо, подождемъ, за то какой грандіозный предметъ неминуемаго торжества! (говорили журналы). И вотъ «взяли» Севастополь: заблистали потѣш-

ные огни въ Цареградѣ; полумертвые отъ голода турки и 5,000 больныхъ и раненыхъ союзниковъ, брошенныхъ въ госпитали, сильно торжествовали. Слава побѣды и блескъ плошекъ радовали всю Англію и Францію, — но увы! пробужденіе было неловкое: Севастополь не взятъ. Но бѣда не большая. «Рано или поздно мы возьмемъ его, но должно прежде подумать: что сдѣлать съ этою крѣпостью, когда ее возьмутъ, какъ употребить съ пользою для Европы такую добычу? А что его возьмутъ непремѣнно, это не подвержено сомнѣнію», ибо (сказано въ журналѣ) чего западныя державы хотятъ, того достигнутъ непремѣнно—доказательство самъ Бомарзундъ. Армія тоже подождетъ, надобно покамѣсть хорошо ей укрѣпиться». Такъ кончили сентябрь; начался и октябрь; все идетъ отлично, всѣ здоровы—и люди, и лошади; оказался, правда, недостатокъ въ водѣ, — ничего, — за то вина и рому довольно. Лошади, конечно, не привыкли къ грогу, а къ рѣчкѣ Черной ([1]) хотя и ведутъ ихъ, но за то, за всякое ведро этой водицы надобно уложить въ могилу двухъ или трехъ, а десять въ постель, «непобѣдимыхъ» союзниковъ. Императоръ французовъ ждетъ не шутя паденія Севастополя; онъ заказалъ парадную карету и фейерверкъ, основалъ мостъ въ честь «побѣды» на Алмѣ, даже фигляры, искренно преданные правительству, изготовили въ циркѣ потѣшное зрѣлище въ честь этого подвига; надобно взять Севастополь, да и пора. И вотъ 4-го октября попробовали; немножко трудновато, русскіе что-то серьозно стрѣляютъ и не сдаются, да и пушенки ихъ великоваты, ядра ихъ и артиллеристы не таковы, какъ писали консулы изъ Одессы и Керчи, и страннѣе всего, что ядра эти бьютъ союзниковъ: вѣрно пушки взяты съ сожженнаго парохода Тигръ и поставлены на батареяхъ; ну, онѣ скоро полопаются, русскіе стрѣляютъ слишкомъ усердно, какъ сумасшедшіе (ils tiraient comme des forcénés, сказано въ журналѣ). Надобно это дѣло покончить, и 5-го числа его покончили. Самъ «непобѣдимый» флотъ вступилъ въ дѣ-

([1]) Рѣчка Кара Узень или Черная, впадающая въ море у Инкермана.

ло, стрѣлялъ усердно цѣлый день, убилъ 8 или 10 артиллерійстовъ, да два офицера, а приморскія батареи ихъ стоятъ себѣ преспокойно (не смотря на вѣсти Константинопольской газеты), но имѣютъ видъ какъ бы проболѣли оспою и корью. Говорятъ, что союзнымъ кораблямъ немножко не поздоровилось; говорятъ даже, что два или три вычеркнуто изъ Naval-magazin, но это вздоръ. Какъ возьмутъ Севастополь, русскими кораблями будутъ подогрѣвать англійскіе чайники и турецкіе кофейники. А на сушѣ? и тамъ что-то не ладно; и тамъ французы и англичане кой-что похоронили въ сырой землѣ русской; кой-что «съ верхомъ» отправили на излеченіе въ Константинополь, но за то какая слава! «Не будь затопленныхъ русскихъ кораблей у входа въ бухту (и русскихъ батарей), и флотъ союзный былъ бы непремѣнной въ Севастопольской гавани». Ничего, прійдетъ еще пора. Карета Наполеона подождетъ, а клубы лондонскіе пообѣдаютъ и безъ тостовъ въ честь севастопольскаго разрушенія.

Это было 5-го октября, а 13-го генералъ *Липранди*, который, за десять дней назадъ, былъ совершенно разбитъ и даже убитъ на Дунаѣ отъ одного появленія союзниковъ за Балканами (сказано въ журналахъ), пришелъ къ самой Балаклавѣ и захватилъ три редута съ пушками и знаменами. Пушки были наши, это правда, говорятъ непобѣдимые генералы, но берегли ихъ турки. А странно, турки (по словамъ журналовъ) били вездѣ русскихъ на Дунаѣ, а въ Крыму бѣгутъ при появленіи не только ихъ штыка, но и казачьей пики. Вѣроятно, тоска по родинѣ и вліяніе климата ихъ измѣнили. Пушекъ у насъ довольно, а вотъ бѣда — англійская легкая кавалерія, «непобѣдимая» въ Лондонѣ на парадахъ и въ тавернахъ, погибла совсѣмъ или почти совсѣмъ отъ русскихъ улановъ. Странно, но ничего это легкая кавалерія, а драгуны англійскіе и французскіе, африканскіе конные егеря еще цѣлы, жаль только, что сѣна нѣтъ; лошадей вѣдь нельзя кормить ни бюллетенями о побѣдахъ, ни широколистыми журналами въ родѣ «Moniteur» и «Times». За то такъ бомбардируемъ Севастополь, что, по мнѣнію гг. NN, англійскаго архитектора,

долго служившаго въ Севастополѣ и нечаянно захваченнаго англійскими пикетами, весь Севастополь изрытъ и сожженъ бомбами; солдаты русскіе перебиты, всѣ жители ропщутъ, кричатъ, чтобы ихъ скорѣе сдавали «непобѣдимымъ» союзникамъ. Желаніе похвальное и естественное; какъ не желать быть англичаниномъ, т. е. счастливымъ? Спросите любого ирландца, мальтійца или грека Іоническихъ острововъ, или же индѣйскаго туземца. Пусть крѣпость сдается, а мы покамѣсть отдохнемъ, да подождемъ подкрѣпленій. «Какъ, этотъ цвѣтъ арміи и флота (говорятъ журналы) въ шесть недѣль уже завялъ? невозможно.— Увы! цвѣты всѣ вянутъ и надобно было ихъ замѣнить новыми, и кой-что подвезли изъ Лондона, Мальты и Марсели. «Тѣмъ лучше, гласятъ журналы, мы послѣ взятія Севастополя возьмемъ еще и Одессу, давайте подкрѣпленій. Русскихъ теперь мало, они не смѣютъ покинуть береговъ Дуная и Прута, да какъ имъ перебраться за пятьсотъ верстъ сухимъ путемъ, безъ желѣзныхъ дорогъ и безъ пароходовъ, море вѣдь совершенно наше!» Но русскій народъ знаетъ только команду. Царь велѣлъ — и въ десять дней уже армія въ 60,000 человѣкъ прибыла въ Крымъ. Русскіе обложили Евпаторію, оставили стражу у Перекопа и у Бахчисарая, а остальные, 24-го октября, одушевленные присутствіемъ юныхъ архистратиговъ земныхъ ([1]), перекрестясь ринулись съ трехъ сторонъ, какъ ураганъ, въ «непобѣдимую» союзную армаду. Вотъ тутъ-то была потѣха! Русскіе стройно пошли на лагерь, взяли бастіоны, заклепали пушки, перекололи почти всю англійскую гвардейскую пѣхоту, 6 генераловъ и 200 офицеровъ уложили на вѣчный покой и, по приказу вождя, пошли назадъ, оплакавъ цѣлыя тысячи братій, павшихъ при этомъ угощеніи незванныхъ гостей. Но они пали славно за Вѣру и Царя, на родной землѣ, при молитвахъ Святой Церкви и стяжавъ славу во всемъ отечествѣ!

Десять тяжкихъ дней прошло прежде, нежели союзники успѣли похоронить всѣхъ «непобѣдимыхъ» витязей,

([1]) Такъ ихъ назвалъ нашъ великій витія Архіепископъ Иннокентій.

особенно англійскихъ. Какъ велика была ихъ потеря, мы въ точности опредѣлить не можемъ; мы тамъ не были. Но то вѣрно, что на 11-ти пароходахъ, на побитыхъ 5-го числа корабляхъ, повезли въ Константинополь, Варну, Синопъ, даже Мальту и Лондонъ, храбрыхъ рыцарей, нуждающихся въ ногахъ, рукахъ или хотя здоровьѣ. Когда всѣхъ уложили въ могилу, или по госпиталямъ, оказалось, что дѣло 24-го октября было и самою блистательною побѣдою (victoire d'Inckermann, сказано въ журналахъ). Русскіе были совершенно побиты, ихъ бояться уже нечего и Севастополь легко взять. Но все таки надобно еще побольше укрѣпиться, надобно обезоружить даже корабли, чтобы ихъ пушками и матросами охранить себя отъ неопасныхъ враговъ, да нельзя ли еще подкрѣпленій?—Какъ подкрѣпленій? а цвѣтъ арміи и флота гдѣ? — Увы! цвѣты вообще живутъ не долго, и эти цвѣты засохли подобно другимъ. Да гдѣ ихъ взять? Нечего было дѣлать, послали ихъ изъ Греціи, послали съ острововъ, даже повернули въ Черное море одну команду, только что прибывшую на покой изъ Канады. Но вѣрно теперь уже армія рѣшительно возьметъ Севастополь, возьметъ съ боя, — и тамъ будетъ зимовать (пишутъ журналы). Нѣтъ, отвѣчаютъ побѣдоносные генералы, Севастополя не стоитъ брать; флотъ возьметъ Одессу, тамъ больше хлѣба (и меньше пушекъ), а сами укрѣпимся еще и будемъ ждать. Давайте поскорѣе хлѣба, шинелей, пушекъ, пороху, дровъ, лекарствъ и проч. и проч., а главное еще и еще подкрѣпленій. На что вамъ подкрѣпленія? спрашиваютъ наконецъ министры, да и гдѣ ихъ взять? Войска всѣ въ расходѣ, милиція хотя нехотя замѣнила регулярныя войска, оттого въ милицію уже никто не идетъ ([1]). Ради Бога

([1]) Вотъ что говорилъ самъ «непобѣдимый» лордъ Джонъ Россель въ парламентѣ; за время преній о наборѣ милиціи и чужеземныхъ, наемниковъ: «Когда дѣло идетъ о деньгахъ, духъ англійскаго народа является вовсемъ блескѣ; откройте подписку, потребуйте у него фланели, пуддинговъ, сладостей и портвейну для арміи, онъ отвѣтитъ единодушно и откроетъ свои безмездные карманы. Только нетрогайте его личности, не требуйте, чтобы онъ оставилъ уголокъ своей комнатки и подвергся опасности и тру-

войска и войска! вопилъ лордъ *Рагланъ*, — да побольше хлѣба, водки, шинелей, одѣялъ, мяса, а въ особенности дровъ и сѣна; мы гибнемъ отъ голоду и холоду. Союзники рѣшились не брать Севастополя, пусть его самъ чортъ беретъ, они хотятъ прежде истребить русскую армію, взять Перекопъ, и тогда уже Севастополь, какъ овечка, прійдетъ къ нимъ въ руки. Такъ говорили и слезно писали побѣдоносные генералы, тоже писали полумертвые офицеры, о томъ же кричали и журналы. Нечего было дѣлать, болѣе сорока паровыхъ и парусныхъ транспортовъ пошли въ Крымъ. Теперь берегись Севастополь и весь Крымъ; великая союзная армія плотно покушаетъ, напьется винца и водки, прiодѣнется въ шубу и теплую шинель съ капишономъ, да задастъ тебѣ такой чугунной пиръ съ порохомъ, что долго его будешь помнить!! Но воля Провидѣнія неисповѣдима, судьба наша въ его рукахъ! — 2-го ноября поднялась буря на Черномъ морѣ, изъ гостепріимнаго давно сдѣлавшемся смирнымъ для русской ладьи, и въ нѣсколько часовъ цѣлые десятки кораблей и пароходовъ побиты въ щепки; цѣлыя тысячи людей и многіе милліоны имуществъ поглощены волнами! «Непобѣдимые» флоты устояли потому только (говорятъ журналы), что буря продолжалась не долго; еще нѣсколько часовъ этой грозной потѣхи на Черномъ (стократъ Черномъ) морѣ и изъ всего флота не осталось бы и слѣдовъ! Флотъ уцѣлѣлъ или не уцѣлѣлъ, это еще вопросъ; но армія какъ же обойдется безъ хлѣба, мяса, сѣна, водки, одежды, дровъ и проч? Всего этого не замѣнишь широкими листами газетъ и журналовъ. Жареными оленями и пуддингами, пожалованными лордами, токайскимъ виномъ, подареннымъ въ Вѣнѣ генераломъ *Дю-Платъ* (Du-Plat), незамѣнимъ всего этого. «Да не хорошо, замѣчаютъ министры, но постарайтесь перезимовать, а весною».... Какъ! вы желаете, чтобы мы зимовали въ

дамъ кампаніи. Онъ любитъ свой домашній очагъ и погруженъ въ 3-хъ процентныя биржевыя спекуляціи; ненавидитъ лагерную жизнь и холодно внимаетъ очаровательному звуку барабановъ. Онъ охотно сдаетъ братцамъ нѣмецкимъ защиту и успѣхъ этого предпріятія — завоеваніе Крыма». Journal des Débats 22 (10) décembre 1854.

лагерѣ? а Севастополь? — Севастополь!... Севастополь неуйдетъ отъ васъ, вольно было вашимъ генераламъ не взять его послѣ «побѣды» на Альмѣ, послѣ «побѣды» 13-го октября на Кадыкайскихъ высотахъ, послѣ «побѣды» 24 го октября.—Дайте только еще войска, и пищи, и фуража, и снарядовъ, отвѣчалъ *Ragланъ*, а весною Севастополь нашъ, это такъ вѣрно, какъ законы великобританскіе. Еще войска!—Нѣтъ, шутишъ, войска уже нѣтъ и для парадовъ въ регентовомъ паркѣ, не только для войны, довольствуйтесь своими собственными силами. Ну такъ вербуйте французовъ, народъ этотъ дерется изъ пустой чести, славы, дерется даже за женщинъ, однимъ словомъ, за всякія пустоши. Они вѣрно захотятъ драться за хорошія деньги. Послушались министры, послали въ Парижъ непобѣдимаго ничѣмъ, даже гласомъ Божіимъ, говорившимъ въ бурю 2-го ноября, лорда *Пальмерстона*, этого друга и, какъ говорятъ, сочинителя Императора Наполеона III-го. Какъ ему не успѣть? Но ошибся голубчикъ: Императоръ отъ денегъ и отъ союза съ Англіею не прочь, но французы какъ то за деньги воевать не умѣютъ. Говорятъ: «нужно воевать, будемъ воевать, наше дѣло идти за нашими знаменами, а за деньги христіанскую кровь Франція, старшая дочь католической церкви, лить не будетъ». Нечего дѣлать, надобно было согласиться на посылку французовъ, служащихъ на свои деньги .. Да, а если эти вѣрные союзники (думалъ себѣ *Пальмерстонъ*) въ самомъ дѣлѣ овладѣютъ Севастополемъ, а намъ останутся одни калѣки, да остовы издохшихъ въ Балаклавѣ лошадей? Нѣтъ, соберемъ парламентъ, потолкуемъ, воспламенимъ націю; тысячи англичанъ возьмутся за оружіе, и Россія падетъ ницъ передъ британскимъ львомъ и вновь вызолоченными Наполеоновскими орлами. (Орлы эти, на дорогѣ отъ Москвы до Березины, почернѣли было отъ морозу и пороху).

И вотъ, въ началѣ декабря, собрался парламентъ. Королева, съ ужасомъ увидѣла, слѣдуя торжественно, цѣлыя толпы плачущихъ женъ, матерей и дѣтей. Это что такое? спросила она. Это семейства вашей крымской арміи, осиротѣвшія отъ русскихъ пуль и штыковъ. Она

увидѣла въ верхней палатѣ цѣлую скамью, унизанную дамами въ глубокомъ траурѣ. Это вдовы и сироты «непобѣдимыхъ» лордовъ, павшихъ въ Турціи и Крыму. Она узнала, что въ нижней палатѣ многія скамьи совершенно пусты. Это что такое? Это мѣста находившихся въ военной службѣ депутатовъ, убитыхъ въ сраженіяхъ, раненыхъ или умершихъ въ Крыму... Горько сжалось сердце кроткой и благородной королевы; слезы невольно капули изъ глазъ; голосъ ея дрожалъ, когда изъ этихъ англійскихъ устъ, по закону непреложной, демономъ созданной политики, вылеталъ призывъ къ смертельному бою.

«Милорды и господа! сказала она, я собрала васъ въ необыкновенное время года для принятія, при вашемъ содѣйствіи, мѣръ, которыя позволили бы мнѣ продолжать съ большею силою и самымъ дѣятельнымъ образомъ начатую нами» «великую войну».

Громъ рукоплесканій, крики и возгласы привѣтствовали это воинственное слово; все согласилось на войну; всѣ готовы жертвовать имуществомъ и кровью на службу государству. Засѣданія парламента открылись; явилось министерство, погубившее не только честь и славу Англіи, но что для нее дороже—ея армію, деньги и корабли, и предложили нанять всякую сволочь для защиты знамени и величія Англіи! Какъ, Англія съ 25.000,000 жителей, съ 100.000,000 индѣйскихъ рабовъ, съ безчисленными сокровищами и громаднымъ флотомъ, имѣетъ нужду въ наемникахъ, какъ индійскій Магараджа? О горе! о срамъ для льва и Леопарда! неужели и въ счастливой Ирландіи не наберется бездомныхъ людей, готовыхъ, за 25 фунтовъ стерлинговъ, покрыть себя безсмертною славою при взятіи Севастополя, разореніи Одессы, завоеваніи Крыма и конечномъ разореніи русскаго владычества на Черномъ морѣ? Да, и въ «счастливой» Ирландіи такихъ людей не нашлось. Неужели хорошее жалованье, вѣрный хлѣбъ (а это не шутка для ирландца или лондонскаго—кокнея), не говоря уже о славѣ и молитвахъ всѣхъ муллъ и муфтіевъ мусульманскихъ, не могли убѣдить англичанъ взяться за оружіе? Нѣтъ, не убѣдили, Странно, странно. Дѣло въ

томъ,—что въ широколистыхъ газетахъ, которыхъ милліоны расходятся по всей Англіи, написаны были такіе ужасы, что даже ни краснорѣчіе лорда *Пальмерстона*, ни молитвы лондонскаго епископа не помогли. Судите сами по слѣдующимъ строкамъ:

«Times» 30-го (18-го) декабря 1854 года.

«Уже невозможно болѣе спорить, что крымская экспедиція въ совершенномъ разстройствѣ. Всѣ усилія доказать противное, еще болѣе докажутъ настоящую истину. Нѣтъ ни одной части въ нашей арміи, которая не была бы потеряна безвозвратно — кромѣ храбрости офицеровъ и солдатъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, вся армія состоитъ уже на полу-порціи, а нѣкоторые полки не получаютъ своей пищи по два дня. Большая часть офицеровъ и солдатъ дурно одѣты и обуты, не защищены вовсе отъ грязи и дождя, живутъ въ сырости или водѣ, не имѣющей никакого истока. Лагерь превратился въ море грязи и нечистотъ; госпитали окружены грудами сора. Дороги въ Балаклаву нѣтъ. Уже 3,000 или 4,000 лошадей погибло отъ голода и истощенія, а нѣсколько сотъ оставшихся въ живыхъ, похожи на скелеты. Многіе полки обращены въ рабочій скотъ для перевозки тяжестей и припасовъ отъ моря въ лагерь. Зимней одежды не было до сихъ поръ (въ декабрѣ?) роздано солдатамъ, за неимѣніемъ средствъ къ ея перевозкѣ. Смерть похищаетъ 60 человѣкъ въ сутки, а число больныхъ, отправляемыхъ въ госпитали или неспособныхъ къ службѣ на всю зиму, гораздо значительнѣе. Недостатокъ въ пушкахъ, бомбахъ, ядрахъ, порохѣ, топливѣ, матеріалахъ для постройки бараковъ, однимъ словомъ всего, что нужно не для военныхъ дѣйствій, а для существованія арміи. Армія истребляется и исчезаетъ не отъ сраженій, а отъ недостатка всего нужнаго къ жизни... Доктора, опытные въ этомъ дѣлѣ, увѣряютъ, что $^2/_3$ арміи погибнетъ до 1-го марта.»

«Times» ничего не говоритъ о вліяніи русскаго оружія на здоровье англійскихъ героевъ. Она знаетъ, что это бездѣлица, всѣ журналы тоже говорятъ. Но и этого довольно. Какъ, читая столь слезную элегію, подумать бѣд-

ному ирландцу, не только богатому англичанину, о славѣ и завоеваніяхъ. По-неволѣ останешься безъ славы, да и съ цѣлою головою и обѣими руками и ногами у туловища. Пусть дерутся за насъ наемники—наше дѣло давать деньги и читать журналы.

Таковъ былъ конецъ 1854 года. Севастополь еще не взятъ и, дастъ Богъ, не будетъ взятъ никогда. За это порукою русскій флотъ и вся армія. За нихъ молится наша Святая Церковь; ихъ любитъ и жалуетъ великій Монархъ; ихъ славитъ и благословитъ вся Россія. А непобѣдимые «союзные витязи» сидятъ у земляныхъ окоповъ Севастополя, дрожа отъ холода и голода, плачутъ за родиною и удивляются не мало, что русскіе, которыхъ уже столько разъ «побѣждали» не-только они, но даже турки подъ начальствомъ непобѣдимыхъ: *Омера-паши*, адмирала *Османа-паши* и *Зарифа-паши*, все еще держатся и поютъ пѣсни въ Севастополѣ. А если Севастополь еще не взятъ, если армія ихъ находится сама въ строгой осадѣ и защищается окопами, бастіонами и сотнями пушекъ, то все это вздоръ, это военная стратегическая уловка, чтобы ловче и легче побѣдить всю русскую армію, взять Севастополь, уничтожить флотъ русскій и разорить Одессу ([1])!

Одесса.

А. Скальковскій.

Первое января 1855 года въ Севастополѣ.

(Письмо изъ Севастополя отъ 4-го января 1855 г.).

Новый годъ встрѣтили мы подъ гуломъ непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, но это не помѣшало намъ повеселиться по старому: насъ собралось нѣсколько человѣкъ, разумѣется холостыхъ, затопили каминъ, поставили самоваръ и усѣлись вокругъ стола пить чай. На дворѣ было темно и шелъ небольшой снѣгъ; сѣверный вѣтеръ буше-

---

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 26.

валъ по улицамъ и завывалъ въ трубѣ на разные тоны; изрѣдка были слышны трескъ и взрывы гранатъ бомбъ, но на это никто не обращалъ вниманія. Оживленный разговоръ не касался ни политики, ни бомбардированія города, нѣтъ, каждый изъ насъ разсказывалъ эпизоды изъ своей жизни, прерываемый по временамъ громкимъ смѣхомъ... Вдругъ надъ крышей дома, гдѣ мы находились, разорвало бомбу, осколки посыпались по крышѣ.—Бомба!» воскликнулъ кто-то. — «Пропади она совсѣмъ!» отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ. Намъ не привыкать къ нимъ: вотъ уже сегодня 87-й день, какъ насъ день и ночь бомбардируютъ, а мы, благодареніе Богу, живы. Окончивъ чай, мы вышли въ залу, гдѣ игралъ хоръ изъ пяти музыкантовъ. Такъ какъ общество наше было лишено присутствія дамъ, то, для усиленія удовольствія, распорядились послать за пѣсенниками, которыхъ и присоединили къ небольшому хору музыкантовъ. У всѣхъ насъ были отобраны часы, чтобъ мы не знали заблаговременно минуты наступленія новаго года. Сѣли за столъ, поужинали и только что встали, какъ вдругъ растворяются двери, и одинъ изъ собесѣдниковъ, сопровождаемый налитыми бокалами на подносѣ, громко говоритъ: «съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, господа». Каждый изъ насъ взялъ по бокалу, и раздался тостъ: «за здравіе Государя Императора нашего, Николая Павловича, ура»! Громкое ура съ акомпаниментомъ музыки было повторено разъ десять, и пѣсенники запѣли: «съ новымъ годомъ Бѣлый Царь, съ новымъ счастьемъ, Государь». Потомъ слѣдовали тосты, одинъ за другимъ, за здравіе всего Царскаго и Августѣйшаго дома, за здравіе главнокомандующаго въ нашемъ краю, князя Александра Сергѣевича *Меншикова*, за здравіе начальниковъ и защитниковъ города Севастополя, за здравіе христолюбиваго и побѣдоноснаго воинства. Подъ конецъ кто-то изъ насъ произнесъ тостъ: «на побѣду намъ, и на погибель врагамъ, ура!» и не успѣли мы еще окончить свои бокалы, какъ слышимъ, открыли сильный батальный огонь изъ пушекъ и штуцеровъ и кричатъ ура! Мы всѣ опрометью

бросились на дворъ: блескъ отъ выстрѣловъ озарялъ все вокругъ; бомбы по всѣмъ направленіямъ летали и разсѣкали воздухъ, какъ метеоры; трескъ и взрывы раздавались повсюду. Мы цѣлый часъ простояли на дворѣ, и кого ни спрашивали, ни отъ кого не могли добиться, въ чемъ дѣло. «Пойдемъ-те въ комнату, сказалъ одинъ изъ насъ; завтра все узнаемъ; это, вѣрно, вылазка нашихъ охотниковъ.» Мы вошли въ комнату, продолжали себѣ стрѣлять пробками подъ звуки музыки до утра. Утромъ мы узнали, что это дѣйствительно была вылазка нашихъ охотниковъ, матросовъ, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: привели человѣкъ 20 плѣнныхъ англо-французовъ и множество въ траншеяхъ перекололи.

Вотъ какъ мы встрѣтили новый годъ и проводили старый. Мы не имѣемъ возможности посѣщать театръ да балы, мы лишены этого удовольствія; театръ нашъ, находящійся подъ выстрѣлами, разбитъ непріятельскими ядрами и бомбами; въ зданіи благороднаго собранія помѣщается главный перевязочный пунктъ. До перваго января, когда еще погода благопріятствовала, мы наслаждались удовольствіемъ, слушать на новомъ бульварѣ военную музыку; теперь, когда пошелъ снѣгъ, катаемся на саняхъ. Съ полуночи сегодня подулъ сильный сѣверный вѣтеръ съ мятелью; снѣгу навалило въ городѣ на поларшина, а въ степи болѣе какъ на аршинъ, при 6° морозу по R; въ степи должно быть гораздо холоднѣе. — Какъ вытерпятъ это англо-турко-французы, которые жаловались на холодъ и стали перебѣгать, когда еще не было снѣгу и морозу? Ежедневно, въ полномъ смыслѣ этого слова, они перебѣгаютъ къ намъ десятками, тощіе, и всѣ почти страдаютъ диссентеріей. Есть надежда, что теперь станутъ передаваться сотнями (1).

Г. Славони.

---

(1) Одесскій Вѣст. 1855 г., № 7.

Зима въ Крыму, 1854—1855 года.

(Письмо изъ Симферополя отъ 2-го января 1855 г.).

Наконецъ и у насъ, въ Крыму, *зима*. Самые старые крымскіе старики не припомнятъ столь продолжительнаго ненастья, какое одолѣло всѣхъ насъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, въ окончившемся 1854 году. Болѣе сорока дней сряду дожди не унимались и растворили землю, даже на цѣлинныхъ мѣстахъ, до такой степени, что съ величайшимъ трудомъ можно было тащиться, постоянно шагомъ, на лучшихъ лошадяхъ, въ самой легкой телегѣ. Конца ненастью не предвидѣлось и многіе стали увѣрять, что зимы не будетъ, основываясь на томъ, что даже въ теченіе декабря, по крайней мѣрѣ по 18-е число, не было ни одного мороза. Не говоря о дорогахъ почтовыхъ и проселочныхъ, сдѣлавшихся не проѣздимыми, но и въ самомъ Симферополѣ, запруженномъ грязью, ѣзда по улицамъ сдѣлалась затруднительною до невѣроятной степени. Какъ неизбѣжное послѣдствіе распутицы, — цѣны на всѣ жизненныя потребности и фуражъ чувствительно возвысились. За самую обыкновенную мажару (возъ) сѣна, пудовъ въ 20, пришлось платить до 15-ти рублей серебромъ. Дрова тоже необыкновенно вздорожали, тогда какъ съ одной стороны, въ степной части Крыма, въ особенности въ Перекопскомъ уѣздѣ, запасы сѣна весьма значительны и на мѣстѣ самое чистое степное сѣно можно купить, полагаю, не дороже 20-ти коп. серебр. пудъ; а съ другой — лѣса отъ Симферополя весьма близки; но затруднительность, равнявшаяся невозможности, доставки по причинѣ распутицы, чрезвычайно возвысила цѣны. Наконецъ съ 18-го на 19-е декабря чувствительно посвѣжѣло: началъ перепадать снѣжокъ, а утромъ 19-го декабря обрадовалъ насъ первый, въ теченіи зимы, морозъ въ 5° по Р. — Правда, этотъ морозъ, при совершенно тихой погодѣ, держался не болѣе двухъ часовъ; съ 20-го на 21-е декабря снова подулъ сильный югозападный вѣтеръ съ проливнымъ

дождемъ; но въ воздухѣ чувствительно посвѣжѣло и надо было ожидать близкой перемѣны погоды. Дѣйствительно, съ 22-го декабря началъ падать снѣгъ, и 25-го декабря утромъ термометръ *Реомюра,* при совершенно тихой погодѣ, показывалъ—7°. Ночью, съ 24-го на 25-е декабря, при довольно сильномъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ, — рѣдкомъ явленіи въ настоящую зиму,—бушевала порядочная мятель. Эта перемѣна погоды всѣхъ насъ оживила, не смотря даже на то, что вечеромъ 25-го декабря термометръ показывалъ только — 0, а 26-го и 27-го, то — 1°, то — 0. Снѣгъ, однакожъ, выпалъ порядочный, не далѣе, какъ на 30-ть верстъ отъ Симферополя къ Перекопу, а чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ больше. На 31-й верстѣ отъ Симферополя и далѣе къ Перекопу, 28-го, 29-го и 30-го декабря вовсе не было снѣгу, и степи такъ зелены, какъ бы весною. Лошади, овцы и гулевой рогатый скотъ ходятъ на подножномъ кормѣ; въ этомъ увѣрился я, посѣтивъ Перекопскій уѣздъ съ 28-го на 30-е декабря; но постоянная сырость не могла не имѣть вреднаго вліянія на здоровье рогатаго скота и мѣстами жалуются на «ящуръ» (мѣстное названіе *селикій*). — Наступившій 1855-й новый годъ подарилъ насъ зимою въ полномъ смыслѣ этого слова. Вчера съ утра начался снѣгъ, не перставшій цѣлый день и покрывшій землю по крайней мѣрѣ на $1^1/_2$ четверти аршина. Недостаетъ только морозовъ; ртуть на точкѣ замерзанія. Впрочемъ снѣгъ продолжаетъ падать и сегодня, и есть надежда, что у насъ установится зимній путь. По словамъ пріѣхавшихъ вчера изъ подъ Севастополя, тамъ снѣгу несравненно больше. Что же касается мѣстъ къ сѣверу (по Перекопскому тракту), то оттуда нѣтъ еще свѣдѣній. Судя, впрочемъ, по огромному количеству снѣга, выпавшаго вчера въ Симферополѣ, нельзя не предполагать, что и въ степяхъ выпало его довольно; хотя въ эту зиму все идетъ на оборотъ: къ сѣверу теплѣе, а къ югу холоднѣе.

Къ пребыванію у насъ подъ Севастополемъ Англо-французовъ и турковъ мы привыкли на столько, на сколько можно привыкнуть ко всякому злу, а иногда забываемъ

даже объ этихъ незванныхъ гостяхъ; — все идетъ своимъ чередомъ; труппа актеровъ подъ управленіемъ г-дъ *Маркова* и *Звѣрева* и г. *Жанъ-Мартини* попеременно даютъ представленія на здѣшнемъ театрѣ, постоянно полномъ ([1]).

Фр. Домбровскій.

Вѣсти изъ Крыма.

(Письмо изъ Бакчисарая отъ 4 января 1855 г.).

Съ октября по 22-е декабря, у насъ была дождливая погода, очень испортившая дороги; 22-го и 23-го выпалъ густой снѣгъ и покрылъ землю почти на аршинъ; съ тѣхъ поръ до сегодня морозы. Солдаты наши живутъ въ землянкахъ и получаютъ каждый день по двѣ чарки водки и по фунту говядины. Англо-французы въ Балаклавѣ и подъ Севастополемъ на Сапунъ-горѣ играютъ въ снѣжки и лапки, грѣются на русскомъ зимнемъ солнышкѣ, которое свѣтитъ да не грѣетъ. Говорятъ, имъ везутъ на пароходахъ желѣзныя дороги, каучуковыя пальто и красивые домики. Скоро мы увидимъ цѣлый городъ подъ Севастополемъ. Стекла, мебель и печки привезутъ въ половинѣ января, т. е. когда одна половина ихъ арміи перемерзнетъ, а другая передастся намъ. Англичане и турки каждый день приходятъ сами на разсвѣтѣ къ русскимъ. Недавно слышна была перестрѣлка въ непріятельскомъ лагерѣ: кажется, что друзья поссорились. Французы держатся стойче, и какъ католики, до послѣдней капли крови стараются воспрепятствовать распространенію православной вѣры въ Византіи; но бунтуются, требуютъ умныхъ генераловъ: *Кавеньяка*, *Ламорисьера* и другихъ. Зачинщиковъ, въ кандалахъ, отправили въ Парижъ. Англійскіе генералы, оставшіеся въ живыхъ, уѣзжаютъ въ Англію. Пушки у нихъ отъ продолжительнаго дѣйствія пришли въ негодность, а зарядовъ

([1]) Одесскій Вѣст. 1855 г., № 5. Русскій Инвал. 1855 г., № 21.

вовсе нѣтъ. Въ Балаклавѣ невыносимый смрадъ отъ покойниковъ. Бѣлизна снѣга усилила глазную болѣзнь *Канробера*.

Торговля въ Бахчисараѣ кипитъ. Бурки, полушубки и проч. не успѣваютъ дѣлать; всѣ товары въ большомъ ходу; хлѣбъ, едва вынутъ изъ печи, расхватываютъ мигомъ. Появились русскіе разнощики сдобныхъ булокъ, булочекъ, сухарей и слоеныхъ пирожковъ: русскіе сбитенщики восхищаютъ своими поговорками; даже и татары открыли лавки съ этимъ лакомствомъ для солдатъ и извощиковъ и во все горло кричатъ: «кипятокъ, погрѣть животокъ». Былъ одинъ деревянный трактиръ, гдѣ офицеры могли кое-какъ пообѣдать; теперь открытъ другой въ лучшемъ видѣ, съ порядочнымъ билліардомъ. Трактиръ этотъ полонъ офицеровъ. Кофейни также всегда полны народа. Вообще Бахчисарай теперь биткомъ набитъ разнымъ народомъ.

Какая смѣсь одежъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

Лимоны и апельсины офицеры разбираютъ очень охотно. Табаку, яблокъ, вина и водки здѣсь много. Кормъ для скота дорогъ: 1 руб. 20 коп. сер пудъ сѣна и 12 руб. сер. четверть овса. Многіе хозяева отказываются отъ своего скота. Мяса много, и солдаты наши сыты и въ новые полушубки одѣты. Татары образумились, ласкаютъ русскихъ, не слушая злыхъ внушеній. Всѣ торговцы Бахчисарая быстро обогащаются, и сознаются, что до сихъ поръ не было для нихъ такого золотаго времени, какъ теперь. Музыканты въ новый годъ много получили за поздравленія. 1-го и 2-го января шелъ густой снѣгъ; съ вечера третьяго дня и до сегодня порядочные морозы. У насъ зима русская, далеко отходящая отъ средняго вывода англо-французскихъ метеорологовъ. Татары говорятъ, что это русскія натуры производятъ зиму. Не пришлетъ-ли Англія въ Крымъ тѣ электрическіе аппараты, коими обѣщала, года два тому, растопить ледъ въ Ледовитомъ океанѣ? Можно бы согрѣть небольшой кусокъ воздуха, которымъ дышатъ здѣсь англо-французы! Зимняя дорога установилась, под-

возъ облегчился, и Богъ дастъ, у насъ все подешевѣетъ. Дровъ на лѣсистой Мекензіевой горѣ у насъ много, а у непріятеля на Сапунъ горѣ и около Балаклавы—лѣсу нѣтъ.

Дѣйствительно, погибъ въ Крыму цвѣтъ арміи западныхъ державъ! Чрезъ Бахчисарай безпрестанно прогоняютъ партіи плѣнныхъ, человѣкъ 70 — 75; прежде мы любовались красотою ихъ. Англичане были высокіе и плечистые, а французы плотные и увертливые; теперь сожалѣемъ объ нихъ: молодые и тщедушные,—знать прежнихъ молодцевъ уложили въ нѣдра Крыма. Проходившей третьяго дня партіи плѣнныхъ комендантъ нашъ роздалъ по порціи водки; они просили супу, но трудно было удовлетворить ихъ просьбу; надавали несчастнымъ булокъ и яблокъ, съ чѣмъ и пошли они въ Симферополь, гдѣ ихъ вѣрно накормятъ супомъ. Каково-то теперь положеніе *Канробера*, уже омраченное бунтомъ? Когда въ Парижѣ было получено извѣстіе о мнимомъ взятіи Севастополя, его назначили главнокомандующимъ крымскою арміею, безъ вѣдома *Сентъ-Арно*. Воображаю, съ какою любезностію онъ смѣнялъ обиженнаго,—точно Аббатъ-Кабочини (въ вѣчномъ жидѣ) предъявлялъ папское велѣніе мосье Родену, когда послѣдній почти уже достигъ цѣли своихъ трудовъ. Пріятно-ли теперь бѣглымъ полякамъ, которые въ 1850—53 годахъ, по наущенію антихристовъ іезуитовъ, перемѣнили христіанскую вѣру на мусульманскую?...

Врагамъ нашимъ казалось, что они очень умно приготовились разомъ уничтожить величіе Россіи. Они думали, что въ ихъ облавѣ Россія оторопѣетъ, засуетится и съ робкою покорностію запроситъ мира. Ошиблись, — Россія поднялась, помолилась Богу и, вооружившись на скоро, смѣло выступила. И что-же? Охотники оробѣли и замолкли. *Сентъ-Арно* толкнули въ Крымъ такъ поспѣшно, что некогда было увѣдомить о томъ Англію, бѣдный ударился лбомъ объ Альму и отскочилъ въ Балаклаву. Преемникъ его пытался взять Севастополь и окончательно спрятался близъ него, оградивъ себя накрѣпко: теперь онъ едва дышитъ и не смѣетъ пикнуть. На Бѣломъ морѣ и въ Камчаткѣ, посрамивъ свой флагъ, враги и оттуда возврати-

лись во свояси. На Дунаѣ и въ Балтійскомъ морѣ не осмѣлились предпринять ничего отважнаго, а на Кавказѣ разбились въ прахъ о нашу стальную грудь ([2]).

Ктожъ противъ насъ?
Съ мечемъ въ рукѣ, съ крестомъ въ другой,
Мы духа злобы не боимся!

Вчера, 6-го января, по отслуженіи въ здѣшней греческой церкви св. Николая божественной литургіи, совершенной соборнѣ балаклавскимъ протоіереемъ Антоніемъ, пошли съ образами и хоругвями въ ханскій дворецъ для освященія воды въ большомъ фонтанѣ, находящемся посреди дворцоваго обширнаго двора. Въ парадѣ были рота Черноморскаго линейнаго баталіона, чины Балаклавскаго греческаго баталіона и мѣстная инвалидная команда. Народу было много. По окропленіи святою водою во фронтѣ стоявшихъ, и по окончаніи воинской церемоніи — съ музыкою прошли наши солдаты вольнымъ молодецкимъ шагомъ отъ дворца, по главной Бахчисарайской улицѣ, всегда полной народа, до *Азиса*, предмѣстія Бахчисарая. Священникъ же, въ сопровожденіи начальства, обошелъ всѣ комнаты дворца, занятыя больными нижними чинами, и каждаго страждущаго осѣнилъ крестомъ и окропилъ святою водою. Со времени появленія здѣсь сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ, въ душѣ каждаго больнаго какъ бы просвѣтлѣло. Родной привѣтъ, русское слово и материнская заботливость этихъ труженицъ производятъ чудеса въ исцѣленіи больныхъ. Ихъ не иначе зовутъ, какъ: *родная*, *родненькая*, *матушка* — и теперь гораздо больше выздоравливаетъ, чѣмъ прежде. О начальницѣ сестеръ попеченія много похвальнаго разсказываютъ между товарищами выздоровѣвшіе солдаты. Квартира ихъ—въ Азисѣ, близъ госпиталя, гдѣ лежатъ трудно больные и раненые; но они ходятъ на посидѣлки и въ дворцовое отдѣленіе госпиталя. — Зима у насъ держится. Въ Бахчисараѣ проявились русскіе розвальни и щегольскіе петербургскіе санки; татарскій городъ

([1]) Одесскій Вѣст. 1855 г., № 7. Русскій Инвал. 1855 г., № 36.

русѣетъ быстро, и татары большею частію говорятъ по русски, въ присутствіи русскихъ. Для проѣзда Ихъ Высочествъ, Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей изъ Симферополя въ Севастополь, приготовлены на станціи лошади. На дняхъ вступилъ въ Бахчисарай Золотарева полкъ уральскихъ казаковъ: кони и люди—заглядѣнье (1).

П. Денисовъ.

Синопъ въ зиму 1854—1855 годовъ.

(Извлеченіе изъ Тріестской газеты).

Въ нынѣшнюю зиму Синопъ былъ чрезвычайно важенъ для продовольствія армій въ Крыму. Безъ подвозовъ изъ его гавани, содержаніе войска въ зимнее время было бы несравненно затруднительнѣе. Въ особенности важна была доставка въ значительномъ количествѣ топлива, добываемаго въ лѣсахъ, окружающихъ морской берегъ этой части Малой Азіи. И теперь еще прекрасныя буковыя рощи постоянно уничтожаются: дрова свозятся обыкновенно къ Синопскому рейду, откуда, на счетъ англійскаго и турецкаго правительствъ, перевозятся въ Балаклаву, Камышевую бухту и въ Евпаторію, еженедѣльно въ количествѣ тысячи тоннъ съ лишнимъ. Въ послѣднее время стали дѣлать фашины изъ орѣховаго дерева, растущаго въ его окрестностяхъ, для Евпаторіи. Фрахты за перевозъ обходятся однако весьма дорого и значительно превышаютъ самую стоимость топлива. Французская армія ничего не получаетъ изъ Синопа; англійскій же и турецкій флотъ снабжаются отсюда, кромѣ топлива, каменнымъ углемъ, идущимъ чрезъ Синопъ изъ Константинополя, скотомъ (буйволами для англичанъ, овцами для турокъ), рисомъ, бобами, мукою, птицею и яицами; все это въ огромномъ количествѣ привозится изъ Синопа въ крымскій лагерь. Нельзя не удивляться плодо-

---

(1) Одесскій Вѣст. 1855 г., № 11.

родію и производительности страны окружающей этотъ городъ; она отдѣлена отъ внутренней Азіи горами, и зимою не имѣетъ съ нею сообщеній. — Слѣды уничтоженія турецкаго флота повсюду видны еще въ Синопѣ; множество домовъ въ предмѣстьяхъ до сихъ поръ лежатъ въ развалинахъ, но изъ 600 зданій, сгорѣвшихъ внутри городскихъ стѣнъ, весьма многія уже возобновлены. Морской берегъ отъ самаго города до форта (около деревни Эренъ-Богари), который обстрѣливаетъ рейдъ и около котораго лежитъ еще на прибрежныхъ каменьяхъ остовъ корвета, до сихъ поръ еще усѣянъ кусками дерева, желѣзомъ и обломками снастей. Трупы, выброшенные на берегъ прибоемъ волнъ, зарылись въ морскомъ песку, и бѣлыя кости перемѣшались съ морскими голышами; пять взорванныхъ на воздухъ кораблей выдаются своими разбитыми остовами изъ-подъ воды; 6-й корветъ, котораго остовъ уцѣлѣлъ, находится близъ форта. Число батарей значительно увеличилось, и, въ настоящее время, до 300 пушекъ обстрѣливаютъ рейдъ перекрестнымъ огнемъ ([1]).

Поѣздка въ Севастополь въ январѣ 1855 г.

Кто былъ, въ послѣднее время, въ Крыму, тотъ знаетъ, какой восторгъ въ русскихъ людяхъ производитъ геройская защита Севастополя; и кто былъ тамъ, того какая-то неодолимая сила влечетъ — взглянуть на этотъ городъ, сосредоточившій теперь на себѣ вниманіе всей Европы. По обстоятельствамъ, я находился въ Симферополѣ и рѣшился воспользоваться близостью его къ театру войны. Судьба благопріятствовала моему намѣренію. Одинъ изъ бывшихъ моихъ воспитанниковъ, *О—нъ*, лихой гусаръ, отличившійся въ дѣлѣ при Альмѣ, отправлялся въ Севастополь по дѣламъ службы и пригласилъ меня съ собою.

Въ прекрасный январьскій день, озаряемый крымскимъ солнцемъ, пустились мы въ дорогу, нагоняя и встрѣчая,

---

([1]) Одесскій Вѣст. 1855 г., № 49.

на каждомъ шагу, длинныя вереницы подводъ, то везшихъ разные припасы на позицію, то возвращавшихся оттуда за новою поклажею. — Намъ пришлось быть свидѣтелями нѣсколькихъ забавныхъ случаевъ съ русскими извощиками, татарами и евреями — народомъ разнохарактернымъ, но одинаково испытывающимъ здѣсь неизбѣжныя случайности пути. Въ глубинѣ Россіи, лошади составляютъ единственный и исключительный скотъ, возовой и земледѣльческій; на нихъ русскіе мужички дѣлаютъ не одну тысячу верстъ, разъѣзжая повсюду, гдѣ есть сѣдоки, товаръ, купеческій или казенный транспортъ. Такъ-то они, артелями, заѣзжаютъ и въ Крымъ. Утомленные распутицей, извощики рады радехоньки, если имъ прійдется ѣхать легко и спокойно. Передній тотчасъ растягивается на повозкѣ во всю длину своего роста и спитъ сладкимъ сномъ. Глядя на него, тоже дѣлаютъ и другіе. Вдругъ на встрѣчу обозу идутъ важною поступью горбатые и неуклюжіе великаны, запряженные въ болѣе еще неуклюжую татарскую арбу. Лошади, никогда не видавшія такихъ четвероногихъ, начинаютъ пугаться, бросаются въ сторону и опрокидываютъ повозки. Сонные извощики падаютъ въ грязь и наповалъ бранятъ передоваго за то, что онъ дурно держитъ путь. Каково же ихъ удивленіе, когда, вставъ на ноги, они видятъ передъ собою образину, какая и во снѣ имъ не снилась и въ сказкахъ не сказывалась. Верблюдъ — любимое животное татарина, наиболѣе подходящее къ его лѣнивой натурѣ восточной; но онъ обращается съ нимъ жестоко и хочетъ побоями пересилить его природу тамъ, гдѣ мускулы скотины слабѣютъ въ безполезныхъ напряженіяхъ. Мы видѣли, какъ на длинную и крутую гору взбиралась арба съ тяжелымъ грузомъ; татаринъ съ дубиною въ рукахъ, понукалъ своихъ верблюдовъ, медленно подававшихся впередъ. Скользя по мокрой землѣ, они выбились изъ мочи и вдругъ остановились, какъ вкопанные; татаринъ началъ колотить ихъ по бокамъ, а они стали кричать, визжать, наконецъ плакать какъ дѣти. Потерявъ всякое терпѣніе, татаринъ забѣжалъ спереди, и только что хотѣлъ нанести ударъ, какъ кроткая мордочка верблюда плюнула ему въ

глаза самымъ обильнымъ потокомъ слюны, и тѣмъ остановила его свирѣпость. Гораздо лучше велъ себя еврей, уже нѣсколько дней, съ стоическимъ хладнокровіемъ сидѣвшій на бочкѣ спирту, попавшей въ болото, откуда не могла ее вытащить пара чахлыхъ клячъ. Пока фурманъ искалъ подмоги въ опустѣвшемъ татарскомъ селеніи, хозяина застигъ шабашъ, котораго онъ вѣроятно никогда не праздновалъ такъ торжественно.

Дорога была точно трудная. На добрыхъ коняхъ, какъ наши, можно бы легко быть въ Севастополѣ въ одинъ день; а тутъ мы еле добрались до Бахчисарая, оставивъ за собою рѣку Альму, прославленную дѣломъ 8-го сентября. Она тихо катила свои волны, чистыя теперь, но кровавыя въ тотъ день, когда мирные берега Крыма впервые застонали подъ бранными ударами препирающихся силъ. Мнѣ никогда не приходилось видѣть Бахчисарай, и потому его физіономія крайне заняла меня. По обрывамъ длиннаго, глубокаго и извилистаго ущелья лепятся татарскія хатки, въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Надъ ними возносятся остроконечные минареты, откуда, нѣсколько разъ въ день, раздаются произительныя завыванія муэдзиновъ. Почти на каждомъ шагу встрѣчаются фонтаны, устроенные усердіемъ правовѣрныхъ мусульманъ. Единственная улица змѣей изгибается во всю длину города, замѣняя собою и площади, и рынки, и мѣста общественнаго гулянья, о которыхъ и не думали прежніе владыки Крыма. По обѣимъ сторонамъ улицы идутъ кузницы, пекарни, кофейни, лавки и другія заведенія. Тутъ, съ ранняго утра до поздняго вечера, коротаютъ время татары, каждый занимаясь своимъ дѣломъ. Татарки запрятаны по домамъ; только изрѣдка, изъ-за угла осторожно высовывается человѣческая фигура, окутанная въ длинное, бѣлое покрывало, ревниво скрывающее черты женскаго лица. Въ глубинѣ ущелья струится *мутная рѣчка* (¹), которая, и въ полую воду, едва приводитъ въ движеніе колеса нехитрыхъ мельницъ, устроенныхъ по ея теченію. Городъ,

---

(¹) *Чюрюкъ-су*, что значитъ по-татарски *мутная вода*.

какъ видите, не важный для европейской цивилизаціи, и притомъ спрятанный такъ глубоко, что вы спускаетесь какъ въ западню. Видно, такъ было нужно по видамъ ханской политики, не любившей выставлять на показъ свои подвиги. — Мы остановились въ такъ называемой гостинницѣ, и тотчасъ отправились осмотрѣть ханскій дворецъ. Наше любопытство не могло быть удовлетворено: дворецъ занятъ подъ военный госпиталь и складъ казенныхъ вещей; только нѣсколько, впрочемъ лучшихъ, комнатъ остались свободными. Сторожъ, объяснявшій намъ ихъ назначеніе, лгалъ безбожно, но съ такою увѣренностію въ знаніи своего дѣла, что его можно было принять за современника перваго Гирея. Я думалъ узнать побольше правды о дворцѣ отъ содержателя гостинницы, здѣшняго старожила и сановитаго татарина; но онъ мало помнитъ исторію своего народа, притомъ страшно коверкаетъ русскій языкъ. Когда я замѣтилъ ему это, онъ отвѣчалъ: «*Намъ хорошо подъ русскимъ Падишахомъ* (Императоромъ), *и нѣ къ чему намъ знать хановъ. А по вашему говоримъ мало оттого, что до войны у насъ почти не было русскихъ. Вотъ теперь такъ научимся: посмотри, сколько у насъ солдатъ на постоѣ*». Въ городѣ квартировали войска, принадлежащія къ дивизіи генерала *Жабокрицкаго;* кромѣ того, почевалъ одинъ пѣхотный полкъ, шедшій на позицію подъ Евпаторію, гдѣ только что высадился тогда *Омеръ-паша* съ своею арміею. Гостинница была биткомъ набита офицерами, уже испытавшими свое мужество въ бояхъ. Съ ними мы провели пріятно вечеръ, слушая ихъ восторженные разсказы о дѣлахъ на Альмѣ и при Кадыкіоѣ.

На другой день, рано утромъ, продолжали мы путь, горя нетерпѣніемъ, скорѣе увидѣть Севастополь, заслоненный отъ насъ высокими горами Направо и налѣво по рѣкамъ Качѣ и Бельбеку, попадались дачи, угрюмо смотрѣвшіяся въ ихъ воды. Растительности не было еще никакой. Тамъ и сямъ виднѣлись татарскіе аулы, брошенные жителями не страха ради, но изъ желанія остаться вѣрными русскому правительству. Вотъ раздался глухой гулъ, похожій на пушечный выстрѣлъ. Я крайне обрадовался этому, во-

ображая, что буду свидѣтелемъ какого-нибудь славнаго съ нашей стороны подвига, тѣмъ болѣе, что послѣ бомбардированія Одессы и взятія парохода «Тигръ», мнѣ не удалось ни разу видѣть въ бою русскихъ молодцовъ. Чѣмъ ближе были мы къ концу пути, тѣмъ явственнѣе горное эхо вторило выстрѣламъ, изрѣдка раздававшимся по направленію къ городу. Офицеры рабочаго отряда, прокладывавшаго новую военную дорогу, объяснили намъ, что идетъ обыкновенная пальба, повторяющаяся каждый день и каждую ночь и непредвѣщающая ничего особенно важнаго.— Мы перевалились еще черезъ одну гору, и увидѣли передъ собою лагерь генерала *Липранди*, пріобрѣтшаго такую громкую извѣстность своею побѣдою при Кадыкіоѣ Зорко сторожитъ онъ каждое движеніе непріятеля, и орломъ налетитъ на него, по первому мановенію вождя русскихъ силъ. По мѣрѣ того, какъ мы спускались въ балку, на горизонтѣ неба все рѣзче и рѣзче обрисовывались формы крутой возвышенности, на которой чернѣлись длинныя линіи какихъ-то кургановъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ земляными насыпями этого рода. Иногда на курганахъ вспыхивали огоньки, поднимались облака дыму, раздавались раскаты грома орудій.—Такъ вотъ мы лицомъ къ лицу встрѣтились съ пресловутыми батареями защитниковъ луны! Мною овладѣло тяжкое раздумье объ извращеніяхъ человѣческаго ума, нисходящаго до крайняго униженія, когда его пути не озаряются свѣтильникомъ истинной вѣры. Церковный благовѣстъ вывелъ меня изъ забвенія,— я обратилъ взоръ въ ту сторону, откуда онъ раздавался, и увидѣлъ Севастополь.

Радостно забилось у насъ сердце, при взглядѣ на городъ, въ спокойномъ величіи стоящій между непріятельскихъ жерлъ, извергающихъ на него рѣки огня, тучи бомбъ, ядеръ и другихъ боевыхъ снарядовъ. Сухопутная ѣзда кончилась: мы были у пристани большой бухты, на такъ называемой сѣверной сторонѣ. Тихая въ мирное время, она являетъ теперь необыкновенную воинственную дѣятельность, въ слѣдствіе пребыванія тутъ главной квартиры, выходящихъ изъ нея распоряженій по арміи и дру-

гихъ обстоятельствъ, связанныхъ съ осаднымъ положеніемъ Севастополя. Здѣсь одна команда устраиваетъ траншеи, другая смѣняетъ часовыхъ на укрѣпленіяхъ; далѣе стоитъ въ ружьѣ новоприбывшій отрядъ, ожидая приказанія занять назначенный ему постъ. На своихъ прыткихъ коняхъ, удалые казаки снуютъ по всѣмъ направленіямъ. Вотъ несется молодецкая кавалькада, и впереди ея воинъ, въ солдатской шинели, съ глубокою думою на челѣ, съ свѣтлымъ взоромъ, быстро окидывающимъ окрестныя мѣста. Только что хотѣлъ спросить, кто этотъ витязь, какъ изъ его устъ раздалось привѣтствіе войскамъ: здорово ребята!» — Здравія желаемъ вашей свѣтлости! гаркнули они въ отвѣтъ. За горою, на берегу бухты, въ укромномъ домикѣ жили тогда царственные стратиги, украшенные знаками воинской доблести. Ихъ Императорскія Высочества, Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ дѣлили труды и опасности русскихъ солдатъ, ходили съ ними въ жестокій бой, показывая имъ собою примѣръ мужества и хладнокровія тамъ, гдѣ за святое знамя Креста нужно было грудью стать, кровь пролить, жизнь сложить. Когда мы были заняты мыслію объ этомъ, мимо насъ пронесли солдаты тяжело раненаго офицера, спокойно лежавшаго на носилкахъ. Значитъ, въ Севастополѣ можно быть ранену и убиту? мысленно спрашивалъ я работавшихъ на берегу людей. Но на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ выражалось такое душевное спокойствіе, каждый такъ усердно исполнялъ свой долгъ, что жизнь и смерть какъ будто не имѣетъ здѣсь никакой цѣны. Мы сѣли смѣло въ катеръ и быстро поплыли къ графской пристани.

Путь былъ непродолжителенъ, но исполненъ величайшаго разнообразія. Наши линейные корабли и другія военныя суда спокойно качались на сизыхъ волнахъ бухты. Между судовъ шныряли, какъ чайки, катера, баркасы и лодки, наполненные Божіимъ людомъ, то возвращавшимся изъ города, то спѣшившимъ туда, можетъ быть, изъ далекихъ странъ Россіи, на бой съ врагами. Вѣстовой пароходъ стоялъ на парахъ, каждую минуту ожидая прика-

занія изъ главной квартиры, другіе пароходы перевозили транспорты или отдыхали, послѣ ночнаго дозора у бона, за которымъ вдали развѣвались непріятельскіе флаги. Клубы дыма, вылетавшіе изъ пароходныхъ трубъ, ложились тяжелою тѣнью на окружающіе предметы, придавая имъ какой-то сумрачный видъ. Налѣво отъ насъ, прямо изъ бухты, моряки посылали свои привѣтствія непріятелю, трудившемуся надъ возведеніемъ новаго укрѣпленія. Косвенные лучи солнца, скользя по амбразурамъ фортовъ, явственнѣе обозначали выглядывавшія изъ нихъ пушки, которыхъ сила такъ же велика и неодолима, какъ сила груди и штыка русскаго солдата. Современники знаютъ, а потомству повѣдаетъ правдивая лѣтопись, что предъ этими пушками изнемогли армады, какихъ, отъ сотворенія міра, не носили еще воды ни морей, ни океановъ. Подъ дружными ударами веселъ, нашъ катеръ птицею подлетѣлъ къ пристани, восхитившей меня своимъ прекраснымъ устройствомъ. И здѣсь, какъ на противоположномъ берегу, было довольно народу, не обращавшаго никакого вниманія на происходившую пальбу. «Что, страшно?» спросилъ я у горожанина, усаживавшаго въ лодку свою бабу. «Никакъ нѣтъ! мы не боимся.» Зачѣмъ ты ѣдешь на ту сторону?» «За дѣломъ, а къ вечеру будемъ обратно,» отвѣчалъ онъ. Таковъ русскій человѣкъ! его трудно сдвинуть съ родной земли. Духомъ отваги исполненъ нашъ православный народъ всюду, гдѣ только приходится ему, лицемъ къ лицу, встрѣтиться съ врагами, будь это въ Колѣ или Камчаткѣ, въ Одессѣ или Севастополѣ, за Дунаемъ или за Кавказомъ.

Мой спутникъ, какъ кавалерійскій офицеръ, не исполнялъ гарнизонной службы и очень мало зналъ расположеніе Севастополя. Нужно было все таки найти человѣка домашняго, который, какъ путеводитель порасказалъ бы все. Судьба послала намъ моряка, умнаго, образованнаго, веселаго, страстно любящаго свой городъ, лейтенанта *С****. Какъ разъ на пристани, подъ колоннадою встрѣтились мы съ любезнымъ вожатымъ, и отсюда же начали наше обозрѣніе. На площади, передъ домомъ дворянскаго собранія, стоятъ двѣ ба-

тареи, вооруженныя пушками большаго калибра. Налѣво открылась передъ нами длинная и правильная Екатерининская улица, обрамленная красивыми зданіями. На ней находится квартира начальника севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютанта, барона Дмитрія Ерофеевича *Остенъ-Сакена*, связавшаго свое имя неувядаемымъ лавромъ съ жизнію и судьбою Одессы. На улицѣ было движеніе людей, военныхъ и гражданскихъ, но безъ суеты, безъ страха, могущихъ обличить какую-нибудь неминучую опасность. Намъ попался на глаза одинъ прохожій, высокій, статный мужчина, молодой и красивый собою, въ походной офицерской шинели, но съ солдатскимъ Георгіемъ на груди. На его устахъ сіяла улыбка, лицо озарялось восторженностью души. Его походка была легкая и плавная; его обращеніе съ знакомыми очаровательное. Кто этотъ офицеръ? Это прапорщикъ Р—ій-*К—въ*, безсмѣнный ординарецъ командира четвертаго корпуса. Онъ богатый помѣщикъ смоленской губерніи, отлично образованъ, служилъ въ гражданской службѣ и въ послѣднее время былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Когда отечеству стала угрожать опасность, онъ оставилъ молоденькую, хорошенькую жену, неуспѣвшую еще насладиться супружескимъ счастіемъ, бросилъ мирную, исполненную всѣхъ удовольствій жизнь, и рядовымъ поступилъ въ армію. По отличію видите, какъ онъ служитъ.» «Да у насъ есть и другіе молодцы» продолжалъ морякъ: «тоже ради защиты отечества, поступившіе въ ряды воиновъ. Вотъ теперь въ Симферополѣ находятся два юнкера: одинъ кавалерійскій, С—нъ, другой пѣхотный, Б—нъ. Оба принадлежатъ къ хорошимъ русскимъ фамиліямъ, вышли кандидатами изъ московскаго университета и служили: первый по гражданской, а послѣдній по ученой части». Народъ набожно молился передъ маленькою церковью, въ которой шло богослуженіе объ убитыхъ воинахъ. Подлѣ нея возносится новый соборъ художественной архитектуры, не оконченный еще отдѣлкою. Мы поворотили направо, и узкимъ переулкомъ взобрались на высокую площадь, гдѣ стоитъ памятникъ Казарскому: опять двѣ сильныя батареи. Отсюда

открылся видъ на карантинную бухту, за которой стояли союзныя суда. «Видите-ли на берегу бухты укрѣпленіе? спросилъ насъ вожатый. Это десятый бастіонъ, на которомъ, 5-го октября, былъ сосредоточенъ страшный огонь непріятельскаго флота; но мужество нашихъ артиллеристовъ не уступило ни на шагъ. Когда у пушекъ была перебита прислуга, и командиръ потребовалъ подкрѣпленія, тогда вызвали охотниковъ изъ баталіона морскихъ солдатъ,—охотниковъ не было, потому что весь баталіонъ изъявилъ единодушное желаніе идти на бастіонъ.» Я искалъ такой точки, откуда можно было бы однимъ взглядомъ окинуть всю мѣстность; обязательный морякъ тотчасъ предложилъ намъ отправиться на телеграфъ. Картинный видъ представляетъ отсюда Севастополь, омываемый шестью морскими бухтами и расположенный на склонахъ горъ и балокъ. Въ подзорную трубу, долго, долго всматривался я въ его улицы и площади, въ строенія казенныя, общественныя и частныя, и къ изумленію замѣтилъ, что всѣ они далеко не такъ пострадали, какъ можно было предполагать. Морякъ объяснилъ намъ, что главныя улицы: Екатериненская и Морская почти не тронуты; въ прочихъ частяхъ города поврежденія таковы, что большая ихъ часть можетъ быть исправлена столь же легко и дешево, какъ и поврежденія въ Одессѣ, причиненныя бомбардированіемъ; слободки артиллерійская и корабельная, какъ ближайшія къ непріятельскимъ выстрѣламъ, потерпѣли болѣе города: тутъ есть сплошныя развалины домовъ и хатокъ.

Отъ развалинъ мы обратились къ ихъ виновникамъ. Передніе лагери французовъ и англичанъ видны какъ на ладони; турки спрятались подальше. Наша труба не могла открыть ихъ. Мы видѣли, какъ у французовъ смѣняли часовыхъ; какъ одинъ, по видимому важный начальникъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, осматривалъ пикеты; какъ солдаты, собравшись въ кучки, грѣлись на январскомъ солнцѣ, едва выглядывавшемъ изъ-за сѣрыхъ тучъ,—у несчастныхъ, конечно не было топлива. Неудивительно: союзныя войска собирались въ Крымъ на нѣ-

сколько дней, а пришлось простоять всю зиму. Время близилось къ вечеру, а намъ хотѣлось еще походить по городу. Спускаясь съ башни, я спросилъ сторожеваго: что, здѣсь безопасно?» — «Ничего!» отвѣчалъ онъ. «Нѣсколько дней назадъ, приходилъ сюда офицеръ, и вотъ такъ какъ вы, смотрѣлъ въ трубу; вдругъ разорвало бомбу и осколкомъ ранило его въ щеку».

Морякъ, посмотрѣвъ на часы, объявилъ, что уже поздно пускаться въ дальнѣйшія обозрѣнія; что гораздо лучше, воспользоваться остающимися минутами для осмотра библіотеки. Направляясь туда, мы замѣтили нѣсколько поврежденій въ зданіяхъ частныхъ и общественныхъ: у одного дома оторванъ уголъ, возлѣ другаго снесена каменная стѣна, у стараго собора разрушена одна колонна.— Еще шагъ и передъ нами открылась площадь, огороженная заборомъ, гдѣ думалъ я увидѣть какія-нибудь развалины; но вожатый бросился впередъ, распахнулъ ворота и приглашалъ насъ взглянуть на фундаментъ воздвигаемаго собора во имя Святаго и Равноапостольнаго князя Владиміра.—«Здѣсь покоятся наши отцы командиры: адмиралы *Лазаревъ* и *Корниловъ*», прибавилъ онъ съ грустнымъ видомъ. «Ихъ имена славны въ исторіи черноморскаго флота, одного, какъ главнаго его начальника, вѣрнаго и усерднаго слуги Царя; другаго, какъ примѣрнаго администратора, исполненнаго глубокихъ спеціальныхъ познаній, и геройскаго защитника Севастополя». — Соборъ предположенъ въ величественныхъ размѣрахъ; въ его сооруженіи участвуетъ вся Россія, благоговѣйно чтущая память своего просвѣтителя. Работы пріостановлены. Но умолкнутъ бранные клики, перестанетъ литься кровь христіанская, и тогда еще одна глава православной церкви вознесется къ небесамъ, льющимъ благодать на обуреваемый градъ. Отъ Божьяго храма обратились мы къ сокровищницѣ ума человѣческаго. Зданіе библіотеки отличается изящною простотою, строгою соразмѣрностью частей и какимъ-то чарующимъ видомъ. Книги вывезены отсюда; но мебель остается на своихъ мѣстахъ. Модели корабля «Двѣнадцать Апостоловъ» покоятся подъ стеклянными кол-

паками. Замѣчательное собраніе ландкартъ хранится по прежнему въ искусно-устроенномъ шкафу. На столахъ разложены газеты и журналы—русскіе и иностранные, читаемые офицерами въ рѣдкія минуты досуга. Тутъ же видѣли мы картины, парижской работы, изображающія сраженія альминское, кадыкіойское и инкерманское, и бомбардированіе Севастополя съ моря и суши. Виды отдѣланы хорошо, но представлены съ непріятельской точки зрѣнія. Незваная гостья — бомба оставила глубокіе слѣды своего посѣщенія библіотеки; проломивъ потолокъ, она влетѣла въ залу и лопнула въ воздухѣ: осколками попортило паркетный полъ, пробило каменную стѣну и повредило одну модель. — Налюбовавшись внутреннимъ устройствомъ и расположеніемъ этого прекраснаго учрежденія, мы пустились обратно къ пристани. Уже вечерѣло, — нужно было подумать о ночлегѣ. Любезный морякъ и тутъ одолжилъ насъ. Какъ старшій лейтенантъ на пароходѣ «Ельборусъ», онъ предложилъ намъ свою каюту, гдѣ нашли истинно русское радушіе, приправленное боевой бесѣдой собравшихся офицеровъ.

Знаете ли вы севастопольскихъ моряковъ? Если скажете, что знаете, я спрошу васъ: были ли вы, хоть одинъ разъ, въ Севастополѣ, со дня его осады? Не были?—значитъ вы не знаете его защитниковъ. Это не тѣ моряки, которые на пароходахъ содержали сообщеніе между Одессою и Константинополемъ, или между Одессою и другими портами черноморскими и азовскими. Это не тѣ моряки, которые крейсеровали у восточныхъ береговъ, сторожа и преслѣдуя запретный торгъ кавказскихъ племенъ. Это не тѣ моряки, которые, съ своими эскадрами, приходили къ намъ въ Одессу за войсками и транспортами, гуляли на бульварѣ, красовались въ театрѣ, обѣдали и ужинали въ гостинницахъ. Нѣтъ! Это сухопутные воины, закаленные въ бояхъ, сроднившіеся со штыкомъ и пушкою также, какъ съ компасомъ и рулемъ, несущіе всѣ тягости гарнизонной службы. День и ночь стоятъ они на бастіонахъ, какъ на вахтѣ, и кто прежде направлялъ путь корабля, измѣрялъ пучину моря, тотъ теперь направляетъ удары орудій, из-

мѣряя ихъ силу крушеніемъ врага. Въ отечественную войну 1812 года, каждый солдатъ былъ герой. Въ настоящую, смѣло можно сказать, *севастопольскую войну*, каждый морякъ—герой. Отъ адмирала до матроса, всѣ моряки также дерутся на сушѣ, какъ во дни Екатерины Великой, бились они при Чесмѣ; какъ во дни Великаго Николая бились они подъ Синопомъ. И вѣнецъ двойной славы вѣнчаетъ ихъ безпримѣрное мужество, стойкость и хладнокровіе.

Наша бесѣда лилась жизненной рѣкой; часы летѣли, какъ минуты. Между тѣмъ темная ночь покрыла городъ непроницаемой пеленой. Въ бухтѣ сдѣлалось тихо, какъ въ дремучемъ лѣсу. Учащенная пушечная пальба раздавалась явственнѣе. Мы вышли на палубу и долго любовались полетомъ бомбъ, огненными точками разрѣзывавшихъ воздухъ. Вотъ одна канула въ море; вотъ другая спустилась на землю; вотъ третья лопнула въ выси. Можетъ, въ эту пору, предпринималась, съ нашей стороны, одна изъ тѣхъ богатырскихъ вылазокъ, которыя застаютъ непріятеля въ расплохъ, не даютъ ему душу отвести. Можетъ, черноморскіе пластуны муравьями расползлись по позиціи враговъ, прислушиваясь къ ихъ движеніямъ и работамъ надъ землею и подъ землею. Можетъ, усталый и оборванный французъ тащился къ нашей цѣпи, чтобы русское радушіе спасло его отъ погибели. Можетъ, гордый англичанъ, согбенный холодомъ и голодомъ, направлялся туда же, чтобы поѣсть русской кашицы, вмѣсто бифштексу и ростбифу, которыхъ уже давно не поставляетъ «аккуратное» восточное коммиссаріатство. Можетъ, турокъ, изнеможденный земляными работами своихъ союзниковъ, несъ свои кости въ русскій станъ, чтобы отсюда, когда-нибудь попали онѣ въ Истамбулъ. Все это могло быть потому, что все дѣйствительно случается каждую ночь.— «А гдѣ же вашъ чудодѣй Кошка?—Лежитъ въ госпиталѣ. Въ одну изъ ночныхъ свалокъ, онъ раненъ штыкомъ, но слава Богу, неопасно, — вылечится, и опять начнетъ свои молодецкіе подвиги». Кошка — изъ молодцевъ молодецъ! Онъ играетъ со смертію, какъ дитя съ куклою: ставитъ

ее вверхъ ногами, ѣздитъ на ней верхомъ, заслоняетъ ею свои плечи отъ непріятельскихъ пуль.

Не одна склянка (морскіе часы) пробила, прежде нежели почувствовали мы усталость отъ продолжительнаго бдѣнія. Я уснулъ со сладкими надеждами—еще разъ осмотрѣть Севастополь. Но не всѣ надежды сбываются. Мой спутникъ гусаръ узналъ въ главной квартирѣ, что полкъ, въ которомъ онъ служитъ, выступилъ на позицію подъ Евпаторію. Ему нужно было поспѣшить въ Симферополь, и мы отправились туда на другой же день, рано утромъ. Простите благородные, храбрые моряки! Никогда не забуду я ночи проведенной съ вами! Прости святой Градъ, обреченный на искупленіе страждущаго человѣчества. Я былъ въ числѣ русскихъ, приходящихъ къ тебѣ на поклоненіе ([1]).

А. Комарницкій.

Одесса, 14-го марта 1855 г.

Донесенія о положеніи дѣлъ подъ Севастополемъ въ январѣ 1855 года.

Изъ донесенія генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, отъ 5-го января, видно, что подъ Севастополемъ осадныя работы непріятеля и по это число не подвинулись.

Съ нашей же стороны ночныя вылазки продолжаются съ постояннымъ успѣхомъ.

Одна изъ нихъ была исполнена съ 31-го декабря на 1-е января, партіею охотниковъ, подъ командою подполковника 5-го Стрѣлковаго баталіона *Макарова* и флота лейтенантовъ: *Астапова* и *Бирюлева*. Она произвела въ англійскомъ лагерѣ большую тревогу, при чемъ взято въ плѣнъ 15 англичанъ и 4 француза.

Другая вылазка, въ ночи со 2-го на 3-е января, была направлена противъ французскихъ траншей. Въ ней участвовали 350 охотниковъ Волынскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ капитана того же полка *Сыробоярскаго*.

([1]) Одесскій Вѣст. 1855 г., № 37 и 38. Русскій Инвал. 1855 г., № 88.

Они взяли 5 человѣкъ въ плѣнъ и перекололи значительное число непріятелей.

Находившійся при обѣихъ сихъ вылазкахъ, адъютантъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, капитанъ-лейтенантъ *Юшковъ* легко раненъ штыкомъ.

По показаніямъ перебѣгающихъ къ намъ арабовъ, положеніе турокъ въ непріятельскомъ лагерѣ чрезвычайно тягостно. Англичане заставляютъ ихъ носить въ оный изъ Балаклавы снаряды, провизію и другія тяжести, употребляя ихъ такимъ образомъ вмѣсто рабочаго скота.

Въ окрестностяхъ Евпаторіи ничего замѣчательнаго не происходило ([1]).

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ отъ 10-го (22-го) января о новой удачной вылазкѣ, произведенной изъ Севастополя въ ночь съ 7-го (19-го) на 8-е (20-е) число противъ лѣваго фланга и центра французскихъ траншей. При этомъ войска наши раздѣлены были на два отряда: правый состоялъ изъ 230-ти охотниковъ и 3-й Гренадерской роты Минскаго пѣхотнаго полка, подъ командою маіора *Рудановскаго*, а лѣвый—изъ 5-ти ротъ Тобольскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ капитана *Ляпунова*, и сотни матросовъ, предводимыхъ лейтенантами *Титовымъ* и *Завалишинымъ*. Непріятель защищался весьма упорно: однако не могъ остановить стремленія нашихъ отрядовъ и понесъ значительную потерю; два французскіе офицера и нѣсколько рядовыхъ взяты нами въ плѣнъ. Съ нашей стороны уронъ состоялъ: изъ 18 убитыхъ (въ томъ числѣ 2-хъ офицеровъ Тобольскаго пѣхотнаго полка: поручика *Степанова* и прапорщика *Попова*) и 74-хъ раненыхъ (въ числѣ коихъ 3 офицера: адъютантъ главнокомандующаго южною арміею, штабсъ-капитанъ графъ *Сухтеленъ*, 43-го флотскаго экипажа лейтенантъ *Титовъ* и Тобольскаго полка поручикъ *Гуляевъ*).

Дѣйствіе непріятельскихъ батарей по Севастополю, съ

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 9.

5-го (17-го) по 10-е (22 е) число, почти никакого вреда намъ не причинило. Выпавшій передъ тѣмъ снѣгъ препятствовалъ продолженію осадныхъ работъ. Непріятель, нуждаясь въ топливѣ, ежедневно посылалъ отряды для рубки дровъ на возвышенія лѣваго берега Черной рѣчки, разбиралъ зданіе карантина и, не уваживъ даже святыни древняго храма Херсонесскаго, снялъ съ него крышу и куполь и раззорилъ всю его внутренность ([1]).

По донесенію генералъ-адъютанта князя *Меншикова* отъ 16 го (28-го) января, положеніе дѣлъ подъ Севастополемъ не измѣнилось. Непріятель по временамъ бросаетъ въ городъ бомбы, а въ ночь съ 15-го (27-го) на 16-е (28-е) число пущено имъ съ французскихъ траншей нѣсколько ракетъ большаго калибра, которыя однако же никакого вреда намъ не причинили, и вообще потеря отъ огня осаждающаго совершенно незначительна. Артиллерія наша успѣшно отвѣчаетъ непріятельскимъ батареямъ.

10 го (22-го) числа, вблизи Евпаторіи выброшено на мель французское военное транспортное судно «Аяксъ». Капитанъ сего судна и шесть матросовъ принуждены были, не смотря на помощь подоспѣвшаго непріятельскаго парохода, сдаться въ плѣнъ высланному къ тому мѣсту полуэскадрону уланъ съ двумя орудіями конной артиллеріи, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба *Цитовича*; самое же судно, съ бывшимъ на немъ грузомъ сѣна, предано огню ([2]).

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ отъ 23-го января (4-го февраля), что, въ ночь съ 19-го на 20-е число (съ 31-го января на 1-е февраля), произведена была изъ Севастополя вылазка противъ праваго фланга французскихъ траншей. Отрядъ нашъ, въ числѣ 330 человѣкъ, подъ начальствомъ лейтенанта *Бирюлева*, подойдя къ занятымъ непріятелемъ ложементамъ, смѣло ударилъ на него

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 13.
([2]) Русскій Инвал. 1855 г., № 19.

въ штыки и выбилъ его оттуда. Не смотря на сильный перекрестный огонь, ружейный и картечный, съ французскихъ и англійскихъ батарей, лейтенантъ *Бирюлевъ* шесть разъ еще бросался на ближайшія траншеи и нанесъ такую потерю непріятелю, что одна изъ означенныхъ траншей была наполнена тѣлами французовъ; въ плѣнъ взято у нихъ три офицера и семь человѣкъ нижнихъ чиновъ. Съ нашей же стороны убитъ Волынскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ *Семенскій* и три рядовыхъ; ранены 34 человѣка, въ томъ числѣ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ удальцовъ—матросъ *Кошка*.

Въ донесеніи своемъ объ этомъ удачномъ дѣлѣ, генералъ-адъютантъ баронъ *Остенъ-Сакенъ* свидѣтельствуетъ о блистательной храбрости и распорядительности лейтенанта *Бирюлева*, который уже въ 4-й разъ предводительствуетъ вылазками съ примѣрнымъ успѣхомъ.

Кромѣ того, подъ Севастополемъ и въ окрестностяхъ онаго, до вышеозначеннаго 23-го числа, ничего особеннаго не происходило. Огонь нашей артиллеріи продолжаетъ препятствовать успѣху непріятельскихъ работъ (1).

По донесенію генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, отъ 27-го января (8-го февраля), въ общемъ положеніи дѣлъ подъ Севастополемъ никакой перемѣны не произошло.

Противодѣйствіе осаднымъ работамъ непріятеля продолжается съ нашей стороны съ постояннымъ успѣхомъ.

По показанію перебѣжчиковъ изъ союзнаго лагеря, потери въ англійскихъ войскахъ столь значительны, что траншейные караулы содержатся одними французами (2).

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* доноситъ отъ 31-го января (12-го февраля), что 18-го числа открыты были подземныя работы, которыя французы вели противъ севастопольскихъ укрѣпленій. Принятыя нами заблаговре-

---

(1) Русскій Инвал. 1855 г., № 25.
(2) Русскій Инвал. 1855 г., № 28.

менно надлежащія мѣры дали намъ возможность уже 22-го числа разстроить часть непріятельской галереи посредствомъ камуфлета. Осаждающій пытался затѣмъ употребить то же средство и противъ нашихъ контръ-минъ; но взрывъ, съ этою цѣлію имъ произведенный 26-го числа, былъ столь неудаченъ, что обратился ему самому во вредъ. Занявъ воронку, отъ сего взрыва образовавшуюся, мы воспользовались ею, и 28-го числа успѣли изъ оной, посредствомъ новой мины, разстроить еще болѣе галерею противника.

Между тѣмъ, артилерія наша продолжала съ успѣхомъ отвѣчать батареямъ осаждающаго и штуцерному его огню; по ночамъ же небольшія партіи нашихъ охотниковъ съ прежнимъ успѣхомъ тревожили непріятеля въ траншеяхъ и принуждали его, становясь въ ружье, прерывать осадныя работы.

30-го января колонна непріятельская, въ числѣ до 10 т. чел., предшествуемая нѣсколькими сотнями конницы, произвела рекогносцировку со стороны Балаклавы къ дер. Комарамъ; но далѣе движенія не продолжала и возвратилась на прежнюю позицію.

Высаженныя въ Евпаторіи турецкія войска предприняли оттуда, 22-го числа (3-го февраля), наступленіе вдоль морскаго берега къ дер. Сакамъ, въ числѣ 12-ти эскадроновъ кавалеріи и до 10 т. пѣхоты. Не смотря на туманную погоду, наши передовые посты своевременно, о появленіи непріятеля, извѣстили флигель-адъютанта, полковника графа *Канкрина*, который подкрѣпилъ цѣпь дивизіономъ ввѣреннаго ему драгунскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка при 2-хъ орудіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ эскадронъ Уланскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны полка выслалъ по берегу Гнилаго озера, дабы, въ случаѣ дальнѣйшаго движенія противника, ударить ему во флангъ и отрѣзать его. Тогда турецкія передовыя войска начали быстро отступать, а въ то же время и вся колонна непріятельская также втянулась въ Ев-

паторію. Непріятель оставилъ шесть убитыхъ; съ нашей стороны убитъ одинъ уланъ, а другой раненъ (1).

Вылазка изъ Севастополя въ ночи съ 19 го на 20-е января 1855 года.

Много говорено было о своенравіи и причудливости моды; не разъ утверждали даже, что *прекрасный полъ* оттого и предводительствуетъ (въ образованныхъ обществахъ) модными причудами, что чувствуетъ непреодолимое влеченіе къ *непостоянству*. Опытъ доказываетъ однако же, говоря вообще, что женщины постояннѣе мужчинъ, и что есть нѣкоторыя влеченія, которыя не подвержены быстрымъ или частымъ измѣненіямъ.

Давно уже Грибоѣдовъ сказалъ, говоря о нашихъ дѣвицахъ и женщинахъ вообще:

...«Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А отъ того, что патріотки».

И хотя авторъ знаменитой комедіи «Горе отъ ума» не безъ ироніи написалъ эти строки, но онъ попалъ мѣтко на чувствительную струнку воинственныхъ нашихъ соотечественницъ. При первомъ звукѣ бранной трубы, наши дамы забываютъ всѣ мелкіе интересы свѣтской жизни, и чутко прислушиваются къ каждому извѣстію, получаемому съ поля брани. Нынѣ всѣ помыслы ихъ устремлены на храбрыхъ защитниковъ Севастополя, и пріѣзжіе оттуда, почитаясь, по справедливости, *живыми грамотами*, служатъ предметомъ самой радушной привѣтливости и живѣйшаго ихъ участія. Вы обидите современную патріотку, изъявивъ сомнѣніе въ познаніяхъ ея, не только что на счетъ мѣстности укрѣпленій Севастополя, но и самыхъ названій бастіоновъ, редутовъ, батарей, и даже нѣкоторыхъ терминовъ военной науки. *Апроши*, *ложементы*, *траншеи*, *мины*, *камуфлеты*, *мантелеты*, *туры*, *летучія*

---

(1) Русскій Инвал. 1855 года, № 31.

сапы, все это имъ дѣло извѣстное. Нынѣ нерѣдко случается выслушивать въ гостинныхъ полный курсъ фортификаціи, и часто проходятъ цѣлые вечера въ описаніи того или другаго укрѣпленія. Мы недавно присутствовали при подробномъ объясненіи, въ чемъ именно состоитъ оборона знаменитаго бастіона № 4-го, и можемъ поручиться. что вниманіе слушательницъ было напряжено до крайности и выдержано до конца. Ни что не прошло безъ замѣчанія: ни волчьи ямы, ни засѣки, ни число амбразуръ, ни глубина рва, обстрѣливаемаго разсыпными картечными выстрѣлами, и пр. Впрочемъ и не мудрено, что вышеупомянутыя объясненія возбудили живое участіе и усиленное вниманіе. Рѣчь велъ одинъ изъ храбрѣйшихъ, юныхъ героевъ, неоднократно упоминаемый въ реляціяхъ, и умѣвшій уже, не смотря на свою молодость, заслужить себѣ имя и почетъ промежду тысячей неутомимыхъ защитниковъ Севастополя. Слава Богу! въ настоящее время наврядъ ли найдется во всей Россіи *смѣльчакъ*, который бы рѣшился вымолвить, что ему неизвѣстно имя лейтенанта (нынѣ флигель-адъютанта и капитанъ-лейтенанта) *Бирюлева*, и даже скромныхъ, но постоянныхъ его сподвижниковъ (матросовъ и рядовыхъ) *Кошки*, *Зубова*, *Кузменкова* и падшихъ въ бою *Болотникова* и незабвеннаго самоотверженца *Шевченки* ([1]). И такъ, участіе, съ какимъ слушали объясненія храбраго молодаго воина, весьма понятно.—Наконецъ, слушатели, воспламененные живыми описаніями обороны мѣстности, стали неотступно просить повѣтствователя разсказать подробности хотя одной изъ многочисленныхъ вылазокъ, въ коихъ онъ принималъ участіе. Капитанъ долго отговаривался, отзываясь съ благородною скромностью, что ему пріятнѣе было бы разсказывать о подвигахъ другихъ, но привужденъ былъ уступить неотступнымъ просьбамъ.

«Если уже предоставлено на мой выборъ говорить о той или другой вылазкѣ, сказалъ онъ наконецъ, такъ я раз-

---

([1]) См. ниже приказъ главнокомандующаго, князя Меншикова, отъ 2-го февраля 1855 года, № 32-й.

скажу о вылазкѣ съ 19-го на 20-е января. Она памятна для меня по двумъ причинамъ: во время ея я испыталъ самое отраднѣйшее и самое горькое чувство, достающееся въ удѣлъ нашему брату, военному человѣку. Мнѣ удалось съ боя проникнуть въ траншеи, опрокинуть непріятеля, но тутъ же я имѣлъ несчастіе потерять вѣрнаго, постояннаго спутника, и можно сказать друга и товарища матроса *Шевченку*.

«19-го числа, часу въ четвертомъ по-полудни, адмиралъ потребовалъ меня къ себѣ, и объявилъ, что въ ночи предполагается сдѣлать вылазку противъ ложементовъ, устроенныхъ на правомъ флангѣ французскихъ траншей. Штуцерные, засѣвшіе въ этихъ ложементахъ, наносили значительный вредъ артиллеристамъ четвертаго бастіона, такъ я слѣдовало попытаться выжить ихъ оттуда. Адмиралъ предложилъ мнѣ начальство надъ отрядомъ. Ну, знаете, подобное предложеніе нашему брату всегда весьма лестно. Я поблагодарилъ, только выразилъ опасеніе, не помѣшаетъ ли намъ лунная ночь. «Можетъ, найдутъ тучки, снѣгъ пойдетъ», возразилъ адмиралъ.—«И то правда, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, авось! Богъ милостивъ». — Вотъ я и приказалъ командѣ заблаговременно приготовиться, не объявляя, конечно, куда идти слѣдъ.

Изъ Волынскаго полка потребовалъ я семидесяти пяти охотниковъ, изъ Охотскаго ста пятидесяти, моряковъ нашихъ назначилъ двадцать пять человѣкъ, да восемьдесятъ человѣкъ рабочихъ безъ ружей, но съ лопатами и кирками для земляныхъ работъ, какія случатся, всего триста тридцать человѣкъ.

«Къ десяти часамъ вечера отрядъ собрался втихомолку, и мало по малу въ батареѣ лейтенанта *Перекомскаго*. Я тѣмъ временемъ безпрестанно выходилъ на батарею, и все посматривалъ на небо. Что ты будешь дѣлать? Мѣсяцъ, какъ нарочно смотритъ во всѣ глаза, свѣтло какъ днемъ. Я пригласилъ гг. офицеровъ, которые должны были участвовать въ экспедиціи, къ себѣ, въ землянку; напились мы чаю, закурили трубки; ну, потомъ я и объявилъ имъ, какъ и куда мы пойдемъ, и въ чемъ состоитъ цѣль нашей эк-

спедиціи, а именно: выгнать непріятельскихъ штуцерныхъ изъ ложементовъ праваго фланга, и обратить ложементы на французскія траншеи. Тутъ я объяснилъ, какъ двигаться отряду, во сколько шеренгъ, гдѣ кому находиться, и тутъ же распорядился, что въ случаѣ, если меня убьютъ или ранятъ, то принять послѣ меня команду поручику *Токареву*, а послѣ него, если и его убьютъ, то прапорщику *Семенскому*. Такъ мы пробесѣдовали почти до полуночи, а мѣсяцъ все свѣтитъ! Что будешь дѣлать? Право, досада даже разбирала! Однако же я пригласилъ товарищей соснуть часокъ, другой. Улеглись. — Вѣдь вотъ вы, петербургскіе жители, пожалуй, и не повѣрите, а право всѣ мы тотчасъ же крѣпкимъ сномъ заснули. Въ третьемъ часу я велѣлъ себя разбудить, и тотчасъ же бросился на батарею: обозрѣть горизонтъ. Ну, слава Богу! мѣсяцъ сильно склонился; небо заволокло небольшими тучками, и снѣжокъ сталъ перепархивать. Еще свѣтло; но отлагать далѣе нельзя было. До восхода солнца намъ предстояло пройти взадъ да впередъ почти двѣ версты, да еще поработать около ложементовъ требовалось не мало времени.

«Я собралъ отрядъ, объявилъ въ чемъ дѣло, и чего именно отъ молодцевъ ожидаетъ начальство, и прибавилъ только отъ себя, чтобъ у меня фронтъ отнюдь не нарушался, чтобы ребята шли локоть въ локоть, грудь съ грудью, что за нарушеніе этого приказанія я «строго молъ взыщу». Потомъ я скомандовалъ «фуражки долой», всѣ мы усердно перекрестились трижды, и «съ Богомъ, маршъ впередъ»!

«Не прошли мы двадцати шаговъ, какъ изъ англійской ближайшей траншеи раздался выстрѣлъ. Завидѣли, проклятые! Снѣжокъ то выпалъ уже порядочный, такъ отрядъ нашъ и чернѣлся на дорогѣ. Однакожъ мы продолжали идти впередъ.

«Вотъ взвилась сигнальная ракета изъ англійскихъ же траншей; значитъ тревога, и тотчасъ же по всей линіи затрещалъ батальный огонь. Знаете, прибавилъ капитанъ, лукаво улыбаясь и обращаясь къ дамамъ, вотъ точно какъ сырыя дрова въ каминѣ трещатъ. Въ то же время догналъ насъ

унтеръ-офицеръ, посланный съ бастіона. «Адмиралъ приказалъ сказать вашему благородію», насилу проговорилъ запыхавшійся посланный: «ой! молъ не воротиться ли назадъ!» А мы ужъ съ полверсты прошли, жаль назадъ вернуться, да къ тому же снѣжокъ усилился, такъ что для непріятеля прицѣлъ невѣрный, и у насъ еще ни одного человѣка не запятнали.—«Скажи его превосходительству, отвѣчалъ я, что у насъ пока все благополучно, а что молодцы молъ впередъ просятся. Такъ ли, братцы?» заключилъ я, обращаясь къ отряду.—«Точно такъ, ваше благородіе!» отвѣчали солдаты дружно.—Идемъ мы, ничего.—Прошли мимо *Сахарной Головы* (возвышенія), по направленію Георгіевской дороги; изъ французскихъ ложементовъ уже не видать насъ изъ-за горы, къ которой мы приближались болѣе и болѣе, а въ непріятельскихъ траншеяхъ по всѣмъ линіямъ часовые и горнисты перекликаются, значитъ держи ухо остро. Не знаю, потеряли ли насъ изъ виду за снѣгомъ, или собирали войско, только на время все вдругъ замолкло, и водворилась совершенная могильная какая-то тишина, отъ которой, признаюсь, болѣе жутко становилось, чѣмъ отъ ружейной трескотни. Наконецъ мы подошли подъ самые ложементы, то есть, мы-то внизу, а ложементы на горѣ. Я остановилъ отрядъ, сформировалъ его въ колонну, и опять скомандовалъ: «фуражки долой», мы вновь трикратно перекрестились, и, сохраняя глубокое молчаніе, стали подниматься въ гору, чтобъ зайти во фронтъ ложементамъ. Шаговъ за пятьдесятъ отъ ложементовъ насъ окликнулъ часовой: «Qui vive?» (кто идетъ?) кричитъ. Мы молчекъ, ни слова. Онъ другой разъ; мы все молчимъ и впередъ подвигаемся. Часовой окликнулъ третій разъ: «Qui vive?» — «Russes!» (русскіе) закричалъ я. «Впередъ, ребята, на штыки, ура!» Но тутъ же выскочили изъ-за угла человѣкъ шесть зуавовъ, и прицѣлились въ насъ. Шальные, право! Я ихъ предупредилъ, быстро скомандовалъ «пли!» — всѣ шестеро повалились, а наши съ размаху врѣзались вмигъ въ ложементы. Непріятель оставилъ тутъ восемнадцать тѣлъ, а прочіе штуцерные спаслись въ траншею.—Я тотчасъ же распорядился работами.

Надлежало ложементы срыть и повернуть противъ непріятеля». Капитанъ, замѣтивъ, что слушательницы его не совсѣмъ понимаютъ въ чемъ дѣло, всталъ, перевернулъ стулъ спинкою къ дамамъ, и продолжалъ: «знаете, вотъ, то есть такъ слѣдовало ихъ поставить, а въ спинкѣ бойницы для ружей дѣлать.

«Между тѣмъ, при занятіи ложементовъ, ранили у насъ троихъ; я приказалъ снести ихъ подъ гору, а тамъ находились высланныя изъ бастіона носилки, иначе расходъ людей былъ бы слишкомъ значителенъ. Вотъ работаемъ мы надъ ложементами исправно: верхушки уже срыли, только держаться такъ невозможно; изъ ближайшей траншеи сильно пощелкиваютъ. Я оглядѣлся, вижу, можно занять траншею; скомандовалъ «ура!» Лихо вскочили молодцы наши въ первую траншею, такъ что охота разобрала, мы въ другую. Тутъ была важная свалка! все штыкомъ работали; въ одну минуту и вторую поочистили отъ непріятеля. Только удержаться невозможно было. Маленькая двухъ-пушечная батарейка, обстрѣливающая траншею съ боку, какъ шарахнетъ по насъ картечью, такъ съ разу десять человѣкъ и повалило. Я велѣлъ подобрать раненыхъ и, дѣлать нечего, назадъ; главное дѣло успѣть ложементы перестроить, а пока работа продолжалась. Не успѣли мы выйти изъ траншей, какъ французы за нами по пятамъ, что называется, заняли ихъ опять. Оказалось то же неудобство. Мѣшаютъ работать проклятые! Я вновь скомандовалъ впередъ! Таже продѣлка; вскочили въ первую, въ другую. Тутъ батарея опять шарахнула, только слава Богу, никого не задѣла. Можетъ, высоко былъ направленъ выстрѣлъ, или наши умудрились, пригнули голову, ужъ не знаю, только у меня душу отвело. Знаете, терять много людей, охъ, какъ больно! Послѣ этого опять настала минута совершенной гробовой тишины. Чтó это они замышляютъ? подумалъ я, вѣроятно на батареѣ орудіемъ приноравливаются. Только вотъ прибѣгаетъ рабочій изъ ложементовъ, и говоритъ мнѣ шепотомъ: — «Ваше благородіе, французы-то вѣдь обходятъ насъ, съ горы стали спускаться». — «Ой ли! много ли

ихъ?» — «Не могу знать ваше благородіе!» — Я самъ бросился къ ложементамъ, смотрю — сотня не болѣе спускается съ горы. — Я вызвалъ своихъ назадъ изъ траншей. «Ни гугу, братцы, говорю вполголоса, знаку о себѣ не подавайте, всѣхъ живьемъ возьмемъ,» а у самого сердце бьется отъ радости. Но нѣтъ! Увидѣли видно, что мы наготовѣ, и едва молодцы наши стремглавъ бросились съ горы въ погоню за ними, какъ изъ траншей горнисты протрубили, чтобъ французы вернулись назадъ. Нечего дѣлать! я сталъ торопить рабочихъ, дѣло идетъ быстро, но опять важно насъ пообстрѣливаютъ. Мы въ третій разъ кинулись въ траншею. Со второй траншеи человѣкъ пятнадцать штуцерныхъ, отступая, вскочили на завалъ, да оттуда и прицѣлились, всѣ какъ есть, въ меня. Я и не замѣтилъ, признаться сказать; только бѣдный мой *Шевченко* замѣтилъ первый, *какой опасности я подвергался*; недолго онъ разсуждалъ, *перекрестился, кинулся ко мнѣ, заслонилъ меня, и молодецкою своею грудью принялъ пулю*, мнѣ предназначавшуюся (¹). И не одна пуля поразила его! Я сквозь его почувствовалъ во многихъ мѣстахъ глухіе удары. Глубоко отозвались они у меня въ сердцѣ! Повалился храбрый *Шевченко*! Виноватъ! Я не выдержалъ, такъ и залился слезами, припалъ къ *Шевченкѣ* и допрашиваю: «Что *Шевченко*? убитъ, что ли, братъ? да скажи же словечко!» А *Шевченко* поблѣднѣлъ, глаза закатились, ничего не отвѣчаетъ, а только слегка вздрагиваетъ, и шепчетъ что-то; а у самаго такая ангельская улыбка, видно, что въ вѣчность съ чистою совѣстью отходитъ. Я все стою на колѣняхъ, оторваться не могу, совсѣмъ было забылся. Тутъ подошелъ ко мнѣ *Болотниковъ*, даже подъ руку взялъ. «Не время, говоритъ, ваше благородіе; наши молодцы въ третью прочесались, чтобъ бѣды не вышло». Я опомнился и кинулся къ отряду. Назадъ, кричу, назадъ! Наши же штыкомъ работаютъ всю третью траншею, какъ есть, верхомъ завалили непріятельскими тѣлами.

(¹) Почеркнутыя слова подлинныя выраженія замѣчательнаго приказа 2-го февраля.

«Стали отступать въ порядкѣ. Французы не трогаются; только вдругъ на траншею выступилъ офицеръ, большой такой, статный, въ каждой рукѣ по пистолету. En avant! впередъ! закричалъ онъ на своихъ, но тѣ ни съ мѣста. На бѣду подвернулся ему подъ руку *Болотниковъ*. Французъ выстрѣлилъ изъ обоихъ пистолетовъ разомъ, изъ лѣвой руки не попалъ: пуля пролетѣла надъ головой *Кошки*, а изъ правой пуля пришлась почти въ упоръ въ високъ *Болотникову*—несчастному такъ голову и размозжило. Царство ему небесное! Озлобился я, признаться сказать, крикнулъ ура! и въ четвертый разъ вскочили мы въ траншею. Куда дѣвался высокій французъ? повалился ли онъ? смяли ли его? тягу ли онъ далъ? право не знаю! У меня кровью налились глаза, и я саблей самъ порядкомъ работалъ. Такимъ-то образомъ, мы въ два пріема занимали еще траншеи. Тѣмъ временемъ ложементы завершили и повернули какъ слѣдуетъ. Въ плѣну у насъ были три офицера, семь человѣкъ нижнихъ чиновъ; непріятельскія траншеи завалили мы трупами, слѣдовательно дѣло наше могло почитаться оконченнымъ; оставалось засадить стрѣлковъ въ повернутые ложементы, и отправиться назадъ во-свояси. Я отозвалъ отрядъ, велѣлъ протрубить отбой, и мы стали ретироваться въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ.

«Я хотѣлъ было уже спускаться съ горы, какъ ко мнѣ подбѣжалъ унтеръ-офицеръ и говоритъ: «Не ладно, ваше благородіе, кажись, кто-то изъ нашихъ остался въ непріятельской траншеѣ, слышно по-нашему ругается, выручить слѣдуетъ!»—«Разумѣется, слѣдуетъ,» отвѣчалъ я. «Налѣво кругомъ, по взводно стройся, на руку, маршъ!» Вотъ и въ шестой разъ вскочили мы въ траншеи, и выручили своего. — Съ нашей стороны убитъ волынскаго полка прапорщикъ *Семенскій* и три рядовыхъ; ранены тридцать четыре человѣка и въ томъ числѣ храбрецъ нашъ матросъ *Кошка*. Ну, вотъ я и, разсказалъ вамъ, что такое вылазка,» заключилъ капитанъ, «не хитрая штука, какъ видите. Были бы молодцы солдатики, да дер-

жали бы твердо фронтъ, а тамъ, съ Божіею помощью, пожалуй, и въ четвертую траншею забраться можно.»

Слушательницы растроганы были до слезъ этимъ простымъ, но одушевленнымъ разсказомъ, и тутъ же дали обѣщаніе отслужить панихиду за упокой *Шевченки* и *Болотникова*, достославно падшихъ на полѣ чести ([1]).

Ростиславъ.

Приказъ главнокомандующаго военными сухопутными и морскими силами въ Крыму у сѣвернаго укрѣпленія Севастополя, февраля 2-го дня 1855 года, № 32.

Товарищи! каждый день вы являете себя истинно храбрыми и стойкими русскими воинами; каждый день поступки ваши заслуживаютъ и полнаго уваженія и удивленія; говорить о каждомъ отдѣльно было бы невозможно, но есть доблести, которыя должны навсегда остаться въ памяти нашей, и съ этой цѣлью я объявляю вамъ: 30-го флотскаго экипажа матросъ Игнатій *Шевченко*, находившійся во всѣхъ вылазкахъ около лейтенанта *Бирюлева*, явилъ особенный примѣръ храбрости и самоотверженія въ вылазкѣ, бывшей на 20-е января. Когда молодцы наши штыками вытѣснили уже непріятеля изъ траншей, пятнадцать человѣкъ французовъ, отступая, прицѣлились въ лейтенанта *Бирюлева* и его спутниковъ; *Шевченко* первый замѣтилъ—какой опасности подвергается его начальникъ: перекрестясь, кинулся къ нему, заслонилъ его и молодецкою своею грудью принялъ пулю, которая неминуемо должна была поразить лейтенанта *Бирюлева*,—*Шевченко* упалъ на мѣстѣ, какъ истинно храбрый воинъ, какъ праведникъ.

Сдѣлавъ распоряженіе объ отысканіи его семейства, которое имѣетъ все право воспользоваться щедротами Всемилостивѣйшаго Государя Нашего, я спѣшу, мои любезные товарищи, сообщить вамъ объ этомъ, — поздравить васъ,

---

([1]) Сѣв. Пчела 1855 г., № 84.

что вы имѣли въ рядахъ своихъ товарища, которымъ должны вполнѣ гордиться.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ экипажахъ, баталіонахъ и эскадронахъ.

Подписалъ: генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ*.

Отрывокъ письма изъ Севастополя, къ Д. И. К. въ Полтаву отъ 25-го января 1855 года (1).

— Еслибъ *Суворовъ* всталъ и явился въ Севастополь, онъ непремѣнно сказалъ бы: «Помилуй Богъ! да тутъ все чудо-богатыри!» Да, у насъ на каждомъ шагу можно встрѣтить сказочнаго героя въ матросской шинели.

Мы привыкли къ своимъ матросамъ, знаемъ ихъ; но отъ лицъ постороннихъ, мнѣ часто приходилось слышать странные вопросы: «гдѣ вы находите такихъ людей? отчего у матросовъ такой взглядъ, такая отличительная походка, оригинальныя привычки? гдѣ они пріобрѣтаютъ эту необыкновенную ловкость и смѣтливость?» и т. п. Эти вопросы вообще удовлетворяются коротко: матросъ образовывается на кораблѣ. Корабль для него обширная школа: здѣсь онъ привыкаетъ къ безстрашію, здѣсь развивается въ немъ природная ловкость и смѣтливость, религіозность и честолюбіе; учители матроса ежеминутно заботятся объ немъ такъ, какъ конечно, не въ состояніи заботиться объ немъ самая любящая мать. За то посмотрите, какъ онъ безгранично преданъ своему начальнику, какъ глубоко любитъ, почитаетъ и боится его; а съ такими людьми нипочемъ и чудеса. Способности русскаго человѣка разнообразны, велики; умѣйте развернуть ихъ, да съ толкомъ примѣнить къ дѣлу, не растрачивайте ихъ по мелочи: тогда нравственное богатство русскаго простого мужичка явится вамъ во всей полнотѣ; тогда приказывайте ему,—онъ будетъ удивлять васъ.

---

(1) Начало этого письма помѣщено въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Корниловѣ (выпускъ I, прилож. стр. 153) здѣсь же помѣщается его окончаніе. *Ред.*

Нѣкоторыя иностранныя газеты увѣряютъ, что Севастополь превращенъ въ груду камней и пепла; но, благодаря Бога, это неправда: хотя пресловутая пушка *заговорила* назадъ тому пять мѣсяцевъ и не перестаетъ говорить до этихъ поръ, а все-таки городъ поврежденъ не очень значительно. Главныя улицы, Екатерининская и Морская, пострадали менѣе прочихъ,—большая часть зданій на этихъ улицахъ не тронута, въ прочихъ частяхъ города двѣ трети домовъ могутъ быть исправлены самыми малыми средствами. Слободки артиллерійская и корабельная потерпѣли болѣе города: тутъ есть дома и хатки совершенно разрушенныя. Пожаровъ было весьма немного,—сгорѣло не болѣе пяти домовъ. Словомъ сказать, не смотря на десятки тысячъ ядеръ, каленыхъ и простыхъ, бомбъ, брандскугелей, конгревовыхъ ракетъ и картечи, брошенныхъ въ городъ, — дома наши далеко не такъ пострадали, какъ можно бы ожидать. Число убитыхъ и раненыхъ на улицахъ и въ домахъ самое малое. Богъ видимо хранитъ заступниковъ святаго Креста и православія.

Если вы хотите знать, какъ мы поживаемъ въ Севастополѣ,—я скажу вамъ, что хотя осадное положеніе города и лишило насъ удовольствія проводить свободное время въ клубѣ, въ театрѣ, въ семейныхъ домахъ и т. п., но мы не скучаемъ; намъ некогда и невозможно скучать: всѣ мы душею и тѣломъ преданы долгу своему и заняты имъ ежеминутно. Что можетъ быть завиднѣе доли нашей: драться за правое святое дѣло, защищать честь нашего отечества и знать, что объ насъ молится нашъ Великій Государь, а съ Нимъ и вся Россія; читать о нашихъ подвигахъ, о геройской стойкости, которая у самыхъ враговъ нашихъ вызываетъ похвалу и удивленіе? Защита Севастополя дастъ исторіи Россіи нѣсколько славныхъ страницъ; потомки наши будутъ удивляться, завидовать своимъ предкамъ.

Конечно, никто не повѣрилъ бы мнѣ, если бы я сказалъ, что намъ легко достается эта громкая слава, что непріятели наши слабы и неискусны, что мы безъ чувствительныхъ потерь продолжаемъ ежедневно упорную

борьбу. Мы не имѣемъ надобности скрывать и притворяться, да и ложь не въ характерѣ русскихъ; мы откровенны, не въ примѣръ тѣмъ рыцарямъ *чести и правды*, которые брались уничтожить насъ въ нѣсколько дней,— подобно *имъ*, мы не унижаемъ своего непріятеля, не клевещемъ на него. Напротивъ мы во всеуслышаніе говоримъ, что противъ насъ дѣйствуютъ лучшія войска Англіи, Франціи и Турціи; открыто сознаемся въ ихъ храбрости и мужествѣ, и уважаемъ эти качества противниковъ; не скрываемъ своихъ потерь и трудностей: онѣ извѣстны всему свѣту. Мы честно исполняли и будемъ исполнять свой долгъ; намъ нѣтъ причины совѣститься,— правота наша въ этой войнѣ признана всѣми благомыслящими людьми: слѣдовательно, тяжкая отвѣтственность за нее обрушится на тѣхъ, кто безбожно подалъ руку всегдашнимъ врагамъ христіанства.

По затруднительности доставки въ Севастополь жизненныхъ припасовъ и вообще всѣхъ товаровъ, цѣны на нихъ поднялись; но благодаря попечительности начальства, отечески заботящагося объ насъ, мы не терпимъ ни въ чемъ недостатка: въ лавкахъ все можно достать, не исключая даже и заграничныхъ вещей, которыми не совсѣмъ оставила снабжать насъ знаменитая Одесса ([1]).

В. Кдт.

Изъ Симферополя.

Случалось ли вамъ, читатель, холодно разставшись съ предметомъ вашей нѣжной любви, неожиданно встрѣтиться съ нимъ послѣ долгой разлуки? Вновь прежнія чувства возвращаются къ вамъ, и вы невольно и съ особеннымъ увлеченіемъ бросаетесь къ той, къ которой въ послѣднее время совсѣмъ было охладѣли. Съ такою любовью встрѣтили мы два совершенно лѣтніе дня, 25-го и 26-го января, когда термометръ въ тѣни показывалъ десять градусовъ тепла.

([1]) Одесскій Вѣст. 1855 г., № 24.

Съ сентябрьскими, прошлогодними жарами разстались мы охотно, желая отъ души скорѣйшаго наступленія болѣе холоднаго времени, а по прошествіи ста дней, порадовались палящимъ лучамъ солнца, какъ неожиданной улыбкѣ красавицы, которая намъ на время измѣнила.... А теперь опять наступила сырая, дождливая погода; по улицамъ грязь непроходимая, такъ что бѣднымъ пѣшеходамъ приходится подъ часъ принимать самыя разнообразныя, самыя смѣшныя позы и выдѣлывать забавные пируэты, чтобъ перепрыгнуть съ одного камня на другой, положенный на перекресткѣ. Для облегченія этого горя, сапожники придумали калоши, высокія въ шесть и восемь вершковъ, а для военныхъ шьютъ сапоги въ родѣ ботфортъ, которые спасаютъ ихъ отъ сырости, а слѣдовательно и отъ простуды.

Незванные гости, проживающіе у насъ ровно пять мѣсяцевъ, не принимаютъ противъ Севастополя, къ сильной досадѣ нашей, ни какихъ рѣшительныхъ дѣйствій, и, какъ кажется, отложили наступательные подвиги свои до полнаго развитія весны. Со скуки принялись они, говорятъ, за изученіе русскаго языка: особенно это замѣтно въ палаткахъ англійскихъ офицеровъ. Богъ помощь имъ въ этомъ полезномъ начинаніи! Случайно, и, разумѣется, совершенно невольно, я, быть можетъ, самъ отчасти далъ средства развитію этой наклонности гг. офицеровъ, и вотъ какъ это случилось: въ первыхъ числахъ сентября, когда союзныя войска высаживались на Крымскомъ берегу, гусарскому гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полку, квартировавшему въ окрестностяхъ Симферополя, предписано было немедленно отправиться на рысьяхъ къ рѣкѣ Бельбеку, что возлѣ Севастополя. Предъ выступленіемъ въ походъ, одинъ корнетъ этого полка заѣхалъ ко мнѣ сказать объ отъѣздѣ, и прощаясь со мною, взялъ у меня три книжки русскихъ журналовъ и послѣдній романъ Евгеніи Туръ: «Три поры жизни», полученный мною въ подарокъ отъ самаго автора. Послѣ Бурлюкскаго сраженія, при переходѣ непріятеля съ Бельбека на южную сторону Севастополя, телѣга, въ которой заключались вещи моего знакомаго

корнета, въ томъ числѣ и мои книги, попала въ руки англійскаго офицера, который, вѣроятно, пользуется нынѣ захваченными журналами и романомъ, какъ руководствомъ къ познанію русскаго языка.

Евпаторія обложена нашими войсками со всѣхъ сторонъ. Непріятель укрѣпился въ ней, поставивъ вокругъ города пушки большаго калибра; гарнизонъ ея усилился недавно прибывшими турецкими войсками, которыя находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, испытавъ всѣ возможныя неудобства. По словамъ перебѣжавшихъ жителей, какъ въ Евпаторіи, такъ и въ Балаклавѣ, страшно свирѣпствуютъ цынга и холерный тифусъ. Многіе солдаты съ отмороженными руками и ногами оказываются неспособными къ дѣлу. Постоянная убыль войскъ чрезвычайно ослабила непріятельскую армію, и, не смотря на привозимыя къ ней подкрѣпленія, она находится не въ блестящемъ положеніи. Не повторится-ли съ защитниками луны исторія второй пунической войны и Аннибала въ Капуѣ? Конечно, роль Фабія *Кунктатора* достается не на долю лорда *Раглана* и генерала *Канробера*... Читая иностранныя газеты, нельзя не дивиться, какъ могутъ мудрѣйшіе враги наши соединить въ свой нравственный кодексъ высокія понятія о благородствѣ, чести, великодушіи, самоотверженіи съ корыстными правилами политики и вопіющею несправедливостью на каждомъ шагу. На словахъ, они выказываютъ себя едва-ли не выше восторженныхъ рыцарей среднихъ вѣковъ, — въ сущности, эта словесная мораль не имѣетъ ни какого вліянія на ихъ поступки. За нравственностью, ими проповѣдываемою, скрывается заранѣе составленный ими esprit de conduite, основанный на хитрости, криводушіи и притворствѣ... Видно на словахъ легче быть героемъ добродѣтели, нежели на дѣлѣ показать себя сколько нибудь порядочнымъ человѣкомъ. Я могъ бы разсказать вамъ сотню случаевъ, подтверждающихъ сказанное мною, но, боясь утомить читателей и возбудить въ нихъ горькія чувства, укажу только на безжалостное ограбленіе просвѣщенными сынами запада евпаторійскихъ помѣщиковъ, еще въ началѣ сентября. У

помѣщика П. П. *Умаица*, на землѣ котораго двѣ татарскія деревни лежатъ на берегу морскомъ, французскій отрядъ изъ трехъ сотъ человѣкъ, подъ начальствомъ двухъ офицеровъ, разграбилъ всѣ житницы и домъ управителя, захватилъ лошадей и весь рогатый скотъ, и не заплатилъ за все это ни одного сантима, тогда какъ въ первоначальной прокламаціи враги наши объявили, что ни чѣмъ не будутъ пользоваться безплатно.

А бѣдные, бѣдные жители Евпаторіи и Балаклавы! Чего они не испытали? Овладѣвши всѣмъ ихъ имуществомъ, непріятель морилъ ихъ голодомъ, посылая на тяжкія работы (1).

Н. Михно.

Подвигъ казаковъ донскаго № 56 полка, въ ночи съ 29-го на 30-е января 1855 года.

Между многими дѣлами примѣрнаго мужества, удальства и неустрашимости, которыми донцы ознаменовали себя въ настоящую войну, заслуживаетъ вниманія, по своей отважности, слѣдующій подвигъ, описанный въ рапортѣ, отъ 31-го января, г. наказному атаману войска донскаго, г. походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, въ Крыму находящихся, генералъ-маіоромъ *Красновымъ*. Вотъ его слова: № 56-го полка урядникъ (Пловайской станицы) *Калачовъ* съ казаками: (Распопинской) *Гордѣевымъ* и *Вормаевымъ*, (Усть-Медвѣдицкой), *Можаровымъ*. (Распопинской) *Зрянинымъ* и (Мигулинской) *Мирошкинымъ*, движимые духомъ молодечества, неоднократно пытались схватить непріятельскаго часоваго; но попытки эти, не смотря на всю изобрѣтательность казачьяго духа, какъ-то неудавались, потому что непріятельская ночная цѣпь, разставленная на валу, была очень бдительна, и часовые на валу стояли другъ отъ друга очень близко. Валъ этотъ, ограждающій весь лагерь, вышиною въ три аршина и ниже; слѣдовательно, обмануть бдительность часоваго и воспользоваться его

(1) Русск. Инв. 1855 г., № 47.

оплошностью было почти невозможно. Но чѣмъ больше препятствій, тѣмъ больше и рвенія. *Калачовъ* съ товарищими пустились на изобрѣтательность: пика, неизмѣнная подруга казака въ бояхъ, послужила имъ на этотъ разъ лучшимъ орудіемъ къ достиженію желаемой цѣли; загнувъ остріе ея крючкомъ, удалые охотники наши рѣшились снять часоваго, если не руками, такъ крючкомъ, и съ этимъ намѣреніемъ, въ ночи съ 29-го на 30-е января, отправились на поиски. Пройдя долину около пяти верстъ, донцы подошли къ горѣ; здѣсь уже нужно было ползти, дабы не быть замѣченными. Прппавъ къ землѣ, охотники наши тотчасъ раздѣлились на двѣ партіи, предполагая снять разомъ двухъ часовыхъ, и тихонько поползли къ непріятельскому валу. Казаки *Можаровъ*, *Зрянинъ* и *Мирошкинъ*, встрѣчая на пути камни и кусты, подвигались довольно медленно, опасаясь возбудить бдительность часоваго, а урядникъ *Калачовъ*, съ казаками *Гордѣевымъ* и *Воропаевымъ*, пользуясь чистотою мѣста, быстро подползли къ часовому въ ту самую минуту, когда онъ смѣнилъ товарища. Измѣривъ вышину вала, казаки рѣшили, что схватить этого часоваго можно и руками: исполненіе этого дѣла пало на долю казака *Гордѣева*. Выждавъ мгновеніе, когда часовой подошелъ къ нему очень близко, *Гордѣевъ* вдругъ приподнялся, бросился на него, схватилъ и кинулъ на руки товарищей, чтобъ зажимали ему ротъ; но французъ, падая стремглавъ на руки казаковъ успѣлъ однако же вскрикнуть, отъ чего часовой, стоявшій близъ него, быстро прибѣжалъ на крикъ и выстрѣливъ въ припоръ по казакамъ, возбудивъ тревогу по всей цѣпи. *Можаровъ*, съ товарищами, видя опасность *Калачова*, тотчасъ прибѣжали къ нему на помощь и, ставъ въ прикрытіи, готовились встрѣтить пулями первыхъ преслѣдователей. Потомъ удостовѣрившись, что *Калачовъ*, съ французомъ уже внѣ опасности, они сбѣжали съ горы и благополучно прибыли въ лагерь. Барабанный бой и движеніе войскъ слышны были въ непріятельскомъ лагерѣ до самаго разсвѣта» (¹).

(¹) Одесскій Вѣстн. 1855 г., № 44.

Минныя работы подъ Севастополемъ.

(1-е письмо изъ Севастополя, 23 января 1855 г.).

Вчера, въ $8^1/_2$ часовъ вечера, послѣдовалъ, по милости Божіей, весьма искусно произведенный подземный взрывъ въ нашей контръ-минѣ, предназначенный для поврежденія непріятельскихъ подкоповъ. Нашъ атакованный бастіонъ окруженъ въ настоящее время 22-мя минными рукавами, не считая отраслей; а потому, когда французская мина приблизилась по направленію на капиталь бастіона, работы въ ближайшихъ рукавахъ были прекращены и, между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ заложенъ былъ зарядъ изъ 12-ти пудовъ пороха. Непріятель, слыша работу въ отдаленныхъ рукавахъ, шелъ смѣло впередъ своею миною, не подозрѣвая того, что мы находимся такъ близко. Давъ ему пройти впередъ на сажень отъ заряда, произведенъ былъ этотъ взрывъ, отъ котораго земля надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ порохъ, поднялась шарообразно, аршина на три вверхъ и аршинъ на шесть въ поперечникѣ, и мгновенно опустилась. Вслѣдъ за страшнымъ подземнымъ гуломъ, изъ непріятельской траншеи (вѣроятно изъ колодца) показалось пламя; надъ землею же не видно было ни дыма, ни пламени. Трудно представить себѣ что́ либо удачнѣе въ этомъ родѣ, — Поборникъ правыхъ сердцемъ благословилъ наше дѣло. Слава Ему! (1).

(2-е письмо изъ Севастополя, 30 января 1855 г.).

Послѣ блестящаго предпріятія 22-го ч., Господь благословилъ наши минныя работы еще двумя событіями. — 26-го ч., въ 5 часовъ вечера, изъ ближайшей французской траншеи, показались два француза, сняли шапки и поклонились Послѣ того, въ $5^1/_2$ час. вечера, они зажгли свой камуфлетъ, положенный въ 12-ти саженяхъ отъ бывшаго нашего заряда. Но взрывъ, образовавъ сверху небольшую воронку, пошелъ назадъ,—и мгновенно изъ ихъ

(1) См. донесеніе князя Меншикова отъ 31 января.

траншейнаго колодца показались дымъ и пламя; слѣдовательно, французы работали во вредъ своей галереи. Это зрѣлище вызвало громкія фора нашихъ минеровъ изо рва бастіона. Тотчасъ послѣ этого, французская воронка занята и коронована была нашими штуцерными и минерами, и на томъ самомъ мѣстѣ, въ продолженіи всего дня 27-го числа и послѣдовавшей затѣмъ ночи, очищенъ былъ колодезь и заложенъ въ немъ зарядъ изъ 9-ти пудовъ пороха, взорванный 28-го числа въ 6 часовъ утра. Назначеніе его было достигнуто вполнѣ, потому что вся французская траншея мгновенно объята была пламенемъ и густыми клубами дыма. Этотъ новый ударъ привѣтствованъ былъ повторенными криками: «ура! пожаръ въ непріятельской траншеѣ!» нашихъ минеровъ. Благословеніе промысла надъ нами очевидно! Честь *Тотлебену* и инженеръ-штабсъ-капитану *Мельникову*! Этотъ достойный инженеръ, котораго прозвали «оберъ-кротъ», живетъ уже третій мѣсяцъ подъ землею, а *Тотлебенъ* — чудо! Нельзя не согласиться послѣ этого, что минная часть едва ли не доведена у насъ до высшаго совершенства, чѣмъ во всѣхъ прочихъ Европейскихъ государствахъ (¹).

Отрывокъ письма изъ Севастополя къ кн. О. В. У-му, отъ 20-го января 1855 года.

Ты просилъ меня написать тебѣ о Севастополѣ и о Бутырскомъ полкѣ; вполнѣ раздѣляя твои религіозно-патріотическія чувства, исполняю твое желаніе. Въ настоящее время Севастополь есть не что иное, какъ ряды огромныхъ укрѣпленій; куда ни обратишь взоръ,—повсюду видишь баррикады, усѣянныя бомбическими орудіями и мортирами. Каждый домъ Севастополя, прежде бывшій пріютомъ мирнаго гражданина, уставленный орудіями, съ прорѣзанными въ окнахъ бойницами, представляетъ теперь отдѣльную крѣпость. Вообще Севастополь для этихъ по-

(¹) Одесскій Вѣстн. 1855 г., № 15.

стыдныхъ защитниковъ луны — превосходно-устроенное орудіе казни. Въ особенности достоинъ замѣчанія — Корниловскій бастіонъ, прежде называвшійся Малаховымъ курганомъ. Это весьма большихъ размѣровъ возвышенность, съ которой видѣнъ весь англо-французскій лагерь. По словамъ плѣнныхъ, которыхъ забираютъ храбрые бутырцы, составляющіе его гарнизонъ, гигантскіе размѣры его укрѣпленій приводятъ лагерь англо-французовъ въ уныніе, мѣшая имъ будто въ глазу. Они же говорятъ, будто бы турки, работая въ англо-французскомъ лагерѣ противъ Корниловскаго бастіона, и съ трепетомъ взирая на него,— узнавши о разжалованіи своего главнокомандующаго *Сулеймана-паши* въ рядовые, «за храбрость» въ Крыму оказанную, говорили, указывая на этотъ бастіонъ: «лучше бы его за наказаніе отправить вонъ туда!» Въ укрѣпленіи Корниловскаго бастіона главными сотрудниками знаменитаго покойника были: контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ *Истоминъ* и полковникъ *Ползиковъ*; защитникомъ же — командиръ Бутырскаго полка, полковникъ Димитрій Петровичъ *Федоровъ*; они все время 5-го, 6-го, 7-го и 8-го октября находились на Корниловскомъ бастіонѣ, подъ безостановочнымъ градомъ бомбъ, ядеръ и конгревовыхъ ракетъ; первый, воодушевляя артиллеристовъ у него подъ командою находившихся, а послѣдній — ввѣренный ему полкъ, получившій въ Севастополѣ по истинѣ справедливое и заслуженное названіе храбрыхъ бутырцевъ; они служили примѣромъ истинно воинской доблести. Къ общему сожалѣнію, въ вылазкѣ 14-го октября, полковникъ *Федоровъ* былъ раненъ въ колѣно штуцерною пулею; но не смотря на столь опасную по видимому рану, Богъ привелъ его вскорѣ возвратиться къ долгу службы, такъ доблестно имъ исполняемому. Вѣрный долгу службы, онъ вѣренъ и религіи, какъ главной основѣ могущества Россіи и истиннаго счастія человѣка: узнавши, что въ Симферополь привезена преосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, чудотворная икона Касперовской Божіей Матери, онъ пожелалъ поклониться ей обще съ любимымъ имъ полкомъ. По прибытіи священ-

ника съ чудотворной иконой въ Севастополь къ мѣсту расположенія полка, былъ тотчасъ отслуженъ молебенъ въ домѣ полковника *Федорова*, а на другой день служили молебенъ для храбрыхъ служивыхъ. И мнѣ привелось быть во время молебна и поклониться чудотворной иконѣ: отрадно было моему русскому сердцу видѣть съ умиленіемъ молящихся старыхъ, но сильныхъ духомъ во брани, служивыхъ, изъ которыхъ бо́льшая половина была съ Анненскими крестами, золотыми и серебряными медалями за прослуженіе болѣе 25 лѣтъ съ надписью «за усердіе»; между ними много было и Георгіевскихъ кавалеровъ, вновь отмѣченныхъ богатырей кампаніи 1853 и 1854 годовъ, дышащихъ отвагою Суворовскихъ временъ. Да, любезный другъ, у русскаго солдата въ крови—любовь къ Богу и къ Его Царю-Помазаннику, заботы и попеченія котораго о своихъ воинахъ безграничны и неисчислимы; притомъ русскій солдатъ благородно гордъ, и за козни противъ любимаго имъ отечества, которому онъ служитъ вѣрою и правдою, онъ готовъ на всѣ пожертвованія и лишенія, и съ твердостію и съ радостію принимаетъ вѣнецъ мученика. Въ заключеніе скажу, что направленіе умовъ въ Севастополѣ таково, что мы считаемъ себя счастливыми именно потому, что намъ досталось въ удѣлъ поднять мечъ на защиту роднаго края (¹).

Iод. Б. П. В. Р.

Циркулярная депеша графа Нессельрода отъ 5-го февраля 1855 г. о приступленіи Сардиніи къ Западнымъ державамъ.

«Въ публичныхъ газетахъ пишутъ о конвенціи, которою Сардинское Правительство обязалось принять, вмѣстѣ съ Франціею и Англіею, участіе въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ противъ Крыма.

«Въ циркулярной депешѣ, отправленной по Высочайшему повелѣнію Его Величества Государя Императора къ

(¹) Одесскій Вѣстн. 1855 г., № 24.

Россійскимъ посланникамъ въ чужихъ краяхъ, изложено, какимъ образомъ Императорскій Кабинетъ судитъ о семъ наступательномъ дѣйствіи со стороны державы, которая донынѣ находилась съ Россіею въ мирныхъ отношеніяхъ.

Циркуляръ.

С.-Петербургъ, 5-го февраля 1855 г.

«Милостивый государь! Не сомнѣваемся въ томъ, что ...скій Дворъ раздѣлитъ мнѣніе Его Величества Государя Императора, о политикѣ Е. В. короля Сардинскаго, который нынѣ, безъ гласной причины, безъ законнаго повода, безъ малѣйшаго даже вида нарушенія прямыхъ выгодъ его державы, отдалъ въ распоряженіе Англіи пятнадцатитысячный корпусъ своей арміи для вторженія въ Крымъ...

«Рѣшась на это дѣйствіе, Сардинское Правительство, какъ кажется, предоставило публичнымъ газетамъ извѣстить насъ о нападеніи, котораго оно не разсудило за благо оправдать объявленіемъ войны.

«Понимаемъ причины сего молчанія.

«Туринскому Двору, какъ мы полагаемъ, трудно было бы примирить свою политику съ національнымъ чувствомъ своей страны; равномѣрно было бы ему затруднительно согласовать нынѣшнее свое поведеніе съ старинными воспоминаніями Савойскаго дома.

«Оно могло бы, въ лѣтописяхъ своей исторіи, найти воспоминаніе о переходѣ Россійской арміи чрезъ Альпы, но для защиты Піемонта, а не для нападенія на него.

«Въ совѣщаніяхъ Кабинетовъ Европы, въ царствованіе блаженныя памяти Императора Александра, Россія же усердно поддерживала независимость Сардиніи, при возстановленіи Савойскаго Дома на престолѣ его предковъ.

«Должно ли напомнить еще, что въ то же время была присоединена къ Сардинскому Королевству Генуа, потому что Императорскій Кабинетъ признавалъ необходимость обезпечить въ одно время и коммерческое преуспѣяніе, и величіе страны, къ освобожденію которой отъ чуждаго владычества способствовало Россійское оружіе.

Нынѣ, предавъ забвенію всѣ уроки прошедшаго времени, Туринскій Дворъ, отправляетъ противъ насъ изъ сего самаго порта Генуи, непріязненную экспедицію, которой Россія, по совѣсти своей не вызывала.

«Принятое такимъ образомъ положеніе Сардинскаго Правительства, безъ формальнаго объявленія войны, какъ мы сіе изложили, заставляетъ насъ сомнѣваться и въ томъ, какъ назвать вспомогательную силу, назначенную для вторженія въ наши предѣлы подъ знаменами страны, съ которою мы доселѣ жили въ мирѣ.

«Между тѣмъ, если Туринскій Дворъ выпускаетъ изъ виду правила и обычаи, освященные народнымъ правомъ въ числѣ неизмѣнныхъ основаній международныхъ сношеній державъ, Его Величество Государь Императоръ съ своей стороны, тщится исполнять оныя.

«Въ семъ намѣреніи Его Величество считаетъ обязанностью объявить, что миръ нарушенъ по праву и на дѣлѣ, гласнымъ непріязненнымъ дѣйствіемъ, коего вина падаетъ на Правительство Сардинское.

«Предоставляемъ ему отвѣтствовать въ томъ предъ мнѣніемъ своей страны, предъ безпристрастнымъ судомъ всей Европы.

«Дружественнымъ съ нами державамъ предлежитъ преимущественно оцѣнить поведеніе Сардинскаго Двора, который счелъ приличнымъ и добросовѣстнымъ обратить противъ насъ оружіе въ то самое время, когда Императорскій Кабинетъ вступалъ въ Вѣнѣ въ сужденія для открытія пути къ возстановленію мира.

«Туринскій Кабинетъ, по видимому, не понялъ желаній, имѣющихъ въ виду сіе примиреніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ то самое время, когда правительства центра Европы благоразумно противопоставляли свою законную власть для воспрепятствованія одной изъ воюющихъ державъ къ набору своихъ легіоновъ среди державъ желающихъ внушить уваженіе къ своему нейтралитету и совершенной независимости, Сардинское правительство, менѣе ихъ жалѣя кровь Италіи, соглашается проливать ее за дѣло, чуждое политическимъ и религіознымъ выгодамъ ея націи, ибо,

по совѣсти, нельзя сказать, чтобъ савойскій домъ, развивая свои знамена подлѣ знаменъ полумѣсяца, искалъ чести служить дѣлу христіанства.

«Нельзя будетъ сказать и того, что онъ имѣлъ въ виду защиту слабаго противъ сильнаго, присоединяя свое оружіе къ оружію Франціи и Англіи.

«Если полученныя нами свѣдѣнія вѣрны, эта послѣдняя держава беретъ сардинскія войска подъ свое начальство. Не говоримъ: на свое жалованье, ибо не желаемъ оскорбить національнаго чувства страны, съ которою, къ сожалѣнію нашему, будемъ въ войнѣ.

«Не смотря на сію необходимость, Государь Императоръ желаетъ охранить частныя выгоды сардинскихъ подданныхъ, которые находятся издавна въ коммерческихъ сношеніяхъ съ Россіею. Ошибка ихъ правительства не падетъ на нихъ. Собственность ихъ будетъ уважаема. Они могутъ оставаться въ имперіи въ совершенной безопасности, подъ покровительствомъ нашихъ законовъ, доколѣ будутъ съ ними сообразоваться. Но флагъ сардинскій не будетъ уже отъ нынѣ пользоваться преимуществами, принадлежащими единственно коммерческимъ судамъ державъ нейтральныхъ. Назначенъ будетъ срокъ для отплытія сардинскихъ судовъ, которыя могли бы находиться нынѣ въ портахъ Имперіи. Отнынѣ консулы Сардинскіе въ Россіи признаваемы не будутъ. Русскимъ агентамъ, пребывающимъ въ Генуѣ и въ Ниццѣ, равномѣрно предписано будетъ прекратить исполненіе ихъ должностей, по нарушеніи Сардинскимъ правительствомъ мира, приступленіемъ его къ союзному трактату, заключенному 10-го апрѣля 1854 года между Великобританіею и Франціею.

«Его Величество Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ мнѣ извѣстить о сихъ рѣшеніяхъ всѣ дружественныя державы.

«Въ слѣдствіе сего повелѣнія, предлагаю вамъ, м. г., довести настоящій циркуляръ до свѣдѣнія правительства, при которомъ вы имѣете честь быть акредитованы.

Примите, и пр.

Подписано *Нессельродъ.*

Донесеніе кн. Меншикова о дѣлѣ подъ Евпаторіею.

Изъ донесенія генералъ-адъютанта князя *Меншикова* отъ 31-го января, извѣстно, что высаженныя въ Евпаторіи турецкія войска предпринимали 22-го числа того же мѣсяца наступательное движеніе къ дер. Сакамъ, въ числѣ болѣе 10,000 человѣкъ.

Дабы узнать, въ какихъ именно силахъ непріятель занимаетъ Евпаторію и не представляется ли возможности его оттуда выбить, князь *Меншиковъ* предписалъ генералъ-лейтенанту *Хрулеву*, съ частью войскъ, въ окрестностяхъ города расположенныхъ, произвести противъ онаго, 5-го февраля, усиленную рекогносцировку.

Предназначенныя для сего войска приблизились къ Евпаторіи на разстояніи 250 сажень и открыли по ней перекрестный артиллерійскій огонь.

Непріятель отвѣчалъ сильною канонадою изъ укрѣпленій, городъ окружающихъ; но, не смотря на это, дѣйствіе нашей артиллеріи было столь удачно, что у непріятеля въ короткое время взорвано пять зарядныхъ ящиковъ и подбито нѣсколько орудій.

Увлеченные симъ успѣхомъ, 3-й и 4-й баталіоны Азовскаго пѣхотнаго полка, баталіонъ греческихъ волонтеровъ и три сотни Донскаго № 61-го Жирова полка, подошли къ самому городу и, пользуясь мѣстными закрытіями, завязали съ непріятелемъ живую перестрѣлку; но генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*, удостовѣрившись, что въ Евпаторіи находится до 40,000 войска, при 100 орудіяхъ, и что дальнѣйшія съ нашей стороны усилія не обѣщали никакихъ важныхъ послѣдствій, приказалъ войскамъ выйти изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Трудное это движеніе исполнено было ими въ примѣрномъ порядкѣ.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ простирается до 500 чел. убитыми и ранеными. Уронъ непріятеля, по всей вѣроятности, гораздо значительнѣе, ибо войска его, стѣсненныя въ узкихъ улицахъ, долгое время находились подъ жестокимъ огнемъ нашей артиллеріи, пронизывавшей городъ своими снарядами.

Подъ Севастополемъ осадныя работы непріятеля по 7-е февраля не подвинулись. Французы пытаются устроить новыя батареи и безпрерывно встрѣчаютъ сильное съ нашей стороны сопротивленіе. Огонь нашъ наноситъ непріятелю значительный вредъ; 1-го же числа февраля взорванъ во французскихъ траншеяхъ пороховой погребъ (1).

Прибытіе изъ Одессы въ Крымъ греческихъ волонтеровъ и участіе ихъ въ дѣлѣ подъ Евпаторіею, въ февралѣ 1855 года.

(Письмо въ редакцію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей изъ Симферополя, отъ 24-го февраля 1855 года).

Въ настоящее время вѣсти изъ Крыма занимаютъ не только Россію, но и всю Европу. Я не корреспондентъ вашъ, но, какъ крымскій уроженецъ и постоянный подписчикъ издаваемой вами газеты, считаю неизлишнимъ сообщить вамъ о смерти греческаго волонтера, капитана *Стамати*, павшаго добровольно за Вѣру Православную. Послѣ того, какъ русскія войска двинулись въ Придунайскія княжества, греки, живущіе въ разныхъ мѣстахъ европейской Турціи, видя покровительство Россіи въ защиту Православія на Востокѣ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ вооружившись, отправились къ командующему дунайскою арміею генералъ-адъютанту князю *Горчакову*. Тамъ они были употреблены въ дѣло подъ Силистріею; но когда русскія войска перешли обратно чрезъ Дунай, тогда греки просили князя *Горчакова* отправить ихъ въ Крымъ къ князю *Меншикову*. Желаніе ихъ было исполнено, и передовой отрядъ изъ 750 человѣкъ прибылъ въ Перекопъ 1-го числа февраля, а на другой день, по распоряженію генералъ-лейтенанта *Богушевскаго*, они были отправлены къ командующему войсками близъ Евпаторіи, генералъ-лейтенанту *Хрулеву*. 4-го февраля греки прибыли на мѣсто, а 5-го, въ 3 часа по-полуночи, пошли на приступъ Евпаторіи и были уже во 100 саж. отъ городской стѣны, но,

---

(1) Русскій Инвал. 1855 г., № 35.

по приказанію генерала *Хрулева*, были остановлены, потому что энтузіазмъ велъ ихъ впередъ безъ всякаго разсчета. Здѣсь ранены два ротныхъ командира *Хрисовери* и *Стамати* и 30 рядовыхъ, которыхъ на другой день привезли въ Симферополь; изъ нихъ капитанъ *Стамати* умеръ отъ ранъ 13-го февраля, въ 10 часовъ по-полуночи, и 14-го числа, въ 11 часовъ по-полуночи, вынесли его въ греческую Свято-Троицкую церковь. Въ городѣ не осталось ни одного грека, который не спѣшилъ бы въ церковь, чтобы отдать послѣдній долгъ герою, павшему на полѣ брани за Вѣру Православную. Я пришелъ за часъ до благовѣста и засталъ уже болѣе 100 душъ русскихъ и грековъ, и когда принесли въ церковь покойника, тогда народъ не могъ уже помѣститься въ церкви, а стоялъ на паперти и на крыльцѣ. По окончаніи панихиды, настоятель, священникъ Николай *Паксимади*, началъ говорить рѣчь, но не могъ окончить, потому что залился слезами и исторгнулъ такія же слезы у всѣхъ присутствовавшихъ. Когда провозгласили: «пріидите послѣднее цѣлованіе» тогда всякій спѣшилъ приложиться къ покойному, и я ожидалъ цѣлый часъ, пока очередь дошла до меня. Хотя рѣчь священника и не была окончена, но я прилагаю при семъ переводъ ея, столько, сколько было имъ сказано. На другой день я посѣтилъ всѣхъ раненыхъ грековъ. Они были очень рады видѣть человѣка, который могъ говорить съ ними на природномъ языкѣ. Капитанъ *Хрисовери* очень хорошо образованъ, знаетъ иностранные языки, но по-русски говоритъ очень мало и плохо. Офицеры помѣщаются въ домѣ статскаго совѣтника *Мейера*, а рядовые—въ домѣ дворянскаго собранія. Какъ тѣ, такъ и другіе не на хвалятся хорошимъ присмотромъ и усерднымъ леченіемъ докторовъ, въ особенности инспектора врачебной управы А. Ф. *Арендта*. Они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выздоровленія, чтобы поскорѣе сразиться съ непріятелемъ и отмстить за смерть капитана *Стамати*. Они мнѣ говорили, что на дняхъ ожидаютъ еще одинъ полкъ, подъ командою подполковника Папа *Афанисопуло*.—Вотъ рѣчь, сказанная священникомъ Николаемъ *Паксимади* при погребеніи капитана *Стамати*: «Возлюб-

лепные братія! Вы собрались сюда, чтобы отдать послѣдній долгъ собрату вашему капитану *Стамати*, который, имѣя отъ роду 36 лѣтъ, оставилъ мать, жену и дѣтей и изъ дальнихъ мѣстъ Греціи пришелъ въ Россію, чтобы достойно отблагодарить русскаго Императора за покровительство, оказанное грекамъ на Востокѣ въ защиту Православія; хотя онъ ничего полезнаго не успѣлъ сдѣлать, но за то пожертвовалъ жизнію и палъ, какъ герой, за Вѣру Православную. Помолимся всѣ объ успокоеніи души его» ([1]).

К. Спунди.

Донесеніе князя Меншикова о заложеніи передовыхъ редутовъ.

Отъ генералъ-адъютанта князя *Меншикова* получено донесеніе, что въ ночи съ 9-го на 10-е число февраля, впереди лѣваго фланга севастопольскихъ укрѣпленій, на отлогости Сапунъ-горы, образующей правый берегъ Киленъ-балки, нами заложенъ былъ редутъ, дабы противопоставить новое препятствіе успѣху осадныхъ работъ. Предпріятіе это исполнено было съ такою внезапностію, что непріятель не успѣлъ оказать намъ никакого сопротивленія и, простоявъ цѣлую ночь въ ружьѣ, только съ разсвѣтомъ открылъ перестрѣлку съ нашими штуцерными.

Спустя два дня, въ ночь съ 12-го на 13-е число, онъ рѣшился однако атаковать означенный редутъ значительными силами, но нападеніе его было блистательнымъ образомъ отбито Селенгинскимъ и Волынскимъ пѣхотными полками, подъ командою генералъ-маіора *Хрущова*. По показанію плѣнныхъ, непріятель понесъ уронъ до 600 человѣкъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ около 340 однихъ зуавовъ. Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 67, ранено и контужено: оберъ-офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 205.

Дѣйствія осаждающихъ противъ севастопольскихъ укрѣп-

([1]) С.-Петерб. Вѣд. 1855 г., № 64.

леній продолжались въ послѣднее время вообще весьма слабо; минныя же ихъ работы пріостановлены.

Въ окрестностяхъ Евпаторіи, послѣ усиленной рекогносцировки, произведенной генералъ-лейтенантомъ *Хрулевымъ* 5-го февраля, ничего новаго не происходило ([1]).

Въ послѣднемъ извѣстіи о дѣйствіяхъ подъ Севастополемъ, сообщено было о заложеніи войсками нашими редута на отлогости Сапунъ-горы, образующей правый берегъ Киленъ-балки.

По полученному нынѣ донесенію генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, отъ 17-го февраля, постройка этого редута приведена къ совершенному окончанію, а въ ночь съ 16-го на 17-е число, дабы еще болѣе вредить осаждающимъ, заложенъ впереди прежняго, новый редутъ надъ Георгіевскою балкою.

Ночныя наши работы не были непріятелемъ замѣчены. а открытый съ разсвѣтомъ ружейный огонь изъ его ложементовъ не могъ уже помѣшать нашему предпріятію.

Оба редута по имени полковъ, ихъ возводившихъ, названы: первый—Селенгинскимъ, а второй—Волынскимъ.

Минныя галереи непріятеля противъ севастопольскихъ укрѣпленій не подвигаются.

Подъ Евпаторіей ничего замѣчательнаго не происходило ([2]).

Въ дополненіе къ извѣстію изъ Крыма, о нападеніи непріятеля на Селенгинскій редутъ, въ ночь съ 11-го на 12-е число, сообщается извлеченіе изъ рапорта генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена*, бывшему главнокомандующему военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму, отъ 15-го февраля № 26-й, заключающее въ себѣ описаніе подробностей сего дѣла.

Къ вечеру 11-го февраля, войска, предназначенныя для довершенія постройки редута, заложеннаго въ предше-

---

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 40.
([2]) Русск. Инвал. 1855 г., № 44.

ствовавшую ночь, расположены были слѣдующимъ образомъ:

Селенгинскій пѣхотный полкъ находился въ редутѣ: 4-й баталіонъ на работѣ, 2-й и 3-й внутри укрѣпленія, а 1-й во рву.

Баталіоны Волынскаго пѣхотнаго полка были выдвинуты для прикрытія работъ: 4-й, въ ротныхъ колоннахъ, за устроенными впереди редута ложементами, 1-й и 2-й правѣе, и 3-й лѣвѣе редута, въ колоннахъ къ атакѣ.

Въ 2 часа ночи, по захожденіи луны, дотолѣ ярко освѣщавшей окрестную мѣстность, пластуны Черноморскаго казачьяго № 8-го баталіона, занимавшіе секреты передъ нашими ложементами, дали знать, что непріятельскія колонны строятся впереди траншей. Въ ту самую минуту, цѣпь 10-й и 11-й мушкетерскихъ ротъ Волынскаго полка открыла сильный огонь, а командовавшій обоими полками генералъ-маіоръ *Хрущовъ* двинулъ впередъ 1-й и 2-й баталіоны Волынскаго полка, стоявшіе въ ружьѣ по правую сторону редута; но услышавъ, что непріятель, проникнувшій въ промежутокъ между 2-мъ и 3-мъ баталіонами, бросился уже на редутъ, онъ завелъ первые два баталіона правымъ плечемъ, и тогда какъ кровопролитный рукопашный бой кипѣлъ уже во рву, атаковалъ непріятельскія колонны во флангъ и въ тылъ. Непріятель тотчасъ же былъ отбитъ, заваливъ ровъ своими трупами.

Въ тоже время 3-й баталіонъ и 12-я мушкетерская рота Волынскаго полка, находившіеся на лѣвомъ флангѣ, отразили нападеніе другой колонны, которая подавалась лѣвѣе редута.

Генералъ-маіоръ *Хрущовъ* воспользовался этимъ успѣхомъ и приказалъ бить наступленіе. Удалые волынцы, подъ личнымъ его предводительствомъ, быстро устремились впередъ, поражая штыками зуавовъ и флотскихъ солдатъ, силившихся остановить ихъ натискъ. Долго длилась борьба, но русскій штыкъ превозмогъ стойкость непріятеля, который въ безпорядкѣ побѣжалъ къ своимъ траншеямъ.

Между тѣмъ полковникъ *Сабашинскій*, съ 1-мъ бата-

ліономъ ввѣреннаго ему Селенгинскаго полка, вышелъ изъ-за праваго фаса редута и спѣшилъ на помощь товарищамъ. Къ нему присоединились 4-я гренадерская, 10-я и взводъ 11-й мушкатерской роты Волынскаго полка, подъ командою полковника *Свищевскаго*. Войска сіи, съ барабаннымъ боемъ, бросились по саперной дорогѣ;—отыскивая въ ночной темнотѣ боровшихся съ непріятелемъ волынцевъ, они встрѣтили французскую колонну, спѣшившую на помощь къ зуавамъ, и опрокинули ее въ лощину, подъ выстрѣлы нашихъ батарей и пароходовъ.

Два раза непріятель хотѣлъ перейти въ наступленіе, и оба раза съ урономъ былъ опрокидываемъ къ своимъ траншеямъ. Наконецъ, послѣ часоваго рукопашнаго боя, въ теченіи котораго русскіе барабаны не переставали бить колонный маршъ, непріятель принужденъ былъ отступить рѣшительно, оставивъ въ нашихъ рукахъ болѣе ста тѣлъ, изъ коихъ 8 офицерскихъ;—кромѣ того, войсками нашими взято въ плѣнъ 24 человѣка, въ томъ числѣ 5 офицеровъ. Вообще непріятель потерялъ не менѣе 600 человѣкъ, ибо при отступленіи, онъ подвергался жестокому огню съ сосѣднихъ бастіоновъ и стоявшихъ на рейдѣ пароходовъ: «Владиміра», «Херсонеса» и «Громоносца».

Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 65, ранено: оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 236 (1).

Приказъ генералъ-адъютанта князя Меншикова о дѣлѣ съ 11-го на 12-е февраля 1855 года.

На сѣверной сторонѣ Севастополя, февраля 12-го дня 1855 года, № 48.

Товарищи! Воздвигаемый нами, но неоконченный еще редутъ между Георгіевскою и Килень-балкою, доставилъ уже случай, нѣкоторымъ изъ нашихъ сослуживцевъ помѣряться съ врагомъ въ упорномъ бою и порадовать всѣхъ насъ блистательнымъ успѣхомъ!

---

(1) Русскій Инвал. 1855 г., № 45.

Въ минувшую ночь, отборное непріятельское войско: изъ зуавовъ, венсенскихъ стрѣлковъ, морскаго баталіона и другихъ охотниковъ, составившихъ значительный отрядъ, съ полевою артиллеріею въ резервѣ, стремительною атакою на неоконченныя еще работы, задумали сбить насъ съ избранной нами для редута мѣстности.

Храбрые товарищи наши четырехъ баталіоновъ Волынскаго пѣхотнаго полка и трехъ баталіоновъ Селенгинскаго, равно какъ и черноморскіе пластуны встрѣтили ихъ батальнымъ огнемъ и ударили въ штыки! Съ отчаяніемъ и упорствомъ три раза французы повторяли свой натискъ. Штыки и рукопашный бой порѣшили дѣло! Непріятель съ значительною потерею, въ особенности офицеровъ, коихъ найдено у одного только рва редута 8 убитыми и 4 ранеными, былъ отброшенъ въ бѣгство къ своей позиціи.

Относя такой достославный отпоръ отчаяннаго непріятельскаго покушенія, къ храбрости, хладнокровію и распорядительности общаго начальника войскъ, въ редутѣ находившихся, генералъ-маіора *Хрущова*, — мнѣ искренно пріятно поздравить его съ подвигомъ молодецкаго дѣла, въ которомъ всѣ ввѣренные ему чины оправдали ожиданіе Государя Императора.—Объявляю генералъ-маіору *Хрущову* мою душевную признательность, равно и командиру Селенгинскаго полка полковнику *Сабашинскому*, мужественно содѣйствовавшему успѣху, а также и всѣмъ гг. офицерамъ, съ честью и достойно исполнившимъ свой долгъ; нижнимъ же чинамъ мое русское солдатское спасибо!

Пославъ молодцамъ для выдачи 25 знаковъ отличія военнаго ордена,—ожидаю дальнѣйшихъ представленій объ оказавшихъ особенные подвиги, какъ гг. офицерахъ, такъ и нижнихъ чинахъ, чтобы достойно наградить ихъ и свидѣтельствовать о заслугахъ ихъ предъ Государемъ Императоромъ.

Объ успѣшномъ отпорѣ этомъ дѣлаю извѣстнымъ по всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ войскамъ ([1]).

Подписалъ: Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ*.

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 54.

Посѣщеніе Селенгинскаго редута, по отбитіи штурма 12-го февраля 1855 года, Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ.

(Составлено по разсказу В. Тима).

Въ ночи съ 12-го на 13-е февраля, на Сѣверной сторонѣ Севастополя, была ясно слышна, со стороны Киленъ-Балки, сильная перестрѣлка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ. Еще до разсвѣта явился къ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ адъютантъ барона *Остенъ-Сакена*, баронъ *Гротгусъ*, и донесъ о новомъ, удачномъ для нашихъ войскъ отбитіи непріятельскаго нападенія на Селенгинскій редутъ.

Ихъ Императорскія Высочества изволили говѣть на истекшей предъ тѣмъ недѣлѣ, и 13-го февраля, въ седьмомъ часу утра, пріобщались святыхъ таинъ во временно устроенной въ сѣверномъ укрѣпленіи походной церкви.— До возвращенія Ихъ Высочествъ на свою квартиру, туда уже былъ представленъ, адъютантомъ барона *Остенъ-Сакена*, княземъ *Мещерскимъ*, одинъ изъ французскихъ офицеровъ зуавовъ, капитанъ *Піеръ*. Онъ былъ единственный изъ непріятельскихъ офицеровъ, взятый въ плѣнъ въ этомъ дѣлѣ нераненымъ. Капитанъ былъ мужчина среднихъ лѣтъ, испытанный африканскій воинъ, крайне сожалѣвшій о своей неудачѣ: сильный ударъ прикладомъ свалилъ его съ ногъ, и не успѣлъ онъ опомниться, какъ уже былъ схваченъ нашими молодцами. Капитанъ *Піеръ* бранилъ своихъ солдатъ, зачѣмъ они невыручили своего капитана, но, вспомнивъ о своей любимой лошадкѣ, горько зарыдалъ. До пріѣзда Ихъ Императорскихъ Высочествъ я оставался съ нимъ около получаса на единѣ, и утѣшалъ его какъ умѣлъ. Онъ успокоился и объявилъ, что чувствуетъ себя крайне утомленнымъ послѣ жестокаго ночнаго боя. Французскій капитанъ былъ по колѣно въ грязи, въ довольно толстой солдатской шинели, и повязанъ на шеѣ толстымъ шерстянымъ кушакомъ. Знаки его офицерскаго званія можно было видѣть только на его красномъ кепи (родъ фуражки), обшитомъ тонкимъ золотымъ снуромъ. Я

просилъ его прилечь, хотя на короткое время, на моемъ диванѣ и приготовилъ ему подушку. Онъ учтиво отказался, сказавъ, что ему не до сна, но чрезъ нѣсколько минутъ противъ воли заснулъ. Пріѣздъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ разбудилъ его. Ласковый пріемъ Великихъ Князей и предложеніе ихъ сегодня же отправить письмо его съ парламентеромъ во французскій лагерь, видимо успокоили капитана, и онъ съ большимъ аппетитомъ выпилъ предложенный ему стаканъ горячаго чая.

Въ непродолжительномъ времени послѣ сего, Ихъ Императорскія Высочества отправились верхомъ къ баракамъ, куда уже была перевезена съ Селенгинскаго редута часть раненыхъ въ этомъ дѣлѣ, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ. На пути къ баракамъ, я зашелъ въ большой деревянный сарай, находившійся, у сухой балки, въ который обыкновенно складывали тѣла убитыхъ. Тамъ я нашелъ нѣсколько десятковъ храбрыхъ, нашихъ и непріятельскихъ, которые лежали на полу мирно, одинъ подлѣ другаго. У головъ нашихъ покойниковъ, у каждаго, горѣла свѣчка. Затѣмъ я поспѣшилъ къ баракамъ, и прибылъ еще до отъѣзда Ихъ Высочествъ. Здѣсь я былъ свидѣтелемъ, какъ ласково и утѣшительно для пострадавшихъ, Государи Великіе князья разспрашивали раненыхъ о ихъ славныхъ подвигахъ, и благодарили за ихъ вѣрную службу. Въ числѣ нашихъ раненыхъ былъ молодой солдатъ: у него на груди и ногахъ было болѣе пятнадцати штыковыхъ ранъ, но, благодаря полушубкамъ, бывшихъ у нашихъ солдатъ подъ шинелями, штыковыя раны, наносимыя французами, были не очень опасны. Съ самомъ дѣлѣ этотъ молодой солдатъ на третій день выписался изъ госпиталя, и вступилъ вновь въ ряды своихъ храбрыхъ товарищей.—Изъ палаты нашихъ раненыхъ, Ихъ Высочества перешли въ отдѣленіе раненыхъ плѣнныхъ непріятелей, гдѣ зрѣлище было ужаснѣе: стоны и крики не умолкали. Изъ числа непріятелей нѣкоторые были съ страшными ранами, почти все штыковыми; здѣсь я насчиталъ около двѣнадцати человѣкъ зуавовъ; въ числѣ ихъ находился капитанъ зуавовъ *Лесажъ*, сѣдовласый, но

бодрый мужчина. Не смотря на свою простреленную ногу, онъ былъ веселъ, и извинялся предъ Ихъ Высочествами, что представляется имъ въ подобномъ положеніи. Капитанъ *Лесажъ* много шутилъ, говорилъ, что ему уже болѣе не танцовать, и проч. На предложеніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ: не желаетъ ли онъ написать къ своимъ, и что если не въ силахъ, то къ нему будетъ присланъ офицеръ, знающій французскій языкъ, капитанъ *Лесажъ* вздохнулъ, принялъ съ благодарностью сіе предложеніе, и представилъ просьбу: нельзя ли будетъ отыскать амулетъ его, подарокъ матери, который онъ потерялъ въ дѣлѣ, по полученіи раны, говоря, что это вещь для него очень цѣнна, дорога. По приказанію Ихъ Высочествъ, произведено было изслѣдованіе, и оказалось, что амулетъ найденъ однимъ солдатомъ Селенгинскаго полка. Между тѣмъ *Лесажу* сдѣлана была операція: отнята лѣвая нога выше колѣна, и когда ему принесли найденное его сокровище, онъ уже лежалъ въ бреду. На слѣдующій день капитанъ *Лесажъ* скончался.

Въ числѣ раненыхъ зуавовъ, я замѣтилъ у нѣкоторыхъ чудныя, прелестныя лица, напримѣръ у двухъ сержантовъ. Одинъ изъ нихъ лежалъ тихо, страдалъ молча, и съ призрѣніемъ смотрѣлъ на все, окружавшее его. Другой, смуглый молодой человѣкъ, былъ прелестной наружности. Онъ постоянно стоналъ. Раздирающимъ душу голосомъ, онъ умолялъ ускорить его смерть, просилъ дать ему яда. Страданія его не были продолжительны: чрезъ нѣсколько часовъ онъ скончался. Искуство врачей не могло пособить ему: рана его, въ нижнюю часть живота, была смертельная.

Изъ палатъ раненыхъ, Ихъ Императорскія Высочества спустились къ Севастопольской бухтѣ, гдѣ лихая осьмерка, съ парохода «Владиміръ», быстро перенесла ихъ со свитою къ Киленъ-Балкѣ, и остановилась у пловучаго мостика. Здѣсь мы поднялись по крутизнѣ горы къ Селенгинскому редуту. По близости его открылось зрѣлище, которое передано мною, по возможности, на рисункѣ № 8-го русскаго художественнаго листка. Слишкомъ девяносто

тѣлъ непріятельскихъ, преимущественно зуавовъ, и въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ, лежали въ два ряда, въ томъ порядкѣ, какъ они изображены на рисункѣ. На многихъ были видны страшныя раны, все штыковыя, у другихъ же черепа были разбиты ружейными прикладами. Въ первомъ ряду, вторымъ (отъ зрителя) лежалъ тотъ офицеръ, который бросился было на генералъ-маіора *Хрущова*, но былъ убитъ штабъ-горнистомъ (см. рисунокъ № 7-го Художественнаго Листка). При тѣлахъ находился нашъ почетный караулъ. Вблизи уже изготовлялась для нихъ огромная могила. Далѣе, на покатости горы, лежали тѣла (до пятидесяти) нашихъ храбрецовъ. Ихъ видъ былъ страшенъ, ибо наушники изъ чернаго сукна, бывшіе на нихъ во время боя, оттѣняли рѣзкимъ образомъ блѣдность ихъ лицъ. Сослуживцы со слезами прощались съ усопшими. Ихъ Императорскія Высочества Великія Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ съ умиленіемъ обошли ряды убитыхъ. Въ свитѣ Ихъ Величествъ, какъ изображено на рисункѣ № 8-го, находились генералъ-адъютантъ *Философовъ*, полковникъ *Билламовъ*, полковникъ *Краснокутскій*, поручикъ графъ *Шуваловъ*, а нѣсколько далѣе флигель-адъютантъ князь *Кропоткинъ*, и вашъ покорнѣйшій слуга.

Мы оставили это новое кладбище. Вблизи готовилось зрѣлище другаго рода, отраднѣе только что покинутаго. У покатости горы, ближе къ бухтѣ, отдыхали въ живописныхъ группахъ участники славнаго дѣла. Кто чистилъ свое ружье, кто наслаждался своимъ скромнымъ завтракомъ, кто перевязывалъ рану себѣ или товарищу, — словомъ, дивная картина изъ боеваго быта, и сверхъ всего прелестно освѣщенная восходившимъ солнцемъ. Утро было чудное! Видъ войска, послѣ такого блистательнаго для него дѣла, представляетъ особенно торжественную картину, но она поразила меня, такъ сказать, электрическимъ ударомъ, когда храбрецы огласили воздухъ своимъ привѣтствіемъ Ихъ Высочествамъ, завидѣвъ Ихъ приближеніе. Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ, отъ имени Государя Императора, по-

благодарилъ храбрецовъ за совершенный ими подвигъ. Громкое ради стараться! и ура! были отвѣтомъ. Эти клики долетали до слуха непріятеля, и ему стало досадно, ибо вслѣдъ затѣмъ посыпались на это мѣсто штуцерныя пули. Въ это время прибылъ адъютантъ адмирала князя *Меншикова* съ орденскими знаками для отличившихся. Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ собственноручно вручилъ знаки отличія храбрымъ офицерамъ. Генералъ-маіоръ *Хрущовъ*, герой этого дня, представилъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ наиболѣе отличившихся. Самъ генералъ былъ въ такомъ утомленіи послѣ тревожной ночи, что съ трудомъ говорилъ и издавалъ одни хриплые звуки, ибо почти лишился голоса. По причинѣ усталости генералъ-маіора *Хрущова*, я не могъ тогда же снять портретъ съ него, но читатели Листка остались оттого въ выигрышѣ, ибо въ послѣдній пріѣздъ генерала въ С. Петербургъ, съ него былъ снятъ фотографическій портретъ (см. № 7-го Листка); мое же рисованіе съ натуры не могу сравнивать съ фотографическими портретами.

Оставивъ храбрыхъ волынцевъ почти на полѣ сраженія (Селенгинцы были уже отведены), Ихъ Императорскія Высочества отправились на шлюпкѣ въ городъ, на перевязочный пунктъ. Не доходя до оного, на площади, показались плѣнные (взятые нынѣшнею ночью) зуавы, которые подъ конвоемъ отправлялись въ Сѣверное укрѣпленіе, гдѣ обыкновенно содержались плѣнные. Въ числѣ ихъ былъ одинъ молодой человѣкъ, дерзкаго, нахальнаго вида, который бранился со всѣми. Чрезъ нѣсколько дней, я вновь увидѣлъ его съ другими плѣнными: онъ былъ тихъ, спокоенъ: по видимому, нашелся въ своемъ положеніи и убѣдился, что выходки его не вели ни къ чему. Лучшимъ подаркомъ для плѣнныхъ былъ табакъ и папиросы, на что они были весьма лакомы.

На перевязочномъ пунктѣ, въ такъ называемомъ инженерномъ домѣ, за Николаевскою батареею, у артиллерійской бухты, находились перенесенные туда (съ Селенгинскаго редута) раненные французскіе офицеры. Изъ нихъ

ни одинъ не выздоровѣлъ: у всѣхъ раны были смертельныя, и они скончались на другой день. Одного изъ этихъ офицеровъ нашли мы на смертномъ одрѣ. Онъ передалъ свой крестъ почетнаго легіона доброй сестрѣ милосердія, которая, подъ его диктовку, писала къ его роднымъ. Онъ увѣдомлялъ ихъ, что жестоко страдаетъ, но что его страданія вскорѣ кончатся на всегда

Такъ прошелъ для меня этотъ день въ Севастополѣ. Описалъ я его какъ видѣлъ, безъ прикрасъ и безъ всякихъ притязаній ([1]).

Поѣздка въ Севастополь, въ февралѣ 1855 года.

Конечно, никогда еще ни одинъ городъ въ мірѣ не возбуждалъ такого желанія взглянуть на него хотя бы только мелькомъ, на одну минуту, какое возбуждаетъ теперь Севастополь, имя котораго на устахъ у всѣхъ, у друзей и недруговъ, о которомъ горячо молится вся необъятная русская земля, на которой съ томительнымъ замираніемъ сердца смотритъ вся Европа, волнуемая самыми противоположными чувствами, страха и надежды, сочувствія и слѣпой, фанатической непріязни. Подъ его стѣнами соединились *четверо* противъ *одного* — и этотъ *одинъ* пришелся не подъ-силу своимъ противникамъ, которые въ теченіе десяти мѣсяцевъ, напрасно истратили противъ него огромное количество пороха, гораздо болѣе того, сколько потрачено Наполеономъ въ его двѣнадцать генеральныхъ сраженій, начиная отъ битвы при Пирамидахъ до сраженія при Дрезденѣ.

Съ октября прошлаго года, то есть, съ начала осады Севастополя, у насъ изданы цѣлые десятки плановъ и видовъ этого города, а въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ разсѣяно безчисленное множество относящихся до него свѣдѣній и бѣглыхъ замѣтокъ; но эта огромная масса извѣстій до сихъ поръ остается еще несоединенной и не-

---

([1]) Русскій Худож. листокъ 1857 г., № 9.

разработанной, а если бъ и была соединена, то не могла бы представить полной картины, по недостатку въ ней свѣдѣній топографическихъ, которыми вообще очень бѣдны всѣ эти замѣтки. Какъ на единственное исключеніе изъ этого ряда извѣстій, можно указать на статью помѣщенную въ 9-мъ № «Москвитянина», подъ заглавіемъ: *десять дней подъ Севастополемъ*. Не смотря на простой, безъискусственный разсказъ, она чрезвычайно интересна, какъ по самому предмету, такъ и по сообщаемымъ авторомъ подробностямъ, особенно же по описанію мѣстности; въ послѣднемъ отношеніи она представляетъ нѣчто цѣлое, отдѣльную картину, невольно запечатлѣвающуся въ памяти.

Мы познакомимъ нашихъ читателей съ содержаніемъ этой статьи.

Авторъ ея совершилъ поѣздку изъ Кишинева въ Севастополь въ февралѣ нынѣшняго года. О цѣли этой поѣздки онъ не упоминаетъ и только въ началѣ статьи говоритъ, что выѣхалъ изъ Кишинева съ однимъ гусарскимъ офицеромъ, и что они отправлялись съ разными порученіями. Мы не станемъ слѣдить за нимъ въ описаніи дорожныхъ его впечатлѣній до послѣдней станціи предъ Севастополемъ, Дуванки, и перейдемъ прямо къ главному предмету разсказа. Отъ Дуванки путешественники ѣхали прекраснѣйшими мѣстами, между горъ и садовъ; по срединѣ бѣжала какая-то рѣчка, и разбросанныя хаты лѣпились по утесамъ; а за ними дальше, горы и горы.... Но сердце билось, и путникамъ было не до видовъ. Неужели тутъ, сейчасъ, Севастополь, непріятели, осада? Вотъ въѣхали на горы и уже думали, что скоро увидятъ городъ. Оставалось верстъ шесть, семь; но Севастополь не появлялся. Онъ показывается не ближе, какъ верстахъ въ 4-хъ—отдаленная гора и по ней разсыпаны строенія. Впереди синяя бухта съ кораблями, направо и налѣво горы. Наконецъ путники остановились у станціи, довольно большаго каменнаго дома, съ огромными закоптѣлыми окошками. Не доѣзжая ея, налѣво у бухты, они замѣтили нѣсколько домиковъ, похожихъ одинъ на другой. Въ одномъ изъ нихъ распо-

ложенъ штабъ, а въ остальныхъ помѣщаются госпитали; не подалеку отъ нихъ, за небольшой площадью, домикъ въ три окна, въ которомъ жилъ главнокомандующій. Отъ него, направо въ гору, четвертый нумеръ укрѣпленія, и рядомъ палатка, называемая *Одесской Гостинницей.* Еще правѣе, по горѣ идутъ палатки торгующихъ разными съѣстными припасами. Поднявшись на гору, мимо четвертаго укрѣпленія, вы увидите позади его большой оврагъ, по тамошнему, *балку*, и новую бухту, на берегу которой разбросано нѣсколько домиковъ; потомъ гора и новая балка, и въ ней опять строенія и бухта. На выдавшихся мысахъ огромными массами воздвигаются два укрѣпленія. Гораздо правѣе и ближе идетъ еще укрѣпленіе, называемое Сѣвернымъ—и вотъ вся *Сѣверная сторона.* Но это не городъ: городъ за главной бухтой, его видно отвсюду, но до него двѣ версты водой, хотя и кажется ближе. Вы видите множество зданій, раскинутыхъ по горѣ и подымающихся неравными зубцами по ея окраинѣ. Выше всѣхъ стоитъ библіотека. Сокровища ума царствуютъ надъ городомъ, не боясь, никакихъ выстрѣловъ. Далѣе опять горы; но осады не видать: она тамъ, за краемъ, и оттуда взлетаютъ бомбы.

Въ первую же ночь по пріѣздѣ въ Севастополь, путешественники, ночевавшіе въ Одесской гостинницѣ, были разбужены какимъ-то движеніемъ и шумомъ и слышали сильную стрѣльбу. На другое утро они узнали, что въ эту ночь, съ 11 на 12 февраля, происходило знаменитое дѣло Селенгинскаго и Волынскаго полковъ, на новомъ редутѣ, у Килен-Балки. Три раза редутъ переходилъ изъ рукъ въ руки, но наконецъ французы отступили къ своимъ траншеямъ, устилая трупами балку. Одинъ зуавъ ухватилъ за воротъ командира полка, генералъ-маіора *Хрущова*, и потащилъ къ своимъ рядамъ; но бывшій подлѣ горнистъ ударилъ зуава на́-отмашъ пипкой трубы въ голову и убилъ наповалъ.... Французы дрались отлично. Я слышалъ потомъ похвалы отъ многихъ солдатъ. Русскій человѣкъ на это честенъ: онъ никогда не обойдетъ похвалой своего врага, если врагъ того стоитъ. И никто такъ простодуш-

но не хвалитъ, какъ русскій человѣкъ». Нельзя не упомянуть при этомъ о почтеніи русскихъ къ мертвому, кто бы онъ ни былъ — свой или врагъ. Утомленные боемъ Волынцы и Селенгинцы, лишь только разсвѣло, бросились убирать трупы и свои и непріятельскіе, класть рядомъ и перевозить на Сѣверную сторону для преданія землѣ. Образованная нація считаетъ это излишней церемоніей, и у нихъ по двѣ недѣли валяются во рвахъ неприбранныя тѣла. Павшіе въ эту ночь были свезены, до погребенія, въ одинъ сарай. Русскіе и французы лежали рядомъ; въ головахъ у русскихъ теплились восковыя свѣчи, приткнутыя къ землѣ.

Далѣе авторъ описываетъ свой переѣздъ съ Сѣверной стороны на графскую пристань, въ самый городъ. Этотъ перевозъ, въ двѣ версты, стоитъ всего копѣйку серебромъ. «Пристань кипѣла народомъ. Налѣво, у кучи складенныхъ ядеръ, бабы торговали яблоками, яйцами и разными разностями; шумѣло нѣсколько самоваровъ со сбитнемъ; толпились солдаты, матросы, мужики... Свѣтло глядѣлъ Севастополь. Направо и на лѣво шли красивые дома, и между ними соборъ, обращенный къ бухтѣ. Подлѣ него другая отстраиваемая церковь, и тутъ же, поперегъ улицы, баррикада изъ бѣлаго камня. Народъ двигался по улицамъ, попадались и женщины; всего болѣе было конечно военныхъ—солдатъ и офицеровъ,—и все это было въ шинеляхъ, въ длинныхъ сапогахъ сверхъ брюкъ и фуражкахъ. Нигдѣ эполетъ или кивера! Городъ смотрѣлъ такъ, что не вѣрилось, будто онъ въ осадѣ. Къ тому же ни выстрѣла!— Севастополь не похожъ на другіе города. Чтобы ходить по немъ, необходима нѣкоторая привычка, а не то вы устанете на первой полуверстѣ: онъ весь въ горахъ и балкахъ. Обыкновенныхъ улицъ, похожихъ на всѣ другія улицы, не много: пять-шесть во всемъ Севастополѣ; остальное — это холмы и косогоры, покрытые строеніями, и между ними идутъ неправильные переулки, безъ мостовой и тротуаровъ; часто даже не переулки, а не знаешь, какъ назвать: стоитъ стоймя гора, въ ней врыты каменья, то въ видѣ ступеней, то какъ случится; дома, идущіе кверху,

кажутся построенными одинъ на другомъ; между ними— то широко, точно какая площадка, то узкій корридоръ, и вдругъ спускъ внизъ по такимъ же каменьямъ.... а тамъ бухта въ версту шириной, и надо ждать ялика, не то обходите верстъ пять кругомъ. За бухтой новый городъ. Среди мелкихъ домиковъ, разсыпанныхъ по горѣ, выступаютъ громадныя строенія верфей, казармъ и батарей.... Прошли мимо ихъ—тамъ еще балка; на днѣ ея нѣсколько красивыхъ дачъ. Обернитесь назадъ—тамъ бухта и море.... Таковъ поэтическій Севастополь, трудный для путешествій. Его никакъ не окинешь взглядомъ весь, а надо разсматривать по частямъ, и долго разсматривать».

Нѣкто В*, съ которымъ авторъ познакомился по пріѣздѣ въ Севастополь, разсказывалъ ему о тяжкихъ минутахъ, пережитыхъ городомъ, когда шелъ непріятель и кругомъ пылали огромные запасы корабельныхъ лѣсовъ. Ихъ зажгли сами русскіе. *Корниловъ* одушевилъ жителей, самъ ходилъ по домамъ, просилъ и приказывалъ. Все бросилось на работы, и въ пять дней создали то, для чего нужны были мѣсяцы. *Тотлебенъ* и *Фолькмутъ* завѣдывали постройками батарей, и подошедшій поздно непріятель увидѣлъ семь грозныхъ бастіоновъ.—В* пригласилъ автора къ себѣ въ городъ, и они вмѣстѣ пошли на пристань.

В* жилъ за бульваромъ Казарскаго. Не далеко оттуда построена баррикада и стоятъ пушки большаго калибра. Лѣвѣе, черезъ нѣсколько шаговъ, еще баррикада. Это мѣсто чрезвычайно высоко, вѣроятно самое высокое въ городѣ. Оттуда весьма хорошо видно Чатырдагъ, не смотря на восемьдесятъ верстъ разстоянія.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ слѣдующаго за тѣмъ описанія госпитальныхъ бараковъ: «Баракъ—это длинное каменное строеніе въ одинъ этажъ. Внутри стоятъ кровати въ два ряда, направо и налѣво. Надъ ними родъ шкафчиковъ, куда больные кладутъ свои вещи. Въ операціонномъ баракѣ оставлена нѣкоторая пустота при входѣ, гдѣ ставится только одна кровать для операціи: — Дальше на кроватяхъ лежали русскіе и французы, раненые въ послѣднемъ дѣлѣ. Французовъ было трое, и всѣ зуавы: капи-

танъ и два солдата. Капитану только-что отняли ногу. Онъ глядѣлъ очень бодро. Налѣво подлѣ него лежалъ зуавскій солдатъ, бывшій въ дѣлѣ подъ его командой. Ему предстояла такая же операція. Третій лежалъ направо отъ капитана, чрезвычайно красивый, чистый арабъ, съ небольшой черной бородой, въ фесѣ и въ синемъ мундирѣ съ галунами на плечахъ и рукавахъ. Смертная тоска была во всѣхъ его чертахъ; на черныхъ глазахъ какъ бы туманъ. Стали дѣлать операцію солдату, дали хлороформъ; потекла кровь... Солдатъ стоналъ все время и бранился. Я съ трудомъ высмотрѣлъ всю операцію, но за то слѣдующія мнѣ были ничего. Сестры милосердія, довольно молодыя дѣвушки, смотрятъ совершенно спокойно и безпрестанно подмываютъ текущую ручьями кровь. Ногу солдату зуаву отрѣзали вмигъ и стали перевязывать жилы. Тутъ уже отнимаютъ хлороформъ. Шесть человѣкъ держали руки; но зуавъ былъ такъ силенъ, что въ минуты невыносимой боли, когда ему приставляли къ ногѣ теплую губку, онъ подымалъ державшихъ, крича: au nom de Dieu! vous me brulez! vous me brulez!... Капитанъ все время смотрѣлъ на операцію и одушевлялъ товарища: «Tenez vous brave, mon enfant! Nous arrivons bien, voyez-vous!»

«Я вышелъ и отправился по другимъ баракамъ. Въ одномъ я нашелъ плѣнныхъ англичанъ вмѣстѣ съ французами. Какая разница въ физіономіяхъ! Всѣ были бѣлокурые, некрасивые, въ шапкахъ совершенно похожихъ на наши франтовскія ямщицкія, съ короткими полями. На переди былъ приткнутъ нумеръ. Одинъ былъ въ красной курткѣ съ бѣлыми петлицами и въ голубомъ нижнемъ платьѣ; другіе въ черныхъ шинеляхъ, похожихъ на французскія. Красный все расхаживалъ, присаживался на разныя кровати; а тѣ два занимались писаніемъ письма. Тутъ же былъ одинъ французскій драгунъ. Онъ сидѣлъ на постели, въ одной рубашкѣ, и намазывалъ на ломоть чернаго хлѣба что-то въ родѣ масла и ѣлъ. Я воротился въ первый баракъ — взглянуть на тѣхъ, кому дѣлали операціи. Русскій солдатъ смотрѣлъ совершенно спокойно и разговаривалъ со своими. Съ капитаномъ зуавовъ гово-

рилъ одинъ докторъ. Между прочимъ спросили у него, женатъ ли онъ. — «Non! les femmes — c'est folie! Nous avons quelques officiers, qui sont mariés, mais... C'est la folie!»...

На другой день авторъ посѣтилъ библіотеку. Это одно изъ лучшихъ зданій города. По бокамъ великолѣпной лѣстницы лежатъ два мраморные сфинкса. Наверху были прежде такія же статуи, но теперь сняты, потому что непріятель обыкновенно цѣлитъ въ этотъ домъ.

«Пятый и шестой бастіоны оттуда ближе всѣхъ: версты полторы, не больше. Но видны одни казематы — каменныя зданія въ одинъ этажъ, гдѣ помѣщаются офицеры и часть прислуги. Дальше ихъ и соединяющей ихъ стѣны не видно ничего. Они кажутся какъ бы на горизонтѣ. Передъ ними балка съ бѣлѣющими домиками. Въ улицахъ двигался народъ. Мы спустились съ террасы и пошли по направленію къ этимъ бастіонамъ и скоро пересѣкли одну широкую улицу, которая называлась Большой Морской.

«Я такъ усталъ, что хотѣлъ было сѣсть и отдохнуть; но домикъ *Зорина* (капитана 1-го ранга, начальника 1-й линіи, къ которому отправлялся авторъ) ужъ былъ недалеко. Онъ помѣщался въ немъ съ адъютантами и канцеляріей. Мы нашли всѣхъ дома и за работою. Все были моряки, и всѣ въ шинеляхъ, или въ сюртукахъ безъ эполетъ. *Зоринъ* принялъ меня какъ стараго знакомаго; мы сѣли закусить. Со мной рядомъ сидѣлъ *Ахбауеръ*, бывшій адъютантъ *Шильдера*; онъ былъ здѣсь старшимъ саперным офицеромъ и завѣдывалъ работами на пятомъ и шестомъ бастіонахъ. Онъ, можно сказать, жилъ на этихъ работахъ, вѣчно подъ штуцерными пулями. Но Богъ хранилъ его. Онъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ послѣ обѣда на пятый бастіонъ. Надо было идти мимо стѣны, построенной еще давно и неоконченной. Внутренняя часть каземата была во многихъ мѣстахъ пробита насквозь, и послѣ того пробоины завалены камнями. Крыша сбита совсѣмъ. На ней едва видна небольшая земляная насыпь, и по срединѣ стоитъ нѣсколько туровъ, то есть, круглыхъ плетенокъ, наполненныхъ землей.

«По всему двору были видны земляныя насыпи съ от-

верстіями, обдѣланными въ срубъ. Это — землянки солдатъ, или, какъ зовутъ на бастіонахъ—блиндажи, по-солдатски—курлыги. Фасъ бастіона, обращенный къ непріятелю, состоялъ изъ землянаго вала, боченковъ, мѣшковъ съ землей и туровъ. Въ валу продѣланы амбразуры, занавѣшенныя веревочными щитами, введенными *Зоринымъ*, потому что деревянные разбивало ядрами и даже пулями, и щепками било прислугу. Въ амбразурахъ стоятъ пушки, преимущественно морскія, большаго калибра; внизу, у лафетовъ, сложены въ пирамиды ядра, свалена картечь, патроны (?). Валъ сажени въ двѣ. Вокругъ сдѣланы ходы по доскамъ, на которыхъ стоятъ вахтенные съ трубами, слѣдя за непріятелемъ. Нѣсколько штуцерныхъ стоятъ тутъ же, и каждый ожидаетъ случая выстрѣлить. На дворѣ всегда кипитъ работа: роютъ блиндажи, возятъ землю, офицеры ходятъ между работающими, наблюдаютъ, кричатъ, садятся на пушки и разговариваютъ другъ съ другомъ, нисколько не думая о пуляхъ, которыя иногда звенятъ объ то орудіе, на которомъ они сидятъ... А вотъ въ амбразурѣ, на полу, помѣстился цѣлый десятокъ матросовъ, поставили котелъ и ѣдятъ кашу. Одинъ, пожалуй, разскажетъ вамъ, какъ вчера убило у нихъ товарища на этомъ самомъ мѣстѣ. Вдругъ вахтенный кричитъ: «бомба!» Чугунный шаръ хлопается на дворъ и начинаетъ крутиться. Кто прилегаетъ, кто остается такъ. Бомбу разорвало; осколки, жужжа, летятъ надъ головами... и опять все пошло по-прежнему. Вотъ вамъ бастіонъ и жизнь бастіона! Пятый бастіонъ одинъ изъ опасныхъ. Здѣсь траншеи непріятелей довольно близко, — саженяхъ въ 250. Я взглянулъ въ отверстіе щита у одного орудія: далеко въ полѣ шелъ едва замѣтный желтый валъ, сливаясь съ грунтомъ земли: это были траншеи непріятелей. Мѣстами выскакивалъ дымокъ—выстрѣлъ изъ штуцера, но безъ звука, — и только. Больше никакой жизни; никто не показывался изъ-за вала, и не вѣришь, что тамъ много народу. А между тѣмъ смерть поминутно несется изъ-за этого безжизненнаго вала... Французы очень осторожны».

«Познакомившись съ бастіономъ, я сталъ рисовать раз-

битую стѣну казсмата, прислонясь спиной къ мѣшкамъ на валу. Пули безпрестанно ложились черезъ валъ и щелкали въ камни зданія.

«Я кончилъ рисовать. Меня окружили офицеры артиллеристы и моряки. Лейтенантъ *Марковъ*, командующій на бастіонѣ, пригласилъ взглянуть на его блиндажъ. Это была небольшая подземная комнатка, съ печью и кроватью. Правда, въ ней едва можно было повернуться, но за то тепло и совершенно безопасно отъ бомбъ. Я нарисовалъ и ее, и простился съ храброй семьей пятаго бастіона».

«На другой день, 15-го февраля, я пошелъ на шестой бастіонъ, имѣя провожатымъ матроса. Шестой бастіонъ совершенно похожъ на пятый: такой же казематъ, немного цѣлѣе; такого же устройства валъ, непріятель почти въ такомъ же разстояніи. Тутъ я познакомился съ лейтенантами *Шемякинымъ* и *Гедеоновымъ* и комендантомъ полковникомъ *Лидовымъ*, человѣкомъ весьма простымъ въ обхожденіи и добрымъ, но столько же точнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ едва не взялъ меня подъ арестъ потому только, что я былъ въ другой формѣ, не виданной на бастіонахъ; далъ секретное приказаніе не выпускать меня, покуда не будутъ наведены справки. Я ничего этого не зналъ; онъ самъ мнѣ разсказалъ очень простодушно. Мы пошли траншеями въ блиндажъ *Шемякина*, который былъ въ четверти версты отъ бастіона, подлѣ батареи, называвшейся Шемякиной. Потомъ мы вошли въ блиндажъ; явился хересъ, сыръ и какая то рыба. Мы пробесѣдовали довольно долго. Воротясь къ *Зорину*, я нашелъ у него адмирала *Нахимова*. Онъ былъ въ сюртукѣ и въ эполетахъ. *Зоринъ* представилъ меня. Адмиралъ—это само простодушіе и простота.

«На другой день я пошелъ на десятый нумеръ батареи, которая находится рядомъ съ батареей Шемякина. Нумера идутъ не по порядку. Матросъ повелъ меня сначала траншеями, а потомъ сказалъ, что надо вылѣзть и идти прямо, потому что тутъ траншеи очень мелки, *да и всѣ такъ ходятъ*. «Вонъ, видите идетъ!» Дѣйствительно шелъ какой то водоносъ, и притомъ очень тихо. То же

совѣтовали сдѣлать и солдаты, сидѣвшіе въ траншеяхъ. Мы вылѣзли и пошли прямо, и скоро догнали водоноса. Три человѣка были порядочною цѣлью. Вдругъ подлѣ насъ ударила пуля. «Видишь», сказалъ я матросу, — «по насъ стрѣляютъ! Я тебѣ говорилъ, что надо идти траншеями».—Э, ваше благородіе, которая наша, отъ ней нигдѣ не схоронишься!—Другая пуля пролетѣла между мной и водоносомъ. Я пошелъ скорѣе, и черезъ пять минутъ мы уже были на батареѣ. Она стоитъ на углу, однимъ фасомъ къ морю, другимъ къ небольшой бухтѣ; третій фасъ обращенъ въ поле, къ шестому нумеру. За бухтой, прямо, видна возвышенность, гдѣ былъ древній Херсонесъ. Теперь отъ него осталась только небольшая стѣнка, вьющаяся по скату къ бухтѣ, и то я сомнѣваюсь, чтобы это была древняя стѣна. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ говорили. Издали она совершенно похожа на траншею, но не траншея. Больше ничего нѣтъ на мѣстѣ Херсонеса — ничего стараго, да и новаго немного: разрушенная церковь св. Владиміра, и, у самой бухты, также разрушенные домики карантина, неосторожно оставленные непріятелемъ. Они устроили тутъ завалы и въ послѣднее время даже поставили пушки. По этой то батареѣ велѣлъ наканунѣ *Зоринъ* сдѣлать полтораста выстрѣловъ. Ее сбили и послѣ сбивали не разъ, но черезъ день она являлась опять и удержалась.

«Десятая батарея имѣетъ особенное устройство; она сложена изъ глиняныхъ кирпичиковъ, очень правильно и красиво. По ней стрѣляютъ также, какъ по пятому и шестому бастіонамъ, но, по замѣчанію командира ея, капитанъ-лейтенанта *Андреева* — черезъ день. «День молчатъ, а на другой день ихъ какъ будто что прорветъ!» выражается онъ, и въ эти дни обыкновенно никого къ себѣ не приглашаетъ. «Приходите завтра: завтра не будетъ стрѣльбы»! Но то бѣда, что бываютъ ошибки въ наблюденіяхъ храбраго капитана, и вдругъ *ихъ прорветъ* совсѣмъ не въ тотъ день, когда онъ разсчитываетъ, и озадаченные гости не знаютъ что дѣлать. Я попалъ по счастію въ день спокойный. Ни одного выстрѣла въ продолженіе часа, кото-

рый я провелъ тамъ, сидя все время въ амбразурѣ на пушкѣ любуясь видами, и думая о старомъ Херсонесѣ, о тѣхъ, которые давно здѣсь также бились — и улеглись.... и вотъ ихъ сонъ встревоженъ новыми громами....

«Съ десятой батареи я пошелъ на седьмой и восьмой нумеръ, которые соединены вмѣстѣ и не такъ далеко отъ десятаго, по направленію къ городу. Артиллерійскій офицеръ, любовавшійся со мной Херсонесомъ, проводилъ меня нѣсколько шаговъ и указалъ на свой разрушенный казематъ изъ *масла и сыру*, въ которомъ засѣло нѣсколько ядеръ, пущенныхъ непріятелями съ моря въ осаду 5-го октября. Огромныя пирамиды французскихъ и англійскихъ ядеръ возвышались подлѣ. «Вотъ что мы собрали у себя во дворѣ, а сколько еще не собранныхъ тамъ, въ полѣ!» сказалъ офицеръ. По его словамъ, въ этотъ день непріятелемъ было пущено въ городъ, со стороны моря, до двадцати тысячъ ядеръ и бомбъ.

«Седьмая и восьмая батареи стоятъ также на берегу моря. По выкладкѣ онѣ похожи на своего сосѣда — десятый нумеръ. Тутъ очень тихо. Рѣдко пролетаютъ пули, и то, разумѣется, шальныя. Прицѣльныхъ быть не можетъ по разстоянію и мѣстности. Я засталъ матросовъ на ученьѣ: они примѣривались къ орудіямъ, дружно взмахивали банниками, перебѣгали съ мѣста на мѣсто. По валу ходилъ какой то офицеръ съ подзорной трубкой. Я поднялся къ нему и просилъ позволенія взглянуть на батарею. Онъ повелъ меня самъ, объясняя все подробно и просто. Это былъ капитанъ-лейтенантъ *Луговскій*, простой и сметливый морякъ. Мы повернули на задній фасъ батареи, гдѣ уже идетъ восьмой нумеръ обращенный къ городу. «Вотъ тутъ вчера упало десять ракетъ», сказалъ *Луговскій*, и одна въ кучу рабочихъ, которые ужинали, говорятъ, даже въ чашку, но не задѣла никого!» *Луговскій* также былъ 5-го октября на батареѣ и хвалилъ мнѣ нашихъ матросовъ. «Не перескажешь никакими словами, что это за народъ: съ ними нельзя робѣть»! Онъ повернулся во дворъ, смотря на тѣхъ, которые учились, и, какъ бы лелѣя ихъ глазами, задумался, и такъ мы простояли молча

КАПИТАНЪ ПЕРВАГО РАНГА,

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПЕРЕЛЕШИНЪ I.

минуты двѣ. Кто знаетъ, какія отмѣтки дѣлала его память, когда глазъ перебѣгалъ по лицамъ... Я простился съ *Луговскимъ*, исполненный къ нему уваженія.

«На Александровской батареѣ, которая считается девятымъ нумеромъ и находится тутъ же, подлѣ седьмой и восьмой, я снова любовался моремъ. Капитанъ лейтенантъ *Козловскій* далъ мнѣ проводника-матроса, который провелъ меня по валу, показывая красивые ряды орудій, только что отчищенныхъ. На этой батареѣ, въ настоящее время, больше нечего дѣлать, какъ чистить орудія. Ей будетъ работа, если начнутъ бомбардировку съ моря. Я воротился домой, когда уже стемнѣло, и пошелъ къ *Шемякину*, который меня давно звалъ и какъ то особенно пришелся мнѣ по душѣ.

«Въ казематѣ я нашелъ большое общество офицеровъ. Мнѣ предложили превосходнаго хересу. Комендантъ, полковникъ *Лидовъ*, о которомъ я уже упоминалъ, разсказалъ мнѣ о 24-мъ октябрѣ.—Колонны французовъ доходили до шестаго бастіона и были на возвышенности, между шестымъ и десятымъ. Ихъ прогнали Минскій полкъ и картечные выстрѣлы съ десятаго нумера. Полторы недѣли валялись неубранные трупы. Непріятель не убиралъ и не дозволялъ намъ. Наконецъ ихъ подобрали — и всетаки мы.

«Я пробылъ въ казематѣ часовъ до десяти. Утромъ 16-го, подняли французы сильную стрѣльбу съ новой батареи по шестому бастіону и сбили у насъ три мѣшка, выстрѣливъ 25 разъ. Значитъ, вовсе плохо. Ихъ заставили замолчать бомбой. Съ того же бастіона замѣтили движеніе непріятельскихъ колоннъ отъ моря, въ полной парадной формѣ и подъ музыку. Я побѣжалъ на бастіонъ взглянуть и захватилъ только хвостъ, спускавшійся въ балку; вахтенный сказалъ мнѣ, что было тысячъ до пяти. Говорятъ, они дѣлаютъ не рѣдко такія эволюціи, чтобы занять насъ чѣмъ нибудь. Ночью отправятся на берегъ и утромъ идутъ въ парадѣ, какъ будто новыя войска, — а между тѣмъ, гдѣ нибудь становятся пушки.

«Послѣ чаю я рѣшился идти на четвертый бастіонъ,

какъ говорили, самый опасный. *Зоринъ* далъ мнѣ въ товарищи одного изъ своихъ адъютантовъ, лейтенанта Н. Мы прошли нѣсколько улицъ, почти пустыхъ. Подъ конецъ, близко къ бастіону, нашли дома, совершенно разрушенные бомбами. Мѣстами торчали одни неправильные зубцы стѣнъ; крышъ не было. Эти дома могли служить самыми лучшими естественными баррикадами. А въ иныхъ и нарочно были пробиты амбразуры. На мостовой и тротуарахъ валялись ядра и осколки гранатъ. Тутъ дѣйствительно чувствуешь осаду. Въ концѣ послѣдней улицы идетъ площадка, на которой стоитъ католическая церковь — самое крайнее зданіе къ бастіону. Затѣмъ начинается подъемъ въ гору, довольно пологій. Взойдя на гору, мы спустились въ траншею и тотчасъ услышали свистъ пуль. Такъ дошли мы до большаго блиндажа, гдѣ помѣщается адмиралъ *Новосильскій*, съ капитаномъ 1-го ранга *Кутровымъ*. *Кутровъ* вышелъ къ намъ на встрѣчу. Его невыразимо спокойная физіономія ободрила меня. Въ это время, одна пуля ударила въ блиндажъ шагахъ въ двухъ отъ насъ, и еще ближе отъ кучки матросовъ, стоявшихъ тутъ же. Никто изъ нихъ и не пошевелился, и, кажется, я одинъ видѣлъ эту пулю. Это меня совершенно успокоило. Съ той минуты до конца, часа два сряду, проведенные мною на четвертомъ бастіонѣ, я уже не чувствовалъ ни малѣйшаго страху. Мы пошли опять траншеями, втроемъ, съ *Кутровымъ*. Выстрѣлы изъ пушекъ гремѣли безпрестанно. Ружейныхъ было вовсе не слышно, или слышно только временами, и то какъ звукъ пистоновъ. Траншеи были полны солдатами, которые сидѣли и лежали въ самыхъ безпечныхъ положеніяхъ, конечно не думая о пуляхъ. Вскорѣ открылся бастіонъ, совершенно отличный отъ тѣхъ, которые я уже видѣлъ. Это была площадка, вся изрытая землянками, вся въ буграхъ. Тамъ и сямъ чернѣли отверстія—входы въ блиндажи. Пороховой блиндажъ возвышался надъ всѣми. Кругомъ, на сдѣланной изъ земли насыпи въ видѣ вала, или тѣсные, земляные же траверсы, съ наложенными на нихъ мѣшками. Штуцерные были въ постоянномъ движеніи, подбѣгали, выстрѣливали,—и опять заря-

жался штуцеръ. Весь бастіонъ представлялъ какое то суетливое и вмѣстѣ грозное кипѣніе. Гдѣ то бухали пушки; ясно было слышно гудѣніе ядра. Кто стрѣлялъ? мы? они?—разобрать было трудно. Наши выстрѣлы сливались съ выстрѣлами непріятеля, который таился тутъ же, за валомъ, всего въ семидесяти саженяхъ. Мнѣ все какъ то не вѣрилось, что онъ такъ близко.—«Отсюда вы можете видѣть непріятеля», сказалъ мнѣ капитанъ, подведя меня къ одному орудію, укрытому щитами такъ плотно, что едва оставалась щель для глаза. «Но пожалуйста осторожнѣе», прибавилъ онъ, «учтивые французы здѣсь вовсе не учтивы»! Я поднялся на орудіе и взглянулъ между мѣшковъ, лежавшихъ на траверсѣ: желтѣлъ траншейный валъ, лежали такіе же мѣшки, какъ и у насъ, мѣстами выскакивалъ дымокъ безъ звука, какъ пыль съ вала—и только. Потомъ мы пошли дальше мимо траверсовъ. Вдругъ осколокъ бомбы, разорвавшейся въ непріятельскихъ траншеяхъ, прожужжалъ надъ нашими головами и упалъ въ кучку работавшихъ внутри бастіона. «Вотъ какъ у насъ», сказалъ *Кутровъ*,—«своимъ какъ разъ убьетъ!—Что, никого? крикнулъ онъ внизъ. — Никого! отвѣчали оттуда. «Ну, слава Богу!» Такіе случаи бываютъ не рѣдко. Осколки бомбъ французскихъ летятъ къ нимъ назадъ. Слѣдя за полетомъ осколка, я увидѣлъ между блиндажами, въ одной сторонѣ бастіона, образъ на столбикѣ, подъ досчатымъ навѣсомъ. Передъ нимъ теплилась неугасимая лампада... Я помолился. Невыразимо благодатно дѣйствуетъ тамъ молитва, и все бы я молился—и за эту горсть храбрыхъ, что всякую минуту ложатся костьми, и за всѣхъ тѣхъ, отдаленныхъ, скорбящихъ на всемъ великомъ пространствѣ русской земли, и за всю православную русь... Я не много помню такихъ минутъ...

«Подлѣ пороховаго блиндажа есть спускъ въ мину. Мнѣ было разрѣшено спуститься. Мы пошли вдвоемъ съ однимъ офицеромъ, нагнувшись, сперва въ полусвѣтѣ, потомъ въ совершенныхъ потьмахъ. Когда слышно было, что кто-то идетъ на встрѣчу, кричали: *держи налѣво*, или *направо*, чтобы не столкнуться. Но было такъ узко, что

всегда задѣвали другъ друга. Наконецъ я усталъ и поползъ на рукахъ и колѣняхъ. Товарищъ мой отдѣлился отъ меня далеко; мнѣ было слышно только его голосъ: *держи налѣво, направо!...* Вдругъ я почувствовалъ подъ руками воду: надо было встать. Мина шла уже и уже. Сперва я ощупывалъ по бокамъ доски и столбы, но потомъ все это кончилось: пошелъ земляной корридоръ. Мы дошли до того мѣста мины, гдѣ наша галлерея сошлась съ непріятельскою. Тутъ зажженъ фонарь и сидятъ на полу солдаты. Я видѣлъ непріятельскія работы. Ихъ мины немного шире. Больше нѣтъ никакой разницы. Говорятъ, встрѣтясь съ нами, они бросили копать и ушли. Тутъ поставлена большая воронка съ порохомъ и засыпана землей. Мы отдохнули и поворотили назадъ. Въ концѣ, уже близко къ выходу, мой товарищъ пригласилъ меня зайдти къ штабсъ-капитану *Мельникову*, завѣдывающему минными работами, въ его нишь, которая устроена тутъ же въ минѣ. Мы очутились въ довольно порядочной комнатѣ, увѣшанной коврами. Посреди стоялъ столикъ и кипѣлъ самоваръ. По стѣнамъ шли земляные диваны, тоже покрытые коврами. Подлѣ одной стѣны была печь, ростомъ въ человѣка, не доходившая до потолка. На ней сверху, лежали разныя тетради, бумаги, чертежи и—*Мертвыя души*.

«Хозяинъ и вмѣстѣ создатель этой комнаты—молодой человѣкъ, украшенный Георгіевскимъ крестомъ, называемый въ шутку моряками *оберъ-кротъ*—принялъ меня какъ давно невиданнаго брата и угостилъ чаемъ. Между тѣмъ я снялъ его подземное жилище.

«И онъ вѣчно тамъ — при огняхъ! Полковникъ *Тотлебенъ* бываетъ у него всякій день, обходитъ всѣ галлереи, всѣ рукава. *Мельниковъ* любитъ его какъ отца. Когда онъ говорилъ мнѣ о немъ, у него дрожалъ голосъ отъ невыразимаго уваженія и преданности къ этому человѣку. О если бы написать исторію этихъ бастіоновъ, не вычеркивая ни одного дня, не стирая ни одной черты—сколько умиляющаго, поучительнаго, исторгающаго сладостнѣйшія слезы было бы на ея страницахъ!

«*Мельниковъ* вывелъ меня на свѣтъ другимъ путемъ. Мы

очутились во рву, гдѣ было много работающихъ. Работы здѣсь тяжелы по причинѣ каменистаго грунта. Каждый вершокъ стоитъ усилій. Черезъ ровъ, надъ нами, свистѣли пули и осколки бомбъ. Мы разстались съ *Мельниковымъ* какъ братья, и я не знаю, есть ли два русскихъ человѣка, которые тутъ не сдѣлаются братьями.

«Уже стемнѣло совсѣмъ, когда я отворилъ дверь въ мою комнату у *Зорина*, гдѣ ждали моего возврата. Всѣ знали, что я на четвертомъ бастіонѣ. Собралась большая компанія. *Ахбауеръ*, только что возвратившійся съ работъ, разсказывалъ случай въ траншеяхъ. Онъ шелъ позади двухъ солдатъ. Одинъ, старый, все кланялся пулямъ, а шедшій за нимъ молодой подтрунивалъ надъ нимъ. Э, дѣдушка! Что ты все кланяешься! полно!»—А вотъ, погоди, поклонишься и ты! — «Я поклонюсь, какъ убьютъ... дай Господи, только наповалъ!» Въ эту минуту пуля ударила его прямо въ сердце, и онъ повалялся къ ногамъ *Ахбауера*.

«17-го, пообѣдавши, мы поѣхали на третій бастіонъ, идущій налѣво отъ четвертаго, за огромной балкой.

«Третій бастіонъ отличенъ отъ другихъ. Въ иныхъ амбразурахъ нѣтъ вовсе щитовъ, и, какъ въ окно, видишь въ нихъ глубокую живописную балку, съ раскиданными по ней рѣдкими домиками, когда то живыми, приманчивыми, полными поэзіи. Вдали, на краю возвышенія, виднѣлся четвертый бастіонъ. Я вошелъ въ одинъ солдатскій блиндажъ, который топился. Человѣкъ пять солдатъ сидѣли въ однѣхъ рубашкахъ на общихъ подмосткахъ, протянувъ ноги, и каждый занимался своимъ дѣломъ. Кто шилъ, кто читалъ азбуку. На стѣнахъ я замѣтилъ образа и лубочныя картинки. Было такъ тепло, что я не счелъ за грѣхъ отворить двери и въ нихъ рисовать одно орудіе, которое пришлось какъ разъ напротивъ.

«Артиллерійскій офицеръ, командующій тѣмъ орудіемъ, которое я снялъ, повелъ меня въ церковь, устроенную въ казематѣ. Въ большой мрачной комнатѣ, уставленной ружьями, заваленной аммуниціей, сіяла лампадами одна небольшая частица стѣнки, покрытая образами: это былъ

иконостасъ бастіонной церкви. Бомба пробила въ одномъ мѣстѣ потолокъ, но не повредила ничего, даже не ранила никого изъ солдатъ, находящихся тутъ постоянно. Всѣхъ ихъ человѣкъ десять. Здѣсь говѣла на первой недѣлѣ команда бастіона.

«Я не поѣхалъ на другіе бастіоны, потому что уже вечерѣло. Мы возвратились въ городъ совсѣмъ въ потьмахъ. У *Зорина* собирались на вылазку противъ карантина, чтобы взглянуть на новую батарею, а если удастся, такъ и заклепать пушки. Также хотѣли завалить какой-то колодезь. Матросъ, ординарецъ *Зорина*, обыкновенно ходившій со мной, пришелъ проситься на вылазку; но его не пустили, сказавши, что ничего не будетъ, и въ самомъ дѣлѣ, ничего не было, по причинѣ ясной ночи.

«На другой день, часу въ десятомъ утра, я отправился къ *Нахимову* и засталъ его уже одѣтымъ и готовымъ куда-то ѣхать. Онъ хотѣлъ однако, чтобы я посидѣлъ нѣсколько. Говорили конечно о Севастополѣ.

«Онъ велѣлъ адъютанту свозить меня на корабль, и потомъ къ нему обѣдать, въ двѣнадцать часовъ, но предупредилъ, что у него постное.

«Вечеромъ и ночью этого дня не было вовсе стрѣльбы. За то поднялась сильная утромъ. Я не ходилъ никуда до обѣда и сидѣлъ подъ окномъ, смотря на бродившихъ кучами греческихъ волонтеровъ, которые только что прибыли изъ Евпаторіи. Говорятъ, они дрались такъ хорошо, что многіе изъ нихъ получили кресты. Костюмъ ихъ былъ обыкновенный клефтскій: шитая куртка, какого случится цвѣта, подъ нею бѣлая фустанелка (короткая юбка) и широкій поясъ, изъ-за котораго торчалъ цѣлый арсеналъ оружія: чуть не десятокъ разныхъ дреколій, пистолетовъ и кинжаловъ. Обувь была своя, изъ особенныхъ перевязей, а у иныхъ и русскіе сапоги. Многіе имѣли сверхъ куртки свою короткую овчинную шубу съ прорѣзанными рукавами и опять-таки русскіе полушубки. У бока мотались ятаганы и наши кортики, шпаги и сабли. На головахъ фески, съ нашитыми напереди крестами. У большей части были большіе мѣдные кресты на шеѣ. Все это

войско отдано было подъ команду гусарскому маіору князю *Урусову*. Они сами просили въ начальники русскаго или грека. Волонтеры часто толпились у квартиры своего начальника, сидя на его крыльцѣ и куря трубки. Однажды онъ вздумалъ сдѣлать имъ смотръ. Капитаны, одѣтые по парадпѣе, выбранные изъ нихъ же, поставили ихъ въ возможно ровные ряды, на той же большой улицѣ, какъ разъ противъ нашихъ оконъ, и мы могли видѣть этотъ смотръ. Скоро они смѣшались опять въ кучу, переходя другъ къ другу для разговора, и все-таки курили трубки. Князь *Урусовъ* проѣхалъ мимо ихъ верхомъ, они крикнули *Ζήτω Ούρούσοφ*! и тѣмъ все кончилось. Ихъ разослали по разнымъ бастіонамъ въ ложементы. Всѣ просились на четвертый. Но въ тотъ же день на желанномъ четвертомъ бастіонѣ ранили одного пулей. Не знаю, какимъ образомъ случилось, что не достали носилокъ: одинъ грекъ понесъ товарища на плечахъ. Нѣсколько другихъ пошли за нимъ, повѣсивъ голову. Это была трогательная картина, какъ товарищъ товарища несъ, не утомляясь, слишкомъ версту, и донесъ до конца.

«Я сидѣлъ довольно долго подъ окномъ. Провели французскаго перебѣжчика. Народъ останавливался и говорилъ: Ишь молодчикъ!» — Нынче перебѣгаетъ мало: одинъ-два въ день. Но въ холодные дни къ намъ перебѣгало до тридцати человѣкъ въ сутки.

«Передъ вечеромъ я поѣхалъ, отъ нечего дѣлать, на сѣверную сторону и къ ночи воротился въ городъ. Началась сильная стрѣльба съ бастіоновъ. Непріятель отвѣчалъ только ракетами и то къ утру. Я проснулся и слышалъ ихъ свистъ при паденіи. Вдругъ разразился ударъ надъ нашимъ домомъ. Раздался взрывъ, подобный взрыву бомбы; полетѣли жужжащіе верешки и зазвенѣли стекла. У насъ въ корридорѣ поднялись шумъ и бѣготня. Я рѣшилъ, что это бомба, упавшая въ одинъ изъ нумеровъ; но встать и посмотрѣть было лѣнь. Товарищъ мой и не просыпался. Черезъ нѣсколько минутъ я и самъ заснулъ. Мы встали поздно и пошли поглядѣть: оказалось, что это была ракета, ударившая во второй нумеръ. Она пробила

часть крыши, у самого краю, потомъ капитальную каменную стѣну наискось, столъ и зарылась въ мѣшкѣ съ овсомъ. При ударѣ послѣдовалъ разрывъ гранаты, которая была утверждена въ концѣ ракеты, и потому показалось мнѣ, что это бомба. На диванѣ, подлѣ стола, который пробило, спалъ деньщикъ офицера, занимавшаго нумеръ. Его не задѣло нисколько. Мы спросили: «что испугался или нѣтъ?» — Нѣтъ, только проснулся, отвѣчалъ онъ; — значитъ, не моя смерть. — Мы осмотрѣли ракету, развинтили ее. Это былъ родъ конгревовой ракеты, съ желѣзной гильзой и съ желѣзной приставкой на концѣ, въ которую утверждался деревянный хвостъ. Для чего-то было много винтовъ, сдѣланныхъ очень отчетливо. Хвостъ въ разрѣзѣ представлялъ звѣзду о пяти углахъ. Я видѣлъ ракетъ до десяти, и всѣ онѣ были одинаковы. Цѣльная, не согнутая ракета будетъ больше роста человѣка.

«Послѣ чаю я отправился на Малаховъ, нынѣ Корниловъ курганъ, въ память убитаго на немъ *Корнилова*. Со мною былъ офицеръ, данный адмираломъ *Нахимовымъ*, для того, чтобъ представить меня командиру бастіона *Истомину*. Мы нашли его обѣдающимъ, и я не рѣшился войдти. Офицеръ вошелъ одинъ и получилъ позволеніе показать мнѣ бастіонъ. Адмиралъ *Истоминъ* живетъ въ остаткахъ башни, которая была разбита непріятельскими выстрѣлами въ дѣло 24-го октября. Эту башню выстроило городское общество. Ее видно со всѣхъ концовъ Севастополя, по причинѣ весьма высокой мѣстности. Я просилъ прежде всего показать мнѣ мѣсто, гдѣ убитъ *Корниловъ*. На немъ выложенъ крестъ изъ бомбъ. *Корнилова* ранило осколкомъ гранаты въ нижнія части живота. Тутъ же у пушки, на блиндажѣ, сдѣлали ему перевязку; но онъ жилъ только два часа... Миръ праху твоему, доблестный защитникъ Севастополя! Твоимъ дѣятельнымъ духомъ, и твоею любовью къ русской землѣ воздвигнуты валы бастіоновъ, удерживающіе врага; и донынѣ этотъ духъ пребываетъ въ защитникахъ, и ты невидимо бьешься вмѣстѣ съ ними на твоихъ бастіонахъ, безсмертный герой!

«На Корниловомъ курганѣ очень тихо. Траншеи не-

пріятелей около 700 саженъ. Рѣдко приносится ихъ пуля. Не часто посѣщаютъ и бомбы. Однако орудія всѣ до одного занавѣшаны щитами.

«Оттуда я пошелъ на второй и первый нумера батарей, которые находятся не далѣе, какъ въ полуверстѣ отъ Корнилова кургана. Тамъ также тихо. Еще рѣже летаютъ пули, хотя непріятель ближе.

«На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, я вышелъ изъ квартиры, не зная, куда пойду, какъ вдругъ на встрѣчу К*. «Куда вы?» На новый редутъ, посылаетъ генералъ. Не хотите ли?—Мы пошли на графскую. Казенный катеръ уже дожидался. Съ нами было еще двое: молодой С. и гусарскій ротмистръ М. Можно было пристать въ двухъ мѣстахъ, не доѣзжая до георгіевской пристани, куда никто не ѣздитъ, потому что эта пристань находится подъ горою у редутовъ, и туда уже летаютъ пули. Но намъ не хотѣлось идти много пѣшкомъ, и мы поѣхали прямо на георгіевскую. Ровняясь съ Сапунъ-горой, мы спросили у гребцовъ, ѣхать ли дальше? Если кто-нибудь изъ насъ будетъ убитъ, это наше дѣло, а что ихъ безъ нужды мы не хотимъ подвергать опасности и причалимъ тамъ, гдѣ обыкновенно причаливаютъ. «Нешто мы тутъ не ѣзжали, отвѣчали намъ матросы — двухъ смертей небывать, одной не миновать!» и продолжали гресть. Мы обогнули Сапунъ гору и въѣхали въ георгіевскій заливъ. Налѣво виднѣлось нѣсколько палатокъ Селенгинскаго полка; направо, подъ скалой, закопченной дымомъ костровъ, десятка два солдатъ варили кашу. Составленныя въ козла ружья свѣтились на темномъ фонѣ впадины. Подлѣ были остатки рыбацкой хижины. Такъ и просилась картинка на бумагу. Я чуть не остановился. Но нельзя было отстать. Мы причалили къ остаткамъ какихъ-то воротъ, изъ бѣлаго камня, вышли и стали подыматься въ гору.

«Потомъ мы пошли вправо, къ Волынскому редуту (такъ названъ редутъ, на которомъ было дѣло съ 11-го на 12-е). Я прислонился къ траверсу и отдохнулъ. Мы стали смотрѣть изъ-за щита заслонявшаго одно орудіе, на траншеи непріятелей, откуда посылается все это мно-

жество пуль; едва видно было валъ, и нужна была нѣкоторая привычка, чтобы отличить въ горѣ эту желтѣющую насыпь. До нея по крайней мѣрѣ было четыреста саженъ. А къ низу до палатокъ отъ редута вѣрныхъ двѣсти. Выстрѣловъ не видно вовсе. Пули сыпались, посылаемыя неизвѣстно кѣмъ и откуда. Мнѣ не совѣтовали долго глядѣть и высовываться, говоря, что непріятель видитъ у насъ малѣйшее движеніе и сейчасъ посылаетъ пулю. Но ихъ летало черезъ этотъ редутъ немного. Я сталъ, отъ нечего дѣлать, прислушиваться къ ихъ свисту. Иныя летѣли съ особеннымъ шуршаніемъ. Однажды я даже усомнился, точно ли это пуля, и спросилъ у солдата: «что это, пуля?»—Точно такъ!—«Отчего жъ она такъ странно свиститъ?—Да это *молоденькая*! Молоденькими солдаты называютъ пули Минье, съ чашечками.

«А это какая!—Это *лебедушка*!—Такъ называютъ они пулю глухую, безъ чашечки, съ небольшою впадиной.

«Офицеры мнѣ говорили, что есть и еще названія, но сами вспомнить ихъ не могли, а я не слыхалъ.

«Вечеромъ я ходилъ въ Корабельную слободку къ волынцамъ, и тутъ они мнѣ сообщили подробности о дѣлѣ съ 11-го на 12-е, въ томъ видѣ, какъ я передалъ ихъ выше. Разсказывали между прочимъ, будто непріятели пустили однажды въ городъ огромный самоваръ, начиненый разными горючими веществами, но его не разорвало, и что будто бы онъ у кого-то сохраняется. Я не успѣлъ навесть справокъ, потому что на другой день мы получили разрѣшеніе выѣхать. Энергически, въ пять минутъ собрались мы въ дорогу. Я съѣздилъ на сѣверную проститься съ однимъ артиллерійскимъ генераломъ, командиромъ четвертаго нумера; зашелъ также къ *Долгорукому* (доктору) и узналъ, что капитанъ зуавовъ (фамилія его была *Лесажъ*) и его солдаты умерли (они, кажется, носили арабскія имена); но русскимъ всѣмъ лучше и раны идутъ хорошо. Воротясь въ городъ, я сходилъ на шестой бастіонъ и простился съ *Зоринымъ*.

«Когда я шелъ домой, непріятель сталъ пускать бомбы. Двѣ разорвало почти надъ моей головой, нѣсколько

въ боку, и долго стояли въ воздухѣ неразвѣваемыя вѣтромъ облачка, которыя всегда бываютъ послѣ разрыва. Это были единственныя непріятельскія бомбы, видѣнныя мною близко. А я еще ходилъ ихъ смотрѣть нарочно. Судите, сколько же приходится видѣть человѣку, который ни куда не выходитъ. Вѣроятно не больше одной въ недѣлю. А между тѣмъ непріятель пускаетъ въ день около ста. Но такъ великъ городъ, что это не замѣтно. Также не слышно, чтобы онѣ кого-нибудь ранили. Много грому и тревоги. Больше всего вреда отъ штуцерныхъ пуль. Кажется, скоро бросятъ все и возьмутъ въ руки штуцера» (¹).

Турецкій госпиталь въ Балаклавѣ.

Въ «Magazin s. d. Literatur d. Auslandes» пишутъ: «Корреспондентъ газеты «Daily-News», которому мы уже обязаны нѣсколькими прекрасными очерками театра войны, недавно съ большимъ искусствомъ изобразилъ жизнь, или лучше смерть въ Балаклавѣ, надъ которою онъ наблюдалъ на самомъ близкомъ разстояніи. Первое время осады Севастополя онъ провелъ въ англійскихъ траншеяхъ, но въ послѣдствіи ему удалось найти себѣ квартиру въ Балаклавѣ, въ домѣ одного купца грека, изгнаннаго изъ города за расположеніе къ русскимъ. Не смотря на опустошенія, произведенныя въ домѣ зуавами, онъ засталъ его еще въ сносномъ состояніи и помѣстился съ двумя чиновниками англійскаго коммисаріата, подъяческія продѣлки, которыхъ описываетъ съ большимъ юморомъ. Трое друзей вели жизнь довольно беззаботную, однообразіе которой нарушалось только слухами о приготовленіяхъ къ штурму, или о приближеніи генерала *Липранди*, пока, наконецъ, не подверглись опасному вліянію климата, заболѣвъ, одинъ лихорадкой, другой — желтухой и третій — диссентеріей. Но еще прежде этого, одно неожиданное об-

---

(¹) С.-Петерб. Вѣд. 1855 г., № 166.

стоятельство совершенно уничтожило домашній комфортъ англичанъ.

«Едва началась дождливая погода, какъ наше домашнее спокойствіе было нарушено ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ—поселеніемъ непріятнѣйшихъ сосѣдей. Множество турокъ овладѣло домомъ рядомъ съ нашимъ и по всему видно было, что османлы намѣревались остаться въ немъ на долго. Мимо насъ таскали свернутыя одѣяла, коробья самой странной формы и, къ великому изумленію нашему, мы увидали на дворѣ двѣ разбитыя зеленыя палатки. Но мы и не догадывались о томъ, что ожидало насъ впереди и, что слишкомъ скоро стало для насъ яснымъ. Именно, въ одно прекрасное утро, мы увидали изъ окна зрѣлище, которое, конечно, нельзя считать пріятнымъ, особенно передъ самымъ завтракомъ. Въ тридцати шагахъ отъ насъ лежали на землѣ три мертвые турка, которыхъ обмывали въ нашихъ глазахъ. Охотно бы мы отказались отъ такого неопрятнаго memento mori, но не имѣя ни какого права мѣшать обрядамъ нашихъ союзниковъ, мы не безъ любопытства слѣдили за операціей, пока не пришло нѣсколько солдатъ съ носилками, на которыя и были положены трупы. Когда послѣднія носилки вышли изъ воротъ, на безчувственные трупы положили лопату и заступъ, и печальная процессія скоро скрылась у насъ изъ виду. Мы вздохнули вольнѣе и съ любопытствомъ смотрѣли на караульнаго турецкаго офицера, который долго обыскивалъ платье умершихъ, встряхивалъ ихъ кафтаны и ощупывалъ швы. Послѣ мы узнали, что онъ искалъ денегъ, которыя турецкіе солдаты обыкновенно зашиваютъ въ платье. Трое бѣдняковъ, которыхъ только что похоронили, были, повидимому, истинно-бѣдняки, потому что офицеръ обманутый въ своихъ законныхъ поискахъ, съ негодованіемъ отбросилъ отъ себя платье и ушелъ домой.

«На другое утро, снова передъ нашими глазами повторилась сцена обмыванья и обыска, а ночью, вопли и стоны умирающихъ возвѣстили обмыванье и похороны на другой день. Мы не могли долѣе скрыть отъ себя ужасной истины: сосѣдній домъ былъ обращенъ въ госпиталь, куда

приносили нашихъ несчастныхъ союзниковъ за тѣмъ, чтобы ихъ уморить. О сколько-нибудь правильномъ леченіи въ турецкихъ госпиталяхъ, естественно, не можетъ быть рѣчи. Мы видѣли, правда, одного Хакимъ-баши, или доктора, маленькаго, блѣднаго человѣка, въ синемъ кафтанѣ и фескѣ, который съ неизбѣжнымъ длиннымъ чубукомъ во рту, цѣлый день прохаживался по двору. Но мы не видали, чтобы онъ когда нибудь заботился о больныхъ и скорѣе былъ могильщикъ, нежели врачъ, потому что съ особеннымъ раченіемъ присутствовалъ только при похоронахъ. Какъ только трупъ выносили на дворъ для снятія одежды, Хакимъ-баша величественно садился на стулъ, вставлялъ въ ротъ свой длинный чубукъ и раздавалъ приказанія ординарцамъ. Я ни какъ не могъ избѣжать того впечатлѣнія, что онъ будто важничалъ надъ трупами и смотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ злымъ удовольствіемъ. Иногда онъ взглядывалъ на насъ съ самодовольствіемъ и, какъ будто, разсчитывая на наше одобреніе. Казалось, онъ хотѣлъ сказать: «посмотрите, никакой потачки, никакихъ полумѣръ нѣтъ въ нашемъ госпиталѣ. Кто разъ поступилъ сюда, пусть оставитъ всякую надежду; единственное средство выйти отсюда, это на плечахъ моего могильщика». Онъ, конечно, былъ правъ.

«Съ этого времени, мы были осуждены томиться въ удушливой атмосферѣ больныхъ и труповъ, по ночамъ слушать стоны умирающихъ, утромъ—быть свидѣтелями ихъ погребенія. Мы, наконецъ, привыкли къ этимъ каждодневнымъ, печальнымъ картинамъ, но не могли помириться съ другими сценами, которыя, хотя случались тоже каждый день и ежечасно, но описаніе ихъ весьма затруднительно. Могу только сказать, что большая часть паціентовъ умирала диссентеріей, и что мы были не въ состояніи сколько-нибудь побудить закоснѣвшихъ турокъ къ соблюденію приличій и чистоты.... Сомнѣваясь въ успѣхѣ, мы прекратили, наконецъ, наши безплодныя старанія» [1].

---

[1] Русскій Инв. 1855 г., № 65.

Приказъ главнокомандующаго сухопутными и морскими силами въ Крыму, генералъ-адъютанта князя Меншикова, отъ 28-го февраля 1854 года.

Государь Императоръ, въ милостивомъ вниманіи къ совершенно разстроенному моему здоровью, Высочайше слагая съ меня обязанности по камандованію войсками въ Крыму и по званію начальника главнаго морскаго штаба на мнѣ лежавшія, при вступленіи Своемъ на престолъ, 18-го числа сего февраля, удостоилъ меня отъ 19-го сего же мѣсяца Монаршимъ рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ изображено нижеслѣдующее:

«Въ общей глубокой горести о кончинѣ Нашего Благодѣтеля, да будетъ намъ утѣшеніемъ истинно русская храбрость, съ которою ввѣренныя вамъ войска встрѣтили непріятеля и противодѣйствуютъ его покушеніямъ.

Поблагодарите отъ меня всѣхъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя за блистательные подвиги, коими они украсили наши военныя лѣтописи; перешедшій въ жизнь вѣчную, Царственный вождь православнаго воинства, благословляетъ свыше ихъ стойкость и безпримѣрную неустрашимость.»

Товарищи! что могу еще сказать послѣ двухъ Царственныхъ благословеній вамъ на вѣрную и честную службу Престолу и Отечеству?

Тяжкими недугами разлученный съ вами, мнѣ остается только искренно поблагодарить всѣхъ и каждаго изъ моихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ сотрудниковъ, отъ генерала до рядоваго, за неоднократное доставленное мнѣ счастіе передавать имъ «Царское спасибо» и покидая, по необходимости, ряды доблестнаго воинства, я утѣшаюсь убѣжденіемъ, что, удостоенное прежде, оно не перестанетъ и впредь заслуживать Монаршее одобреніе, радуя нашего Царя успѣхами защиты православнаго дѣла.

Товарищи! прощайте! Господь да помогаетъ вамъ.

Положеніе дѣлъ подъ Севастополемъ, во второй половинѣ февраля 1854 года.

Болѣзненное состояніе генералъ-адъютанта князя *Меншикова* въ послѣднее время усилилось до такой степени, что 18-го февраля онъ принужденъ былъ сдать начальство надъ войсками генералъ-адъютанту барону *Остенъ-Сакену*. По полученному отъ барона *Сакена* донесенію отъ 24-го февраля, осадныя работы непріятеля, противъ севастопольскихъ укрѣпленій, подвигаются весьма медленно. Минныя дѣйствія осаждающаго отражаются нами съ постояннымъ успѣхомъ, обращаясь во вредъ самому непріятелю.

22-го февраля съ французскихъ батарей брошено было въ городъ до 30 ракетъ; но они никакого вреда намъ не причинили;

Напротивъ того, артиллерія нашихъ батарей и пароходовъ дѣйствуетъ весьма удачно.

Отъ начальника Евпаторійскаго отряда, генералъ-лейтенанта барона *Врангеля*, получено нижеслѣдующее донесеніе отъ 22-го февраля.

«Начальникъ блокаднаго Евпаторійскаго отряда, генералъ-лейтенантъ *Корфъ*, донесъ мнѣ, что 21-го февраля непріятель, въ числѣ шести эскадроновъ турецкихъ уланъ, и двухъ эскадроновъ баши-бузуковъ, выйдя изъ Евпаторіи, стремительно атаковалъ центръ и лѣвый флангъ нашихъ аванпостовъ. Казаки, занимавшіе передовую цѣпь, отступили къ главному караулу Новомиргородскаго уланскаго полка. Тогда начальникъ аванпостовъ, подполковникъ *Пикорица*, немедленно разсыпалъ половину бывшаго въ главномъ караулѣ 7-го эскадрона означеннаго полка, и послалъ за 8-мъ эскадрономъ Новоархангельскаго уланскаго полка. Турки, подойдя къ нашимъ уланамъ, остановились и завязали перестрѣлку. Въ это время, командующій 6-мъ эскадрономъ Новомиргородскаго полка, поручикъ *Козюлькинъ*, возвращавшійся, по смѣнѣ съ аванпостовъ, на квартиры, услышалъ въ цѣпи выстрѣлы, тотчасъ повернулъ свой эскадронъ и, пройдя скрытно по лощинѣ, вмѣ-

стѣ съ казаками 5-й сотни Донскаго № 61-го Жирова полка, внезапно атаковалъ правый флангъ турецкой кавалеріи. Одновременно съ этою атакою, подполковникъ *Винингъ*, увидя приближеніе 8-го эскадрона Новоархангельскаго полка, ударилъ на непріятеля съ фронта съ 7-мъ Новомиргородскимъ эскадрономъ, тогда какъ часть казаковъ 1-й, 3-й и 6-й сотенъ Жирова полка, подъ командою войсковаго старшины *Селиванова*, атаковали непріятельскую конницу съ лѣваго фланга. Непріятель, опрокинутый этою дружною атакою, обратился въ бѣгство. Уланы и казаки стремительно преслѣдовали его на разстояніи болѣе трехъ верстъ. Въ городѣ произошла общая тревога, непріятельская пѣхота, въ большомъ числѣ начала выходить и строиться внѣ города.

«Тогда подполковникъ *Никорица* остановилъ преслѣдованіе, приказавъ эскадронамъ возвратиться и занять аванпосты прежнимъ порядкомъ.

«Непріятель потерялъ при первой атакѣ нашей болѣе 40 человѣкъ убитыми; сверхъ того, много труповъ оставлено имъ на пути бѣгства.

«Въ плѣнъ взято нами 8 человѣкъ, изъ которыхъ большая часть тяжело ранены.

«Нашъ уронъ заключается въ 1 убитомъ казакѣ, и въ 1 тяжело раненомъ рядовомъ Новомиргородскаго полка; легко ранены: того же полка поручикъ *Таировъ*, и три казака.

«Причина такого блестящаго успѣха, при ничтожной съ нашей стороны потерѣ, заключается въ быстротѣ и совокупности одновременной съ трехъ сторонъ атаки.

«Подполковникъ *Никорица*, кромѣ неустрашимости и спокойствія, выказалъ много распорядительности и находчивости. Успѣху дѣла способствовалъ также поручикъ *Козюлькинъ*, прибывшій съ своимъ эскадрономъ къ мѣсту боя, безъ приказанія, по выстрѣламъ» [1].

Отъ генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена*, изъ

---

[1] Русскій Инвал. 1855 г., № 50.

Севастополя, получено чрезъ Кіевъ телеграфическое извѣстіе, что въ ночь съ 26-го на 27-е февраля заложено нами новое укрѣпленіе, на разстояніи 300 саженей, впереди Корниловскаго бастіона. Работы наши производились успѣшно (1).

Въ дополненіе къ сообщенному телеграфическому извѣстію изъ Севастополя, о заложеніи нами въ ночь съ 26-го на 27-е февраля редута, впереди Корниловскаго бастіона, генералъ-адъютантъ баронъ *Остенъ-Сакенъ* доноситъ отъ 2-го марта, что, не смотря на сильный огонь осаждающаго, работы въ новомъ укрѣпленіи производятся успѣшно.

Дѣйствіе непріятельской артиллеріи не причиняетъ намъ почти никакого вреда: такъ, 27-го февраля, на одинъ изъ нашихъ бастіоновъ брошено было до 60-ти бомбъ и при семъ только одинъ человѣкъ раненъ. Открываемыя нами минныя галереи осаждающаго разрушаются съ постояннымъ успѣхомъ.

Въ окрестностяхъ Евпаторіи ничего замѣчательнаго не происходило. По показанію плѣнныхъ, въ дѣлѣ 5-го февраля турки потеряли до 1,000 человѣкъ убитыми и такое же число ранеными (2).

Подвиги казаковъ Донскихъ полковъ №№ 55 и 61-го.

Три рапорта наказному атаману войска Донскаго г. генералъ-адъютанту Хомутову, походнаго атамана Донскихъ полковъ, въ Крыму состоящихъ, генералъ-маіора П. П. Краснова, отъ 15-го, 17-го и 24-го февраля 1855 года.

1. Честь имѣю почтительнѣйше донести вашему высокопревосходительству о новомъ блистательномъ подвигѣ чиновъ полковъ № 61-го Жирова и № 55-го Филина.—5-го сего мѣсяца, при обложеніи и штурмѣ города Евпаторіи, 3-я, 5-я и 6-я сотни № 61-го полка, и 1-я сотня № 55-го

---

(1) Русскій Инвал. 1855 г., № 54.
(2) Русскій Инвал. 1855 г., № 55.

полка, по распоряженію начальника Евпаторійскаго отряда, г. генералъ-лейтенанта *Хрулева*, должны были спѣшиться и, подъ начальствомъ войсковаго старшины *Селиванова*, идти вмѣстѣ съ пѣхотою на штурмъ города. Исполняя въ точности приказаніе это, безстрашные удальцы Дона не задумались доказать, что они и пѣшіе, такъ же молодецки готовы исполнить свое дѣло, какъ исполняютъ его въ боевыхъ своихъ наѣздахъ. Спѣшившись, они неустрашимо стали въ ряды пѣхоты греческихъ волонтеровъ и, вмѣстѣ съ ними, хладнокровно пошли на приступъ. Подойдя къ кладбищенской стѣнѣ, донцы вмѣстѣ съ греками перелѣзли ее, и не смотря на убійственный огонь штуцеровъ и артилеріи флота, мужественно прошли кладбище и залегли за памятниками, не болѣе, какъ въ тридцати пяти шагахъ отъ городской стѣны. Они съ неустрашимымъ хладнокровіемъ, въ продолженіе четырехъ часовъ, перестрѣливались съ непріятелемъ, направившимъ на нихъ всѣ выстрѣлы, чтобъ выбить ихъ изъ кладбища. Потомъ, когда приказано было отступить, казаки хладнокровно, стройно и не спѣша, въ числѣ послѣднихъ, примкнули къ своей позиціи. Причемъ тяжело ранено шесть, и контужено четыре казака; лошадей убито двѣ и тяжело ранено четыре. Донося о подвигѣ семъ вашему высокопревосходительству, честь имѣю присовокупить, что въ дѣлѣ этомъ казаки наши были истинными молодцами. Тысячи бомбъ и ядеръ, летѣвшихъ на нихъ съ флота и стѣнъ города, не останавливали ихъ: какъ правильно организованая пѣхота, шли хладнокровно и стройно удалые наши наѣздники, не разъ опережая колонны греческихъ волонтеровъ, бывшихъ главными участниками этого дѣла. Объ этомъ я, къ удовольствію моему, не разъ слышалъ единогласные лестные отзывы изъ устъ начальствующихъ лицъ, бывшихъ участниками въ этомъ дѣлѣ. Словомъ, казаки были молодцами, и казаками остались всѣ довольны.

2. 10-го числа января настоящаго года, отряднымъ начальникомъ, флигель-адъютантомъ графомъ *Канкринымъ*, вызваны были десять человѣкъ казаковъ-охотниковъ изъ

6-й сотни № 55-го полка, при урядникахъ *Кузнечиковѣ* и *Чернышковѣ*, которые и посланы были для обезпокоенія непріятеля и, главное, для разузнанія, какого рода работы производятся имъ на морской косѣ, находящейся близъ Евпаторіи. Охотники поддерживаемые взводомъ драгунъ, пробравшись удачно за корабль (который, стоя на мели, прикрывалъ непріятельскія работы), замѣтили, что коса перерыта канавою и въ двухъ мѣстахъ сдѣланы уже насыпи для батареи; за завалами оказалось около тысячи человѣкъ пѣхоты и конницы, которые, замѣтивъ казаковъ, тотчасъ же открыли по нимъ сильный огонь, совокупно съ кораблемъ, на которомъ въ то же время поднятъ былъ металлическій щитъ, и штуцерные, подъ защитою его, начали сильную стрѣльбу по казакамъ. Въ это же самое мгновеніе нѣсколько человѣкъ конныхъ, выскочившихъ изъ за заваловъ, бросились на перерѣзъ дороги уряднику *Кузнечикову*, который, отдѣлившись отъ товарищей, пробрался ближе другихъ къ канавѣ, и наблюдалъ за работами непріятеля. Замѣтивъ опасность товарища, урядникъ *Чернышковъ* бросился впередъ и благополучно выручилъ *Кузнечикова*, но при отступленіи лишился лошади, тяжело раненой въ грудь штуцерною пулей. По донесеніи о подвигѣ семъ г. главнокомандующему, его свѣтлость соизволилъ урядниковъ *Кузнечикова* и *Чернышкова* наградить знаками отличія военнаго ордена св. Георгія, перваго подъ № 101,295, а послѣдняго подъ № 101,296 [1].

3 21-го сего февраля, казаки Жирова № 61-го полка покрыли себя новою славою. Въ этотъ день турецкая кавалерія, въ числѣ 500 человѣкъ, выѣхавъ изъ города Евпаторіи, напала на лѣвый флангъ цѣпи, занимаемой нашими казаками. Уступая численному превосходству непріятеля, казаки мужественно перестрѣливаясь съ турками, медленно отступали до прибытія резерва, состоявшаго изъ одного эскадрона уланъ, 1-й, 3-й, 5-й и 6-й сотенъ № 61-го полка, подъ командою войсковаго старшины *Селиванова*. По прибытіи подкрѣпленія, казаки съ крикомъ «ура»! бро-

---

[1] Одесскій Вѣстн. 1855 г., № 51.

сились въ пики и шашки на непріятеля, и этотъ рукопашный бой вмигъ рѣшилъ дѣло. Турки, оставивъ на мѣстѣ до 40 своихъ труповъ, были съ значительною потерею отброшены къ городу.

Почтительнѣйше донося о подвигѣ семъ вашему высокопревосходительству, честь имѣю доложить: что въ славной кавалерійской стычкѣ этой потеря казаковъ, въ сравненіи съ урономъ непріятеля, весьма незначительна, а именно: убитъ казакъ Луганской станицы Павелъ *Синельниковъ* и контужены: урядникъ Григорій *Голубицковъ* и казакъ Михайла *Алешинъ* — пулями, первый поверхъ пальцевъ правой руки, а послѣдній въ локоть лѣвой руки ([1]).

О русскихъ раненыхъ въ Крыму по 1-е марта 1855 года.

Исправляющій должность генералъ-штабъ-доктора войскъ, въ Крыму находящихся, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шрейберъ*, пишетъ въ редакцію «Русскаго Инвалида» слѣдующее:

«Со дня открытія военныхъ дѣйствій въ Крыму въ сухопутныхъ войскахъ по 1-е марта было раненыхъ 15,123

Изъ нихъ:

Выздоровѣло и поступило во фронтъ 7,377

Выздоровѣло послѣ важныхъ хирургическихъ операцій 169

Надежныхъ къ скорому выздоровленію и поступленію во фронтъ 3,015

«Изъ этой вѣдомости видно, что воины наши, исполненные чувствомъ долга, мужествомъ и храбростію, встрѣчали врага съ истинно геройскимъ одушевленіемъ: Альма, Инкерманъ, Кадыкіой, наконецъ самая оборона г. Севастополя и дѣйствія подъ Евпаторіею, доказали французамъ, англичанамъ и туркамъ, какъ глубоко проникнуты любо-

([1]) Одесскій Вѣстн. 1855 г., № 70.

вію къ Отечеству и Престолу непоколебимыя сердца нашихъ доблестныхъ воиновъ. Таврида, на поляхъ которой явились образцы истиннаго геройства, полна славою о силѣ духа нашихъ богатырей; каждя капля крови ихъ рождаетъ новыхъ сподвижниковъ чести и преданности къ Августѣйшему Монарху.

«Тяжкія раны защитниковъ Севастополя, соединенныя иногда съ жестокими страданіями, переносятся ими съ примѣрнымъ христіанскимъ терпѣніемъ и твердостію духа; каждый изъ страдальцевъ одушевленъ мужествомъ до того, что горюетъ не о потерянной рукѣ или ногѣ, а скорбитъ душею о томъ, что не можетъ оставаться въ рядахъ своихъ товарищей.

«Весьма значительное число выздоровѣвшихъ отъ ранъ и послѣ операцій доказываетъ живую дѣятельность нашихъ военныхъ врачей, постоянно готовыхъ помогать своимъ собратіямъ. Презирая опасности, медики наши исполняютъ свой долгъ, т. е. перевязываютъ раненыхъ и дѣлаютъ имъ операціи даже подъ градомъ смертоносныхъ выстрѣловъ, и, соревнуя другъ передъ другомъ, спѣшатъ доставить раненымъ и страждущимъ необходимое успокоеніе. Многіе изъ числа этихъ истинныхъ друзей человѣчества, среди кровавыхъ трудовъ на пользу нашего войска, сами сдѣлались жертвами своего самоотверженія (¹).

«Великій Монархъ нашъ и весь благословенный Домъ Его не только живо сочувствуютъ нашимъ воинамъ, но, какъ Ангелы-хранители, отечески изливаютъ Свои щедроты, предупреждая всѣ нужды. Сама Императрица, какъ истинная Мать великой русской семьи, соизволяетъ присылать корпію для раненыхъ, приготовленную Ея руками. Достохвальное сочувствіе всѣхъ сословій нашего Отечества выражается щедрыми ежедневными пожертвованіями всего, что только можетъ принести страждущему облегченіе, и можно сказать, что всѣ раненые, отъ генерала до солдата, при самыхъ тяжкихъ физическихъ страданіяхъ, обод-

(¹) Изъ числа находящихся здѣсь медиковъ: убитъ 1, контужено 2, умерло 14 человѣкъ.

ряются духомъ и со слезами радости и умиленія благодарятъ Царя, Царицъ, Августѣйшее Императорское Семейство и любезныхъ соотечественниковъ, — хотя и отдаленныхъ отъ насъ, но присущихъ намъ душею и сердцемъ. Нѣжный и неусыпный уходъ Сестеръ Милосердія, и особенно Крестовоздвиженской Общины, за ранеными довершаетъ это великое дѣло любви къ ближнему и отечественной славѣ.

«Такимъ образомъ, видя щедроты и милость нашего Августѣйшаго Монарха, живѣйшее сочувствіе и участіе собратій, каждый изъ насъ можетъ сказать, вмѣстѣ съ сподвижниками Леонида: мы падемъ здѣсь, благоговѣя и повинуясь священнымъ законамъ нашего Отечества» (¹).

Донесеніе генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена о дѣлѣ подъ Евпаторіею.

Начальникъ Евпаторійскаго отряда, генералъ-лейтенантъ баронъ *Врангель*, доноситъ, что, 2-го марта, 8 эскадроновъ турецкихъ уланъ произвели нападеніе на аванпосты ввѣреннаго ему отряда.

По извѣстію о семъ, начальствовавшій нашими передовыми постами, подполковникъ Уланскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны полка *Гудима* разсыпалъ казачьи резервы и въ слѣдъ за ними двинулъ два эскадрона Новомиргородскихъ уланъ съ двумя орудіями конно-легкой № 20-го батареи.

По приближеніи къ непріятелю на разстояніе 250 саженъ, уланы наши раздались, а конная артилерія открыла картечный огонь.

Турки пораженные внезапностію, тотчасъ же обратились въ бѣгство, которое было столь стремительно, что казаки и уланы не могли даже настичь ихъ; только артиллерія наша, при преслѣдованіи непріятеля, провожала его ядрами и гранатами.

(¹) Русскій Инвал. 1855 г., № 89.

Неприятель бросилъ на мѣстѣ 15 тѣлъ. Съ нашей стороны контуженъ оберъ-офицеръ 1.

Мелкая артиллерiйская замѣтка по поводу дѣла подъ Евпаторiею 2-го марта 1855 года.

Часто необходимость, а иногда даже и самое благоразумiе заставляютъ на полѣ сраженiя двигаться съ заряженными орудiями, причемъ боевой зарядъ удерживается въ дулѣ, какъ извѣстно, воткнутымъ въ него протравникомъ. Ненадежность этого способа, безъ нѣкоторыхъ побочныхъ приспособленiй, кажется очевидна. На скорыхъ аллюрахъ по неровной мѣстности лафетъ значительно подпрыгиваетъ; подпрыгиванья эти или толчки, передаваясь всей системѣ, само собою разумѣется дѣйствуютъ и на протравникъ. Если воткнуть протравникъ въ запалъ незаряженнаго орудiя, то легко можно удостовѣриться, что при всякомъ значительномъ толчкѣ происходятъ весьма замѣтные скачки протравника въ запалѣ. Если же протравникъ воткнутъ въ зарядъ, находящiйся въ дулѣ, то хотя скачки эти и уменьшаются, дѣйствiемъ заряда на протравникъ, но за то они могутъ совершаться только въ одну невыгодную сторону, именно вверхъ, и протравникъ постепенно вылѣзаетъ изъ заряда. Неплотная ткань картуза и сыпучая средина, съ которыми соединенъ протравникъ, слишкомъ непрочны, не вязки, для того чтобы совершенно противодѣйствовать его движенiямъ, да къ тому же толчки самого заряда въ дулѣ еще больше ослабляютъ эту связь. Разъ выскочивши немного вверхъ, конецъ протравника, по слабости его инерцiи, не можетъ уже воткнуться обратно внизъ; при слѣдующемъ толчкѣ конецъ этотъ еще больше и свободнѣе поднимается; наконецъ, достигнувши верхней стороны картуза, уже больше не въ состоянiи удерживать заряда и отъ дальнѣйшихъ толчковъ орудiе само собою, часто никому не замѣтно, разряжается.

Всякiй, кому на ученьяхъ или маневрахъ случалось видѣть орудiе, незамѣтно утратившее свой зарядъ, не могъ не замѣтить, что случай этотъ всегда ведетъ къ потерѣ времени

и даже къ нѣкоторому замѣшательству; трубка поставлена; невинная вспышка, вмѣсто грознаго вѣстрѣла, навѣваетъ какое то колкое конфузное ощущеніе и на офицера и на прислугу.... слѣдуетъ нерѣшительное короткое молчаніе; изъ предосторожности никто не подходитъ къ орудію; потомъ, на всякій случай, ставится другая трубка... опять вспышка, опять непріятное недоумѣніе, опять молчаніе; наконецъ несмѣлый подходъ и удостовѣреніе банникомъ въ томъ, что заряда неимѣется, а время бѣжитъ неоглядно. Не трудно нарисовать себѣ непривлекательность такого положенія въ виду атакующаго непріятеля.

Въ батареѣ Михайловскаго артиллерійскаго училища, въ то время, когда я самъ еще имѣлъ честь быть въ ней юнкеромъ, протравникъ неподвижно удерживался въ своемъ мѣстѣ натянутымъ протравочнымъ ремешкомъ, обкрученнымъ около выступа затыльника. Способъ этотъ употребляется въ нѣкоторыхъ армейскихъ батареяхъ, впрочемъ благодаря единственно заботливости и сметливости нашего солдата. Надобно однакожъ замѣтить, что если обкрутить ремешокъ на скорую руку, то это нисколько не поможетъ; болѣе же тщательное обкручиваніе занимаетъ много времени, какъ при надѣваніи на передки, такъ и при открытіи огня; гораздо было бы проще, если бы на заранѣе пригнанномъ мѣстѣ протравочнаго ремешка сдѣлать петельку или желѣзное колечко; при переходѣ въ движеніе, по воткнутіи протравника, петля эта или колечко, потянутыя съ небольшимъ усиліемъ, накладываются или на одинъ изъ маленькихъ прицѣльныхъ выступовъ затыльника, или же на особенный ввинченный на торели крючечекъ (какъ это надобно будетъ сдѣлать въ случаѣ введенія постоянныхъ прицѣловъ). Пріемъ этотъ для наводящаго нумера требовалъ бы времени не больше одного мгновенья и можетъ быть введенъ въ артиллерійскій уставъ въ ущербъ какому нибудь другому пріему, хотя бы на примѣръ *приставленію ноги* во время оборота банника. Едва ли когда нибудь непріятель, на полѣ сраженія, узритъ такое разшаркиваніе.

Все это пришло мнѣ на мысль, по поводу воспомина

нія о дѣлѣ подъ г. Евпаторіею, 2-го марта 1855 года, въ которомъ мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ потери боеваго заряда, во время движенія на позицію взвода конно-легкой № 20-й (нынѣ № 18-й) батареи. Къ счастію случай этотъ, тогда во время замѣченный и исправленный, не имѣлъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Надѣюсь не заслужить упрека если, быть можетъ, не совсѣмъ кстати, позволю себѣ вспомнить здѣсь объ этомъ дѣлѣ, мало кому извѣстномъ по своей относительной незначительности, но вмѣстѣ замѣчательномъ по чрезвычайно удачному дѣйствію взвода нашей артиллеріи, исключительно рѣшившему его въ нашу пользу, нѣсколькими прицѣльными выстрѣлами.

2-го марта, 3-й взводъ конно легкой № 20-й батареи, въ прикрытіи 4-го эскадрона Новомиргородскаго уланскаго полка, стоялъ поочереди въ резервѣ аванпостовъ блокаднаго евпаторійскаго отряда, у аула Балай, верстахъ въ $3^1/_2$ къ сѣверу отъ Евпаторіи, имѣя заряженныя орудія на передкахъ, въ полной готовности ко всѣмъ случайностямъ. Въ третьемъ часу пополудни, въ прекраснѣйшую, тихую погоду, около 5 — 6 эскадроновъ регулярной турецкой кавалеріи, съ замѣчательно длинными пиками, и толпы баши-бузуковъ внезапно появились изъ Евпаторіи и, опрокинувъ передовую цѣпь казаковъ и уланъ, полною рысью шли прямо на одинъ изъ нашихъ главныхъ карауловъ (3-й эскадронъ бывшаго Новомиргородскаго уланскаго полка), стоявшій въ отлогой балкѣ, саженяхъ въ 400 впереди а. Багай. Вѣроятная цѣль турокъ была конечно — нечаяннымъ и быстрымъ появленіемъ захватить врасплохъ стоявшій тамъ эскадронъ; уже и прежде не разъ покушались они на подобныя предпріятія, впрочемъ всегда безуспѣшно. Чрезъ нѣсколько секундъ послѣ извѣстія о появленіи непріятеля, взводъ артиллеріи и *маскировавшій* его эскадронъ прикрытія самою шибкою рысью двигались уже на помощь угрожаемому эскадрону ([1]). Участь всего дѣла, въ

([1]) Едва только стали мы подниматься изъ каменистой и изрытой потоками балки, гдѣ былъ расположенъ а. Багай, какъ ящичный вожатый совершенно случайно замѣтилъ, что зарядъ выпалъ изъ пушки, почему впо-

которомъ играть въ опасную игру выпадало на нашу долю, зависѣла единственно отъ внезапности появленія и дѣйствія нашей артиллеріи, на которую непріятель ни въ какомъ случаѣ не могъ разсчитывать [1]. 3-й эскадронъ стоялъ на мѣстѣ въ полной готовности и, выждавъ наше прибытіе, пошелъ впередъ, удлинивъ собою маскировавшую артиллерію линію. До опасной встрѣчи съ сильнѣйшимъ непріятелемъ оставалось около 300 саженъ. Эскадроны, усиливъ аллюръ, раздались въ полъ-оборотъ направо и налѣво, вынесшійся взводъ артиллеріи снялся съ передковъ, уланы остановились... мгновенье, другое... грянулъ выстрѣлъ и граната, шелестя въ воздухѣ, пошла къ непріятелю, прицѣленная безъ діоптра, посредствомъ какой-то царапины, начерченной на клиновой оковкѣ, чуть ли не ногтемъ смѣтливаго солдата [2]. Вслѣдъ за тѣмъ ядро съ визгомъ понеслось къ колоннѣ (выстрѣлъ былъ, по моему распоряженію, настильно рикошетный. При необходимо скорой стрѣльбѣ, нельзя было не соблазниться въ пользу этого рода стрѣльбы при такой ровной мѣстности и такой мягкой весенней почвѣ, какая была между нами и непріятелемъ).

Радостное, торжественное *ура*! уланъ разлилось въ воздухѣ. Непріятельская колонна точно окоченѣла на мѣстѣ; правый передній ея уголъ былъ разсыпанъ чрезвычайно удачно (относительно надежды) попавшей гранатой. Еще ядро взметнуло вверхъ какіе-то обрывки изъ середины непріятельской колонны, стоявшей на мѣстѣ, а слѣ-

---

слѣдствіи, только что снялись съ передковъ, первымъ же дѣломъ было наскоро вновь зарядить это орудіе.

(1) Только за два дня до этого дѣла взводъ артиллеріи сталъ отряжаться въ помощь аванпостамъ и турки еще въ недавнихъ, частыхъ аванпостныхъ стычкахъ, нигдѣ не встрѣчая артиллеріи, успѣли слишкомъ привыкнуть къ этому пріятному для нихъ обстоятельству.

(2) Нельзя не замѣтить, что солдаты какъ-то безотчетно ощущаютъ непрактичность нашего привѣснаго прицѣла; въ военное время можно замѣтить, какъ сами они стараются заблаговременно помочь этому горю различными доморощенными способами; заводятся, такъ сказать, примѣтами для скорѣйшаго придаванья должнаго угла возвышенья; въ горячихъ же дѣлахъ, если и созерцаютъ непріятеля сквозь микроскопическую дырочку неустойчиваго прицѣла, то собственно только для очищенія совѣсти.

дующая граната летѣла уже въ турецкіе затылки. Артиллеристы съ хохотомъ присоединились къ крику ура!... не было удержу этому безъискуственному привѣтствію неожиданной удачи. Никогда въ жизни не приходилось мнѣ больше слышать такого непринужденнаго солдатскаго восторга. Непріятель бѣжалъ. Нѣсколько одинокихъ его лошадей, безъ всадниковъ, уносились къ Евпаторіи; оттуда слабо заслышалась тревожная трескотня барабана; на большомъ протяженіи вправо, казаки и баши-бузуки перестрѣливались другъ съ другомъ.

Послѣ четвертаго выстрѣла взводъ, взявшись на передки и въ прикрытіи прежнихъ двухъ эскадроновъ, принявши съ мѣста въ полъ-оборота налѣво, почти въ карьеръ подскакалъ къ уходившимъ туркамъ, саженъ на 230—250 продолженной діагонали ихъ колонны; здѣсь опять сдѣланы были два выстрѣла, снарядами уже бывшими въ дулѣ, а третій картечью; но ушедшій въ это время саженъ на 50 непріятель уже очень слабо почувствовалъ ея пораженіе. Расположенная, почти постоянно къ намъ угломъ, глубокая колонна непріятельской растерявшейся кавалеріи была превосходною мишенью и для прицѣльной стрѣльбы. Четыре слѣдующіе снаряда наши, брошенные подъ постепенно увеличиваемыми углами возвышенія (уже по діоптрамъ), почти всѣ удивительно хорошо лѣпились въ колонну; только самая послѣдняя граната, немного не долетѣвъ до колонны, разорвалась въ воздухѣ. Между тѣмъ мѣстность предъ Евпаторіею очищалась; до города оставалось около 300 саженъ, и ничто не могло мѣшать непріятелю начать бросать въ насъ боевыя ракеты и открыть пальбу изъ орудій большаго калибра, стоявшихъ на городскихъ укрѣпленіяхъ; благоразуміе требовало, съ успѣхомъ покончивъ свое дѣло, возвратиться безъ малѣйшей потери.

Взводъ артиллеріи взялся назадъ на передки, уланы повернулись налѣво-кругомъ и небольшою рысью, выйдя изъ подъ пушечнаго выстрѣла укрѣпленій, совершенно безмятежно разъѣхались къ своимъ постояннымъ мѣстамъ на аванпостахъ. Только рѣдкіе ружейные выстрѣлы еще

нѣсколько минутъ нарушали тишину. Казаки, въ разсыпную, преслѣдовали въ разсыпную же уходившихъ башибузуковъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ въ непріятеля попали первые наши выстрѣлы, найдено казаками различное обрызганное кровью оружіе и въ нѣсколькихъ саженяхъ оттуда раненая лошадь; по пути непріятельскаго отступленія тоже валялось оружіе, преимущественно переломленныя древки пикъ съ флюгерами. Потеря турокъ доходила до 20-ти человѣкъ; число это впослѣдствіи подтверждалось перебѣжчиками. Намъ хорошо было видно, какъ во все время отступленія непріятельской колонны безпрерывно отрывались отъ нее небольшія кучки и, торопливо повозившись на одномъ мѣстѣ, во весь духъ догоняли свою колонну. Конечно, это турки увозили своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей. По значительному количеству оставленныхъ переломленныхъ пикъ и унесшимся лошадямъ можно предполагать, что снаряды наши, случайно, поражали преимущественно самихъ кавалеристовъ.

Съ нашей стороны потери почти не было во все дѣло; только легко раненъ пулею оберъ-офицеръ казачьяго донскаго № 61 полка, въ перестрѣлкѣ съ баши-бузуками.

Собственно успѣхъ стрѣльбы можно приписать, какъ чрезвычайно благопріятнымъ мѣстности и погодѣ, такъ и смѣтливости, навыку къ своимъ орудіямъ, и вѣрности глазомѣра наводившихъ нумеровъ (бомбардиры *Ивановъ* и *Литвиненко*; изъ нихъ первый за это дѣло награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена). Изъ сдѣланныхъ 11-ти выстрѣловъ, только два не попали въ цѣль непосредственно (картечный и послѣдній), слѣдовательно попало почти 82%. Предоставляется всякому сдѣлать оцѣнку этой стрѣльбы, произведенной по непріятелю. Надобно замѣтить, что значительная помощь изъ отряда могла прибыть не раньше какъ чрезъ часъ къ мѣсту дѣйствія, и слѣдовательно, при болѣе рѣшительномъ непріятелѣ, мы могли бы не дешево поплатиться за свою смѣлость встрѣчать сильнѣйшаго непріятеля, не надѣясь на скорую помощь.

Главнымъ распорядителемъ этого отважнаго, но вмѣстѣ благоразумнаго дѣла былъ начальствовавшій линіею аванпостовъ уланскаго Е. И. В. Екатерины Михаиловны полка подполковникъ *Гудима* (1).

10-го апрѣля 1859 г.

А. Берлинскій.

Донесеніе о нападеніи непріятеля на Камчатскій редутъ.

5-го марта, вскорѣ по наступленіи сумерекъ, открытъ былъ изъ непріятельскихъ траншей сильный огонь по нашимъ ложементамъ, впереди возведеннаго нами предъ Корниловскимъ бастіономъ Камчатскаго редута.

Вскорѣ непріятель, прекративъ ружейный огонь, открылъ канонаду по редуту со всѣхъ своихъ ближайшихъ батарей.

Въ тоже время три колонны зуавовъ, предшествуемыя застрѣльщиками, бросились въ интервалы между нашими передовыми ложементами, намѣреваясь овладѣть редутомъ.

Занимавшій этотъ редутъ полковникъ *Свищевскій* вывелъ изъ укрѣпленіи три роты Волынскаго пѣхотнаго полка, стремительно атаковалъ ими непріятеля и штыками отбросилъ его къ ложементамъ, занятымъ стрѣлками Якутскаго полка, которые, пользуясь разстройствомъ непріятельскихъ колоннъ, ударили на нихъ съ тыла.

Зуавы, поставленные между двумя рядами штыковъ, искали спасенія въ бѣгствѣ.

Непріятель, подкрѣпивъ отброшенныя колонны, снова открылъ сильнѣйшій артиллерійскій огонь. Въ слѣдъ затѣмъ зуавы бросились вторично на ложементы, но встрѣченные, предварительно выведенными изъ редута полковникомъ *Бялымъ* баталіономъ Якутскаго пѣхотнаго, и двумя ротами Томскаго егерскаго полковъ, были снова опрокинуты въ свои окопы.

---

(1) Артиллерійскій Журн. 1859 г. № 4.

Преслѣдуя по пятамъ отбитаго непріятеля, удальцы наши ворвались въ его траншеи, гдѣ завязался кровопролитный рукопашный бой, въ которомъ французы понесли значительный уронъ.

Затѣмъ полковникъ *Бялый* отвелъ свои баталіоны и построилъ ихъ впереди ложементовъ. Непріятель прекратилъ перестрѣлку по всей линіи своихъ траншей и не возобновлялъ ее въ теченіи цѣлой ночи.

Союзники имѣли рѣшительное намѣреніе, во что бы ни стало, овладѣть нашимъ редутомъ. По показанію плѣнныхъ, въ семъ дѣлѣ участвовало до 12,000 непріятельскихъ войскъ.

Потеря непріятеля, судя по упорству ожесточеннаго боя, вообще должна быть весьма значительна. Близъ одного редута оставлено имъ до 50 тѣлъ. Въ плѣнъ взято нами: оберъ-офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 9.

Съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 15, ранено: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 87.

Въ представленномъ, вмѣстѣ съ сими донесеніями, журналѣ военныхъ дѣйствій, генералъ-адъютантъ баронъ *Остенъ-Сакенъ* упоминаетъ, между прочимъ, что въ вечеру 3-го марта сдѣлана была весьма удачная вылазка 700 чел. охотниковъ, подъ начальствомъ маіора *Рудановскаго*. Штабъ-офицеръ этотъ раздѣлилъ свою команду на три колонны, бросился съ ними на занятую французами траншею и, не взирая на жестокій перекрестный огонь, вытѣснилъ изъ нея непріятеля съ значительною для него потерею.

По приближеніи къ непріятелю подкрѣпленій, маіоръ *Рудановскій* подалъ сигналъ къ отступленію и совершилъ его въ примѣрномъ порядкѣ, подъ картечнымъ огнемъ осаждающаго.

Потеря наша въ семъ дѣлѣ заключается въ 13 убитыхъ и 57 раненыхъ нижнихъ чинахъ. Въ плѣнъ взято у непріятеля 9 человѣкъ ([1]).

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 60.

Нѣкоторыя подробности обороны Севастополя, въ мартѣ 1855 года.

Въ дополненіе свѣдѣній, напечатанныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» предлагаемъ еще нѣсколько подробностей безпримѣрной обороны полуукрѣпленнаго города. Мы называемъ оборону безпримѣрною потому, что передъ глазами непріятеля храбраго, предпріимчиваго, искуснаго и снабженнаго всѣми современными военными средствами воздвигаются наши оборонительныя линіи, наши контръ-апроши, люнеты и проч. Передъ глазами искуснѣйшихъ непріятелей не укрѣпленный городъ сдѣлался почти крѣпостью; передъ нимъ, какъ бы волшебствомъ, явились бастіоны, рвы, и, что̀ всего удивительнѣе, не осаждающіе подвигаются впередъ, а осажденные, отодвигая мало-помалу непріятеля отъ обороняемыхъ ими полуразвалинъ своихъ скромныхъ жилищъ и грозныхъ приморскихъ укрѣпленій, на которыхъ развѣваются наши русскіе военные флаги. Напримѣръ, защитники Севастополя замѣтили, что непріятель можетъ безнаказанно утвердиться на возвышеніи противъ Корниловскаго бастіона, ежели рѣшится идти впередъ летучею сапою. Желая воспрепятствовать этому предпріятію, февраля 27-го, былъ осажденными заложенъ люнетъ, названный Камчатскимъ, далѣе полуверсты отъ Корниловскаго бастіона и только въ 180 саж. отъ второй передней параллели, правой непріятельской атаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ люнетъ, совокупно съ контръ-апрошею, Волынскимъ и Селингинскимъ редутами, составили родъ передовой оборонительной линіи. Храбрые непріятели (преимущественно французы), 11-го и 12-го февраля тщательно старавшіеся воспрепятствовать работамъ Селенгинскаго редута и понесшіе сильный уронъ при отраженіи ихъ нападенія на работы этого редута, не рѣшались уже атаковать нашихъ рабочихъ во время возведенія Камчатскаго люнета. Ночью съ 7-го на 8-е марта непріятельскій ружейный огонь былъ усиленъ; въ эту ночь имъ брошено 45 бомбъ по направленію Чесменскаго редута. Въ это время на Камчатскомъ люнетѣ прорѣзали три амбразуры

и насыпали барбетъ; установили тринадцать платформъ; начали устраивать блиндажъ и возвышать брусверъ. На Селингинскомъ и Волынскомъ редутахъ утолщали и возвышали брустверъ, такъ что 9-го марта главнокомандующій князь *Горчаковъ* нашелъ Камчатскій люнетъ уже почти готовымъ, съ орудіями въ маскированныхъ амбразурахъ. Марта 9-го, послѣ полудня, сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ по Камчатскому люнету; въ ночи брошено на наши бастіоны и въ городъ 90 бомбъ. Штуцерной огонь не умолкалъ. Въ эту же ночь въ Англійскихъ траншеяхъ прорѣзаны амбразуры, для дѣйствія по нашимъ ложементамъ, расположеннымъ впереди Камчатскаго люнета. Находящаяся предъ этимъ люнетомъ Французская траншея приблизилась саженъ на 40 къ нашимъ ложементамъ. Въ этотъ день контуженъ корпуса флотскихъ штурмановъ подпоручикъ *Ларинъ*. Марта 16-го непріятель, не желая подвергаться болѣе огню нашихъ штуцерныхъ, выступилъ изъ лѣвой оконечности своей паралелли тихою сапою. Едва ли въ лѣтописяхъ осадъ найдется другой примѣръ подобныхъ дѣйствій: безнаказаннаго возведенія осажденными значительнаго контръ-апрошнаго верка, который заставилъ непріятеля начать работы тихою сапою въ разстояніи 470 саженъ. Въ ночи съ 9-го на 10-е марта, на бастіоны и въ городъ непріятель бросилъ 124 бомбы и 6 конгревовыхъ ракетъ. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ изъ новаго люнета, и огонь нашихъ штуцерныхъ принудили непріятеля временно прекратить свою сапную работу въ-теченіе дня 10-го марта. Но къ вечеру непріятель быстро возобновилъ свои работы и приблизился къ намъ столь близко, что съ наступленіемъ сумерекъ овладѣлъ всею линіею нашихъ передовыхъ ложементовъ; поэтому предположено было выбить непріятеля изъ нашихъ заваловъ и уничтожить его подступы и сапу. Марта 10-го, въ девять часовъ вечера, два батальона Камчатскаго полка, назначенные для занятія ночной цѣпи, расположилась впереди своего редута, а два въ редутѣ. Генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*, для атаки непріятеля, занятаго работами въ своихъ траншеяхъ и въ нашихъ передовыхъ завалахъ, рас-

порядился выдвинуть изъ Камчатскаго люнета одинъ баталіонъ Камчатскаго полка; а для поддержанія его назначенъ баталіонъ Днѣпровскаго полка. Два другіе баталіона этого полка расположились лѣвѣе люнета; за ними — матросы 35-го и 44-го флотскихъ экипажей, для разрушенія траншей; правый флангъ порученъ былъ полковнику *Голеву*, а лѣвый подполковнику *Радомскому*. Эти баталіоны, построенные въ ротныя колонны, смѣло двинулись впередъ. За ними послѣдовали Камчатскіе баталіоны, бывшіе въ ложементахъ впереди своего люнета. Смертоносный непріятельскій огонь не смутилъ русской пѣхоты: она двигалась впередъ молча, безъ выстрѣла; сомкнула ряды и штыками вытѣснила непріятелей изъ занятыхъ ими заваловъ. Напрасны были усилія французовъ удержаться въ своихъ подступахъ и сапѣ. Днѣпровцы и Камчатцы, двигаясь впередъ, овладѣли непріятельскими работами, ворвались въ главную непріятельскую траншею, а вмѣстѣ съ ними и матросы 35-го и 44-го флотскихъ экипажей. Матросы, не смотря на неоднократное нападеніе французскихъ войскъ, срыли всѣ подступы и уничтожили сапу. Здѣсь цѣль была достигнута; но возвращеніе нашихъ войскъ значительно затруднялось мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, производимымъ непріятелемъ со ската докового оврага, вдоль нашей линіи. Чтобы облегчить обратное движеніе, поработавшимъ штыками, нашимъ баталіонамъ, генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* отрядилъ на свой правый флангъ баталіонъ Углицкаго и два баталіона Волынскаго полковъ, находившихся въ резервѣ за Камчатскимъ редутомъ. Этимъ баталіонамъ непріятель храбро сопротивлялся, но принужденъ былъ оставить занятую позицію съ большимъ урономъ. Затѣмъ данъ былъ сигналъ общаго отступленія. Во время этого боя ложементы, передѣланные французами для своихъ стрѣлковъ, перестроены, подъ надзоромъ храбраго штабсъ-капитана *Тидебеля* и заняты нашею цѣпью. Генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ*, свидѣтельствуя о хладнокровіи и распорядительности полковника *Голева* и подполковника *Радомскаго* (раненаго пулею въ грудь навылетъ), представилъ на видъ начальства необычайное мужество, съ кото-

рымъ дрались всѣ войска безъ исключенія; трудно было удержать ихъ отъ дальнѣйшаго наступленія и преслѣдованія непріятеля. Чтобы остановить войска отъ дальнѣйшаго движенія, нужны были христіанскія убѣжденія іеромонаха Іоаникія *Савинова*, состоящаго при 45 флотскомъ экипажѣ. Отецъ Іоаникій во все время боя, съ крестомъ въ рукахъ, предшествовалъ нашимъ колонамъ, воодушевлялъ войска и успокоивалъ раненыхъ. Онъ контуженъ въ грудь, при чемъ отбита часть креста. Въ этомъ рукопашномъ бою, въ которомъ пришлось имѣть дѣло съ храбрымъ, неуступчивымъ непріятелемъ, нельзя было брать плѣнныхъ; впрочемъ въ нашихъ рукахъ остались два офицера и 60 человѣкъ нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ 36 человѣкъ раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ, оставленныхъ непріятелемъ на полѣ сраженія, найдено два офицера. Въ два часа пополуночи, того же 10-го марта, сдѣлана была вылазка съ 3-го отдѣленія оборонительной линіи. Наши охотники желали овладѣть двумя непріятельскими орудіями, дѣйствовавшими вдоль нашихъ ложементовъ, впереди Камчатскаго люнета. Этотъ отрядъ, ввѣренный капитану 2-го ранга *Будищеву*, составляли: четыре роты греческихъ волонтеровъ, предводимыя княземъ *Мурузи*, съ проводниками отъ 40-го флотскаго экипажа; 260 охотниковъ матросовъ 38-го и 41-го флотскихъ экипажей и 6-го баталіона Минскаго полка, подъ начальствомъ лейтенанта *Астапова*. Эти двѣ партіи ворвались въ непріятельскую траншею, но орудій не нашли: при этомъ перекололи англичанъ, составлявшихъ траншейный караулъ, заклепали двѣ мортиры, разорили непріятельскіе ложементы, взяли въ плѣнъ командира 34-го англійскаго полка, подполковника *Келли*, и шесть рядовыхъ; но при этомъ тяжело раненъ храбрый начальникъ этихъ партій, капитанъ 2-го ранга *Будищевъ*. Кромѣ сего, для отвлеченія вниманія непріятеля, двѣ другія партіи пошли на его работы правѣе и лѣвѣе предъидущихъ. Первая изъ нихъ, съ мичманомъ *Завалишинымъ*, ударила на французовъ въ доковой балкѣ; выбивъ непріятеля изъ траншей, возвратилась со взятыми въ плѣнъ двумя зуавами. Вторая партія состояла изъ охотниковъ

30-го и 45-го флотскаго экипажа, Охотскаго полка и 6-го Волынскаго баталіона, всего въ числѣ 475 человѣкъ, предводимыхъ лейтенантомъ *Бирюлевымъ*. Они ловко ворвались въ англійскія траншеи, на высотахъ предъ южной бухтой, нанесли непріятелю значительный уронъ, заклепали мортиру, разорили вновь строющуюся батарею и, взявъ въ плѣнъ англійской службы инженеръ-капитана и шесть рядовыхъ, возвратились безъ большой потери. Въ эту кровопролитную ночь, до тысячи человѣкъ выбыло изъ строя храбраго севастопольскаго гарнизона. Наши вылазки немедленно встревожили весь непріятельскій лагерь, и тотчасъ же, съ отдаленныхъ его батарей, понеслись въ городъ и на укрѣпленія бомбы и конгревовы ракеты; кажется, что на 4-й бастіонъ упало 600 бомбъ, въ городъ 200 бомбъ и 75 конгревовыхъ ракетъ. Отъ первыхъ выстрѣловъ загорѣлись два дома. Пожаръ этотъ вскорѣ потушенъ, не смотря на то, что на это мѣсто были устремлены непріятельскіе выстрѣлы (1).

Донесенія о ходѣ осады и обороны.

Отъ генералъ-адъютанта князя *Горчакова* получено изъ Севастополя донесеніе по телеграфу чрезъ Кіевъ, что въ ночь съ 10-го на 11-е марта была сдѣлана сильная вылазка, дабы помѣшать непріятелю производить скорые подступы къ Камчатскому люнету. Дѣло кончилось въ нашу пользу, и устроенныя въ продолженіе послѣднихъ дней французами апроши срыты. Уронъ съ обѣихъ сторонъ значителенъ, но потеря непріятельская больше нашей. Взяты въ плѣнъ: 2 французскихъ офицера, англійскій полковникъ и англійскій капитанъ (2).

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* доноситъ отъ 13 го (25-го) марта, что осадныя работы непріятеля противъ севастопольскихъ укрѣпленій подвигаются весьма медленно.

(1) С.-Петер. Вѣд. 1855 г., № 98.
(2) Русскій Инвал. 1855 г., № 62.

Напротивъ того, съ нашей стороны, положеніе крѣпостныхъ верковъ съ каждымъ днемъ улучшается, не смотря на усилившійся въ послѣднее время, почти непрерывный огонь осаждающаго. Минныя его галлереи разрушаются нами съ прежнимъ успѣхомъ.

Турецкія войска, занимающія Евпаторію, содержатся въ тѣсной блокадѣ отрядомъ генералъ-лейтенанта барона *Врангеля*.

9-го марта турки, въ числѣ 18 эскадроновъ при 12 конныхъ орудіяхъ, и нѣсколькихъ баталіоновъ съ пѣшею артиллеріею, вышли изъ города и неоднократно пытались перейдти каменный мостъ на рукавѣ Гнилаго озера; но встрѣченные огнемъ нашей конной артиллеріи, къ ночи принуждены были отступить.

Вмѣстѣ съ сими донесеніями получено отъ генералъ-адъютанта князя *Горчакова* слѣдующее описаніе вылазки, произведенной войсками севастопольскаго гарнизона въ ночи съ 10-го на 11-е марта:

«27-го минувшаго февраля, на курганѣ, находящемся въ 290 саженяхъ впереди Корниловскаго бастіона и только въ 180 саженяхъ отъ 2-й передней параллели осаждающаго, заложенъ былъ нами люнетъ, по имени полка, производившаго заложеніе, названный «Камчатскимъ».

«Цѣль постройки этого укрѣпленія заключалась въ томъ, дабы воспрепятствовать непріятелю, посредствомъ скорыхъ работъ летучею сапою, утвердиться на возвышеніи противъ Корниловскаго бастіона, и дабы, совокупно съ контръапрошными редутами Селенгинскимъ и Волынскимъ, образовать передовую оборонительную линію.

«9-го марта, люнетъ былъ совершенно оконченъ и вооруженъ, послѣ чего непріятель могъ продолжать свои подступы не иначе уже, какъ тихою сапою, не смотря на то, что находился еще въ 470 саж. отъ главныхъ крѣпостныхъ укрѣпленій.

«10-го марта, огонь нашей артиллеріи и штуцерныхъ изъ люнета заставилъ непріятеля прекратить работы, но должно было полагать, что ночью онъ употребитъ всѣ

усилія, дабы вознаградить потерянное время и быстро подвинуться впередъ летучею сапою.

«Дабы воспрепятствовать сему, въ ночи съ 10-го на 11-е марта сдѣлана была сильная вылазка, по направленію отъ Камчатскаго люнета противъ новыхъ французскихъ апрошей.

«Предпріятіе это поручено было генералъ-лейтенанту *Хрулеву*, съ отрядомъ изъ 11 баталіоновъ [1], 44-го флотскаго экипажа и команды отъ 35-го экипажа.

«Войска эти, построившись въ ротныя колонны по обѣимъ сторонамъ укрѣпленія, смѣло двинулись впередъ, преодолѣвъ жестокій огонь непріятеля, овладѣли ближайшими его подступами и, не смотря на отчаянное сопротивленіе, ворвались въ главную французскую траншею. Всѣ работы осаждающаго были немедленно срыты матросами 35-го и 44-го флотскихъ экипажей.

«Кровопролитный рукопашный бой продолжался цѣлую ночь, до тѣхъ поръ, пока французы, съ величайшимъ упорствомъ оборонявшіе свои окопы, оттѣснены были къ задней параллели.

«Тогда генералъ-лейтенантъ *Хрулевъ* подалъ сигналъ къ отступленію, которое совершено было войсками нашими въ примѣрномъ порядкѣ.

«Одновременно съ симъ нападеніемъ, для отвлеченія силъ непріятеля, сдѣланы были двѣ другія вылазки лѣвѣе и правѣе Камчатскаго люнета. Первая поручена была капитану 2-го ранга *Будищеву*, съ отрядомъ изъ четырехъ ротъ греческихъ волонтеровъ князя *Мурузи*, и 260 человѣкъ охотниковъ 38-го и 41-го флотскихъ экипажей, и 6-го резервнаго баталіона Минскаго пѣхотнаго полка.

«Переколовъ англійскій траншейный караулъ, охотники наши заклепали двѣ мортиры большаго калибра, разорили непріятельскіе ложементы и взяли въ плѣнъ командира 34-го полка, подполковника *Келли*, и шесть рядовыхъ.

---

[1] Въ томъ числѣ находились четыре баталіона Камчатскаго и два баталіона Углицкаго егерскихъ полковъ; три баталіона Днѣпровскаго и два баталіона Волынскаго пѣхотныхъ полковъ.

«Другая вылазка изъ 475 охотниковъ 30-го и 45-го флотскихъ экипажей, Охотскаго егерскаго полка и 6-го резервнаго баталіона Волынскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ лейтенанта *Бирюлева*, ворвалась въ англійскую траншею, на высотѣ предъ южною бухтою, заклепала одну мортиру, разорила вновь заложенную здѣсь непріятелемъ батарею и взяла въ плѣнъ англійскаго инженернаго капитана и шесть рядовыхъ.

«Такимъ образомъ, предпріятіе наше увѣнчалось полнымъ успѣхомъ на всѣхъ пунктахъ; непріятель выбитъ былъ изъ траншей, всѣ работы, произведенныя имъ въ послѣдніе дни, уничтожены. У французовъ взято въ плѣнъ 62 человѣка, въ томъ числѣ 2 офицера; у англичанъ взято 2 офицера и 12 рядовыхъ и заклепано 3 мортиры.

«Но блистательное дѣло это стоило намъ весьма дорого; во всѣхъ трехъ вылазкахъ съ нашей стороны убито: штабъ и оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 379; ранено: штабъ и оберъ-офицеровъ 21, нижнихъ чиновъ 982.

«По показаніямъ плѣнныхъ, въ ночь съ 10-го на 11-е марта, непріятель намѣревался, во что бы то ни стало, овладѣть нашими ложементами близъ Камчатскаго редута и произвести значительныя работы летучею сапою.

«Для сего имъ заблаговременно выдвинуто было въ переднія траншеи шесть баталіоновъ.

«Это обстоятельство, вынудившее генерала *Хрулева* ввести въ дѣло большую часть своего резерва, объясняетъ причину понесеннаго нами чувствительнаго урона.

«Впрочемъ потеря непріятеля должна быть гораздо значительнѣе нашей, принимая во вниманіе, что, при отступленіи, разбитыя французскія войска подвергались перекрестному огню съ ближайшихъ нашихъ батарей. Въ числѣ убитыхъ находится завѣдывавшій французскими траншейными работами, генеральнаго штаба подполковникъ *Дюма*.

Во все время боя, городъ былъ сильно бомбардированъ. Въ теченіе ночи брошено непріятелемъ до 2,000 бомбъ, которыя не причинили почти никакого вреда войскамъ гарнизона, остававшимся подъ блиндажами».

Свидѣтельствуя о геройскомъ мужествѣ всѣхъ вообще войскъ нашихъ, участвовавшихъ въ семъ кровопролитномъ бою, генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* въ числѣ особенно отличившихся упоминаетъ: о генералъ-лейтенантѣ *Хрулевѣ*, руководившемъ дѣйствіями главной вылазки; о командирѣ Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, подполковникѣ *Радомскомъ*; капитанѣ 2-го ранга *Будищевѣ*; лейтенантѣ *Бирюлевѣ*; начальникѣ греческихъ волонтеровъ князѣ *Мурузи* и іеромонахѣ *Іоанникіи Савиновѣ*, который во все время боя, съ крестомъ въ рукахъ, находился впереди нашихъ колоннъ, воодушевлялъ войска и успокоивалъ раненыхъ [1].

НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

РАЗСКАЗЪ УЧАСТВОВАВШАГО ВЪ НЕЙ.

(*Посв. А.... Н.... К....ой*).

Жизнь и служба въ осажденномъ городѣ были бы до-крайности однообразны; гарнизонъ, свыкнувшійся уже съ гуломъ ядеръ и свистомъ пуль, пожалуй, могъ бы сдѣлаться безпечнымъ, нѣкоторые могли бы упасть даже духомъ, видя вокругъ себя гибнувшихъ товарищей и не будучи въ состояніи отмстить за нихъ,—но въ Севастополѣ русская удаль и молодечество поддерживаются, къ счастію, постоянными ночными вылазками.

Въ темную ночь собираются нѣсколько десятковъ, иногда сотенъ охотниковъ; они идутъ на стукъ непріятельскихъ кирокъ и лопатъ. Мѣстность, впрочемъ, хорошо извѣстна морякамъ: непріятельскія батареи построены на землѣ и изъ земли имъ принадлежащей. Тихо-тихо подползываютъ охотники къ непріятельскимъ траншеямъ....

Вдругъ далеко раздастся громкое ура!... Лопаты и кирки брошены, зуавы хватаются за ружья, а мы уже въ траншеѣ. Что происходитъ тамъ, въ этой траншеѣ, ни

[1] Русскій Инвал. 1855 г., № 71.

*

одинъ изъ участниковъ ночной этой драмы не можетъ разсказать; тамъ душно и тѣсно, тамъ стоны и проклятія, съ которыми часто сливается тихая молитва умирающаго.... Но вотъ горнистъ трубитъ отступленіе, и остатокъ удальцовъ возвращается на свои батареи.

Объ одной изъ такихъ-то, въ большихъ размѣрахъ и богатой эпизодами, вылазокъ ([1]), я разскажу вамъ теперь, потому что самъ въ ней участвовалъ. Здѣсь не мѣсто входить въ стратегическія подробности. Я пишу не военную статью, а описываю только картину вылазки. Но картина не можетъ быть безъ контуровъ. Нѣкоторыя данныя необходимы; вотъ онѣ въ нѣсколькихъ словахъ:

Впереди карабельной части, на курганѣ возвышалась, до бомбардированія 5-го октября, башня Малахова. Развалины башни этой окроплены кровью *Корнилова* и *Истомина.* Курганъ опоясала съ тѣхъ поръ грозная батарея, будто внезапно выросшая изъ-подъ земли, батарея—мстительница за смерть первыхъ спасителей Севастополя. Ей сдѣлалось тѣсно на узкомъ курганѣ и она, смѣлою траншеею прорвавши непріятельскую цѣпь, выдвинулась на 290 саженъ впередъ. Батарея эта приняла названіе Камчатской. Камчатскій полкъ построилъ ее, Камчатскому полку принадлежала честь и защищать ее.

Въ двухъ рядахъ ложементовъ лежали наши штуцерные впереди Камчатскаго укрѣпленія. Осаждающіе не могли быть хладнокровными зрителями смѣлости осажденныхъ. Тихою сапою начали они выходить изъ своихъ траншей. Ночь съ 10-го на 11-е была назначена генералъ лейтенантомъ *Хрулевымъ* для уничтоженія непріятельскихъ работъ. Эта вылазка должна была начаться въ одинадцать часовъ, послѣ того какъ луна скроется. Въ то же время приказано было контръ-адмиралу П* броситься на траншеи, защищаемыя англичанами.

Въ восемь часовъ собрались въ развалинахъ Малаховой башни люди, которымъ, предназначена была честь идти въ головѣ отрядовъ и охотниковъ. Генералъ пере-

---

([1]) Въ ночь съ 10 на 11 марта.

далъ имъ приказанія. Они поняли всю важность дѣла, порученнаго имъ и съ нетерпѣніемъ ожидали одиннадцати часовъ.... Разговоръ часто прерывался.... думъ было болѣе чѣмъ словъ. Въ ложементахъ лежали солдаты, изъ коихъ многимъ суждено было не пережить этой ночи. Они также говорили и думали, но думали мало; о чемъ солдату думать?

На небѣ свѣтила луна, свѣтила весело и ясно, не зная, что ей придется освѣщать кровавую картину.... Надъ нею перебѣгали облака, тѣнь отъ которыхъ растилалась по землѣ черными полосами и пятнами. Молодые солдатики принимали тѣни эти за непріятельскія колонны и отъ времени до времени слышны были слова: «Насъ обходятъ»! или: «Ребята! французъ идетъ на насъ»! «Вздоръ»! отвѣчали старики.

Но вотъ, двѣ такія тѣни принимаютъ видъ правильныхъ квадратовъ.... все чернѣе и ближе.... при этомъ и старики уже начали взводить курки.... Не прошло мгновенія, какъ засвистали пули и цѣпь наша должна была уступить передніе ложементы врагу, въ двое сильнѣйшему, но генералъ былъ уже тутъ.

Быстрымъ и опытнымъ взглядомъ окинулъ онъ мѣстность и убѣдился, что непріятельскія колонны не преувеличены робкими воображеніями. Имѣя намѣреніе предупредить насъ, или ожидая нападенія нашего, сильные непріятельскіе резервы уже заблаговременно были выдвинуты. Въ одно мгновеніе планъ небольшой вылазки, генералъ расширилъ до размѣровъ большаго ночнаго дѣла. Камчатское укрѣпленіе окружено 9-ю баталіонами; команды 44-го и 35-го экипажа вооружены шанцовымъ инструментомъ, чтобы уничтожить непріятельскія работы. Было девять часовъ.

Въ это время пробирался я на Малаховъ курганъ. Все еще было тихо,—лишь изрѣдка дежурное орудіе отвѣчало на шипѣніе непріятельской бомбы. Полагая, что вылазка начнется, какъ была назначена, въ одиннадцать часовъ и увѣренный найдти тамъ генерала, я не спѣшилъ, осторожно обходя всѣ ямы и камни, которыми испещрена мѣст-

ность между Корабельной и курганомъ. Но генерала уже я не засталъ. Командиръ батареи на Корниловскомъ бастіонѣ сказалъ мнѣ, что онъ пошелъ къ Камчатскому укрѣпленію, объяснилъ мнѣ почему дѣло должно начаться ранѣе предположеннаго и былъ такъ любезенъ, что далъ мнѣ двухъ конвойныхъ матросовъ. Съ ними я уже почти побѣжалъ, чтобы застать войска на мѣстахъ и быть свидѣтелемъ предварительныхъ распоряженій. До сихъ поръ, мнѣ не случалось бывать въ ночныхъ дѣлахъ; это меня сильно интересовало.

На половинѣ дороги до Камчатскаго укрѣпленія остановился я, чтобы перевести духъ. Отдохнувъ съ минуту, я продолжалъ путь; какъ вдругъ раздался грохотъ перваго непріятельскаго залпа, и туча пуль пронеслась надъ моей головой.... «Что же испытали вы въ это мгновеніе»? могли бы спросить меня, если бы я передавалъ это изустно. Простите за сравненіе не совсѣмъ изящное, но по моему, вѣрное. Я испыталъ тоже, что испытываетъ человѣкъ съ холода вошедшій въ русскую баню. Онъ влѣзъ на полокъ, его обхватило жаромъ, легкій потъ мгновенно проступилъ по всему тѣлу; но внутренній холодъ заставляетъ его еще дрожать. Тоже, или почти тоже ощущаетъ тотъ, котораго нечаянно захватитъ ночью непріятельскій залпъ.

Первое движеніе мое было оглянуться, живы ли мои конвойные. Стоятъ! Ну, слава Богу, жаль было бы даромъ ихъ израсходовать.

— Идите-ка домой ребята, а то васъ ни за грошъ убьютъ, сказалъ я имъ, увидѣвъ влѣво отъ дороги баталіонъ, до котораго ужъ мнѣ легко было добраться одному.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ матросовъ: капитанъ приказалъ намъ въ цѣлости васъ приставить.

— Ну, представляйте, коли ужъ отъ васъ нельзя отдѣлаться.

И такимъ образомъ былъ я представленъ къ баталіону Днѣпровскаго полка, который, въ это время тронулся изъ резерва въ первую линію. Стрѣльба шла ужасная, изъ

орудій и штуцеровъ. Луна клонилась къ горизонту, тучки все еще перебѣгали около нее; тѣни ихъ разстилались по полю.

— Гдѣ наши? раздался голосъ сзади.

Я обернулся. Передо мною стоялъ монахъ. Луна освѣщала блѣдное лице его, на которомъ впрочемъ не было замѣтно волненія; огонь душевный отражался въ глазахъ его; въ рукѣ онъ держалъ крестъ.

— Гдѣ же наши? повторилъ онъ, почти умоляющимъ голосомъ.

— Кто ваши, батюшка? спросилъ я.

— Моряки.

— Они впереди, но тамъ не ваше мѣсто; пойдите на перевязочный пунктъ.

— Мое мѣсто тамъ, гдѣ утѣшаютъ въ страданіяхъ, гдѣ приготовляютъ къ смерти,—отвѣчалъ онъ.

Раздался второй залпъ, снова туча пуль пронеслась надъ моей головой, и я уже болѣе не видалъ монаха.

Баталіонъ, къ которому я пристроился получилъ приказаніе остановиться. Посланный съ этимъ приказаніемъ сказалъ мнѣ, что генералъ на камчатскомъ укрѣпленіи. Я отправился туда: но его тамъ не было. Я нашелъ его потомъ впереди лѣваго фланга укрѣпленія, окруженнаго баталіонными командирами, которымъ онъ отдавалъ приказанія.

Болѣе пятнадцати лѣтъ знаю я этого генерала. Съ самаго начала службы моей былъ я съ нимъ въ одной батареѣ; но тогда я зналъ его только, какъ лихаго и веселаго собесѣдника. Позже, судьба привела меня служить подъ его командою; тогда я увидѣлъ въ немъ одного изъ лучшихъ знатоковъ артиллерійскаго строя. Во время венгерской кампаніи, я находился при немъ за офицера генеральнаго штаба, — отважнѣе его, не было тогда въ арміи партизана. Генераломъ я видѣлъ его теперь въ первый разъ, и въ первый разъ оцѣнилъ его вполнѣ. Я былъ пораженъ, найдя въ этомъ лихомъ партизанѣ, какимъ я до сихъ поръ считалъ его, настоящіе таланты генерала: хладнокровіе, дѣльную быстроту въ распоряженіяхъ, въ

критическій моментъ; умѣнье двигать разсѣянные по полю баталіоны, въ самомъ жару дѣла и ночью; умѣнье сохранять въ войскахъ порядокъ, воодушевлять ихъ, и доводить солдата почти до восторженнаго состоянія. Всему этому не научитъ ни опытность, ни книги, для этого необходимо врожденное военное дарованіе — нужна внутренняя искра.

Изъ оффиціальной реляціи извѣстно, что мы прошли три линіи непріятельскихъ траншей и уничтожили ихъ апроши [1]; но надобно было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ это было выполнено. Предполагалось занять только первую линію траншей [2], а въ другія двѣ траншеи солдаты наши прорвались сами, не смотря на всѣ усилія остановить ихъ,—да, кто бы и могъ остановить ихъ? Офицеры на половину были уже перебиты или переранены. Не смотря на то, благодаря распорядительности генерала, отступленіе совершилось въ порядкѣ. Одинъ за другимъ выходили наши солдатики изъ непріятельскихъ траншей, чтобы не представить большей цѣли штуцернымъ и потомъ, за камчатскимъ укрѣпленіемъ, строились въ ротныя колонны, чтобы быть на готовѣ, въ случаѣ нечаяннаго нападенія непріятеля.

Три часа сряду трубили горнисты отступленіе, но лишь только кого задѣнетъ преслѣдующая пуля непріятеля, всѣ опять въ ярости воротятся назадъ и снова въ штыки. Генералъ поминутно посылалъ ординарцевъ своихъ съ приказаніемъ отступать, но нѣкоторыя команды, въ которыхъ перебиты были офицеры, не вѣрили ординарцамъ и отвѣчали: «Не таковской генералъ, чтобы приказалъ отступить!»

Три юнкера—генеральскіе ординарцы бѣгали разъ по десяти во время боя въ непріятельскія траншеи, для пе-

---

(1) Изъ опасенія преувеличить численность врага, г. л. Хрулевъ показалъ его только въ 6,000 человѣкъ; но многіе плѣнные показывали кромѣ 6,000 резерва, 2,800 человѣкъ въ траншеяхъ (рабочихъ и въ цѣпи).

(2) И то на короткое время, единственно, чтобы дать возможность рабочимъ уничтожить апроши.

редачи приказаній, и одинъ изъ нихъ вскорѣ умеръ отъ ранъ ([1]).

Настала критическая минута. Большая часть уже отступила и вновь построилась въ ротныя колонны, какъ я уже сказалъ; оставались въ траншеяхъ только люди, которыхъ мало назвать храбрыми,—настоящіе герои, которые не хотѣли отступить, пока не уберутъ всѣхъ своихъ раненыхъ товарищей. Этимъ героямъ приходилось по нѣскольку разъ еще отбивать штыками натискъ непріятеля; при этомъ они увлекали за собою и тѣхъ, которые уже начинали ретироваться. Я самъ видѣлъ, какъ солдаты, отводящіе раненыхъ, бѣжали обратно на штыковую работу, какъ люди съ носилками, кидали ихъ и бросались помогать товарищамъ; одного изъ такихъ началъ было я удерживать за полы, чтобы пристроить къ формирующемуся баталіону:

— Ваше высокоблагородіе, пустите, наши тамъ ура зашумѣли.

Что прикажите дѣлать? Пустилъ!

Луна уже совсѣмъ закатилась за горизонтъ, и поле освѣщалось только разрывомъ бомбъ....

— Дайте намъ подкрѣпленія, а то могутъ остаться на полѣ раненые!... кричалъ кто-то.

Генералъ и я напрягли зрѣніе, чтобы различить кто кричитъ.... Передъ нами стоялъ тотъ же самый монахъ, котораго я видѣлъ въ началѣ дѣла; онъ несъ три штуцера.

— Откуда вы, батюшка?

— Какъ откуда?... изъ траншей, я былъ тамъ во все время дѣла.

— Что это у васъ за трофеи?

— Два штуцера, вырвалъ я изъ рукъ зуавовъ, спасъ ихъ, можетъ быть, этимъ отъ грѣха; а вотъ это ружье принадлежало злому человѣку, онъ хотѣлъ меня убить, видите и рясу всю прорвалъ.

([1]) Имена ихъ: Сикорскій, Пегребецкій и Чикерулъ-Кушъ; умеръ отъ ранъ послѣдній.

— Да какъ же вы уцѣлѣли?

— На мнѣ была эпитрахиль,—отвѣчалъ онъ спокойно.

Мы невольно преклонили передъ нимъ головы.

Генерала все тревожила мысль, что горсть героевъ нашихъ можетъ погибнуть въ непріятельскихъ траншеяхъ. Вдругъ ему пришла счастливая мысль....

— Батюшка, сказалъ онъ монаху: — подкрѣпленія я вамъ не дамъ, а вы окажете мнѣ важную услугу, если отдадите отъ моего имени приказаніе, оставшимся еще въ траншеяхъ, отретироваться немедля, подбирая раненыхъ.

Монахъ въ точности передалъ эти слова генерала.

— Ну, ужъ если батюшка говоритъ, что генералъ приказалъ отступить, должно быть оно такъ и слѣдуетъ! сказали солдатики и пошли за монахомъ.

Ни одна пуля, сопровождавшая нашихъ солдатиковъ, не осталась безнаказанною.... Остальныхъ раненыхъ подобрали, и поле было окончательно очищено отъ враговъ.

Монахъ дѣятельно помогалъ выводить остававшихся въ траншеяхъ, и ему въ особенности помогалъ въ этомъ святомъ дѣлѣ рядовой Волынскаго полка Гаврила *Ѳеклистовъ*; я узналъ его по его бѣлой овчинной шапкѣ. Это былъ тотъ же самый солдатикъ, который упрашивалъ меня пустить его на ура къ товарищамъ.

И сколько тамъ участвовало безъимянныхъ героевъ, и сколько въ эту ночь было темныхъ, но славныхъ смертей!...

— Батюшка, позвольте мнѣ узнать ваше имя? сказалъ я, благоговѣйно смотря на монаха, когда мы всѣ возвращались вмѣстѣ.

— Анника 3-й!

Такъ зовутъ матросы іеромонаха Іоанникія; такъ зоветъ онъ самого себя, потому что уже свыкся съ этимъ именемъ (1).

Аркадій Столыпинъ.

---

(1) «Современникъ» 1855 г., т. LII. (№ 7) стр. 5—11.

Письмо изъ Севастополя.

27-го марта.

Мѣсяца два уже иностранныя газеты возвѣщаютъ, что союзники сговорились, въ самомъ скоромъ времени, предпринять противъ Севастополя какія-то рѣшительныя мѣры, долженствующія покончить дѣло къ славѣ (ужъ конечно) знаменитаго союза, прибавляя, что англо-французы издали въ Крыму одно только предисловіе къ роману, который еще не готовъ, но скоро будетъ отпечатанъ. Не смотря, однакожъ, на эти торжественныя объявленія, давно уже наши пріятели ограничиваютъ свои рѣшительныя мѣры предъ Севастополемъ ружейнымъ огнемъ изъ за траншей и заваловъ, да по ночамъ бросаніемъ бомбъ и ракетъ въ городъ, которыя рѣшительно не приносятъ намъ никакого сколько-нибудь серьезнаго вреда. Недавно, 10-го марта, съ осьми часовъ вечера и до свѣта брошено въ городъ множество бомбъ и ракетъ, и что же сдѣлали? сгорѣлъ одинъ старый, полуразрушенный домъ, въ которомъ, по причинѣ ветхости его, давно никто не жилъ. Стоилъ-ли этотъ безобразный, старый домъ такой сильной канонады, вовсе не страшной для насъ, но весьма разорительной для союзниковъ, потому что цѣнность каждой бомбы, и въ особенности конгревовой ракеты, весьма велика! Въ эту же ночь отъ насъ была произведена вылазка, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Хрулева*, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ; непріятельскія траншеи и мѣстцость вблизи ихъ, въ буквальномъ смыслѣ, покрылись вражескими тѣлами. На другой день, французы прислали парламентера, съ просьбою о дозволеніи имъ убрать съ поля тѣла своихъ товарищей и, по полученіи согласія, занимались этой печальной обязанностью болѣе двухъ часовъ, не смотря на то, что для этого было выслано ими рабочихъ съ носилками очень много. Плѣнные говорили, что они ожидали этой вылазки, и чтобы воспрепятствовать намъ, открыли канонаду. «Но напрасно», прибавляли они. «Русскимъ не воспрепятствуешъ ничѣмъ; вы ежедневно больше и больше доказываете намъ свою не

побѣдимость и безстрашіе, мы же ежедневно сильнѣе и сильнѣе падаемъ нравственно и смотримъ на Крымъ, какъ на свою могилу». Въ послѣдніе дни, у непріятеля замѣчается не со всѣмъ обыкновенное движеніе: паровыя военныя и транспортныя суда въ большомъ числѣ часто уходятъ и приходятъ; въ лагерѣ производятся ученья и военные маневры, которые очень забавляютъ насъ, слѣдящихъ за ними въ трубы. Представьте себѣ двѣ линіи двухъ враждебныхъ войскъ, бодро, скоро и стройно сближающихся, при непрерывномъ ружейномъ огнѣ (конечно примѣренномъ); барабаны и музыки гремятъ, и вотъ враги, сблизясь, на нѣсколько мгновеній пріостанавливаются, измѣряютъ одинъ другаго непріязненнымъ взоромъ, тверже сжимаютъ ружья и бросаются въ штыки... Или другая картина: штурмъ крѣпости. Крѣпость—полуразрушенный домикъ; къ ней осторожно подходитъ нѣсколько колоннъ штурмующаго войска съ разныхъ сторонъ (при этомъ, для большаго эфекта, не мѣшаетъ предположить едва начинающійся разсвѣтъ); въ воображаемой крѣпости, при видѣ идущаго непріятеля, начинается сильное движеніе, открывается пушечная пальба по показывающимся войскамъ, предшествуемымъ какими то скоморохами съ лѣстницами; но не смотря на убійственную канонаду, враги смѣло идутъ, и вотъ уже ставятъ лѣстницы, взбираются на крѣпостной валъ, тоесть на крышу, водружаютъ тутъ побѣдоносное знамя, и трубятъ побѣду! Вотъ на какія картины намъ случается смотрѣть. По неволѣ прійдетъ мысль, не пришли ли къ намъ союзники учиться на нашихъ поляхъ военному дѣлу, или отъ скуки они такъ себѣ пробавляются этими пустяками? Матросы наши говорятъ, что непріятель *марафета строитъ*. Кстати о нашихъ матросахъ. Замѣчательно, что тѣ изъ нихъ, которые имѣли случаи бывать на вылазкахъ, съ большимъ удовольствіемъ и уваженіемъ отзываются о непріятелѣ, если встрѣтятъ въ немъ храброе сопротивленіе; въ противномъ случаѣ, говорятъ: «даромъ ходили; не успѣли, значитъ, дойти до траншей, какъ онъ гаркнетъ по-своему, лукавый его разберетъ, да на утекача, словно

боцманъ сзади линчищемъ подгоняетъ, и не догонишь; бѣжитъ прямо на батарею, да все реветъ, а кто не прытокъ на ногу, пардону кричитъ, значитъ не трогай его, а возьми, какъ есть, цѣлаго. Волкъ васъ зарѣжь и съ пардономъ!» ([1]). Въ первыхъ рядахъ нашихъ прославленныхъ удальцовъ находится извѣстный матросъ Кошка, лице необыкновенное не по одной только львиной храбрости, но, и главное, по всегдашней остроумной находчивости во всемъ и ничѣмъ невозмутимому хладнокровію. Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ идетъ на непріятеля, будто къ своему земляку; но между тѣмъ, у него въ ту же минуту готова увертка отъ непріятельскаго удара и свой ударъ смѣлый и вѣрный. Кошка участвовалъ почти во всѣхъ извѣстнѣйшихъ вылазкахъ, и всегда впереди, всегда въ болѣе опасномъ мѣстѣ. Однажды, идя на вылазку, Кошка отвѣчалъ кому-то, пожелавшему ему вернуться невредимымъ: «Не бойсь, если вернусь съ изъянцемъ, значитъ, я ему насолилъ вотъ какъ!» — »Ну, а если совсѣмъ не вернешься?» — «Совсѣмъ? ну, и ему совсѣмъ карачунъ! смѣясь отвѣчалъ онъ, грозя штыкомъ». Въ другой разъ, послѣ извѣстнаго уже путешествія Кошки, среди бѣлаго дня, за англійской лошадью къ непріятельской траншеѣ, одинъ изъ нашихъ офицеровъ, пріѣхавъ изъ города на бастіонъ, и встрѣтя здѣсь этого удальца, спросилъ его, не видалъ ли онъ Л. К.? — «Нѣтъ, ваше благородіе, меня дома не было; сейчасъ только пріѣхалъ», отвѣчалъ онъ. — «Гдѣ же ты былъ?» — «Да ноги маленько отсидѣлъ, такъ пошелъ промяться до француза». Офицеръ догадался, что Кошка опять что нибудь смастерилъ, и сказалъ ему: «Ну, хорошо ли ты промялся?» — «Ничего, ваше благородіе», отвѣчалъ онъ, смѣясь: «и при-

---

([1]) У насъ на Руси есть пословица: лежачаго не бьютъ. Русскій человѣкъ крѣпко держится этого великодушнаго правила, и конечно это правило, обратившееся у насъ въ законъ, нигдѣ не можетъ выказаться полнѣе, какъ во время рукопашнаго боя, гдѣ человѣкъ не всегда сохраняетъ полное самосознаніе; нашъ доблестный воинъ никогда не забудетъ, что лежачаго не бьютъ, и всегда дастъ противнику пардонъ, если онъ проситъ его, но все съ неудовольствіемъ, происходящимъ отъ чувства презрѣнія къ врагу, просящему пощады.

нять меня, какъ слѣдно быть, приняли: поштовали горохомъ, да я ужъ пообѣдамши былъ, а на память, значитъ, коня подарили». Потомъ онъ прибавилъ серьезнымъ голосомъ: «Ребята хорошіе, да маленько съ дурью: вишь вздумали, что я къ нимъ и взаправду въ гости собрался!» Послѣ каждаго боя, на полѣ остаются тѣла убитыхъ, которыхъ не успѣваютъ убрать во время дѣла; почему съ нашей и съ непріятельской стороны, по предварительному условію, высылаются рабочіе для убранія павшихъ воиновъ. При этомъ наши матросы и солдаты, смѣшиваясь съ французскими и англійскими, дружелюбно и весело разговариваютъ между собою на языкѣ, понятномъ только имъ, и даже помогаютъ одинъ другому класть убитыхъ на носилки. Однажды, по окончаніи этого печальнаго долга, на одномъ изъ возвратившихся матросовъ увидѣли французскую шапку; на вопросъ, какъ она попала къ нему? онъ отвѣчалъ: «Извѣстно, помѣнялся съ французомъ; онъ находится вонъ на той батареѣ, которая супротивъ нашей, у третьяго орудія съ правой, а я на своей, тоже у третьяго съ правой: значитъ, мы знакомы съ нимъ, и на память помѣнялись шапками». Какимъ же образомъ, матросъ, незнающій никакого языка кромѣ русскаго, объяснялся съ французомъ, нельзя передать словами, потому что тутъ главное состоитъ въ особенной мимикѣ, съ прибавленіемъ какихъ то не понятныхъ словъ и выраженій, которыя удивительно вѣрно и скоро понимаются разговаривающими. Какъ-то наши «непріятели» скушаютъ заваренную ими кашу,—больно, кажется, пересолили. *Джонъ-Буль*, какъ человѣкъ коммерческій, положительный, любящій во всемъ комфортъ и ненавидящій поэтическія мечтанія, ловко воспользовался обстоятельствами, чтобы перейти изъ подъ Севастополя къ Балаклавѣ, — тамъ ему гораздо сходнѣе; можетъ быть, онъ бы не задумался и совсѣмъ убраться отъ насъ, да боится своего вѣрнаго, но могущественнаго друга, который въ послѣднее время сталъ очень хмуриться на своего сосѣда, за намѣреніе его открыть всему свѣту, ради общей своей славы, причину причинъ горестнаго положенія знаменитаго союза въ Кры-

му. Къ этому нужно еще замѣтить, что племянникъ, имѣя удивительно изощренный слухъ, услышалъ, говорятъ, недавно неясные, отрывчатые, но хорошо знакомые ему, роковые вопли изъ извѣстной драмы, періодически поставляемой на французской сценѣ. По этому то обстоятельству, герой втораго декабря, имѣя весьма уважительныя права страшиться представленія роковой драмы, послалъ на сцену собственную свою комедію, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Крымъ». Слышно, комедія имѣетъ успѣхъ; но долго ли она будетъ имъ пользоваться? Не прійдется ли въ скоромъ времени испытать свое остроуміе на какомъ нибудь болѣе серьезномъ произведеніи? Недавно всѣ мы были опечалены смертью одного изъ нашихъ адмираловъ: Владиміръ Ивановичъ *Истоминъ* убитъ на Корнилова бастіонѣ, во время осматриванія имъ работъ на батареяхъ. *Истоминъ* находился на ввѣренной ему оборонительной линіи съ самаго начала осады города и, не смотря на то, что былъ раненъ и контуженъ, не хотѣлъ, даже на короткое время, для необходимаго пользованія, оставить своего мѣста. При необыкновенной дѣятельности, распорядительности и подъ личнымъ наблюденіемъ покойнаго, не смотря на постоянныя стремленія непріятеля къ препятствію нашимъ работамъ, возведены на Корнилова бастіонѣ огромныя укрѣпленія, удивляющія враговъ нашихъ. Контръ-адмиралъ *Истоминъ* былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ капитановъ и любимцемъ незабвеннаго начальника Черноморскаго флота, Михаила Петровича *Лазарева*; послѣднее лучше всякихъ словъ говоритъ, къ числу какихъ офицеровъ принадлежалъ Владиміръ Ивановичъ (1).

Севастополь 17-го марта 1855 года (2).

«Вы знаете уже, что съ 7-го числа марта, частенько посѣщаютъ насъ бомбы, но большаго поврежденія нашему

---

(1) Русск. Инв. 1855 г., № 93.

(2) Изъ статьи «Русскіе крестовые рыцари въ борьбу 1854—1855 г.» А. Скальковскаго С.-Петерб. Вѣдом. 1855 г. № 350.

городу еще не нанесено. Въ ночи съ 10-го на 11-е число сего мѣсяца, съ шести часовъ вечера и до двухъ часовъ по-полуночи, со стороны непріятеля была сильная бомбардировка; непріятель металъ бомбы изъ мортиръ большаго калибра и конгревовы ракеты на городъ и на бастіонъ № 3-го, и съ такою силою, что трудно было найдти отъ нихъ свободное мѣстечко. Полагаютъ, что непріятель въ это время бросилъ болѣе 3,000 бомбъ и болѣе 100 ракетъ; но трудно было считать, потому что онѣ летали цѣлыми десятками вдругъ, и отъ ихъ трескотни постоянно раздавался ужасный гулъ. Случилось два пожара: сгорѣлъ домъ А. К. Панютиной и г-жи Корниловой, купленный подъ діагональ. Нѣкоторые другіе дома тоже болѣе или менѣе повреждены.... Бомбардировка эта несравненно сильнѣе и страшнѣе для города, нежели жаркій и достопамятный день 5-го октября.... Всѣ полагали, что въ ночь эту всѣ зданія города будутъ уничтожены въ-прахъ; но, благодаря Бога, кромѣ двухъ упомянутыхъ пожаровъ, особенныхъ несчастій не случилось. Что же касается до жертвъ человѣческихъ, то ихъ весьма довольно, но я о томъ опредѣлительно сказать не могу....

«Въ ту же ночь на сторонѣ Корабельной слободки, впереди новаго бастіона (Селенгинскаго), вблизи Малахова кургана, между балками Киленбалочною и Корабельною, съ семи часовъ вечера и до втораго часу по полуночи, продолжалась чудная военная сцена. Въ седьмомъ часу вечера, между цѣпями нашей и непріятельской, завязалась ружейная перестрѣлка и вскорѣ усилилась. Баталіоны наши, бывшіе въ прикрытіи, также вступили въ дѣло; непріятель съ своей стороны тоже усилился. Наши, долго недумавши, бросились на ихъ траншеи и начали угощать хозяевъ добрыми штыками. Непріятель защищался упорно, и можно полагать, что ихъ было много, потому что наши потребовали подкрѣпленія: была пробита общая тревога, и, когда прибыли наши свѣжія войска, непріятель не устоялъ, и мы отбросили его въ Корабельную балку, повыше кладбища, потомъ начали преслѣдовать; отступая, непріятель понесъ большую потерю. Наши преслѣдовали

его до англійской батареи, называемой «Викторія», которая построена на возвышеніи, гдѣ была бойня Диковскаго. При первомъ натискѣ нашихъ, непріятель сильно защищался и удерживалъ за собою свою траншею; но что можетъ устоять противъ штыка русскаго солдата! Траншеи были взяты и совершенно уничтожены.

«Когда наши, сдѣлавъ свое дѣло, отступили отъ англійской батареи обратно во-свояси, уже ни одного выстрѣла по насъ не сдѣлано.

«По слухамъ, потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла изъ 30 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,016 нижнихъ чиновъ раненыхъ и убитыхъ; непріятель, полагаютъ, потерялъ втрое больше. Нашими командовалъ генералъ *Хрулевъ*, а непріятелемъ — алжирскій генералъ *Пелиссье*; войскъ нашихъ въ дѣлѣ было 11 баталіоновъ. По показанію плѣнныхъ, французовъ было несравненно болѣе. Наши взяли въ плѣнъ нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ; въ числѣ ихъ есть и англичане.

«Одновременно съ этимъ нападеніемъ, съ нашей стороны сдѣланы были двѣ весьма удачныя вылазки, лѣвѣе и правѣе Камчатскаго редута. Въ одной изъ нихъ мы такъ удачно угостили штыками непріятеля, что сколько было въ траншеяхъ перекололи, взявъ въ плѣнъ англійскаго полковника, командира 34-го полка, и съ нимъ 6 человѣкъ солдатъ. При этой вылазкѣ особенно отличились 4 роты греческихъ волонтеровъ князя *Мурузи*. Плѣнные говорятъ, что армія ихъ упала духомъ послѣ неудачнаго покушенія (12-го февраля) на наши редуты, вновь построенные за Киленбалочною бухтою, гдѣ ихъ угостилъ генералъ *Хрущовъ* съ Волынскимъ полкомъ; непріятеля было 9,000, а у насъ былъ въ дѣлѣ одинъ только полкъ...

«Съ весеннимъ солнцемъ наши защитники Севастополя ожили духомъ и стали молодцами, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ наступательныхъ дѣйствій.

«12-го числа послѣ полудня были подняты парламентерскіе флаги, и убирали тѣла убитыхъ—наши своихъ, а они своихъ—и наши солдаты свободно сообщались съ непріятельскими и дѣлали комплименты взаимными жеста-

ми. Въ это время подъѣзжала къ нашей цѣпи верхами вся непріятельская аристократія въ формѣ. Можно полагать, что тутъ былъ и *Канроберъ*. Много было пожилыхъ лѣтъ и важной наружности офицеровъ. Наши офицеры съ ними разговаривали... Князь *Горчаковъ* съ *Нахимовымъ*, говорятъ, были на «новомъ» бастіонѣ и на все это смотрѣли; но къ нимъ не поѣхали, а они вѣроятно того ожидали. По спускѣ парламентерскихъ флаговъ, началась по прежнему изрѣдка перестрѣлка изъ орудій. Они стараются всѣми силами сбить бастіонъ, устроенный посреди Малахова кургана, который считаютъ для себя вреднымъ, и ночью безпрестанно пускаютъ въ него бомбы...»

Севастополь въ мартѣ 1855 года.

Севастополь нынѣшній, и Севастополь прошедшій представляютъ намъ два различные характера. Правда, городская гавань и теперь кипитъ дѣятельностью, и теперь движутся пароходы, снуютъ лодки и гички, бороздя синія волны: торговый людъ по прежнему торопится сбыть свой дневной товаръ. Но вы не встрѣтите уже ни милыхъ вамъ дамъ, ни услужливыхъ кавалеровъ, ни веселыхъ вечеровъ, гдѣ морякъ, послѣ полугодоваго скитанія по невѣрной стихіи, ищетъ отдохновенія въ кругу своей семьи, среди роднаго его сердцу Севастополя. За то воинскій видъ и духъ, какое-то вдохновенное геройство и отвага замѣнили эту неприхотливую нѣгу, какою убаюкивалъ себя въ своей тѣсной каютѣ нашъ добрый морякъ. Дѣятельность внутренней жизни приняла иные размѣры и образы. Пришло время отстаивать родное пепелище, настала минута рѣшительной борьбы, когда сынъ моря, сражающійся съ стихіею и случаемъ, долженъ вмѣстѣ быть и стражемъ завѣтныхъ береговъ родной земли, гдѣ судьба хранила и лелѣяла столько милаго его сердцу.

И морякъ нашъ понялъ это вполнѣ: вы увидите его роющагося въ землѣ, чтобы воздвигнуть оборонительныя стѣны для своихъ батарей; онъ же носитъ землю изъ-подъ

носа непріятеля; въ присутствіи его же онъ ставитъ свои громкія пушки и угощаетъ ими твердыхъ союзниковъ, но безъ хвастовства и крика: все это у него такъ просто и естественно, какъ задушевная мысль, какъ свѣтлая жизнь его, вся отданная за вѣру и Отечество.

Увидѣвши городъ, я не хотѣлъ вѣрить ни его бомбардированію, ни его осадѣ. Съ графской пристани онъ весь развертывается передъ вами тѣмъ же величественнымъ амфитеатромъ; направо Николаевскія казармы длиннымъ полукругомъ, а отъ нихъ и дома и улицы, и по набережной и по горѣ, гдѣ почти не видно поврежденій. И если бы не куча бомбъ и ядеръ у самой пристани, да не отдаленный глухой гулъ выстрѣловъ, я почелъ бы все это за обманъ и причаливалъ бы къ Севастополю съ прежнимъ трепетнымъ чувствомъ, съ какою то знакомою боязнію ожиданія.... Но напрасно взобравшись по темной кремнистой улицѣ къ завѣтному домику, я нашелъ его опустѣлымъ; привратникъ старый наваринскій ветеранъ, ничего не могъ сказать мнѣ опредѣлительнаго, и я остался съ одними воспоминаніями о памятномъ быломъ. На великолѣпной возвышенной мѣстности, городская публичная библіотека совершенно уцѣлѣла, на зло непріятельскимъ выстрѣламъ, какъ память о томъ, кто былъ ея строителемъ. Покойный Михаилъ Петровичъ *Лазаревъ*, такъ много заботившійся о Черноморскомъ флотѣ, не думалъ о томъ памятникѣ, который онъ заживо себѣ воздвигаетъ; а между тѣмъ все на каждомъ шагу полно напоминаній о немъ. Севастополь—его созданіе, любимое дитя, о которомъ были его послѣднія слова и молитвы.

Сойдя съ горы и направившись къ 4-му бастіону, я только здѣсь увидѣлъ, что слободка артиллерійская и корабельная сильно потерпѣли отъ бомбардировки; въ послѣдней изъ нихъ остались, безъ крова и дверей, однѣ обгорѣлыя зданія, которыя рисовались, какими-то фантастическими фигурами, то звѣриными норами, то рыцарями безъ головы, то наконецъ нескончаемыми зубцами, будто бойница и башни, воздвигнутыя случаемъ и изсѣчен-

ныя временемъ на кремнистыхъ окраинахъ горъ. У театра я остановилъ свою лошадь, и едва прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ штуцерная пуля прострѣлила руку моему вожатому. Пройдя довольно далеко по открытой мѣстности, я вошелъ въ закрытую галлерею, ведущую къ этому бастіону, и былъ пораженъ находчивостію русскаго солдата. Избушекъ тамъ безконечно, много со стеклами и дверями, будто на постоянное жительство. Не смотря на опасность, дѣти беззаботно играютъ тутъ у порога, и весь міръ домашній тутъ же, и пѣтухъ, и собака, и кошка, и все это расхаживаетъ какъ у себя дома. На 4-мъ бастіонѣ, или вѣрнѣе подъ 4-мъ бастіономъ, я былъ встрѣченъ его доблестнымъ стражемъ и строителемъ инженеръ-штабсъ-капитаномъ *Мельниковымъ*, у котораго долго просидѣлъ въ его подземельной кельѣ. Отсюда то растилаются нескончаемые рукава минъ, которые столько разъ останавливали покушенія непріятеля.

На Малаховомъ курганѣ огонь былъ такъ силенъ, что я долженъ былъ ускорить шаги и любовался нашими молодцами; они носили то фашину, то камень, не наклоняясь подъ картечью и ядрами, которыя разрывались и лопались вокругъ. Здѣсь просилъ я показать мнѣ мѣсто, гдѣ роковое ядро унесло отъ насъ нашего славнаго адмирала *Корнилова*, увѣковѣча его имя въ рядахъ храбрыхъ, но указывать мѣста не нужно было; я уже подходилъ къ нему. Простой крестъ, сложенный изъ камней, отмѣтилъ потомству 5-е октября, день незабвенной потери, а батарея наименовалась «Корниловской», чтобы однимъ именемъ внушать страхъ врагамъ и напомнить ветерану-воину ту трудную годину войны, когда малое число ограждалось силою духа, и когда вожди гибли какъ простые воины, съ однимъ крикомъ ура, съ одною мыслію о благѣ отечества. Но новая страница нашей исторіи не кончена; громкая слава впишетъ еще не одно имя въ свои скрижали. *Нахимова* укажутъ дѣтямъ и правнукамъ, какъ рѣдкій примѣръ мужества, и Наваринскій герой подастъ руку Синопскому побѣдителю. Истомины, Тотлебены, долго и отрадно

будутъ живы въ русскомъ сердцѣ. За ними послѣдуетъ новый рядъ именъ и подвиговъ ([1]).

Баронъ И. Сакенъ.

Вѣсти изъ Севастополя ([2]).

Съ 15-го января осажденный городъ ожилъ новою жизнію—возвратились къ намъ Царскіе Дѣти и съ ними многочисленная свита; восторгъ былъ общій, когда снова увидѣли юныхъ Орловъ сѣвера, такъ храбро дѣлившихъ съ нами октябрскую осаду и 24-е число; съ тѣхъ поръ присутствіе Ихъ мы считали для насъ необходимымъ, каждый изъ насъ какъ будто помолодѣлъ; Бутырскому полку, на этотъ разъ, Богъ даровалъ особенное счастіе быть подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Его Высочества генералъ-инженера и трудиться передъ Его глазами при возведеніи укрѣпленій сѣверной стороны Севастополя. Я не умѣю выразить, до какой степени Великій Князь, Своимъ привѣтливымъ словомъ и милостивымъ вниманіемъ къ полку, успѣлъ, въ самое короткое время, обворожить насъ; одно слово, одинъ взглядъ и мы готовы бы кажется атаковать не только весь союзный лагерь, но даже и корабли, такъ дерзко плавающіе передъ городомъ.

Къ сожалѣнію, эти драгоцѣнные для насъ дни какъ сонъ миновались. 18-го февраля Великіе Князья были отозваны въ Петербургъ и не застали уже въ живыхъ Великаго Своего Родителя.

Съ тѣхъ поръ была для насъ еще отрадная минута — пріѣздъ новаго главнокомандующаго князя *Горчакова*; сильнымъ словомъ привѣтствовалъ онъ войска, благодарилъ отъ имени Царя за службу, объявилъ о новыхъ войскахъ, къ намъ идущихъ на помощь, и закипѣло сердце русское, молодецкое, святымъ огнемъ ревности къ новымъ подви-

---

([1]) Одесскій Вѣст. 1855 г., № 35.

([2]) Начало этого письма помѣщено въ біографическихъ свѣдѣніяхъ контръ-адмирала В. И. Истомина см. выпускъ II прилож. стр. 95—97.

гамъ во славу русскаго имени, и не только 8, а 80 мѣсяцевъ готовы мы также пламенно и радостно идти куда прикажутъ, не разбирая ни числа, ни цвѣта разноплеменныхъ враговъ Россіи. Напрасно гг. французы пожаловали насъ фанатиками (въ газетѣ «l'Indépendance Belge» въ концѣ ноября) за вылазку 14-го октября; не фанатики мы, а безотвѣтные исполнители власти, надъ нами поставленной. Вѣра укрѣпляетъ духъ нашъ, но не затмѣваетъ разсудка. Русскій солдатъ все тотъ же, каковъ былъ на Сенъ-Готардѣ съ *Суворовымъ*; даже, смѣю сказать, подъ Севастополемъ въ немъ больше пламени—ему отраднѣй отстаивать родную землю, чѣмъ сражаться за владѣнія австрійскаго императора.

Теперь мы стоимъ близъ Черной рѣчки, изъ которой непріятель безнаказанно бралъ воду, но съ прибытіемъ нашихъ штуцерныхъ это ему недешево обходится; перестрѣлки ежедневныя, и наши молодцы до такой степени привыкли быть вблизи непріятеля, что даже среди бѣлаго дня, скуки ради, играютъ въ носки. Тебѣ, какъ мирному гражданину, это покажется невѣроятнымъ, но этотъ случай извѣстенъ и начальству, а штуцера получили награду.

Могу еще тебѣ прибавить и другой примѣръ самоотверженія, одному только русскому духу доступный: трое нашихъ [1] штуцерныхъ, лежавшіе за камнями въ изгибѣ Черной рѣчки, замѣтили, что два француза спустились къ колодцу въ самую долину, и стали черпать воду; наши штуцерные стали стрѣлять, французы, кинувъ все, что имѣли въ рукахъ, замахали платками и бросились бѣжать къ Черной рѣчкѣ съ видимымъ желаніемъ сдаться. Тогда вся французская цѣпь, лежавшая въ завалахъ, открыла по нимъ огонь; но бѣгущіе, достигнувъ Черной рѣчки, бросились вплавь. Французъ переплылъ скоро, но бѣжавшій за нимъ арабъ, не умѣя плавать, началъ тонуть; казалось бы, пускай утонетъ—однимъ меньше; но нѣтъ, гренадеръ *Озеровъ* кидается въ рѣку одѣтый и такъ какъ теченіе въ томъ мѣстѣ очень быстрое, волною уноситъ ихъ обоихъ;

---

(1) Бутырскаго полка.

тогда выскакиваетъ другой штуцерный *Чуриновъ* и бросившись имъ на помощь, не взирая на усиленный огонь непріятельской цѣпи, спасаетъ обоихъ и приводитъ въ лагерь.

Богъ видимо хранилъ это высокое самоотверженіе: никто не раненъ, ни спасаемые, ни спасавшіе, всѣ цѣлы, и еслибъ ты видѣлъ, какъ эти герои разсказывали свой поступокъ начальству, какъ онъ натураленъ имъ казался, какъ мало цѣнили они свое великодушіе, ты бы порадовался духу русскаго солдата и великому его смиренію, въ такія минуты, когда онъ говоритъ о подвигѣ, безсознательно имъ совершенномъ и даже не понимаетъ, что иначе можно сдѣлать. Господа западные, пожалуй, и этотъ случай назовутъ фанатизмомъ; они, послѣ бури 2-го ноября, и своихъ оставили на погибающемъ суднѣ и дали случай донцамъ показать свою удаль; но мы русскіе, по духу православія, въ безоружномъ не видимъ врага и должны спасать его во чтобы то ни стало; если и не провѣдаютъ о томъ люди, то навѣрное наградитъ насъ Господь Всевидящій (¹).

Очевидецъ.

1855 года 17-го апрѣля.
Севастополь.

Свѣтлая недѣля 1855 года въ Севастополѣ.

Тяжела была свѣтлая недѣля для Севастополя. — Въ Свѣтлое Воскресеніе, въ уцѣлѣвшихъ еще храмахъ, возносились горячія мольбы къ Всевышнему; темное предчувствіе томило всякаго: давно извѣстно было, что непріятель готовится къ новому бомбардированію, замышляемому уже 5 мѣсяцевъ, въ гораздо большихъ размѣрахъ, и видно было, что съ часа на часъ оно начнется.

Въ понедѣльникъ, въ 5 часовъ утра, открылась канонада изъ 250-ти орудій, продолжавшаяся до семи часовъ

(¹) Русскій Инвал. 1855 г., № 216.

вечера; союзниками выпущено въ день, приблизительно, до двадцати тысячъ выстрѣловъ; наши батареи отвѣчали огнемъ, не столь частымъ, но болѣе мѣткимъ. Вечеромъ канонада постепенно перешла въ бомбардированіе; бомбы свѣтились на небѣ, словно звѣзды въ ясную ночь, летая по всѣмъ направленіямъ, во всѣ части города и отдѣльные форты и бастіоны. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ ночь выпускалось до десяти тысячъ бомбъ, болѣе чѣмъ въ три, четыре мѣсяца самыхъ упорныхъ осадъ, когда разсерженный непріятель хотѣлъ обратить въ развалины городъ, ему сопротивлявшійся.

Положеніе Севастополя извѣстно теперь всякому. Рейдъ его есть заливъ Чернаго моря; южная бухта составляетъ часть рейда, и углубляется въ берегъ, прямо на югъ, версты на двѣ. Городъ расположенъ амфитеатромъ, на скатахъ южной бухты, прилегая и къ рейду. Протяженіе нашей линіи обороны, отъ карантинной бухты до Килен-балочной, верстъ восемь. Линія непріятельскихъ батарей, огибающая городъ полукругомъ и упирающаяся флангами въ большой рейдъ, имѣетъ верстъ десять длины. Кромѣ того, ближе къ инкерманскому мосту, устроены на Сапунъ-горѣ еще нѣсколько батарей, которыя перестрѣливаются съ сѣверною стороною. Такимъ образомъ, на протяженіи болѣе двѣнадцати верстъ, горѣла, въ теченіи 11 дней, равномѣрно по всей линіи, безпрерывная канонада; въ дѣйствіи находилось, считая мортиры, болѣе тысячи орудій самого большаго калибра. На 5 и 6 день стали замѣтны особенныя усилія непріятеля сбить (батареи) фланкирующіе четвертый бастіонъ: Николаевскую батарею и редутъ *Шварца*.

Союзники, мечтавшіе въ 2 дня срыть наши батареи, производили 11 дней сряду жесточайшую канонаду; почти съ ровною силою; но ни одной батареи не сбили. На двѣнадцатый день стало немного легче. Не говоримъ о дѣлахъ, бывавшихъ каждую ночь въ ложементахъ и цѣпи, гдѣ начиналось перестрѣлкой и доходило до штыковъ. Орудія непріятельскія были гораздо бо́льшаго калибра, чѣмъ въ осеннюю бомбардировку; тогда, за исключеніемъ

5-го октября, въ бухтѣ и на сѣверной все было спокойно. Нынѣ же съ Сапунъ-горы союзники стрѣляли калеными ядрами по бухтѣ въ наши корабли и пускали на сѣверную сторону разрывныя ракеты. Флотъ не принималъ участія въ бомбардированіи, храня грозное молчаніе; нѣсколько разъ пароходы дымились, корабли строились въ колонны, какъ бы для наступленія, но якорей не поднимали. Только одинъ пароходъ ходилъ, какъ домовой, тревожить сонъ защитниковъ Севастополя: приблизится въ полночь, дастъ залпъ или два по городу, и тотчасъ уходитъ. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ, съ укрѣпленія № 10-го, отучили однако этого домоваго отъ ночныхъ прогулокъ.

Чудно-велики были въ Свѣтлую Седмицу моряки-богатыри, давно готовые къ смерти, давно забывшіе все земное. Грозно-величественную картину представлялъ бастіонъ во время бомбардированія, точно жерло огнедышащей горы. Прислуга дѣйствуетъ безъ отдыха изъ орудій; штуцерные стоятъ по банкетамъ; офицеры расхаживаютъ по батареѣ, и направляютъ огонь. Ядра, гранаты, бомбы, пули летаютъ, свистятъ, шипятъ, лопаются, рвутся, рекошетируютъ по всѣмъ направленіямъ; никто не обращаетъ на нихъ вниманія, кромѣ сигнальщика, который, съ трубою въ рукахъ, слѣдитъ за непріятельскими батареями. Изучивъ ихъ совершенно, онъ знаетъ каждую амбразуру, какое орудіе бьетъ мѣтко или мимо, рѣдко или часто, когда начинаетъ дѣйствовать та или другая батарея. Днемъ 14 часовъ сряду не умолкаетъ огонь; сигнальщикъ смотритъ все время внимательно, и непріятель стрѣляетъ какъ бы по его командѣ. Слушай! шестиорудійная, разъ, два, три, шесть, штопъ! Трехъ-мортирная! Бомба; правый флангъ берегись! Бомба—армейская!—Значитъ, грозитъ прикрытію, состоящему изъ пѣхоты .— *Бомба пить пошла*! т. е. упадетъ въ бухту. *Бомба наша, сердитая*!— И бомбу разорвало въ самой батареѣ. — Нѣсколько человѣкъ лишилось жизни; кому оторвало руку или ногу; ни стону, ни жалобъ не слышно. Являются немедленно носильщики, и относятъ раненыхъ на перевязочный пунктъ. Сигнальщикъ не поворотилъ даже головы; онъ все смо-

тритъ на непріятеля; канонада гремитъ. «Вторая очередь начинай! Пушка вжигъ!» И граната впилась въ брустверъ, лопнула и подняла облако земли. «Бомба наша!» И съ страшнымъ визгомъ, бомба упала на блиндажъ и разорвалась, не пробивъ накатника. «Люди на верхъ!» раздается громовой голосъ командира батареи.—«Есть!»—И мигомъ заброшена землею и камнями огромная воронка. Попади туда тотчасъ другая бомба, накатникъ былъ бы пробитъ, и человѣкъ десять могли бы быть подъ нимъ раздавлены. Это случалось. Всего же ужаснѣе, когда букетъ бомбъ падаетъ разомъ на пороховой погребъ и взрываетъ его; благодаря предосторожностямъ, нынѣ это случалось рѣже, чѣмъ въ первое бомбардированіе, хотя въ нынѣшній разъ были бомбы семи-пудоваго калибра.

При обыкновенныхъ осадахъ, ночью стрѣляютъ менѣе, и гарнизонъ имѣетъ нѣкоторый отдыхъ. Здѣсь, ночью бомбы падаютъ по тысячи и болѣе на бастіонъ, и не даютъ покоя; то амбразуру испортитъ, то станокъ разобьетъ, то платформу изломаетъ въ щепы, то людей переранитъ. Ночью матросы мало спятъ; они то тащатъ запасное орудіе, для замѣны подбитаго, то носятъ ядра, картузы, чинятъ амбразуры, поднимаютъ мерлоны, траверсы, и т. п. И такая боевая служба продолжается не день, не недѣлю, а многія недѣли. Осьмой мѣсяцъ сряду, чудо-богатыри смотрятъ съ утра до вечера, и съ вечера до утра, прямо въ очи лютой смерти.

Да! Россія гордится именами: *Нахимова*, *Истомина*, *Новосильскаго*, *Панфилова*, *Шварца*, *Никонова*, *Будищева*, *Завалишина*, *Новикова*, *Реймерса*, *Бѣлкина*, *Винка*, *Шумова*, *Ергомышева*, *Астапова*, *Бирюлева*, *Ильинскаго*, *Антипова*, и многихъ другихъ.

Истоминъ, одинъ изъ героевъ Синопа, болѣе 5 мѣсяцевъ жилъ въ Малаховой башнѣ, считалъ себя и товарищей давно обреченными на жертву, былъ увѣренъ, что положитъ здѣсь голову, но служилъ примѣромъ дѣятельности, бдительности, заботливости, слѣдилъ безотлучно за работами. «Лишній ударъ заступа, говорилъ онъ, можетъ спасти жизнь человѣку.» За то изъ кургана, гдѣ

ничего первоначально не было, создалъ онъ, подъ непріятельскими пушками, большую, сильную крѣпость.

Что можетъ поддерживать, въ столь тяжелое время, такъ долго духъ моряковъ: высшія побужденія, военныя и гражданскія; преданность Вѣрѣ, Царю, Отечеству, честь флота, и въ сильной степени развитое чувство нравственной дисциплины. Бастіонъ замѣнилъ моряку утопленника-корабля: тотъ же командиръ, офицеры, боцманъ, тотъ же флотскій экипажъ, тѣ же пушки, та же теплится лампада предъ иконою. Едва ступилъ морякъ на бастіонъ, онъ герой, онъ исправенъ какъ часовой; на бастіонѣ служба такъ же строга, какъ и на кораблѣ. Стоя на батареѣ, онъ защищаетъ и честь флага, и родину, ибо съ высокаго вала онъ видитъ домъ свой, садикъ, семейство, флотскій хуторъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, объясняетъ, какимъ образомъ могъ возникнуть сонмъ такихъ героевъ офицеровъ, цѣлые экипажи закаленныхъ, какъ адамантъ, богатырей, съ непоколебимою волею, желѣзнымъ здоровьемъ, и твердою рѣшимостью отстоять крѣпость, или пасть всѣмъ до послѣдняго.—Суждено ли пасть вамъ, великодушные защитники Севастополя, какъ пала уже половина васъ? Нѣтъ, быть можетъ, близокъ часъ освобожденія; судьба сохранитъ ихъ для славы Россіи, для чести Черноморскаго флота и въ вѣчный примѣръ грядущимъ поколѣніямъ ([1]).

БОМБАРДИРОВАНІЕ СЕВАСТОПОЛЯ

(*Изъ 2-й части исторіи войнъ 1853, 1854 и 1855 годовъ*).

Ожиданіе бомбардированія.—Приготовленія къ нему.—Усиленіе батарей и устройство блиндажей.—Атаки непріятеля въ послѣдніе дни страстной недѣли и взрывы горновъ и камуфлетовъ.—Первые дни бомбардированія.—Бездѣйствіе непріятельскаго флота.—Наши ежедневныя потери.—Состояніе севастопольскаго гарнизона и духъ его.—Поступки непріятеля.—Подвиги солдатъ.—Различіе положенія ихъ въ дѣлѣ въ открытомъ полѣ и на бастіонѣ бомбардируемаго города.

Перебѣжчики изъ непріятельскаго лагеря по прежнему являлись на русскихъ аванпостахъ; чаще всего приходили

([1]) Сѣв. Пчела 1855 г., № 126.

они въ нашъ Чоргунскій отрядъ, потому что тутъ было удобнѣе пробраться чрезъ непріятельскую цѣпь. Являлись люди всѣхъ націй: арабы войскъ египетскихъ и войскъ французскихъ (мѣстные алжирскіе стрѣлки), испанцы—погонщики муловъ, и испанцы—солдаты изъ иностраннаго легіона, итальянцы, нѣмцы, французы, англичане, ирландцы, шотландцы, турки. Всѣ единогласно показывали, что непріятель готовится къ сильной бомбардировкѣ города; различествовали только въ опредѣленіи времени, когда начнется она, и утверждали, что на каждое орудіе уже подвезено по 800 зарядовъ.

Одинъ изъ французскихъ перебѣжчиковъ, увидѣвъ женщинъ на улицахъ Севастополя, спросилъ съ удивленіемъ: «неужели онѣ остаются здѣсь?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, воскликнулъ со свойственною французу восторженностію: «вы не знаете какая готовится бомбардировка, это будетъ день страшнаго суда, но только въ большомъ видѣ (en grand).» Въ непріятельскомъ лагерѣ были убѣждены, что послѣ бомбардировки, во время которой думали сбить большую часть нашихъ орудій и довести до отчаянія гарнизонъ, послѣ бомбардировки будетъ штурмъ. Солдаты и офицеры, кажется, не такъ уже сильно надѣялись на удачу штурма, не такъ настоятельно требовали его, но главнокомандующіе, зная о движеніи нашихъ войскъ изъ Бессарабіи въ Крымъ, хотѣли нанести рѣшительный ударъ до прихода ихъ. Какъ бы то ни было, непріятель продолжалъ дѣятельно свои работы: съ каждымъ днемъ обозначались новыя амбразуры на его батареяхъ; противъ 4-го отдѣленія непріятель открылъ два новые подступа: одинъ лѣвѣе каменоломни, а другой противъ праваго фланга нашихъ передовыхъ ложементовъ; выводилъ новыя траншеи. Замѣтно было, что усилія его направлены особенно противъ 4-го и 5-го бастіоновъ. Противъ послѣдняго ложементы его отстояли всего въ 25-ти саженяхъ.

Съ нашей стороны вооружали находящуюся на пересыпи батарею на 17-ть орудій, и обстрѣливавшую скаты Зеленой горы и балки Сарандинакину и Лабораторную; сзади

ея устроивали ходъ и проводили примыкающую къ ней траншею отъ батареи Дурново, такимъ образомъ, чтобы она связала бастіоны №№ 3-й и 4-й.

Особенное вниманіе было устремлено на устройство блиндированныхъ помѣщеній на бастіонахъ. Около 25-го апрѣля, они почти вездѣ были окончены и мы увидимъ, какую важную пользу принесли впослѣдствіи. Къ этому же времени были совершенно окончена батарея на пересыпѣ, названная Ягудіиловскою. Повсюду утолщены и возвышены брустверы, насыпаны траверзы, гдѣ ихъ еще не было. Камчатскій люнетъ и Волынскій и Селенгинскій редуты, на которые былъ направленъ постоянно артиллерійскій огонь непріятеля, обращали на себя всю заботливость начальника этой дистанціи. Камчатскій люнетъ былъ значительно усиленъ. Впереди его, не смотря на сильный ружейный и картечный огонь непріятеля, удалось соединить наши ложементы одною общею траншеею, въ которой устроены мѣста для горныхъ орудій; противъ каменоломни заложенъ новый ложементъ, для обстрѣливанія ската балки. У Волынскаго редута одинъ ложементъ, на оконечности траншеи, спускающейся къ бухтѣ отъ лѣваго фланга редута, обращенъ въ люнетъ, къ которому присыпали валъ и банкеты. На самомъ редутѣ устраивалась мортирная батарея. На Селенгинскомъ едва успѣвали самыми усиленными работами, втеченіе всей ночи, исправлять поврежденія причиняемыя артиллерійскимъ огнемъ непріятеля во время дня. Посреди траншеи 3-го бастіона выдвинуты четыре ложемента для стрѣлковъ, а сдѣланные прежде ложементы соединены съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ траншею. Мы безбоязненно выдвигали изъ-за оборонительной линіи наши контръ-апроши, изъ которыхъ наносили большой вредъ непріятелю, безпрестанно мѣшая его осаднымъ работамъ и отражая частыя нападенія.

Для усиленія гарнизона введенъ былъ въ Севастополь Суздальскій пѣхотный полкъ.

Между тѣмъ, непріятель время отъ времени открывалъ новую амбразуру, прибавлялъ орудія и опять закрывалъ

амбразуры, испытывалъ съ разныхъ мѣстъ дѣйствіе конгревовыхъ ракетъ и установлялъ для нихъ батареи на своемъ правомъ флангѣ, въ центрѣ и у Херсонесскаго мыса. Вылазки и нападенія происходили своимъ чередомъ, особенно въ темныя ночи; артиллерійскій и ружейный огонь становился сильнѣе; потери увеличивались съ каждымъ днемъ и доходили до 150-ти человѣкъ убитыми и ранеными въ сутки. 15-го марта, вечеромъ, англичане напали было на нашъ секретъ находившійся у южной бухты, подъ Зеленой горой, лѣвѣе кладбища. Бывшіе вблизи охотники Охотскаго полка, въ числѣ 20-ти человѣкъ, подоспѣли во время, бросились въ штыки, прогнали англичанъ и схватили ихъ раненаго офицера. 17-го марта, удачнымъ выстрѣломъ съ мортирной батареи лейтенанта *Петрова*, находящейся во 2-мъ отдѣленіи, взорванъ пороховой погребъ на непріятельской батареѣ, расположенной близъ Балаклавской дороги. Вообще дѣйствіе нашего артиллерійскаго огня было весьма удачно, въ чемъ отдавали полную справедливость и сами непріятели.

Настала страстная недѣля. Въ этотъ годъ, она приходилась въ одни и тѣ же числа у насъ и у католиковъ. Какъ будто само Провидѣніе указывало на таинственное знаменіе креста, связывающее всѣхъ христіанъ между собою; а христіане шли подъ знаменемъ луны, рядомъ съ поклонниками Магомета, противъ тѣхъ, которые вооружились на защиту христіанства.

Въ ночь страстной пятницы, англичане два раза пытались овладѣть нашими ложементами, впереди и лѣвѣе бастіона № 3-го расположенными, но, встрѣчаемые всякій разъ огнемъ стрѣлковъ, принуждены были отказаться отъ своего предпріятія.

Въ ночь 26-го числа, непріятель взорвалъ въ своихъ минныхъ работахъ, противъ 4-го бастіона, камуфлетъ, которымъ разрушилъ около полторы сажени нашей подземной галлереи и задушилъ трехъ саперъ.

Въ первый день Пасхи, 28-го марта, артиллерійскій огонь былъ слабѣе, но ружейный не умолкалъ. Турки, которыхъ, какъ говорятъ, посадили на этотъ день въ тран-

шеи, вѣроятно, боясь нападенія, стрѣляли не умолчно, хотя и безвредно для насъ.

Въ лагеряхъ непріятельскихъ было особенное движеніе; но что означало оно — обычное ли праздничное движеніе, или приготовленіе къ военному дѣйствію, — никто не могъ угадать.

Настала ночь, сырая и туманная. Нельзя было видѣть работъ въ непріятельской линіи укрѣпленій, но слышали большой шумъ. Замѣтно стало, что непріятель къ чему-то готовится.

Въ 5-ть часовъ пополудни, взвилась сигнальная ракета съ корабля союзниковъ и, вслѣдъ затѣмъ, открылся страшный непріятельскій огонь, противъ всей оборонительной линіи Севастополя. Бомбардированіе, во всемъ значеніи этого слова, началось. Амбразуры открывались быстро одна за другой. Въ 10-ть часовъ утра загремѣлъ вновь возведенный редутъ на лѣвой сторонѣ Георгіевской балки.

Непріятель дѣйствовалъ изъ 275 орудій огромнаго калибра и 80 мортиръ, между тѣмъ какъ въ бомбардировку 5-го, 6 и 7-го октября 1854 года, онъ едва имѣлъ половину этого числа, не принимая въ разсчетъ орудій флота, которыя предназначены были для своего круга дѣйствій на приморскія батареи и укрѣпленія. Число нашихъ орудій на оборонительной линіи также значительно увеличилось, и мы могли отвѣчать на огонь непріятеля большимъ противъ него числомъ орудій. Но необходимо было сберегать всѣми мѣрами порохъ и артиллерійскіе снаряды, особенно первый. Правда, запасы Севастополя были огромны: правительство истощало всѣ усилія, чтобы снабдить городъ всѣмъ нужнымъ для обороны его; но осада приняла громадные размѣры, была продолжительна и упорна, зимнія дороги въ Крыму представляли чрезвычайныя препятствія къ сообщенію съ Россіей. Наконецъ, самая настоящая бомбардировка могла длиться неопредѣленное время; а потому надо было принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы не истощить артиллерійскихъ снарядовъ до штурма, котораго нельзя было не ожидать послѣ бомбардировки. Мы могли отвѣчать только однимъ выстрѣломъ на два и

даже на три непріятельскіе выстрѣла (впослѣдствіи мы принуждены были еще значительно уменьшить этотъ огонь). А такъ какъ, за всѣмъ тѣмъ, мы выпускали во время бомбардировки отъ 10 до 12,000 артиллерійскихъ зарядовъ круглымъ числомъ (были дни, что число это возрастало до 15,000), то, по всѣмъ вѣроятіямъ, непріятель, стрѣлявшій не рѣдко залпами со всей батареи, выпускалъ отъ 25 до 30,000, что впослѣдствіи подтвердили перебѣжчики и плѣнные. Считая каждый артиллерійскій зарядъ въ 8 фунтовъ пороху, оказывается, что мы ежедневно, во время бомбардированія, издерживали отъ 2,000 до 2,400, а непріятель — отъ 5,000 до 6,000 пудовъ, — всего отъ 7,000 до 8,000 пудовъ въ сутки, не считая ружейныхъ зарядовъ, которыхъ мы выпускали до 165,000 въ сутки, и, вѣроятно, столько же, если не болѣе, непріятель.

Многозначительна была эта борьба трехъ государствъ, обладающихъ огромными собственными средствами и располагающихъ всѣми морями, по которымъ легко и удобно могли доставлять къ Севастополю орудія, порохъ, свинецъ, и всѣми рынками Европы, гдѣ могли пріобрѣтать ихъ; многозначительна, говорю, была эта борьба съ Россіей, въ самой себѣ, въ одной себѣ и правотѣ своего дѣла обрѣтающей силу и мощь противъ всѣхъ враговъ ея, противъ всего союза, который западъ силился еще умножить. Во время бомбардированія, непріятельскій флотъ разводилъ пары на пароходахъ, но, вѣроятно, по случаю большой зыби, въ море не выходилъ.

Потеря наша въ этотъ день была значительна. Убито два офицера, изъ числа которыхъ храбрый и распорядительный капитанъ-лейтенантъ *Шемякинъ*, и 60 нижнихъ чиновъ; ранено 7 офицеровъ, въ числѣ ихъ лейтенантъ *Завалишинъ*, извѣстный по своимъ молодецкимъ вылазкамъ, и 304 нижнихъ чиновъ; контужено 13 офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ. У насъ подбито было 15 орудій и 50 станковъ и взорвано два пороховые ящика, безъ особаго вреда для людей. Орудія и станки немедленно замѣнены новыми; поврежденія въ насыпяхъ и амбразурахъ исправлялись ночью. Дѣйствіе нашего огня было весьма

удачно: въ теченіе дня, мы заставили замолчать до 50 подбитыхъ у непріятеля орудій.

На другой день союзники продолжали такую же канонаду; она была особенно сильна по утру, часовъ съ пяти. Самый большой огонь направленъ былъ преимущественно на Камчатскій люнетъ, Волынскій и Селенгинскій редуты, 4-й и 5-й бастіоны и батарею Никонова. На нашихъ батареяхъ сбито опять 15 орудій и столько же станковъ. Потеря наша въ этотъ день была еще значительнѣе, потому что надо было держать много людей внѣ блиндажей для исправленія различныхъ поврежденій, которыхъ не успѣвали окончить ночью. Убито два офицера, 83 нижнихъ чиновъ; ранено 8 офицеровъ и 369 нижнихъ чиновъ; контужено 3 офицера и 269 нижнихъ чиновъ.

Непріятельскій флотъ съ 5-ти часовъ утра развелъ пары и выстроился противъ Севастопольской бухты, но въ дѣло не вступалъ. Къ вечеру онъ даже отодвинулся нѣсколько назадъ и въ двухъ колоннахъ сталъ на якорь; фрегаты и пароходы составили третью линію. Движеніе пароходовъ было безпрестанное. На корабляхъ видны были войска, какъ будто непріятель готовился сдѣлать десантъ. 30-го марта бомбардированіе было сильнѣе прочихъ дней. На разсвѣтѣ непріятель напалъ на наши ложементы, передъ правымъ флангомъ 5-го бастіона. Наши стрѣлки отступили. Съ бастіона ударили картечью по ложементамъ и потомъ охотники кинулись въ штыки. Послѣ двухъ рукопашныхъ схватокъ, непріятель былъ выбитъ изъ ложементовъ, которые остались за нами.

Потеря нашего гарнизона въ теченіе сутокъ состояла изъ 7 офицеровъ и 80 нижнихъ чиновъ убитыми; ранено 5 офицеровъ и 460 нижнихъ чиновъ. Легко раненые и контуженные оставались во фронтѣ. Въ числѣ раненыхъ находился завѣдывавшій артиллеріей 1-го и 2-го отдѣленій, полковникъ *Розенталь*, черезъ нѣсколько дней умершій. Потеря эта была весьма чувствительна для гарнизона.

30-го марта у насъ подбито было 23 орудія, 10 станковъ и 11 платформъ. Вечеромъ этого дня, гарнизонъ Севастополя былъ усиленъ полками Селенгинскимъ и Якут-

скимъ. Волынскій и Селенгинскій редуты опять пострадали болѣе другихъ.

Съ этого дня, непріятель началъ опять пускать ракеты въ городъ, въ бухту и на сѣверную сторону, куда не могли долетать его бомбы и ядра. Метою своей онъ, между прочимъ, избралъ домъ, занимаемый главнокомандующимъ; но разстояніе было слишкомъ велико (около 5 верстъ), и только одной ракетой задѣло уголъ сарая на дворѣ,—другія падали около дома. Вообще эта туча ракетъ зажигательныхъ и съ разрывными снарядами, стоившихъ союзникамъ такъ много денегъ, не нанесла большаго вреда. Одна изъ нихъ упала въ госпиталь, гдѣ убила и ранила трехъ человѣкъ; другими убито и ранено четыре или пять человѣкъ на площади. Вотъ вся потеря наша отъ ракетъ.

Непріятельскій флотъ, казалось, хотѣлъ также напомнить о себѣ: пользуясь темною, безлунною ночью, одинъ изъ непріятельскихъ пароходныхъ фрегатовъ выходилъ изъ линіи кораблей впередъ по направленію къ Сѣверной бухтѣ и, сдѣлавъ по залпу съ обоихъ бортовъ, быстро ускользалъ назадъ, внѣ выстрѣловъ нашихъ приморскихъ батарей. Маневръ этотъ онъ повторилъ раза два и три, въ теченіе нѣсколькихъ ночей. Торопливость, съ какою онъ стрѣлялъ, и темнота были причиной, что бомбы и ядра большею частью падали въ бухту, иныя въ городъ и на 10 №, нѣкоторыя достигали сѣверной стороны. Наши батареи отвѣчали по огню фрегата, и наконецъ, выстрѣлы изъ Константиновской батареи задѣли его; кромѣ того, второпяхъ, какъ говорятъ, непріятельскій фрегатъ всадилъ цѣлый залпъ, предназначенный для нашего № 10, въ свою Херсонесскую батарею. Какъ бы то ни было, но онъ прекратилъ на нѣкоторое время свои воинственныя выходки.

Есть вещи въ войнѣ, противъ которыхъ никто, конечно, не возстаетъ явно; но нравственное чувство человѣка не можетъ одобрить ихъ и невольно отталкиваетъ отъ себя. Такимъ образомъ, этотъ набѣгъ въ глухую. темную ночь парохода-фрегата, такъ же быстро исчезавшаго, какъ и появлявшагося на полѣ дѣйствій, — набѣгъ, какъ мы уже замѣтили, не приносившій намъ большаго вреда,

находилъ всеобщее, единодушное порицаніе въ нашемъ лагерѣ, и мы не думаемъ, чтобы многіе изъ союзниковъ одобряли его.

Въ темнотѣ не видно было флага, и мы не знаемъ, да и не желаемъ знать, какой изъ двухъ воюющихъ морскихъ державъ принадлежалъ фрегатъ.

Мы вовсе не упомянули бы объ этомъ обстоятельствѣ, если бы противники наши не были такъ придирчивы и такъ скоры въ обвиненіяхъ въ отношеніи къ намъ. Парламентерскій флагъ служилъ всего чаще предметомъ несогласій. Надо замѣтить, что мы никогда не поднимали его первые; непріятель же часто пользовался имъ. Утверждая, что наши парламентеры могутъ видѣть работы союзниковъ, онъ просилъ перемѣнить пунктъ для обоюдныхъ сношеній и назначилъ для этого на морѣ мѣсто, между линіей своихъ кораблей и Константиновской батарей. Не прошло и дня, какъ онъ вывѣсилъ бѣлый флагъ, или, просто, платокъ на сухомъ пути на томъ же мѣстѣ, гдѣ сходились прежде парламентеры, и въ то же время продолжалъ стрѣлять изъ-за линіи батарей по 5-му бастіону. Батареи наши сначала останавливаютъ пальбу, недоумѣваютъ, но наконецъ отвѣчаютъ на непріятельскій огонь, — и вотъ жалобы изъ непріятельскаго лагеря о томъ, что мы стрѣляемъ по парламентерскому флагу. То вдругъ получается горькая жалоба о томъ, что будто наши солдаты прикалываютъ раненыхъ непріятельскихъ солдатъ, и фельдмаршалъ *Рагланъ* приказываетъ произвести объ этомъ слѣдствіе. Напрасно англійскіе начальники силятся облечь въ формы и придать видъ законности дѣламъ, которыя находятся въ противорѣчіи съ истиной и разрушаются самыми простыми доводами. Если англійскій офицеръ, сдавшійся въ плѣнъ и вручившій свою шпагу русскому солдату, тайкомъ вынимаетъ изъ кармана пистолетъ и убиваетъ сзади солдата, который былъ слишкомъ довѣрчивъ, чтобы обыскать предварительно плѣнника, то почему не предположить, что раненый солдатъ, у котораго въ рукахъ еще ружье, не выстрѣлитъ на полѣ битвы по русскому солдату?

Мы ссылаемся на непріятельскихъ плѣнныхъ: пусть

они засвидѣтельствуютъ, какъ обходятся съ ними русскіе вообще. Нѣтъ добродушнѣе существа, какъ русскій солдатъ. Не смотря на то, что непріятель, вышедшій на русскій берегъ, коснулся того, что ближе и святѣе всего въ мірѣ для русскаго—святыни церквей: изрубилъ иконы, разграбилъ церковь, осквернилъ и изнасиловалъ женъ и дочерей въ Керчи, русскій солдатъ все таки находитъ возможнымъ извинить святотатственные поступки: когда молодой солдатъ бранитъ непріятеля, старый солдатъ всегда замѣтитъ ему: «онъ не виноватъ: какъ ему приказано, такъ онъ и дѣлаетъ; а французъ хорошо дерется», замѣтитъ онъ въ заключеніе, и охотно дерется съ французомъ, особенно на вылазкахъ, потому что любитъ брать грудью, штыкъ предпочитаетъ всему и не охотникъ прятаться за камнемъ и оттуда издалека поражать штуцеромъ непріятеля.

Такъ какъ мы заговорили о русскомъ солдатѣ, то остановимся еще нѣсколько на этомъ утѣшительномъ, среди всеобщаго разрушенія и смерти, предметѣ. Тысяча бомбъ, ядеръ, гранатъ и ракетъ осыпали бастіоны; но не поколебимо, твердо, съ геройскимъ мужествомъ стояли моряки и солдаты пѣхотныхъ полковъ, окружая незыблемой стѣною городъ, который можно было взять только уничтоживъ совершенно этотъ живой оплотъ. Безтрепетно взирали они на смерть, вырывавшую безпрестанно новыя жертвы изъ среды ихъ; но эти простые, добрые люди не могли равнодушно, безъ страха видѣть безпрестанное появленіе своихъ начальниковъ на бастіонахъ и наконецъ приступили съ рѣшительнымъ требованіемъ, чтобы они не показывались на батареяхъ безъ особенной надобности, по крайней мѣрѣ, во время бомбардированія, увѣряя, что и безъ нихъ исполнятъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Это было не по наряду, не по заказу, но просто вылилось изъ чистаго сердца русскаго солдата, инстинктивно и горячо сочувствующаго тому, кто его любитъ и бережетъ. Не желая задѣть скромность тѣхъ изъ начальниковъ, къ которымъ относились эти просьбы, мы не называемъ ихъ именъ; изъ этихъ же побужденій и изъ боязни, чтобы насъ не

упрекнули въ лести, мы не высказываемъ многаго, что такъ горячо чувствуется въ сердцѣ и такъ живо рвется наружу: это неудобство всякой, какъ полагаемъ мы, современной исторіи.

Трудно себѣ представить, съ какимъ безусловнымъ, безграничнымъ самопожертвованіемъ русскій солдатъ отдаетъ жизнь свою отечеству: чище и безкорыстнѣе этой жертвы не можетъ быть въ мірѣ. Онъ не расчитываетъ ни на какія награды, ни на обезпеченіе своей будущности: онъ исполняетъ свое дѣло слѣпо и безъ умствованій. Надо было видѣть русскаго солдата здѣсь въ Севастополѣ, чтобы вполнѣ понять, какъ естественъ подвигъ *Шевченко*, который, увидѣвъ, что въ его офицера направлены два выстрѣла, и не имѣя возможности отклонить или предупредить ихъ, кидается на грудь своего начальника, принимаетъ пули, назначенныя для другаго, и безропотно, съ совершеннымъ сознаніемъ правоты своего дѣла испускаетъ духъ. Рядовой Камчатскаго егерскаго полка *Мартышинъ*, смертельно раненый, собираетъ вокругъ себя товарищей своихъ и говоритъ имъ: «Смотрите вы мнѣ, не уронить чести и славы Камчатскаго полка; не то я изъ могилы выйду и не дамъ вамъ житья на этомъ свѣтѣ,» потомъ достаетъ рубль изъ-за сапога, все его богатство, и прибавляетъ: «отдайте попу—пусть исповѣдуетъ меня и отслужитъ панихиду.» Это его послѣднія слова, послѣдняя мысль при отходѣ въ вѣчность. И какъ равнодушно идетъ русскій солдатъ на Малаховъ курганъ, или на 4-й бастіонъ, или на вылазку: снялъ Георгіевскій крестъ съ груди и отдалъ на сохраненіе каптенармусу, чтобы не достался въ руки супостата, когда убьютъ героя, перекрестился, идя мимо собора—вотъ онъ и весь тутъ, готовый къ смерти. И такихъ героевъ цѣлые полки. Всякій русскій съ уваженіемъ станетъ исчислять подвиги Черноморскаго флота и пѣхотныхъ полковъ: Тобольскаго, Томскаго, Колыванскаго, Екатеринбургскаго, Селенгинскаго, Охотскаго, Камчатскаго, Волынскаго и Минскаго.

Чѣмъ можно объяснить слѣдующій подвигъ, какъ не высокимъ, хотя, можетъ быть, и безотчетнымъ сознаніемъ

своего долга! Воронежскій мужичекъ (Острогожскаго уѣзда) Василій *Чумаковъ* пришелъ съ черноморцами въ Севастополь и выпросилъ позволеніе остаться волонтеромъ на бастіонахъ. Идетъ ли смѣна въ передовыя траншеи — и онъ съ нею; есть ли гдѣ вылазка—и онъ тамъ. Втеченіе шести мѣсяцевъ, онъ получилъ шесть ранъ и множество контузій—и остается на мѣстѣ. Можетъ быть, вы скажете, что жажда битвы, опьяненіе кровавой сѣчи само по себѣ имѣетъ для нѣкоторыхъ упоительную прелесть. Но это не такого рода война, гдѣ битва смѣняется битвой, въ пылу которой человѣку нѣкогда опомниться, гдѣ торжество побѣды служитъ достаточной приманкой и наградой за всѣ утраты, а сладость отдыха—за понесенныя лишенія и труды. Нѣтъ! тутъ нужно мужество терпѣливое, желѣзное, которое безъ надеждъ, безъ обольщеній видитъ смерть ежеминутно, прямо въ глаза, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, въ постоянныхъ трудахъ и лишеніяхъ. Тутъ нужно не то восторженное геройство, котораго едва хватаетъ на двухъ-часовую битву въ открытомъ полѣ, но закаленное, постоянное, не знающее ни отдыха, ни устали, не разсчитывающее на завтрашній день, но встрѣчающее его терпѣливо и безтрепетно, хотя этотъ день навѣрно унесетъ за собою въ вѣчность очень много храбрыхъ.

II.

Продолженіе бомбардированія.—Вылазка на 31-е марта и 1-е апрѣля.—Наши ежедневныя потери и сравненіе ихъ съ непріятельскими.—Дѣло въ ночь 2-го апрѣля и потеря этого дня.—Взрывъ четырехъ непріятельскихъ горновъ.—Бомбардированіе слабѣетъ.—Цѣль его.—Ожидаемый штурмъ не послѣдовалъ.—Причины тому.—Нѣсколько словъ изъ донесенія главнокомандующаго.—Состояніе здоровья войскъ и духъ ихъ.

Обратимся къ бомбардированію, которое, не умолкая ночью, съ разсвѣтомъ обыкновенно переходило въ одинъ безконечный громъ и гулъ, прерываемый только частыми взрывами пороховыхъ погребовъ, артиллерійскихъ ащи-

ковъ и минныхъ горновъ, и станемъ продолжать кровавую лѣтопись потерь и разрушеній.

31-го марта, въ десять съ половиною часовъ вечера, непріятель, послѣ страшнаго артиллерійскаго огня, атаковалъ опять ложементы, противъ 5-го бастіона. Наша цѣпь отступила; по непріятелю открыли съ бастіона картечный огонь, и вслѣдъ затѣмъ два батальона храбрыхъ колыванцевъ, подъ начальствомъ своего полковаго командира, подполковника *Темирязева*, кинулись въ штыки и далеко отбросили непріятеля. Но французы, упорствуя въ занятіи ложементовъ, стоившихъ имъ уже такихъ сильныхъ потерь, послали противъ двухъ батальоновъ весьма слабаго состава до пяти тысячъ войска. Началась страшная рѣзня. Колыванцы не уступали. Ложементы переходили изъ рукъ въ руки. Французы, разсчитывая на свой значительный перевѣсъ, рѣшились крѣпко держаться въ занятыхъ ими ложементахъ.

Не придавая имъ большой важности, начальникъ гарнизона наконецъ велѣлъ колыванцамъ отступить. Храбрые баталіоны возвращались уныло, — не потому, чтобы они жалѣли о ничтожныхъ ямахъ, которыя могли въ слѣдующую ночь отнять у непріятеля; но они лишились своего мужественнаго, любимаго солдатами и офицерами полковаго командира *Темирязева*; ему оторвало ногу, и онъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Кромѣ его убито и ранено 6 офицеровъ. Между первыми находился, къ сожалѣнію, прапорщикъ *Пржеславскій*, одинъ изъ трехъ храбрыхъ братьевъ, и 128 нижнихъ чиновъ.

Не включая потери этого дѣла въ общій итогъ потери нашей, въ теченіе сутокъ съ 30-го по 31-е марта, мы лишились убитыми 2-хъ офицеровъ и 90 нижнихъ чиновъ, ранеными и контуженными 19 офицеровъ и 610 нижнихъ чиновъ.

Чѣмъ далѣе шла бомбардировка, тѣмъ болѣе разрушались, не смотря на безпрестанныя починки, или ослабѣвали амбразуры, мерлоны и всякаго рода прикрытія; а потому не удивительно, что съ каждымъ почти днемъ увеличивалось число подбитыхъ орудій, станковъ и плат-

формъ. Но все это немедленно, подъ убійственнымъ огнемъ, замѣнялось новыми, или возстановлялось въ прежнемъ порядкѣ. Минныя поврежденія исправлялись также скоро. Такимъ образомъ, съ 30-го по 31-е марта, наши взорвали горнъ, въ 21 пудъ пороха, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ сдѣланъ непріятелемъ камуфлетъ 26-го марта.

Потеря въ людяхъ возростала съ каждымъ днемъ. Не было мѣста въ городѣ, гдѣ бы можно было укрыть резервы: бомбы, ядра и ракеты поражали повсюду; самые блиндажи не всегда спасали людей отъ семи-пудовыхъ бомбъ, особенно, если ихъ нѣсколько и быстро одна за другой упадало на одно мѣсто, что случалось не рѣдко. На вылазкахъ и при отраженіи непріятеля люди дрались отчаянно.

Невозможно было перемѣнять гарнизонъ, за недостаткомъ войска: его только подкрѣпляли, замѣняя, убыль новыми войсками. Съ 31-го марта по 1-е апрѣля ввели въ городъ ночью Одесскій егерскій полкъ. Въ ту же ночь, французы кинулись было на ложементы, находившіеся впереди редута *Шварца* и въ лощинѣ между 4-мъ и 5-мъ бастіонами; но колыванцы и екатеринбургцы, занимавшіе ихъ, отбросили непріятеля въ его траншеи и захватили нѣсколько плѣнныхъ.

Потеря наша, въ этотъ день, состояла изъ одного офицера и 123-хъ нижнихъ чиновъ убитыми, 22 офицеровъ и 1,031 нижнихъ чиновъ ранеными, контуженными и безъвѣсти-пропавшими.

Чтобы показать духъ гарнизона Севастопольскаго, замѣтимъ, что изъ числа раненыхъ и контуженныхъ осталось добровольно во фронтѣ 15 офицеровъ и 372 нижнихъ чиновъ.

Дѣйствіе нашего артиллерійскаго огня въ этотъ день было особенно удачно; взорвали пороховой погребъ на большой англійской батареѣ. Взрывъ этотъ нанесъ страшный вредъ непріятелю; четыре амбразуры были совершенно разметаны, бомбическія пушки подбиты. Кромѣ того, заставили умолкнуть нѣсколько непріятельскихъ батарей, на весь остатокъ дня и часть ночи.

Если сосредоточенный огонь непріятеля по городу и бастіонамъ наносилъ сильную потерю въ людяхъ, то отнятіе ложементовъ, вылазки и атаки уравновѣшивали потери съ обѣихъ сторонъ. Большая часть нашихъ ложементовъ обстрѣливались картечнымъ огнемъ, такимъ образомъ, что, при отступленіи нашихъ, непріятель неизбѣжно попадалъ подъ картечные выстрѣлы, отъ которыхъ терпѣлъ страшно.

Вообще эти ложементы, какъ и всѣ внѣшнія контръапрошныя работы, достигли своей цѣли, затруднивъ и замедливъ до чрезвычайности непріятельскія осадныя работы, не говоря уже о томъ, что они стоили такъ много людей союзникамъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ ложементовъ находились ближе къ непріятельской параллели, чѣмъ къ нашей оборонительной линіи, и потому не удивительно, что союзники употребляли такія усилія овладѣть ими. Въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля, замѣтивъ, что мы соединяемъ наши ложементы между пятымъ и шестымъ бастіонами, чтобы дѣйствовать продольно и въ тылъ траншей, выведенныхъ французами наканунѣ, противъ пятаго бастіона, непріятель атаковалъ прикрытіе этихъ работъ, состоявшее изъ части Волынскаго полка, и въ то же время, сдѣлалъ нападеніе на ложементы, противъ редута *Шварца*. Тамъ и здѣсь ложементы переходили изъ рукъ въ руки. Наши усердно работали штыкомъ. Картечь съ бастіона № 5-го сильно поражала непріятеля. Къ сожалѣнію, у насъ былъ раненъ командиръ Волынскаго полка, полковникъ *Лушковъ*, и неизбѣжное при такихъ случаяхъ замѣшательство дало возможность оправиться непріятелю, который, между тѣмъ, велъ тихую сапу на исходящій уголъ 4 бастіона; но наши не дремали и здѣсь, и меткимъ артиллерійскимъ огнемъ заставили вскорѣ прекратить работы.

Вообще, во время командованія союзными войсками *Канроберомъ*, непріятель преимущественно направлялъ усилія своей канонады, атакъ и минныхъ работъ противъ 4-го бастіона, какъ бы намѣреваясь отсюда атаковать городъ. Такимъ образомъ, съ разсвѣтомъ 2-го апрѣля, не-

пріятель направилъ особенно сильный огонь противъ 3-го и 4-го бастіоновъ, и когда туманъ и дымъ нѣсколько разсѣялись, то увидѣли двѣ новыя батареи, громившія эти бастіоны: одну на Зеленой горѣ, другую на правой возвышенности балки; но, не болѣе, какъ черезъ два часа, первую батарею заставили умолкнуть, подбивъ у нея всѣ орудія.

Потеря наша, съ 1-го на 2-е апрѣля, заключалась въ 3-хъ офицерахъ и 153 нижнихъ чиновъ убитыми и 4-хъ штабъ-офицерахъ, 17 оберъ-офицерахъ и 773 нижнихъ чиновъ раненыхъ, не считая 13 офицеровъ и 345 нижнихъ чиновъ раненыхъ и контуженныхъ, но оставшихся въ строю.

Въ числѣ раненыхъ находились: распорядительный и смѣлый начальникъ 2-й бригады 10-й дивизіи, командовавшій сухопутными войсками на 2-мъ отдѣленіи, полковникъ *Загоскинъ*, умершій чрезъ нѣсколько дней послѣ отнятія ноги, и полковникъ *Лушковъ*, командиръ Волынскаго полка.

Со 2-го на 3-е число, по крайней мѣрѣ ночью, бомбардированіе было нѣсколько слабѣе и дало возможность довольно безпрепятственно работать людямъ и исправить сдѣланныя непріятелемъ наканунѣ разрушенія, которыя были чувствительны; не говоря уже о подбитыхъ орудіяхъ, станкахъ и платформахъ, на бастіонѣ № 3-й горжевой брустверъ былъ разбитъ до основанія; на бастіонѣ № 6 былъ взорванъ непріятельской бомбой небольшой пороховой погребъ, причинившій также нѣкоторыя разрушенія.

Потеря наша въ эти сутки состояла изъ 518-ти человѣкъ убитыми и ранеными. въ томъ числѣ 5 офицеровъ.

3 апрѣля стояла погода туманная и дождливая; особенно къ вечеру дождь усилился. — Было около 8-ми часовъ вечера Наши готовились идти на работы у бастіона № 4-го и въ траншеяхъ. Вдругъ раздался страшный громъ, и вслѣдъ затѣмъ цѣлыя тучи камней осыпали и поражали выступившія войска. Это былъ взрывъ двухъ сближенныхъ горновъ, прежде заложенныхъ непріятелемъ по капитали исходящаго угла № 4. саженяхъ въ тридца-

ти пяти отъ контръ-эскарпа. Въ нашей минной галлереѣ не сдѣлано было ни какихъ поврежденій; только оконечности рукавовъ ея нѣсколько пострадали, и въ нихъ ранены легко три человѣка. Вслѣдъ за взрывомъ, весь огонь непріятеля былъ обращенъ на 4-й бастіонъ.

У насъ знали о томъ, что горны заложены, предполагали даже занять воронку, образованную взрывомъ; но она обстрѣливалась изъ нѣсколькихъ батарей, и потери, сопряженныя съ этимъ предпріятіемъ, были бы слишкомъ велики, а потому рѣшились ограничиться тѣмъ, чтобы препятствовать сколько можно непріятелю укрѣпиться и короновать свою воронку. Сосредоточенный огонь нашихъ батарей и ружейный съ бастіона 4-го наносили ему страшное пораженіе. Французы успѣли только занять и нѣсколько оградиться въ средней части воронки.

Вообще втеченіе сутокъ бомбардированіе было нѣсколько слабѣе, сравнительно съ предшествовавшими днями; но потеря наша, значительно увеличенная непріятельскимъ взрывомъ, все-таки простиралась до 623-хъ нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя, и 9 офицеровъ.

Положеніе непріятеля въ воронкѣ было невыносимо. Въ слѣдующіе дни, онъ усиливался было изъ оконечности тихой сапы, выведенной имъ противъ № 4, выдвинуться, посредствомъ летучей сапы, впередъ и соединить ее со взорванными горнами; но огонь нашей артиллеріи уничтожилъ всѣ его усилія. Траншея, проведенная къ лѣвой сторонѣ воронки, также была разбита нами; самую воронку осыпали гранатами съ 4-го бастіона, и едва французы показывались изъ нея, какъ картечный огонь, обстрѣливавшій все пространство между воронкою и сапою, и меткій штуцерной огонь сильно поражалъ ихъ и дѣлалъ невозможными всѣ покушенія продолжать дальнѣйшія работы. Французскія тѣла во множествѣ валялись между сапой и воронкой, и непріятель не рѣшался убрать ихъ, не смотря на то, что между ними были и раненые, которые въ состояніи были доползти до своихъ траншей.

Непріятель не переставалъ, во все время бомбардированія, кидать на Сѣверную сторону ракеты, особенно 4-го

числа, съ полудня осыпалъ ее ракетами всякаго рода, разрывными, зажигательными, удушливыми.—Ядра съ ланкастерскихъ орудій и съ обыкновенныхъ, которымъ былъ данъ большой уголъ возвышенія, также достигали Сѣвернаго укрѣпленія. Одна ракета попала въ управленіе главнокомандующаго, гдѣ ранила и контузила трехъ офицеровъ и оторвала ногу писарю. Не смотря, однако, на непріятельскій огонь, работы, по укрѣпленію Сѣверной стороны, производились въ большихъ размѣрахъ и быстро подвигались впередъ.

Нашъ артиллерійскій огонь и въ этотъ день былъ удачнѣе непріятельскаго: бомбами, брошенными съ 3-го бастіона, взорвало пороховой погребъ на англійской батареѣ, находившейся впереди такъ называемой 22-хъ-пушечной батареи; кромѣ того, разбили брустверъ на французской батареѣ за Киленъ-Балкою, подбили до 30-ти орудій и уничтожили нѣсколько амбразуръ, которыя показались было вновь на разсвѣтѣ 4-го апрѣля, и особенно обстрѣливали 3-й и 4-й бастіоны и Камчатскій люнетъ. Съ нашей стороны поврежденія были довольно незначительны: подбито 12 орудій, 15 станковъ и 10 платформъ; но потеря въ людяхъ все еще была велика: убито 78 человѣкъ нижнихъ чиновъ, ранено и контужено 545 нижнихъ чиновъ и 9 офицеровъ. Сверхъ того, осталось во фронтѣ раненыхъ и контуженныхъ 445 нижнихъ чиновъ и 13 офицеровъ. 5-го апрѣля, непріятельскій артиллерійскій огонь нѣсколько ослабѣлъ и въ послѣдующіе три дня становился все тише и тише и наконецъ перешелъ въ обыкновенный, которымъ оглашались Севастополь и его окрестности въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Потеря наша уменьшилась отъ 432 выбывшихъ изъ строя, въ сутки 5-го числа апрѣля, до 300 и наконецъ низошла въ обыкновенную ежедневную потерю—до 150 человѣкъ.

Спрашивается: какая цѣль была этой продолжительной и страшной бомбардировки, нанесшей обѣимъ сторонамъ столь важныя потери въ людяхъ? Плѣнные и перебѣжчики единогласно показываютъ, что непріятель разсчитывалъ сбить наши орудія и довести самый гарнизонъ до отчая-

нія, постоянными потерями и тяжелыми трудами. Это подтверждается и тѣмъ еще, что къ концу бомбардировки привезено было изъ Евпаторіи до 15,000 турецкихъ войскъ и часть французскихъ, для усиленія атаки города. Но непріятель убѣдился, что городъ былъ такъ же силенъ въ послѣдніе дни бомбардированія, какъ и при началѣ его, что этотъ, по выраженію французовъ, «страшный судъ въ большомъ видѣ» (en grand) не испугалъ людей, готовыхъ во всякій часъ предстать предъ судъ Божій, и духъ гарнизона былъ совершенно покоенъ и не возмутимъ; а потому союзники не рѣшились идти на штурмъ, не смотря на то, что подкрѣпленія наши, шедшія изъ южной арміи, еще не пришли, и запасы артиллерійскихъ снарядовъ сильно истощались отъ продолжительной канонады. Только 5-го апрѣля, прибылъ въ Севастополь Полтавскій пѣхотный полкъ изъ евпаторійскаго отряда, откуда сюда же шла вся 2-я бригада 8-й пѣхотной дивизіи; а въ замѣнъ ея предназначалась въ Евпаторію, въ случаѣ нужды, 2-я бригада 14-й пѣхотной дивизіи, бывшей уже на пути въ Крыму.

Въ эту эпоху, непріятель былъ сильнѣе въ полтора раза насъ. Гдѣ же дѣвались эта самонадѣянность, это твердое убѣжденіе въ скорой побѣдѣ, съ которыми союзники пришли въ Крымъ? Газеты ихъ разсчитывали по днямъ взятіе Севастополя и завоеваніе Крыма и возвѣщали о будущихъ побѣдахъ и уничиженіи Россіи. Достаточно было нѣсколькихъ словъ, на удачу брошенныхъ проѣзжимъ татариномъ, о взятіи Севастополя, чтобы западъ подхватилъ ихъ и провозгласилъ свѣту, какъ неоспоримую истину; а, между тѣмъ, мѣсяцы проходили за мѣсяцами, подкрѣпленія съ запада подходили безпрестанно въ Крымъ, но положеніе союзниковъ подъ Севастополемъ оставалось все то же. Непріятель сталъ дѣйствовать какъ-то вяло, нерѣшительно; осадныя работы его подвигались медленно впередъ; дезертиры являлись безпрестанно въ нашъ лагерь, что не свидѣтельствовало въ пользу хорошаго состоянія духа арміи. Безпрестанныя стычки съ русскими убѣдили наконецъ союзниковъ, что они нашли совсѣмъ иного вра-

га, чѣмъ ожидали: они сдѣлались особенно осторожны, и ожидаемый всѣми штурмъ, какъ заключительный актъ бомбардированія, не послѣдовалъ.

Окончимъ описаніе этого втораго бомбардированія Севастополя замѣчательными словами главнокомандующаго, которыя онъ писалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, отъ 3-го апрѣля:

«Нельзя не гордиться именемъ русскаго, видя бодрость и, можно сказать, веселость севастопольскаго гарнизона среди адскаго огня, продолжающагося безпрерывно уже болѣе шести сутокъ, среди самыхъ утомительныхъ работъ, производимыхъ людьми почти безъ всякаго отдыха, для исправленія поврежденій, для стаскиванія подбитыхъ орудій, замѣщенія ихъ другими и того подобнаго».

Эти слова, вполнѣ обрисовываютъ состояніе и духъ севастопольскаго гарнизона.

Флотъ непріятельскій оставался въ прежнемъ положеніи и прежнемъ бездѣйствіи, относительно участія въ бомбардировкѣ; но въ немъ было замѣтно большое движеніе: пароходы то и дѣло обходили корабли, являясь и исчезая безпрестанно. Самое число судовъ измѣнялось: иногда насчитывали ихъ на Севастопольскомъ рейдѣ, въ Стрѣлецкой, Камышевой и Песчаной бухтахъ до 20 кораблей, 2 фрегатовъ, 4 корветовъ, 23 пароходовъ и 29 купеческихъ транспортовъ; въ другой разъ являлось до 105 купеческихъ судовъ и 30 пароходовъ, и уменьшалось число кораблей. По ночамъ безлуннымъ или туманнымъ, въ темнотѣ непроницаемой, опять сталъ являться пароходъ и, стрѣляя залпами бомбическихъ орудій, ужаснымъ громомъ и трескомъ будилъ войска, но другаго вреда не причинялъ. Батареи Константиновская, № 10-й и Николаевская отвѣчали на выстрѣлы, цѣлясь по огню.

Состояніе здоровья, въ войскахъ гарнизона Севастополя и окружающихъ его лагеряхъ, было самое удовлетворительное. Между тѣмъ, какъ въ непріятельскомъ лагерѣ свирѣпствовали холера, тифъ, лихорадка и скорбутъ, ежедневно похищавшіе сотни жертвъ, у насъ не извѣстно было эпидеміи, чему, конечно, обязаны неусыпной дѣя-

тельности начальниковъ всѣхъ частей войска. Солдатъ, во всѣхъ отношеніяхъ, былъ содержимъ отлично и вполнѣ понималъ и цѣнилъ это. Дезертирство, штрафы и наказанія сдѣлались почти неизвѣстными. Всѣ, отъ солдата до высшаго начальника, поняли, что положеніе Севастополя было исключительно и, слѣдовательно, требовало исключительныхъ мѣръ, и въ этомъ духѣ дѣйствовали.

Конечно, исторія не представляетъ ничего подобнаго этому бомбардированію, по громадности употребленныхъ средствъ и по продолжительности его; но Севастополю суждено было выдержать другое, еще сильнѣйшее. Многіе изъ главныхъ начальниковъ не могли не предвидѣть этого, особенно, когда убѣдились, что непріятель рѣшился употребить всѣ средства, чтобы приблизиться своими осадными работами еще болѣе къ линіи нашей обороны и усилить свои батареи; но между солдатами и офицерами господствовала одна общая мысль — держаться въ Севастополѣ до послѣдняго человѣка. Никто изъ нихъ еще не помышлялъ о возможности оставленія его. Стали только увозить послѣднія остававшіяся семейства, по преимуществу матросовъ, на сѣверную сторону.

Севастополь пустѣлъ, но все еще сохранялъ видъ города. Разрушеніе щадило нѣкоторыя удаленныя отъ оборонительной линіи мѣста, хотя доходило уже до половины Екатерининской улицы. Окна стояли большею частію безъ стеколъ, иныя безъ рамъ; во многихъ домахъ были выбраны полы для платформъ. Духъ *Корнилова*, рѣшившагося отстаивать грудью открытый городъ и зачавшаго укрѣпленіе подъ выстрѣлами и въ виду непріятеля, виталъ надъ нимъ и прикрывалъ его отъ генія всеобщаго разрушенія. Еще были живы и одушевляли гарнизонъ многіе изъ славныхъ защитниковъ Севастополя. На бастіонахъ являлся, по прежнему, *Нахимовъ*, съ постоянною кроткою, спокойною физіономіей, съ привѣтомъ и добрымъ словомъ для солдата и офицера; но знавшіе его коротко проникали уже грустную думу, тяготившую его: она иногда высказывалась въ невольномъ словѣ, въ невольномъ взглядѣ. *Нахимовъ* понималъ безнадежность положенія города, мечталъ

о средствахъ чрезвычайныхъ, о наступательныхъ дѣйствіяхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ не могъ не видѣть всю сомнительность успѣха этихъ рѣшительныхъ мѣръ, при ограниченности нашихъ средствъ, при тѣхъ страшныхъ укрѣпленіяхъ, которыми оградилъ себя непріятель. Напрасно *Нахимовъ* издавалъ приказы, убѣждая солдатъ и офицеровъ не увлекаться пыломъ храбрости и не подвергать жизни своей безполезной опасности: онъ самъ становился противъ открытыхъ амбразуръ, выставлялся изъ за бруствера, и другіе слѣдовали его примѣру. Равнодушіе къ жизни было общею, отличительною чертою гарнизона. Смерть еще не смѣла коснуться *Нахимова*. Чудомъ сохранялась жизнь этого безстрашнаго человѣка; но Провидѣніе, всегда милостивое къ героямъ, не допустило его быть свидѣтелемъ бѣдствія, которое едва ли онъ могъ бы вынести, безусловно преданный своей задушевной мысли.

По прежнему, являлись на бастіонахъ и другіе сподвижники *Нахимова*: одинъ, всегда серьезный, ничѣмъ невозмутимый, не смотря на страданіе болѣзни, снѣдавшей его, тотъ, высокую фигуру котораго такъ изучилъ непріятель, встрѣчая и провожая ее сотнею пуль; другой, любимецъ солдатъ и матросовъ, защитникъ Малахова кургана, не сходилъ съ него ни днемъ, ни ночью; третій, надежда и оплотъ Севастополя, противопоставлялъ врагу на каждомъ шагу новыя преграды и боролся съ нимъ всею силою знанія и геройства. Надъ всѣмъ этимъ бодрствовалъ духъ одной воли, одного человѣка, не знавшаго ни покоя, ни отдыха, отвсюду окруженнаго препятствіями, безпрестанно изыскивавшаго новыя опоры своимъ недостаточнымъ средствамъ.... Потомство оцѣнитъ вполнѣ заслуги его, отстоявшаго Крымъ и славу русскаго оружія, противъ силы и искусства полу-свѣта, вооружившагося на насъ.

Я чувствую всю немощь свою, передъ величіемъ той страшной драмы, которая разъигрывалась въ глазахъ міра, и оставляю свой слабый трудъ ([1]).

Ег. Ковалевскій.

Севастополь августъ 1855 года.

([1]) «Современникъ» 1856 г., т. 57.

Письмо юнкера Минскаго полка ([1]).

Лагерь у высотъ Бомбора (близъ Севастополя),

18-го апрѣля 1855 года.

Наканунѣ праздника Свѣтлаго Воскресенья, мы получили приказаніе занять *Камчатскій редутъ*—это въ родѣ отличной увеселительной дачи, въ родѣ *Софіевки* и другихъ, а именно: онъ стоитъ впереди бастіона № 2-го и Малахова кургана, въ 200 саженяхъ выдавшись къ врагамъ, въ срединѣ нѣсколькихъ англійскихъ батарей, которыя въ него безпрерывно стрѣляютъ ядрами, бомбами, а что всего хуже, невидимыми штуцерными пулями.... На этомъ миломъ бастіонѣ мы встрѣтили великій день Пасхи.... Цѣлый день простояли подъ ружьемъ и даже не разговлялись, и такъ оставались, пока не смѣнились баталіономъ Украинскаго егерскаго полка.

«Дождь былъ сильный, туманъ закрывалъ весь горизонтъ; вдругъ открывается канонада, и какая! Господи! Бомбардированіе 5-го числа казалось игрушкою. Вдругъ требуютъ нашъ баталіонъ въ прикрытіе Камчатскаго редута. Въ 10-ть часовъ утра 28-го марта, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, мы шли болѣе двухъ верстъ, покамѣстъ пришли туда. Ядра и бомбы лопаются около самыхъ ногъ, дождь пробираетъ до костей, и грязь мѣшаетъ идти; скользимъ и падаемъ безпрерывно отъ глинистой почвы; съ трудомъ едва добрались до редута. Нѣтъ мѣста, чтобы обогрѣться; весь мокрый, — холодъ еще болѣе пробираетъ. Стоишь по колѣни въ грязи и въ водѣ и дрожишь; даже не обращаешь вниманія на выстрѣлы, которые постоянно жужжатъ надъ головой. Гляжу: наши добрые артиллеристы, стоя около орудій, не унываютъ, стрѣляютъ превосходно, но тоже промокли, что называется, до костей. Одно удовольствіе было—стоять и наводить орудія, не думая о непріятельскихъ снарядахъ. Къ вечеру

([1]) Изъ статьи А. Скальковскаго «Русскіе крестовые рыцари въ борьбу 1854—1855 годовъ».

громъ орудій еще болѣе усиливается. Нѣсколько нашихъ орудій было подбито; въ свою очередь заставили и мы нѣкоторыя орудія замолчать, а одну бомбическую пушку, которая вредила намъ много, надолго упокоили.... такъ что весь день почти она не могла дѣйствовать, пока не перемѣнили орудій. Въ 9 часовъ вечера все утихло; однѣ бомбы пяти-пудовыя взвивались подъ облака и летѣли на бастіоны и въ городъ. Но внутренность его осталась цѣла. Наступила ночь, темная, хоть глазъ выколи. Съ приходомъ смѣны мы ушли по мѣстамъ; но чего стоило это возвращеніе! Клянусь вамъ, что изъ грязи невозможно ноги вытянуть, вода по колѣни, вдругъ бухъ въ яму, лежишь.... смѣхъ и страхъ пополамъ.... насилу мы пришли домой. Вотъ какъ мы провели праздники. Сильная бомбардировка продолжалась болѣе, чѣмъ 10 дней; остальные дни были гораздо тише, и въ настоящее время почти утихло; только на двухъ пунктахъ непрерываемая перестрѣлка: тамъ опять постоянно бомбардируютъ №№ 4-й и 5-й бастіоны, куда своими окопами подлѣзли враги почти на 100 шаговъ. Ночью съ 7-го на 8-е апрѣля, они даже рѣшились сдѣлать нападеніе на ложементы впереди бастіоновъ №№ 3-го, 5 и 6-го, но сильно ошиблись въ разсчетѣ своемъ: встрѣченные сильнымъ перекрестнымъ огнемъ изъ нашихъ батарей и штыками, они отступили съ большимъ урономъ. Нѣкоторые французы, достигшіе вала, были схвачены нашими артиллеристами и взяты въ плѣнъ, какъ послѣ оказалось 1 офицеръ и нѣсколько солдатъ.... Въ послѣдствіи непріятели еще ближе подвинулись къ нашему бастіону, занявъ воронку, сдѣланную взрывомъ; но 50 охотниковъ Екатеринбургскаго полка напали и выгнали ихъ оттуда, переколовъ тамъ и взявъ въ плѣнъ довольно. Честь и слава подобнымъ удальцамъ!... Результатъ этой бомбардировки — чистый нуль для непріятеля: укрѣпленія и батареи наши цѣлы, — любо глядѣть, тѣмъ болѣе, что они построены въ нѣсколько линій [1].

---

[1] С.-Петерб. Вѣд. 1855 г., № 350.

Поле мертвыхъ близъ Севастополя.

Христіанская церковь принимаетъ младенца въ колыбели, нарекаетъ его именемъ ангела, мученика или святаго, и освящаетъ крещеніемъ; то же бываетъ и при смерти: покойникъ, закрывъ глаза, не принадлежитъ уже семьѣ, или гражданскому обществу: его отпѣваютъ, выносятъ въ церковь, по духовному чину, предаютъ землѣ на кладбищѣ; англо-французы, ставъ подъ знаменемъ полумѣсяца, волею и неволею измѣнили высокій и трогательный обрядъ, и назначили для мучениковъ нечестивой войны обширное поле мертвыхъ (campodi morti), Херсонесскую возвышенность, гдѣ нѣтъ ни католическаго, ни протестанскаго храма. Херсонесскую церковь, созданную на томъ мѣстѣ, гдѣ Владиміръ принялъ святое крещеніе, они разорили, не для того ли, чтобъ Россія забыла, подобно западнымъ государствамъ, что она христіанская держава? Какъ ни обширно поле мертвыхъ Херсонесское, а вскорѣ будетъ тѣсно для жертвъ, принесенныхъ мнимою образованностью, чтобы доставить торжество суевѣрію и невѣжеству. Не знаемъ, больше ли тѣлъ похоронено на поляхъ Ватерлоо или Лейпцига, хотя бой въ послѣднемъ мѣстѣ и длился три дня. Въ Севастополѣ упорный бой кипитъ седьмой мѣсяцъ, не прерываясь ни на одинъ день, и когда еще кончится, неизвѣстно.

Во время быстраго слѣдованія съ Альминскаго поля на Херсонесскую плоскость, союзники бросили на Мекензіевыхъ высотахъ нѣсколько тѣлъ безъ погребенія. 13-го сентября, они перешли на возвышенности, господствующія надъ Севастополемъ; чрезъ двѣ недѣли заложена была траншея; 5-го октября началось бомбардированіе. Тогда отведено ими мѣсто для усопшихъ, не большая частичка земли; ибо союзники мечтали взять Севастополь въ двѣ недѣли. Скромное поле съ тѣхъ поръ, распространяется во всѣ стороны не днями, а часами, и грозитъ занять всю Херсонесскую возвышенность. Сколько потеряли союзники, въ славномъ для насъ балаклавскомъ дѣлѣ, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что на турокъ они смотрятъ какъ на вьючныхъ

животныхъ, и ихъ не считаютъ. За то знаемъ навѣрное, что англичане потеряли четыреста кавалерійскихъ лошадей. До сихъ поръ, великая нація плачетъ надъ этими благородными конями, и скорбитъ болѣе о нихъ, чѣмъ объ истребленіи пятьдесятъ четырехъ тысячъ арміи. Лошадей этихъ только что не отпѣвали; имъ читаютъ надгробное слово въ парламентѣ, и въ столбцахъ всѣхъ газетъ, и донынѣ разсуждаютъ кто правъ, кто виноватъ, *Луканъ* или *Кардиганъ*. Если хотите знать, какъ великая нація смотритъ на человѣчество, вспомните, сколько краснорѣчивыхъ статеекъ посвящено благородному животному, на которомъ, во время альминскаго дѣла, сидѣлъ Эвансъ *Броунъ*, или кто другой. Исторія записала въ свои скрижали, сколько пуль попало въ голову благороднаго коня, какой хирургъ ихъ вынималъ и скоро ли зажили раны; 24-го октября произошелъ кровавый бой Инкерманскій; нѣсколько тысячь нашихъ тѣлъ похоронены непріятелемъ, и этотъ христіанскій обрядъ, по показанію плѣнныхъ, порученъ былъ туркамъ. Не смѣемъ вѣрить ихъ безчеловѣчію при этомъ случаѣ, (¹) говорятъ, оно тотчасъ дошло до союзныхъ генераловъ, и дѣло поручили христіанамъ. Сколько легло союзниковъ, неизвѣстно: они тщательно скрываютъ свои потери. Кто на западѣ считаетъ нынѣ людей? считаютъ одни гинеи.

Перстъ Провидѣнія ясно былъ видѣнъ въ бурѣ 2-го ноября: не одну тысячу тѣлъ выбросило на берегъ съ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе. Казалось, довольно было грознаго урока Провидѣнія. Пора была уйти на зимовку: нѣтъ погибни все, все для власти. Была легенда въ средніе вѣки: Фаустъ закабалилъ душу Мефистофиля. Мощный духъ, молитъ онъ, мнѣ нужна власть, все прочее возьми: вотъ тебѣ моя честь, совѣсть, благородной страны, за власть опозорю славное имя, отдамъ самую душу, а кровь моихъ согражданъ мнѣ ни почемъ, бери сколько хочешь. И вотъ Англія расточаетъ золото, Франція кровь.

(¹) Одинъ плѣнный проговорился, сказавъ, что турки тяжело раненныхъ закапывали съ мертвыми.

Вмѣсто потонувшихъ кораблей пришли новые, число людей удвоилось. Настала осень, а съ нею болѣзни и голодъ. Сотни умираютъ отъ изнуренія, каждый день широко устилается поле мертвыхъ; не успѣваютъ заготовлять могилъ. Зимою громъ орудій притихъ, за то въ ночныхъ вылазкахъ, неутомимо работалъ русскій штыкъ, и поле мертвыхъ получало ежедневно обычное число жертвъ.

Прошла зима: воспрянули русскіе богатыри, и вышли впередъ; союзники смутились, не рѣшаясь сами идти: но надобно было предпринять что нибудь. Отбитый штурмъ Селенгинскаго редута стоилъ зуавамъ нѣсколько сотъ храбрыхъ. Оставшіеся въ редутѣ тѣла отпѣты нашимъ католическимъ священникомъ; взятый въ плѣнъ французскій офицеръ былъ, со 2-го бастіона, свидѣтелемъ обряда, давно быть можетъ имъ невидѣннаго. Въ дѣлѣ у Камчатскаго люнета, союзники сознаются въ потерѣ 600 человѣкъ; можно смѣло сказать полуторы тысячи. На страстной недѣлѣ офицеръ, ѣздившій парламентеромъ, спросилъ у французскаго траншей-маіора, не въ одинъ ли и тотъ же день приходится у грековъ и католиковъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, и получилъ утвердительный отвѣтъ. — «Неужели, спросилъ нашъ полковникъ, мы будемъ драться въ этотъ день?» французъ не отвѣчалъ, чело его подернулось грустною думою. Вѣроятно, онъ зналъ, что бомбардированіе назначено на Свѣтлой недѣлѣ.

Въ понедѣльникъ, 28-го марта, въ пять часовъ утра, открылась страшная канонада съ непріятельскихъ батарей, расположенныхъ кругомъ всего города: двѣсти пятьдесятъ орудій огромнаго калибра изрыгали смерть на наши бастіоны въ теченіе дня; ночью столько же мортиръ пускали бомбы тысячами. Крѣпость отвѣчала огнемъ, болѣе пяти сотъ орудій. Громъ не умолкалъ, въ теченіе всей Свѣтлой недѣли. Предъ бастіонами горѣла по ночамъ перестрѣлка, а подъ часъ бывали и рукопашныя схватки. Хвала тебѣ, Фаустъ, ты честно исполнилъ обязательство: французская кровь льется рѣкою; смотри, какъ быстро растетъ во всѣ стороны поле мертвыхъ; скоро вся возвышенность усѣется могилами, и для живыхъ не будетъ

мѣста. Послѣ Свѣтлой недѣли, канонада и бомбардированіе ослабѣли, и, повидимому, идетъ правильная осада. Быть можетъ, союзники хотятъ дождаться лѣта, чтобъ погубить отъ жаровъ, возродившуюся послѣ зимнихъ непогодъ, армію.

Потомки нынѣшнихъ клевретовъ магометанства, объѣзжая чрезъ два-три вѣка обширнѣйшее въ мірѣ поле мертвыхъ, будутъ думать: нечестивый XIX вѣкъ! Какъ допустилъ ты кресту склониться предъ полумѣсяцемъ! Сколько десятковъ тысячъ легло здѣсь жертвами, принесенными для осуществленія этой богопротивной мысли [1].

Герсевановъ.

Три письма изъ Севастополя.

От̂ъ 12-го марта 1855 г.

Крымъ и Севастополь сдѣлались теперь для насъ, русскихъ, землею священною!... Сюда стремятся наши пламеннѣйшія желанія, вся Россія трепетно слѣдитъ за всѣмъ, что здѣсь происходитъ.

И я теперь на этой землѣ, облитой кровью храбрыхъ защитниковъ, совершавшихъ и совершающихъ ежедневно столько геройскихъ подвиговъ, которымъ не было примѣра, и дивиться ли, что нѣтъ слова для выраженія всей степени величія севастопольскихъ защитниковъ и мужества, съ которымъ приносится здѣсь жизнь въ жертву Отечеству,—хладнокровія, съ какимъ наши неустрашимые воины встрѣчаютъ смерть! И лучшая вѣтвь лавроваго вѣнка, стяжаннаго защитниками Севастополя въ благодарной памяти современниковъ и потомства, безспорно принадлежитъ морякамъ безсмертнаго Черноморскаго флота; предъ каждымъ изъ нихъ блѣднѣетъ вѣковая слава Муція-Сцеволы и Спартанцевъ Ѳермопильскихъ.

Моряки, одушевляемые своими любимыми начальниками, единодушно положили: защищать колыбель Черномор-

---

(1) Русскій Инвал. 1855 г., № 102.

скаго флота и своей славы до послѣдней капли крови; пожертвовали, съ болью сердца драгоцѣннѣйшею частью самихъ себя—любимыми своими кораблями; перешли на чуждую имъ стихію и съ своими пушками стали живымъ оплотомъ на стѣнахъ роднаго Севастополя, гдѣ, съ перваго до послѣдняго, отъ начальника до остальнаго матроса, безпримѣрно исполняютъ данный ими обѣтъ, совмѣстно съ сухопутными воинами, братски раздѣляющими ихъ труды, подвиги, опасности и славу.

Сколько умилительныхъ сценъ величія души и геройства совершилось на этомъ маломъ пространствѣ! Здѣсь видимъ, какъ матери благословляютъ дѣтей своихъ на благородный подвигъ спасенія роднаго города, добровольно обрекая ихъ вѣрной смерти во имя Отечества; тамъ артиллеристы въ третій разъ съ пѣснями идутъ заступить при орудіяхъ мѣста убитыхъ своихъ товарищей — раздѣлить ихъ участь; начальникъ, пораженный ядромъ, борясь со смертію, собираетъ послѣднія силы, чтобы скрыть отъ подчиненныхъ положеніе свое и не поколебать ихъ бодрости духа, и до послѣдняго вздоха, какъ отецъ о дѣтяхъ, печется о своихъ сослуживцахъ; а тѣ, въ свою очередь, израненные, не хотятъ отойти отъ ввѣренныхъ защитѣ ихъ батарей, семь мѣсяцевъ ежедневно, подъ градомъ пуль, ядеръ и бомбъ, съ рѣдкимъ постоянствомъ хранятъ право и честь оставаться на своихъ постахъ, перенося труды свыше силъ человѣческихъ, лишенія и перемѣны стихій.... Какой сонмъ героевъ, и какъ горячо откликнулась сердцемъ вся Россія величію этихъ подвиговъ. Старъ и младъ спѣшитъ подъ родныя знамена, порываясь раздѣлить опасности съ братьями по вѣрѣ, любви къ роднѣ и Престолу. Кто не можетъ присоединиться къ нимъ, тотъ часто несетъ на алтарь Отечества свою послѣднюю копѣйку. Женщины и дѣти всѣхъ сословій трудятся надъ приготовленіемъ корпіи и бѣлья для раненыхъ; наконецъ сестры милосердія, изъ всѣхъ же сословій, идутъ на самое позорище, гдѣ такъ страшно пируетъ смерть, чтобъ омывать, перевязывать такія раны и язвы, на которыя и мужчина смотритъ не безъ содраганія, чтобы услаждать

муки страждущихъ утѣшеніемъ, теплымъ участіемъ и молитвой.

И этотъ могучій народъ изъ 60 милліоновъ, слившійся въ одно геройствомъ и самоотверженіемъ дышущее сердце, спаявшійся въ одну сильную десницу — хочетъ сломить легкомысленный врагъ, движимый только завистью, злобой, безвѣріемъ и корыстью?

Исторія старыхъ и новыхъ временъ не представляетъ ничего подобнаго защитѣ Севастополя, гдѣ съ обѣихъ сторонъ, движимыя противуположными чувствованіями и интересами, борятся гигантскія силы. Осада Трои?... тамъ славолюбивые герои побѣждають другъ друга въ одиночныхъ схваткахъ, только силою матеріальною, сопровождая при томъ свою борьбу упреками и ругательствами. Здѣсь же всѣ ужасы адской канонады, извергаемой мѣдными жерлами; эта неумолкаемая битва только однѣхъ громадныхъ орудій, предъ которыми, казалось, должна была изчезнуть сила физическая, дала случай выказать силу духовную: ни слова упрека, ни одной жалобы; всѣми движетъ высокое сознаніе долга, посвященіе себя Отечеству и службѣ Государевой.

Герои Троянской войны имѣли Гомера, обезсмертившаго ихъ подвиги. Неужели у насъ, въ эпоху высшаго героизма, двигающаго цѣлымъ народомъ, героизма, какого, быть можетъ, доселѣ не видалъ міръ, не явится свой Гомеръ и звучнымъ стихомъ не передастъ потомству безсмертныхъ дѣяній всего русскаго народа и его великодушныхъ избранниковъ-героевъ?...

Эти чувства и мысли волновали мою душу, когда пріѣхалъ я изъ Кишинева на сѣверную сторону севастопольскихъ укрѣпленій и увидѣлъ городъ, раскинувшійся амфитеатромъ на холмахъ, тянущихся по лѣвому берегу главной, по правому и лѣвому берегамъ южной бухтъ. За городомъ виднѣлась опоясывавшая его непрерывная линія каменныхъ стѣнъ, брустверовъ и отдѣльныхъ укрѣпленій, прорѣзанныхъ амбразурами, здѣсь и тамъ дымившихся отъ пушечныхъ выстрѣловъ, на которые отвѣчали орудія непріятеля съ темнѣвшихъ насупротивъ, ближайшихъ къ го-

роду возвышенностей. Въ тотъ же день, сѣвъ въ лодку и причаливъ къ графской пристани, я съ благоговѣніемъ вступилъ на землю Севастополя.

Графская пристань, построенная княземъ *Воронцовымъ* [1], украшена аркадой съ мраморными статуями. Войдя сквозь нее на площадь, видны съ правой стороны Николаевскій фортъ, съ лѣвой Екатерининскій дворецъ — небольшое строеніе, въ которомъ жила Императрица Екатерина II, во время пребыванія своего въ Севастополѣ, а теперь здѣсь помѣщается офицерскій госпиталь; прямо передъ пристанью—домъ собранія или клубъ, прекрасное зданіе, занятое нынѣ подъ главный перевязочный пунктъ. Въ задній фасадъ клуба упирается гора, мысъ которой огражденъ желѣзною рѣшеткой, и на верху, куда ведетъ каменная лѣстница, возвышается мраморный памятникъ въ честь *Казарскому*, командиру брига «Меркурій», выдержавшаго знаменитый бой съ двумя турецкими кораблями въ войну 1828—1829 годовъ. Отъ памятника по горѣ, небольшимъ садикомъ, поднялся я къ морской офицерской библіотекѣ — легкому, прекрасному зданію, украшенному мраморными барельефами, статуями и сфинксами по обѣ стороны широкой съ фасада лѣстницы. Только модели кораблей и нѣсколько древностей въ шкапахъ остались попрежнему на мѣстахъ, а книги и все прочее спрятано теперь отъ бомбъ, изъ коихъ одна, во время бомбардированія 5-го ноября, пробила крышу, потолокъ залы библіотеки и, пролетѣвъ на четверть аршина отъ прекрасной модели корабля «12 Апостоловъ», пробила еще полъ и лопнула въ подвальномъ этажѣ, не причинивъ большаго вреда. Только стекла въ шкапахъ разлетѣлись въ дребезги. Съ обсерваторіи библіотеки представляется чудный видъ на всѣ окрестности города, и оттуда въ хорошую трубу видны, не только всѣ укрѣпленія и лагери непріятельскіе, но, кажется, можно бы узнать въ лицѣ знакомаго.

---

[1] Сообщеніе это не справедливо. Пристань эта построена еще адмираломъ Мекензи, а получила названіе графской, въ слѣдствіе привычки графа Войновича садиться съ нее въ шлюпку и приставать къ ней.—См. исторію Севастополя Головачова стр. 105. *Ред.*

Оставивъ библіотеку, я прошелся по нѣсколькимъ улицамъ и дивился, какъ мало было видно поврежденій въ городѣ, послѣ испытаннаго имъ ужаснаго бомбардированія.

— Скажите, спросилъ я одного севастопольскаго жителя, безпечно смотрѣвшаго, облокотясь на заборъ, на стрѣльбу по городу непріятельскихъ батарей, — много ли вреда нанесло бомбардированіе?

— Богъ миловалъ! отвѣчалъ онъ спокойно; изъ 150 тысячъ снарядовъ пущенныхъ въ насъ флотомъ, убило и поранило въ городѣ 16 человѣкъ, да разрушило нѣсколько домиковъ, ближайшихъ къ бухтѣ, и нѣкоторымъ попортило крыши — вотъ и все. Да хоть бы намедни, *онъ* (1) пустилъ къ намъ до 3 тысячъ бомбъ и штукъ 70 ракетъ (каждая стоитъ, говорятъ, по полутораста рублей), а что взялъ? стеколъ разбилъ копѣекъ на 20, да два домишка зажегъ, которые бабы залили.

Дѣйствительно, Богъ хранитъ городъ; дома разрушены только вблизи бастіоновъ, а все остальное цѣло; многіе изъ жителей не покидаютъ своихъ жилищъ даже съ семействами. На перекресткахъ видишь спокойно сидящихъ женщинъ, продающихъ булки, керченскія сельди, квасъ, яблоки и т. п.; а дѣти обоего пола толпами воюютъ на пригоркахъ, атакуя ихъ и защищая ихъ съ криками «ура!», и перебрасываясь при томъ комьями глины; садовники окапываютъ дорожки въ палисадникахъ; въ лавкахъ и магазинахъ бездна товаровъ; въ кондитерской и трактирахъ толпится народъ;—вездѣ движеніе и такое спокойствіе на лицахъ, что не вѣришь тому, что находишься въ осажденномъ городѣ, подъ громомъ тысячей орудій и градомъ бомбъ, которыя, за частую падаютъ въ дома и на мостовыя.

Всѣ улицы преграждены каменными завалами, вооруженными пушками и на всѣхъ удобныхъ для защиты мѣстахъ устроены сильныя батареи, а дома обращены въ блокгаузы, такъ что городъ представляетъ осаждающему

---

(1) Такъ всѣ называютъ непріятеля.

цѣлые ряды каменныхъ фортовъ, которые пришлось бы брать штурмомъ.

Отслуживъ молебенъ въ Екатерининскомъ временномъ соборѣ, потому что новый еще не доконченъ, я спустился къ мосту, черезъ южную бухту и прошелъ къ пристани. Здѣсь я любовался огромными и прекрасными казенными зданіями, построенными изъ сѣроватаго извѣстняка, исключительно здѣсь употребляемаго на всѣ постройки. У пристани стоитъ множество транспортовъ сгружающихся; а въ самой бухтѣ множество лодокъ промышленниковъ, которые, не смотря на падающія близъ нихъ бомбы, совершенно спокойно достаютъ со дна ракушки и устрицы,ловящіяся здѣсь во множествѣ.

У Павловской батареи я сѣлъ въ лодку, и благополучно возвратился домой, на сѣверную сторону.

Провидѣніе, какъ я сказалъ, видимо покровительствуетъ правому дѣлу и защищаетъ городъ, который при появленіи на южной его сторонѣ непріятеля, имѣлъ тамъ только стѣну съ бастіонами и оплотъ храбрыхъ защитниковъ, рѣшившихся лучше умереть, чѣмъ отдать врагу свои корабли и дома. Въ первую же ночь, какъ будто чудомъ, начали выростать кругомъ города пространные и сильные бруствера, изумившіе непріятеля, и теперь Севастополь, послѣ семи-мѣсячной осады, въ тысячу разъ сталъ сильнѣе, чѣмъ прежде. Сами враги наши сознаются, что предъ ихъ глазами выросла одна изъ самыхъ неприступнѣйшихъ крѣпостей въ свѣтѣ. Честь и слава нашимъ инженерамъ, удивленіе энергическому духу, двигающему этими необозримыми работами. Въ исторіи осадъ, Севастополь показалъ примѣръ, какъ осажденный отважно самъ повелъ свои траншеи на встрѣчу непріятельскимъ, и подъ батареями врага, смѣло выдвигаетъ свои ложементы и громитъ изъ нихъ осаждающихъ.

27-го марта 1855 г.

Полночь, тихо, изрѣдка сверкаетъ въ туманѣ, обнимающемъ высоты Севастополя, пушечный выстрѣлъ съ непріятельской или съ нашей батареи и, какъ ударъ грома грохочетъ по холмамъ и каменнымъ фортамъ бухты; ру-

жейная пальба мѣрно слышится, постоянно по всей оборонительной линіи. И среди грозной тишины природы, нарушаемой зловѣщимъ гуломъ орудій смерти, торжественно звучитъ благовѣстъ колоколовъ.... Чья душа не содрагалась радостно при этомъ призывѣ церкви, и при мысли, что Богъ еще сподобилъ, вмѣстѣ со всѣми братьями великой Россіи, и всѣми кровными, единодушно провозгласить въ эту минуту: *Христосъ воскресъ!*

Толпы народа, съ зажженными свѣчами, окружали два храма Севастополя и госпитальную церковь на сѣверной сторонѣ: а по траншеямъ и въ укрѣпленіяхъ, подъ визгомъ пуль и ядеръ, воины наши творили крестное знаменіе и сердцемъ и устами произносили утѣшительное: *Христосъ воскресъ*! Но были и такіе, которымъ внезапная смерть затворяла уста, не давъ окончить молитвы!

Велика была эта минута—каждый изъ насъ мысленно перенесся подъ родной кровъ, къ дорогимъ сердцу, и обнималъ ихъ съ словами *Христосъ воскресъ*! Кто ихъ утратилъ, передъ тѣмъ мелькали по очередно всѣ эти *свѣтлые* дни цѣлой жизни и всѣ тѣ, которые раскрывали для нихъ дружескія объятія, во имя Христова Воскресенія. Но кто же и изъ цѣлой Россіи, кровный, знакомый и незнакомый, не обратился въ этотъ часъ мысленно къ защитникамъ Севастополя, не сказалъ имъ сердцемъ: *Христосъ воскресъ*? Святая вѣра, святая любовь къ отечеству спаяла неразрывною связью сердца всѣхъ русскихъ и, пока эти чувства живутъ въ насъ, дотолѣ никакой врагъ не одолѣетъ Россію.

Весь гарнизонъ и чины морскихъ и сухопутныхъ силъ, свободные отъ службы, тѣснились въ небольшомъ соборѣ св. Екатерины въ самомъ городѣ и христосовались съ главнокомандующимъ. Кругомъ храма толпились матросы, солдаты и женщины. Ряды куличей и пасхи, съ зажженными на нихъ свѣчами, въ ожиданіи освященія, окружали церковь и, только грохотъ орудій напоминалъ порой, что великое торжество христіанское совершается въ городѣ, осажденномъ непріятелемъ, который и въ эту великую минуту не умалялъ своей безсильной злобы. Впрочемъ гово-

рять, что турки на эту ночь смѣнили на батареяхъ и въ траншеяхъ французовъ и англичанъ, у которыхъ пасха пришлась въ одинъ день съ нами, хотя и западные христіане не пощадили бы молящихся, какъ это они доказали въ великую пятницу: такъ въ Сѣверномъ укрѣпленіи, въ пять часовъ, шла за плащаницею большая процессія съ зажженными свѣчами, и лишь только французы это увидѣли, то начали пускать ракеты и одна изъ нихъ дѣйствительно упала въ самое укрѣпленіе, а прочіе ложились между нимъ и домомъ, занимаемымъ г. главнокомандующимъ. Ракеты эти, спускаемыя съ Херсонесскаго мыса, летятъ почти на 5 верстъ и не проходитъ дня, чтобы дюжина изъ нихъ не посѣтила нашу сторону. Но за исключеніемъ переполоху, въ особенности, когда ракета падаетъ въ большомъ базарѣ, на которомъ сборъ огромный торговокъ, грековъ и татаръ — онѣ вреда доселѣ не причинили.

Первый день праздника прошелъ довольно покойно; пальба была рѣдкая: у насъ вездѣ братски христосовались; всюду встрѣчались лица свѣтлыя и радостныя; вездѣ были пасхи, куличи, красныя яйца, изобиліе, и даже плѣннымъ, больнымъ и раненымъ, дано разговѣніе по русскому обычаю, съ русскимъ радушіемъ и щедростію.

Не такъ покойно и радостно встрѣтили мы второй день праздника. Съ разсвѣтомъ, ровно въ пять часовъ утра, залпы со всѣхъ непріятельскихъ батарей разомъ, по сигналу флагомъ, грянули раскатами грома и разбудили насъ.

Густой туманъ облегалъ городъ, и дождь хлесталъ при сильномъ юго-восточномъ вѣтрѣ. Наши орудія отвѣтили врагамъ, и по всей оборонительной линіи завязалась неумолкаемая, страшная канонада — какъ бы батальный огонь орудій. Ружейной пальбы не было слышно, а пушечные выстрѣлы, отбиваясь отъ всѣхъ холмовъ и фортовъ, сливались въ непрерывный гулъ. Изрѣдка только можно было насчитать, за исключеніемъ залповъ, отъ 40 до 50 выстрѣловъ въ минуту. Бомбы и ядра сыпались градомъ на наши батареи по всей линіи, въ городъ, въ особенности въ верхнюю часть южной бухты, около моста, и въ большую бух-

ту, но такъ счастливо, что до сихъ поръ ни одинъ снарядъ не попалъ ни въ мостъ, ни въ суда. Вообще же эта канонада не нанесла самому городу существеннаго вреда, а на батареяхъ подбила нѣсколько орудій, которыя вскорѣ замѣнены были другими, и даже сравнительное число убитыхъ и раненыхъ невелико, ибо, при распорядительности, люди были укрыты подъ блиндажами, или выведены въ болѣе безопасныя мѣста, а на валахъ оставлено только необходимое число стрѣлковъ и прислуги при орудіяхъ.

Судя потому, что непріятель, какъ говорятъ, имѣлъ въ траншеяхъ большое число войскъ, полевыя орудія и стрѣлялъ преимущественно ядрами въ наши амбразуры, можно предполагать, что онъ намѣревался, сбивъ орудія, штурмовать городъ. Въ добрый часъ, думали мы, милости просимъ подъ нашу картечь и на нашъ трехгранный штыкъ и молодецкую грудь защитниковъ Севастополя, жаждущихъ этого мгновенія съ полнымъ упованіемъ побѣдить, съ Божьею помощью. Однако же, по видимому, дождь, котораго враги не предполагали, въ короткое время такъ распустилъ глинистую почву, что о наступленіи нельзя было и думать. Около полудня пальба съ батарей осажденнаго начала ослабѣвать, вѣроятно потому, что многія орудія у нихъ были сбиты и къ обѣду канонада перешла въ обыкновенную ежедневную. Вѣтеръ продолжалъ крѣпчать и разводить море.

30-го марта 1855 г.

Съ разсвѣта вчерашняго утра, и сегодняшняя канонада возобновилась съ ужасною силой: залпами стрѣляли сотни орудій, и въ продолженіи обоихъ дней и даже ночью дѣйствіе огня мало ослабѣваетъ. Небо очистилось отъ тучъ, но облака дыма стелются по оврагамъ и надъ холмами, опоясывающими Севастополь. Огненныя полосы безпрерывно прорываютъ во всѣхъ направленіяхъ эту сизую пелену, и бѣлые клубы дыма, вырываясь изъ огненныхъ жерлъ, катятся по отлогостямъ и потомъ, медленно столбами подымаются по голубому небу. Видъ прекрасный, но вмѣстѣ съ тѣмъ грозный: трепетъ обнимаетъ душу при

мысли, что за каждымъ такимъ выстрѣломъ нѣсколько храбрыхъ выбываютъ съ обѣихъ сторонъ.

Вчера паровой непріятельскій флотъ сталъ вытягиваться изъ Камышевой бухты и строился на рейдѣ цѣлый день, не опуская якорей. Мы ждали атаки флота съ рейда, на нашихъ батареяхъ и фортахъ приморскихъ калились ядра--красныя яички для незванныхъ гостей, но они не пожаловали. А теперь приготовленъ нами гостямъ отличный пріемъ — выстроены по берегу моря, за Константиновскимъ фортомъ новыя батареи, изъ которыхъ выглядываютъ десятки чугунныхъ жерлъ—все кумушки степенныя, съ добрымъ краснымъ словцомъ на языкѣ и такъ и хочется имъ высказаться. Вообще же, сѣверная наша сторона и весь мысъ обведены цѣпью сомкнутыхъ укрѣпленій и дадутъ отпоръ какому угодно непріятелю. Только едва ли союзный флотъ, помня пріемъ ему, сдѣланный 5-го октября, рѣшится на такую же попытку при значительно увеличившихся съ нашей стороны средствахъ.

Что будетъ, и чѣмъ кончится эта ужасная канонада, продолжающаяся третьи сутки—одному Богу извѣстно (¹), но наши стоятъ крѣпко, геройски, съ полнымъ упованіемъ на одолѣніе врага (²).

О. К.

Мнѣніе газеты «Times» объ осадѣ Севастополя.—Французская рейнская армія.

Въ газетѣ «Times» находимъ слѣдующія размышленія, по случаю осады Севастополя:

«Послѣднія депеши, полученныя изъ Крыма Англійскимъ правительствомъ, извѣщаютъ насъ, что огонь русскихъ батарей до сихъ поръ не могъ быть потушенъ огнемъ осаждающаго, и изъ этого обстоятельства, мы при-

---

(¹) Мы уже знаемъ, что это адское бомбардированіе прекратилось, потому что непріятель убѣдился въ непоколебимой твердости защитниковъ Севастополя. *Прим. ред. Рус. Инвал.*

(²) Русскій Инвал. 1855 г., № 92.

нуждены заключить, что, послѣ полугодовой осады и двухъ бомбардированій, при которыхъ были употреблены всѣ средства разрушенія, Севастопольская крѣпость все еще въ состояніи устоять противъ штурма. Подобный фактъ, до такой степени противорѣчитъ всѣмъ принятымъ понятіямъ и можетъ имѣть, столь сильное вліяніе на военныя науку и искусство, что намъ позволятъ, конечно, разсмотрѣть его съ общей, чисто—военной точки зрѣнія, независимо отъ важныхъ пользъ, изъ-за которыхъ идетъ эта страшная борьба.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія. что столь продолжительное сопротивленіе много зависѣло отъ невозможности обложить городъ, и воспрепятствовать ему безпрестанно возобновлять свои военные и съѣстные запасы; но должно согласиться также, что въ самыхъ работахъ, на которыя опирается оборона, есть нѣчто новое, нѣчто такое, чего не встрѣчалось еще въ исторіи достопамятнѣйшихъ осадъ, и на это-то слѣдуетъ намъ обратить свое вниманіе. Для лучшаго уясненія замѣтокъ, которыя мы сообщимъ читателямъ, представимъ прежде всего краткій и простой обзоръ теорій, какія были примѣняемы, одна за другою, къ укрѣпленію городовъ, и средствъ, предоставляемыхъ каждою изъ этихъ теорій осаждающему.

Старинныя крѣпости были просто города, окруженные стѣнами, достаточно высокими, чтобы нельзя было влѣзть на нихъ, и достаточно толстыми, чтобы онѣ могли противиться самымъ сильнымъ средствамъ разрушенія, какія были тогда извѣстны. По изобрѣтеніи пороха и тяжелой артиллеріи надобно было отказаться отъ этихъ оборонительныхъ средствъ, и, вмѣсто прежнихъ высокихъ стѣнъ, представлявшихъ слишкомъ видную точку прицѣла для огня непріятеля, стали окружать крѣпости стѣнами, построенными ниже уровня земли и прикрытыми широкимъ рвомъ. Роя этотъ ровъ и, такъ сказать, дѣлая изъ его внутренняго бока самую стѣну, фортификаціонное искусство могло въ то же время сохранить стѣны каменныя. Эти стѣны, зарытыя въ землю и незримыя, могли подвергаться непріятельскому огню только тогда, когда осаж-

дающій, овладѣвъ доступами къ крѣпости, былъ въ состояніи возвести свои батареи на очень близкомъ разстояніи. Такимъ образомъ, оплоты укрѣпленнаго города, вмѣсто высокихъ стѣнъ, придававшихъ совершенно особенный видъ стариннымъ городамъ, представляютъ теперь лишь плоскую поверхность, пересѣкаемую только широкимъ рвомъ. Но слѣдствіемъ принятія этой системы было ограниченіе вооруженія крѣпостей одною линіею орудій, учреждаемую, такъ сказать, вровень съ поверхностію земли. Было невозможно, въ самомъ дѣлѣ, помѣстить батарей нигдѣ, кромѣ вершины вала, въ томъ мѣстѣ, гдѣ гребень стѣнъ почти незамѣтно возвышается надъ заднею стороною рва, и эта линія орудій давала точное понятіе о средствахъ сопротивленія, какая крѣпость, въ случаѣ осады, могла противупоставить непріятелю.

«Для увеличенія способовъ обороны, и для доставленія осажденнымъ возможности придавать болѣе силы и объема ихъ огню, военные инженеры приняли систему бастіоновъ. Бастіоны суть верки, составляющіе часть самой крѣпости, но выдвинутые впередъ и имѣющіе угловатую форму,— верки, которые могутъ, перекрестнымъ огнемъ своимъ, обстрѣливать поле, почти по всѣмъ направленіямъ и дѣлать невозможнымъ приближеніе непріятеля. Впрочемъ, система бастіоновъ столь же стара, какъ и фортификаціонное искусство: башни, которыми фланкировали, въ разныхъ мѣстахъ, стѣны древнихъ замковъ и старинныхъ крѣпостей, дошедшихъ до насъ на рисункахъ, были построены съ тою же цѣлію; но труды и вычисленія итальянскихъ инженеровъ, такъ искусно умножили дѣйствія этой системы и довели ее до такой степени совершенства, что долго полагали, будто города, такъ защищаемые, были неодолимы.

«Очень простое открытіе совершенно разрушило всю эту систему. Если читатель потрудится бросить взглядъ на планъ крѣпости, снабженной бастіонами, или самъ начертитъ на бумагѣ одинъ изъ этихъ верковъ, фигура которыхъ походитъ на половину бубноваго туза, или на верхушку стрѣлы свода, онъ замѣтитъ, что осаждающій всег-

да можетъ утвердиться на позиціи, съ которой ему будетъ легко достигнуть, подъ прямымъ угломъ, одного изъ фасовъ или боковъ бастіона. Когда продолжимъ на бумагѣ линію, образующую бокъ бастіона, который хотятъ атаковать, и предположимъ, что на этой линіи возведена батарея, будетъ очевидно, что ядра, бросаемыя съ этой батареи, могутъ бить поперегъ пушекъ бастіона. Мысль эта заставила принять новый способъ стрѣльбы. Наводятъ орудія такъ, чтобы ядра, падая на брустверъ, пробѣгали рикошетами весь бокъ бастіона; пушки, встрѣчаемыя ими на этомъ пути, одна за другою подбиваются, ломаются, дѣлаются негодными; бастіонъ бываетъ принужденъ прекратить свой огонь; и осаждающій, освободившись отъ перекрестныхъ огней, противопоставляющихъ величайшее препятствіе его атакамъ, можетъ безбоязненно выдвинуть впередъ свои батареи, чтобы пробить брешь и проникнуть въ крѣпость.

«Пусть замѣтятъ хорошенько, что въ этой системѣ преграда, между городомъ и осаждающими, всегда заключается въ прямоотвѣсной стѣнѣ, въ которой послѣдніе должны пробить брешь, чтобы сдѣлать приступъ возможнымъ, а для достиженія этого, вся задача состоитъ въ томъ, чтобы поддержать превосходство своего огня на атакуемомъ пунктѣ. Если бы крѣпость могла быть защищаема высокими стѣнами, которыя бы представляли, въ случаѣ надобности, вмѣсто одной линіи, два или три ряда орудій, вопросъ, быть можетъ, перемѣнился бы; но, въ такомъ случаѣ, самыя стѣны, подвергаясь, во всю свою высоту, дѣйствію батарей осаждающаго, пали бы, наконецъ, подъ ударами артиллеріи. Вотъ почему предпочли стариннымъ стѣнамъ зарытыя въ землю стѣны, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и гребень которыхъ едва превышаетъ уровень земли. Происходящее отъ этого ослабленіе обороны думали вознаградить системою бастіоновъ; но, съ тѣхъ поръ какъ былъ найденъ способъ заставлять молчать бастіоны, почли несомнѣннымъ, что атакующій располагаетъ болѣе сильными и болѣе вѣрными средствами, нежели обороняющійся.

«Недавно одинъ англійскій инженеръ предложилъ новую систему укрѣпленій, состоящую преимущественно въ употребленіи, для возведенія крѣпостныхъ верковъ, такихъ матеріаловъ, на которые артиллерійскій огонь не производитъ никакого дѣйствія и которые, слѣдовательно, доставляютъ возможность придавать стѣнамъ города такую высоту, чтобы на нихъ можно было помѣщать столько пушекъ, сколько потребно для удержанія всякой осаждающей силы, посредствомъ прямаго огня и не прибѣгая къ бастіонамъ. Инженеръ этотъ—г. *Джемсъ Ферюсонъ* и его система, заключающаяся въ замѣнѣ каменныхъ стѣнъ земляными верками, примѣняется, въ настоящее время, къ дѣлу защитниками Севастополя. И подлинно, возведеніемъ земляныхъ верковъ и батарей, возвышающихся одна надъ другою, русскіе всегда успѣвали соединить на данномъ пунктѣ, по меньшей мѣрѣ столько же пушекъ, сколько было у самихъ осаждающихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мы совершенно лишены выгоды, почитаемой или по крайней мѣрѣ почитавшейся до сихъ поръ главнымъ условіемъ успѣха осады, то-есть возможности для осаждающаго всегда сосредоточивать на избираемомъ имъ пунктѣ огонь, превосходящій огонь непріятеля. Собственно говоря, между союзными силами и Севастополемъ нѣтъ стѣны; но передъ городомъ простирается длинная линія земляныхъ верковъ, мѣстами столь возвышенныхъ, что осажденные могутъ ставить на нихъ до трехъ рядовъ пушекъ (?), и передъ этою-то стѣною новаго рода возведены наши батареи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ на Мачтовой батареѣ и въ Редантѣ, укрѣпленія принимаютъ форму бастіоновъ, и на этихъ пунктахъ огонь нашъ, кажется дѣйствовалъ весьма успѣшно; но какъ главные верки построены изъ земли, а потому могутъ быть легко исправляемы, и какъ русскіе, по крайней мѣрѣ, столь же хорошіе артиллеріисты, какъ и мы, то выгоды, нами достигнутыя, далеко не осуществляютъ надеждъ, которыми мы ласкались.

«Обсудивъ эти результаты, мы увидимъ, что способъ обороны, принятый русскими, довольно простъ. Земляные

верки построены хорошо; осажденные искусно воспользовались выгодами, представляемыми мѣстностью, и, какъ читатели могли видѣть изъ писемъ нашего корреспондента, вредъ, наносимый укрѣпленіямъ нашими снарядами, былъ исправляемъ весьма энергически. Но союзныя войска, вѣроятно, восторжествовали бы надъ всѣми этими усиліями, еслибъ непріятель не находилъ чрезвычайныхъ, вспомогательныхъ средствъ въ самомъ городѣ. Если бы русскіе не имѣли въ своемъ распоряженіи столько пушекъ, сколько хотѣли, и столько военныхъ запасовъ, сколько могли издержать, нашъ огонь, уже нѣсколько времени назадъ, достигъ бы постояннаго и рѣшительнаго превосходства надъ ихъ огнемъ, и какъ земляные валы (этого обстоятельства не должно упускать изъ вида) не представляютъ тѣхъ препятствій, какія представляетъ прямоотвѣсная стѣна, то мы вѣроятно, уже овладѣли бы крѣпостью. Выгода земляныхъ верковъ передъ каменными состоитъ въ томъ, что ихъ легче строить и исправлять; но, какъ они никогда не могутъ быть возведены на высоту настоящей стѣны, то колонна пѣхоты можетъ взять ихъ приступомъ, не дожидаясь пробитія бреши, какъ скоро пушки, защищающія доступы къ нимъ, будутъ принуждены замолчать. Къ несчастію, Севастопольскій гарнизонъ, не смотря на продолжительное бомбардированіе, могъ поддерживать свой огонь во всей его силѣ, благодаря способамъ, которыми онъ располагаетъ, и тѣмъ, которые могли еще ежеминутно быть доставлены ему извнѣ, по той причинѣ, что крѣпость не обложена. Въ самомъ дѣлѣ, городъ не только заключаетъ въ себѣ обширные арсеналы и имѣетъ въ своей гавани цѣлый флотъ съ его пушками и экипажами, но еще открытъ, съ сѣверной стороны, для всѣхъ обозовъ.

«Повторимъ вкратцѣ: защита крѣпостей доселѣ состояла вообще въ каменныхъ стѣнахъ, въ которыхъ непріятель пробиваетъ брешь, какъ скоро овладѣетъ доступами, и гарнизонъ долженъ былъ ограничиваться способами, какими онъ владѣлъ при началѣ осады. Севастополь, напротивъ, защищаютъ земляные верки, которыхъ ядра не мо-

гутъ разрушить, и которые вооружены столь сильною артиллеріею, что огонь осаждающихъ едва можетъ взять верхъ надъ огнемъ осажденныхъ; кромѣ того, потери, несомыя гарнизономъ, могутъ быть безпрестанно вознаграждаемы прибытіемъ подкрѣпленій и обозовъ всякаго рода (¹).

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ СВЯЩЕННИКА ЖИВШАГО ВЪ ОСАЖДЕННОМЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

13-го октября 1854 г.—Утреню и литургію отслужили благополучно. Въ 12 часовъ слышалъ пріятную вѣсть, что нашими войсками отбиты три редута непріятельскихъ, взяты 3 орудія. Во 2-мъ часу разорвало бомбу, надъ сѣвернымъ угломъ церкви со входа и вырвало кусокъ желѣза. Во время вечерни, едва сказалъ: «Благословенъ Богъ», — лопнула бомба на южной сторонѣ церкви. Дымъ и пыль понесло въ церковь, впрочемъ безъ поврежденія церкви. Замѣчательно, что эта бомба упала въ яму, вырытую вчерашнею бомбою, и также въ 4 часа. Послѣ вечерни, еще разорвались двѣ бомбы на высотѣ церкви; осколки посыпались въ садъ, между церковію и домомъ. Сего же числа, пало двѣ бомбы въ контору питейную, и одна ракета. Ракета же пала къ сосѣду П. Другому сосѣду ядромъ пробило ворота. «День прешедъ, благодарю Тя, Господи»!...

. . . .

16-го октября. 13-й день (?) осады Севастополя Воскресенье. Благовѣстъ къ утрени въ 5 часовъ. Молящихся было довольно; нижніе чины и простонародье. Въ 6 часовъ утра погребали секретаря К., чиновника достаточнаго и любимаго купечествомъ. Но теперь, едва нашли нѣсколько человѣкъ, чтобы взять тѣло. Хоругвей или, по крайней мѣрѣ, креста некому было взять. Спѣшили выносомъ тѣла къ пристани, чтобы не подвергнуться непріятельскимъ

(¹) Русскій Инвал. 1855 г., № 109.

бомбамъ. Впрочемъ, почему-то выстрѣловъ не было слышно до половины 9-го часу. Сѣверная сторона теперь служитъ спасеніемъ для здоровыхъ и больныхъ, для живыхъ и умершихъ — тамъ теперь кладбище. Со стороны Херсониса и монастыря во весь день не было бомбардировки. А на остальныхъ пунктахъ слабая. Весь день дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, по временамъ съ дождемъ. На линіи непріятельской незамѣтно было ни дѣятельности, ни людей. Не погода ли тому причиною? Мысль моя, что церковь служитъ цѣлью для непріятелей, сегодня нѣкоторымъ образомъ подтвердилась. Я предложилъ этотъ вопросъ знакомому поручику штурмановъ М. «Кто-то сказалъ непріятелямъ, что подъ церквами складъ пороху и снарядовъ, — оттого они и цѣлятъ въ церкви», сказалъ мнѣ М.—Отъ кого вы слышали?—«Мнѣ говорилъ лейтенантъ С.»—Какъ бы то ни было, но это не можетъ быть выдумкой.

Франзоль 7 коп. сер. Говядины фунтъ 6 коп сер. Воды трудно достать. Для арміи берутъ воду въ колодцахъ Хомутова и Грязнова.

. . . .

20-го октября. 16 день (?) осады Севастополя. Утро тихое—безъ вѣтру; въ 6 часовъ я вышелъ изъ дому, чтобы посмотрѣть новую батарею, устроенную въ городѣ, на возвышенномъ пустопорожнемъ мѣстѣ, впереди театра. Оттуда прошелъ къ театральной площади и по большой улицѣ къ базару и потомъ къ графской пристани. На площадяхъ и улицахъ вездѣ войска наши. Идешь не городомъ, а лагеремъ. Всѣ дворы большой улицы, отъ театра къ базару, заняты солдатами, гдѣ они расположились, какъ дома. Хозяева, вѣрно, выѣхали, и незамѣтно ихъ тамъ пребыванія. Индѣ съ галлереи выглядываетъ человѣкъ, или служанка: сторожа домовъ. По всему протяженію улицы ружья поставлены рогатками. Индѣ на воротахъ написано: такая-то рота, такого-то полка. Я вышелъ изъ дому, съ намѣреніемъ посмотрѣть городъ, который, какъ говорили мнѣ, много пострадалъ отъ бомбардированія, особенно въ артиллерійской части. Дѣйствительно, видны дома сгорѣв-

шіе; ихъ полагаютъ до двухъ десятковъ,—но это большею частію не дома, а домики или хижины. Одинъ изъ сгорѣвшихъ домовъ капитальныхъ и стойныхъ—это домъ Зал... (Пожару содѣйствовалъ сильный вѣтеръ. Кромѣ того, пожаровъ не тушили, говорятъ, изъ опасенія подвергать команду гибельному дѣйствію бомбъ, которыя были нарочито бросаемы туда, гдѣ вспыхивалъ пожаръ). Видны язвы въ стѣнахъ домовъ, и улицъ. Тамъ дыра въ крышѣ, тамъ труба слетѣла. Можно представить большое разореніе внутри домовъ, куда залетала даже одна разорвавшаяся бомба. Но руинъ въ городѣ, даже на близкомъ разстояніи, не видно. Замѣтное разореніе вы видите только въ извѣстныхъ линіяхъ, соотвѣтствующихъ непріятельскимъ батареямъ и направленію ихъ орудій. Баракамъ, находившимся подлѣ самыхъ бастіоновъ, можно было ожидать постигшей ихъ участи: они загорѣлись и разрушены нашими руками. Во всякомъ случаѣ непріятели, и послѣ двухнедѣльной (дневной и ночной) бомбардировки, не могутъ похвалиться, чтобъ они хотя отчасти разрушили городъ. Ибо для глазъ ихъ городъ цѣлъ, какъ, отчасти, и для нашихъ—таковъ же. Если намъ жалѣть должно, то о госпиталѣ, и то не о зданіяхъ, въ которыхъ также не можетъ быть капитальныхъ поврежденій, а о жалкомъ положеніи больныхъ, которыхъ нужно было спасать изъ огня, а нѣкоторыхъ, очень понятно, и не успѣли спасти. За то, какая слава за сіе непріятелямъ, не уважившимъ и флага больныхъ и раненыхъ!... Хотя бы поучились у варваровъ— у своихъ же союзниковъ — турокъ! Хотя бы затвердили декларацію турецкаго паши въ Бухарестѣ, которою предписываетъ своимъ справедливую заботливость объ оставленныхъ русскихъ раненыхъ!...

Пришедши къ Графской пристани, я встрѣтился тамъ съ плачевнымъ зрѣлищемъ, подобнымъ вчерашнему, вечеромъ. Въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ прежде совершалось одно веселіе, устроенъ перевязочный пунктъ для раненыхъ. Въ продолженіи дня дѣлается перевязка; вечеромъ отправляютъ раненыхъ на сѣверную, а чаще на онъ полъ бытія, гдѣ, т. е. на Сѣверной сторонѣ, и кладбище.

Не безъ труда и ночью на перевязочномъ пунктѣ: ибо и ночью, хотя въ меньшемъ числѣ, бываютъ раненые; кромѣ того, принесенные вечеромъ не могутъ быть тогда же отправлены на Сѣверную. Потому шествіе съ ранеными изъ дома собранія къ Графской пристани бываетъ и утромъ. Печальная картина! Однихъ носятъ въ койкахъ, другихъ въ носилкахъ парусинныхъ, которыя уже почернѣли отъ крови, истекающей изъ раненыхъ. Стоновъ я не слышалъ (уже довольно они стонали, вѣрно, подъ ножемъ оператора); по блѣднымъ и полумертвымъ лицамъ страдальцевъ, можно было судить о ихъ состояніи. Главный докторъ на перевязочномъ пунктѣ, на вопросъ: много умирающихъ? отвѣчалъ безусловно: «нѣтъ.—Впрочемъ,—прибавилъ—мы ихъ не долго задерживаемъ здѣсь, а отправляемъ на ту сторону въ госпиталь». Я не былъ еще на той сторонѣ, т. е. Сѣверной; а пока, замѣчу то, что слышалъ отъ бывшихъ тамъ о госпиталѣ, устроенномъ во временныхъ баракахъ, гдѣ видѣли тѣсноту, нечистоту и нужду всякаго рода... При перемѣнѣ обстоятельствъ, при критическомъ положеніи больныхъ и ежечастномъ умноженіи ихъ, порядокъ въ госпиталѣ прежняго мирнаго времени: медики собираются только въ извѣстные урочные часы, а во все прочее время одинъ дежурный медикъ, который не въ состояніи удовлетворить и тысячной доли настоящихъ потребностей госпиталя.

Прислуги мало или почти нѣтъ. Больные муку терпятъ отъ жажды, и тщетно вопіютъ о каплѣ воды. Въ пищѣ недостатокъ, за неприведеніемъ въ порядокъ разбитыхъ частей госпиталя. Многихъ умершихъ предаютъ землѣ, будто бы, безъ погребенія.... Но тамъ есть госпитальный священникъ. Развѣ не успѣваетъ? Можно послать праздныхъ іеромонаховъ. (Нѣтъ Корнилова).... Прости мнѣ, Господи! Не сужу, а пишу, что слышалъ. — Погребаютъ нижнихъ чиновъ десятками, безъ гробовъ, въ общей ямѣ. Офицеровъ по два и по три, если случится, также въ общей ямѣ. Вчера похоронили двухъ медиковъ—одного армейскаго, другаго — флотскаго, товарищей по ученію, въ общей ямѣ. Числа потери нашей навѣрное доселѣ не могу

узнать. Но вообще полагают до 4 тысячъ морскихъ чиновъ. Въ послѣдніе дни, убыль значительно меньше: круглымъ числомъ полагаютъ 25 человѣкъ въ день.

. . . .

22-го октября. Батареи дѣйствовали всю ночь. Но особенно сильная началась канонада въ 5 часовъ. До 10 часовъ, все было похоже на 5-е октября. Въ обѣдни и въ утрени народу было мало, очень мало, судя по великому празднику. Люди живутъ на Сѣверной. Мнѣ хотѣлось имѣть понятіе о Сѣверной сторонѣ, въ настоящее время, и послѣ обѣда я, на пароходѣ «Турокъ», отправился на Сѣверную сторону. На дорогѣ къ пристани, у Михайловской церкви, я встрѣтилъ командира ** корпуса Д. Ну, слава Богу, если начальникъ здѣсь, — значитъ, и корпусъ его уже на мѣстѣ.... На пороходѣ мнѣ сказали, что въ эту ночь еще войдутъ три полка въ городъ; для чего и пароходы и боты на готовѣ. Прекрасная была мысль—затопить кораблями фарватеръ: мы отказались отъ моря,—за то свободно ходимъ по дорогому для насъ рейду. Пароходы день и ночь подъ парами, перевозя казенный и частный грузъ, войска и жителей. На Сѣверной я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, которые тамъ проводятъ день, а ночью переѣзжаютъ въ *городъ*, чтобы освѣдомиться о своихъ домахъ. Тамъ я увидѣлъ рынокъ — преимущественно съѣстной: ибо забота всѣхъ теперь ограничена насущнымъ хлѣбомъ, и то для одного лишь дня. На рынкѣ перемѣшаны здоровые съ больными въ сѣрыхъ чуйкахъ и бѣлыхъ колпакахъ. Какъ ни грустно посмотрѣть на этотъ бивуачный привалъ безпріютныхъ семействъ,—но все же здѣсь жизнь—продаютъ, покупаютъ, встрѣчаютъ, провожаютъ, даже многіе представляютъ видъ прогуливающихся—Богъ знаетъ—для развлеченія, или—отъ неимѣнія пріюта. Тамъ обозы казенные, тамъ дилижаны (всѣхъ родовъ) отъѣзжающихъ и пріѣзжающихъ, переселеніе въ мирные города и въ ближайшій Симферополь продолжается. Вотъ, вижу, возвращается изъ полиціи (?) чей-то штабъ съ казеннымъ конвоемъ. Пройдя далѣе по дорогѣ къ баракамъ, въ которые переведенъ госпиталь, на взморьѣ Сѣвернаго укрѣпленія, я замѣтилъ

большія, какъ будто редуты, могилы, и далѣе рабочихъ, которые роютъ новыя могилы, и погребателей.... Боже мой! недостаетъ рукъ погребающихъ! Продолжаю идти къ госпиталю и слышу громкую жалобу матроса, который привезъ къ какому то магазину убитыхъ. Онъ кричитъ, что не принимаютъ тамъ мертвыхъ, а велятъ везти прямо къ могиламъ. «Куда я повезу,—отвѣчаетъ онъ,—когда могилы не готовы»,—и пошелъ съ сими словами въ госпиталь, вѣроятно, просить, у кого слѣдуетъ распоряженія. Не знаю, успѣетъ ли онъ въ этомъ. Ибо такое время, что можно сомнѣваться въ исполненіи самыхъ законныхъ требованій. Не достаетъ рукъ для удовлетворенія самыхъ священныхъ потребностей.... Сопровождая носилки съ ранеными, которыхъ привезли со мною же на пароходѣ, я пришелъ въ бараки и отыскалъ уголокъ, занимаемый о. Василіемъ, госпитальнымъ священникомъ, отъ котораго, къ удовольствію моему, узналъ, что онъ уже требовалъ отъ начальства себѣ въ помощь іеромонаховъ, что сегодня ожидаетъ отвѣта, т. е. удовлетворенія. Бѣдный о. Василій, онъ самъ, едва одного себя съ полупокрытымъ семействомъ спасъ отъ пожара и бомбъ, обращенныхъ на морской госпиталь. Церковь госпитальная, почти вся разрушена. Тамъ, у о. Василія, я засталъ нѣсколькихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, потомъ пришелъ и смотритель госпиталя Л.—О. Василій и на бивуакѣ отличается гостепріимствомъ: всѣмъ приходившимъ въ его палатку, онъ радушно предлагалъ чай. За чаемъ шелъ разговоръ о томъ, что у насъ дѣлается... Шла рѣчь о больныхъ — раненыхъ: нашихъ, съ убитыми, собственно по флоту, полагали въ три тысячи. Много выбыло офицеровъ. Три брата К. ранены, старшій безъ ноги. Удивлялись, какъ остался живъ лейтенантъ И. у котораго ядро оторвало эполетъ, оконтузило шею и плечо, а голова осталась на плечахъ. Съ восторгомъ говорили о лейтенантѣ К., командирѣ Волоховой батареи. «Видали мы храбрыхъ,—такъ, по словамъ лейтенанта Б., отзывались о немъ безсрочные, служители той батареи,—но такихъ не видали и не увидимъ. Когда орудія накалились до такой степени, что опасно было за-

ряжать ихъ, а между тѣмъ команда—вовсе не артиллерійская—выбилась изъ силъ, онъ, уже получившій нѣсколько сильныхъ ранъ, послалъ команду внизъ, а самъ палилъ и охлаждалъ водою всѣ орудія. Непріятель, замѣтивъ молчаніе батареи и полагая, что она сбита, подошелъ на картечный выстрѣлъ и открылъ новый убійственный огонь. Вызвавъ опять прислугу наверхъ, К. продолжалъ защищаться до вечера, или, лучше, пока въ немъ самомъ держалась душа. Отъ ранъ онъ не могъ уже стоять; сидя на орудіи, онъ получилъ новую тяжелую рану въ шею и, зажавъ язву рукою, не переставалъ говорить: «хорошо, ребята! кончай, ребята»! И когда дѣло дѣйствительно кончилось, тогда сказалъ: «ну, теперь ступай внизъ и меня берите»,—ибо не могъ уже двинуться съ мѣста. Послѣ перевязки, онъ отправленъ въ Симферополь, куда для всѣхъ раненыхъ путь открытъ, если сами того желаютъ. Да и гдѣ съ ними дѣваться здѣсь?... Еще разсказывали анекдоты о мужествѣ матросовъ. Боцманъ безъ ноги проситъ, чтобы его поднесли къ орудію, которое онъ не успѣлъ навести на непріятеля; когда его просьба не могла быть исполнена, онъ говоритъ. «Смотри же, Кузька, правѣе немножко,—а не то, будешь ты знать у меня... и пр. и пр. Да что и говорить о матросахъ? Когда въ 18-й день бомбардированія Севастополя, начальству пришла было мысль смѣнить у батарей прислугу,—то на это матросы отвѣчали: развѣ въ продолженіи 17-ти дней мы худо стояли? Зачѣмъ насъ смѣнять»? — и остались на своихъ мѣстахъ доселѣ. Возвращаясь уже на заходѣ солнца домой, я замѣтилъ на сѣверной, любимаго матросами, адмирала *Нахимова.*

. . . .

25-го октября. Бомбардировка была усиленная. Непріятели весь день были заняты уборкою тѣлъ и раненыхъ ([1]). Больно то, что нашихъ убитыхъ, какъ говорятъ, не убираютъ. А мы не можемъ взять ихъ, подъ непріятельскими выстрѣлами. Тамъ лежатъ и живые, но тяжело раненые.

([1]) Послѣ Инкерманской битвы.

Нѣсколькихъ подобрали послушники Инкерманской киновіи, по которымъ не стрѣляли непріятели. Другіе раненые, въ кустахъ лежавшіе, опасаясь можетъ быть за жизнь самихъ подбирателей, просили прійти за ними ночью. Утромъ, на Графской пристани, я былъ свидѣтелемъ тяжкаго для сердца зрѣлища. Носили на барказъ мертвыя тѣла—вчера раненыхъ, которые не пережили своихъ ранъ и сдѣланной имъ операціи, и ночью скончались. Клали мертвыхъ на барказъ головами къ бортамъ, а ноги къ ногамъ; клали одного подлѣ другаго по всему барказу, и потомъ другой рядъ, надъ тѣми же тѣлами... Третьяго ряда я не дождался, не могши смотрѣть на невиданное мною зрѣлище. Были здѣсь и наши, въ сѣрыхъ шинеляхъ, — ихъ немного; большею частію это были французы — одни въ синихъ мундирахъ и панталонахъ (народъ рослый), другіе въ синихъ мундирахъ и красныхъ панталонахъ (народъ помелче, — это, говорятъ, стрѣлки или штуцерные) ([1]).

1-е января. Въ самую полночь съ 3-го бастіона сдѣлана вылазка въ числѣ 300 охотниковъ. Непріятели бѣжали и были преслѣдуемы до 3-й траншеи. Въ плѣнъ взято 18 человѣкъ. Много положили на мѣстѣ. Наше «ура» слышно было въ городѣ. Въ слѣдъ затѣмъ съ обѣихъ сторонъ открытъ огонь. Такимъ образомъ, мы встрѣтили новый годъ громами и молніями.

Морозъ съ ночи былъ хорошій, и сѣверный вѣтеръ съ небольшимъ снѣгомъ. Днемъ, хотя и падалъ снѣгъ, но при оттепели.

. . . .

5-го января 1855 г. Утромъ былъ на рынкѣ. Все дорого, да и нѣтъ ничего. Бѣлый хлѣбъ, который прежде платили 15 коп., теперь 40 коп.

Въ полдень, по совершеніи литургіи, освятили соборнѣ воду. Народу или лучше солдатъ было довольно въ церкви, и не обошлось безъ шума за воду, какъ обыкновенно бываетъ.

([1]) Херсонскія епархіал. вѣдом. 1861 г. Приложенія стр. 431—439.

Въ 4 часа, по желанію гг. офицеровъ, служилъ панихиду по адмиралѣ *Корниловѣ*, на могилѣ его.

День былъ тихій и ясный; морозъ держался, хоть малый; начиналъ южный вѣтерокъ.

Со стороны непріятелей ничего особеннаго.

. . . .

10-го января. Съ полудня было ясно. Въ 12 часовъ, я ходилъ въ домъ благороднаго собранія, гдѣ перевязочный пунктъ для раненыхъ, исповѣдать и пріобщить раненаго лейтенанта Т. Этотъ молодой офицеръ три раза былъ охотникомъ въ вылазкахъ, и въ четвертый — раненъ въ грудь на вылетъ. Доктора находятъ рану не смертельною, и подаютъ надежду къ выздоровленію; но Богъ вѣсть! Больной самъ чувствуетъ себя очень трудно. Подлѣ него ухаживаетъ родной братъ его, на батареѣ тяжело контуженный. Война сродняетъ братьевъ, какъ и утроба матерняя. Сколько случаевъ, гдѣ братья родные вмѣстѣ падаютъ на полѣ битвы, и даже отъ одного ядра, вмѣстѣ ранены и встрѣчаются на перевязочномъ пунктѣ и потомъ въ госпитальной палатѣ! Уврачевавъ больнаго Т. св. таинствами, я уже сложилъ было ризу съ епитрахилью и крестъ въ платокъ, и шелъ домой, какъ слышу голосъ другаго больнаго: «дайте мнѣ, батюшка, поцѣловать крестъ». Я не медля возложилъ на себя епитрахиль и поднесъ крестъ. Это былъ нашъ офицеръ безъ руки; я прежде призналъ его по физіономіи за француза. Что значитъ болѣзнь!

. . . .

14-го января. Вчера прибыли въ 4-хъ крытыхъ подводахъ сестры милосердія, для услугъ раненымъ больнымъ.

Вчера же привезена изъ Симферополя, по желанію полковника Б. полка, икона (въ копіи) Касперовской Божіей матери, для служенія въ полку молебна. Примѣръ этотъ возбудилъ такое же благочестивое желаніе и въ другомъ полковомъ командирѣ....

. . . .

19-го января.... Вечеромъ, въ 6 часовъ, получилъ я письмо отъ находящагося въ плѣну Георгіевскаго мона-

стыря, отъ архимандрита Г. Имѣя подлинникъ послать владыкѣ, снимаю здѣсь копію:

«На первое письмо ваше, я отвѣчалъ вамъ 22-го декабря, а на второе отвѣчаю и передаю вамъ тоже самое, что было сказано въ первомъ. Честь имѣю увѣдомить васъ, что мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы, кромѣ эконома монастыря, іеромонаха Августина, который умеръ 22-го сентября. Нуждъ, по особенной милости и благоснисхожденію къ обители нашей г. главнокомандующаго французскими войсками, не имѣемъ. Богослуженіе совершается ежедневно».

«Тогда, за поспѣшностію, не могъ больше ничего написать, а теперь могу вамъ передать и кое-что лишнее. Нашъ монастырь много пострадалъ 2-го ноября отъ чрезвычайной бури: церковь Георгіевскую слишкомъ много повредило, и чуть ли не до основанія,—и теперь у насъ отправляется богослуженіе въ маленькой церкви Димитріевской; Лазаревскій домъ разрушился почти до основанія; два новыхъ корпуса раскрыло, и хотя послѣ поправили, но при малѣйшемъ дождикѣ бываетъ течь сильная, въ келіяхъ; а третій (корпусъ), что близъ новыхъ корпусовъ, почти разрушился; много деревьевъ повредило, а нѣсколько совсѣмъ уничтожило; церковь Воздвиженскую на верху совсѣмъ раскрыло, и часть ограды чугунной изломало; гостинницы тоже всѣ раскрыло и сараи повредило. Вотъ теперь какой нашъ монастырь. Будьте здоровы»!

«Испросите архипастырское благословеніе на главы наши. У насъ оказывается недостатокъ въ восковыхъ свѣчахъ для церкви,—этого намъ не могутъ доставить, потому что подобнаго рода свѣчей у нихъ нѣтъ: нельзя ли будетъ вамъ прислать для монастыря хоть фунтовъ 15 мелкихъ свѣчей»!

21-е января. Въ 11 часовъ былъ у генерала С. съ письмомъ и посылкой въ монастырь, что и отправлено. Генералъ похвалился мнѣ, что онъ писалъ генералу *Канроберу* и благодарилъ его за уваженіе къ св. обители и вниманіе къ живущимъ въ ней.

. . . .

27-го января получилъ отъ владыки ([1]) письмо въ которомъ между прочимъ сказано: «мнѣ дается на горѣ Инкерманской выстроить малую церковь, на память инкерманскаго сраженія и для поминовенія въ немъ падшихъ на брани воиновъ. Справься, можно ли возъимѣть ихъ имена. О семъ намѣреніи можешь сказать—кому нужно, да пожалуй и каждому». Свято для меня слово владыки моего, и я долженъ исполнить повелѣнное. Но считаю не излишнимъ и свое мнѣніе о семъ предметѣ представить на усмотрѣніе его. Главное мѣсто сраженія, называемаго инкерманскимъ, было на Сапунъ-горѣ, въ значительномъ разстояніи отъ Инкермана. Богъ вѣсть, не будетъ ли еще подобнаго кровопролитнаго сраженія на томъ или другомъ мѣстѣ, которое также будетъ имѣть право на память. Поелику же тѣла убитыхъ въ инкерманскомъ сраженіи (кои успѣли унести) и умершихъ отъ ранъ, тамъ полученныхъ (въ томъ числѣ и генерала *Соймонова*), погребены на сѣверной, гдѣ теперь общее кладбище всѣхъ павшихъ при защитѣ Севастополя, то церковь, какъ памятникъ на брани убіеннымъ православнымъ воинамъ, приличнѣе устроить на ихъ могилахъ—на сѣверной. Въ балкахъ этой стороны не мало есть жителей; батареи сѣверныя тоже не имѣютъ церкви; кромѣ того на сѣверной—главный для Севастополя привозъ базарный: потому церковь для усопшихъ была бы близкимъ прибѣжищемъ и для живыхъ.

Первый случай объявить мысль владыки я имѣлъ, за обѣдомъ, 3-мъ штабъ-офицерамъ флотскимъ, которые нашли ее весьма благою и къ исполненію необходимою. Но какого рода должна быть церковь? родился вопросъ. Всѣ согласились, что она не можетъ имѣть постоянныхъ средствъ къ содержанію, находясь въ полѣ, вдали отъ жителей. Тамъ могутъ быть многочисленныя собранія, напримѣръ 24-го октября, въ день годовщины, во дни поминовенія церковнаго, и лѣтомъ могутъ избирать подобное мѣсто для прогулки. Слѣдовательно, тамъ можетъ быть какой-либо духовный старецъ въ качествѣ стража св. мѣ-

---

([1]) Преосвященнаго Иннокентія Херсонскаго.

ста и, при случаѣ молитвенника объ усопшихъ. Возъимѣть списокъ убитыхъ тамъ не трудно (¹).

. . . .

27-го февраля... О. Василій сообщилъ мнѣ кое-что, о чемъ могу замѣтить здѣсь. 1) Сестры милосердія, прибывшія въ Севастополь, имѣютъ увѣдомленіе изъ придворной конторы Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны, что къ нимъ назначены духовниками я и іеромонахъ Иннокентій, и желаютъ видѣться со мною. Поспѣшу. 2) Въ морскомъ госпиталѣ, въ слѣдствіе безпрерывныхъ заботъ Царскаго Дома, все улучшено до превосходной степени. 3) Московскіе купцы, на 99 тройкахъ, привезли превосходную крупу, сахаръ, чай, и все, и все. Это превосходно!...

. . . .

29-го января. Зашелъ къ преосвященному митрополиту Агаѳангелу... Тамъ засталъ я одного офицера съ батареи № 8-й (что противъ карантина), отъ котораго слышалъ, что по Херсонесской церкви (²), ограбленной до доски непріятелемъ, долго мы не рѣшались стрѣлять, уважая святыню; но когда въ ней засѣли непріятели съ штуцерами, то вынуждены были стрѣлять и по церкви, чтобы оттуда ихъ выгнать. По словамъ того же офицера, непріятельскіе стрѣлки прятались также въ извѣстковой печи, устроенной о. В. въ Херсонесѣ; оттуда также заставили удалиться. Но нѣтъ возможности выбивать ихъ изъ грудъ камня, разсыпаннаго по всему Херсонесу, и изъ могильныхъ пещеръ, раскрытыхъ антикваріемъ Гр. А. Ч.

Дома, за обѣдомъ, рѣчь была о вице-адміралѣ *Нахимовѣ*, который вчера назначенъ товарищемъ генералу *Сакену*. Замѣчу, офицеры, съ которыми шла рѣчь о *Нахимовѣ*, принадлежатъ къ оппозиціи его. Мнѣ кажется, что когда человѣкъ имѣетъ приверженцевъ и противниковъ, то уже по одному этому стоитъ вниманія. И на это нужно

(¹) Какъ извѣстно, церковь основана на сѣверной сторонѣ.

(²) Эта была временная церковь, во имя св. равноапост. князя Владиміра, устроенная на развалинахъ Херсонеса, уступленныхъ подъ иноческую киновію, по ходатайству преосвященнаго архіепископа Иннокентія.

таланта, чтобы заставить говорить о себѣ; а чтобы раздѣлить общество не простое (каково общество флотскихъ офицеровъ),—для этого нужно что нибудь особенное....

. . . .

31-го января. Посѣтилъ раненыхъ больныхъ, за которыми сестры ухаживаютъ весьма усердно. Правда, при операціяхъ и перевязкахъ они составляютъ только третьи руки (первыя—докторовъ, вторыя—фельдшеровъ), поднося корпію и разныя бутылочки для примочекъ ([1]). Но очень мило онѣ кормятъ, поятъ и ласкаютъ больныхъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна сестра трепала матроса по щекѣ, называя голубчикомъ и другими милыми именами, какъ другаго заохочивала завтра на вылазку. Матросы, забывая боль, радостно улыбаются при этомъ. По объясненной одною изъ нихъ надобности въ иконахъ, для комнатъ больныхъ, сегодня отослалъ туда четыре....

....Проходя мимо Михайловской (адмиралтейской) церкви, я замѣтилъ въ ней, у самаго амвона, на довольно высокомъ подножіи, крестъ, предъ которымъ стоятъ два подсвѣчника. Я вошелъ въ церковь, чтобы распросить, что за крестъ? Діаконъ могъ мнѣ только сказать, что крестъ этотъ (и еще другой подобный) присланъ изъ Москвы какимъ то купцомъ для Севастополя. Но самый крестъ болѣе сказалъ мнѣ о себѣ:

На лицевой сторонѣ, въ верхнемъ ободкѣ, Спаситель на тронѣ; подлѣ него Матерь Божія и Іоаннъ Предтеча. Въ среднемъ—распятіе Спасителя; у креста стоятъ Дѣва Марія и Іоаннъ Богословъ. Въ нижнемъ — сошествіе во адъ. На четырехъ концахъ креста — изображенія 12 апостоловъ, тоже въ золотыхъ ободкахъ. На другой сторонѣ изображеніямъ 12 апостоловъ соотвѣтствуетъ такое же число звѣздъ серебряныхъ. На оконечностяхъ креста, въ ободкахъ, слѣдующія изображенія: Рождество Христово, Сошествіе Св. Духа, Преображеніе, Вознесеніе и Успеніе Божія Матери. На передней сторонѣ креста, внизу, над-

([1]) Это впрочемъ разумѣть должно о первыхъ перевязкахъ; слѣдующія дѣлали сами сестры.

пись: «симъ побѣждай». На другой: «подобіе креста, принесеннаго равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ изъ Херсонеса».

Понятно, почему подобный крестъ присланъ въ даръ воинству, сражающемуся за вѣру и отечество именно тамъ, гдѣ крестился первоначальникъ нашей вѣры и отечества, и откуда имъ принесенъ подобный крестъ въ первопрестольный градъ. Но желательно знать, какъ именно родилась эта мысль, и какъ выражена самимъ благочестивымъ жертвователемъ этого побѣднаго знаменія Христолюбиваго воинства. Постараюсь узнать и внести это въ дневникъ мой (1).

. . . .

4-го февраля. Весь день очень теплый. Въ 9-мъ часу утра отслужилъ на перевязочномъ пунктѣ молебенъ съ водосвятіемъ. Раненыхъ подносили съ бастіоновъ, хотя, по видимому, пальба не часта. Сестра милосердія съ удивленіемъ разсказала мнѣ о казачьемъ черноморскомъ офицерѣ, вчера приходившемъ на перевязочный пунктъ. Онъ контуженъ и просилъ пособія. Когда дежурный медикъ сказалъ ему, что долженъ онъ на нѣсколько дней остаться въ госпиталѣ или въ квартирѣ, — онъ отвѣчалъ: «о, этого рецепта я не могу принять. Мнѣ дайте такое лекарство, чтобъ я завтра же былъ здоровъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы я могъ пользоваться имъ, тамъ, на батареѣ, откуда я не отлучусь. Какъ! можетъ быть, и эту ночь будетъ вылазка, а я буду въ госпиталѣ, когда мои товарищи будутъ въ дѣлѣ! Нѣтъ, благодарю; если нѣтъ такого лекарства, то я и безъ него иду на бастіонъ».—Ему придумали нѣчто, что можно бы дать на руки; но нужно было посылать въ аптеку, а была ночь.—«Ну, такъ завтра»,— и съ тѣмъ ушелъ на бастіонъ.

— Давно ли офицеромъ? спросила сестра. — «Здѣсь произведенъ», — былъ краткій отвѣтъ не краснорѣчиваго

---

(1) Оказалось потомъ, что мысль жертвователю подалъ преосв. Иннокентій, который, 26-го іюля 1855 г. прибывъ въ Михайловскую церковь для служенія, нечаянно удивленъ былъ исполненіемъ, не будучи извѣщенъ о томъ.

словомъ, а душою, черноморца. Вообще о черноморцахъ, объ ихъ удальствѣ, отвагѣ—слава хорошая.

. . . .

7-го февраля. Понедѣльникъ 1-й седмицы Великаго Поста. День пасмурный; вѣтеръ западный; палятъ изрѣдка и слабо.

На утрени было людей не много. Послѣ утрени былъ у раненыхъ больныхъ. Во всякомъ изъ нихъ вѣра, и вѣра живая. На вопросъ о здоровьѣ, одинъ отвѣтъ у каждаго: «славу Богу, лучше себя чувствую». Если кому и хуже, то сказавъ, что «худо», заключитъ тѣмъ же «слава Богу». Тотъ проситъ помолиться о немъ и предлагаетъ гривенникъ на молебенъ. — Не надо, другъ мой,—отвѣчаю: помолюсь, а безмездную молитву Господь скорѣе услышитъ. Больной не соглашается, и какъ будто обидѣлся тѣмъ, что я не хочу принять денегъ. — Вотъ же на что лучше употреби, — наконецъ говорю ему, — я пришлю къ иконѣ лампадку; такъ пусть твои деньги будутъ на масло для лампадки, которая тутъ же у васъ будетъ теплиться. — Онъ остался этимъ доволенъ и успокоился. Другой: «теперь постъ, батюшка, я буду поститься».—Нельзя,—отвѣчаю,—ты боленъ, и тебѣ даютъ пищу, которая была бы лекарствомъ, а лекарство больному необходимо принимать. Не смущайся этимъ; здѣсь грѣха твоего не будетъ; предоставь поститься за тебя здоровымъ. — Успокоилъ тѣмъ одного и потомъ другаго, который не рѣшался въ постъ кушать скоромное. Еще одинъ хочетъ что-то сказать.— Что? — спрашиваю. — «Батюшка, что мнѣ дѣлать? Мнѣ ночью все такое страшное представляется».—А ты съ вечера хорошенько молись Богу, — то и спать будешь спокойно.—«Молюсь, батюшка!»—А ты знаешь, что при каждомъ изъ насъ есть Ангелъ-Хранитель? Помолись еще ему: онъ не допуститъ на душѣ твоей ничего страшнаго. — Между тѣмъ, эти грезы его бываютъ собственно отъ горячечнаго состоянія, какъ мнѣ объяснила и начальница сестеръ Ек. М. Б. Что же сказать въ утѣшеніе безпомощному страдальцу, кромѣ утѣшенія вѣры? А почемъ знать, что тотъ, кого медики записали въ безнадежные,

не возстанетъ отъ одра надеждою на Бога, и что самъ Ангелъ — не станетъ для него сестрою и даже лучшимъ медикомъ?... ([1]).

8-го февраля. Утро встрѣтило насъ не бомбардировкой, которую многіе со страхомъ ожидали, а морозомъ, снѣгомъ и сѣвернымъ вѣтромъ, который порывисто дулъ въ продолженіе всей ночи. Такая перемѣна въ погодѣ очень могла произвести перемѣну въ намѣреніяхъ непріятелей, если они, дѣйствительно, намѣревались открыть новую бомбардировку. Homo proponit, Deus disponit. У него, Всемогущаго, все готово, и все посылается съ премудрою цѣлію. Видимъ мы эту цѣль, или нѣтъ,—можемъ быть увѣрены, что «любящимъ Бога все споспѣшествуетъ во благое». Напримѣръ и этотъ холодъ, послѣ дней совершенно лѣтнихъ, снѣгъ, мятель намъ во благое, ибо, очевидно, въ большой вредъ непріятелю. Благодареніе Господу!

Въ церкви службу нужно было сегодня уступить армейскимъ священникамъ, которые будутъ пріобщать солдатъ Тобольскаго полка. Потому все утро я могъ употребить на служеніе раненымъ больнымъ, коихъ, благодареніе Богу, исповѣдалъ и пріобщилъ 15 человѣкъ. Духъ вѣры, возгрѣваемый въ больныхъ истинно-христіанскимъ служеніемъ сестеръ попеченія, не угасаетъ ни въ комъ: прійдешь исповѣдать и пріобщить одного или двухъ, а найдешь желающихъ 10.

Рядомъ съ больнымъ, котораго я исповѣдывалъ и пріобщалъ, лежитъ солдатъ-еврей безъ руки. Сестра, уже не первый разъ, хочетъ обратить на него мое вниманіе, говоря: «какъ жаль, что онъ не христіанинъ, а добрый еврей, и притомъ раненъ уже третій разъ». — Его полюбилъ и докторъ, который усердно смотритъ за нимъ и удерживаетъ на перевязочномъ пунктѣ, чтобы не передавать его на другія руки. Я самъ замѣтилъ въ немъ, кромѣ терпѣнія, и набожность: онъ молится по книгѣ. Добрый еврей можетъ быть и добрымъ христіаниномъ. Болѣзненное его состояніе и сохраненіе его жизни, по ви-

---

([1]) Тамъ же, стр. 510—519.

димому, представляли важный поводъ заговорить съ нимъ о вѣрѣ. Можетъ быть, этотъ самый случай и занималъ сестру, богатую чувствами христіанскими. Но мнѣ это самое обстоятельство и представлялось важнымъ здѣсь препятствіемъ, почему собственно я и не рѣшался вступать въ разговоръ съ нимъ, зная, что еврей вдругъ догадается, о чемъ священникъ станетъ съ нимъ говорить. И вотъ, когда я, пріобщивъ своего больнаго и уже сложивъ съ себя священническое облаченіе, обратился къ еврею съ вопросомъ: «а твое, Абрумъ, какъ здоровье»? — онъ, сказавъ «слава Богу», тотчасъ же сталъ противъ меня въ оборонительное положеніе. «Слава Богу,—отвѣчалъ онъ, — уже три раза Богъ сохранилъ жизнь мою,—я два раза раненъ на Дунаѣ; потому не надо перемѣнять той вѣры, въ которой кто родился».—Что мнѣ оставалось сказать ему на такой неожиданный отпоръ? потому что я не только не намекнулъ ему о перемѣнѣ вѣры, — а даже, признаюсь, не думалъ на первый разъ объ этомъ и напоминать.—И наше св. Писаніе говоритъ, — былъ мой отвѣтъ, — что во всякой вѣрѣ, кто дѣлаетъ угодное Богу, пріятенъ Ему. Потому продолжай, Абрумъ, дѣлать угодное Богу по твоей вѣрѣ, — а тамъ, Господь, сохранившій тебя отъ смерти, Самъ укажетъ тебѣ и истинный путь къ жизни.

А вотъ что удивительно: иногда встрѣчаешь отпоръ въ больномъ христіанинѣ, именно, когда предлагаешь ему исповѣдаться и пріобщиться. Странный предразсудокъ не у однихъ простыхъ, а нерѣдко даже у образованныхъ, что это есть напутствіе къ смерти.

9-е февраля . . . .
Вечеромъ былъ на перевязочномъ пунктѣ. Больные всегда рады посѣщенію и готовы поговорить. Тотъ жалуется на жаръ въ головѣ и грезы; другой все-таки безпокоится, что онъ не постится; одинъ видѣлъ сонъ и желаетъ знать, чтобы онъ значилъ; болѣе здоровые въ одинъ голосъ повторяютъ: слава Богу! слава Богу! отъ тѣхъ слышится жалоба, что холодно въ комнатахъ, мало отпускаютъ дровъ. Всякому что-нибудь скажешь въ утѣшеніе, — и благодарятъ за посѣщеніе.

10-е февраля. Въ семь часовъ утра былъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ исповѣдалъ и пріобщилъ четырехъ раненыхъ. Удивилъ меня одинъ своимъ къ тому препятствіемъ. Когда я объяснилъ ему важность и необходимость духовнаго врачевства, онъ, вздохнувъ, тотчасъ пожелалъ воспользоваться имъ, но при этомъ тихо промолвилъ: «какъ же?... у меня денегъ нѣтъ».... Или такое бѣдное у него понятіе, или такова уже привычка у православнаго, что онъ ничего не принимаетъ отъ священника безъ благодарности?...

11-е февраля.... День прошелъ въ службѣ. Много было исповѣдниковъ. Во второмъ часу былъ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ присутствовалъ при операціи, когда отрѣзывали руку. Положимъ, что больной молчитъ отъ хлороформа, и что операція производится очень искусно и быстро; но невыносимо больно для сердца быть только простымъ свидѣтелемъ этой страсти. Другому операція уже окончена. Онъ лежитъ и что-то говоритъ. Подхожу къ нему.

— «Благословите батюшка!»

— Господь тебя благословитъ. Какъ чувствуешь себя?

— «Вотъ руки нѣтъ. Но я пойду и съ одной рукой, непремѣнно пойду. Нужно молодымъ солдатамъ примѣръ показывать».

И плачетъ бѣдный не столько отъ боли, сколько отъ досады, что онъ не тамъ и не можетъ бить французовъ.

. . . .

14-е февраля.... Вечеромъ служилъ для больной сестры повечеріе и утреню. Бѣдная сильно занемогла, служа больнымъ, и, между прочимъ, скорбитъ, что еще мало потрудилась....

15-е февраля.... Вечеромъ три дѣвицы, родныя сестры и дочери бѣдной вдовы, приходили ко мнѣ просить благословенія въ путь.—Куда?—«Куда-либо, только изъ Крыму и Севастополя, изъ котораго даже побуждаютъ женскій полъ уѣзжать. Получили на то, какъ и всѣ, вспоможеніе отъ начальства».... — Гдѣ же вы будете жить? — «Богъ вѣсть! Будемъ искать у помѣщиковъ мѣстъ ключницы, гор-

ничной и проч.» — Думаю, что Господь, любящій сира и вдовицу, укажетъ имъ пріютъ.

18-е февраля. Сѣверный вѣтеръ дулъ ночью и теперь дуетъ; оттого стало въ городѣ сухо. Въ операціонной комнатѣ утромъ не засталъ ни одного раненаго: это рѣдко! Для одного больнаго отслужилъ въ палатѣ молебенъ. Исповѣдалъ и пріобщилъ одного.

Въ двѣнадцать часовъ погребалъ сестру *Кузнецову*, умершую отъ тифуса. Погребеніе отпѣвали въ Михайловской церкви, а предали землѣ на Сѣверной, на новомъ кладбищѣ. Общія могилы теперь роютъ глубокія, примѣрно на 50 человѣкъ. По окончаніи войны предполагается всѣ могилы уровнять и сдѣлать курганъ, на которомъ будетъ поставленъ памятникъ.

21-е февраля.... Въ 4 часа, еще однажды посѣтилъ раненыхъ и двумъ отнесъ по просфорѣ: ибо сами просили св. хлѣба. Въ больныхъ открывается потребность во всемъ священномъ. Болѣе ничего особеннаго не случилось....

23-е февраля.... Обѣдалъ у меня іеромонахъ *Иннокентій*, смотритель инкерманской киновіи, которая еще существуетъ въ добромъ здоровьѣ, и его послушники тамъ витаютъ.

. . . .

Весь этотъ день былъ для меня тяжелъ, по причинѣ случившагося въ церкви воровства. Боже нашъ! Въ такое время, когда стыдно и сказать, чтобы были люди въ городѣ небоящіеся гнѣва Божія! Однако есть. Горе намъ!...

25-е февраля.... Сего же числа получилъ отъ преосвященнѣйшаго владыки нашего, архіепископа *Иннокентія*, важную бумагу — это прошеніе православныхъ жителей Крымскаго полуострова о дарованіи сему краю самостоятельной іерархіи или каѳедры архіерейской, чѣмъ будетъ почтена Апостольская древность православной Церкви таврической, благоукрасится колыбель русскаго христіанства въ Крыму, поставится оплотъ противъ господствующаго въ немъ магометанства, положится одинъ изъ благонадежнѣйшихъ залоговъ къ полнѣйшему сліянію сего края съ составомъ Имперіи, и преподастся здѣшнему христіан-

скому населенію новое средство къ уврачеванію себя отъ язвъ, нанесенныхъ ему враждебнымъ вторженіемъ иноплеменниковъ и мятежнымъ возстаніемъ туземныхъ татаръ».

. . . .

28-го февраля.... Запишу копію письма, которое вчера встрѣтилъ у сестеръ. Оно передано имъ отъ начальника штаба *кн. Васильчикова*, для прочтенія раненымъ больнымъ:

«Къ раненымъ православнымъ воинамъ.

Здравствуйте, мои незабвенные братцы!

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастіемъ поздравляю васъ; прижимая васъ къ сердцу, цѣлую ваши драгоцѣнныя раны, коими вы украшены за православную вѣру и отечество.

Посылаю вамъ рубахъ, сколько могу. Увѣряю васъ, что непрестанно молю Спасителя Бога о укрѣпленіи силъ вашихъ и дарованіи вамъ побѣды на врага.

Дрожайшіе друзья! Желая вамъ всякаго добра и счастія, прошу принять мой дружественный совѣтъ.

Господи всесильне! Просвѣти и укрѣпи меня своею благодатію.

Какія бы ни находили скорби на васъ, но вы не унывайте: ибо Господь съ вами, и сила Божія совершается въ васъ наиболѣе; и притомъ направляйте сердца свои къ всемогущему Богу, — и Онъ утѣшитъ васъ здоровьемъ душевнымъ и тѣлеснымъ, какъ податель жизни и благъ; молиться можно и сидя и лежа, лишь бы съ душевнымъ расположеніемъ....

Милые голубчики! Кто не позавидуетъ изъ благоразумныхъ вашему счастію, что вы избраны защищать не только отечество свое дражайшее, но и самаго Бога Вседержителя.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пострадавъ для спасенія рода человѣческаго, оставилъ намъ образецъ вѣры и любви къ достиженію царствія Божія. Надо же намъ

сберегать эти дары Божіи добрыми дѣлами: ибо Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать.

Знайте, что ваша блистательная участь дорога для всей Богохранимой Россіи, и всякъ изъ соотчичей вашихъ готовъ подать вамъ руку помощи и облегчить васъ искреннимъ усердіемъ. Стоитъ вамъ только, благословенные защитники православія, бодриться и помышлять, что каждая капля крови вашей геройской оцѣняется вашимъ отечествомъ заботливымъ и высоко вознаграждается достойно любвеобильнымъ Царемъ, Отцемъ нашимъ.

При томъ памятуйте, вѣрные сыны Востока и потомки благочестивыхъ предковъ Россіянъ, что св. архистратигъ Михаилъ, воевода небесныхъ воинствъ и побѣдитель враговъ Церкви Божіей, стоитъ съ вами за св. вѣру и облагодатствованнымъ мечемъ своимъ охраняетъ насъ всѣхъ отъ враговъ; и всѣ святые, радуясь вашему доброму подвигу, молятъ Христа Бога о исцѣленіи васъ. Будьте же спокойны, хранители земли русской, и радуйтесь: ибо Самъ Царь небесный избралъ васъ на это св. дѣло — защищать православную вѣру, распространенную въ нашемъ дражайшемъ отечествѣ Самимъ Творцомъ неба и и земли, чрезъ В. К. Владиміра.

Вѣрьте, что всеблагій Господь исцѣляетъ васъ, исповѣдниковъ Его св. вѣры, исполняющихъ сильно истины св. Евангелія.

А когда возстанете отъ одра болѣзни, то постарайтесь возблагодарить Всемилостиваго Спаса всѣмъ сердцемъ за безчисленныя милости, и въ уповапіи на всесильную благодать Его, идите смѣло противъ враговъ и стойте твердо за православную вѣру, за благочестивѣйшаго Царя и за отечество дражайшее. А на такое дѣло святое благословляю васъ благословеніемъ Господнимъ, и желаю вамъ духа христіанскаго, свойственнаго русскому человѣку и сердцу.

Цѣлую васъ еще, испрашивая вамъ Господа Бога премилосердаго помощи вамъ.

Священникъ К..... М...».

6-го января 1855 г. село В.

....Потомъ посѣтилъ раненыхъ больныхъ въ Николаевской батареи, гдѣ они представляютъ гораздо пріятнѣйшее зрѣлище, чѣмъ въ другихъ пунктахъ. Многіе изъ нихъ сидятъ и съ видомъ веселымъ, свидѣтельствующимъ о возвращеніи силъ; другіе прохаживаются, ведутъ разговоры и проч. Начинаютъ жить. Весьма пріятно было встрѣтиться съ больными, поступившими сюда изъ инженернаго двора: здѣсь былъ второй перевязочный пунктъ. 1-й находился въ домѣ благороднаго собранія. И еще одинъ въ корабельной части города. Они взаимно очень были рады, увидѣвъ знакомаго своего батюшку (1).

1-е марта. Свѣтло восходило солнце, но не свѣтло было для насъ утро этого дня. Въ два часа ночи, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ княземъ *Паскевичемъ*, привезена въ Севастополь печальная вѣсть о кончинѣ Государя Императора, и съ разсвѣтомъ была уже всѣмъ извѣстною. Пока она носилась еще по городу слухомъ, никто не хотѣлъ вѣрить; страшно даже было слышать или передать ее другому; на крайность склонялись разумѣть это о Государынѣ Императрицѣ, о которой давно было извѣстно, что она больна, и уже другой разъ потребовала къ себѣ дѣтей (В. К. Николая и Михаила Николаевичей) изъ Севастополя. Такъ говорили; а значитъ, что послѣдній разъ ихъ позвали домой, по случаю болѣзни Государя Императора. Доблестные Царевичи не могли впрочемъ застать своего Августѣйшаго Родителя въ живыхъ. Государь Императоръ скончался 18-го февраля, а они выѣхали изъ Севастополя на 22-е февраля ночью. Печаль неимовѣрная, неожиданная, глубокая! Одинъ Господь, поставляющій царей и преставляющій, вѣдаетъ, для чего, такъ неблаговременно для насъ, воззвалъ къ Себѣ Высокаго Помазанника Своего, для чего въ такое время повелѣлъ зайти солнцу нашему.... Да не рекутъ враги наши: Богъ оставилъ есть ихъ!...

Въ 7 часовъ утра, былъ у раненыхъ-больныхъ въ инженерномъ домѣ, и еще не слышали здѣсь печальной вѣсти.

---

(1) Тамъ же стр. 578—585.

Чрезъ полчаса собрались медики и объявляли о томъ за вѣрное. Безмолвіе было первымъ выраженіемъ невыразимой скорби. Чьему сердцу не была болѣзненна вѣсть эта? Кто не понималъ важности тяжкаго посѣщенія Божія? Не могшіе удержать своихъ чувствъ плакали.

На перевязочномъ пункѣ засталъ 6 раненыхъ, взрывомъ одной бомбы: одни-тяжело, другіе-легче. Исповѣдалъ и пріобщилъ 2-хъ.

Возвращаясь домой, я уже встрѣчалъ войска, проходившія къ Михайловской церкви, гдѣ на площади имѣли принести присягу, вступившему на Престолъ Государю Императору Александру Николаевичу, и Наслѣднику Престола Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу. Священная присяга началась въ 11 часовъ. Поставлены были 5 налоевъ, на которыхъ лежали кресты и Евангелія. По желанію генерала *Сакена* ускорить это дѣло, я послалъ еще изъ своей церкви 2 налоя съ Евангеліями и крестами. У каждаго налоя строились войска и, поднявъ руку, произносили за священниками присягу — генералы, и солдаты, и граждане вмѣстѣ, гдѣ кто могъ присоединиться. И въ другихъ пунктахъ города собирали батарейныя и другія команды, и приводили къ присягѣ такимъ же порядкомъ. Сначала читанъ былъ Манифестъ Государя Императора Александра Николаевича о смерти Его Августѣйшаго Родителя, потомъ приказъ Его же Величества съ объявленіемъ войскамъ послѣдней воли покойнаго Императора, и наконецъ присяга.

Въ 9 часовъ утра былъ у меня квартальный надзиратель, отъ имени севастопольскаго полицмейстера предварить, чтобы я не отлучался изъ дому,—ибо нужно будетъ приводить къ присягѣ. Спросивъ: слышалъ ли я о кончинѣ Государя Императора и получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, онъ замѣтилъ, что этому слѣдовало быть по пророчествамъ. «Какимъ»? спрашиваю. «Греческимъ, отвѣчаетъ, гдѣ говорится о смерти въ это время великаго Государя». Квартальный — грекъ, и я понялъ, о какихъ пророчествахъ говоритъ онъ. Богодухновенность и самая подлинность этихъ священныхъ для грековъ пророчествъ

(Агаѳангела) не доказана, однако многое и весьма многими—даже не простыми людьми—говорится въ пользу ихъ. Однажды, (это было еще до осады), касательно этихъ пророчествъ, я предложилъ много-лѣтнему и высокаго сана старцу (изъ грековъ) вопросъ: нѣтъ ли здѣсь подлога? Не представлены ли авторомъ будущими событія совершившіяся?—«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я имѣю эту книгу, болѣе сорока лѣтъ, и на моихъ глазахъ исполнилось многое»,—началъ исчислять политическія событія конца прошедшаго столѣтія и начала настоящаго, и дошелъ, кажется даже до Бельгіи. Въ настоящее время, греки ожидаютъ исполненія въ нихъ того, что касается Греціи и Цареграда. Я знаю одного изъ нихъ такого пылкаго патріота и горячаго приверженца пророческой книги, (онъ знаетъ ее наизусть), который не шутя разсказываетъ, какъ онъ будетъ жить въ воскресшемъ своемъ отечествѣ, и заранѣе распредѣляетъ настоящимъ своимъ имѣніемъ—что въ церковь, что друзьямъ на память,—и все за счастіе (если увидитъ) отечества.

Весь день былъ ясный и теплый. На батареяхъ, непріятели могли замѣтить отсутствіе или малое число гарнизона, отозваннаго для принесенія присяги. Могли ли знать они причину? Неизвѣстно; но переметчики, какъ говорятъ, случаются и съ нашей стороны. Въ арміи не безъ порочныхъ и... Подобные бѣглецы, конечно, не могутъ дать примѣра другимъ, ни тѣмъ болѣе пятнать вѣрность присягѣ русскаго солдата.

3-е марта.

. . . .

Къ вечеру, въ 5 часовъ, второй разъ посѣтилъ раненыхъ; на перевязочномъ пунктѣ нашелъ одного только новаго страдальца, раненнаго въ руку. Говѣлъ ли ты, другъ мой? »Благодареніе Богу, отговѣлся, какъ слѣдуетъ», былъ отвѣтъ флотскаго унтеръ-офицера. Такіе отвѣты всегда даютъ раненные воины. Легче ему или очень трудно, а иной едва дышетъ, а на вопросъ: какъ твое здоровье какъ себя чувствуешь? всегда прежде скажетъ: «слава Богу! батюшка», а потомъ уже скажетъ и что-нибудь о

боли. Утѣшая страдальцевъ, я говаривалъ имъ: терпите, братцы, съ вѣрою; обращайтесь чаще мыслію къ Господу Іисусу, который также имѣетъ на себѣ раны, принятыя за наши грѣхи; не вы первые въ ранахъ, — прежде васъ имѣлъ ихъ на себѣ Господь... Усвоивъ эти мысли, они сами повторяютъ ихъ, и уже такъ отвѣчаютъ на вопросъ о здоровьи: «чтожъ дѣлать? нужно терпѣть. Господь терпѣлъ... а мы грѣшные»... и проч.

. . . .

4-е марта.

. . . .

Говѣющихъ было въ церкви немного; исповѣдь (послѣ повечерія) окончена въ часъ. Кажется, трудное время настоящее имѣетъ большое вліяніе на насъ грѣшныхъ; въ кающихся слышно болѣе искренности и сокрушенія сердечнаго.

Вечеромъ, посѣтивъ опять перевязочный пунктъ (что въ домѣ Собранія), засталъ тамъ спокойствіе и тишину, чему утромъ было противное. Вновь — раненыхъ поступило только три. Итого въ сутки было 75 раненыхъ, а не 80, какъ говорили утромъ! Это впрочемъ мало, въ сравненіи съ 3 перевязочнымъ пунктомъ (въ корабельной), гдѣ въ теченіе 3-хъ дней раненныхъ постоянно около этого числа. Театръ войны вдругъ перенесенъ на инкерманскую сторону, и тамъ стало больше потери.

5-е марта. Утро и весь день холодно; дуетъ вѣтеръ сѣверный. Въ домѣ Собранія не было вновь-раненныхъ. Счастливый день, или лучше ночь. Ибо неизвѣстно, что будетъ къ вечеру.

Всякій разъ, входя въ этотъ домъ (прежде) веселія, нельзя не подивиться, какъ онъ удобенъ быть тѣмъ, чѣмъ теперь сталъ,—домомъ плача. Это пріютъ для раненныхъ со всѣми удобствами, больному необходимыми. Прежде чѣмъ дойти до дверей залы, двери въ сѣняхъ сами затворились за вами; вы не вносите къ больнымъ холоднаго воздуха. Главная зала — высоты въ два этажа, имѣетъ окна только въ верху, отъ чего свѣтъ здѣсь для больныхъ умѣренный, воздухъ очищается, не подвергая ихъ сквоз-

ному вѣтру. Въ другихъ—меньшихъ залахъ голубые, малиновые и зеленые обои, все богатые, могутъ даже развлекать солдатика, не бывшаго никогда въ такихъ роскошныхъ палатахъ; могутъ, пожалуй, подъ часъ заставить его забыться, что онъ въ лазаретѣ, и тѣмъ сократить иную минуту его страданій. Койки съ чистымъ на нихъ бѣльемъ и постелями, столики при каждой кровати и прочія принадлежности госпиталя, въ порядкѣ содержимыя сестрами; все это расположено съ такимъ удобствомъ и искуствомъ, что, при большомъ размѣрѣ залъ, составляетъ даже красоту своего рода. Всѣхъ кроватей здѣсь 182. — Операціонная зала (прежде билліардная) весьма удобна для своего назначенія, какъ по вмѣстимости, такъ и по освѣщенію. Для дежурства медиковъ и сестеръ есть особые покои, и все это подъ рукой. Это прекрасно! И лучше ходить въ домъ плача, нежели веселія, говоритъ Премудрый.

Въ инженерномъ домѣ и также въ домѣ *Гущина* и *Орловскаго* я засталъ тѣхъ же больныхъ, старыхъ знакомыхъ, кои всѣ, прежде чѣмъ подверглись врачеванію тѣла, уврачевали душу. Итакъ, кромѣ одного посѣщенія, я не имѣлъ сегодня случая услужить чѣмъ-либо раненымъ воинамъ. Потому мнѣ весьма пріятно было услышать отъ молодаго солдатика, что ему хотѣлось бы яблокъ, и услужить въ этомъ.

10-е марта. Паки благодареніе Богу! На перевязочномъ пунктѣ и въ это утро я засталъ покой. Въ домѣ *Орловскаго* (¹) для одного больнаго служилъ молебенъ, другаго исповѣдалъ и пріобщилъ. Раненый матросъ предложилъ мнѣ за молебенъ деньги. Обыкновенно, я совѣтую эти лепты обращать на масло для лампадки, въ ихъ же палатахъ, и еще ни отъ кого не принималъ. При этомъ, я имѣлъ въ виду между прочимъ и то, что не имѣющіе копѣйки не посмѣли бы обратиться съ просьбою помолиться за нихъ, если бы видѣли, что я принимаю за это деньги, какъ и дѣйствительно въ этомъ я не ошибся. Но, на

(¹) Временный госпиталь.

этотъ разъ, встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны больнаго и долженъ былъ уступить. Больной до того обидѣлся, что у него навернулись слезы. Таковъ уже взглядъ утвердился у простыхъ людей, что если священнику ничего не далъ, то и молитва Богомъ не принята.

Сегодня, съ новоприбывшими для службы на флотѣ іеромонахами, получены отъ преосвященнаго архипастыря нашего, неусыпно пекущагося о духовныхъ нуждахъ паствы своей, въ обстояніи сущей, списки Касперовской иконы Богоматери, для раздачи по бастіонамъ и батареямъ, и также списки образа священномучениковъ, въ Херсонисѣ епископствовавшихъ.

17-е марта . . . .
. . . .

Отъ того же адъютанта слышалъ, что французы, во время уборки тѣлъ (послѣ дѣла съ 10-го на 11-е марта) не могли надивиться нашей сѣрой формѣ — общей для генерала и солдата; они хвалились, что объ этомъ думаютъ и у нихъ, и одинъ баталіонъ, будто бы, одѣтъ уже подобнымъ образомъ. Нельзя было не замѣтить, что непріятели, прежде чѣмъ подняли переговорный флагъ, приготовились къ свиданію: всѣ у нихъ были въ чистомъ платьѣ, офицеры—въ бѣлыхъ перчаткахъ, все до мелочи на нихъ было щеголевато, какъ будто не ими рыты траншеи, изъ которыхъ высыпали, какъ муравьи. Интересны, говорятъ, были любезности нашихъ удалыхъ матросовъ съ французскими солдатами. Матросъ предлагаетъ французу съ рожка табаку, тотъ угощаетъ его ромомъ: матросъ пьетъ крышку, за тѣмъ другую—третью, и осушаетъ фляшку къ удивленію француза, для котораго это была дневная порція. За бесѣдою, конечно, непонятною начинались болѣе понятныя лобзанія. — Ужели у васъ матросы доселѣ на батареяхъ? спрашивали французы. Да много ли у васъ этихъ молодцовъ? Имъ отвѣчали; что—съ 14-ти кораблей, и еще, слава Богу, есть сколько нужно.

18-е марта.

. . . .

Вечеромъ посѣтилъ больныхъ въ двухъ мѣстахъ. Въ

инженерномъ домѣ медики и сестры, служившіе раненымъ, пріобрѣли такую извѣстность и любовь у своихъ паціентовъ, что раненые, переведенные отсюда въ Николаевскую батарею (госпиталь устроенный въ этомъ огромномъ зданіи), просятся назадъ. Сегодня двое изъ такихъ возвратилось изъ Николаевской батареи, и одинъ перепросился изъ Александровскаго госпиталя.

19-е марта. Утро пасмурное, холодное, и съ небольшимъ дождемъ. Отъ пальбы спокойно. Служилъ молебенъ на перевязочномъ пунктѣ, для одного изъ раненыхъ. Уставъ бороться съ благодарностію раненыхъ, сталъ наконецъ принимать ихъ лепты, и передавалъ уже тайно сестрамъ для обращенія на масло для лампады въ палатѣ, или на самихъ же больныхъ. Въ инженерномъ домѣ исповѣдалъ и пріобщилъ двухъ трудно больныхъ, кои посему пожелали того, уже въ другой разъ. Еще напутствовалъ одного (ибо, кажется, не жить ему) въ домѣ *Гущина.* И отъ этого больнаго услышалъ, тяжко выраженную скорбь, что денегъ у него нѣтъ (т. е., чтобы дать священнику). Ожидайте-жъ отъ больныхъ, при такомъ образѣ мыслей, чтобы они сами сказали: хочу исповѣдаться и пріобщиться. Нѣтъ, съ такими необходимо обращаться, какъ съ дѣтьми, не умѣющими говорить, коихъ желаніе нужно предупреждать, угадывать, выпрашивать.

Только-что возвратился домой, просятъ къ больной дамѣ, пожелавшей исповѣди и св. таинъ. Она жаловалась, на трудность настоящаго положенія. Домъ подъ выстрѣлами, хотя доселѣ хранимъ Богомъ; больная окружена дѣтьми и, какъ видно, всѣми недостатками; мужъ на службѣ военной, которую трудно теперь соединить съ попеченіемъ о семействѣ; готова бы выѣхать куда либо, но беременна и дни для ней послѣдніе. Боже мой! Сколько здѣсь теперь скорбей и слезъ, которыя не для всѣхъ видимы!

Осадное положеніе не помѣшало намъ сегодня разжиться и вербою, и мы совершали крестный ходъ съ ваіями, какъ и въ обыкновенное время.

. . . .

Слышу, что прибыли къ намъ сестры 4-го отдѣленія и устраиваются въ Александровскомъ госпиталѣ (въ морскихъ казармахъ, что въ корабельной). Рѣшительно не имѣю минуты, чтобы побывать тамъ, а увѣренъ, что все тамъ непремѣнно пойдетъ къ лучшему.

23-е марта.

. . . .

Сегодня снабдилъ 3-хъ іеромонаховъ плащаницами, для бастіоновъ (порадовался я, такой христіанской заботливости флотскихъ командировъ о своей командѣ), 2-хъ іеромонаховъ—потирами для пріобщенія тѣхъ изъ команды, кои почему либо не успѣли еще отговѣться, и роздалъ чрезъ тѣхъ же іеромонаховъ списки чудотворной иконы (Касперовской), присланные архіепископомъ *Иннокентіемъ*. Нѣтъ, впрочемъ, у насъ и маленькой батареи, гдѣ бы не было знамени вѣры! Едва успѣли гдѣ насыпать валъ небольшой (земляной), ставятся орудія, ставится тутъ же въ нишѣ икона святая, и теплится лампада.

24-е марта.

. . . .

Въ 7 часовъ вечера благовѣстъ къ Страстемъ Христовымъ. Въ 8 часовъ открывшійся, изъ за Корнилова бастіона, сильный огонь далъ намъ почувствовать другія страсти. Громъ орудій поражалъ слухъ молящихся, а молнія огня этого, блиставшаго въ окнахъ церкви, поражала и зрѣніе. внимавшихъ чтенію Страстей Христовыхъ. Благодареніе Богу, пальба пушечная скоро смѣнилась штуцерною, потомъ замолкла и послѣдняя. Большинство молящихся составляли люди военные. Значитъ, кто имѣетъ усердіе, всегда можетъ улучить часъ на молитву, какія бы обстоятельства и обязанности ни ограничивали его. Офицеры, впрочемъ, часто выходили изъ церкви, прислушиваясь, не бьютъ ли тревоги.

25-е марта. Великій пятокъ и праздникъ Благовѣщенія. По такому совпаденію двухъ священныхъ воспоминаній—дня радости и дня скорби, уже за недѣлю встрѣчали священниковъ вопросами: какъ это будетъ? Священники предлагали этотъ вопросъ и другъ другу. Ибо хотя въ

уставѣ и есть на этотъ случай наставленіе, но тамъ ничего не сказано о существующемъ у насъ обычаѣ выносить плащаницу въ пятокъ на вечерни, а не въ субботу только на утрени. Я служилъ царскіе часы и затѣмъ праздничную литургію въ положенное уставомъ время, а вечерню отложилъ къ тому времени (къ 2-мъ часамъ), когда православные обыкли собираться къ плащаницѣ. И теперь, какъ и на литургіи, молящихся было довольно. Гробъ Господень, гласъ Архангела благовѣстника и гласъ надгробнаго пѣнія церкви вмѣсто радости, яже будетъ всему міру, и гласъ громовъ вражескихъ.... вотъ сколько и какихъ предметовъ было тутъ для слова въ великій пятокъ, если бы проповѣдникъ умѣлъ пользоваться настоящимъ временемъ.

26-го марта. Великая суббота. Къ утрени, какъ и прежде бывало, благовѣстъ въ два часа. Чрезъ четверть часа, я былъ въ церкви и уже засталъ тамъ многихъ бдящихъ, въ томъ числѣ не мало офицеровъ. Можно, очень можно во всякую стражу — и при трудныхъ обстоятельствахъ—воздать Божія Богови и кесарева кесареви. Умилительный канонъ былъ оконченъ до разсвѣта; обхожденіе вокругъ церкви съ плащаницею совершено свитающей субботѣ. Священная процессія, совершавшаяся съ немалымъ освѣщеніемъ и погребальнымъ звономъ, не была встревожена ни однимъ выстрѣломъ.

. . . .

Вечеръ, какъ и день весь, былъ тихій и теплый. На рынкѣ суетились запастись для праздника хлѣбомъ и не находили: его закупали въ печахъ.

27-е марта. Пасха. Ночь провели мы въ тревожномъ ожиданіи, какова будетъ она, и какъ встрѣтимъ праздникъ. Нѣсколько разъ звали меня въ церковь, для освященія пасокъ на бастіоны и батареи. Каждый готовился встрѣтить праздникъ на своемъ постѣ, когда нельзя — въ своемъ домѣ. Благовѣстъ къ утрени раздался, одновременно въ полночь во всѣхъ церквахъ. Внѣшняго освѣщенія на храмахъ не было, вслѣдствіе предостереженія о томъ гу-

берпатора. Съ радостною пѣснію: воскресеніе твое, Христе Спасе, ангелы поютъ... мирно совершили мы обхожденіе, безъ всякой тревоги. Можетъ быть непріятели наши, у коихъ былъ теперь тотъ же праздникъ, не думали о насъ. По крайней мѣрѣ нельзя было не думать о нихъ, зная о прошлогодней Пасхѣ въ Одессѣ.

Но, благодареніе Богу, для перваго дня наши опасенія миновались. Вмѣсто прихожанъ, которые давно уже въ разсѣяніи, а немногіе оставшіеся для праздника выѣхали къ семействамъ въ Симферополь, я посѣтилъ съ крестомъ раненыхъ. Для нихъ это посѣщеніе чрезвычайно было отрадно.

Со стороны непріятеля, въ продолженіе всего дня, слышна была музыка и пѣніе. Англичане и французы праздновали, оставивъ, какъ говорятъ, въ траншеяхъ союзныхъ турокъ.

28-е марта и вся свѣтлая седмица. Вчерашній день пасмурный предвѣщалъ перемѣну погоды. Можно было ожидать дождя. Дѣйствительно, онъ началъ итти еще до разсвѣта. Но съ благовѣстомъ къ заутрени полился на насъ и дождь огненный. Бомбардировка одновременно открыта по городу со всѣхъ пунктовъ, по всей линіи отъ Херсонеса до Инкермана. Не принималъ участія въ ней только флотъ непріятельскій. Въ теченіе полугода мы привыкли уже ко всякому страху. Тѣмъ не менѣе громъ орудій, трескъ лопавшихъ бомбъ, свистъ ядеръ живо напомнили намъ ужасъ 5-го октября прошедшаго года, когда городъ былъ бомбардируемъ съ суши и съ моря. Церковь—вчера полная народа—вдругъ опустѣла. Во время утрени, отъ взрыва бомбы близъ церкви, стоя у престола, я почувствовалъ сотрясеніе полу. Церковь моя, уже съ первыхъ дней бомбардировки безъ стеколъ съ южной стороны, съ немалыми язвами, и безъ колонны, выбитой бомбою, еще получила нѣсколько язвъ, а все же стоитъ. и молиться въ ней можно со страхомъ Божіимъ. Въ квартирѣ моей — здѣсь же въ церковной оградѣ — сегодня въ 4-хъ окнахъ разбились стекла.

Что съ городомъ и въ городѣ? Новыя батареи непрія-

тельскія направили свои удары на тѣ именно пункты въ городѣ, которые доселѣ были отчасти пощажены, и гдѣ жители считали себя, какъ бы внѣ выстрѣловъ, безопасными. Потому все вдругъ—отъ мала до велика—объялось ужасомъ, и спасая жизнь, бѣжало къ пристани, чтобы оттуда на Сѣверную. Между бѣгущими наиболѣе замѣтны были женщины съ дѣтьми и узлами. Въ Николаевской батареѣ, я встрѣтилъ цѣлый новый лазаретъ раненыхъ женщинъ и дѣтей. Тутъ лежало цѣлое семейство несчастное: мать, два сына — мальчики, третій убитъ на-смерть, и дочь, придавленная камнями разбитой хижины. Одна бѣдная женщина лишилась ноги, собирая щепки. Въ Александровскихъ казармахъ, занятыхъ подъ госпиталь и, гдѣ былъ 3-й перевязочный пунктъ, медику оторвало руку и контузило сестру Крестовоздвиженской общины. Смотритель сухопутнаго госпиталя Нс., разсказалъ мнѣ слѣдующій замѣчательный случай, тамъ бывшій. Бомба, пробивши въ трехъ-этажномъ зданіи крышу и потолокъ, и не причинивъ въ 25 палатѣ, куда попала, никакого вреда, вышла въ окно верхняго этажа, и на дворѣ, сдѣлавъ рикошетъ, вѣроятно, о камень, пала въ окно подвала того же зданія, гдѣ скрывавшуюся мать лишила трехъ дѣтей: малюткѣ оторвало головку; смотритель со слезами на глазахъ говорилъ объ этой головкѣ съ бѣлокурыми кудрями. Были несчастные случаи и въ Корабельной слободкѣ. Убиваетъ мать, остается грудной ребенокъ. Одинъ такой ребенокъ—на перевязочномъ пунктѣ въ домѣ собранія. Сестры поили его коровьимъ молокомъ. Онъ вскорѣ умеръ.

Такіе несчастные случаи заставили начальство повторить понудительныя мѣры, противъ женскаго пола объ удаленіи съ дѣтьми изъ города. Это преимущественно матроски и ихъ удалое племя, строющіе для игры свои батареи на улицахъ. Удивляться нужно безстрашію этихъ женщинъ. Какъ въ октябрскую бомбардировку, онѣ посѣщали мужей на бастіонахъ и батареяхъ (одна 5-го октября цѣлый день носила на 4-й бастіонъ воду для питья, подносила и ядра); такъ и теперь—во второй, напримѣръ, день праздника Пасхи — являлись къ мужьямъ съ обѣдомъ (это

мнѣ говорилъ офицеръ съ 3-го бастіона, какъ очевидецъ). Есть, даже теперь,—къ крайнему сожалѣнію (нечего грѣха таить, даже слышится жалоба отъ людей Бога боящихся), еще одинъ родъ безстрашныхъ женщинъ, остающихся въ бомбардируемомъ городѣ, о которыхъ не знаю, что сказать, кромѣ того, что онѣ задержаны здѣсь діаволомъ...:

На перевязочныхъ пунктахъ? Въ продолженіе 10 дней, въ домѣ собранія (на другихъ пунктахъ не былъ) двери почти не затворяются отъ приносимыхъ или уносимыхъ раненыхъ. На иныхъ медики, только взглянувъ сострадательнымъ взоромъ, тотчасъ приказывали нести въ домъ Гущина, уже прослывшій домомъ смерти. (Приговоръ свой безнадежнымъ медики, въ такомъ случаѣ, произносили на латинскомъ языкѣ). Здѣсь не одинъ домъ переполненъ былъ безпомощными страдальцами, но и галлереи, и сараи. Для преподанія умирающимъ исповѣди и св. причастія, священнику приходилось не ходить между больными, а буквально перелазить. Такими же безпомощными наполнился и домъ инженерный, гдѣ, какъ въ домѣ Гущина, непріятельскіе снаряды стали слишкомъ тревожить и больныхъ, и служащихъ. Вотъ что случилось, 28-го марта при мнѣ, въ домѣ Гущина. Въ 6 часовъ утра, я по обыкновенію пришелъ сюда съ дарами святыми. Напутствовавъ 4-хъ человѣкъ во внутреннихъ комнатахъ, я перешелъ въ залу, обращенную окнами на улицу, чтобы преподать тоже св. напутствіе больному, за неимѣніемъ мѣста, лежавшему на полу. Еще не успѣлъ я прочесть положенныхъ молитвъ, какъ послѣдовалъ гдѣ-то близко сильный взрывъ. Задрожалъ домъ, зашумѣла черепичная крыша, сыпавшаяся долой, всѣ окна въ мигъ хлопнули внутрь. Стекла побились, но ни больныхъ, ни служащихъ имъ, благодареніе Богу, ничѣмъ не повредило.

Легко раненыхъ съ перевязочнаго пункта отправляли въ Николаевскую батарею, которая, какъ ни вмѣстительна, теперь оказалась недостаточною, для свободнаго помѣщенія всѣхъ страдальцевъ. Много лежало ихъ теперь кучами на полу, въ ожиданіи отъ сестеръ чаши воды, или куска хлѣба: ибо и это малое требованіе, при общей суматохѣ,

при быстромъ умноженіи больныхъ противъ дневнаго заготовленія продовольствія, не безъ затрудненія выполняется—и при всемъ избыткѣ сердоболія со стороны служащихъ больнымъ ([1]).

Севастополь, въ апрѣлѣ 1855 года.

(Письмо къ редактору «Одесскаго Вѣстника» 22-го апрѣля 1855 г.).

Вамъ, конечно, любопытно будетъ узнать кое-что новое о положеніи славнаго и непреоборимаго нашего Севастополя. Положеніе наше, вопреки всѣмъ ложнымъ слухамъ иностранныхъ газетъ, не внушаетъ доселѣ никакихъ опасеній, не смотря на всевозможныя усилія турко-англо-французовъ къ уничтоженію роднаго и драгоцѣннаго сердцу нашему Севастополя; на перекоръ врагамъ, съ помощью Всевышняго, онъ стоитъ цѣлъ и непоколебимъ, гордо и величаво красуется предъ ними и внятно говоритъ всему міру о безпримѣрной въ исторіи стойкости неустрашимыхъ своихъ защитниковъ. Непріятель, кажется, давно уже понялъ, что онъ ошибся; понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; онъ ясно теперь видитъ всѣ трудности предстоящей ему, трудной и роковой задачи—овладѣть Севастополемъ. При началѣ онъ громко возвѣщалъ, что дѣло рѣшитъ въ нѣсколько дней, а въ послѣдствіи не разъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ въ одинъ голосъ говорили, что «никогда еще осада крѣпости не была предпринимаема съ такими огромными средствами, какъ нынѣ осада Севастополя, что противъ этого города дѣйствуютъ разомъ три арміи—цвѣтъ арміи западной Европы—съ двойнымъ комплектомъ (двойнымъ ли только?) самыхъ грозныхъ разрушительныхъ средствъ, представляемыхъ новѣйшимъ искусствомъ и военною наукою, и при содѣйствіи, никогда невиданныхъ еще на морѣ въ такой массѣ, трехъ громадныхъ флотовъ». Да, правда сама за себя говоритъ; мы не скрываемъ, что дѣйствующія противъ насъ войска трехъ

([1]) Херсонскія епархіал. вѣдом. 1861 г. Прибавленія Ч. 3, стр. 74—82.

союзныхъ державъ точно цвѣтъ армій западныхъ государствъ, что флотъ ихъ грозенъ числомъ и размѣрами кораблей (межъ ними есть даже 140 пушечные); но къ чему все это послужило, что они сдѣлали намъ? Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ мы видимъ эту отборную армію, этотъ громадный и грозный флотъ превозносимый до небесъ, видимъ также и новоизобрѣтенныя ланкастерскія пушки и мортиры, канонерскія лодки, пловучія батареи, коническія бомбы, конгревовы ракеты и другіе зажигательные и варварскіе снаряды: казалось-бы, при такой силѣ и средствахъ, легко можно взять любую крѣпость, но на дѣлѣ вышло иначе — и безпримѣрное въ исторіи бомбардированіе Севастополя, 5-го октября прошлаго года, доказало, что всѣ эти силы и средства ничто, противъ силы русской и Того, Кто управляетъ судьбами міра. Это и заставило, по видимому, враговъ нашихъ призадуматься; они стали хитрить и перехитривать, а между тѣмъ, армія ихъ стала значительно убавляться: ежедневно, сотнями умирали солдаты ихъ отъ голода, холода и другихъ лишеній; они были принуждены окопаться и привести себя изъ наступательнаго въ оборонительное и осадное положеніе, въ которомъ находятся и понынѣ; флотъ ихъ, въ большомъ числѣ кораблей и пароходовъ, стоитъ тоже въ далекомъ разстояніи отъ нашихъ грозныхъ батарей, никакъ не дерзая приблизиться къ нимъ, послѣ первой пробы. Вотъ ихъ положеніе. Теперь осаждающіе, по видимому, потеряли надежду взять когда-либо штурмомъ Севастополь, а на чистомъ полѣ дать сраженіе имъ, кажется, и страшно и тяжело,—такъ они и стали бросать въ городъ каленыя ядра, гранаты, бомбы и конгревовы ракеты; въ темныя и туманныя ночи, тихомолкомъ подходятъ иногда къ берегу одинъ или два плоскодонныхъ парохода, дадутъ по городу залпъ ядрами или бомбами и на всѣхъ парахъ удаляются въ море. Право, иногда подумаешь, не надѣются ли они, что отъ имшета лопающихся бомбъ и ракетъ стѣны Севастополя падутъ, какъ нѣкогда стѣны Іерихона при звукѣ трубномъ.

Прибавлю нѣсколько словъ о внутреннемъ состояніи го-

рода. Южная сторона его сильно пострадала; множество домовъ разрушено, виднѣются только однѣ стѣны, нашъ большой и красивый театръ уже не существуетъ. Остальная же часть города къ сѣверу пострадала гораздо меньше, хотя и здѣсь нѣтъ, кажется, ни одного дома, въ которомъ бы граната, бомба, ядро или конгревова ракета не просверлила стѣны или крыши, или гдѣ бы осколкомъ бомбы не выбило стекла или рамы; на улицахъ тоже множество ямъ, произведенныхъ бомбами и конгревовыми ракетами. Мостовыя въ этихъ мѣстахъ взрыты, и камни разбросаны вокругъ; повсюду валяются ядра и осколки бомбъ; по окончаніи войны, мы ихъ соберемъ и поставимъ изъ нихъ обелискъ, въ память потомству, о знаменитомъ бомбардированіи Севастополя двумя христіанскими державами, союзницами лже-пророка. Но не заключите изъ этого, что жители Севастополя разбѣжались: за исключеніемъ не многихъ, они живутъ всѣ въ своихъ, хотя и поврежденныхъ, домахъ. Въ лавкахъ и магазинахъ вездѣ торгуютъ, и вы найдете все; гостинницы тоже всѣ открыты; однимъ словомъ, все почти идетъ своимъ порядкомъ. По улицамъ вы встрѣтите много гуляющихъ дамъ и дѣвицъ и, что забавнѣе всего, па улицахъ вы увидите множество ребятишекъ, матроскихъ дѣтей, между которыми происходятъ разныя воинственныя и забавныя сцены. Такъ напримѣръ: они раздѣляются на двѣ партіи, строятъ баррикады и батареи и дерутся между собою, бросаютъ другъ въ друга ядра и бомбы, сдѣланныя изъ глины, въ слѣдствіе чего, иногда у кого-нибудь изъ воюющихъ подобьютъ носъ или зубы, такого относятъ на носилкахъ на *перевязочный пунктъ*. У нихъ бываютъ также и ночныя вылазки ([1]). Изъ этого вы видите, что у насъ все дышитъ

([1]) Намъ расказывали, что въ Корабельной слободкѣ, при паденіи бомбы, не разъ видали мальчишекъ, которые, схвативщись руками, составляютъ около нея кругъ и, кружась, кричатъ: «бомба идетъ, бомба идетъ, кого-то хватитъ, кого-то хватитъ!» -а если она разрываясь, дѣйствительно поразитъ кого нибудь изъ нихъ осколками, разбѣгаются во всѣ стороны съ криками: «Ваньку хватило, Митьку хватило!» — или называя другихъ пораженныхъ товарищей. *Ред. Одесс. Вѣст.*

военнымъ духомъ. Въ настоящее время, единственнымъ мѣстомъ прогулки и препровожденія времени въ Севастополѣ служитъ новый бульваръ, что у памятника Казарскаго; оттуда открывается прекрасный видъ окрестныхъ горъ, гдѣ какъ на ладони, видны непріятельскіе лагерь и траншеи; а съ другой стороны, обширный видъ Чернаго моря, гдѣ стоитъ весь союзный турко-англо-французскій флотъ; съ сѣверной же стороны безпрестанно день и ночь пристаютъ къ Екатерининской пристани пароходы, боты, шаланды и баркасы, нагруженные турами, фашинами, ядрами, бомбами, порохомъ и разными боевыми припасами; на пристани, повсюду навалены лафеты, пушки, мортиры, бревна и множество разныхъ артиллерійскихъ принадлежностей. Въ домѣ благороднаго собранія главный перевязочный пунктъ. Я тамъ часто бываю и не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о сестрахъ Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ. Я самъ видѣлъ заботливость и попеченія ихъ о раненыхъ; повторяю, самъ видѣлъ, какъ нѣжныя ихъ руки омывали и перевязывали страшныя раны; онѣ мужественно переносятъ видъ текущей крови, многоразличныхъ мученій и тяжкихъ язвъ въ этомъ жилищѣ страданія и смерти. Наши раненые солдаты такъ привыкли къ нимъ и такъ ихъ полюбили, что называютъ ихъ не иначе, какъ «матушка моя, кормилица моя». Да наградитъ ихъ Богъ! Нельзя еще не изумляться здѣсь профессору *Пирогову*. Этотъ геніальный хирургъ неоцѣнимъ; подобнаго ему, по искусству и неутомимости, едва ли можно встрѣтить: онъ весь привязанъ къ своему дѣлу, и, кажется, у него нѣтъ другой мысли, какъ о раненыхъ больныхъ [1].

Г. Славони.

Женщина и женщины въ Севастополѣ.

Чѣмъ богатъ—
Тѣмъ и радъ.

Многіе, прочитавъ статью «Русскій солдатъ, раненый

---

[1] Одесскій Вѣстн. 1855 г., № 50 и Русск. Инв. 1855 г., № 110.

въ Крыму, 8-го сентября», спрашивали: почему я тамъ выставилъ только нравственную сторону солдата, и почти ничего не сказалъ собственно медицинскаго, чего всѣ ожидали, увидавъ статью, писанную военнымъ медикомъ?

На это я отвѣчаю:

На мой взглядъ, всякое описаніе военно-раненыхъ должно основываться на знаніи натуры, духа русскаго солдата, а безъ этого предварительнаго свѣдѣнія, едва ли можно сказать о нихъ что нибудь опредѣлительно, выставить величіе ихъ духа въ надлежащемъ видѣ.

Собираясь писать о подвигахъ женщинъ въ военное время, я уже предвижу, что спросятъ: почему я перешелъ на новый предметъ, а не продолжаю говорить о военно-раненыхъ?

Неужели это заслуживаетъ такого вниманія, чтобы для него оставить предметъ, о которомъ, какъ я самъ сказалъ, къ сожалѣнію мало пишутъ?

Спѣшу отвѣтить, что настоящій предметъ нисколько не новый, а есть прямое «продолженіе» начатаго мною разсказа о раненыхъ русскихъ воинахъ.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, а настоящій предметъ подвергаетъ меня необходимости сдѣлать общій взглядъ на него, можетъ быть даже и длинный. Если для описанія раненаго солдата, я не могъ обойтись безъ предисловія, то сошлюсь на всѣхъ: могу ли обойтись безъ него здѣсь, говоря о такомъ существѣ, міровая исторія котораго испещрена дивными, загадочными явленіями, не рѣдко даже противорѣчащими одно другому?

Недавно вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ: «Физіологія женщины». Я не видалъ ея, но уже, судя по заглавію, ожидаю видѣть тамъ много интереснаго особенно прочитавъ рецензію въ «Сѣверной Пчелѣ» нашего извѣстнаго журналиста Ѳ. В. Булгарина. Этотъ опытный, почтенный литераторъ, говоря, какъ трудно составить такую книгу, какъ трудно изучить природу женщинъ, выражаетъ это словами Державина:

«Измѣрить океанъ глубокій,
«Сочесть пески, лучи планетъ,
«Хотя и могъ бы умъ высокій...
...«Но изучить природу женщины нельзя!»

Довольствуясь этимъ мнѣніемъ наблюдательнаго писателя, я, какъ бы въ подтвержденіе его мнѣнія, передамъ здѣсь сказанное о женщинѣ знаменитымъ профессоромъ петебургскаго университета, докторомъ медицины г. Куторгою, на одной изъ публичныхъ лекцій «о природѣ», читанныхъ въ с.-петербургскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ въ 1852 г., и имѣвшихъ необыкновенный успѣхъ. Я до сихъ поръ сохраняю въ памяти это замѣчательное мѣсто лекціи.

«Говорятъ, началъ нашъ знаменитый профессоръ, что женщины неспособны заниматься серьезнымъ предметомъ. Я съ этимъ не согласенъ. Чтобы показать, какъ я думаю объ этомъ, позвольте изложить вамъ: чѣмъ отличается мужчина отъ женщины»?

Такое предложеніе было принято оглушительными аплодисментами всей публики.

«Мы, продолжалъ г. Куторга, имѣемъ только «понятіе» о человѣкѣ, а собственно говоря, человѣка нѣтъ, т. е. нѣтъ существа, которое бы въ себѣ одномъ заключало полное понятіе—человѣкъ. Есть мужчина и женщина: они только самъ другъ представляютъ одного человѣка.

«Всѣ свойства, относящіяся къ понятію человѣка, хоть и находятся въ той и другой половинѣ, но они разграничены между собою, по степени ихъ развитія въ томъ или другомъ полѣ, такъ, что одни изъ нихъ представляются господствующими, рѣзко выдающимися въ одномъ полѣ, а другія, прочія, господствующими въ другомъ. Притомъ тѣ свойства, составляющія понятіе — человѣкъ, которыя преобладаютъ въ одной его половинѣ, въ другой, напротивъ остаются слабыми, ничтожными, и на оборотъ. Какія изъ этихъ свойствъ, при полномъ ихъ развитіи, должны считаться болѣе важными, тѣ ли которыя обыкновенно бываютъ развитыми у мужчинъ, или какія бываютъ развитыми у женщинъ: такого преимущества не существуетъ

и не должно существовать. Развитыя свойства той и другой части человѣка одинаково важны, необходимы для составленія гармоніи человѣка, и одинаково не достаточны, ибо только въ совокупности составляютъ одно цѣлое понятіе.

«Всѣ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ переходятъ въ наше сознаніе посредствомъ ниточекъ, которыя начинаются отъ каждой точки на поверхности нашего тѣла и собираются въ мозгу. Мозгъ передаетъ всѣ эти впечатлѣнія въ отдѣльности душѣ, или, что тоже, мы чувствуемъ ихъ. Впечатлѣнія эти, слѣдуя одно за другимъ, ложатся въ мозгу безъ порядка и, тогда они собою ничего не образуютъ. Привести ихъ въ порядокъ есть дѣло души нашей, есть дѣло многосложное, котораго скорость и точность выполненія своей цѣли прямо, непосредственно зависитъ отъ способности души. Это дѣйствіе души называется—составленіемъ понятія, а произведеніе его—понятіемъ.

«Составленное такимъ образомъ понятіе имѣетъ свой проводникъ, посредствомъ котораго можетъ выходить изъ головы въ сердце и тамъ проявляться подъ видомъ двухъ ощущеній: пріятнаго или непріятнаго. Этотъ проводникъ есть также нервная ниточка, такъ называемый — симпатическій нервъ: онъ начинается въ мозгу, проходитъ сквозь грудь и входитъ въ сердце.

«Все сказанное одинаково относится къ мужчинѣ и женщинѣ.

«Разницу, между обоими полами, составляетъ вотъ что:

«Вообще говоря, мужчина медленно, съ великимъ усиліемъ разстанавливаетъ, размѣщаетъ впечатлѣнія, пришедшія въ мозгъ, пока не составитъ изъ нихъ понятія. Женщина, напротивъ, занимается этой работой весьма мало: у ней быстро всѣ впечатлѣнія приводятся въ порядокъ, и въ минуту понятіе готово.

«Такъ медленно, исподволь составленныя понятія у мужчинъ, исподволь проходятъ по симпатическому нерву и ложатся въ сердце, часто даже незамѣченными для самаго сердца, такъ что не вызываютъ въ немъ ни чувства ра-

дости, ни печали: это бываетъ большою частію. У женщинъ же, напротивъ, всякое понятіе образуется разомъ, разомъ и стремительно переливается въ сердце, и такимъ образомъ, непремѣнно почти каждое незначительное впечатлѣніе становится чувствительнымъ для сердца, даетъ о себѣ знать сердцу, подъ видомъ пріятнаго или непріятнаго ощущенія.

«Вотъ почему ученые, глубокомысленные мужи, разрѣшая великія задачи, которыя имѣютъ вліяніе даже на судьбу человѣчества и производятъ всемірный переворотъ, не радуются за свое дѣло, холодно принимаютъ всемірную похвалу! Одинъ только Архимедъ отличился передъ всѣми глубокомысленными: разрѣшивъ одну трудную математическую задачу, онъ выбѣжалъ на улицу и кричалъ: нашелъ, нашелъ!

«Отъ способа образовать понятіе медленно или скоро зависятъ слѣдующія замѣчательныя явленія:

«Къ мужчинѣ приходитъ неизвѣстный человѣкъ и проситъ участія къ себѣ, проситъ, положимъ, мѣста. Мужчина, поговоривъ съ этимъ человѣкомъ болѣе или менѣе продолжительное время, приказываетъ ему навѣдаться завтра. Завтра, поговоривъ съ нимъ, прикажетъ еще придти завтра: можетъ случиться, что эти «завтра» повторятся много разъ. Что это значитъ? Значитъ то, что мужчина, желая пособить неизвѣстному человѣку, хотѣлъ сначала «понять», что это за человѣкъ. Онъ не понялъ его въ первый разъ, хотѣлъ понять въ другой. И когда уже понялъ, говоритъ ему «да» или «нѣтъ».

«У женщинъ опять таки это бываетъ совсѣмъ иначе: женщина, осмотрѣвъ неизвѣстнаго ей человѣка съ головы до ногъ, перебросившись съ нимъ нѣсколькими словами, тотчасъ дѣлаетъ о немъ свой приговоръ. Замѣтьте, весьма часто этотъ приговоръ бываетъ разительно вѣрный!... Вотъ почему, когда женщина назоветъ кого-нибудь «несноснымъ»—вѣрьте: это должно быть «такъ». Вѣрьте, хотя сама женщина не дастъ отчета въ томъ: она сама не знаетъ, почему назвала одного «несноснымъ», а другаго

«милымъ, прекраснымъ человѣкомъ». Это тоже относится къ отличительной чертѣ женщинъ.

«Женщина, легко и быстро составивъ понятіе, вѣрное понятіе о чемъ-либо, не можетъ однако разсказать вамъ: какъ она составила его? почему она составила то, а не другое? Она убѣждена только, что должно быть такъ, а не иначе»; не рѣдко столь убѣждена, что готова прозакладывать жизнь свою.

«Мужчина, напротивъ, трудясь надъ составленіемъ понятія, болѣе или менѣе продолжительное время, съ большимъ терпѣніемъ, осмотрительностью, видитъ каждый моментъ своей умственной лабораторіи, видитъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали: по этому весь предметъ, понятый мужчиною, у него передъ глазами; по этому онъ передать его можетъ со всею отчетливостью».

Въ теченіе своей кратковременной жизни, я имѣлъ уже много случаевъ вглядываться въ свойства женщинъ, и въ очень различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни; правду сказать, эта наблюдательность дала весьма обильную пищу моему любопытству, тѣмъ болѣе, что самый предметъ наблюденія всегда былъ любимымъ моимъ паціентомъ и вмѣстѣ любимымъ существомъ. Все это однако не заставило бы меня такъ скоро высказать свое мнѣніе о женщинахъ: я вызванъ къ тому особенными обстоятельствами, именно—проявленіемъ новой неожиданной черты въ ихъ свойствахъ, которая заслуживаетъ общаго вниманія и удивленія.

Слѣдующія два явленія побудили меня написать эту статью.

Еще до начала войны съ турками, я встрѣтилъ въ Одессѣ, въ одномъ благочестивомъ православномъ семействѣ, въ Воскресенье, прекрасныхъ дѣвицъ, занимавшихся какою то работою въ присутствіи своего отца. Удивившись тому, я спросилъ у нихъ: что это за работа, которую онѣ и въ праздники не оставляютъ?— «Мы дѣлаемъ корпію»—отвѣчали дѣвицы.—Зачѣмъ? спросилъ я еще, думая, что заболѣлъ кто-нибудь изъ домашнихъ или знакомыхъ. Что же узнаю?.. Что корпію онѣ дѣлаютъ «для раненыхъ

солдатъ», и что ее давно уже дѣлаютъ почти всѣ дамы въ Одессѣ!! Этотъ неожиданный отвѣтъ поразилъ меня особеннымъ образомъ; мнѣ хотѣлось еще спросить у тѣхъ дѣвицъ: кто васъ заставилъ дѣлать корпію! но тайная мысль удержала меня отъ этого.

Надобно вообще сказать, что въ военное время приготовленіе корпіи есть дѣло большой важности, не смотря на то, что это нитки изношенной ветошки: корпія не замѣнима во всевозможныхъ ранахъ; и не только, какъ вспомогательное средство, какъ перевязка, но и существенно, какъ лекарство для ранъ.

По этому-то я удивился и хотѣлъ разгадать, какъ это напали на такую великую, геніальную идею? и кто этотъ геній?

Естественно, при мысли о войнѣ, всякій представляетъ ее съ своей точки зрѣнія, смотря потому, кто какъ поставленъ: одинъ готовится жертвовать жизнію, другой состояніемъ, спокойствіемъ и т. д., одинъ видитъ въ войнѣ храбрость воиновъ, другой ужасъ, кровопролитіе, раненыхъ и прочее.

Ужасъ войны скорѣе и яснѣе всего выражается въ воображеніи женщинъ, какъ очевидно говоритъ о томъ собственная ихъ натура. Здѣсь на первомъ планѣ, въ самомъ дѣлѣ ужасной картины, представляются имъ раненые.

Мысль о раненыхъ, по свойственной женщинамъ впечатлительности, вызвала въ нихъ крайнее соболѣзнованіе, искреннее участіе къ ихъ страданіямъ. Это-то искреннее участіе и было поводомъ къ заготовленію корпіи прекраснымъ поломъ.

И такъ, рѣшилъ я, никто другой, а сами женщины вздумали приготовлять корпію для раненыхъ: а этотъ геній былъ—сердце женщины.

Женскій полъ воспріимчивѣе ко всѣмъ впечатлѣніямъ сердца, чѣмъ мужескій. Это существенное, отличительное свойство пола, которое возвышаетъ его надъ человѣкомъ и приближаетъ къ чистымъ, безплотнымъ созданіямъ. Сердце женщины — это небесный свѣтильникъ, исполинскій двигатель, противъ котораго не устоятъ ни холод-

ный геніальный умъ, ни какія силы мужчины. Кто не знаетъ того безпредѣльнаго самоотверженія, на какое нерѣдко рѣшается женщина, увлекаемая сердцемъ, — существо, которое получило прозваніе «слабаго созданія?! Поставленная свѣтомъ въ постоянную зависимость,—она еще находится подъ неумолимымъ злорѣчивымъ судомъ его, ограниченная въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ самобытности, она дѣйствительно кажется слабымъ созданіемъ.. Но кто осмѣлится осуждать ее въ этомъ? Кто не понимаетъ, что вся жизнь ея формируется изъ впечатлѣній, которыя ее окружаютъ? Дайте хорошее направленіе женщинѣ, потомъ предоставьте ее самой себѣ, и вы будете благоговѣть предъ нею, предъ вашимъ прежнимъ врагомъ. Если жизнь надоѣла вамъ, раскройте душу предъ такою женщиной, вы, закаленный въ бояхъ, съ желѣзнымъ сердцемъ и вы примиритесь съ жизнію, или она умретъ съ вами!! Не спорю, такихъ женщинъ мало, но, повторяю, въ этомъ виновата не женщина, а ея воспитатели, охранители ея неприкосновенности: природа одарила ее прекрасными свойствами, а взлелѣять этотъ нѣжный цвѣтокъ предоставила окружающимъ обстоятельствамъ.

Я не видалъ еще лучшаго примѣра женской смѣлости и самоотверженія женщинъ, какъ тотъ, который у меня передъ глазами въ теченіе полугода.

Былъ ноябрь мѣсяцъ, когда я, проѣздомъ изъ Одессы въ Крымъ, услышалъ, что изъ С.-Петербурга ѣдутъ 30 сестеръ милосердія въ Севастополь, для хожденія за ранеными. Признаюсь, не смотря на все довѣріе къ тѣмъ лицамъ, которыя сообщили мнѣ эту новость, я не могъ убѣдить себя, что женщины могли согласиться ѣхать въ осажденный городъ, за 2,000 верстъ, чтобы жертвовать своею жизнію на пользу ближнихъ? Къ счастію, мнѣ скоро удалось увѣриться въ этомъ. Я видѣлъ, какъ пріѣхали эти героини въ Симферополь, видѣлъ даже и первоначальныя ихъ дѣйствія при раненыхъ, особенно во время операцій, и вообще, откровенно сказать, я видѣлъ то, чему бы никакъ не повѣрилъ, если бы не удостовѣрился собственными глазами, видѣлъ истинное геройство.

Это были дамы и дѣвицы различнаго возраста, большею частію изъ благороднаго сословія, которыя добровольно явились къ Ея Высочеству Еленѣ Павловнѣ на Ея предложеніе «ѣхать въ Севастополь», и избраны изъ большаго числа «желающихъ» по самымъ вѣрнымъ, безукоризненнымъ рекомендаціямъ. Они приняли строжайшую присягу, и отданы на попеченіе профессора Н. И. *Пирогова* и въ непосредственное управленіе начальницы ихъ, полковницы Александры Петровны *Стаховичъ*, которая обязана была доносить «обо всемъ», касающемся до общества сестеръ, лично Ея Высочеству. Это общество извѣстно подъ именемъ: «Крестовоздвиженской общины попеченія о раненыхъ и больныхъ». При немъ находится іеромонахъ съ Аѳонской горы, *Веніаминъ*, и секретарь, чиновникъ изъ канцеляріи Ея Высочества, г. *Филиповъ*.

Къ декабрю мѣсяцу эти 30 сестеръ, пробравшись по страшной грязи, на разстояніи 2,000 верстъ на почтовыхъ лошадяхъ, а за неимѣніемъ ихъ, на волахъ и верблюдахъ, прибыли, наконецъ, въ Симферополь, гдѣ ожидалъ ихъ профессоръ Н. И. *Пироговъ*. Найдя кое-какой пріютъ въ этомъ городѣ, гдѣ всѣ хорошія зданія, казенныя и частныя, наполнены были больными солдатами,—наши героини на другой день были уже на службѣ раненымъ, и работали, какъ только можетъ работать человѣкъ, искренно посвятившій себя великому дѣлу. Не даромъ онѣ приняли тяжелый крестъ! Въ тотъ же день, я видѣлъ сестеръ при операціяхъ профессора Н. П. *Пирогова*. Вотъ здѣсь-то именно, онѣ и были героинями.

Въ комнатѣ, гдѣ производилась операція, я увидѣлъ сначала 4 или 5 сестеръ, которыя издали смотрѣли, какъ отнимается нога. Какъ теперь вижу ихъ, будто прикованныхъ глазами къ страдальцу—раненому: на лицѣ ихъ попеременно выражались то сильный страхъ, то сострадание, то ужасъ, то наконецъ совершенное спокойствіе; одна изъ нихъ плакала. Потомъ, прибыли въ комнату еще двѣ сестры. Одна изъ нихъ высокая, худощавая, среднихъ лѣтъ женщина, въ очкахъ, была ихъ начальница; на лицѣ ея я прочиталъ неисчерпаемую добродѣтель, а не ме-

нѣе того свѣтлый, обширный умъ; она, какъ будто, говорила съ собою: «я хочу умереть, спасая ближняго».—Эта-то начальница вдвоемъ съ сестрою привели раненаго на операцію и, то поглаживая его по головѣ, то обнимая его, уговорили быть покойнымъ, не бояться операціи. Далѣе, во время операціи, одна сестра держала страдальца за ту руку, которую отнимали; наконецъ, сама начальница, взобравшись на столъ, гдѣ послѣ операціи сидѣлъ больной, обняла его и утѣшала, пока не перевязали и не уложили его въ постель.

Это было слишкомъ много для женщины, даже и не на первый разъ. По такому началу, я уже тогда предвидѣлъ, что эти женщины сдѣлаютъ много въ пользу раненыхъ. Слава Богу! ожиданія оправдались, какъ нельзя болѣе.

Къ тѣмъ 30-ти сестрамъ пріѣхало еще до 40; всего четыре поѣзда. Почти всѣ онѣ были въ Симферопольскомъ госпиталѣ; не многія только въ Николаевскомъ, Херсонсомъ и Бакчисарайскомъ госпиталяхъ.

Лучшимъ доказательствомъ неусыпныхъ попеченій сестеръ Крестовоздвиженской общины и неимовѣрныхъ трудовъ ихъ будетъ то, что онѣ почти всѣ перенесли нервную горячку, а 4 или 5 изъ нихъ были даже жертвою смерти.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, сестры переѣхали въ Севастополь: это вѣнецъ ихъ доблестнаго самоотверженія, это безпримѣрный подвигъ, который разнесся по всѣмъ концамъ славнаго нашего отечества; этотъ подвигъ будетъ передаваться отъ отца къ дѣтямъ, перейдетъ въ потомство и будетъ жить въ народной памяти во вѣки вѣковъ, вмѣстѣ съ доблестною, безпримѣрною въ исторіи защитою Севастополя.

Чтобы разсказать обо всѣхъ ихъ подвигахъ въ Севастополѣ, недостаточно цѣлаго тома. А разсказать вкратцѣ—страшно: боюсь, чтобы этимъ не представить подвиги ихъ въ меньшемъ видѣ противъ того, какъ это должно быть представлено. Укажу общія черты.

Сестры пользуются всеобщимъ уваженіемъ раненыхъ и

вообще больныхъ, а это одно уже очень, очень рекомендуетъ ихъ: усердіе пособить раненому невольно заставляетъ почитать ихъ; одно усердіе уже можетъ назваться «цѣлительнымъ бальзамомъ» для раненыхъ.—Чтобы вы ни приказали сдѣлать для раненыхъ, — вы ужъ не сомнѣваетесь, что все будетъ исполнено и исполнено—не кое-какъ, но самымъ наилучшимъ образомъ. Онѣ смотрятъ за чистотою комнаты, за перемѣною бѣлья у больныхъ; сами разносятъ больнымъ вино, водку, кофе, саго, бульонъ, табакъ; хранятъ деньги больныхъ; въ случаѣ смерти больныхъ, сами заботятся похоронить его и распорядиться по завѣщанію; всякая, даже ничтожная претензія больнаго, разслѣдывается ими съ особеннымъ раченіемъ и удовлетворяется. Съ другой стороны, какъ бы ни умолялъ ихъ больной позволить ему что-нибудь, противъ распоряженія медиковъ, онѣ никогда не позволятъ. Онѣ и перевязываютъ сами всякія раны. — Удивительна безусловная, неограниченная довѣренность къ сестрамъ раненыхъ солдатъ! Напримѣръ, необходимо сдѣлать разрѣзъ—раненый не дается и умоляетъ, чтобы не дѣлали разрѣзовъ; но если сестра скажетъ, чтобы онъ потерпѣлъ, особенно если сама поддержитъ его, то солдатъ вдругъ затихаетъ и терпитъ съ удивительнымъ мужествомъ.

Во время второй бомбардировки, на Святой недѣлѣ, въ Севастополѣ не было мѣста, куда бы не падали бомбы, ракеты, ядра: опасность была очевидная; но сестры какъ будто не знали этого. Или, по крайней мѣрѣ, онѣ такъ увлечены были своими занятіями, что имъ некогда было и подумать о своей опасности.

А сама начальница, изъ опасенія за сестеръ, находившихся въ самомъ опаснѣйшемъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ докторъ, отправилась туда и всѣхъ утѣшала.

Я не говорю ужъ о томъ, что сестры присутствуютъ при каждой операціи, помогаютъ намъ держать руку или ногу, которую нужно отнять, даютъ хлороформъ и проч.

Движимый чувствомъ глубочайшаго уваженія къ сестрамъ Крестовоздвиженской общины, подношу имъ эту статью, какъ наилучшимъ представительницамъ всего пре-

краснаго пола. Пусть онѣ примутъ это, какъ посильную мою дань отъ чистаго сердца.

«Чѣмъ богаты,—тѣмъ и рады!»

Долгъ справедливости требуетъ сказать много прекраснаго и о другихъ нашихъ сотрудницахъ, именно о Севастопольскихъ дамахъ, которыя также служили раненымъ, притомъ въ самое тяжелое время, когда былъ величайшій недостатокъ въ медикахъ и фельдшерахъ, когда сестры еще не пріѣзжали; но я этого, къ сожалѣнію, не засталъ, слѣдовательно, не видалъ: а писать по слухамъ не смѣю ([1]).

Военный медикъ **П. Дьяконовъ.**

Севастополь, 13-го мая 1855 г.

Донесенія о ходѣ осады и обороны.

Въ дополненіе къ сообщенному 8-го апрѣля телеграфическому извѣстію о дѣйствіяхъ, происходившихъ подъ Севастополемъ съ 30-го марта по 3-е апрѣля, генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ*, отъ 3-го числа, доноситъ, что непріятель продолжаетъ производить по крѣпости: днемъ — самую усиленную канонаду, а ночью — безпрерывное бомбардированіе. Не смотря однако на учащенный огонь его батарей, вооруженныхъ приблизительно 350 орудіями (въ томъ числѣ 80 мортиръ) и сосредоточенное ихъ дѣйствіе, уронъ гарнизона нашего сравнительно не можетъ почитаться слишкомъ значительнымъ; число же подбитыхъ у насъ орудій умѣренно потому, что всѣ верки перерѣзаны достаточнымъ числомъ траверсовъ, а прикрытіе батарей защищено блиндажами.

Артиллерія наша днемъ также не умолкаетъ; ея искуснымъ и хладнокровнымъ дѣйствіемъ подбито много непріятельскихъ орудій и засыпаны амбразуры нѣкоторыхъ батарей. Всѣ дѣлаемыя у насъ поврежденія исправляются по ночамъ съ величайшею дѣятельностію. Подбитыя орудія замѣнены новыми, а убыль гарнизона пополнена, вновь

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 133.

прибывающими подкрѣпленіями, такъ, что 3-го апрѣля Севастополь былъ столь же силенъ, какъ и предъ открытіемъ бомбардированія.

Къ этому общему обзору безпримѣрныхъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* присоединяетъ подробности объ осадныхъ работахъ и дѣйствіяхъ, происходившихъ во время бомбардированія.

31-го марта, непріятель произвелъ въ превосходныхъ силахъ нападеніе на ложементъ, устроенный впереди 5-го бастіона; но первая его атака была отбита 2-мъ баталіономъ Колыванскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ командира полка, подполковника *Темирязева*. Необходимо, для поясненія послѣдующихъ дѣйствій, сказать, что по всему протяженію нашей оборонительной линіи устроены для стрѣлковъ небольшіе ложементы, которые расположены ближе къ параллелямъ осаждающаго, чѣмъ къ нашимъ укрѣпленіямъ. Непріятель, видя всю степень вреда, наносимаго ему изъ этихъ, на скоро сдѣланныхъ закрытій, употребляетъ нынѣ необыкновенныя усилія, дабы принудить насъ ихъ оставить; но подобныя попытки обходятся ему вѣроятно дорого, ибо нѣсколько разъ передовая цѣпь наша опрокидывала штыками наступающихъ или подводила ихъ подъ сильный картечный огонь ближайшихъ верковъ.

Въ 4 часа по-полуночи того же дня произведенъ былъ нами весьма удачный взрывъ усиленнаго горна, противъ непріятельскихъ галерей, направляемыхъ къ 4-му бастіону.

Съ 31-го марта на 1-е апрѣля, осаждающій вознамѣрился овладѣть ложементами, находящимися въ лощинѣ, между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Занимавшіе ихъ колыванцы и екатеринбургцы ударили въ штыки и опрокинули его.

1-го апрѣля, артиллерія наша принудила нѣсколько непріятельскихъ батарей замолчать, а на большой англійской батареѣ взорванъ ея дѣйствіемъ пороховой погребъ и разрушено 4 амбразуры.

Во все это время союзный флотъ, состоящій изъ 20

кораблей, 9 фрегатовъ, 4 корветовъ, 22 пароходовъ и 4 канонерскихъ лодокъ, стоялъ въ бездѣйствіи на якорѣ, противу Камышевой и Стрѣлецкой бухтъ; но 1-го апрѣля отъ него по очередно отдѣлялись три парохода, которые, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ нашихъ укрѣпленій, снова отошли къ своему флоту.

Съ 1-го на 2-е апрѣля, гарнизонъ предпринялъ работы по соединенію отдѣльныхъ ложементовъ предъ 5-мъ и 6-мъ бастіонами, дабы дѣйствовать продольно и въ тылъ траншеѣ осаждающаго, выведенной въ ночь съ 30-го на 31-е марта. Непріятель, замѣтивъ эти работы, два раза атаковалъ ихъ, имѣя при себѣ во второй разъ даже полевую артиллерію; но, послѣ рукопашнаго боя и картечнаго огня, принужденъ былъ отступить.

По удостовѣренію князя *Горчакова*, всѣ описанныя стычки въ особенности нравятся нашимъ охотникамъ, доставляя имъ случай выказать свое молодечество.

Въ ту же ночь, осаждающій началъ вести тихіе подступы къ исходящему углу бастіона № 4-го; но огнемъ нашимъ работа эта была остановлена.

2-го апрѣля, съ разсвѣтомъ, непріятель открылъ огонь съ двухъ вновь устроенныхъ имъ батарей; но послѣ двухъ-часоваго съ нашей стороны дѣйствія одна изъ этихъ батарей принуждена была замолчать.

Въ ночь со 2-го на 3-е апрѣля, секретъ нашъ, находившійся въ лощинѣ между 5-мъ и 6-мъ бастіонами, замѣтивъ, что непріятель приступилъ къ работамъ около кладбища, далъ о томъ знать на бастіонъ № 5.

Тогда пять нашихъ выстрѣловъ картечью временно прекратили эти работы, и хотя часъ спустя онѣ были возобновлены, но вновь открытый нами картечный огонь принудилъ непріятеля отступить, оставивъ на мѣстѣ около 30 тѣлъ; въ эту же ночь бомбардированіе крѣпости было нѣсколько слабѣе.

3-го апрѣля всѣ попытки осаждающаго продолжать работу тихихъ подступовъ, или обратить въ траншею ложементы передъ бастіономъ № 5, были остановлены мѣткими выстрѣлами артиллеріи.

Уронъ, понесенный гарнизономъ съ 30-го марта по 3-е апрѣля, состоитъ: убитыми: изъ 7-ми оберъ офицеровъ и 446 нижнихъ чиновъ; ранеными: изъ 6-ти штабъ-офицеровъ, 34-хъ оберъ-офицеровъ и 1,889-ти рядовыхъ.—Къ общему сожалѣнію убиты отличнѣйшіе офицеры: лейтенантъ *Титовъ*, Тобольскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ *Щегловъ*, Колыванскаго егерскаго полка: капитанъ *Придатчевъ* и поручикъ *Пухановъ*. Тяжело ранены: извѣстные своимъ мужествомъ и распорядительностію, вполнѣ достойнѣйшіе: командиръ 10-й артиллерійской бригады и начальствовавшій сухопутными войсками на 2-мъ отдѣленіи, полковникъ *Загоскинъ* и командиры полковъ: Колыванскаго егерскаго — подполковникъ *Темирязевъ* (уже умершій) и Волынскаго пѣхотнаго—полковникъ *Лушковъ*; отличнѣйшіе морскіе офицеры; лейтенанты: *де-Фабри*, *Бурцовъ*, *Палеологъ*, *Прибытковъ*, *Галенко*, *Десятовъ* и *Сильберстановъ*; мичманы: *Дурново* и *Алтуфьевъ*; также маіоры: Минскаго пѣхотнаго полка — *Борисовъ*, Колыванскаго — *Есиповъ* и Бѣлостокскаго—*Еропкинъ*.

Донесеніе свое генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* оканчиваетъ слѣдующими словами: «Видя бодрость и, можно даже сказать, веселость Севастопольскаго гарнизона при самыхъ утомительныхъ работахъ, производимыхъ почти безъ отдыха, подъ адскимъ огнемъ, продолжающимся безпрерывно уже болѣе 6-ти сутокъ, нельзя не гордиться именемъ русскаго» (1).

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* сообщаетъ изъ Севастополя, отъ 7-го апрѣля, телеграфическою депешею чрезъ Кіевъ, что въ продолженіе 4-го, 5-го и 6-го чиселъ огонь непріятельской артиллеріи былъ нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе дни. Наши батареи отвѣчали ему съ успѣхомъ, въ особенности же самымъ частымъ огнемъ на пространствѣ предъ 4-мъ бастіономъ, для препятствованія направленнымъ противъ онаго усиленнымъ работамъ осаждающихъ.

---

(1) Русскій Инвал. 1855 г., № 79.

Поврежденія у насъ исправляются по ночамъ.

Съ 6-го на 7-е число была сдѣлана однимъ баталіономъ вылазка, для разоренія ближайшихъ апрошей. Она увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ и съ малою потерею.

Вообще уронъ Севастопольскаго гарнизона въ теченіи послѣднихъ дней былъ не такъ великъ, какъ прежде ([1]).

Въ полученномъ донесеніи генералъ адъютанта князя *Горчакова* заключаются дополнительныя свѣдѣнія къ телеграфической депешѣ, о дѣйствіяхъ подъ Севастополемъ съ 3-го по 7-е число апрѣля:

3-го апрѣля, въ 7-мъ часовъ вечера, непріятель взорвалъ три усиленные горна, въ 30—40 саженяхъ отъ шпица бастіона № 4-го, и ночью довелъ сообщенія свои къ нашимъ подступамъ, на 15-ть саженъ отъ ближайшей, изъ образовавшихся отъ взрыва сихъ горновъ, воронокъ.

Въ теченіе 4-го, 5-го и 6-го чиселъ осаждающій продолжалъ производить канонаду и бомбардированіе, но не столь сильно, какъ въ предшествовавшіе дни. Съ нашей стороны огонь былъ также нѣсколько ослабленъ, кромѣ пространства передъ бастіономъ № 4-го, гдѣ днемъ и ночью производилась самая частая пальба, дабы не позволить непріятелю утвердиться въ упомянутыхъ выше воронкахъ.

Поврежденія на нашихъ батареяхъ исправлялись съ величайшею дѣятельностію по ночамъ; подбитыя орудія замѣнялись новыми.

Искусное дѣйствіе крѣпостной артиллеріи препятствовало непріятелю усиленно работать противъ бастіона № 4-го и дало нашимъ охотникамъ случай показать свое удальство: они высматривали изъ ближайшихъ бойницъ за разрывомъ нашихъ бомбъ и гранатъ, часто принуждавшихъ Французовъ удаляться изъ углубленія воронки и тотчасъ затѣмъ открывали по бѣгущимъ мѣткій огонь.

Въ ночь съ 6-го на 7-е апрѣля, 100 человѣкъ охотниковъ и три роты Тобольскаго пѣхотнаго полка, подъ на-

([1]) Тамъ же.

чальствомъ храбраго и распорядительнаго маіора *Прикота*, сдѣлали вылазку, увѣнчавшуюся совершеннымъ успѣхомъ: одинъ отдѣлъ отряда бросился на ближайшую воронку, другой на выводимое къ ней сообщеніе; два остальные составили резервы. — Передніе отдѣлы перекололи и перестрѣляли непріятеля, занимавшаго въ числѣ трехъ ротъ ближайшую воронку съ ведущимъ къ ней сообщеніемъ, и разорили возведенныя работы; когда же подоспѣлъ непріятельскій резервъ, они вышли изъ воронки и подступа, присоединились къ своимъ резервнымъ отдѣламъ и подвели преслѣдовавшихъ ихъ французовъ подъ сильнѣйшій картечный огонь бастіона № 4-го.

Потеря, понесенная при этомъ непріятелемъ была весьма значительна; съ нашей же стороны уронъ сравнительно очень малъ.

Въ означенной вылазкѣ всѣ, какъ солдаты, такъ и офицеры дрались геройски; храбрѣйшіе—капитанъ *Столбинъ*, штабсъ-капитанъ *Загреба* и поручикъ *Писаревъ*—ранены. Особеннаго вниманія заслуживаетъ маіоръ *Прикота*, къ распорядительности и неустрашимости котораго должно по всей справедливости отнести успѣхъ этого дѣла.

Вообще, съ 3-го числа, ежедневная потеря въ Севастопольскомъ гарнизонѣ умѣреннѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе дни. — Духъ гарнизона и его неутомимость выше всякой похвалы.

На прочихъ пунктахъ полуострова ничего замѣчательнаго не произошло (1).

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* сообщаетъ изъ Севастополя, отъ 10-го апрѣля, телеграфическою депешею чрезъ Кіевъ, что послѣ осьми-дневной самой усиленной канонады и бомбардированія, непріятель, видя безуспѣшность оныхъ, началъ постепенно уменьшать огонь, который 10-го числа былъ довольно слабъ.—Ночью съ 9-го на 10-е, онъ соединилъ первую и вторую воронки свои, предъ бастіономъ № 4-го, новымъ взрывомъ. — Въ продолженіе

(1) Русскій Инвал. 1855 г., № 81.

послѣднихъ двухъ дней уронъ нашъ былъ почти втрое менѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе дни.

Въ прочихъ частяхъ Крымскаго полуострова ничего важнаго не послѣдовало ([1]).

Отъ генералъ-адъютанта князя *Горчакова* получена изъ Севастополя телеграфическая депеша, чрезъ Кіевъ, отъ 12-го апрѣля, слѣдующаго содержанія:

Непріятель продолжаетъ дѣйствовать умѣреннымъ огнемъ; поврежденія въ нашихъ веркахъ и уронъ гарнизона соотвѣтственно уменьшаются.

Противъ лѣваго фаса 4-го бастіона, непріятель сдѣлалъ вчера два ночные взрыва, — воронки не ближе, какъ 30 саж. отъ сего фаса. Цѣль его, кажется, изъ всѣхъ сихъ воронокъ образовать общій большой плацдармъ, около бастіона.

Коронованіе его двухъ центральныхъ воронокъ испорчено сегодня утромъ, двумя взрывами отъ насъ.

На прочихъ пунктахъ Крымскаго полуострова ничего важнаго не послѣдовало ([2]).

Послѣднее донесеніе генералъ-адъютанта князя *Горчакова*, отъ 12-го апрѣля, содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, уже извѣстныя изъ послѣдней телеграфической депеши, именно: что непріятельскій огонь противъ Севастополя замѣтно слабѣетъ, соотвѣтственно чему поврежденія въ нашихъ веркахъ и уронъ гарнизона значительно уменьшаются.

Подступы, выводимые въ различныхъ направленіяхъ осаждающимъ, подаются весьма тихо, замедляемые мѣткимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи.—Непріятель, изъ опасенія контръ-минъ, производитъ взрывы свои не ближе 30-ти саженъ отъ бастіона № 4-го, но и здѣсь цѣль осаждающаго—образовать изъ 5-ти воронокъ общій плацдармъ, еще не достигнута; ибо коронованіе двухъ центральныхъ воронокъ повреждено взрывами съ нашей стороны.

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 82.
([2]) Русскій Инвал. 1855 г., № 85.

Въ представленномъ, при семъ донесеніи, журналѣ содержатся слѣдующія подробности о нѣкоторыхъ изъ дѣйствій, происходившихъ подъ Севастополемъ съ 7-го по 12-е апрѣля.

7-го апрѣля, одна изъ батарей нашихъ заставила замолчать двѣ французскія батареи, подбивъ ихъ орудія и разрушивъ амбразуры.

Въ тотъ же день, передъ аванпостами Чоргунскаго отряда, близъ деревни Комары, показались 12 эскадроновъ непріятельской кавалеріи (африканскіе егеря и англійскіе драгуны), съ 6-ю орудіями и до 10-ти тысячъ турецкой пѣхоты, которые, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ нашими казаками и греческими волонтерами, возвратились въ свой лагерь.

Въ ночь съ 7-го на 8-е апрѣля, осаждающій произвелъ два нападенія на ложементы, впереди бастіоновъ № 3-го, 5-го и 6-го, но, встрѣченный штыками и картечью, долженъ былъ поспѣшно уйти.

Ночью съ 8-го на 9-е, англичане, выйдя изъ своихъ траншей тремя колоннами, снова атаковали ложементъ впереди 3-го бастіона; 2-я карабинерная рота Охотскаго егерскаго полка дружно ударила въ штыки и, отбросивъ непріятеля, опять принудила его къ быстрому отступленію.

Въ ту же ночь, одинъ непріятельскій пароходъ-фрегатъ отдѣлился отъ флота (который по прежнему стоитъ на якорѣ въ Камышевой и Стрѣлецкой бухтахъ) и, держась отъ береговыхъ батарей и фортовъ болѣе чѣмъ на 1,000 саженъ, нѣсколько разъ открывалъ огонь; попытка эта была имъ повторена столь же безуспѣшно съ 9-го на 10-е апрѣля.

Затѣмъ по 12-е апрѣля, осаждающій ничего важнаго не предпринималъ. — Съ нашей стороны всѣ сдѣланныя въ веркахъ поврежденія исправлены нами совершенно и устроены: новая батарея на правомъ флангѣ Селенгинскаго редута и 4 большіе ложемента, которые тотчасъ же и заняты стрѣлками.

Изъ Евпаторійскаго отряда получено донесеніе, что 11-го апрѣля въ часъ по полудни, отъ 10-ти до 12-ти

эскадроновъ непріятельской кавалеріи и отъ 8-ми до 10-ти баталіоновъ пѣхоты съ полевою артиллеріею, двинулись по косѣ къ с. Сакамъ; но, замѣтивъ наши эскадроны, направлявшіеся изъ Тузловъ, турки, не дойдя 4-хъ верстъ до Сакъ, немедленно отступили ([1]).

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* сообщаетъ чрезъ Кіевъ, отъ 15-го апрѣля, слѣдующую телеграфическую депешу:

Съ 12-го по 15-е вечера, подъ Севастополемъ ничего важнаго не послѣдовало; огонь со стороны непріятеля умѣренный. Мы устроили съ боя на возвышеніи, въ ста саженяхъ предъ бастіономъ № 5-го рядъ ложементовъ, изъ коихъ сдѣлана сплошная траншея. Уронъ нашъ въ эти дни незначителенъ. Непріятель подступа́ми не подался впередъ; противъ лѣваго фаса бастіона № 4-го слышны минныя его работы, но еще въ довольно далекомъ разстояніи ([2]).

Нѣсколько случаевъ изъ жизни защитниковъ Севастополя.

I.

Въ исторіи войнъ нѣтъ примѣра столь упорной и продолжительной обороны крѣпости—какова знаменитая оборона Севастополя. 8 мѣсяцевъ, громадныя силы трехъ державъ, съ огромными средствами Франціи и Англіи обложили городъ—съ юга и моря. Въ глазахъ могучаго врага, г. Севастополь, съ тою мощною волею, двигатели которой—заповѣдныя: Любовь къ Вѣрѣ, Царю и Отчизнѣ — преобразился въ сильную крѣпость.

Южныя предмѣстья города, обращенныя въ укрѣпленія,—росли не по днямъ, а по часамъ,—создались: бастіоны, редуты и батареи и соединились между собою лабиринтомъ ходовъ и сообщеній.

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 86.
([2]) Русскій Инвал. 1855 г., № 86.

Вновь возведенныя укрѣпленія страшны были, сколько своею силою, столько могучею стойкостью моряковъ и гарнизона,—Севастополь сдѣлался неодолимою твердынею.

Жители города, жены и дѣти моряковъ, не смотря на ядра и бомбы бросаемыя въ городъ, покойно оставались въ своихъ домахъ, никто не покидалъ осажденной крѣпости и только настоятельныя требованія начальства, передъ вторымъ бомбардированіемъ, заставили нѣкоторыхъ оставить родное жилище.

Дѣти, начавшія говорить въ эпоху знаменитой осады Севастополя, вопреки вѣками освященныхъ родныхъ словъ: папа, мама или няня,—явственно выговариваютъ: бомба!

Дѣти матросовъ играютъ въ бомбы. Въ такихъ играхъ составляются двѣ партіи, — изъ которыхъ одна представляетъ русскихъ, другая осаждающихъ враговъ.

Болѣе взрослыя дѣти, играютъ въ игру болѣе опасную. Мальчики отъ 10-ти-лѣтняго возраста являются на бастіоны; гдѣ съ необыковеннымъ самоотверженіемъ, подъ самымъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ остаются на батареяхъ,—помогая артиллерійской прислугѣ, поднося заряды и снаряды; такъ сынъ матроса 37-го Флотскаго экипажа Максимъ *Рыбалченко*, мальчикъ 12-ти лѣтъ, во время самаго сильнаго бомбардированія города, въ продолженіе 5-го, 6-го и 7-го чиселъ октября собиралъ, ложившіеся въ Апполонову балку ядра, и носилъ ихъ на бастіонъ Корнилова. Когда стихла канонада, Максимъ *Рыбалченко* не покидалъ бастіоны и съ 22-го марта, за 6 дней до послѣдняго бомбардированія, явился на Камчатскій люнетъ, прося о принятіи его въ артиллерійскую прислугу къ орудіямъ. Въ настоящее время, Максимъ Рыбалченко находится на батареѣ Камчатскаго люнета и исполняетъ обязанности нумера подающаго снаряды къ орудію. Товарищъ Рыбалченки, сынъ матроса 30-го Флотскаго экипажа, Кузьма *Горбаньевъ*, съ первыхъ дней осады Севастополя, явился на бастіонъ № 4-го и просилъ командовавшаго тамъ опредѣлить его въ число артиллерійской прислуги. 2-го апрѣля, Кузьма Горбаньевъ раненъ и, послѣ перевязки возвратился къ своему мѣсту.

Максимъ *Рыбалченко* и Кузьма *Горбаньевъ*, за храбрость награждены медалями на Георгіевской лентѣ.

II.

Примѣры геройской стойкости, необыкновеннаго самоотверженія и той великодушной доброты, которыя отличаютъ русскаго солдата, встрѣчаются здѣсь ежедневно.

Не смотря на градъ бомбъ, гранатъ, ядеръ и пуль, которыми осаждающій осыпаетъ траншеи, солдатъ нашъ шутитъ надъ смертію, беззаботно напѣваетъ во время канонады веселую пѣсенку, а подъ часъ изъ-подъ полы шинели вынимаетъ свою трехъ-струнную балалайку.... Закипѣлъ рукопашный бой, и звѣремъ бросается онъ въ штыки на смѣлаго врага, безщадно колетъ его въ подступахъ къ нашимъ ложементамъ—и щадитъ непріятеля безоружнаго.

Разъ случилось мнѣ видѣть, что вели двухъ плѣнныхъ, раненыхъ французовъ, съ которыми повстрѣчались два усатые гренадера Волынскаго пѣхотнаго полка. Поровнявшись съ плѣнными, одинъ изъ волынцевъ сунулъ въ руку француза пятакъ; а другой далъ его товарищу двугривенный.

Пятакъ и двугривенный, какъ узналъ я тутъ же, были послѣдніе у волынцевъ.

III.

Для ближайшаго наблюденія за непріятелемъ, высылаются на ночь съ бастіоновъ и редутовъ оборонительной линіи г. Севастополя «секреты».

Въ ночь съ 8-го на 9-е апрѣля, изъ бастіона № 6-го, былъ высланъ въ подобный секретъ 4-го Сапернаго баталіона унтеръ-офицеръ *Жуковъ* съ тремя охотниками.

Ночь была темная, секретъ выйдя изъ своихъ окоповъ, ползкомъ пробирался къ кладбищу, занимаемому непріятельскимъ карауломъ,—и вдругъ наткнулся на французскій пикетъ. Отважный *Жуковъ* не потерялъ присутствія духа, громкимъ и твердымъ голосомъ онъ скомандовалъ: колонна вставай, — колонна пли, — колонна въ штыки, маршъ!

Колонна, состоящая изъ трехъ человѣкъ, послушная голосу своего командира, послѣ залпа, дружно ударила въ штыки на непріятельскій пикетъ, захваченный въ расплохъ. Непріятель бѣжалъ къ кладбищу; храбрый *Жуковъ*, съ своею сильною колонною, преслѣдовалъ бѣгущихъ; а для обезпеченія отступленія оставилъ въ резервѣ, какъ разсказывалъ послѣ, Суздальскій пѣхотный полкъ, т. е. охотника—рядоваго Суздальскаго полка Якова *Махова*, съ остальными же молодцами бѣжалъ къ стѣнкѣ самаго кладбища.

Натѣшившись надъ врагомъ, *Жуковъ* и его колонна отошли на резервъ свой—Якова *Махова*, и заняли обычное мѣсто, назначенное для секрета, гдѣ *Жуковъ*, не смотря на проколотую штыкомъ руку, оставался до разсвѣта.

Охотники были рядовые: Суздальскаго пѣхотнаго полка Яковъ *Маховъ*, 4-го Сапернаго баталіона Макаръ *Попеловъ* и 17-го рабочаго экипажа матросъ *Бѣлогривовъ*.

IV.

7-го апрѣля 1855 года, Одесскаго егерскаго полка 4-й Карабинерной роты, стрѣлку Арефію *Алексѣеву* ядромъ оторвало ногу. Раненаго принесли на перевязочный пунктъ.

Знаменитый хирургъ нашъ *Пироговъ*, осмотрѣвъ размозженную ногу раненаго, приступилъ къ операціи, во все время продолженія которой раненый лежалъ покойно.

-- «Достань-ка, братъ, сказалъ по окончаніи *Алексѣевъ*, обращаясь къ одному изъ принесшихъ его товарищей «въ карманѣ у меня подъ сборками шинели платокъ есть?»

Егерь исполнилъ приказаніе раненаго и подалъ ему тряпицу съ узломъ.

Арефій *Алексѣевъ* рукою и зубами развязалъ крѣпко затянутый узелъ тряпицы, вынулъ оттуда два рубля и, подавая одинъ изъ нихъ *Пирогову*, сказалъ:

— «Хорошо вы, ваше благородіе, отрѣзали мнѣ ногу,—возьмите себѣ половину добра моего—дай вамъ Богъ здоровья!»

Присутствовавшіе при этомъ медики засмѣялись. Г. *Пи-*

роговъ, возвращая раненому рубль, сказалъ, чтобы онъ сохранилъ его на покупку костыля и спросилъ не хочетъ ли онъ чаю.

«Благодаримъ-съ покорно-съ, ваше превосходительство»—отвѣчалъ *Алексѣевъ*, замѣтившій свою неловкость. — Если бы изволили приказать пожаловать чарку водки-съ, оно бы способнѣе было!»

Выпилъ *Алексѣевъ* чарку водки, снова поблагодарилъ знаменитаго хирурга и прибавилъ:

— Ваше превосходительство, велите ужъ дать по чаркѣ и товарищамъ моимъ: хорошо подобрали и славно несли до самаго перевязочнаго пункта ([1])

Приказъ адмирала Нахимова по севастопольскому порту, отъ 12-го апрѣля 1855 года.

Геройская защита Севастополя, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней. Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го числа минувшаго марта, я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, — выпала на меня.

Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную.

Матросы! мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго вамъ Севастополя и флота; я, съ юныхъ лѣтъ, былъ постояннымъ свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію; мы сдружились давно;—я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и Императору будетъ угодно, вы до-

---

([1]) Русскій Инвал. 1855 г., № 115.

ставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками;—вы оправдаете довѣріе и заботы о васъ Государя и генералъ-адмирала и убѣдите враговъ православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ моряковъ.

Прошу всѣхъ частныхъ начальниковъ, приказъ сей прочесть при собраніи своихъ командъ (¹).

Исправляющій должность командира Севастопольскаго порта,
Адмиралъ **Нахимовъ.**

Донесенія о ходѣ осады и обороны.

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* сообщаетъ изъ Савастополя, отъ 18-го апрѣля, слѣдующую телеграфическую депешу, чрезъ Кіевъ:

Съ 15-го по 18-е число вечера ничего важнаго не послѣдовало. Огонь непріятеля вообще не силенъ. Уронъ нашъ, какъ въ предъидущіе дни, весьма умѣренный въ сравненіи съ прежнимъ; наибольшая потеря въ новыхъ траншеяхъ предъ 5-мъ бастіономъ; противъ нихъ непріятель сосредоточиваетъ сильнѣйшій огонь по ночамъ: сегодня даны непріятелю два успѣшные камуфлета.

На прочихъ частяхъ Крымскаго полуострова ничего особаго не произошло (²).

Получено донесеніе генералъ-адъютанта князя *Горчакова*, отъ 18-го апрѣля, заключающее въ себѣ дополнительныя свѣдѣнія къ двумъ послѣднимъ телеграфическимъ извѣстіямъ о дѣйствіяхъ подъ Севастополемъ.

12-го апрѣля, непріятель стрѣлялъ преимущественно по бастіонамъ № 5-го и 6-го, редутамъ и ложементамъ, впе-

(¹) Морск. Сборн. 1855 г., № 6.
(²) Русскій Инвал. 1855 г., № 90.

реди ихъ устроеннымъ; съ 13-го же апрѣля до вечера 18-го—огонь осаждающаго былъ вообще умѣренный; число чиновъ, выбывшихъ у насъ изъ строя убитыми, ранеными и контуженными, простиралось ежедневно отъ 100 до 175 человѣкъ.

Непріятельскіе подступы встрѣчаютъ сильное препятствіе отъ огня крѣпостной артиллеріи и ружейной пальбы изъ нашихъ ложементовъ, а потому впередъ не подвигаются; дѣйствія же подземной войны со стороны осаждающаго, противъ бастіона № 4-го, ограничились взрывомъ, произведеннымъ изъ окраины средней его воронки, для прорванія одной изъ нашихъ слуховыхъ галлерей; но взрывъ этотъ былъ болѣе вреденъ непріятелю, нежели намъ: у насъ испорчено только на 5-ть футъ галлерея, которая тотчасъ же исправлена, а у непріятеля, отъ того же взрыва, засыпалась часть воронки.

Дабы воспрепятствовать французамъ занять возвышеніе въ 40—50-ти саженяхъ впереди бастіона № 5-го, гдѣ они удобно могли заложить батарею и дѣйствовать наискось, на близкомъ разстояніи, противъ правой половины бастіона № 4-го — мы устроили съ боя, въ продолженіи 5-ти дней, двѣ сильныя траншеи, съ особымъ сообщеніемъ.

Къ возведенію этихъ работъ приступлено въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля; для сей цѣли назначены особыя команды, а въ прикрытіе къ нимъ три баталіона Екатеринбургскаго пѣхотнаго и два баталіона Алексопольскаго егерскаго полковъ, подъ общимъ начальствомъ командира 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, храбраго генералъ-маіора *Хрущова*, уже обратившаго на себя вниманіе мужествомъ своимъ и распорядительностію при отбитіи нападенія непріятельскаго на Селенгинскій и Волынскій редуты (1).

12-го, около 8-ми часовъ вечера, во время разставленія нашей цѣпи и прикрытія, осаждающій открылъ сильный ружейный огонь по возводимымъ работамъ и, послѣ

(1) Въ ночь съ 12-го на 13-е февраля 1855 года.

нѣсколькихъ ружейныхъ залповъ, повелъ на нихъ усиленную атаку. Оттѣснивъ передовыя войска наши, онъ приступилъ къ разрушенію ложементовъ.

Но тогда, по приказанію генералъ-маіора *Хрущова*, командующій Екатеринбургскимъ пѣхотнымъ полкомъ, подполковникъ *Боенскій*, съ двумя баталіонами ввѣреннаго ему полка—съ барабаннымъ боемъ и крикомъ «ура»—стремительно ударилъ въ штыки и выгналъ французовъ.— Въ 9-ть часовъ непріятель повторилъ атаку; однако, снова встрѣченный сильнымъ огнемъ, принужденъ былъ отступить въ свои траншеи и оттуда во всю ночь производилъ ружейный огонь.

Не смотря на то, полуразрушенные ложементы остались въ нашихъ рукахъ; къ утру 13-го—они были исправлены, утолщены и сзади ихъ устроены два ложемента вновь.

Удержаніе за нами этихъ работъ и производство ихъ, подъ самымъ близкимъ огнемъ непріятеля, дѣлаетъ величайшую честь нашему войску и генералъ-маіору *Хрущову*, подъ начальствомъ котораго работы были заложены: [1] неоднократно приходилось нашимъ отбивать непріятеля штыками, и каждую ночь французы направляютъ на этотъ пунктъ сильнѣйшій ружейный и артиллерійскій огонь. При этихъ дѣйствіяхъ, между прочими, къ общему сожалѣнію, убитъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ *Лавровъ*—молодой человѣкъ блистательныхъ способностей, и подававшій большія надежды.

Въ продолженіе всего времени съ 12-го по 18-е апрѣля, непріятельскій флотъ оставался по-прежнему на якорѣ и никакихъ дѣйствій, противъ Севастополя не предпринималъ.

---

(1) Генералъ-маіоръ *Хрущовъ*, отдавая должную справедливость храбрости всѣхъ чиновъ Екатеринбургскаго пѣхотнаго и Алексопольскаго егерскаго полковъ и участвовавшихъ въ этомъ же дѣлѣ чиновъ Суздальскаго пѣхотнаго полка, съ особенною похвалою отзывается о генеральнаго штаба: подполковникѣ *Циммерманѣ*, штабсъ-капитанѣ *Лавровѣ* и Сапернаго баталіона капитанѣ *Ахбауерѣ*, какъ о самыхъ дѣятельныхъ своихъ помощникахъ.

На прочихъ пунктахъ Крымскаго полуострова все спокойно.

Въ заключеніе своего донесенія, генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* сообщаетъ, что 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя Императора, по окончаніи Божественной литургіи и молебствія, совершенныхъ въ Севастопольскомъ храмѣ, въ присутствіи главнокомандующаго и начальствующихъ лицъ гарнизона, послѣ провозглашенія многолѣтія Его Величеству и всему Царствующему Дому, произведенъ былъ съ праваго фаса бастіона № 4-го и ближайшей батареи—101 боевой салютаціонный выстрѣлъ (1).

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* сообщаетъ изъ Севастополя, чрезъ Кіевъ слѣдующую телеграфическую депешу, отъ 12-го апрѣля.

Съ 18-го по 19-е число сего мѣсяца, огонь непріятеля былъ умѣренный; но вечеромъ, весьма усилился противъ 4-го и 5-го бастіоновъ. Ночью непріятель, стянувъ до 10-ти тыс. чел. противъ новыхъ заваловъ нашихъ, впереди 5-го бастіона, сильною атакою овладѣлъ ими и взялъ находившіяся тамъ 9 малыхъ кугорновыхъ мортиръ; дальнѣйшее наступленіе было остановлено огнемъ нашихъ батарей.

20-го числа непріятель произвелъ самую усиленную канонаду, противъ бастіоновъ № 4-го и № 5-го и прилегающихъ къ нимъ частей, но всѣ поврежденія ночью исправлены, и даны *пять* успѣшныхъ камуфлетовъ въ воронки непріятеля (2).

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* сообщаетъ изъ Севастополя, чрезъ Кіевъ, отъ 24-го апрѣля, слѣдующую телеграфическую депешу.

Съ 21-го по 24-е число вечера, непріятель преимущественно занимался увеличеніемъ своихъ батарей и утолщеніемъ подступовъ противъ 5-го бастіона. — Самый уси-

---

(1) Русскій Инвал. 1855 г., № 90.
(2) Русскій Инвал. 1855 г., № 90.

ленный его огонь былъ направленъ, какъ на этотъ бастіонъ, такъ равно на бастіонъ № 4-го и на редуты: Селенгинскій и Волынскій; но мы отвѣчали ему съ успѣхомъ.

Кромѣ того, въ ночь съ 21-го на 22-е число, непріятель взорвалъ два горна, для соединенія прежнихъ своихъ воронокъ, не причинивъ намъ вреда; съ нашей же стороны ему даны, въ разныхъ мѣстахъ воронокъ, камуфлеты.

Въ ночь съ 23-го на 24-е число, была сдѣлана отъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи малая, весьма удачная вылазка, при чемъ взяты въ плѣнъ: 1 англійскій офицеръ и 3 рядовыхъ, а въ теченіе этихъ же чиселъ нами взорвано на непріятельскихъ батареяхъ три пороховыхъ погреба.

Вечеромъ 21-го числа, большая часть англо-французскаго флота вышла въ море, съ десатнымъ войскомъ, простирающимся, по слухамъ, отъ 10-ти до 15-ти т. челов.; на другой день флотъ этотъ прошелъ мимо г. Ялты, направляясь, какъ полагаютъ, къ Анапѣ [1].

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* сообщаетъ изъ Севастополя чрезъ Кіевъ, отъ 26-го апрѣля, слѣдующую телеграфическую депешу:

Съ 24-го по 26-е вечера ничего важнаго при Севастополѣ не происходило. Огонь съ обѣихъ сторонъ умѣренный; ежедневный уронъ нашъ также. Непріятельскій флотъ, вышедшій отсюда 21-го числа, дойдя на высоту Керчи, возвратился къ Севастополю. — Замѣчено, что часть десантнаго войска, на немъ находившагося, высажена обратно въ Камышевой бухтѣ. На прочихъ пунктахъ Крымскаго полуострова ничего особеннаго не послѣдовало [2].

Отъ генералъ-адъютанта князя *Горчакова* полученъ журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму, съ 18-го по 24-е апрѣля, въ которомъ заключаются дополнительныя свѣдѣ-

---

(1) Русскій Инвал. 1855 г., № 93.

(2) Русскій Инвал. 1855 г., № 95.

нія къ двумъ телеграфическимъ депешамъ изъ Севастополя: отъ 21-го и 24-го того же мѣсяца.

Непріятель, употребляя необыкновенныя усилія и претерпѣвая, по всѣмъ свѣдѣніямъ, значительный уронъ, настойчиво подвигается впередъ. — Послѣ занятія имъ съ боя ложемента, впереди бастіона № 5-го, работы его приблизились къ самымъ веркамъ крѣпости; но вновь возведенныя съ нашей стороны батареи, значительно усилившія оборону атакуемаго пространства, своевременное исправленіе ночью всѣхъ, дѣлаемыхъ непріятелемъ въ теченіе дня, поврежденій, меткій огонь артиллеріи, коимъ въ теченіе 23-го и 24-го апрѣля взорвано три пороховыхъ погреба, и наконецъ, вполнѣ удачное дѣйствіе нашихъ минъ—даютъ надежду замедлить ходъ непріятельскихъ работъ, которыя, будучи производимы подъ сильнѣйшимъ и близкимъ огнемъ укрѣпленій, безъ сомнѣнія обойдутся атакующимъ весьма дорого. — Уже въ настоящее время непріятель, во избѣжаніе потерь, занялъ оставленную нами 19-го апрѣля траншею, только небольшимъ числомъ стрѣлковъ, и никакихъ къ ней работъ вновь не производилъ. — Огонь же его, преимущественно направляемый противу 4-го и 5-го бастіоновъ и находящагося между ними редута *Шварца*, а также Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ—не наноситъ намъ большаго вреда.

Къ этому общему очерку, генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* присоединяетъ слѣдующія подробности о ходѣ военныхъ дѣйствій:

18-го апрѣля, въ 2½ часа по-полудни, были даны нами два камуфлета подъ непріятельскую воронку, находящуюся лѣвѣе капитали 4-го бастіона. — Дѣйствіе взрыва было столь сильно, что изъ крѣпости видны были люди, взлетѣвшіе на воздухъ.

Въ ночь съ 18-го на 19-е, послѣ отбитія непріятельскаго отряда, вышедшаго изъ траншей для производства подступовъ, сдѣлана была нами малая вылазка, въ направленіи къ непріятельскимъ воронкамъ впереди 4-го бастіона, дабы привлечь туда большія силы и потомъ взорвать, заблаговременно приготовленные, пять горновъ.

Предпріятіе это увѣнчалось успѣхомъ: работы, устроенныя здѣсь осаждающимъ, были разрушены, и послѣ взрыва слышны были изъ второй воронки стоны раненыхъ.

19-го апрѣля, въ 10½ часовъ вечера, непріятель, стянувъ до 10,000, вышелъ изъ своихъ траншей, имѣя впереди около 600 челов. охотниковъ, и съ крикомъ «ура» стремительно бросился на наши ложементы, впереди бастіона № 5-го.—Не смотря на сильный ружейный огонь, и ударъ въ штыки двухъ баталіоновъ Волынскаго пѣхотнаго и двухъ баталіоновъ Углицкаго егерскаго полковъ, атакующій овладѣлъ ложементами и двинулся на редутъ Шварца, но былъ остановленъ картечнымъ огнемъ. — На разсвѣтѣ непріятель отошелъ въ свои траншеи, оставивъ въ занятыхъ имъ ложементахъ небольшія команды охотниковъ и рабочихъ.

Потеря, понесенная атакующимъ, должна быть весьма значительна; ибо, по показанію плѣнныхъ, резервы его подошли подъ нашъ картечный огонь;—траншеи были завалены тѣлами непріятельскими.

20-го апрѣля, въ 11 часовъ по-полуночи, взорваны были нами два горна, которыхъ дѣйствіемъ разрушены непріятельскія работы по вѣнчанію воронокъ передъ бастіономъ № 4-го.

Дабы убѣдиться, какими силами непріятель занимаетъ оставленныя нами траншеи, произведена была, въ 3 часа по-полудни, усиленная рекогносцировка: 180 чел. охотниковъ, поддержанные однимъ баталіономъ Колыванскаго егерскаго и однимъ баталіономъ Владимірскаго пѣхотнаго полковъ, заняли ближайшую къ намъ траншею и заставили Французовъ очистить оную. — Рекогносцировка эта убѣдила, что передняя траншея занята непріятелемъ весьма сильно, а потому охотники были отозваны назадъ.

Уронъ нашъ въ ночномъ бою съ 19-го на 20-е апрѣля и, въ продолженіе всего 20-го, состоялъ: убитыми: изъ 1 штабъ-офицера, 9-ти оберъ-офицеровъ и 283 нижнихъ чиновъ; ранеными: изъ 2-хъ штабъ-офицеровъ, 13 оберъ-офицеровъ и 540 нижнихъ чиновъ.

21-го апрѣля въ непріятельскомъ флотѣ замѣчено было

особое движеніе; въ 6 часовъ утра нѣсколько кораблей подходили къ Балаклавѣ и видно было, что непріятель на всѣ свои суда сажаетъ десантъ,—два корабля нагружались лошадьми. Въ 6 часовъ по-полудни всѣ суда развели пары и около 7 часовъ вечера отошли съ десантомъ въ море, по направленію W. N. W.

Въ ночь съ 21-го на 22-е апрѣля, осаждающій взорвалъ, безъ вреда для насъ, двѣ мины, для соединенія прежнихъ своихъ воронокъ; съ нашей стороны дано въ эти воронки 7 камуфлетовъ.

22-го и 23-го апрѣля, непріятель новыхъ работъ противу 4-го и 5-го бастіоновъ не производилъ; съ нашей же стороны устроены на семъ пространствѣ четыре новыя батареи, брустверa прежнихъ верковъ утолщены и мѣстами возвышены,—минныя работы продолжались успѣшно; осаждающаго же въ минахъ нигдѣ не было слышно.

23-го апрѣля, въ часъ по-полудни, удачно брошенными нашими бомбами взорваны два погреба на француз ской 8-ми орудійной батареѣ, противу 5-го бастіона: батарея замолчала.

Въ ночь съ 23-го на 24-е были произведены съ нашей стороны двѣ весьма удачныя малыя вылазки, въ направленіи впереди 3-го бастіона. Взяты въ плѣнъ: одинъ англійскій офицеръ и три рядовыхъ.

24-го апрѣля, въ $8^1/_2$ часовъ утра, выстрѣлами съ батареи у бастіона № 4-го произведенъ былъ сильный взрывъ на непріятельской батареѣ. Сотрясеніе отъ сего взрыва было весьма велико; съ батареи выбросило нѣсколько человѣкъ и разметало бревна и каменья.

Вообще во все время съ 18-го по 24-е апрѣля ежедневный уронъ нашъ былъ гораздо меньше, чѣмъ въ первые дни бомбардированія; но мы лишились убитыми и ранеными многихъ отличнѣйшихъ офицеровъ, именно: *убиты:* Тобольскаго пѣхотнаго полка храбрый прапорщикъ *Писаревъ*, Углицкаго егерскаго полка маіоръ *Бершовъ* и Волынскаго пѣхотнаго полка капитанъ *Пиленко*. *Ранены*: капитанъ-лейтенантъ князь *Ширинскій-Шихматовъ*, лейтенантъ *Лисицынъ*, капитанъ-лейтенантъ *Сарычевъ* и капи-

танъ 1-го ранга *Варницкій*; Колыванскаго егерскаго полка прапорщикъ *Тумановичъ* и прапорщикъ *Аксеновъ*, Владимірскаго пѣхотнаго полка поручикъ *Степановъ*, Подольскаго егерскаго капитанъ *Левицкій* и, состоящій временно при генералъ-адъютантѣ князѣ *Горчаковѣ*, Гусарскаго Гессенъ-Кассельскаго полка ротмистръ графъ *Блудовъ*.

На прочихъ пунктахъ полуострова ничего важнаго не послѣдовало ([1]).

Генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* сообщаетъ изъ Севастополя, по телеграфу, чрезъ Кіевъ, слѣдующую депешу отъ 30-го апрѣля (12-го мая).

Съ 26-го вечера по 30-е апрѣля (съ 8-го по 12-е мая), на Крымскомъ полуостровѣ ничего важнаго не происходило. Подъ Севастополемъ огонь съ обѣихъ сторонъ былъ умѣренный. Непріятель возводитъ новую батарею; мы дѣлаемъ тоже.

Въ ночь съ 29-го на 30-е число, мы сдѣлали довольно удачную малую вылазку, передъ бастіономъ № 3-го. Охотники достигли до англійской батареи и заклепали нѣсколько непріятельскихъ орудій; 30-го апрѣля, въ 11 часовъ утра, непріятель въ воронкахъ своихъ, правѣе капитали бастіона № 4 го, произвелъ небольшой взрывъ, который вреда намъ не причинилъ ([2]).

Въ дополненіе къ телеграфическому извѣстію, сообщаются ниже сего нѣкоторыя подробности о дѣйствіяхъ подъ Севастополемъ, заимствованныя изъ полученнаго отъ генералъ-адъютанта князя *Горчакова* журнала военныхъ дѣйствій въ Крыму съ 24-го по 30-е апрѣля (съ 6-го по 12-е мая).

Осаждающій, подъ закрытіемъ своихъ передовыхъ траншей, возводитъ батареи противъ 4-го и 5-го бастіоновъ, редута Шварца и праваго фаса Камчатскаго люнета. Съ нашей стороны, дѣятельно исправляются и усиливаются

([1]) Русскій Инв. 1855 г., № 96.
([2]) Русскій Инвал. 1855 г., № 99.

укрѣпленія, ближайшія къ работамъ атакующаго, а мѣстами устраиваются новыя батареи, для продольнаго обстрѣливанія его подступовъ.

Уронъ, наносимый непріятельскими выстрѣлами войскамъ севастопольскаго гарнизона, былъ въ послѣдніе дни несравненно слабѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе: 28-го апрѣля, мы имѣли всего 7 убитыхъ и 52 раненыхъ, а 29-го—9 убитыхъ и 34 раненыхъ.

Изъ частныхъ дѣйствій, происходившихъ въ теченіе означеннаго времени, генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* упоминаетъ о слѣдующихъ:

27-го апрѣля, удачно произведена нами малая вылазка изъ редута Шварца, причемъ разорена часть ближайшихъ непріятельскихъ подступовъ, и устроенъ для секрета удобный завалъ.

Въ ночь съ 29-го на 30-е апрѣля, по распоряженію генералъ-лейтенанта *Хрулева*, были направлены 165 охотниковъ отъ Охотскаго егерскаго полка, съ цѣлію разорить работы осаждающаго на скатѣ Зеленой горы; для поддержанія охотниковъ назначены 4 роты того же полка. Часть этого отряда, подъ начальствомъ подпоручика *Рытова*, бросились на англійскія траншеи съ фронта; другая, подъ командою прапорщика *Ганенскаго*, ударила на нихъ съ тылу. Непріятель отступилъ съ величайшею поспѣшностію, оставивъ свои орудія; нѣкоторыя изъ нихъ были заклепаны (¹).

Въ телеграфической депешѣ, вновь полученной изъ Севастополя, чрезъ Кіевъ, отъ 2-го (14-го) мая, генералъ-адъютантъ князь *Горчаковъ* доноситъ, что въ ночь съ 1-го на 2-е число произведены нами съ успѣхомъ еще двѣ малыя вылазки. Непріятель стрѣляетъ весьма мало, и, какъ полагаютъ, готовится возобновить бомбардированіе города (²).

(¹) Русскій Инвал. 1855 г., № 100.
(²) Русскій Инвал. 1855 г., № 100.

Приказъ генералъ-адъютанта графа Остенъ-Сакена по севастопольскому гарнизону, отъ 26-го апрѣля 1855 года.

Въ настоящее время обороны Севастополя, медицинскіе чиновники, подвизающіеся на трудномъ поприщѣ, явили опыты примѣрнаго самоотверженія, большая часть изъ нихъ перенесли тяжкія болѣзни, и многіе сдѣлались жертвою неимовѣрныхъ трудовъ. Неисчислимыя заслуги имѣютъ въ особенности операторы, подвизающіеся съ самымъ малымъ отдыхомъ, денно и нощно до истощенія силъ.

Оцѣняя вполнѣ службу медицинскихъ чиновниковъ, и сравнивая службу операторовъ со службою на батареяхъ и въ траншеяхъ, я ходатайствовалъ у господина главнокомандующаго, о удостоеніи ихъ заслуженныхъ наградъ. Его сіятельство изволилъ благосклонно принять мое представленіе. Не менѣе того, я считаю пріятною обязанностію свидѣтельствовать о подвигахъ медицинскихъ чиновниковъ, передъ Севастопольскимъ гарнизономъ, и изъявить живѣйшую душевную признательность мою, завѣдывающимъ перевязочными пунктами: Севастопольскимъ, академику профессору дѣйствительному статскому совѣтнику *Пирогову*, и корабельной стороны ординарному профессору хирургіи, коллежскому совѣтнику *Гюббенету*. Объявляю также полную благодарность мою: исправляющему должность главнаго доктора Севастопольскаго военно-временнаго госпиталя, медико-хирургу надворному совѣтнику *Загорянскому*, лекарямъ: *Обермиллеру*, *Боккерсу* и *Хлѣбникову*, доктору медицины оператору титулярному совѣтнику *Тарасову*, доктору медицины оператору и акушеру *Пабо*, медико-хирургу надворному совѣтнику *Тюрину*, доктору медицины *Гебергу* и *Дземишкевичу*, надворному совѣтнику *Каде* и *Павловскому*, коллежскому ассесору *Ульрихсону*, титулярному совѣтнику *Миштольду*, лекарямъ: *Ливитскому*, *Пастухову* и *Доброву*, американскому медику *Уайтеду* и лекарскому помощнику *Калашникову*,—всѣмъ восемнадцати въ особенности; надворному совѣтнику *Гудимъ-Левковичу*, штабъ-лекарю *Хлѣбникову*, титулярному совѣтнику *Збражекъ* и *Зенкевичу*, лекарямъ: *Алексѣеву*, *Себиря-*

кову, *Пшиборскому*, *Довгялло*, *Муравскому*, *Заблоцкому*, *Смирнову*, *Тобину*, *Загоровскому*, титулярному совѣтнику *Данилову*, прусскимъ медикамъ: доктору *Цуппингеру*, доктору медицины и хирургіи *Саару* и *Гоуфу*, доктору медицины *Саксу* и *Поспишилю* и американскимъ медикамъ: *Тронепсиду* и *Герису* (1).

Генералъ-адъютантъ графъ **Остенъ-Сакенъ**.

Циркуляры Императорскаго кабинета о вѣнскихъ конференціяхъ.

«Англійскіе министры, отвѣчая недавно на сдѣланные имъ въ обѣихъ палатахъ парламента запросы, обѣщали представить парламенту акты вѣнской конференціи. Обнародованіе ихъ послужитъ къ исправленію многихъ ошибочныхъ показаній, относительно Россіи.

«Императорскій кабинетъ съ тою же цѣлію препроводилъ къ нашимъ посольствамъ изложеніе результатовъ, пріобрѣтенныхъ вѣнскими переговорами, какъ и тѣхъ обстоятельствъ, которыя воспрепятствовали ихъ успѣху.

«Это изложеніе заключается въ помѣщенномъ ниже сего циркулярѣ, отъ 28-го апрѣля. Присовокупляемъ и циркуляръ 26-го февраля, на который въ первомъ ссылаются. Этотъ циркуляръ былъ отправленъ къ Императорскимъ посольствамъ, чрезъ нѣсколько дней по вступленіи на Престолъ Его Императорскаго Величества. Поставляемъ обязанностью перепечатать оный, для дополненія ряда оффиціальныхъ документовъ, обнародованныхъ нами.

Циркуляръ.

С.-Петербургъ, 28-го апрѣля 1855 г.

М. г.! Вѣнскіе переговоры не прерваны совершенно, а только пріостановлены, въ слѣдствіе объявленія гг. упол-

(1) Морск. Сборн. 1855 г., № 6.

номоченныхъ Франціи и Великобританіи, что ихъ инструкціи истощены.

Для сообщенія Императорскимъ посольствамъ вѣрнаго понятія о нынѣшнемъ положеніи переговоровъ, счелъ я долгомъ составить общее ихъ обозрѣніе, изложить пріобрѣтенные ими результаты, и наконецъ, обозначить обстоятельства, которыя, остановивъ ходъ ихъ, воспрепятствовали успѣшному ихъ окончанію.

Изъ депеши моей, отъ 26-го февраля, видѣли вы, въ какомъ духѣ составлены были инструкціи, которыми блаженныя памяти покойный Государь Императоръ Николай Павловичъ изволилъ снабдить Своихъ представителей, при открытіи вѣнскихъ конференцій. Сіи наставленія, утвержденныя нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, по вступленіи Его на Престолъ, были во всей точности исполнены уполномоченными, которымъ, по Высочайшему повелѣнію, поручено было вести сіи важные переговоры. Въ нихъ заключались четыре вопроса: 1) Права княжествъ. 2) Судоходство по Дунаю. 3) Пересмотръ трактатовъ 1841 г., и 4) Обезпеченіе духовныхъ и гражданскихъ правъ христіанскаго народонаселенія, подвластнаго Оттоманской имперіи.

До приступленія къ сужденію о сихъ статьяхъ, уполномоченные Россіи представили декларацію, формально внесенную въ протоколъ. I. Она изложена слѣдующимъ образомъ, князь *Горчаковъ* сказалъ: «Не прежде разсмотрѣнія подробностей каждаго вопроса, окажется, можемъ ли достигнуть согласія или нѣтъ. Всѣ мы исходимъ изъ одной точки; надѣемся, что и цѣль у насъ одна и та же, а именно: заключеніе общаго мира, и такого мира, который будетъ твердъ и удобоисполнимъ отъ того, что будетъ совмѣстенъ съ честью каждой изъ договаривающихся сторонъ. Еслибъ съ которой бы то стороны ни было, вздумали предложить Россіи для заключенія ею мира условія, противныя ея чести, она никогда на то не согласится, какъ бы важны ни были послѣдствія сего отказа».

Таково было правило, ясно изложенное уполномоченными Россіи, сообразно съ предписаніями ихъ двора при

самомъ началѣ конференцій. Ни одинъ изъ членовъ конференціи не оспоривалъ изложенія сего проэкта; напротивъ того, всѣ они неоднократно утверждали, что ихъ кабинеты не помышляютъ предлагать условій, оскорбительныхъ достоинству Россіи. На основаніи сихъ увѣреній, сужденія начались 15-го марта.

Предметомъ засѣданій, 17-го и 19-го марта, было приведеніе въ ясность вопроса о княжествахъ. Онъ былъ рѣшенъ съ честью, съ праводушіемъ, съ безкорыстіемъ, какъ того желалъ покойный Императоръ. Августѣйшій Монархъ въ сердцѣ Своемъ, искренно желалъ сохранить за народами Молдавіи, Валахіи и Сербіи мирное пользованіе правами духовными и гражданскими, которыя имъ доставила Россія, цѣною своей крови, проливаемой въ теченіе столѣтія въ пользу ея единовѣрцевъ.

Права ихъ остаются неприкосновенными. Вѣнскіе протоколы II и III послужили къ подтвержденію сохраненія ихъ, подъ общимъ обезпеченіемъ всѣхъ высокихъ договаривающихся сторонъ. Этимъ обезпеченіемъ привилегированное управленіе княжествъ вступаетъ въ общій составъ публичнаго права Европы. Донынѣ обезпеченіе объ исполненіи обязанностей, принятыхъ на себя Портою, въ ея качествѣ верховной державы, лежало на одной Россіи. Отнынѣ будетъ она раздѣлять сію обязанность съ прочими обезпечивающими державами. Это сліяніе обязанностей прекратитъ чувства совмѣстничества, которое возбуждаемо было въ сихъ державахъ, исполненіемъ сего наблюденія одною Россіею.

Слишкомъ долго общественное мнѣніе возбуждало ненависть чужихъ краевъ къ этому порядку вещей, подъ именемъ русскаго *протекторства*. Здѣсь не излишнимъ будетъ напомнить вамъ, что вы не найдете этого термина ни въ одномъ изъ нашихъ трактатовъ, ни въ кайнарджійскомъ, ни въ букарестскомъ, ни въ конвенціи аккерманской, ниже въ адріанопольскомъ. И такъ вовсе ненужно было исключать протекторство изъ нашихъ трактатовъ: его вовсе въ нихъ не было. Россія, въ прошедшія времена, дала обѣщаніе: обезпечить благосостояніе княжествъ.

Адріанопольскій трактатъ подтвердилъ это обѣщаніе. Императорскій Кабинетъ исполнялъ оное понынѣ и станетъ исполнять въ будущемъ, когда по общему согласію всѣхъ державъ, права княжествъ будутъ формально утверждены публичнымъ правомъ Европы.

Съ этой стороны Вѣнскіе протоколы являются новымъ, неизмѣннымъ залогомъ безопасности, на которой основано національное и политическое существованіе областей дунайскихъ. Императорскій Кабинетъ чувствуетъ сознаніе, что праводушно исполнилъ этотъ результатъ, съ двоякою цѣлію, съ одной стороны обезпечить благосостояніе сихъ странъ, а съ другой, устранить отъ общей политики новые поводы къ недоразумѣніямъ, совмѣстничеству и нарушенію мира.

Руководствуясь тѣмъ же духомъ, уполномоченные Россіи разсмотрѣли и рѣшили второй вопросъ: о судоходствѣ по Дунаю. Онъ былъ предметомъ засѣданій 21-го и 23-го марта.

Протоколами IV и V, положено примѣнить къ дунайскому судоходству общія правила, постановленныя касательно судоходства по рѣкамъ актами Вѣнскаго Конгреса. На основаніи этого законодательства, смѣшанная коммиссія будетъ наблюдать отнынѣ надъ отвращеніемъ матеріальныхъ препятствій, замедлявшихъ плаваніе по сей рѣкѣ, и возбуждавшихъ неоднократно жалобы коммерціи.

Удаливъ благополучно затрудненія, являвшіяся въ двухъ первыхъ вопросахъ, уполномоченные перешли къ разсмотрѣнію третьяго, называвшагося пересмотромъ трактата 1-го (13-го) іюля 1841 года.

Императорскій кабинетъ ожидалъ съ спокойствіемъ изложенія видовъ западныхъ державъ, при разсмотрѣніи сего предмета. Дотолѣ намѣренія ихъ, выставляемыя въ различномъ смыслѣ публичными листами или парламентскими преніями, не были ясно опредѣлены въ предварительныхъ засѣданіяхъ, происходившихъ въ Вѣнѣ 28-го декабря и 7-го января. Въ то время, уполномоченные Франціи и Англіи ограничивались объявленіемъ, что, по мнѣнію ихъ кабинетовъ, пересмотръ трактатовъ 1841 г. долженъ

имѣть цѣлію тѣснѣйшее соединеніе существованія имперіи Оттоманской съ равновѣсіемъ Европы, и прекращеніе преобладанія Россіи на Черномъ морѣ. Что касается до мѣръ, которыя слѣдовало принять для достиженія сей цѣли, уполномоченные объявили, «что эти мѣры, непосредственно зависятъ отъ военныхъ дѣлъ, и что посему еще нельзя обозначить ихъ основанія». Между тѣмъ во Франціи и Англіи, громогласно и всенародно выставляли, какая мысль скрывается въ сихъ словахъ: они клонились къ разрушенію Севастополя. Нѣтъ сомнѣнія, что по разсчетамъ кабинетовъ лондонскаго и парижскаго, военныя дѣйствія въ Крыму, на ряду съ сужденіями дипломатическими, долженствовали имѣть вліяніе на судьбу конференцій вѣнскихъ.

Въ то же время, когда открылись конференціи, ожиданія эти не были оправданы событіями. И дѣйствительно, имя Севастополя не было произнесено. Россія обязана симъ умолчаніемъ, геройскому сопротивленію храбрыхъ ея генераловъ, офицеровъ, матросовъ и солдатъ. Благородное ихъ самоотверженіе было самымъ побѣдоноснымъ изъ всѣхъ средствъ при переговорахъ. Императорскій кабинетъ считаетъ за счастіе провозгласить сіе обстоятельство. При этихъ событіяхъ, соображенія нашихъ противниковъ приняли другое направленіе; они заговорили инымъ языкомъ: Въ конференціи 26-го марта, уполномоченные Франціи и Англіи предъявили мнѣніе, что обѣимъ прибрежнымъ державамъ Чернаго моря предлежитъ прямо согласиться о средствахъ, которыя слѣдуетъ принять *для приведенія въ равновѣсіе* ихъ морскихъ силъ. Уклоняясь между тѣмъ отъ представленія о семъ предметѣ объявленія яснаго и точнаго, они предоставили русскимъ уполномоченнымъ первымъ предложить, на какія мѣры Императорскій кабинетъ укажетъ, по собственному своему желанію, для приведенія обоюдныхъ силъ въ справедливое равновѣсіе.

Князь *Горчаковъ* и г. *Титовъ*, не предваряя мнѣній своего Двора, почли обязанностью испросить рѣшенія Его Величества Государя Императора, касательно новаго ви-

да, въ которомъ являлся обсуждаемый нами третій вопросъ.

И такъ 26-го марта, сужденія были отложены до полученія отвѣтовъ, ожидаемыхъ изъ С.-Петербурга. Между тѣмъ временемъ, уполномоченные Австріи и Россіи полагали, что можно перейти къ сужденію о четвертомъ вопросѣ, касательно правъ христіанскихъ народовъ на Востокѣ.

Народное чувство Россіи, какъ вамъ извѣстно, придаетъ сему вопросу, столь великое и важное значеніе, что покойный Императоръ предписалъ Своимъ представителямъ поставить оный на первомъ мѣстѣ въ текстѣ, заключаемаго трактата. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ державы долженствовали, наравнѣ съ Россіею, признать все величіе сего вопроса, общаго всему христіанскому міру, съ единодушно признанною цѣлію оградить, посредствомъ соглашенія всей Европы, будущность христіанскихъ народовъ Востока, не различая, къ какому исповѣданію они принадлежатъ.

Съ сожалѣніемъ должны мы сказать, что уполномоченные Франціи и Англіи, спросивъ приказанія своихъ дворовъ, отказались перейти къ разсмотрѣнію этого вопроса, до окончанія сужденій о третьей статьѣ. Формальности предложенія этого отказа, и снабженіе его доводами, заняли VII и VIII засѣданія, 29-го марта и 2-го апрѣля.

IX-е засѣданіе, 9-го апрѣля, посвящено разсмотрѣнію полномочій гг. Друэнъ-де-Люиза и Али-паши. Присутствіе г. министра иностранныхъ дѣлъ Франціи, придавъ занятіямъ конференціи новую степень важности, казалось подтверждало надежду на миролюбивое окончаніе. Эта надежда ослабѣла въ послѣдовавшихъ засѣданіяхъ, которыя мнѣ остается изложить.

Апрѣля 4-го (16-го), русскіе уполномоченные получили, испрашиваемыя ими инструкціи. Онѣ имѣли основаніе простое и справедливое: мысль о пересмотрѣ трактата 1841 года принадлежала русскому кабинету. Съ своей стороны, онъ готовъ былъ возобновить условія, въ силу которыхъ старинное законодательство имперіи Оттоманской, касательно закрытія проливовъ, признано было актомъ европейскимъ. Западныя державы изъявили желаніе измѣнить

этотъ порядокъ вещей. И такъ имъ слѣдовало, прежде всего, представить свои предложенія, чтобъ достигнуть пересмотра, который они, съ самаго начала называли одною изъ предварительныхъ основъ къ мирнымъ переговорамъ.

Покойный Государь Императоръ, позволяя Своему посланнику принять въ нихъ участіе, благоволилъ снабдить его точными указаніями, одобренными Его Величествомъ въ концѣ прошедшаго (1854) г., въ ожиданіи предстоявшаго открытія вѣнскихъ конференцій. Для большей ясности, изложу въ точности содержаніе сихъ инструкцій. Онѣ основывались на томъ правилѣ, что султанъ, какъ властитель странъ, прилежащихъ къ обоимъ проливамъ Дарданельскому и Босфорскому, имѣетъ право открывать и закрывать входъ въ оные. Онѣ не противились пропуску въ Черное море иностраннаго флота, если Порта на то согласится. Въ этомъ случаѣ, въ нихъ выведено было, какъ естественное послѣдствіе совершенной взаимности, чтобъ русскіе корабли имѣли свободу проходить проливами въ Средиземное море, такъ какъ военные корабли, подъ флагомъ иностраннымъ, могли плавать по Черному. Сверхъ того, онѣ допускали полную свободу султану, въ употребленіи правъ его самодержавія, назначеніемъ иностраннымъ флотамъ турецкаго порта, для снабженія себя припасами и для убѣжища отъ бурь. На этихъ условіяхъ, покойный Императоръ далъ право, въ случаѣ надобности, согласиться на уничтоженіе правила о закрытіи проливовъ.

Пребывая вѣрнымъ мысли Своего Августѣйшаго Родителя, Императоръ Александръ II предписалъ Своимъ уполномоченнымъ, строго придерживаться правилъ, которыя были имъ даны. Объявляя имъ о семъ рѣшеніи, 29-го марта (11-го апрѣля), Его Величество соизволилъ на продолженіе переговоровъ, начатыхъ въ засѣданіи 26-го числа для того, чтобъ обсудить вполнѣ предметъ вопроса, предоставивъ нашимъ противникамъ представить свои требованія о пересмотрѣ, котораго домогаются западныя державы, а не русскій кабинетъ.

Князь *Горчаковъ* и г. *Титовъ*, получивъ предписанія своего Двора, на другой же день въ засѣданіи X, 17-го

апрѣля, предложили уполномоченнымъ Англіи и Франціи войти въ объясненія объ измѣненіяхъ, которыя ихъ кабинеты имѣютъ въ виду при пересмотрѣ трактата 1841 г.

Эти измѣненія были предметомъ сужденій въ засѣданіяхъ XI и XII, 19-го и 21-го апрѣля.

Въ первомъ, уполномоченные западныхъ державъ изложили планъ, составленный ихъ дворами съ общаго согласія. Во второмъ, русскіе уполномоченные представили контръ-проектъ, основанный на инструкціяхъ Императорскаго кабинета.

Разберемъ вкратцѣ тотъ и другой.

Первый проектъ, прочитанный въ засѣданіи 19-го апрѣля, состоитъ изъ десяти статей. Въ первой статьѣ, признаютъ правило, по которому имперія Оттоманская будетъ участвовать въ общемъ составѣ (concert), утвержденномъ публичнымъ правомъ, между разными государствами Европы, выражаютъ уваженіе, которое питаютъ высокія договаривающіяся стороны къ независимости и цѣлости сей имперіи, и взаимно обезпечиваютъ ее въ строгомъ соблюденіи сего обстоятельства. Во второй статьѣ, на случай столкновенія между Портою и одною изъ договаривающихся сторонъ, постановляется, чтобъ сія послѣдняя, не прибѣгая къ употребленію силы, дала прочимъ державамъ возможность избѣжать этой крайности миролюбивыми путями.

Князь *Горчаковъ* и г. *Титовъ*, пользуясь правами, дарованными имъ Государемъ Императоромъ, не поколебались дать на сіи двѣ статьи свое согласіе. Это согласіе, скажемъ вслухъ, дано было для того, чтобъ заградить уста всѣмъ тѣмъ, которые вздумали бы еще обременять Россію упреками нарушить миръ Европы. Послѣ залога безопасности, даннаго такъ свободно и формально, для утвержденія на будущее время спокойствія Востока, какого обезпеченія оставалось бы еще требовать? Когда вѣнскіе протоколы будутъ обнародованы вполнѣ, всякій безпристрастный наблюдатель найдетъ въ нихъ доказательство добросовѣстности отзывовъ русскихъ уполномоченныхъ. Они подтвердили ее и въ нынѣшнемъ случаѣ. Въ самомъ дѣ-

лѣ, приглашенные объявить свое мнѣніе о первой изъ вышеприведенныхъ статей, они изложили безъ уклончивости, безъ умолчанія, тѣ причины, которыя не позволили бы Россіи поставить неприкосновенности турецкихъ владѣній, подъ покровительство охраненія матеріальнаго. Россія принимаетъ на себя только тѣ обязанности, которыя она въ состояніи выполнить. И такъ, когда дѣло идетъ о государствѣ, котораго предѣлы касаются трехъ частей свѣта, и которое заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ разнородныя начала раздоровъ и безпорядка, которыхъ никто усмирить не можетъ, праводушная и мудрая политика совѣтуетъ всякой державѣ не принимать на себя обязанности, которой умъ человѣческій предвидѣть не въ состояніи. Эта истина изложена русскими уполномоченными, такъ ясно и сильно, что мы, для отданія совершенной справедливости ихъ намѣреніямъ, приводимъ слова ихъ во всей точности.

Князь Горчаковъ сказалъ: «Одна изъ причинъ, по которой онъ уклонился отъ дѣятельнаго обезпеченія Имперіи Оттоманской, заключается въ трудности опредѣлить въ точности ея границы. По утвержденіи единожды обезпеченія владѣній ея, не должно ли будетъ простирать оное къ самымъ отдаленнымъ пунктамъ, каковы, напримѣръ, Тунисъ, и Аденъ, и принимать поводомъ къ войнѣ всякое нападеніе, договаривающихся сторонъ, на одну изъ сихъ земель? Онъ не соглашается на такое распространеніе обезпеченія, ибо русская кровь принадлежитъ только Россіи. Впрочемъ, это не значитъ, чтобъ Россія ограничилась однимъ дипломатическимъ пособіемъ. Независимости Порты требуютъ не только выгоды Европы, но и выгоды Россіи. Еслибъ ей угрожали, Россія не послѣдняя стала бы защищать ее. Но она предоставляетъ себѣ право, въ такомъ случаѣ, взвѣсить настоитъ ли надобность или нѣтъ, въ употребленіи ея матеріальныхъ средствъ».

Съ этою оговоркою и въ этихъ предѣлахъ, уполномоченные Россіи почли возможнымъ согласиться на первую и вторую статьи, на основаніи которыхъ Имперія Оттоманская будетъ принята въ составъ общей системы евро-

пейскаго равновѣсія. Утвердивъ это правило, въ дополненіе къ трактату 1841 года, конференція приступила къ чтенію остальныхъ статей проэкта, представленнаго французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Третьею статьею обѣ прибрежныя державы Чернаго моря обязуются взаимно имѣть, съ каждой стороны, въ Черномъ морѣ не болѣе четырехъ кораблей, четырехъ фрегатовъ съ соразмѣрнымъ числомъ мелкихъ судовъ и невооруженныхъ транспортовъ.

Четвертою статьею подтверждается прежнее правило закрытія заливовъ, кромѣ исключеній, изложенныхъ въ послѣдующихъ статьяхъ.

Пятою статьею предоставляется каждой изъ договаривающихся сторонъ, не имѣющихъ заведеній въ Черномъ морѣ, право вводить въ оное число судовъ, равное половинѣ морскихъ силъ, которыя каждая изъ прибрежныхъ державъ будетъ тамъ содержать.

Шестою статьею постановляется, что число линѣйныхъ кораблей договаривающихся сторонъ, не имѣющихъ заведеній въ Черномъ морѣ, не можетъ быть болѣе четырехъ въ одно время предъ Константинополемъ, на пути ихъ между обоими проливами.

Седьмою статьею предоставляютъ Султану право открыть входъ всѣмъ морскимъ силамъ его союзниковъ, еслибъ ему угрожало нападеніе.

Осьмою статьею, обѣ прибрежныя державы обязуются принимать во всѣхъ портахъ, лежащихъ на Черномъ морѣ, консуловъ, которыхъ прочія договаривающіяся стороны пожелали бы тамъ имѣть.

Девятая статья касается всепрощенія, даруемаго жителямъ провинцій, бывшихъ позорищемъ войны.

Десятою статьею сношенія Россіи съ Сардиніею имѣютъ быть возстановлены, какъ были до объявленія войны.

По прочтеніи сего проэкта, уполномоченные Россіи, не входя въ сужденія о статьяхъ 3 — 10-й, предоставили себѣ объявить въ слѣдующемъ засѣданіи о предложенномъ способѣ рѣшенія вопроса.

Быстрота телеграфическихъ сношеній, между Вѣною и

С.-Петербургомъ, дозволила князю *Горчакову*, немедленно довести до свѣдѣнія Императорскаго кабинета о предложеніяхъ, внесенныхъ въ конференціи 19-го апрѣля. При первомъ взглядѣ видно было, что они существенно разнятся съ замѣчательнымъ опредѣленіемъ, которое изложилъ лордъ Джонъ Россель 26-го марта, для рѣшенія предлежащаго вопроса. Приведемъ слова уполномоченнаго Великобританіи, внесенныя въ текстъ протокола VI.

«Лордъ Джонъ Россель, напомнивъ о объявленіи, сдѣланномъ, въ самомъ началѣ переговоровъ, княземъ *Горчаковымъ*, о томъ, что онъ не согласится ни на какое условіе, несовмѣстное съ честью Россіи, сказалъ, что, по мнѣнію Англіи и ея союзниковъ, лучшими условіями мира и одними, которыя допустить можно, были бы тѣ, которыя, соображаясь во всемъ съ честью Россіи, въ то же время были бы достаточны для обезпеченія безопасности Европы, и для отвращенія возобновленія раздоровъ, подобныхъ тѣмъ, которые предлежало прекратить нынѣ».

Послѣ этой формальной декларацiи въ конференціи 26-го марта, лордъ Джонъ Россель не можетъ дивиться, что предложенія, сдѣланныя 19-го апрѣля, не были признаны Императорскимъ кабинетомъ самыми лучшими и *единственными*, *которыя* допустить можно, что выражено словами уполномоченнаго Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, ограничить число судовъ въ Черномъ морѣ, между тѣмъ, какъ морскія силы въ Средиземномъ морѣ остаются безъ предѣловъ и безъ повѣрки; открыть Франціи и Англіи проливы Дарданельскій и Босфоръ, закрывая ихъ для русскаго флага; постановить, наконецъ, назначеніе консуловъ въ нашихъ портахъ, не давая Императорскому правительству права признавать ихъ, по тому праву, какимъ Франція и Англія пользуются въ странахъ, имъ подвластныхъ, — такія условія, конечно, не могли обезпечить въ Европѣ миръ твердый и прочный, ибо если желаютъ, чтобъ договоръ между державами былъ проченъ, онъ не долженъ нарушать чести ни одной стороны, въ противномъ случаѣ, не заключаютъ мира, а только подписываютъ перемиріе.

Эти сужденія, во всей точности сообразныя съ исти-

ною, довершають свидѣтельство, что, по совѣсти, условія, предложенныя уполномоченными Франціи и Англіи, менѣе дали бы Европѣ прочныхъ залоговъ безопасности, нежели планъ, коего основанія одобрены были покойнымъ Императоромъ. По этому плану открывалось флагамъ всѣхъ націй свободное плаваніе по Черному морю. Этимъ прекращалось устрашеніе Турецкой Имперіи, и уничтожились опасенія, возбуждавшіяся въ чужихъ краяхъ несоразмѣрностью морскихъ сихъ двухъ прибрежныхъ державъ Чернаго моря. Переставъ быть закрытымъ, оно становилось подъ надзоръ и наблюденіе, доступные всѣмъ націямъ. Оттого исчезалъ страхъ воображаемой опасности, которой будто бы подвергалась Оттоманская Порта отъ близости нашихъ морскихъ заведеній. Словомъ, этотъ планъ, составленный политикою предусмотрительною и безкорыстною, съ одной стороны давалъ Европѣ постоянный залогъ безопасности, а съ другой ничѣмъ не оскорблялъ достоинства Россіи. Съ своей стороны она получала по тому же праву, въ пользу своего флага открытіе проливовъ Босфорскаго и Дарданельскаго. Съ той и съ другой стороны, при одобреніи сего плана, возстановлена была бы совершенная взаимность, составляющая основаніе международныхъ сношеній, неизмѣнный законъ правосудія, уважаемый и одобряемый чувствомъ чести всѣхъ странъ.

Въ этомъ убѣжденіи, Августѣйшій Государь нашъ, повторилъ Своимъ уполномоченнымъ повелѣніе держаться исполненія сего плана, какъ онъ изложенъ въ инструкціяхъ, полученныхъ ими въ царствованіе покойнаго Императора.

Телеграфическія сообщенія передали сіе повелѣніе съ невѣроятною быстротою. Планъ, представленный въ Вѣнѣ, 19-го апрѣля и разсмотрѣнный въ С.-Петербургѣ 20-го, былъ отклоненъ уполномоченными Россіи 21-го.

Исполнивъ свой долгъ, по предписанію своего Двора, они представили въ томъ же засѣданіи контръ-проэктъ, основанный, въ слѣдствіе полученныхъ ими инструкцій, на правилѣ открытія проливовъ и свободнаго плаванія по Черному морю.

Въ подтвержденіе сего плана, прочитали они: 1) Записку, составленную ими для развитія выгодъ, какія проистекли бы изъ плана, предположеннаго Императорскимъ кабинетомъ, къ общей выгодѣ европейскаго равновѣсія, и 2) Изложеніе статей, которыми сей проэктъ могъ быть выраженъ въ трактатѣ. По требованію уполномоченныхъ Россіи, оба сіи документа были приложены къ протоколу XII. Такъ какъ они свидѣтельствуютъ, въ глазахъ всѣхъ дружественныхъ съ нами державъ, объ искренности и постоянствѣ усилій, съ какими Императорскій кабинетъ не переставалъ стараться о возстановленіи мира, всѣми средствами, совмѣстными съ честью Россіи, мы сочли нужнымъ приложить сіи документы къ настоящей депешѣ (лит. А и В), чтобъ дополнить изложеніе событій, въ ней представленныхъ.

Съ сожалѣніемъ присовокупляемъ, что старанія нашихъ уполномоченныхъ о принятіи плана, который имъ поручено было предложить, не могли предолѣть препятствій, встрѣтившихся при его исполненіи. Первое препятствіе возникло со стороны уполномоченнаго Оттоманскаго. Онъ объявилъ, что, по даннымъ ему инструкціямъ, онъ долженъ настаивать на закрытіи проливовъ; что блистательная Порта издавна видѣла въ этомъ правилѣ начало своей независимости, и что она намѣрена поддержать оное за нѣкоторыми исключеніями, которыя могли бъ быть выговорены. Гг. уполномоченные Франціи и Великобританіи уклонились отъ обсужденія русскаго контръ-проэкта, потому что онъ составленъ на основаніи, противномъ даннымъ имъ инструкціямъ. Въ слѣдствіе того, они объявили, что находятъ свои инструкціи истощенными. Г. министръ иностранныхъ дѣлъ Австріи, свидѣтельствуя, что его Дворъ искренно желаетъ содѣйствовать возстановленію мира, выразилъ сожалѣніе, что Россія требуетъ правила открытія Чернаго моря, тогда какъ прочія державы поддерживаютъ правило противное, какъ необходимое для спокойствія Европы. Между тѣмъ онъ не видитъ, чтобъ разныя средства къ примиренію были истощены, и считаетъ особенною обязанностію Австріи изыскивать спо-

собы къ примиренію. И такъ онъ надѣется, что конференція соберется вновь, лишь только окажется, что одинъ изъ ея членовъ намѣренъ сдѣлать новыя предложенія.

На другой день послѣ засѣданія 21-го числа, лордъ Джонъ Россель выѣхалъ изъ Вѣны въ Лондонъ. Его отъѣздъ не прекратилъ дѣйствій конференціи. Она возобновила свои занятія 26-го апрѣля, по требованію уполномоченныхъ Россіи.

Ихъ инструкціи, давая имъ право выразить согласіе Императорскаго кабинета на открытіе проливовъ, какъ средство достигнуть общаго примиренія, основаны были на мысли, что такое соображеніе, для исполненія своего, имѣетъ надобность въ предварительномъ согласіи Порты, какъ обладательницы странъ, прилежащихъ къ проливамъ. Декларація, поданная уполномоченнымъ Оттоманскимъ въ засѣданіи, 21-го, устранила сіе предложеніе. Съ тѣхъ поръ оставалось русскимъ уполномоченнымъ употребить данную имъ власть для достиженія новаго рѣшенія, согласнаго съ прямыми выгодами Россіи.

Съ самого начала, какъ мы сказали, Императорскій кабинетъ, не требуя, пересмотра трактата 1841 года, былъ бы готовъ возстановить его условія. Единственно для истощенія всѣхъ средствъ къ переговорамъ, которыя были въ его власти, полагалъ онъ, что соотвѣтствуетъ видамъ кабинетовъ Лондонскаго и Парижскаго, предлагая имъ открыть плаваніе по Черному морю флагу всѣхъ націй. Отказъ ихъ, въ избраніи сего пути для примиренія, совершенно освобождалъ Императорскій Кабинетъ отъ настаиванія на томъ. Напротивъ того, многія причины соединялись, по нашему мнѣнію, въ пользу правила закрытія проливовъ, отъ котораго мы согласились отказаться не въ видахъ исключительной политики, но по важнымъ соображеніямъ общей пользы.

Въ слѣдствіе исхода конференціи 21-го апрѣля, наши уполномоченные, освобожденные отъ обязанности ходатайствовать объ открытіи Чернаго моря, отвергнутаго самими нашими противниками, получили свободу къ предложенію другаго плана.

Онъ состоялъ изъ двухъ статей. Первою, подтверждалось древнее правило закрытія проливовъ. Второю, предоставлялось блистательной Портѣ самой рѣшить въ высшей инстанціи, о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ попеченіе о ея безопасности потребовало бы сдѣлать исключеніе изъ сего правила, и въ которыхъ она считала бы необходимымъ, смотря по обстоятельствамъ, призвать флоты западныхъ державъ, или русскіе.

Г. министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи, повторяя объявленіе свое, что считаетъ свои инструкціи истощенными, не считалъ себя въ правѣ входить въ сужденіе конференціи. Гг. Оттоманскіе уполномоченные уклонялись отъ выраженія своего мнѣнія о семъ проэктѣ. Г. министръ иностранныхъ дѣлъ Австріи, принявъ во вниманіе сіе предложеніе, нашелъ съ удовольствіемъ, что въ первомъ пунктѣ закрытіе проливовъ поставлено вмѣсто открытія. Сверхъ того, онъ полагалъ, что второй пунктъ, дающій Султану власть, въ случаѣ нужды, призвать на свою помощь иностранные флоты, и, въ видѣ исключенія, открыть проливы, можетъ быть исполненъ на дѣлѣ. Ему кажется, что это предложеніе можетъ быть обсуждаемо. Оно заключаетъ въ себѣ начала, которыми Австрія можетъ воспользоваться для произведенія сближенія. Но такъ какъ оно набросано только слегка, то въ этомъ видѣ не можетъ служить основаніемъ рѣшенію вопроса.

Уполномоченные Россіи, съ своей стороны, старались доказать, что именно они въ XII конференціи внесли въ протоколъ послѣднее предложеніе, имѣющее цѣлію рѣшить третью статью переговоровъ, и что опять именно они, которые представили, съ тою же цѣлію новые взгляды, составившіе предметъ XIII конференціи. Они кончили свидѣтельствомъ, что употребляли всѣ средства, предлагая разные способы соглашенія. Этимъ объясненіемъ, высказаннымъ княземъ *Горчаковымъ*, заключено было засѣданіе 26-го апрѣля. Г. французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, на другой день, оставилъ Вѣну, чтобъ воротиться въ Парижъ.

Таково было послѣдствіе переговоровъ до 16-го (28-го)

апрѣля. Желая сохранить въ семъ обзорѣ простоту и равнодушіе, приличныя историческому изложенію, мы уклонились отъ обвиненій противной стороны. Достаточно было изложить дѣла, въ порядкѣ и послѣдовательности, для показанія вамъ, каковы были намѣренія Императорскаго кабинета при обсужденіи каждаго изъ предложенныхъ вопросовъ. Исчислимъ оное вкратцѣ:

Первый вопросъ касался политическаго совмѣстничества. Государь Императоръ смотрѣлъ на оный съ высшей точки зрѣнія: Онъ рѣшилъ его въ пользу княжествъ, которыхъ благосостояніе Россія обѣщала защищать. Она сдержала и съумѣетъ сдержать свое обѣщаніе.

Второй касался общихъ выгодъ коммерціи. Императоръ рѣшилъ сей вопросъ въ пользу свободы коммерціи всѣхъ націй.

Третій, не только относился къ общему равновѣсію, но сильно затрогивалъ достоинство и честь Россіи. Такъ судилъ о немъ вашъ Государь. Народное чувство всей земли русской будетъ отвѣтствовать на сіе рѣшеніе.

Въ четвертомъ, дѣло шло о свободѣ религіи, о цивилизаціи и объ общественномъ порядкѣ для всего христіанства. По сужденію Императорскаго кабинета, этотъ вопросъ долженъ быть поставленъ нѣкогда въ главѣ трактата общаго примиренія: онъ достоинъ облечія его утвержденіемъ всѣхъ государей Европы. Уполномоченные Франціи и Англіи уклонились отъ вступленія въ переговоры по сему вопросу о пользахъ религіи до рѣшенія вопроса, о судоходствѣ по Черному морю. Послѣ этого замѣчанія. намъ нечего прибавлять къ нашему изложенію.

Вы имѣете представить сіе изложеніе кабинету, при которомъ имѣете честь быть акредитованнымъ. Онъ разсудитъ, съ чьей стороны оказалось желаніе достигнуть съ прямодушіемъ возстановленія мира. Если это желаніе будетъ рѣшительно уничтожено прекращеніемъ конференцій, безпристрастное сужденіе дружественныхъ намъ державъ отдастъ, по крайней мѣрѣ, справедливость Россіи признаніемъ, что она не пощадила никакого усилія, для достиженія успѣха въ переговорахъ, которые имѣли цѣлію

исполнить чувствуемую всѣми потребность общаго примиренія.

Европа можетъ полагаться, на постоянное и твердое стараніе Его Величества, о достиженіи сей великой цѣли, когда наступитъ часъ, что Божественное Провидѣніе освѣтитъ совѣсть кабинетовъ, коихъ непримиримая злоба, не умиляемая зрѣлищемъ свѣжей могилы Августѣйшаго Монарха, призываетъ Его Величество защищать силою оружія безопасность и честь своей страны.

Примите и проч.

Нессельродъ.

Лит. А. **Записка внесенная княземъ Горчаковымъ и г. Титовымъ.**

Императорскій россійскій кабинетъ, принимая «четыре пункта» основою переговоровъ, видѣлъ ихъ истинное значеніе, и никогда не думалъ его измѣнять.

Основная мысль, господствующая при сужденіяхъ конференціи, заключается въ прекращеніи уединеннаго положенія Имперіи Оттоманской, въ присоединеніи ея къ равновѣсію Европы, ко введенію ея въ народное право образованнаго міра, наконецъ въ обезпеченіи ея существованія, въ которомъ она могла бы найти залогъ своей безопасности и дать Европѣ ручательства, противъ новыхъ столкновеній.

Для исполненія этой мысли, требовали, со стороны Россіи, существенныхъ пожертвованій. Рѣшась принести сіи пожертвованія, только бы они дѣйствительно привели къ предположенной цѣли, Россія приняла новую программу откровенно и прямодушно.

Русскіе уполномоченные не имѣютъ надобности напоминать, въ какихъ широкихъ размѣрахъ Императорскій кабинетъ недавно составилъ эту программу. Циркуляръ графа *Нессельдора* былъ здѣсь прочитанъ и, конечно, всѣ его помнятъ. Во все продолженіе конференцій, уполномоченные, въ дѣйствіяхъ своихъ, добросовѣстно соотвѣтствовали сей программѣ. Они соединили всѣ свои усилія, чтобъ

исполнить ее съ искренностію и прямодушіемъ. Сужденія, происходившія о будущемъ положеніи дунайскихъ княжествъ, равно какъ и о свободномъ судоходствѣ по сей рѣкѣ, въ томъ свидѣтельствуютъ.

Ограничиваясь отклоненіемъ отъ составляемыхъ условій всего, что могло бы напомнить опасенія и недовѣрчивость, которыя они опровергли, какъ несправедливыя и ни на чемъ не основанныя, русскіе уполномоченные, во всемъ остальномъ, безъ оговорокъ и околичностей, принимали въ уваженіе всѣ мнѣнія, имѣвшія цѣлію привести въ исполненіе новую политическую систему, которую надлежало, вполнѣ принять въ дѣлахъ востока.

Для сего, они не уклонились ни отъ какого пожертвованія, совмѣстнаго съ честью и достоинствомъ ихъ Государя и, могущаго содѣйствовать предположенной цѣли.

Должно надѣяться, что члены конференціи отдадутъ имъ справедливость, признавъ, что всѣ дѣйствія ихъ имѣли предметомъ осуществленіе общей мысли, состоящей въ утвержденіи положенія Востока такимъ образомъ, чтобъ тѣмъ было прекращено совмѣстничество великихъ державъ.

Они руководствуются этою мыслію, съ тѣмъ же самоотверженіемъ, и при рѣшеніи третьяго пункта, желая только, чтобъ для достиженія цѣлей, оставлены были въ сторонѣ предубѣжденія, и принято во вниманіе равновѣсіе Европы, заключающееся въ восточномъ вопросѣ.

Разсматривая съ сей возвышенной точки зрѣнія обязательства, проистекающія изъ третьяго пункта, легко прійдутъ къ рѣшенію, честному для всѣхъ и представляющему всѣмъ договаривающимся сторонамъ существенное поручительство.

Прежде всего должно упомянуть, что такъ называемое преобладаніе Россіи на Черномъ морѣ было послѣдствіемъ свойства и состава политическихъ отношеній, между двумя прибрежными державами. Россія пользовалась превосходствомъ, болѣе по смыслу трактатовъ, заключенныхъ ею съ Имперіею Оттоманскою, нежели по преобладанію ея морской силы. Это превосходство происходило отъ уединенности порты болѣе, нежели отъ малосилія ея на морѣ.

Это малосиліе, причиненное обстоятельствами, не зависѣвшими отъ Россіи (каковы были: возстановленіе Греціи, битва Наваринская, покореніе Франціею Алжира, старанія о пріобрѣтеніи независимости паши Египетскаго, беевъ Тунискаго и Трипольскаго, лишившія порту довольно значительной морской силы) было возбуждено не Россіею. Оно не было условлено ни въ какомъ трактатѣ, а могло прекратиться, по желанію Порты.

Топографическое положеніе Босфора, благопріятное составленію непреодолимой обороны, обладаніе крѣпостями и портами, каковы: Варна, Сизополь, Бургасъ, Трапезондъ и проч. возможность собрать всѣ свои силы, вокругъ трехъ сообщающихся между собою бассейновъ, были и суть еще теперь значительныя преимущества, которыми обладала и еще обладаетъ Порта надъ Россіею, принужденною содержать морскія силы на четырехъ моряхъ, раздѣленныхъ неизмѣримымъ пространствомъ, и не имѣющею возможности дать своему флоту въ Черномъ морѣ большаго развитія.

Если, не смотря на недовѣрчивость, которую, въ теченіе лѣтъ двадцати, старались возбуждать противъ Россіи, Порта не пользовалась сими преимуществами, не отъ того ли это происходило, что она, не видя для себя въ развитіи морскихъ силъ Россіи ни какого вреда, чувствовала вмѣсто того, что опасность станетъ угрожать ей съ другой стороны, отъ которой силы Россіи могли бы ей служить обороною.

И въ моральномъ и въ матеріальномъ отношеніи, кажется, что событія оправдываютъ это предположеніе.

Крайне обманывались въ сужденіяхъ объ опасностяхъ, которымъ русскій флагъ можетъ подвергнуть Имперію оттоманскую.

Маршалъ Мармонъ, утверждая въ сочиненіи своемъ о Южной Россіи, что Россія можетъ своимъ флотомъ, доведеннымъ, правда, до тридцати кораблей, по произволу занять Константинополь, впалъ въ двоякую ошибку: съ одной стороны, русскія морскія силы въ Черномъ морѣ никогда не могутъ увеличиться до такой степени, не соеди-

нившись съ Балтійскими, а это соединеніе невозможно: съ другой же стороны, если бъ такое исполинское развитіе морской силы и могло послѣдовать, она далеко не могла бы быть столь опасною, какъ, по видимому, предполагаютъ. Происходящее нынѣ въ Крыму служитъ, достаточнымъ тому доказательствомъ.

Дѣйствительныя событія еще болѣе противорѣчатъ этому предположенію. Возьмемъ въ примѣръ, что происходило въ 1833 году. Въ ту эпоху, русскій флотъ появился въ Босфорѣ, и произвелъ высадку, но въ какихъ условіяхъ? Съ согласія султана и для поданія ему помощи. Притомъ же, флотъ русскій, вооруживъ всѣ свои суда, не могъ перевезти въ то время болѣе десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Должно признаться, что такая сила, важная для оказанія пособія, была отнюдь недостаточна, еслибъ явилась съ враждебными замыслами.

Съ тѣхъ поръ, много говорили о развитіи русской морской силы. Не смотря на всѣ эти толки, что видимъ мы чрезъ двадцать лѣтъ послѣ того, т. е. въ 1853 году? Русскій флотъ употребилъ, около двухъ недѣль для посадки на суда, для перевоза и для высадки одной пѣхотной дивизіи, то есть, отъ пятнадцати до шестнадцати тысячъ человѣкъ изъ Севастополя въ Редутъ-Кале.

Принимая во вниманіе близость морскихъ заведеній Россіи, можемъ полагать, что русскій флотъ, въ величайшемъ своемъ развитіи, могъ бы перевезти на которую либо точку Оттоманскихъ владѣній, въ теченіе трехъ недѣль, едва ли двадцать тысячъ десантныхъ войскъ.

Велика ли эта опасность? оправдываетъ ли она, возбужденныя ею опасенія? Не отваживаются ли, при стараніяхъ избѣжать несбыточной опасности, пожертвовать ей истинными условіями безопасности востока и европейскаго равновѣсія?

Имперіи Оттоманской, неоднократно угрожали опасности съ другой стороны, а не съ сѣвера. Видѣли даже, что адмиралъ султана выдалъ его флотъ мятежному вассалу. Кто ручается, чтобъ подобные случаи не возобновились.

Притомъ же флоты англійскій и французскій, взятые

не вмѣстѣ, а отдѣльно, не уступаютъ русскому ни силою, ни опасностью. Морскія заведенія Франціи и Англіи лежатъ дальше, но и имъ оттого не труднѣе произвести нападеніе. Европа менѣе имѣетъ возможности наблюдать за движеніями флотовъ, выходящихъ изъ портовъ сихъ державъ.

Благодаря быстротѣ электрическихъ сообщеній, они могутъ, выйдя изъ Тулона и изъ Мальты въ то самое время, когда русскій флотъ будетъ выходить изъ Севастополя, прибыть на помощь Портѣ во время. Но кто ручается въ томъ, что они, со временемъ не явятся съ тою же скоростью, врознь или отдѣльно, предъ сералемъ, врагами Порты?

Скорость, съ какою французскій флотъ прибылъ въ 1853 году въ Саламинъ, свидѣтельствуетъ, что это возможно со стороны Франціи, въ матеріальномъ отношеніи. Угрозы же, употребленныя за нѣсколько времени предъ тѣмъ г. *Лаваллеттомъ*, доказываютъ и моральную возможность подобнаго случая. Что касается до Англіи, ограничимся указаніемъ на нарушеніе трактата входомъ въ проливъ въ 1849 г., подъ предлогомъ бури.

Гдѣ можно было найдти помощь, отъ такихъ покушеній, еслибъ Черное море было безоружно, или противодѣйствіе, къ удержанію отъ легкомысленнаго предпріятія ихъ?

Эти простыя замѣчанія достаточны для доказательства, что какія перемѣны ни были бы сдѣланы въ трактатѣ 1841 года, для присоединенія Имперіи Оттоманской къ европейскому равновѣсію, существованіе въ Черномъ морѣ значительной русской морской силы, не только не можетъ возбудить дѣйствительныхъ опасеній, но было бы еще однимъ изъ необходимыхъ для обезпеченія, уравновѣшеніемъ силъ, которыя могутъ встрѣтиться на водахъ Леванта, неприкосновенности трактатовъ, заключенныхъ въ пользу европейскаго равновѣсія. Не должно возражать, чтобъ это было поддержаніемъ стараго порядка вещей, и чтобъ превосходство силъ Россіи на Черномъ морѣ оттого не прекратилось.

Выше доказано было, что это превосходство проистекаетъ отъ уединенія Турціи, слѣдственно это превосходство прекратится, по вступленіи Турціи въ международное право Европы. Порта не только сохранила бы возможность, которую всегда имѣла, давать своей морской силѣ какое угодно ей развитіе, но и пріобрѣла бы моральное поручительство, противъ всякаго нападенія со стороны Россіи, которая, конечно, не отважится, для самаго невѣрнаго предпріятія, возбудить противъ себя, нарушеніемъ европейскаго общенароднаго права, общую коалицію державъ.

Впрочемъ Россія, съ своей стороны, не отказывается дать новыя обезпеченія пересмотромъ трактата 1841 года, еслибъ это было нужно Портѣ.

По трактатамъ, заключеннымъ Россіею съ Портою, Черное море никогда не признавалось закрытымъ. Напротивъ, Адріанопольскій трактатъ принесъ ту услугу, что открылъ это море для коммерческихъ судовъ всѣхъ націй безъ разбора.

И такъ, закрытіе проливовъ военному флагу не было послѣдствіемъ условій Россіи съ Портою. Оно произошло, единственно отъ стариннаго законодательства Имперіи Оттоманской.

Трактатъ 1841 года послужилъ только къ признанію и подтвержденію сего правила, принятаго султанами въ званіи владѣтелей земли, прилежащей къ обоимъ проливамъ.

Они вольны открыть проливы, какъ въ ихъ власти было держать оные закрытыми.

Доколѣ проливы оставались закрытыми, естественно, что плаваніе по Черному морю было доступно военнымъ судамъ двухъ прибрежныхъ державъ, Россіи и Турціи.

Русскіе уполномоченные первые признаютъ свободу, принадлежащую султану по праву и на дѣлѣ, открывать проходъ въ проливъ военному флагу державъ, съ которыми Порта находится въ мирѣ, но съ тѣмъ, чтобъ взаимно проходъ чрезъ проливы изъ одного моря въ другое былъ дозволенъ всѣмъ націямъ.

Подобное условіе, принятое общимъ согласіемъ въ

пользу равновѣсія Европы, можетъ служить къ прекращенію относительно малосилія, въ которомъ Порта находится въ Черномъ морѣ. Оно могло бы быть дополнено другими вспомогательными мѣрами. Въ убѣжденіи, что условія, выведенныя изъ этихъ соображеній, могутъ привести къ вожделѣнному рѣшенію вопроса и дать миру Европы новыя обезпеченія, уполномоченные Россіи считаютъ своею обязанностью обратиться къ чувствамъ, одушевляющимъ членовъ конференціи, и пригласить ихъ, вступивъ на сей благопріятный путь, обсудить составленныя въ семъ смыслѣ предложенія.

Лит. B. **Статьи предлагаемыя русскими уполномоченными.**

Статья.... Въ слѣдствіе желанія высокихъ договаривающихся дворовъ прекратить опасенія, которыя могли бы возникнуть отъ неравенства морскихъ силъ двухъ прибрежныхъ державъ Чернаго моря, е. в. султанъ, дѣйствіемъ собственной своей самодержавной воли, соглашается измѣнить правило о закрытіи проливовъ Дарданельскаго и Босфора, утвержденное трактатомъ 1-го (13-го) іюля 1841 г., и даровать отнынѣ свободный входъ чрезъ сіи проливы изъ Архипелага въ Черное море и обратно, безъ разбора военнымъ флагамъ всѣхъ націй.

Статья.... Правила прохода военныхъ судовъ чрезъ проливы и опредѣленіе мѣстъ и продолжительности якорной стоянки будутъ предметомъ особаго положенія, которое блистательная Порта составитъ по требованіямъ своей безопасности.

Статья.... Упомянутое въ предъидущей статьѣ изложеніе будетъ равносильно для военныхъ судовъ всѣхъ націй, состоящихъ въ мирѣ съ блистательною Портою, которыя, имѣя право пользоваться ими на основаніи совершеннаго равенства, обяжутся сохранять оное въ точности.

Статья.... Е. в. султанъ предоставляетъ себѣ, однако, въ случаѣ особенныхъ обстоятельствъ, сдѣлать въ правилахъ сего положенія временное исключеніе въ пользу ка-

кого-либо флага, по своему усмотрѣнію, для расширенія льготъ его на извѣстный срокъ.

Статья.... Въ томъ случаѣ, когда (отъ чего избави Богъ) блистательная Порта сама будетъ въ войнѣ или увидитъ, что безопасности ея угрожаютъ непріязненныя дѣйствія, открывшіяся между другими державами, е. в. султанъ предоставляетъ себѣ право прекращать свободный проходъ чрезъ проливы, вообще или въ частности, до минованія обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ сей мѣрѣ.

Циркуляръ.

С.-Петербургъ 26-го февраля 1855 г.

М. Г.! Депешею моею отъ 18 го февраля извѣстилъ я васъ о восшествіи на престолъ Его Величества Государя Императора Александра II.

Я имѣлъ честь препроводить къ вамъ въ то же время Высочайшій манифестъ, состоявшійся въ первый день царствованія нашего Августѣйшаго Монарха.

Въ семъ актѣ выражено глубокое убѣжденіе, съ какимъ Его Величество признаетъ важность обязанностей, предлежащихъ Ему къ исполненію.

Божеское Провидѣніе возлагаетъ на Него сіи обязанности среди строгаго опыта. Восходя на Прародительскій Престолъ, Императоръ видитъ Россію, вовлеченную въ войну. безпримѣрную въ лѣтописяхъ міра при началѣ новаго царствованія.

Августѣйшій нашъ Монархъ пріемлетъ сей опытъ съ упованіемъ на Всевышняго, съ чувствомъ спокойствія, внушаемаго Ему непоколебимою преданностью Его подданныхъ, съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ памяти возлюбленнаго Его Родителя.

Съ симъ наслѣдіемъ получаетъ Онъ, съ сыновнею любовію, двѣ обязанности, равномѣрно для Него священныя.

Первая требуетъ у Его Величества развитія всѣхъ силъ, которыя вручены Ему волею Божіею, на защиту безопасности и чести Россіи.

Вторая возлагаетъ на Его Величество попеченіе о довершеніи заключенія мира, которому Самъ Императоръ Николай положилъ уже основаніе.

Пребывая вѣрнымъ мысли, господствовавшей при последнихъ дѣйствіяхъ Августѣйшаго Его Родителя, Государь Императоръ возобновилъ полномочія и подтвердилъ инструкціи, которыя даны были уполномоченнымъ Россіи въ декабрѣ истекшаго года, при открытіи конференцій въ Вѣнѣ.

Такимъ образомъ, намѣренія Императора будутъ исполнены свято.

Они имѣли предметомъ:

Возстановить въ Россіи и въ Европѣ вожделѣнный миръ.

Утвердить свободу вѣры и благосостоянія Христіанскихъ народовъ на Востокѣ, безъ различія исповѣданія, къ которому они принадлежатъ.

Подчинить права Княжествъ общему покровительству.

Обезпечить свободное судоходство по Дунаю въ пользу торговли всѣхъ націй.

Прекратить въ Левантѣ совмѣстничество большихъ державъ, для воспрепятствованія возвращенію новыхъ столкновеній.

Наконецъ, согласиться съ ними въ разсужденіи пересмотра трактата, которымъ они признали право закрытія проливовъ Дарданельскаго и Босфорскаго, и достигнуть тѣмъ соглашенія, равно честнаго для обѣихъ сторонъ.

Примиреніе, утвержденное на сихъ основаніяхъ, прекращая бѣдствія войны, вызвало бы благословеніе всѣхъ націй новому царствованію. Но Россія глубоко чувствуетъ, и вся Европа должна признать, что надежда на возстановленіе мира оставалась бы несбыточною, еслибъ смыслъ заключаемаго договора перешелъ за справедливый предѣлъ, непреложно предписанный нашему Августѣйшему Монарху чувствомъ достоинства Его короны.

Императоръ будетъ спокойно выжидать выраженія намѣреній, которыми руководствуются въ своей политикѣ

Кабинеты, призванные, вмѣстѣ съ Россіею, къ рѣшенію сего вопроса, важнаго для всего Христіанства.

Нашъ Августѣйшій Монархъ будетъ заниматься симъ важнымъ сужденіемъ съ чувствомъ искренняго миролюбія.

Такова мысль, которую Его Величество повелѣлъ мнѣ выразить вамъ Его именемъ.

Данныя вамъ общія инструкціи указываютъ путь, который вы имѣете продолжать, относительно прямыхъ сношеній вашихъ съ правительствомъ, при которомъ вы акредитованы.

Утверждая васъ на томъ мѣстѣ, которое вы занимаете по Всемилостивѣйшему назначенію Августѣйшаго Его Родителя, Государь Императоръ изволитъ надѣяться на вашу вѣрность и усердіе къ службѣ.

Его Величеству благоугодно, чтобъ вы, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствовали своими дѣйствіями и словами, о прямодушіи, съ какимъ Россія исполняетъ основанныя на трактатахъ обязательства, о постоянномъ Его желаніи жить въ добромъ согласіи со всѣми союзными и дружественными державами, наконецъ объ уваженіи, которое Онъ питаетъ къ неприкосновенности правъ каждаго Государства, равно какъ и твердое намѣреніе поддерживать и сохранять въ уваженіи права, которыя Божеское Провидѣніе ввѣрило Императору, хранителю и блюстителю народной чести Своего Отечества.

Вы имѣете довести сей циркуляръ до свѣдѣнія Двора, при которомъ имѣли честь представлять Императора Николая блаженной и вселюбезнѣйшей памяти.

Нессельродъ.

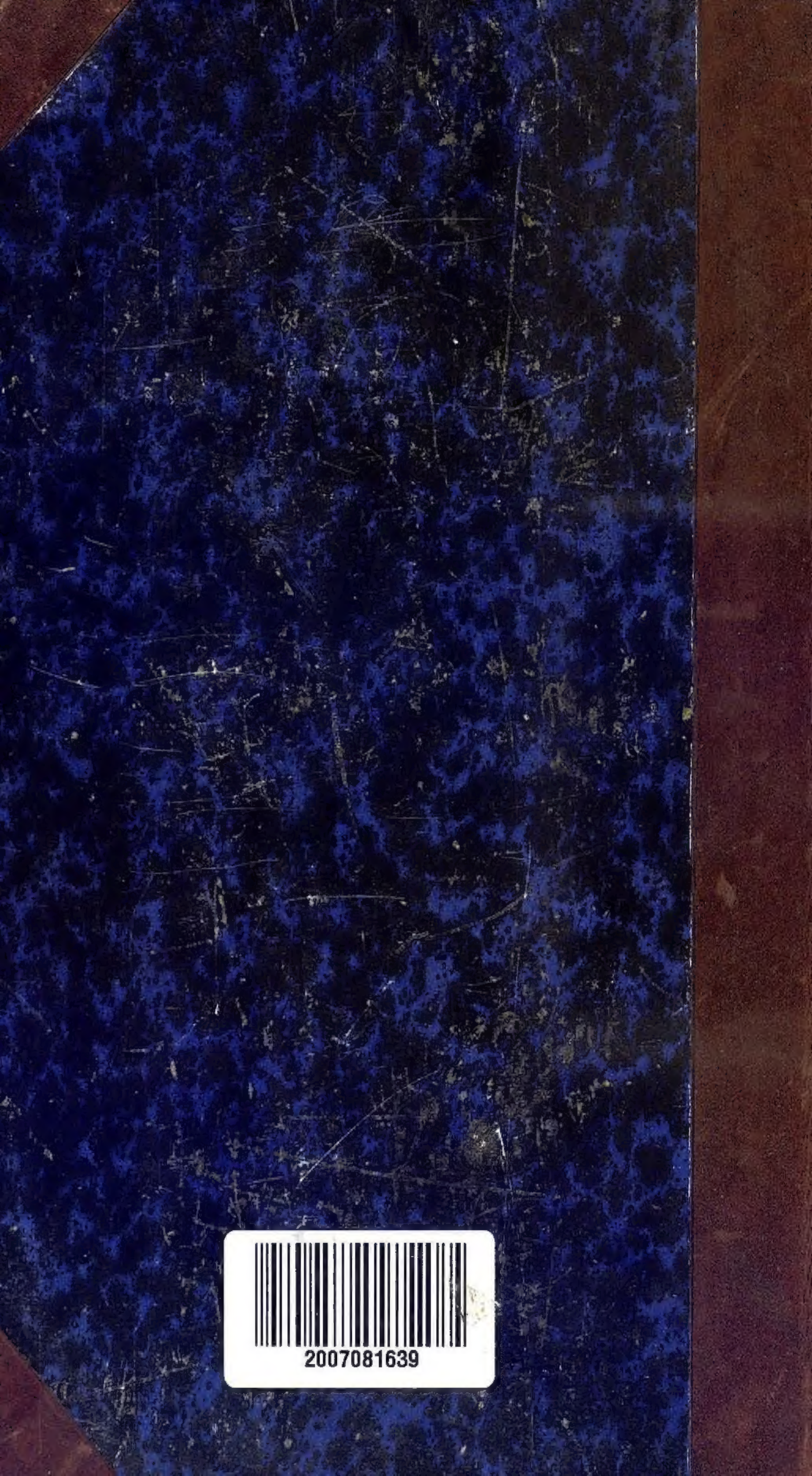
АЛФАВИТЪ ИМЕНЪ СОБСТВЕННЫХЪ.

АЛФАВИТЪ СУХОПУТНЫХЪ ВОЙСКЪ И ФЛОТА.

АЛФАВИТЪ СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ УКРѢПЛЕНІЙ.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.* сверху	*Напечатано:*	*Должно быть:*
35	25	Пенефазеръ	Пенефетеръ.
102	15	Парсеваль-Дешенъ	Персеваль-Дюшенъ
128	35	1874 г.	1854 г.
166	31	Московскій Сборн.	Морской Сборн.
179	12	французовъ	французовъ
214	33	назначеніи	назначенія
252	15	непремѣнной	непремѣнно
256	4	Кадыкайскихъ	Кадыкіойскихъ
343	1	въ боку	съ боку
346	3	1854 года	1855 года
347	2	1854 года	1855 года


2007081639